ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ
ВУДХАУЗ

Annotation

В этом томе собраны произведения П. Г. Вудхауза, герой которых — лорд Икенхем — дядя «Динамит» несет своим молодым друзьям «сладость и свет», находя выход из самых безвыходных ситуаций.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 7. Дядя Динамит и другие

Пеликан в Бландинге

Глава первая

1

Летний день подходил к концу, сумерки окутали замок, скрывая старинные башни, смягчая сверкание озера и побуждая свинью Императрицу перейти из собственного дворика в спальный павильон. Она была поборницей правила: «Рано вставай, рано ложись». Если свинья не спит восемь часов в сутки, ей не сохранить своего нежнейшего цвета.

Лишившись ее общества, Кларенс, девятый граф Эмсвортский, хозяин Бландингского замка, тихо побрел в библиотеку и опустился в свое любимое кресло, когда вошел дворецкий по фамилии Бидж. Граф посмотрел на него именно тем взглядом, благодаря которому Констанс, Дора, Джорджиана, Гермиона и Шарлотта, его сестры, говорили: «Ой, Господи! Не смотри ты, как золотая рыбка».

— Э? — сказал он. — Что это?

— Ваш обед, милорд, — отвечал дворецкий.

Лорд Эмсворт успокоился. Собственно, он как бы и знал, что есть какое-нибудь простое объяснение. Бидж не подведет.

— А, да, да! Обед, — сказал он. — Вот именно. Я в это время обедаю, да? И почему-то здесь… Почему я здесь обедаю, Бидж?

— Насколько я понял, — объяснил верный слуга, — ваша милость избегает встреч с мистером Чесни.

— С каким мистером?

— С Говардом Чесни, милорд, другом мистера Фредерика. Он из Америки.

Морщинки, собравшиеся было на лбу несчастного графа, мгновенно исчезли. Бидж, умнейший из людей, снова разогнал туман тайны.

— А, да, Говард! Хм… Чесни. Именно, Говард Чесни. Друг из Америки. А вы, часом, не знаете, его кормят?

— Да, милорд.

— Нехорошо, чтобы он голодал.

— Конечно, милорд.

— И сейчас он обедает?

— Мистер Чесни уехал в Лондон, милорд. Обещал вернуться завтра.

— Вон как… Наверное, обедает там. Где-нибудь в ресторане.

— По всей вероятности, милорд.

— Последний раз я обедал в ресторане с мистером Галахадом. Где-то у Лестер-сквер. Мистер Галахад сказал, что любит этот ресторан, потому что его оттуда выгнали. В молодости, не сейчас. Какой приятный запах!.. Что у нас на обед?

— Баранина с картошкой, милорд…

Лорд Эмсворт очень обрадовался. «Совсем другое дело», — думал он. При леди Констанс к обеду приходилось одеваться, и всегда были гости, какие-то жуткие, и блюда жуткие, и скандалы, если ты ненароком проглотишь запонку и заменишь ее медной держалкой для бумаг.

— … и шпинатом, — прибавил скрупулезный Бидж.

— Славно, славно!.. А потом?

— Пудинг, милорд. Роли-поли пудинг.[1]

— С джемом?

— Да, милорд. Я особо напомнил миссис Уиллоуби…

— Кто это?

— Кухарка, милорд.

— Я думал, она Перкинс.

— Нет, милорд, Уиллоуби. Я ей напомнил, чтобы она ни в коем случае не жалела джема.

— Спасибо, Бидж. А вы любите этот пудинг?

— Да, милорд.

— С джемом?

— Да, милорд.

— Это очень важно. Как его иначе съешь? Значит, когда я позвоню, вы его принесете, хорошо?

— Прекрасно, милорд.

Оставшись один, лорд Эмсворт съел баранину, размышляя о том, насколько стало лучше, когда сестра его, Констанс, вышла замуж и уехала в Нью-Йорк. Мало того — Провидение, неуклонно пекущееся о достойных, устранило и остальных сестер.[2] Гермиону он обидел, и она с ним не разговаривала. Джорджиана, Джулия и Дора предпочитали замку французские или испанские курорты. Словом, опасность была так мала, а радость — так велика, что если бы кухарка поскупилась на джем, граф бы этого не заметил. Его младший брат сказал когда-то, что иметь сестер — непредусмотрительно и опасно; однако сестры в отдалении — это еще ничего.

Доев и пудинг, и джем, лорд Эмсворт понес чашку кофе к самым

полкам, где стояло его любимое кресло. Оттуда легко было дотянуться до книг о свиньях, в которых он черпал отдохновение уму. Выбрав одну и в нее погрузившись, хозяин Бландингского замка читал до той поры, пока не услышал за окном что-то вроде шороха шин и не всполошился. С отъездом леди Констанс гостей почти не бывало, но он знал, что где-то они притаились и ждут своего часа. Когда вошел Бидж, он спросил:

— Это автомобиль?

— Да, милорд.

— Если ко мне, скажите, что я сплю.

— Это миледи, милорд.

— А? Что? Какая миледи?

— Леди Констанс, милорд.

Один страшный миг лорд Эмсворт думал, что Бидж сказал: «Леди Констанс». В следующий миг он понял, что так оно и есть. За долгие годы дружбы (да, они были скорее друзьями) Бидж не выказывал расположения к шуткам. Собственно говоря, взгляд у него был серьезный — такой самый взгляд, какой бывает, когда лишь социальное неравенство мешает погладить собеседника по голове и напомнить ему, что испытания укрепляют дух.

— Где она? — спросил лорд Эмсворт.

— В янтарной комнате, милорд. С ней гостья, мисс Полт. Судя по выговору, из Америки.

Книга о свиньях давно упала на пол, пенсне — на грудь. Лорд Эмсворт покачал его на шнурочке.

— Наверное, мне надо туда пойти, — глухо сказал он и побрел к двери.

Бидж иногда читал исторические романы, хотя больше любил Агату Кристи, и вспомнил, как аристократы шли на свой эшафот.

2

Сестра несчастного графа и впрямь была в янтарной комнате. Она пила шерри. Кроме Гермионы, похожей на кухарку, все сестры походили на греческих богинь в плохом настроении, но леди Констанс держалась высокомерней всех. Каждый, увидев ее, понял бы, что перед ним — дочь лордов, точно так же, как, увидев ее брата Кларенса, каждый понял бы, что перед ним — сын и внук бесприютных бродяг. В данный момент на нем были чиненые брюки, мятая рубашка, охотничья куртка с рваными

локтями и шлепанцы. Кроме того, он обрел тот запуганный вид, который бывал у него при суровой леди Констанс. Она подавляла его с детства, как подавляла бы Наполеона или, скажем, Аттилу.

— Вот и ты, — сказала она и добавила взглядом все, что думала о его костюме. — Я хочу тебя познакомить с Ванессой Полт. Мы подружились на корабле. Это мой брат, Ванесса. — Голос ее стал немного виноватым. Он всегда бывал таким, когда она представляла графа гостям, словно бы говоря: «Простите, я не причем».

Посмотрев на Ванессу Полт, каждый мог понять, что с ней не захочешь, а подружишься даже без корабля. Леди Констанс глядела на лорда Эмсворта, как богиня, обнаружившая в салате червяка, а гостья улыбалась, словно всю жизнь ждала этой встречи. Лорд повеселел. Он понял, что обрел друга. Это понимал всякий, кому она улыбалась.

— Как поживаете? — сердечно осведомился он и тут же вспомнил очень хорошую фразу: — Добро пожаловать в наш замок. — А потом прибавил от себя: — Я вам покажу мою свинью.

Обычно он этого не обещал, зная по опыту, что женщины не могут понять Императрицу, но Ванесса Полт, сразу видно, была совсем иной. И впрямь, она спросила:

— У вас особенная свинья?

А лорд Эмсворт гордо ответил:

— Моя Императрица три года подряд получает первый приз на сельскохозяйственной выставке.

Гостья была поражена.

— Вы шутите!

— Могу показать медали.

— Чему же она обязана таким успехом?

— Мы ее очень хорошо кормим.

— Так я и думала!

— Некоторые, — великодушно сказал лорд Эмсворт, — тоже чего-то добиваются, но я верю только Вольфу-Леману. По его рациону свинье нужно съесть до пятидесяти семи тысяч калорий в день. Белков — четыре фунта пять унций, углеводов — двадцать пять фунтов. Содержится это в овсянке, маисовой каше, картошке и сепарированном молоке. Иногда, по вдохновению, я ей даю банан…

Леди Констанс неприятно закашлялась. Лорд Эмсворт умолк. Он был не очень умен, но тут понял, что она недовольна, и кротко, хотя и печально, переменил тему.

— Знаешь, Конни, — со всей возможной приветливостью заметил

он, — я просто удивился, что ты приехала. Удивился. Да, да…

— Не вижу, чему удивляться, — ответила леди. — Я тебе все написала.

Лорду Эмсворту показалось, что его шлепнули по лицу мокрой рыбой. Письмо он видел, оно лежало у него на столе уже две недели. Правда, он его не распечатал. Теперь, без приставучего секретаря, он редко читал письма, если они были не из свиноводческих обществ Шропшира, Хертфордшира и Южного Уэлса.

— О, а, э, — сказал он. — Конечно, конечно.

— Чтобы освежить твою память, — сказала сестра, — напомню, что я собираюсь пробыть здесь до осени…

Так умерла слабая надежда, что она едет на курорт к Доре, Шарлотте или Джулии.

— А скоро приедет Джеймс. Он задержался, у него в Нью-Йорке дела.

Лорд Эмсворт спросил бы: «Кто такой Джеймс?», если бы леди Констанс не спросила:

— Чья это шляпа?

— Шляпа? — не понял он. — Ты хочешь сказать, шляпа?

— В холле какая-то шляпа, — пояснила она. — Хорошая, не твоя. Здесь кто-то гостит?

— Да, да, да, — оживился граф. — Такой человек… Как же его фамилия? Гуч? Купер? Финсбери? Бейтмен? Мериуэзер? Он — от Фредерика, у него много шляп.

— А! — сказала леди Констанс. — Я уж подумала, это Аларих. Один мой друг, — объяснила она гостье, — герцог Данстаблский. Еще шерри, Ванесса? Нет? Тогда я покажу вам вашу комнату. Она у самой портретной галереи. Как устроитесь, непременно посмотрим. Осторожней идите по лестнице, полированный дуб — очень скользкий.

3

Граф вернулся в библиотеку. С письмом обошлось, думал он, а вот насчет герцога — как бы не накликать! Рок, приведший леди Констанс, может, законченности ради, привести и его.

По какой-то неясной причине они очень дружат, вернее, сестра его любит дружеской любовью. К герцогам многие чувствуют любовь, но не к такому же! Во всяком случае, лорд Эмсворт его не любил. Данстабл был властен, склочен и нагл. Его противный голос, глаза навыкате и моржовые

усы неизменно огорчали графа. Младший брат Галахад, человек красноречивый, называл друга семьи не иначе как «Этот змий», и наследник титула с ним соглашался. Теперь, сидя в кресле с книгой о свиньях, он, впервые за всю свою жизнь, не мог ее читать. Может быть, уединение и успокоило бы его, если б он не увидел, что в дверях стоит леди Констанс. Книга упала на пол.

— Ну, знаешь! — сказала сестра.

Галахад ответил бы на его месте: «Ничего не знаю», но тот — человек великий…

— Штаны! Шлепанцы! Куртка! Что о тебе подумала Ванесса? Наверное, хотела спросить, откуда здесь бродяга…

Иногда лорду Эмсворту удавалось отвлечь ее, предложив другие темы.

— Полт, — сказал он, — странная фамилия, а? Помню, у тебя на свадьбе тоже были разные фамилии. Нептун, Стотелмейер… А у Фредди в его корме есть Брим Рокметеллер. Занятно…

— Кларенс!

— Конечно, фамилии есть и у нас. Вчера я читал Книгу пэров и нашел там лорда Оррери-и-Корка. Казалось бы, спроси: «Как поживаете, лорд Оррери?», но что как он скажет: «А где Корк?»

— Кларенс!

— Кстати, этот Нептун был в фирме, которая делает чипсы, такие завитушки, которые подают к пиву. Я его встретил в гостях, и он сказал, что его фирма сделала те самые чипсы, которые мы ели. Я сказал: «Тесен мир», а он сказал: «Еще как тесен!», и потом сказал, что делать чипсы очень выгодно, потому что просто нельзя съесть один чипе. Он хотел сказать, если съешь один чипе, остановиться очень трудно, и ты ешь второй, третий, чет…

— Кларенс, — сказала сестра, — прекрати!

Он прекратил, и они помолчали, потому что леди Констанс никак не могла выбрать самые сокрушительные слова. И тут зазвонил телефон. Если бы граф был один, он бы не ответил, потому что смотрел на телефоны так же, как на письма; но леди Констанс, в конце концов, — женщина, не дошла до таких высот. Она побежала к неприятному аппарату, а он предался мыслям о чипсах и фамилиях. Но и тут ему помешали, причем — одним-единственным словом, и слово это было: «Аларих».

Похолодев от лысины до шлепанцев, он стал ждать худшего и дождался.

Минут через пять леди Констанс сказала:

— Это Аларих. У них был пожар, он приедет сюда. С племянницей.

Пойду, все приготовлю. Он хочет, чтобы выход был в сад.

Она ушла, он поник в кресле, как добрый старик из мелодрамы, которого лишили права выкупить имущество. Он даже не ощущал тихой радости, обычно посещавшей его, когда уходила какая-нибудь из сестер. Мысль о том, что Бландингский замок кишит сестрами, герцогами, да еще и племянницами, сплющила его, как камбалу, которую он ел утром. Наверное, думал он, племянница — из этих бойких, важных девиц… Несколько минут он сидел недвижимо, но мозг его работал с той быстротой, какая бывает в минуты опасности. Наконец, он понял, что сам не справится. Нужен союзник; и на свете есть только один человек, который может сделать все, как надо. Он пошел к телефону, позвонил в Лондон, и через нестерпимо долгое время веселый голос младшего брата произнес:

— Алло!

— Галахад, — заблеял лорд Эмсворт, — Галахад, это я, Кларенс. Случилось самое страшное. Конни приехала.

Глава вторая

1

Примерно тогда же, когда леди Констанс поднималась в библиотеку, чтобы встретиться со старшим братом и сообщить ему свое мнение о его внешнем виде, небольшой человек с моноклем в черной оправе отпустил кэб, который привез его с Пиккадилли к Беркли-мэншенз, и взобрался на четвертый этаж. Он отобедал с друзьями и, входя в квартиру, мурлыкал мюзик-холльную песенку своей молодости.

Тогда, лет тридцать назад, Галахад Трипвуд не вернулся бы домой так рано, поскольку в клубе «Пеликан» считали дурным тоном расходиться до утра. Именно этому он был обязан своим несокрушимым здоровьем.

«Просто не понимаю, — сказала как-то одна из его племянниц, — как можно так сохраниться при такой жизни. Люди умеренные мрут и мрут, а наш Галли вообще не ложился лет до пятидесяти — а смотрите, какой свежий!»

Но человек все же утихает с годами, и он любил иногда посидеть вечерком дома. Клуб «Пеликан» давно скончался, унеся с собой страсть к ночной жизни.

Галахад отпер дверь, прошел в гостиную и с удивлением увидел, что его ждут. Раньше, в молодости, он бы расстроился, ибо нежданный гость непременно оказывался кредитором или судебным исполнителем. Сейчас это было не так.

— Здравствуй, Джонни, — сказал он. — Я было подумал, что у меня завелось привидение. Как ты вошел?

— Швейцар открыл своим ключом.

Галли слегка нахмурился. Конечно, теперь, когда он так респектабелен, вреда в этом нет, но принцип — это принцип. Швейцары не должны впускать гостей, это подрывает самые основы общества. С болью вспомнил он, как хозяйка впустила много лет назад букмекера по имени Честный Джерри, у которого он еще раньше позаимствовал десять фунтов.

— Я ему сказал, что вы — мой крестный, — объяснил гость.

— Так… И все же… Нет, ничего. Очень тебе рад.

Сыновья покойных пеликанов почти поголовно приходились ему крестниками. Джонни Халлидей был сыном Дж. Д. (т. н. Палки) Халлидея,

одного из тех, кто не вынес клубной жизни. Дожил он до сорока с небольшим, друзья и этому удивлялись.

Рассматривая Джонни в монокль, Галахад удивлялся, как всегда, до чего же он не похож на покойного Палку. Тот, при всех своих несравненных достоинствах, напоминал человека, который, серьезно поужинав, заснул одетым и с утра не побрился; этот блистал аккуратностью. Всякий признал бы в нем молодого адвоката, в свободное время занимающегося спортом; признал — и не ошибся бы. В гольф он играл прекрасно, в теннис — еще лучше, в суде служил пять лет.

Сейчас он шагал по комнате. Проходя мимо окна, он вздохнул и заметил:

— Какой прекрасный вечер!

Галли казалось, что вечер — самый обычный, какие всегда бывают летом в Лондоне. Дождя, конечно, нет — и на том спасибо. Поэтому он сказал:

— Ничего особенного.

— А луна!

— Какая луна? Это фонарь углового кафе.

— Все равно, очень красиво.

Тут Галли заметил, что крестник странно побулькивает, словно кофеварка, которая вот-вот закипит. В прежнее время он, не раздумывая, приписал бы это обеденным возлияниям, но Джон совершенно не пил, как и подобает молодому адвокату.

— Что это с тобой? — спросил Галли. — Выиграл, что ли?

— Еще как! — отвечал крестник.

— Сколько?

— Тысячу к одному.

— Что ты порешь?

— Галли, я женюсь!

— Что?!

— Да, готовьте подарки. Скоро свадьба.

Старый холостяк должен бы поджать губы и покачать головой; но Галли был человек чувствительный, как ни отрицали это сестры его Констанс, Шарлотта, Джулия, Дора и Гермиона. Когда-то и он любил. Долли Хендерсон пела в Тиволи именно ту песню, которую он недавно мурлыкал.

Ничего не вышло, викторианский отец отправил его в Африку, Долли вышла замуж за капитана по фамилии Коттерли, больше он ее не видел — но помнил, а потому сочувствовал влюбленным.

— Очень хорошо, — сказал он. — Расскажи как следует. Когда это случилось?

— Сегодня. Вот сейчас.

— Кто она?

— Ее зовут Линда Гилпин. Галли нахмурился.

— Гилпин… Я знаю такого Рикки Гилпина. Племянник Данстабла. Они в родстве?

— Брат и сестра.

— Значит, она тоже племянница?

— Да.

— Ты видел герцога?

— Нет. Скоро увижу. Какой он?

— Противный.

— Неужели?

— Хуже некуда. Я его знаю очень давно. Хотел вступить в «Пеликан», но куда ему! Цилиндр чуть не лопнул от черных шаров. Штук двадцать положил твой папаша. Мы гадов не принимали.

— А что с ним такое?

— Не спрашивай. Я не психиатр.

— Чем он плох? Что он делает?

— Ничего особенного. Деньги любит. Женился на девушке, которая купалась в золоте, — ее отец был из этих, с Севера, фабрика всяких чашек. Оставила ему состояние. Потом он унаследовал титул, землю, то-се, так что денег у него хватает. Но ему все мало. Если надо пробежать милю в тесных ботинках, чтобы выручить два пенса, он тут как тут. Не понимаю, что такое видят в этих деньгах!..

— Ну, без них трудно.

— Но, если они есть, зачем суетиться? Не выношу я Данстабла. Ты подумай, Джонни.

Крестник напомнил, что женится не на герцоге, а на его племяннице, и Галли согласился, что смысл в этом есть, но все ж неприятно до конца жизни называть такого гада дядей Аларихом. Джон ответил, что любовь поможет ему.

— Да мы и не будем видеться.

— Не скажи. А на свадьбе?

— Я впаду в транс.

— Это верно. Помню, твой отец побелел, как известь, и очень дрожал. Если бы я, по долгу шафера, не держал его за фалды, он бы убежал не хуже кролика.

— Дрожать я буду, но не убегу.
— Надеюсь, а то все расстроятся. Какая же эта Линда?
— Не искушайте меня, я не остановлюсь!
— Красивая?
— Правильно.
— Высокая? Маленькая?
— Такая, как надо.
— Стройная?
— Еще бы!
— Глаза?
— Голубые.
— Волосы?
— Каштановые. Такие рыжеватые. Бронзовые.
— Конкретней.
— Ну, каштановые!
— Не сердись. Мне же интересно. Я тебя знал вот таким.
— Качали на колене, а?
— Ни за что на свете! Ты был отвратительным ребенком. Вроде яйца всмятку. Да, вижу, она ничего… Крестный тебя благословляет, если это нужно. Куда вы поедете после свадьбы?
— На Ямайку.
— Дороговато.
— Да, говорят.
— Вообще, как у тебя с деньгами? Дела вроде бы хороши, но на семью хватит?
— Все в порядке. Вы знаете галерею Бендера?
— В каком смысле «галерею»?
— Картинную.
— В жизни не слыхал.
— На Бонд-стрит. Небольшая, но в самом лучшем стиле. Я теперь — партнер Джо Бендера. Делать ничего не надо, просто я вложил деньги, тетя оставила.
— Все?
— Почти все.
— Не прогадал?
— Нет. Джо — деловой человек. Роговые очки, то-се. Разбогатеем.
— Это кто говорит?
— Гадалки. Джо затеял большое дело. Вы слышали о Робишо?
— Нет.

— Такой француз. Из барбизонцев.[3]

— И что же?

— Идет в гору. Так всегда с этими французами. Джо говорит, при жизни еле крутятся, а потом — слава и слава. Когда-то Ренуара продавали по пять франков, а посмотрите сейчас! Чтобы его купить, надо продать фамильные бриллианты. Вот так и Робишо. Года два назад его бы даром не взяли, а сейчас начинается бум. Джо продал вчера его картину за такие деньги!

— Дураков много. А кто ее купил?

— Вы не поверите. Мой будущий дядя. Галли недоверчиво фыркнул.

— Герцог?

— Да.

— Не верю.

— Почему?

— Он картин не покупает. Открытка с видом — это еще туда-сюда.

— Наверное, принял за открытку. Во всяком случае, купил.

— Странно. Напился?

— Вроде нет. Я спрошу.

— Не стоит. Ты говоришь, бум?

— Цена поднимается. Галли покачал головой.

— Все равно не понимаю. Про другого я бы подумал, что это — спекуляция, но твой дядя Аларих деньгами не рискует. Нет, напился. Кто же это? — спросил Галли, услышав телефонный звонок, и вышел в переднюю, оставив Джона с мыслями о прекрасной Линде.

Ухаживал он за ней долго и осторожно, объяснился — внезапно, в такси, отвозя домой из гостей, и счастье его омрачалось тем, что они толком не поговорили.

Сейчас он думал о том, насколько Линда выше тех жалких девиц, в которых он считал себя влюбленным, и благодарил ангела-хранителя за хорошую работу. Тут Галли вернулся.

— Какое совпадение! — сказал он. — Это мой брат Кларенс, он тоже говорил про Данстабла. В замке Бог знает что творится. Моя сестра Конни привезла из Америки подругу, для Кларенса этого бы хватило, а тут еще герцог с племянницей. Приезжают послезавтра. С племянницей… это не твоя Линда?

Джон очень удивился.

— Линда ничего не говорила.

— Когда?

— В такси.

— Не знала, наверное. Он ей потом сказал.

— Мы собирались пойти в кафе часа в два.

— Раньше не увидитесь?

— Я занят в суде. Кто-то на кого-то наехал.

— Что ж, значит, в кафе не пойдете. Я тоже собираюсь в замок. Как-никак, брат зовет на помощь.

Глава третья

1

Чтобы доехать до Маркет Бландинга, откуда добираются к Бландингскому замку, надо прибыть на Паддингтонский вокзал — и в одиннадцать двенадцать следующего дня Галли курил у входа в купе, удовлетворенно оглядывая любимый перрон.

Любил он его за утонченную тишину, столь отличную от суматохи вокзала Ватерлоо. Здесь, словно в соборе, царил мир. Поезда пыхтели сдержанно; носильщики поспешали куда-то с учтивостью второстепенных министров; сторожа, если свистели, то почти неслышно; и даже какой-нибудь коккер-спаниель, возвращающийся в Вустершир или Шропшир, откладывал лай до дома, чувствуя, что здесь это — дурной тон.

Однако вскоре оказалось, что змеи проникают и в этот изысканный рай. Один из них, с моржовыми усами и большим пакетом, шел по перрону, отгоняя, как мух, мужчин с таксами и женщин в английских костюмах. Завидев его, Галли юркнул в купе и прикрылся журналом.

Но тщетно. Никто еще не сумел избежать Алариха, герцога Данстаблского.

— Так и думал, что это ты, — сказал герцог. — Года два не виделись.

— Какие годы!

— Э?

— Я хотел сказать, как я рад тебя видеть!

— А!

— Кларенс говорил, у тебя пожар.

— Да. Провода загорелись.

— И ты едешь в Бландинг.

— Не выношу Лондон.

— Конни приютила бездомного?

— Э?

— Пригласила тебя в замок? Герцог засопел, он обиделся.

— Что ты говоришь! Я позвонил и сказал, что приеду.

— Вон что!

— Странно, что она там. Я думал, ответит Эмсворт. Почему она приехала, не знаешь?

— Понятия не имею.

— Прихоть. У женщин так всегда. Ну, через неделю передумает. А ты зачем едешь?

— Кларенс зовет.

— Зачем?

— Не знаю. Может, прихоть?

— Очень возможно. Он еще помешан на этой свинье?

— Он к ней привязан.

— Слишком жирная.

— Ему нравится.

— Он ничего не понимает. Душевнобольной. Хуже Конни. Все рехнулись. Вот Конни, вышла замуж за человека, который похож на испанский лук. Мои племянники женились черт-те знает на ком. А племянница? Пришла вчера домой, поет, хихикает. Сегодня ей надо быть в суде, свидетелем, она позже поедет. Ты разбираешься в картинах?

— Не слишком. Говорят, ты одну купил.

— Кто говорит?

— Верный человек.

— Что ж, он прав. Называется ню, сам знаешь. Такая голая баба на зеленом берегу. Француз нарисовал.

— Надеюсь, тебе сказали, что он — мастер, обмакивавший кисть в бессмертие?

— Э?

— Ладно, замнем. Так всегда говорят со случайными покупателями.

Усы взметнулись, герцог обиделся.

— Случайными? Ну, знаешь! Сказать тебе, почему я это купил?

— Давай.

— Ты знаком с таким Траутом?

— Нет. А что?

— Американец. Уилбур Дж. Траур. Как у них говорится, хлыщ. Встретились в клубе, разговорились, и он сказал, что очень любит жену. Слабоумный.

— А что такого?

— Ну, будет здоровый человек это говорить?

— Будет, тебе. Кто перед тобой устоит?

— Это верно. Так вот, любит жену. Третью. Или четвертую?.. Неважно. Они недавно развелись, а он ее любит. Плакал в коктейль, можешь себе представить! Здоровый тип, а плачет. Когда-то играл в футбол за Гарвард или там Йейл, все его знали. Рыжий такой, нос — на

сторону, это от футбола или жена двинула. Миллионер. Это — от отца, тот ворочал чем-то в Калифорнии.

Галли беспокойно ерзал. Он вообще лучше рассказывал, чем слушал, а сейчас не понимал, к чему все эти сведения.

— Видишь ли, — сказал он, — я не пишу биографию Уилбура Траута. При чем тут твоя ню?

— При том. Что я говорил?

— Что он любит жену.

— Вот именно. А эта картина — вылитая жена. Он увидел ее в витрине и хотел купить, сколько бы она ни стоила. Я подумал: «Ага!»

— Почему?

— Потому что тут можно поживиться. Побежал в эту галерею и купил. Содрали — ужас! Одно слово, мерзавцы. Ну, ничего, я с него вдвое запрошу.

— Ты как бы вложил деньги?

— Вот именно. Случайный покупатель, ха! Хочешь посмотреть? А вообще-то незачем. Еще развязывать… Я и так устал. Не спал всю ночь из-за этой племянницы. Хихикает! Что-то тут неладно.

2

Поезд не утомлял Галахада, но он с удовольствием разбудил герцога и сказал, что они подъезжают к Маркет Бландингу.

На перроне ждал Кларенс, а с ним — Конни. Улыбка, обращенная к герцогу, мгновенно исчезла, когда она увидела, кто вышел следом за ним. К Галахаду она была строга. Как бы ни ценили его там, где он вращался, для нее и для ее сестер он был пятном на гербе. Долго боялась она, что он издаст мемуары, и хотя опасность миновала, увидев его, она вздрагивала. Все не нравилось ей — и сам он, и манеры, и монокль. Иногда ей казалось, что монокль — хуже всего.

Кларенс, напротив, очень ему обрадовался и сказал, когда герцог с Конни пошли присмотреть за багажом:

— Спасибо, что сразу приехал. Я уж боялся… У тебя столько дел.

— Кларенс, ну что ты! Какие дела, если ты зовешь на помощь? Даже сильный человек пошатнется, когда выскочит Конни, как чертик из коробочки.

— Да, да!

— А герцог! Но мы справимся и с ним. Как эта американка?

— Очень приятная.
— И на том спасибо.
— Любит свиней, сразу видно. Я ей рассказывал, что ест Императрица…
— Как ее зовут?
— Не помню.
— Ничего, узнаем. А кого это Фредди прислал?
— Не помню.
— Кому-кому, Кларенс, а тебе не надо уходить в Иностранный легион. Туда уходят, чтобы забыть. Ну, какой он? Приятный?
— Нет. Хотел мне продать какие-то акции. Наверное, так надо, он же делец, но мне они зачем? Отказывать — нехорошо, и я сказал Биджу, что буду есть в библиотеке. Бидж говорит, вчера он уехал в Лондон.
— Может вернуться.
— Да, я тоже боюсь.
— Наверное, это он и есть. Нет, не там, левее.
— Ты прав, это мистер кх… ых…
— Назовем его Икс.
Говард Чесни был невысок, но весьма изящен. Все сверкало совершенством — костюм, трость, шляпа, только глаза находились слишком близко друг к другу.
Зная, как нелегко его брату знакомить людей, Галли взял все в свои руки.
— Здравствуйте, — сказал он. — Я брат лорда Эмсворта, Трипвуд. А вы — друг моего племянника Фредди. Как он там?
— О, прекрасно!
— Продает этот корм?
— О, конечно!
— Очень хорошо. Хвалю. Мой брат говорит, вы тут с ним веселитесь.
Говард Чесни выбрал бы другое слово, но стерпел и заметил, что ему очень нравится замок. Нравился ему и шропширский ландшафт. Вчера он шел до станции пешком, сегодня пойдет обратно.
— Это хорошо, — одобрил Галли. — А то мы с Кларенсом, сестра, герцог… Вот тот солидный господин — герцог Данстаблский, а тут — сестра, леди Констанс. Так вот, в машину мы все не влезем. Герцог солиден, повторю, а Кларенс — вроде осьминога. Куда приятней брести, как цыган, распевая песни!
Говард Чесни удалился, а Галли продолжал:
— Ах, Кларенс, как ты прав, что не купил эти акции! Дело в том, что у

него глаза рядом. Это бывает, но если есть на свете жулики — а уж я их навидался! — он из них. Где его только Фредди выкопал?

3

А в Бландингском замке, в своей комнате, Бидж пил предвечерний портвейн, являя картину покоя и безмятежности.

Она была обманчива. Мы не скажем, что грудь его терзали хищные птицы, но покой от него ушел. Чуткая душа не выносила атмосферы, воцарившейся вокруг. Бидж заметил, как расстроила его лорда весть о приезде сестры, и он предвидел тяжкую пору. Вот если бы, думал он, здесь был мистер Галахад, он бы все уладил; и тут вошел Галахад.

Мы опять же не скажем, что Бидж подпрыгнул, он был слишком весом; но он вылез из кресла, словно гиппопотам, выходящий на берег. Чувствовал он точно то же самое, что чувствует осажденный гарнизон, когда прибывает морская пехота.

— Бидж, — сказал Галахад, — перед вами олень, стремящийся на источники вод.[4]

— Я скоро понесу в гостиную чай, мистер Галахад.

— Что мне чай! Портвейн, и ничего другого. И в гостиную я не пойду. Я сюда и пришел, чтобы обсудить этих подонков.

Вынимая второй бокал, Бидж поджал губы: гостей обсуждать не положено. Однако глаза у него блестели. Он был не только дворецким, но и человеком.

— Начнем с Чесни, — предложил Галли.

— Я не привык к таким людям, сэр, — ответил суровый Бидж.

— А уж вы много чего видели!

— Несомненно, сэр.

— Помните, один ел рыбу с вареньем?

— Как сейчас, сэр.

— А другой подливал воды в вино…

— Пожалуйста, сэр, не надо! Я бы хотел о нем забыть.

— С Чесни я не обедал, но уверен, что он даст им сто очков вперед. Явный жулик.

— Вы так считаете, сэр?

— Еще бы! За милю видно.

— Странно, что они дружат с мистером Фредериком.

— Вряд ли. Так, знакомы. Фредди всякому даст письмо.

— Но…

— Почему я думаю, что он жулик? Всучивал Кларенсу акции. Вы скажете, так поступает и Рокфеллер, но все равно, с этим Чесни лучше дела не иметь.

— Хорошо, сэр.

— Теперь возьмем герцога. Ну, тут дальше некуда! Слова эти ласкали слух, но полагалось хоть как-то возразить.

— Не мне, сэр, судить о тех, кого приглашает его милость…

— Ладно, носите личину, но вы же знаете, что у него нет ни единой черты, отличающей человека от зверя. Полный гад.

— Сэр?

— Смотрите, что он делает с несчастным Траутом!

— Я не совсем понимаю вас, мистер Галахад.

— Потому что не слышали его рассказа. Невинный американец по имени Уилбур Траут часто женится. Это бывает. Возьмем царя Соломона. Так вот, этот Траут увидел в витрине портрет своей последней жены и решил его купить. Он сказал об этом Данстаблу, а тот побежал в галерею. Хочет перепродать картину! Траут отдаст за нее полцарства. Как вам это нравится, Бидж?

Бидж покачал головой.

— Качайте, качайте, — сказал Галли. — Я не удивлюсь, если вы чертыхнетесь. Вот вам ваш герцог, а мне с ним рядом жить! Просто не понимаю, как Кларенс его вынесет, тем более что Конни заставит одеваться к обеду.

— По всей вероятности, мистер Галахад.

— Что ж, будем надеяться, он не рухнет. Спасибо, я пойду. После поезда я — вроде пепельницы. Хочу принять ванну. До вечера.

Глава четвертая

1

Линда Гилпин приехала через два дня, поздно, в своей машине, и тут же легла; а наутро Галли увел ее в тисовую аллею, многократно воспетую справочниками «Британские сады» и «Старая Англия». С первого взгляда Линда ему понравилась. Как справедливо заметил Джон, она была каштановой, голубоглазой и до того непохожей на дядю, что приятно смотреть. Словом, любой крестный обрадуется, если его крестник поедет с такой женой на Ямайку.

Герцог и леди Констанс были в картинной галерее. Еще с вечера туда поместили прославленную ню, и теперь леди Констанс ее рассматривала. Она не очень разбиралась в картинах, но не любила голых и заметила герцогу, что дама, едва прикрытая прозрачным лоскутком, не слишком уместна среди ее предков; но герцог возразил, что эти предки — жуткие морды и поместить среди них такую тетю — доброе дело. Неожиданно проявив силу воображения, он сравнил галерею замка с кунсткамерой.

Замечания эти огорчили леди Констанс, хотя человек непредубежденный признал бы, что графы (особенно — третий, пятый и седьмой) поступили опрометчиво, заказав свои изображения; но она подавила желание срезать его острым ответом. Острые ответы выводили герцога из себя, а ей было нужно, чтобы он не сердился.

Дело в том, что она собиралась его посватать. Он давно овдовел, а счастливый брак с Джеймсом Скунмейкером склонил ее к мысли, что женатым быть лучше. Мало того — она верила, что жена влияет на мужа, и очень хотела, чтобы герцог поскорее изменился.

Она и раньше говорила с ним на эти темы, но философически, вообще. Теперь, когда в ее жизнь вошла Ванесса Полт, она ощутила, что пора действовать конкретней, как сказал бы кто-нибудь иной — взять быка за рога. Начала она осторожно:

— Как очаровательны американки! Красота, блеск, элегантность…

Герцог увидел, что она ошибается, но не удивился — чего и ждать от женщины!

— Какие американки? Этот тип — француз. Где он тебе возьмет американку? Брижит, Бабет или там Мими. А уж элегантность — ты меня

прости! Она же голая.

Леди Констанс подождала, прежде чем ответить. Жестокая мысль посетила ее — Аларих, говоря строго, не лучше Кларенса.

— Я имела в виду не эту натурщицу… — начала она.

— А что, на кого-нибудь похожа? — перебил ее герцог. — Этот Траут тоже считает, что она похожа на его жену, а Эмсворт — на свинью.

— Я имела…

— Поза, он говорит, и что-то такое в глазах. Его свинья так лежит, если нажрется.

— Я хотела…

— А я бы сказал, вылитая жена викария. Лицо, конечно, ту я голой не видел. Викарий никогда не разрешит.

— Если бы ты меня послушал…

— Кстати, я этого Траута пригласил. Пусть смотрит. Приедет к вечеру.

Беседуй леди Констанс с лордом Эмсвортом, случилось бы что-нибудь вроде землетрясения в Сан-Франциско. Но герцога она хотела умаслить.

— Лучше бы ты не приглашал людей ко мне.

— А как они сюда попадут? — спросил он, пораженный женской тупостью.

Леди Констанс могла бы ответить, но только вздохнула.

— Кто этот Траут?

— Ты что, не слушала? Янки. Развелся с женой. Ничего, не вредный. Псих, конечно.

— Почему ты так считаешь?

— Все время женится. Помнишь песенку про эти розы? «Если ошибся, не огорчайся, ах, не рыдай, ту-ру-рум, улыбайся, новую розу сорви!» Траут, как вылитый.

— Очень мило…

— Да, парень неплохой. Пьет без просыпу. Плакал прямо в коктейль. Это третья жена или четвертая. Женится и женится.

Момент был исключительно удобный. Отогнав мысль о том, что ей предстоит принимать душевнобольного алкоголика, леди Констанс спросила:

— А ты не хотел бы жениться, Аларих? Герцог трубно фыркнул.

— Опять двадцать пять! Кого же ты мне подсовываешь?

— Ванессу Полт.

— Где ты ее подцепила?

— На корабле. Мне нездоровилось, она мне очень помогла. Сидела со

мной, ухаживала…

— Деньги в долг просила?

— Конечно, нет! Она гораздо богаче меня.

— Откуда ты знаешь?

— Ее отец — Дж. Б. Полт. Ты, несомненно, о нем слышал.

— Что-то знакомое…

— Еще бы! Финансовый король. Банки, шахты, дороги, ну — все.

— Да?

— Да. Джеймс далеко не беден, но по сравнению с ним… У него высокое давление.

— У Джеймса?

— У Полта. Если он скончается от удара, Ванесса будет самой богатой женщиной в Америке.

— Да? — задумчиво спросил герцог.

— Да?

Леди Констанс редко соглашалась со своим братом Галахадом, но здесь они были едины. Она, как и он, считала, что Аларих склонен к любостяжанию. Заметила она это давно, когда будущий герцог сказал ей, что помолвка их недействительна, ибо ему не удалось столковаться с ее отцом насчет приданого; и с той поры неустанно благодарила покойного родителя. Конечно, она любила Алариха как сестра, но разум подсказывал ей, что брак с ним — для более мягких натур, скажем — для Ванессы.

— Она тебе очень подходит, — сказала леди Констанс. Герцог с этим согласился.

— А уж для нее такой брак!.. Он согласился и с этим.

— Почему бы тебе не пойти в библиотеку? Она читает.

— Пойду.

— Она очень обрадуется.

— Конечно. Ну, я пошел. А ты не ходи, чего ты там не видала?

2

Галли пришлось изменить планы. Он не показал Линде Гилпин тисовую аллею, они расстались после исключительно короткой беседы: она вернулась в замок, он пошел к обиталищу Императрицы, чтобы увидеть лорда Эмсворта. Беседа расстроила его, и он слабо надеялся, что брат ему что-нибудь подскажет, хотя за всю свою долгую жизнь тот еще ничего никому не подсказал. Но бывает ведь, что общение проясняет разум, даже

если твой собеседник смотрит на тебя, как золотая рыбка.

По своему обычаю, лорд Эмсворт опирался на перила или, точнее, висел на них, словно мокрый носок, держа при этом огромную картофелину.

— Кларенс, — сказал Галли, — я очень расстроен.

— Какая жалость, — сказал учтивый граф, переводя взгляд с чемпионки, поедавшей белки и углеводы со вкусом, который вызвал бы одобрение у Вольфа-Лемана. — Опять Конни?

— Нет, не Конни. Мой крестник.

— Не знал, что у тебя есть крестник.

— У меня их много. Приятелям не откажешь… А вообще я их люблю, особенно этого. Я тебе не помешал?

— В чем?

— Вот, ты держишь картошку.

— А, это для нее! Хотел ей дать.

— Дай. А потом слушай меня.

— Спасибо. Так ты говорил, ты будешь кого-то крестить?

— Ничего подобного. Он уже взрослый, и у него беда. Лорд Эмсворт огорчился.

— Дать денег? С удовольствием, с удово…

— Спасибо, Кларенс, денег ему не надо. Это любовные дела. Помнишь, ты мне звонил? Он был у меня и рассказывал, что хочет жениться.

— Правда?

— Правда. На Линде.

— Кто это Линда?

— Ты ее видел. Она здесь гостит. Такая, с голубыми глазами.

— А, да, гостит! Она не связана как-то с Аларихом?

— Племянница.

— И выходит за твоего крестника?

— Так он говорил. Он ее очень любит, и получалось, что она любит его.

— Они любят друг друга? — вычислил лорд Эмсворт.

— Вот именно.

— А когда свадьба? — перепугался граф. — Цилиндр надеть надо?

— Не беспокойся.

— Ты думаешь, Конни уступит?

— У нее не будет случая.

— На эти школьные выпуски она непременно заставляет.

— Свадьбы не будет, ты пойми!
— А ты говорил, будет.
— А Линда говорит, нет.
— Ну, ей виднее. Спасибо и на том. Дело не в цилиндре, дело в воротничке…
— Разреши докончить, Кларенс.
— Пожалуйста, мой дорогой, пожалуйста!
— Спасибо. Сейчас я повел ее в тисовую аллею. Но не довел. Я говорю: «Хотел бы пожелать вам счастья». Она удивляется. Я объясняю. Тут она холодно на меня смотрит, словно я ее оскорбил неприятным словом, и говорит: «Вам кажется, что я собираюсь замуж за этого гада? Нив коем случае. Если его переедет автобус, я буду петь, как соловей». Может быть, слова не те, но дух — тот самый. Я расстроился. Возможно, я слишком чувствителен, но мне показалось, что она на него сердится. Девушки способны рассердиться из-за сущих пустяков. Был у нас в «Пеликане» такой Пондерби — Лапа Пондерби мы его называли, от «Полая лапа», у него куда-то уходил весь ром, — так вот, он хотел жениться на укротительнице змей, которая носила своих подопечных в плетеной корзинке. Однажды, когда он ужинал с ней в подвальчике после представления, длинная зеленая артистка полезла по его ноге, и он дал ей по носу хлебной палочкой. Он объяснил, что змеи всегда выводят его из себя, но невеста разорвала помолвку и вышла замуж за жонглера. А возьмем несчастного Палку Халлидея…
История несчастного Палки была одной из лучших, он много раз ее рассказывал, но сейчас ему это не удалось. Лорд Эмсворт странно закричал, указывая куда-то трясущимся пальцем. Галли ничего особенного не видел — прекрасную свинью не сразил удар и не унесла на небо огненная колесница. Мирная по природе, она была еще спокойней, чем всегда.
— В чем дело, Кларенс? — обиженно спросил он, ибо от внезапного испуга прикусил язык.
Лорд Эмсворт ответил не сразу, и то — дрожащим голосом:
— Картошка!
— Что с ней такое?
— Вон, лежит. Она ее не съела. Она их очень любит. Наверное, больна.
— Послать за врачом? — поинтересовался Галли. — Или за полицией? А может, вызвать войска?
— Да, позвони врачу, Галахад, — благодарно ответил лорд

Эмсворт. — Я не могу оставить ее одну. Бидж знает номер. Пожалуйста, иди скорее.

3

Еще в старые пеликанские дни кто-то верно сказал о Галахаде, что удар, сокрушающий других, оставляет его равнодушным, как рыбу на прилавке. Однако к Биджу он шел невеселый, думая о том, что размолвка между Линдой и Джоном — не из тех, какие можно уладить поцелуем и флаконом духов. Джон сделал что-то особенное и, видимо, разбил все надежды на этот брак.

Легко ли видеть это любящему отцу? Нет, нелегко; и, подходя к замку, он был печален. Вообще он твердо верил, что самые темные тучи в конце концов рассеются, но сейчас подозревал, что у туч — другие планы.

Размышления его, уже в холле, прервал оклик. Сестра стояла в дверях янтарной комнаты, и он подумал о том, как похожа она на статую Свободы.

— Иди сюда, Галахад.

Галли никогда не искал бесед с ней, тем более — теперь; а потому ответил:

— Не могу, спешу.

— Меня это не интересует, — возразила леди Констанс. — Мне надо с тобой поговорить.

— Хорошо, только побыстрей. Императрица не ест картошку. Кларенс чуть не плачет. Иду звонить врачу.

Он проследовал за ней в янтарную комнату, сел в кресло и стал протирать монокль, что вызвало фразу: «О, Господи, перестань ты!»

— Что именно?

— Вертеть это мерзкое стекло.

Галли понял, что сестра — примерно в том настроении, в каком бывали Клеопатра и Боадицея,[5] когда все шло наперекосяк, и решил не сдаваться. Одно из его правил гласило: «Если Конни бушует, садись ей на голову». Такую политику он постоянно рекомендовал и брату, но успеха не имел.

— Почему «мерзкое»? — достойно спросил он. — Им восхищаются лучшие люди, скажем — продавцы заливных угрей. Что с тобой, Конни? Для чего ты меня звала?

— Чтобы поговорить о Ванессе Полт.

— И на том спасибо. Очень мила. Просто прелесть.

— Несомненно. Ты полагаешь, что прелестных женщин. должен развлекать только ты?

— Все моя вежливость.

— Что ж, на сей раз можешь ею поступиться. Другим тоже хочется побыть с Ванессой,

— Ты имеешь в виду Данстабла?

Леди Констанс раздраженно вздрогнула, словно статую Свободы укусил москит, прилетевший с флоридских топей.

— Почему ты его так называешь? — спросила она с тем вызовом, который возникал рано или поздно в их семейных беседах. — Вы знакомы с детства. Почему не «Аларих»?

— Не в том дело. Если бы ты знала, как я хотел бы его называть, ты бы подивилась моей сдержанности. Ты хочешь сказать, что этот морж влюбился в Ванессу?

— Он не морж.

— Поискать что-нибудь похуже?

Леди Констанс дважды глотнула, подавив тем самым желание ударить брата вазой с гладиолусами. Зрелость трудна тем, что приходится подавлять простые реакции детства. В добрые старые годы она бы его исцарапала.

— Я не собираюсь препираться с тобой, Галахад, — сказала она. — Зачем мне говорить такие глупости? Аларих не влюбился, но очень интересуется Ванессой. Я не удивляюсь. Она весьма привлекательна.

— Да, — отвечал Галли, — но не он.

Леди Констанс метнула в него сокрушительный взгляд — и зря, ибо он лежал, закрыв глаза, в своем кресле.

— Аларих очень импозантен.

— Если кто любит моржей.

— И я бы тебя попросила не мешать…

— Его ухаживанию?

— Если хочешь, называй так.

— Хорошо. Только ты зря стараешься. Данстабл и не думает жениться. Ему и так неплохо. Лучше не срамись.

И он ушел к Биджу, чтобы выполнить свою миссию.

Бидж чистил серебро, но оставил это занятие и позвонил ветеринару. Только он положил трубку, снова раздался звонок.

— Это вас, мистер Галахад. Некий мистер Халлидей.

— А, я его ждал! Здравствуй, Джонни.

Разговора Бидж не понял, хотя к тому стремился. Получалось, что этот Халлидей звонит из «Герба» и просит о встрече, но больше ничего.

Наконец, Галли повесил трубку, бросил: «Я в Маркет Бландинг» — и выбежал.

Странно, подумал Бидж, мало того — нехорошо, вроде телефонных звонков в его любимых детективах. Дай Бог, чтобы мистера Галахада не настигла какая-нибудь шайка!

4

Голос у Джона был нехороший, и Галли снова подумал, что ссора эта — не пустяк. Увидев его, он убедился, что подозрения его обоснованы.

Прекрасное пиво и тенистый сад, сбегающий к реке, приводят к тому, что в «Гербе Эмсвортов» очень мало печальных лиц; тем заметнее было лицо Джона. Глядя на него, Галли припомнил, как у Рожи Биффена отклеилась ассирийская борода, которой он воспользовался, чтобы скрыться от букмекеров. Такой же самый вид.

Когда они уселись под деревьями, каждый — со своей кружкой, Галли, не умевший долго молчать, сразу заговорил:

— Скажи мне все, — начал он. — Примерно час назад я беседовал с твоей Линдой и кое-что представляю. Помолвка расторгнута. Быстровато, а? Что случилось?

— Обо мне она говорила?

— Ах, лучше не спрашивай! Скажем так, Джульетта отзывалась о Ромео иначе. Что же случилось?

С дерева упал жучок. Джон окинул его холодным взглядом.

— Я не виноват, — сказал он. — Я выполнял свой долг. Женщины таких вещей не понимают.

— Каких?

— Не мог же я предать Клаттербека!

— Кого?

— Дж. Дж. Клаттербека.

Как ни старался Галли быть помягче, он сердито фыркнул.

— Это еще кто такой?

— Мой подзащитный в деле «Клаттербек против Фризби». Машина Фризби, бывшего мясника, столкнулась с его машиной на Фулем-роуд. Возможно, сотрясение повредило какие-то внутренние органы. Адвокат Фризби, естественно, считает, что виноват Клаттербек. Все зависело от

свидетельницы Гилпин. Я по долгу службы допросил ее и доказал присяжным, что показания — в дырках, как швейцарский сыр.

Галли ничего не воскликнул, потому что пил пиво. Зато он подавился, а когда проходивший мимо лакей постучал ему по спине, все равно не смог ничего сказать. И Джон продолжал:

— Можете себе представить, что я чувствовал. Зал просто плавал передо мной. Я думал, мне не выдержать.

— Но выдержал?

— Да. Через минуты полторы я ее совершенно загнал в угол.

— Пальцем в нее тыкал?

— Конечно, нет!

— Я думал, без этого нельзя. Но в угол загнал?

— Да.

— А она сердилась?

— Да.

— Дело выиграл?

— Да.

— Клаттербек был рад?

— Да.

— Потом ее видел?

— Нет. Получил записку, что помолвка расторгнута. Галли вдел в глаз монокль. Оба глаза ничего хорошего не предвещали.

— Ну, ты влип, Джонни!

— Да.

— Придется попотеть. Но как? Вы не видитесь.

— Что тут трудного? Она в замке.

— Именно. А ты — нет.

— Вы меня пригласите.

Галли покачал головой. Неприятно быть морозом, пришибающим цвет надежд, но правда есть правда.

— Это невозможно. Ты не понимаешь моего положения. Выгнать меня Конни не может, я — член семьи, не может и терпеть. Все время говорит о поездах в Лондон. Если бы я тебя привез, она бы взяла тебя за шкирку и за штаны. Да, знаю, это неприятно, но ничего не попишешь. Езжай в Лондон, а я займусь твоими делами. Лучшего адвоката, — скромно заметил он, — тебе не найти. Искренне надеюсь, что скоро прекрасная Линда будет в моих руках, как воск. Или, скажем так, как банджо.

Тут он припомнил занятнейший случай с одним пеликаном, который

учился играть на этом инструменте, но что-то ему подсказало, что можно поведать о нем позже. Попрощавшись с Джоном, он направился к замку; а Джон — вылитый Рожа Биффен — заказал еще пива.

Глава пятая

Чтобы избежать палящего солнца и герцога Данстаблского, который внезапно стал очень настырным, Ванесса Полт ушла в один из тенистых уголков, которых так много в Бландинге, и села на простую скамью. Отец лорда Эмсворта насовал их повсюду. Кроме того (хотя это к делу не относится), он собирал птичьи яйца и переплетал дела шропширской археологической комиссии.

Сидя на этой скамье, она думала о Трауте. Узнав, что он приезжает, она пригорюнилась. Наверное, он забыл, но они собирались пожениться; и, хотя помолвку расторгла она, в ней осталась материнская нежность. Читая об очередной его женитьбе, она думала, что надо было стерпеть и за ним присматривать. А то без присмотра он скачет от блондинки к блондинке, скоро ни одной не останется!

Уилбур Траут был очень хороший человек, и единственная его ошибка состояла в том, что отец богател без удержу. Родись он в семье поскромнее, он стал бы безупречным клерком или кем-нибудь в этом духе и не ведал иных развлечений, кроме Кони-Айленда[6] по воскресеньям. Унаследовав миллионов пятьдесят, он стал первым хлыщом Нью-Йорка, кумиром метрдотелей, героем газетных сплетен, хозяином многолюдных пиров. На один из них пришла Ванесса — приглашал он всех, без разбора — и сидела теперь, горюя о добрых старых временах.

Уголок был неплохой. Там царила прохлада. Там что-то благоухало. Там журчал крохотный ручеек, устремляясь к озеру. А главное, там не было Алариха, герцога Данстаблского. Однако именно там собирались все крылатые насекомые Шропшира. Подустав от них, Ванесса пошла в замок, но встретила лорда Эмсворта.

— Прогуливаете? — приветливо спросила она.

— Простите?

— Или Императрица вас отпустила? Вы же в это время при ней.

Лорд Эмсворт немного оживился. Ванесса ему нравилась; а что может быть лучше, чем излить свои беды понимающему человеку?

— Конни посылает меня встретить этого Траута. Не помню, когда он приедет. Ваулз помнит. А мне нельзя оставлять Императрицу, я ей нужен!

— Почему бы так и не сказать леди Констанс?

Лорд Эмсворт оторопел; эта мятежная мысль не приходила ему в голову. Если Конни велела, ничего не поделаешь. Галахад, тот может, но

он пережил сотни битв с букмекерами и приставами. Сверкнет моноклем — любая сестра дрогнет. В пенсне этого не добьешься.

— Я не могу!.. — отвечал он, дрожа от одного помышления.

— А что такого?

— Она рассердится.

Зашуршал гравий, показалась машина, Ваулз сидел за рулем.

— Ой, Господи! — сказал граф.

— Вот что, — сказала Ванесса, — давайте я его встречу.

Лорд Эмсворт так вздрогнул, что пенсне свалилось, и, ловя его, он благоговейно на нее смотрел. Когда он ездил на свадьбу Конни и Скунмейкера, ему очень понравились американки, но и от них он не ждал такого величия души.

— Правда? — проверил он. — Нет, вы правда поедете?

— Конечно. С большим удовольствием.

— А Конни говорить не надо.

— Нив коем случае.

— Какая вы добрая! Спасибо, спасибо!

— Не за что.

— Понимаете, я ей нужен…

— Естественно. Ваше место — рядом с ней.

— Я не должен ее оставлять. Врач сказал, беспокоиться незачем, но картошку она не съела!

— Нехорошо.

— Что там, страшно! Очень хорошая картошка, а она понюхала и…

— Махнула рукой?

— Примерно. Понюхала и ушла. Как тут не беспокоиться?

— Да, это невозможно.

— Если бы я мог посоветоваться с Вольфом-Леманом!

— Посоветуйтесь.

— Он умер.

— Жаль. А если покрутить столик? Граф несколько растерялся.

— Значит, вы поедете на станцию?

— Еду, еду.

— Мне так неудобно. Трудно говорить с незнакомыми.

— Мы знакомы. Я его знала там.

— Где?

— В Америке.

— А, да, конечно. Не здесь, а там, у вас. Прекрасно, прекрасно, превосходно.

Поезд подошел к перрону одновременно с машиной. Увидев Уилбура Траута, Ванесса приветливо воскликнула: «Эй!», на что он ответил так же приветливо и односложно. Он не смутился. Если бы он смущался, встречая тех, кого любил и утратил, ему бы пришлось постоянно краснеть и постукивать пальцами. На перроне — старый друг, вот и хорошо. Правда, он назвал ее Полиной, но она возразила, и тут он уж совсем точно вспомнил, что перед ним — та единственная, на которой он так и не женился.

Ванесса объяснила, почему она здесь, они потолковали о прошлом — о его приемах, о гостях и о том, как он прыгнул в фонтан, не сняв вечерний костюм. Но все это были пустяки. Не об этом он думал.

— Можно тут где-нибудь выпить? — спросил он, и она справедливо ответила, что выпить можно в «Гербе Эмсвортов». Да, в Маркет Бландинге были другие заведения — мы не забыли «Гуся и Гусыню», «Веселых Лодочников», «Отдых Возницы» или, скажем, «Жука», — но они годились скорее для пролетариев, чем для приезжих миллионеров. Ванесса сообщила об этом Уилбуру, обрадовала Ваулза, посоветовав ему присесть к стойке, и повела спутника в дивный сад, чтобы выразить мысль, томившую ее с момента встречи.

— Уилли, — сказала она, — у тебя жуткий вид.

Он не обиделся. Он и сам так подумал, глядясь утром в зеркало.

— Я много пережил, — со вздохом ответил он.

— А что такое?

— Долго рассказывать.

— Тогда сперва объясни мне, почему тебя занесло в Бландингский замок.

— Это все к тому же.

— Ладно, тогда — слушаю.

Для вдохновения он выпил свой джин с тоником, подумал и начал:

— Сперва я развелся.

— С кем? С Луэллой?

— Нет.

— С Марлен?

— Нет, нет. С Женевьевой.

— А, с Женевьевой! Читала.

— Я очень страдал.

Ванесса подумала, что можно бы и привыкнуть, но по тактичности своей ничего не сказала. Видимо, утрата третьей жены, вечно жевавшей

резинку и сюсюкающей, сильно огорчила его.

— Я любил ее, Полина, я ее обожал. А она меня бросила ради какого-то лабуха. Из самого поганого джаза.

— Нехорошо, — сказала Ванесса только из вежливости. Жалела она джазиста. Нет, это подумать — неудачник, прикован к поганому джазу, а тут еще Женевьева Траут!

Уилбур подозвал официанта и заказал два джина. Сердце сердцем, но разумный человек не забывает и о деле.

— На чем я остановился?

— На том, что ты ее любишь.

— Это верно.

— До сих пор?

— Еще бы! Лежу по ночам и думаю. Иногда слышу ее голос. Она говорила очень интересные вещи.

— Могу себе представить.

— Вот все говорят «розы», а она — «возы».

— Да…

— А «кролик» — «кволик».

— Помню.

— Сама понимаешь, что со мной было, когда я увидел эту картину.

— Какую?

— Такую, знаешь, в витрине, на Бонд-стрит. Вылитая Женевьева.

— Портрет?

— Ну что ты! Просто картина, какой-то француз написал. Я решил купить.

— А к ней прилагался билет в Бландинг?

— Не шути этим, пожалуйста.

— Я не шучу. Я не понимаю, при чем тут замок.

— Это все герцог.

— Какой еще герцог?

— Он говорит, Данстаблский.

Ванесса воздела руки к небу. Уилбур всегда все путал, но это уж Бог знает что!

— Не понимаю, — сказала она. — Хорошо, ты купил картину. При чем тут замок?

Уилбур пригорюнился. То, что было дальше, терзало его, как хищная птица.

— Да не купил я, в том-то и дело. Я пошел перекусить в один клуб, у меня гостевая карточка, и ко мне подсел этот герцог. Поговорили об ихнем

правительстве, выпили, то-се, и я сам не заметил, как ему все рассказал.

— А он побежал, купил картину и хочет тебе перепродать? Уилбур онемел от удивления.

— Как ты догадалась? — проговорил он, благоговейно глядя на ясновидящую.

— Я знаю твоего герцога. Жмот, каких мало. Наверное, эта самая картина висит в портретной галерее.

— Это верно, — согласился Траут. — Именно — жмот. Да, влип я здорово.

— Почему? Ты — здесь, картина — здесь. Сопри ее. Уилбур крякнул, как большая лягушка. Люди, не привыкшие мыслить, с трудом принимают новые идеи.

— Спереть? То есть спереть?

— А что такого?

— Я не могу, — сказал Траут, как говорил недавно лорд Эмсворт, и Ванесса ответила:

— Хорошо. А я — могу.

— Можешь?

— Конечно. Надо только все обдумать. Кое-что я наметила, но тогда придется впутать Чесни.

— Кто это?

— Один гость. Вроде бы жулик, но кто его знает!.. Проверим.

— Да, да.

— Надеюсь, я в нем не ошиблась. Главное — уесть герцога. Нельзя безнаказанно обманывать невинную душу. Ну, ладно, оттащи от стойки шофера, и поехали.

Глава шестая

1

Когда Джон вернулся в Лондон, уже стемнело. Паддингтонский вокзал был тих и утончен, как всегда, и растерянный вид так же не вязался с ним, как с «Гербом Эмсвортов». Носильщики на этом вокзале любят улыбку. Они пожалеют человека с блуждающим взором, но будут его чуждаться, равно как и кочегары, полисмены или буфетчицы. Словом, весь вокзальный персонал вздохнул с облегчением, когда Джон взял такси и уехал домой.

Беседа с Галли совсем расстроила его. Он очень надеялся попасть в замок, а уж в замке он повел бы дело, ничего не упуская, только бы добиться примирения. Если бы Линда села за стол переговоров, если бы она услышала дрожь в его голосе, увидела муку в глазах, все было бы хорошо.

Но Галли не смог его пригласить — и все рухнуло. Напутственные слова ничего не изменили. Да, сам он играл на девичьих чувствах, как на арфе, — но что с того? Опыта не передашь, посредник не поможет, все могут решить только влюбленные.

Улица, на которой он жил, — угрюмый тупичок, где шныряли кошки и порхали газеты, — веселья не прибавила. Единственным достоинством этих мест была дешевизна. Дом, где он два года снимал квартиру, населяли, главным образом, журналисты, вроде Джерри Шусмита, издававшего некогда газету «Светские сплетни», или авторы детективов, вроде Джефа Миллера.[7] Джон унаследовал квартиру Джефа, когда тот женился и уехал в Нью-Йорк, а с нею — и матушку Бальзам, которая за ним и присматривала. Сейчас, не успел он отпереть дверь, она вынырнула из кухни, а он сказал ей: «Добрый вечер», надеясь, что голос его не слишком похож на перестук костей.

— Добрый вечер, сэр, — сказала и она. — Слава Богу, вернулись. Хорошо в деревне?

Джон постарался не ответить глухим хохотом. Зачем этой доброй женщине знать, что перед ней — истерзанная душа? Да и сам он не вынесет сочувствия, тем более — такого, на какое она способна.

— Неплохо, — сказал он, отсчитав до десяти.

— Где это вы были?
— В Шропшире.
— Далеко!..
— Да.
— Хорошо хоть погода держится.
— Да.
— Нет хуже, если дождь.
— Да.
— Ну, что ж, — заключила матушка Бальзам, — а вам все звонил этот Фергюсон.
— Кто?
— Может, Восток. Ну, такой, обедать приходит. В очках. Голос тонкий.
— Вероятно, Джо Бендер?
— Вот, вот. Вроде художник.
— Хозяин галереи.
— Значит, он ее бросил, все вам звонил. Очень беспокоился. «Когда приедет?» да «Когда приедет?». Я уж его поругала, а то я говорю — вас нету, а он выражается. Просил позвонить, как вы будете.
Джон задумался. Звонить ему не хотелось. Джо Бендера он любил, общался с ним охотно, но сейчас ему было не до того. Однако победила доброта. Джо, решил он, не станет звонить без очень важной причины. Наверное, у него беда, пусть поплачется в жилетку.
— Да, матушка, — сказал он, — позвоните ему, пожалуйста. Я пойду, сполоснусь. Если придет, когда я в ванной, пусть подождет.
Когда Джон вышел из ванной, немного приободрившись, он застал беседу Джо Бендера с матушкой Бальзам. Точнее, то был монолог под аккомпанемент урчания. Как хорошая хозяйка, матушка вовлекла в процесс и новоприбывшего.
— Вот я говорю мистеру Буруру, что он плохо выглядит, — сказала она. — Сразу видно.
Да, это было видно. Так и казалось, что Джо Бендер прожил не двадцать восемь лет, а двадцать восемь суровейших зим. Он выглядел хуже Джона, настолько хуже, что тот, забыв о своих печалях, издал сочувственный вопль:
— Господи, что это с тобой?
— Вот и я спросила, — вмешалась матушка Бальзам. — Я так думаю, заболел. Такой самый вид был у Бальзама. Смотрю, ноги не ходят.
Тут Джо Бендер опустился в кресло.

— А там и пятнами пошел. Позвали бы вы доктора, мистер Муруру!

— Незачем, — отвечал гость.

— Тогда пойду, молочка вам погрею, — сообщила она, твердо веря, что теплое молоко если не отгонит, то подуспокоит ангела смерти.

Когда дверь за ней закрылась, Джо с облегчением вздохнул.

— Я уж думал, она не уйдет, — простонал он. — Скажи ей, что я не хочу никакого молока.

— Выпей лучше виски с содовой.

— Да, вот это — дело.

Джон пошел на кухню и все уладил, хотя матушка Бальзам и заметила: «Он тут у нас ноги протянет. Что ж, вам виднее».

— Ну вот, — сказал он другу. — Что случилось?

Может быть, раньше Джо рассказал бы все постепенно — он был деликатен и не любил пугать. Но за день он вымотался вконец, и весть выскочила из него, как пробка из бутылки.

— Картина фальшивая!

— Картина? Какая картина?

— Какая? Ну, знаешь! Да Робишо. Которую мы продали герцогу. Ты что, не слышишь? Это подделка.

Теперь Джон понял, и эффект был такой, словно матушка Бальзам, подкравшись сзади, вылила на него ведро ледяной воды. Против всяких ожиданий, он забыл о Линде. Речь он обрел не сразу, а когда обрел, пролепетал:

— Ты уверен?

— Еще бы! Настоящую освидетельствовал Мортимер Бейлис, а если уж он говорит: «Настоящая», — спорить нечего.

Джон смутно понял, что есть не одна, а две ню кисти покойного Клода Робишо, — все остальное было в тумане.

— Объясни с начала, — попросил он. — Откуда ты взял эту, которая у герцога?

— Купил в Париже у румынской парочки. Такая галерейка недалеко от Мадлен. Нет, надо было знать! — горько воскликнул он. — Надо было спросить: «Бендер, если бы ты написал поддельную картину, куда бы ты ее отнес?» Ответ ясен, к каким-нибудь румынам.

— А другая откуда, настоящая?

— Она была у моего отца. Просто ужас какой-то, прямо у нас и висела! Видимо, отец ее придерживал.

— Так почему?..

— Потому что он отдал ее почистить. Сегодня ее принесли. Что нам

делать, Джон?

— Отдать герцогу настоящую.

— Да он нас ославит! Разоримся, моргнуть не успеем. Картинная галерея — очень нежная штука. Она живет своей репутацией. Нет, говорить ничего нельзя, иначе нам конец.

— Нельзя же брать деньги за подделку.

— Да, ты прав.

— Так что же?

— Выкупим ее, хоть за двойную цену.

— А как мы это объясним?

— Не знаю.

— Он заподозрит ловушку и взвинтит цену. Я много о нем слышал от крестного, говорит — сквалыга, каких мало. Обдерет как липку. Лучше ее подменить.

— Лучше, ничего не скажешь. А как?

Джон признал, что вопрос хороший, и они помолчали. Джо выпил еще виски.

— Да, — сказал он, — надо стащить подделку и заменить настоящей. Хоть бы мы знали, где она, то есть подделка.

— У герцога.

— А герцог?

— В Бландингском замке.

— Значит, нужно получить приглашение.

— Господи! — закричал Джон, и матушка Бальзам покачала на кухне головой, думая о том, как портит ее хозяина общение с этим Туруру.

Джо пролил на брюки почти все виски.

— Галли! — завопил Джон, и матушка Бальзам совсем разогорчалась, таких ругательств она и не слышала. — Галли в замке!

— Да? — переспросил Джо. Он много слышал о Галахаде, и слабая надежда замерцала за его очками. — Значит…

— Он все и решит, он может. Завтра еду в Маркет Бландинг, — сказал Джон.

2

Поехать он смог только в середине дня, утром слушалось дело Онапулос и Онапулос против компании, занимавшейся разливом вина в бутылки. Дело он проиграл, снискав ворчание судьи и резкость обоих

Онапулосов, считавших, что только тупость адвоката помешала их торжеству. Когда же он садился в поезд два тридцать три, весь вокзал ужасался, резонно полагая, что он еще хуже, чем вчера.

Прощание с матушкой Бальзам его не утешило. Когда заботливая женщина видит, что ее подопечный готовится к путешествию, хотя только что приехал, ею овладевает любознательность, и она ее не подавляет. Пока Джон складывал чемоданчик, шел такой разговор:

— Едете, а?

— Да.

— Только что ездили.

— Да.

— Куда ж на этот раз?

— В Шропшир.

— Вы ж там были!

— Да.

— Так чего ехать?

— Надо повидать одного человека.

— Это в Шропшире?

— Да.

— А где?

— В одном местечке, Маркет Бландинге.

— Не слыхала!

— Бывает.

— А вы туда ездили?

— Да.

— Вот и остались бы.

— Сегодня у меня был суд.

— Бальзам тоже все ходил в суд. А что это? Вроде пакет.

— Картина.

— Везете туда?

— Везу.

— Послали бы, оно дешевле.

— Да.

— Вот и пошлите.

— Ой, не могу! — сказал Джон, и матушка поняла, что влияние мистера Вуруру еще тлетворней, чем она думала.

Когда последний из пеликанов узнал от Биджа, что звонил крестник, он не обрадовался. Прирожденный вождь не любит, чтобы нарушали его

инструкции. Поэтому, придя в «Герб Эмсвортов», он был сдержан.

— Сказано тебе, сиди в Лондоне, — напомнил он. Джон не испугался.

— Я по другому делу.

— То есть как?

— Не из-за Линды.

— Да?

— Да.

— Тогда из-за чего? Если я тащился по жаре из-за каких-то пустяков… Что ты хихикаешь?

— Я не хихикаю, — поправил Джон. — Я глухо смеюсь. Рассмешило меня слово «пустяки». Мне очень жаль, что вы шли пожаре…

— По жаре? Я как все три отрока в печи.

— … но дело очень важное. Нам нужна ваша помощь.

— Кому это?

— Мне и Джо Бендеру.

— Кто такой Джо Бендер?

— Я вам говорил, вы забыли, у него галерея.

— А, да! Ты вложил туда деньги.

— Все, какие у меня есть. А сейчас они пропадут, если вы не поможете.

— Дорогой мой, что я могу? Нам, младшим сыновьям, не положено иметь деньги. Двадцать фунтов дам, но что это? Да и то вряд ли наскребу.

— Спасибо. Деньги мне не нужны.

— Тогда зачем ты их просишь?

— Я не прошу.

— Так получилось.

— Простите, Галли. Мне надо украсть две картины.

— Что?

— Да, звучит странно, но это легко объяснить.

— Вот и объясни.

— Хорошо.

Как мы уже говорили, Галли лучше рассказывал, чем слушал, но на этот раз не дал повода к недовольству. Он впитывал каждое слово, не прерывал и даже не сказал, что нечто похожее случилось с одним пеликаном. Выслушав, он заметил, что сделать это — легче легкого, а к тому же и приятно. В сельской местности, пояснил он, некуда девать время, и такие дела — истинное благодеяние.

— Картину привез? — деловито спросил он. — Как сказал бы мой брат Кларенс, прекрасно, прекрасно. Где она?

— Наверху, в моей комнате.

— Сейчас я ее не возьму.

— Как же так?

— Дорогой мой, подумай сам! Что я скажу, если встречу Конни?

— Да, вы правы.

— Действовать надо ночью. Договоримся, где встретиться. Где же? Не в развалинах часовни, их просто нет. Здешних мест ты не знаешь. Похожу, подумаю.

Он походил и подумал, видимо — успешно, ибо после одиннадцатого круга сообщил:

— У свиньи!

— Где?

— Там, где живет премированная свинья моего брата. Место идеальное. Как бы темно ни было, запах ни с чем не спутаешь. Рядом — огород. Дойди до него, а дальше — по нюху. Когда ты еще не родился, пели песенку, и припев начинался так: «Не все благоухает розой». Прямо про нашу свинью! Как у тебя с обонянием? Все в порядке? Тогда не ошибешься. Надо спешить. Сделаем все сегодня. Данстабл хочет перепродать эту картину Трауту, а Траут вчера приехал. Значит, в полночь, у свинарника.

Запоздалое раскаяние терзало Джона. Он впервые подумал о том, что просит слишком много.

— Мне очень стыдно, Галли, — сказал он. — Не надо бы вас впутывать.

— Ничего, развлекусь.

— Не слишком поздно для вас? Все ж полночь.

— Это вообще не ночь, это вечер.

— А если вас поймают?

— Не поймают. Меня никогда не ловят. Я — тень.

— Сказать не могу, как я благодарен! Вы сняли с моей души такой груз…

— Ничего, еще много осталось.

— Да. — Джон закашлялся, словно его настигла внезапная простуда. — А вы… а вы… а вы… с ней не говорили?

— Нет еще. Тут спешить нельзя.

— Как… ну… это… как она вообще?

— Физически — превосходно. Духовно — похуже. Терпи. Напомни себе, что гнев ее пройдет. Время — великий целитель, и так далее. Значит, в двенадцать ноль-ноль. Притаись во тьме, а когда закричит белая сова —

беги. Белая сова — в моих силах. А не выйдет, будет серая.

Глава седьмая

1

Часы над конюшней отбивали четверть (что означало одиннадцать сорок пять), когда Галли вышел из галереи с поддельной ню. Он надел башмаки на резине и ступал мягко, как и подобает грабителю. Стараясь не поскользнуться на дубовых ступеньках, он прошел через холл к выходу и отодвинул засовы (задвигал их Бидж перед тем как нести напитки в гостиную, т. е. — в девять тридцать). Выходя, он пожалел на мгновение о растраченных впустую годах — вот так, очень давно, выходил он во тьму, чтобы обменяться мыслями с той, у которой теперь есть внуки.

Изображать белую сову ему не понадобилось, ибо крестник сам вышел из кустов.

— Я уж думал, вы не придете, — сказал он, ибо с непривычки совсем извелся. Пришел он в одиннадцать пятнадцать, и ему казалось, что он дышит букетом свиньи с раннего детства.

Галли, с обычной своей деликатностью, заметил, что часы над конюшней спешат. Джон отвечал, что извела его тьма, и Галли согласился, что это она умеет.

— Ничего не поделаешь, днем — опасно, — пояснил он. — Помню, я это говорил одному пеликану, Биллу Боумену. Влюбился, а родители его девицы увезли ее в Кент. Естественно, он написал ей письмо, предложил бежать, а передать это письмо хотел с их садовником. Я отговаривал…

— Зачем нам тут стоять? — спросил Джон; но слова его пропали даром.

— Да, так я отговаривал. «Влезь по водосточной трубе, — советовал я, — а сперва швырни камешек в окошко. Влезь и все изложи. Иначе ничего не выйдет». Он туда-сюда, брюки жалко, — и наутро пошел искать садовника. Ну, дал ему денег, дал письмо, а это, естественно, был отец девицы. Погнался за ним с вилами. Главное — деньги не вернул! Это подумать, заплатил целый фунт за то, чтобы продираться через изгородь, спасаясь от вил! Так что днем — опасно. Кстати о письмах, почему тебе не написать своей красотке?

— Прошу вас, — сдержанно сказал Джон, — не называйте ее так вульгарно.

— Надо же ее как-то называть! — обиделся Галли.

— Хотя бы «мисс Гилпин».

— Ну, знаешь! В общем, понятно. Почему ты ей не напишешь?

Джон покачал головой, что не очень разумно, когда собеседники — в темноте.

— Ничего не выйдет. Надо увидеться.

— Вообще-то ты прав. Букмекера, к примеру, уломаешь только лицом к лицу — погладишь по руке, снимешь с рукава пушинку… С девицами — то же самое. Как их поцелуешь в письме?

Джон задрожал.

— А в замок попасть никак нельзя?

Надежда в его голосе тронула доброго Галли. Он хотел бы подбодрить — но не мог.

— Никак. Не успеешь ты войти, Конни скажет своим клевретам: «Выбросить его!», и еще прибавит: «Пусть перевернется два раза в воздухе». Задержаться на десять минут помогли бы фальшивые усы. Тогда бы ты отрекомендовался слесарем. Один пеликан…

Однако история пеликана, проявившего интерес к трубам, осталась нерассказанной. Как мы неоднократно сообщали, Галахада Трипвуда нелегко остановить, но фонарик, приближающийся во тьме, это сделать может.

Джон тоже увидел свет и мгновенно исчез. Галли последовал его примеру, решив, что факелоносцу не стоит рассказывать о злополучном пеликане. Собственно, они с Джоном уже обменялись картинами.

Вернувшись в замок кружным путем, он задвинул засовы, чтобы не огорчать Биджа, который подумал бы, что это — его оплошность, и пошел к себе.

Галерея была недалеко от его комнаты, но он решил не спешить — повесить картину он успеет, до утра еще шесть часов, а вымыться надо. Словом, он взял свою любимую губку и направился в ванную.

2

Рассказ о слесаре-пеликане прервал сам лорд Эмсворт. Обычно в это время он спал, но тревожные мысли выгнали его из постели, словно шило, пропущенное сквозь матрас.

Да, ветеринар сказал, что благородное животное — в прекрасной форме, беспокоиться не о чем; и все же граф беспокоился. Ветеринары —

тоже люди, они могут ошибаться. Могут они и скрыть из жалости неизлечимую болезнь.

Граф долго не мог уснуть, а когда уснул — радости это не прибавило. Сон, великий целитель, не справился со своим делом. Страдальцу приснилось, что он пришел к Императрице и вместо небесной красоты увидел истинный скелет, словно несчастная свинья взбиралась на горные вершины или победила в спортивной ходьбе от Лондона до Брайтона.

От ужаса он проснулся. Обычно, моргнув раз-другой, он засыпал снова, но теперь встал, надел халат, сунул ноги в шлепанцы и взял из комода фонарик, ибо хотел убедиться, что страшное видение — только сон.

Возможно, в спокойном состоянии он бы удивился, что дверь не заперта, но о спокойствии не было и речи.

Фонарик был не так уж нужен, зато на него слетелись, словно только его и ждали, все насекомые, которые живут в сельской местности летучими бандами. Подходя к обиталищу Императрицы, граф глотал шестого комара.

Стояла тишина, разве что где-то вдали проехала машина, а поближе — закричала белая или серая сова. Свинья не издавала ни звука, и граф не сразу понял, что в такое время она просто спит. Для Галахада, чья личность сложилась в «Пеликане», начинался вечер, но для приличной свиньи это — глубокая ночь. Еще восемь часов она не выйдет из домика.

Однако ему хотелось ее увидеть, и он поддался соблазну. Перелезть через перила — как говорится, дело плевое; поскользнуться и упасть ничком — еще легче. Все это его не смутило. Увидев, что Императрица спит ангельским сном, граф понял, как беспочвенны его кошмары. Три года подряд получала она медали по классу жирных свиней, и, выйди сейчас на помост, все бы закричали: «Победа!» Юлий Цезарь, приближавший к себе тех, кто потолще, принял бы ее без единого слова.

Возвращался лорд Эмсворт, как на крыльях. Все к лучшему, думал он, в лучшем из миров; и только дойдя до замка, изменил свои взгляды. В лучшем из миров не запирают засовы, когда ты ненадолго вышел.

3

Домовладельцу все ж неприятно, когда он не может войти в свой дом, и мы не будем осуждать лорда Эмсворта за то, что он огорчился. Конечно, человек сильный легко решит затруднение, если легкие у него в порядке.

Много лет назад восьмой граф, вернувшись с ежегодного обеда Верных Шропширцев, орал так, что все обитатели замка, не свалившиеся в истерике, кинулись открывать, и он, швырнув свою трость в дворецкого, проследовал в спальню.

Сын его и наследник растерянно глядел сквозь пенсне на запертую дверь. В отличие от предшественника, он отнюдь не был уверен, что хозяйка (в данном случае — сестра) воздержится от упреков. Его покойная матушка прыгала вверх на шесть вершков, когда муж к ней внезапно обращался.

Мысль о Конни парализовала девятого графа. Комары, мошки и жучки в большинстве своем решили, что он обратился в соляной столп; как же удивились они, когда он задвигался! Ему пришло в голову, что при такой погоде герцог оставит открытым выходящее в сад окно. Акробатом лорд Эмсворт не был, по трубам не взбирался, но войти в открытое окно, доходящее до пола, мог не хуже других. Полный надежд, он обошел угол и, словно к магниту, направился к этому окну.

Туда же двигалась и кошка, днем обитавшая в конюшне, по ночам — бродившая. Кошки любопытны; ей захотелось узнать, что там, в комнате. Когда граф переступал порог, она, за неимением лучшего, исследовала домашнюю туфлю.

Ноги, появившиеся рядом, понравились ей больше. Да, они странно пахли, но о них можно потереться. Оставив туфлю, кошка обратилась к ним, а их владелец испытал то же самое, что испытывал в детстве, когда склонный к шуткам приятель орал ему сзади в ухо. Девятый граф исполнил па, которым в лучшую свою пору славился Нижинский.[8] Раздался грохот, какой раздался бы, окажись в посудной лавке особенно буйный бык.

Напомним, что леди Констанс постаралась устроить все в комнате как можно лучше. Среди прочего она сочла нужным поставить туда круглый столик, а на него — бокал с розой, чашу с сухими лепестками, часы, календарь и свою свадебную фотографию. На все это граф и налетел, закончив антраша.

Грохот еще не утих, когда зажглись лампы и в их свете предстал герцог. На нем была лимонная пижама в малиновую полоску.

При всех своих недостатках трусом герцог не был. Услышав, что к ним ворвались ночные мародеры, другие закрылись бы простыней и тихо ждали их ухода; другие — но не он. Герцог гордился тем, что не терпит всяких глупостей, так будет ли он терпеть их от воров, решивших поиграть в футбол? Вооружившись бутылкой минеральной воды, он кинулся в бой с пылом ассириян, идущих, по меткому выражению поэта, как на стадо

волки, — и увидел лорда Эмсворта.

Воинственный дух был этим обижен. Приятно ли вооружиться до зубов — и увидеть перед собой слабую улыбку хозяина? Особенно раздражала улыбка. Как будто мало ворваться в час ночи, чтобы станцевать pas seul![9] Нет, этот Эмсворт определенно рехнулся.

Незваный гость тем временем решил хоть что-нибудь сказать. В конце концов этого требует простейшая вежливость. Улыбнувшись еще слабее, он произнес:

— Добрый вечер, Аларих.

— Добрый? — взвился герцог. — Чем, интересно узнать? И почему вечер? Поздняя ночь. Что ты здесь делаешь?

— Я шел к себе, — объяснил граф. — Кажется, я тебя побеспокоил,

— Еще как!

— Прости, пожалуйста. Столик свалил… Я нечаянно. Это кошка.

— Какая кошка? Тут нет никаких кошек.

Граф смотрел на него именно тем взором, который доводил до умоисступления леди Констанс, леди Дору, леди Шарлотту, леди Джулию и леди Гермиону.

— Наверное, ушла, — предположил он.

— Если была.

— Была, как не быть!

— Это ты так думаешь.

Пока они обменивались этими репликами, герцог подошел поближе к графу, чтобы поднять бокал, чашу, часы, календарь и фотографию, и несколько удивился.

— Эмсворт, — сказал он, — от тебя чем-то разит.

Графу тоже казалось, что он ощущает запах, скажем так, свежего сена.

— А, да! — воскликнул он. — Да, да, да. Конечно. Я упал у нее, Аларих.

— Что?

— Я ходил к Императрице и упал. Там не очень чисто. Герцог не первую минуту дул в усы, но не с такой силой.

Они взлетели вверх. Летописец еще не упоминал, что уши его походили на ручки античной амфоры. В данном случае это важно, потому что он им не верил.

— Ты ходил к своей поганой свинье в такое время? — едва ли не робко спросил он.

Легко ли слышать, когда так говорят о троекратной чемпионке? Но бедный граф не смел возразить.

— Да, Аларих. Парадный вход заперли, и я пошел к тебе.

— Нет, — настаивал герцог, — почему ты вообще к ней пошел? На это лорд Эмсворт ответить мог.

— Мне приснилось, — сказал он, — что она похудела. Герцог издал какие-то гортанные звуки. Усы взметнулись, глаза чуть не вылезли. Дрожащей рукой он отер лоб.

— И ты… ночью… — Он помолчал, как бы признавая безнадежность речи, и закончил: — Иди, ложись.

— Да, да, — согласился с ним лорд Эмсворт, что бывало нечасто. — Спокойной ночи, Аларих. Надеюсь, тебе тут удобно.

— Вполне, — отвечал герцог, — когда по ночам не валят мебель.

— Конечно! — обрадовался граф. — Конечно, конечно, естественно.

И пошел к себе, оставляя шлейф свиных благоуханий, но на полпути ему пришла в голову хорошая мысль. Надо будет почитать, иначе теперь не уснешь, а в галерее осталась интересная книга о свиньях. Он читал ее вчера утром, когда ходил туда посмотреть на новую картину. Кстати, посмотрит и сейчас, очень уж эта ню похожа на н е е… Войдя в картинную галерею, граф включил свет.

4

Выйдя из ванной, свежий и розовый Галли решил заняться делом, чтобы свалить бремя с души.

Продвигаясь по коридору, он испытывал то чувство, которым вознаграждается добродетель. Да, у Джона еще далеко не все в порядке, но все ж одной заботой меньше. Хоть галерея не разорится. Эти приятные мысли прервало неприятное зрелище — под дверью, ведущей в галерею, виднелась полоска света.

Осторожности ради он отступил во тьму и подождал, пока выйдет тот, кто его опередил. Кто это, он еще не понял, фамильное привидение — исключил: конечно, они бродят ночью, но света не зажигают. Кроме того, по преданию, их собственный призрак носил голову под мышкой, а это мешает смотреть на картины.

Когда он подумал, что загадка неразрешима, из двери вышел его брат и направился к лестнице. Галли припомнился вечер, когда, стремясь развлечь загрустившего друга, он еще с одним альтруистом отвел к нему свинью, предварительно обмазанную фосфором, и для верности ударил в гонг. Друг бежал по лестнице в таком же оживлении, как лорд Эмсворт; и

Галли испугался за брата.

Однако медлить он не мог. Вбежав в галерею, он поскорее повесил свою ню, вернулся к себе и только закурил, как услышал стук и сказал: «Войдите!»

— Галахад! — воскликнул граф, входя. — Как хорошо, что ты не спишь!

— В такую рань? Что ты! Садись, Кларенс. Очень рад. Что случилось?

— Я очень испугался.

— Полезно для надпочечников.

— Хочу попросить совета.

— Пожалуйста. В чем дело?

— Надо ему сказать?

— Кому?

— Алариху.

— Что?

— Что его картину украли. Ее нет.

— Ну что ты, Кларенс!

— Нет и нет! Я хотел ему сразу сказать.

— Скажи.

— Но засомневался. Понимаешь, я его уже разбудил, он очень сердился.

— Как же это?

— Я ходил к ней, вошел на ее участок…

— На участок?

— Понимаешь, она спала, я шел посмотреть — и упал.

— То-то я чувствую! Приоткрой окно, а? Так что ты говорил?

— Я вернулся, а дверь закрыли. У Алариха открыто окно. Только я споткнулся о кошку.

— О кошку?

— Она меня пнула головой, я прыгнул и свалил столик. Аларих проснулся и не поверил, что это из-за кошки. Очень неприятно.

— Да уж, приятного мало.

— Вот я и хочу узнать, будить его снова или нет.

Галли задумался. Конечно, он мог сказать: «Сперва посмотрим, как там картина. Знаешь, оптические иллюзии…» Сказать он мог, но уж очень хотелось разбудить герцога. А как хорошо для его эндокринной системы! Живет себе тихо в поместье, адреналину взяться неоткуда…

— Да, Кларенс, — сказал Галахад, — Идем, сообщим все.

— Идем?

— Я не оставлю тебя одного.
— Не оставишь?
— Конечно.
— Спасибо тебе, Галахад!
— Не за что, Кларенс, не за что. В конце концов не одним же бойскаутам делать добрые дела!

5

Заснул герцог скоро — он был не из тех, кому приходится считать овец. Лорд Эмсворт ушел совсем недавно, а он уже храпел вовсю, но мгновенно умолк, когда Галли постучал ногой в дверь, крича при этом: «Эй, поднимайся!»

Герцог поднялся, точнее — сел в постели. Сперва он решил, что замок — в огне, но передумал, когда лорд Эмсворт проблеял в скважину: «Можно тебя побеспокоить?» Эта учтивейшая фраза вышвырнула его из постели на тропу преступлений. Нет, больше выдержать нельзя! Он распахнул дверь, увидел еще и Галли и утратил (вероятно, к счастью) дар речи. Пришлось самому Галахаду начинать разговор.

— Доброе утро, Данстабл, — сказал он. — Выглядишь ты прекрасно. Боюсь тебя огорчить. Кларенс видел поразительные вещи. Расскажи о них, мой дорогой.

— Э, — сказал граф.

— Это еще не все, — заверил Галахад.

— Ты знаешь, который час? — спросил герцог, обретая утраченный дар.

— Два часа ночи! Галли кивнул.

— Да, в это время лучше спать, — согласился он, — но сперва послушай. Расскажу я, Кларенс слишком расстроен. Мы принесли тебе поразительные новости. Я думаю, твои заплетшиеся кудри[10] встанут, как иглы на взъяренном дикобразе. Знаешь эту картину, как говорится, — «ню»?

— Два часа! Нет, третий!

— Она висела в галерее. Заметь, «висела». Сейчас не висит.

— Что ты порешь?

— Это правда, Аларих, — вмешался лорд Эмсворт. — Я туда зашел за книгой, а ее нет. Картины, не книги.

— Что же из этого следует? — сказал Галли. — Ее похитил человек,

которому нравится жанр голой натуры.

— Что!

— Подумай сам.

Растерянность вскоре сменилась праведным гневом. Герцогу редко приходили в голову мысли, но не надо Шерлока Холмса, чтобы разгадать эту тайну, справится и доктор Ватсон. Уподобившись цветом полоскам своей пижамы, герцог вздул кверху усы, и глаза его вылезли из орбит, как у какой-нибудь улитки.

— Траут! — закричал он. А в объяснение прибавил:

— Траут, чтоб ему треснуть! Траут, змея собачья! Траут, чертов гад! Надо было знать. Платить не хочет, вы подумайте! Ничего, я ему покажу! Я его допеку! Он мне вернет картину!

Заметив, что лорд Эмсворт смотрит на него, как золотая рыбка, с которой его часто сравнивали сестры, Галли поспешил на помощь.

— Данстабл собирался продать картину Трауту, — пояснил он, — но Траут, видимо, решил сэкономить деньги.

Герцог тем временем излагал свои планы:

— Я ему скажу: «Давай, гони картину!» Я ему голову сверну! Галли заметил, что мера эта очень помогает.

— Где его комната?

— Не знаю, — отвечал Галахад. — Где его комната, Кларенс? Граф очень удивился, что от него ждут сведений.

— Откуда мне знать, Галахад? В замке пятьдесят две комнаты. Многие вообще заперты — вот та, где ночевала Елизавета, и залы какие-то, но мистер Траут не в них. Куда-нибудь Конни его засунула.

— Тогда, — сказал рассудительный герцог, — пойду спрошу Конни.

Как на беду, девятый граф снова стоял рядом со столиком, на который герцог водрузил бокал и чащу (пустые), часы, календарь и фотографию Джеймса Скунмейкера с леди Констанс. Когда страшные слова достигли его сознания, он дернулся, столик упал в привычной манере, герцог воскликнул: «Ну, Эмсворт!», а Галли предупредил, что это может войти в привычку. Но граф отмел укоры.

— Аларих! — вскричал он.

— Что еще?

— Не буди Конни!

— Ха-ха!

— Я не знаю, что она сделает!

— Что ж, пойдем, узнаем, — предложил Галли. Он был добр и не хотел стимулировать надпочечники брата, а потому прибавил: —Ты,

Кларенс, не ходи, мы справимся. Спи, милый принц,[11] и ангельское пенье тебя утешит. Пошли, Данстабл.

6

Мы не скажем, что леди Констанс обрадовалась посетителям. Она скорее растерялась, и взгляд, сперва обратившийся к Галли, напоминал о Медузе. Правда, увидев герцога, она помягчела; Галахад был способен на все, но Аларих не разбудил бы ее без очень весомой причины.

Герцог и начал беседу. Человек слабый испугался бы этой царственной женщины в косметической маске, слабый — но не он.

— Конни! — сказал он. — Где ты поселила этого Траута? Леди Констанс спросила в свою очередь:

— Почему ты бродишь по дому в такой час?

Тут герцог нашелся сразу. Не для того он лез по лестнице, чтобы отвечать на всякие вопросы.

— Не в этом дело. А вообще, я ищу этого гада.

— Зачем? — не унялась леди Констанс. — Подожди до утра.

— Не могу, — отвечал герцог. — Он сбежит. Надеюсь, еще не сбежал.

Леди Констанс настолько не была готова к такой напряженной беседе, что обратилась за помощью к своему брату Галахаду.

— О чем он говорит, Галли?

— Очень просто, Конни, — отвечал добрый Галахад. — Он думает, что Траут украл у него картину и где-то спрятал. Насколько я понимаю, он хочет его пытать, пока он не выдаст тайника. Очень разумно. Всегда дает плоды.

Как ни убедительны были объяснения, леди Констанс поняла не все.

— Аларих, — спросила она, — почему ты подозреваешь мистера Траута?

— А кто еще может украсть?

— Почему ты думаешь, что ее украли?

— Картины сами не сбегают.

— Все равно не поняла.

— Если она исчезла, кто-то ее взял. Эмсворт был в галерее и видел, что ее нет.

— Кто, Кларенс? — Леди Констанс мгновенно успокоилась. — Неужели ты ему веришь? Ты же знаешь его. В детстве он говорил, что у него под кроватью живут индейцы.

— Вызови Траута! — вскричал герцог.

— И не подумаю. Пойдем в галерею, посмотрим сами. Через несколько минут она продолжала:

— Ну, вот видишь! Герцог ответить не мог.

— Я же говорила! Кларенс, как вылитый. Может быть, разрешишь мне лечь и заснуть, если удастся?

Она ушла, превосходя гордостью всех своих предков женского пола, хотя многие из них специализировались на этом грехе; а Галли пощелкал языком.

— Расстроилась, — сказал он.

— Как и я, — прибавил герцог.

— Странно, что Кларенс так ошибся.

Герцог выразил свои чувства, фыркнув особенно громко.

— А что странного? Он не рассеянный, он слабоумный. Идет ночью к свинье, потому что видел сон. Потом заходит ко мне и швыряется столами. Лепечет о каких-то кошках. А главное, не видит картин. Надо бы вызвать врача.

Галли задумчиво поглаживал подбородок, а иногда протирал монокль.

— Врача — не врача, — сказал он, — но психиатр не помешал бы.

— Кто?

— Такой тип, который расспрашивает о детстве и выясняет, почему вы кричите в театре: «Пожар!» Обычно причина в том, что у вас в шесть лет отняли петушка.

— Знаю, знаю. Кладут на кушетку и дерут три шкуры. Я думал, их называют фрейдистами.

— Это научный термин.

— Я слышал о таком Глоссопе.

— Сэре Родерике? Да, он самый известный.

— Пригласим.

— Он уехал в Америку, газеты писали.

— Жаль.

— Но, — продолжал Галахад, — по удивительному совпадению, я сегодня утром говорил с его ассистентом, Халлидеем. Он не хуже Глоссопа. Все говорят, исключительно одарен.

— Ты его уговорил бы?

— Конечно! Он будет рад. Все дело в Конни.

— А что?

— Пригласит она его? Ей не надо знать, что Кларенс болен. Женщина, сам понимаешь. Разволнуется. Ты не смог бы ее убедить, что он твой друг?

— Убедить? — Трубное фырканье огласило галерею. — Зачем? Я его сам приглашу.

— Превосходно! — сказал Галли. — Позвоним ему завтра с утра.

Глава восьмая

1

Будуар леди Констанс (второй этаж) выходил на дорожку перед входом, а там — и на самый парк, куда и глядела хозяйка через два дня после изложенных событий. Она стояла у окна, выпуская пламя из красиво очерченных ноздрей, а время от времени содрогалась, словно невидимая рука колола ее булавкой. Думала она об Аларихе, герцоге Данстаблском, и стилист в духе Флобера, искавший точные слова, сказал бы, что она бесилась, как мокрая курица.

Много лет назад, еще в детстве, она непрестанно слышала от гувернанток: «Конни, милочка! Истинные леди чувств не выдают»; слышала — и усвоила. На людях она сохраняла патрицианскую отрешенность, но можно же в конце концов немного расслабиться в своей комнате! Да, можно. Когда, глядя на парк, она дрожала и хмурилась, самая строгая гувернантка признала бы ее права. Леди Констанс была гордой женщиной и вынести не могла, что Аларих приглашает к ней кого ни попадя, сперва — Траута, теперь какого-то Халлидея. Утешало ее одно: все ж это не друзья Галахада.

Пока она стояла, буквально извергая адреналин, ко входу, тяжко пыхтя, подкатило такси (владелец — Робинсон-младший), а из него вышел, судя по всему, этот самый Халлидей. Проследив за ним взглядом, которому позавидует василиск, леди Констанс признала, что с виду он вполне приличен. Но пригласила его не она, а потому — обдала холодом, когда через несколько минут Галли привел его к ней. Нервный молодой человек, отметила хозяйка замка. Трепыхается.

И не ошиблась. Джон именно трепыхался. Недолгий экстаз сменился чувствами, которые испытывает кошка, забредшая в незнакомую аллею. Галли говорил ему, что хозяйка вполне способна вышвырнуть вон, и, глядя на нее, он видел, что это верно. Припомнив, что муж ее — американец, по фамилии Скунмейкер, он живо представил себе гибрид Хемфри Богарда[12] с Эдвардом Робинсоном,[13] цедящий слова, не разжимая губ, и питающийся сырым мясом. Таким червем он не чувствовал себя даже в те минуты, когда судья ругал его за недостаточно умелую защиту обоих Онапулосов.

Галли, в отличие от него, цвел и веселился. Сестра его не пугала. Когда на твоих глазах разумная няня бьет человека головной щеткой, чары его теряют силу. К тому же сейчас он всех любил. Мало, что так приближает к герою Диккенса, как сознание, что ты вытащил ближнего из компота. Думая об этом, Галли веселился и цвел.

— Привет, Конни! — пропел он, словно он — жаворонок, а не позор семьи. — Вот мистер Халлидей, которого ты ждешь-не дождешься. Сразу привел к тебе.

— О? — сказала леди Констанс. — Здравствуйте, мистер Халлидей.

— Большой приятель Данстабла, — сообщил Галли.

— О?

— И мой. Мы только что познакомились, но как-то сразу подружились. Называем друг друга по имени, Галли, Джон.

— О?

— Это большая удача, вообще Джон очень занят. Надеюсь, он все уладит с этой бедной девушкой. Она вернулась?

— Нет.

— Когда ты ее ждешь?

— Попозже.

— Так, так. У нас гостит некая Линда Гилпин, — объяснил Галли. — Вчера уехала на какое-то сборище, в свою старую школу. Я ее предупреждал, она там совсем усохнет, но что поделаешь! Хорошо, пойду покажу Джону замок. Вам повезло, Джон. В особый день с посетителей берут полкроны, ха-ха.

Когда дверь за ними закрылась, леди Констанс выпустила воздух, который так и держала все это время. Менее воспитанная женщина еще бы и выругалась, ибо беседы с Галли действовали на ее нервы, как наждачная бумага. И сказать ничего нельзя, виноват Аларих. Вот ему она скажет… — и тут он вошел.

Те, кто изучил ее характер, удивляются, почему она ждала до сих пор, но мы это объясним. О приезде Джона она узнала, когда у нее был приступ невралгии и ей запретили вставать.

Мы уже говорили, что леди Констанс любила герцога любовью сестры. Однако по ее нынешнему взгляду никто бы этого не угадал. Так смотрят, в лучшем случае, тетушки.

— Да, Аларих?

— Э?

— Я говорю, да, Аларих?

— Очень глупо, — заметил герцог. — Что ты имеешь в виду? Я

ничего не сказал, при чем тут «да»?

Леди Констанс совсем уж оцепенела. Как обычно, герцог рыскал по комнате, перебирая мелкие предметы и бросая неприязненные взоры на фотографию Скунмейкера. Опять же, как обычно, ей при этом казалось, что множество муравьев гуляет у нее по спине; и она вспоминала уроки гувернанток.

— Я сказала «Да, Аларих», потому что хотела спросить, зачем ты пришел.

— Э?

Любовь сестры убыла еще порядка на два. Муравьи расплодились.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Да. Марка. Пишу в «Тайме», насчет правительства. Никто ничего не смыслит. А кто это Джейн?

— Прости?

— Тут подписано: «Джейн». От кого это?

— Не читай мои письма.

— Я и не читаю. Они скучные. Почему Скунмейкер глупо хихикает?

— Мне очень жаль, — сказала леди Констанс, — что улыбка моего мужа тебя не устраивает. Если хочешь, позвоню по международной и попрошу учесть твою критику.

— Э? — откликнулся герцог, вертя письмо от некоей Эми, которое ему понравилось. — А что этот Фред натворил?

— Прости?

— Вот она пишет, надо с ним развестись. Наверное, такое отмочил…

Леди Констанс со свистом вдохнула воздух.

— Положи мое письмо! Слушай!

— По-моему, — заметил герцог, — ты беспокоишься. В чем дело, а?

— Беспокоюсь? Я бешусь. Это — замок, а не гостиница.

— Ты насчет Траута?

— И Халлидея.

— Ну, Трауту я продаю картину, — объяснил герцог. — Надеюсь, что даже существо женского пола поймет такую несложную мысль. А Халлидей…

— Что ты собираешься продать ему? Видимо, это уже не замок, а торговый центр.

Герцог руководствовался тем же правилом, что и Галли: ругают тебя? Нападай.

— Чего ты язвишь? — спросил он. — Ах-ах-ах-ах! Разъязвилась. Я тебе и так скажу, а то будешь перед ним выпендриваться. Давно думаю,

как эти янки терпят. Губы скривишь, глаза — на нос, смотреть противно! Ну, ладно. Значит, когда я ушел…

— Откуда?

— Ну, когда Эмсворт свихнулся. Да, у него в детстве никто не отнял соску?

— Ничего не понимаю!

— Ладно, Халлидей разберется. Прямо так и спросит. Так вот, ты легла, а мы с Трипвудом решили, что Эмсворта надо лечить. Психика ни к собакам, если ты знаешь, что это такое.

— Конечно, знаю!

— Вот. Надо лечить. А лечат — врачи. Я давно говорил, еще когда он вздумал пустить свинью на ипподром.

— Этого не было!

— Было, было.

Муравьи, объединившись со всеми своими родственниками, маршировали под звуки гимна.

— НЕ БЫ-ЛО! Он мне сам сказал.

— А ты чего ждала? — не сдался герцог. — Ляпнул, а потом спохватился. Я слышал, еще и отговаривал. Но дело не в том. Мы с Трипвудом хотели позвать Родерика Глоссопа, но его нет, а Трипвуд знает его ассистента. Мы и позвали. Вот он, прошу.

По ходу этих объяснении леди Констанс остывала. Она никогда не заблуждалась насчет Кларенса, но теперь всполошилась всерьез. Да, кто-кто, а психиатр ему нужен. Только справится ли этот Халлидей?

— Он очень молод, — сказала она.

Герцог пристально смотрел на фотографию Скунмейкера.

— Смешная у него голова. Как луковица.

— Он очень молод, — повторила леди Констанс.

— Вот уж не сказал бы! Твой Скунмейкер…

— Я имела в виду мистера Халлидея.

— Конечно, молод, а что? Если он младший, значит — не старый, — рассудил герцог, удивляясь тому, как отупела Конни среди американашек. Простых вещей не понимает.

2

Минуты две, а то и три Галли и Джон молчали. Галли думал о том, как ловко решил он всякие проблемы (чего не сделаешь, если ты не был

пеликаном), Джон ощущал то, что ощущают после первой встречи с леди Констанс, не пожелавшей проявить любезность, и после удара мешком по голове. Ему казалось, что он долго пробыл в холодильнике с королевой Елизаветой I.

— Держался ты неплохо, — сказал Галли. — Сдержанная приветливость. Не каждый выдержит это с таким апломбом. Очень может быть, что прекрасная Линда будет как пыль под твоей колесницей.[14] Жаль, что ее нет, но часа через два будет.

— К тому времени я приду в себя.

— Да, вообще-то после Конни надо оттаять. У меня — иммунитет, но я знаю, что делается с другими. Помню, попался мне рассказ «Птица с тяжелым взглядом», и я все думал, не видел ли автор мою сестру. Вся в отца, он мог открыть взглядом устрицу. Держись, нервы тебе нужны для прелестной Линды!

— Я бы попросил…

— А что такого? Я человек простой. Прелестна — значит прелестна. Заметь, у нее тоже будет нелегкий взор. Выбирай слова. Рекомендую стиль печальных воспоминаний. Напомни, как вы плыли на байдарке, мир исчез, ни один звук не нарушал летней тишины, а серебристые струйки…

— Мы не плыли.

— Что, на лодке не катались?

— Нет.

Галли удивился и заметил, что без лодки с небольшим пикником он единения душ не мыслит.

— Где же вы объяснились?

— Да мы и не объяснялись. Я спросил, не выйдет ли она за меня замуж, она согласилась, все в такси.

— Но раньше ты ее видел?

— Да, в гостях.

— Не на лодке?

— Нет.

— Жаль. Как вы познакомились?

— У нее в лавке.

— В лавке?

— Ну, в таком магазинчике. Он прогорел.

— А что там было?

— Цветы.

— Ты зашел купить прекрасных роз?

— Нет. Я зашел, потому что увидел ее через витрину.

— Любовь с первого взгляда?

— У меня — да.

— А потом что?

— Оказалось, что я учился в Оксфорде с ее братом.

— А потом?

— Встретились в гостях.

— И говорили про брата?

— Среди прочего.

— А потом?

— Ходили в кафе.

— Часто?

— Не очень. Зачем ей со мной ходить? Кто я, в сущности, такой?

— Мой крестник. Прекрасно играешь в гольф. Да, Господи, что она, царица Савская?

— Конечно.

— Елена какая-нибудь?

— Да, Елена, и еще Клеопатра. Вы же сами знаете, вы ее видели.

Галли не спорил; точно то же самое думал он о Долли Хендерсон. Однако крестный просто обязан быть адвокатом дьявола.[15] Линда ему понравилась, но он понимал, что характер у нее не идеальный. Она не похожа на героиню стишка, которая могла сказать о себе: «Плачу от счастья, когда улыбнешься, если сердит — трепещу». С такой женой обеспечена хорошая борьба.

Все это он и высказал.

— Хорошо, — согласился он, — вид у нее приятный, но это еще не все. Беседа в тисовой аллее показала мне, что кротость ей неведома. Да, этот суд ее поразил, но она и вообще напомнила мне одну девицу, которая уколола меня в ногу шляпной булавкой. Мало того, она напомнила песенку моей юности. Один молодой человек повел в Хемстедский парк свою подругу. Начался дождь, бутерброды промокли, и вот что сказал страдалец: «Одна заплачет, другая — нет. Что это значит? О, сколько бед! Она кричит, кричит, кричит, она ворчит, ворчит, ворчит и не дает мне спеть куплет! Ах, Нэнси, Нэнси, Нэнси, зачем же ты ворчишь? Ах, Нэнси…» В общем, похожи. Тот самый тип характера. Ты готов к такой супружеской жизни?

— Да.

— Не боишься?

— Нет.

— Беги, пока не поздно, а?

— Не хочу.

— Что ж, — подытожил Галли, с удовольствием слагая обязанности дьявольского адвоката, — я тебя понимаю. Мы мало знакомы, но она мне нравится. В конце концов, что такое крик? Зато не скучно. Сосредоточимся на методе. Их — сотни. Один пеликан проглотил таблетку и упал со страшным криком. Правда, после промывания желудка она все равно его отвергла. Но вообще мысль хорошая. Нравится тебе?

— Нет.

— Тогда — несчастный случай. Если ты лежишь на ковре, обливаясь кровью… Один пеликан помирился с невестой, когда его стукнули табакеркой. У нас она есть. Дай Биджу денег, а то и просто уговорим… Нет? Трудно на тебя угодить. Так и хочется сказать: «Привередлив».

Они помолчали. Джон смотрел на озеро, словно сэр Бедивер, внезапно осознавший, как душен летний день.

— Что, если я выкупаюсь? — спросил он. Галли не возражал.

— Полотенца и прочее — вон в том домике. Кларенс купается каждое утро. То ли для здоровья, то ли смывает запах. А я полежу в гамаке.

Он ушел, Джон направился к домику, и Линда Гилпин, решившая окунуться на обратном пути, увидела его минут через десять. Она застыла, поморгала, не веря своим глазам, и кинулась прочь, чтобы найти Галли, ибо женское чутье подсказало ей, что без него такие вещи не делаются.

Кипя естественным гневом, она решила все же держаться с прохладным достоинством, показывая, что ей совершенно безразлично, есть в замке Джон Халлидей или его нет. Что он ей, в сущности? Смешно, честное слово!

Такие мысли прервал звонкий, но мелодичный звук, быстро набирающий силу.

Бидж звонил к обеду, бил в гонг.

3

Бидж положил палочку, сдержанно радуясь завершенному делу. Он любил слушать, как обеденный звон доходит до полной силы и угасает нежным пианиссимо, словно далекий гром. Не сразу довел он свое мастерство до такого совершенства. Поначалу он просто бил, ударял; теперь — мог поспорить с любым дворецким Англии. Галли заметил как-то, что дело тут — в плечевых мышцах. Бидж склонялся к мысли, что главную роль играет поворот руки.

Обычно после гонга наступала тишина, но на сей раз ее заменил грохот, словно сыпали уголь. Дело в том, что Говард Чесни поскользнулся на последних ступеньках, налетел на журнальный столик, схватился за него и застыл, радуясь, что жив.

Рядом с ним оказался Бидж. Обычно он проходил мимо, метнув в него холодный взгляд, но па «гадаринская свинья»[16] привлекло его внимание. Стараясь подчеркнуть, что о фамильярности не может быть и речи, он спросил:

— Надеюсь, вы не расшиблись, сэр?

Говард только что в этом убедился, похлопав себя руками, как хлопали его полисмены там, на родине. Кости оказались целы.

— Все в порядке, — браво сказал он. — Схватился за столик. Скользко.

— Да, сэр.

— А почему?

— Не знаю, сэр. Не справлялся, сэр, — строго ответил Бидж. Помощь — одно, болтовня — другое.

Он величаво удалился, и вбежала Линда. Говард Чесни любил потолковать с хорошенькими девушками, но она куда-то делась, сменившись Ванессой.

— Привет! — сказала соотечественница. — Вас-то я и ищу.

Как мы помним, она собиралась заняться его нравственным кодексом. За это время ей удалось установить, что он еще ниже, чем кажется.

— Вы не видели Уилбура? — спросила она, и тут появился Уилбур, упражнявшийся в бильярдной. — А, вот и вы! Сейчас откроем собрание.

— Что? — не понял Уилбур, думая о том, как идет ей вечернее платье.

— У нас же заговор, — объяснила она. — Сядем вот здесь, никто не услышит.

Она повела их в уголок, где стояли латы. Скорее всего, в них никого не было.

— Так вот, насчет картины. У меня хорошая мысль. Простая. Чем проще, тем лучше, верно?

Уилбур кивнул и прибавил, что чем сложнее, тем хуже, проиллюстрировав эти слова примерами из своей семейной жизни.

— Сперва узнаем мнение мистера Чесни, — предложила Ванесса. — Вы можете нарушить законы?

— Смотря какие, — ответил осторожный Говард.

— Такие, что риска нет.

— Ну…

— Тогда…

— Ну, положим, могу. А в чем дело?

— Сейчас узнаете. Видели новую картину? Надо ее украсть. Как вы, поможете?

— Естественно.

— Прекрасный ответ.

— Что надо сделать?

— Уехать.

— Отсюда?

— Именно. Машина при вас?

— Да.

— Вот и уезжайте.

— Не понимаю.

— Сейчас объясню.

— Зачем мне уезжать?

— Чтобы ничего не заподозрили. Хватятся картины, а вас давно нет.

— Но если меня нет…

— Не беспокойтесь, вы вернетесь и будете сидеть тихо, пока мы с Уилбуром все не сделаем. Точнее, когда мы пойдем за картиной, стойте под окном. Мы спустим ее на веревке, вы отвезете в Лондон. Наутро будет страшный шум. Герцог заподозрит Уилбура, прочешет его комнату, но ничего не найдет. Придется списать на воров. Потом вы с Уилбуром встретитесь там, в Лондоне, он ее возьмет. Вот и все.

Она замолчала, как бы ожидая аплодисментов, и дождалась их от Траута.

— Ну, мозги! Нет, какие мозги!

— Спасибо, рада слышать.

— У моих жен их не было.

— Вот как?

— Ни малейших. Нет, какой ум!

— Спасибо, Уилли.

Все помолчали. Голос совести, видимо, что-то шептал Трауту.

— Я пошлю герцогу чек, — наконец, сказал он.

— И выдашь себя. Посылай уж лучше признание.

— А он не поймет, от кого.

— Анонимный чек?

— Да, вроде их не бывает… Тогда деньги. Ванесса пожала плечами.

— Не советую.

На этом собрание закрылось. Траут пошел переодеваться. Конни он

боялся и не хотел рассердить. Говард Чесни боялся только Биджа и никуда не пошел. Действительно, одеться, думал он. Плевое дело. Он еще не обсудил один пункт.

— А условия? — сказал он. Ванесса удивилась.

— Условия? Я помогаю старому другу.

— А я нет. Какие условия, а?

Ванесса не спорила. В конце концов, трудящийся достоин пропитания. [17]

— Ладно, — сказала она. — Уилли человек широкий. Вы сколько хотите?

— Тысячу.

— Многовато.

— Нет.

— Хорошо, скажу Уилли. Хотя…

Ванесса замолчала. Через холл шли Галли с Джоном.

— Эй, кто это? — спросила она. — Бидж, кто это с мистером Трипвудом?

Бидж, ставивший на столик коктейли, учтиво повернулся к ней:

— Это мистер Халлидей, мэм. Сегодня приехал.

Он удалился, она повернулась к Говарду и увидела, что на нем лица нет.

— В чем дело? — спросила она.

— Нет, это надо же? Сколько этих судейских, а приехал — он! Нет, это…

— Вы его знаете?

— Ха-ха! Когда я последний раз влип, кто был адвокатом? Халлидей!

4

Ванесса была сильной женщиной, но ведь не железной.

— Что! — вскричала она.

— Да. Он — адвокат.

— Вы уверены?

— А то! Помнит он меня? Еще как помнит! Навидался. Куда идем?

Вопрос был удачный, и Ванесса при всем своем уме не смогла придумать ответ. Однако она не сдалась.

— Ладно, — сказала она. — Надо подумать. Идемте в галерею.

Когда они туда пришли, она сказала:

— Есть. Сидите у себя, обедать не ходите. Я скажу, что вам нездоровится. А завтра…

— То-то и оно! Он меня увидит, а старушка — вышвырнет.

— Вы слушайте! Завтра вы уедете на рассвете.

— А что вы им скажете?

— Вам звонили, ждут на заседание.

— Они поверят?

— Конечно.

— Кто брал трубку?

— Я. Встала очень рано.

— Мура какая-то.

— Лучше не придумаем.

— Ладно. А потом что?

— Сидите в «Гербе Эмсвортов» дня два.

— Там кровати — жуть! Мне один говорил, набиты камнями.

— Ну, езжайте в Лондон, только оставьте телефон. Я вам позвоню. Мы без вас не управимся.

Говард смотрел на картину без должного восхищения.

— На что она Трауту?

— Похожа на его жену.

— На свинью!

— Лорд Эмсворт тоже так думает. Дело не в том. Поможете — получите тысячу. Идет?

Говард согласился, он любил деловой тон.

— Ну, все. А теперь идите к себе, и поскорей, я пошлю их с обедом.

Она убежала, он двинулся за ней, но отступил. По коридору шли герцог с адвокатом.

Глава девятая

1

Одеваясь у себя в комнате (тоже второй этаж), Джон был исключительно бодр. Купание освежило его; в отличие от лорда Эмсворта, вечерний костюм он любил. Словом, физически он был в форме и убеждал себя, что то же самое можно сказать о душе. Если бы ему намекнули, что он весь трясется, он бы резко это отверг.

Размышляет — да. Готовится — предположим. Но трясется? Да, какое-то напряжение неизбежно, но своей спокойной простотой он его победит. Линда разумна и чувствительна. Естественно, эти судебные дела огорчили и ранили ее, но теперь, успокоившись, она все увидит, как надо. Он объяснит ей, что долг тянул его в одну сторону, любовь — в другую, и она поразится его цельности, догадавшись, что именно такой муж, с такими этическими стандартами, ей и нужен. Вероятно, они посмеются над этим происшествием.

А трястись? Ну, что это, честное слово!

Однако, когда дверь распахнулась, он подпрыгнул, явственно ощущая, что сердце стукнулось о нижние зубы. Приземлившись, он увидел гостя. Большой, широкий, усатый человек с выпученными глазами в упор глядел на него, особенно интересуясь только что надетой рубашкой. Любознательность герцога не ограничивалась письмами, рубашки его тоже занимали.

— Где купили? — спросил он.

— Простите?

— Вот это. — Герцог ткнул в рубашку пальцем, и Джон учтиво ответил, что купил ее в Хаймаркете, у Блейка и Олсопа, на что посетитель горько покачал головой и посоветовал ходить на Риджент-стрит, к Гучу и Гордону. У Блейка и Олсопа он бывал, там слишком дорого. Только Гуч и Гордон. — Сошлитесь на меня, — сказал он, однако не представился, полагая, по всей вероятности, что все его знают.

И впрямь, Джон сообразил, что при благоприятном течении дел он будет называть гостя дядей, а потому — испытал к нему всерастворяющую нежность. Конечно, дяди бывают помельче, помягче, без усов, но что тут сетовать! И он горячо поблагодарил за совет.

— Значит, лечите психов, — сказал гость. Джон вовремя вспомнил, как это надо понимать.

— А без бороды!

— Да.

— Вот Конни и сказала, что вы молодой. Да уж, не старый! Сколько вам?

— В сентябре будет двадцать семь.

— У меня такой племянник. Оболтус. Другой помладше, тоже идиот. Женились черт знает на ком. Ну, вы не идиот, если вас держит Глоссоп. Как он?

— Спасибо, хорошо.

— Голова!

— Да, он прекрасный врач.

— Жаль, не достали. Обойдемся вами. Джон заверил, что сделает все возможное.

— Трипвуд все объяснил? Насчет Эмсворта?

— Да. Я знаком с ситуацией.

— Видели его?

— Нет.

— Увидите за обедом. Трипвуд сказал, что он совсем тю-тю?

— Я вывел из его слов, что лорд Эмсворт эксцентричен. Герцог не любил эвфемизмов. Да, профессиональная сдержанность, но все равно противно.

— Еще чего! Совершенно спятил. Возьмем эту свинью. Дураку видно, что она вот-вот лопнет. Медали ей дают! А на что свинье медали? Трипвуд считает, у него когда-то отняли соску. Нет, он такой родился! Конечно, могли и уронить. Сами разберетесь. Что вы с ними делаете?

Вопрос был трудный, и Джон постарался, как мог.

— Так, знаете ли… делаю… в общем, то-се…

— Вопросы задаете?

— Конечно.

— На кушетку он не ляжет. Поймет, что дело нечисто.

— Ничего, можно стоя.

— Все равно?

— Да.

— Ну, разберетесь. Трипвуд заплатит?

— Да, мы договорились.

— А то я платить не буду. И так видно, что он псих. Знаете, вот что, посмотрите-ка на других. Сколько с головы? Это я так, платить не буду,

просто интересно.

— Вам кажется, тут есть люди, нуждающиеся в лечении?

— Есть! Все как один. Возьмем мою племянницу… Что такое?

— Судорога.

— То-то вы прыгаете. Сам болел. Вылечили. Так вот, племянница. Приходит недавно, поет, чего-то хихикает. Ну, думаю, втрескалась. Спросил, уже здесь, — нет. И не врет, это видно. Кроме того, не поет. Я уж понадеялся, есть у нас один, с биржи. Ужас, сколько денег! Ходит с ноября, все без толку. Вроде у них только и делали, что влюблялись. Папаша ее извел мою бедную сестру — естественно, пока не женился. В общем, посмотрите, как она. Вроде бы не поет, а кто ее знает! И еще такая Ванесса Полт. Болтала с Трипвудом, сил нет. И что она в нем нашла? А теперь молчит. Сегодня смотрю — сидит на скамейке. Подхожу — нету, сбежала. Ну, Конни — туда-сюда. Вышла за янки, похож на луковицу, зато очень богатый. Траут… да, тут лечить и лечить. Все время женится. Трипвуд…

— Мне кажется, он вполне уравновешен.

— А монокль? В общем, ясно. Пошли вниз. Галстук не завязали! Сейчас, сейчас… — Он быстро превратил эту часть туалета в мятый носок и поспешил к лестнице, рассказывая на ходу о своем враче, который судороги вылечил, а пить перед обедом запрещает. — Давление, видите ли. Псих, не иначе, — заключил он.

В это мгновение и открыл дверь Говард Чесни. Он собрался юркнуть обратно, как кукушка в часах, но ангел-хранитель (это он так считал) шепнул ему на ухо, что лучше подкрасться сзади к Джону и его толкнуть. Лестница скользкая. Может сломать ногу. Увезут в больницу. Чего еще и желать?

И он стал красться, словно леопард за своей добычей.

2

Когда Линда спустилась вниз, она увидела Галли.

— Вернулись? — спросил он, сверкнув моноклем.

— Вернулась.

— Хорошо съездили?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

Галли глубокомысленно кивнул.

— Так я и думал. В женской школе я не учился, но собрания представляю. Вспоминают хоккейные матчи, и ссору Анджелы с Изабел, и тот незабываемый вечер, когда Флосси намазала на хлеб ваксу вместо паштета. Благоразумные девицы этих сборищ избегают. Что ж, ободритесь, все позади, на будущий год не поедете. А у меня для вас приятная новость.

Мраморные черты вроде бы дрогнули, но обладательница их осталась сдержанной и холодной. Глядя на нее, Галли вспомнил Снежную королеву из балета.

— Знаю, — сказала она, — я была у озера.

— А, вы его видели?

— Издалека.

— Вблизи он еще лучше. Крикнули «Эгей!»?

Линда презрела этот вопрос, если не считать ответом подергивание верхней губы.

— Вам не стоит так утруждать себя, мистер Трипвуд.

— Просто Галли. Так? Как именно?

— Я думаю, трудно было втащить его в замок.

— Усилия любви!

— Бесплодные. Я с ним говорить не буду.

— Не будете?

— Нет.

— Даже здороваться?

— Поздоровается — отвечу.

— Он огорчится.

— Очень хорошо.

Никто не назвал бы ее поведение обнадеживающим, но Галди, переубеждавший букмекеров, не боялся обычной барышни, хотя бы и с неважным характером; а потому — продолжал:

— По-моему, моя дорогая, вы делаете большую ошибку. Нельзя губить жизнь из-за мелких огорчений. Вы прекрасно знаете, что он — сказочный принц. В гольф когда-нибудь играли?

— Да. При чем это тут?

— Его гандикап — шесть.

— Знаю.

— А ваш?

— Восемнадцать.

— Вот видите! Кому не нужен муж, перед которым ты склонишь голову, глядя на шар? Да вы и сами заметили, что души у вас — близнецы.

Вы и Джон Палк Халлидей…

— Что после Джона?

— Палк. Это от «Палка». Такой инструмент. Прозвище его отца в клубе «Пеликан». Решил увековечить. Жена и пастор были против, но он переспорил. Сильный человек. Джонни в него.

— Меня это не касается.

— Это вы так думаете.

— Верно. Думаю.

Галли вздохнул и принялся протирать монокль, прекрасно понимая заклинателей, которые никак не могли справиться с глухим аспидом. Это навело его на мысль, и он прибег к Писанию.

— Я знаю, где вы ошиблись, — сказал он.

— Ну, где?

— Солнце зашло во гневе вашем? Зашло. А это плохо, всякий вам скажет.

Линда помолчала; видимо, она думала.

— Мне кажется, — сказала она, — это не гнев.

— Очень похоже.

— Да, сперва я разозлилась, но теперь я все ясно вижу. Вы понимаете?

— Нет.

— Объяснить трудно.

— Попробуйте.

— Вас не выкатывали в смоле и перьях?

— Не припомню.

— А меня — выкатали. Тогда, в суде. Он завел все эти «Я полагаю» или там «Убеждены ли вы?», и я поняла, что никогда этого не забуду. Ну какой тут брак?

— Чепуха!

— Нет, не чепуха. Вообще за юристов нельзя выходить замуж.

— Они же вымрут!

— Давно пора.

— Чем они так плохи?

— Всем. Садисты. Услаждаются, мучая свидетелей.

— Выполняют свой долг, только и всего.

— Услаждаются.

— И Джонни?

— Он первый.

— Вот вы и ошиблись. Он страшно мучился, просто весь извелся. Но долг есть долг. Он взял у Клаттербека деньги, должен отработать. Я лично

им восхищаюсь. Пример для всех нас. Люций Юний Брут.[18]

— Кто?

— Вы не знаете Люция Юния?

— Не знаю.

— Ну и учат в этих ваших школах! Надо было пойти в Итон. А может, времени не было, все играли в хоккей?

— Ни в какой я хоккей не играла.

— Ну, в пинг-понг. Люций Юний Брут был юрист, судья, и однажды перед ним предстал его сын. Вину доказали, никакой Перри Мейсон[19] не вызволил бы подсудимого. А что же Брут? Пожурил и отпустил? Дал условный срок, отделался штрафом? Как бы не так! Засудил по всей форме. Все восхищались. Именно это я испытываю к Джону.

— Но не я.

— Ничего, подождите. Вы еще будете им гордиться.

— Когда? Я за него не выйду, даже если все остальные перемрут.

— Пример условный, нельзя так ставить вопрос.

— Я вообще не выйду замуж.

— Выйдете, выйдете! За Джона.

— Нет.

— Хотите пари?

Именно в эту минуту Джон и герцог, точнее — герцог и Джон, спускались по лестнице, и так быстро, словно скатывались по перилам. Вот их не было, вот — они здесь.

Вспомним, что за ними, как леопард, крался Говард Чесни. Дойдя до лестницы, Джон учтиво пропустил старшего вперед; а он, Говард, немедленно толкнул его в спину.

Получилось неплохо. Джон полетел, как небезызвестный человек на летающей трапеции. В самом начале полета он прихватил герцога, и они приземлились в холле, но отдельно. Герцог достиг лат, возле которых недавно было собрание, Джон — журнального столика, о который и стукнулся головой. Больше он ничего не помнил.

Не помнил он, в частности, того, что Линда вскочила, закричала и схватилась за горло, словно героиня мелодрамы, а потом кинулась через холл прямо к нему.

Гувернантка леди Констанс осталась бы недовольна, чем и отличалась бы от Галли. Он хотел несчастного случая — и вот, пожалуйста! Собственно, это лучше табакерки. Теперь, вероятно, девица его поцелует.

Галли не ошибся. Приходя в себя и ощущая, что какой-то шутник

заменил ему голову тыквой, Джон с удивлением увидел, что над ним склонилась Линда.

— Ты меня целуешь? — осторожно спросил он.

— Да, да, — заверил Галли. — Целует. Видимо, небольшое недоразумение — позади, и нежный бог любви обвил ее своей прелестной сетью, как в старое доброе время, когда она и не слышала о Клаттербеке. Все правильно?

— Все.

— Эта жертва несчастного случая — сказочный принц?

— Да.

— Тогда, моя дорогая, отведите его в ванную и подставьте под холодную струю. Шишка будет, ничего не поделаешь. Ах, какие шишки бывали у нас в «Пеликане»! Скажем, у твоего отца. От бутылок. Политические диспуты… Однако что за шум?

3

Шум производил герцог, лежа под латами. Что-что, а легкие у него остались целы. Галли направился к нему и оглядел его сочувственным взором. Он его не любил, но, по своей доброте, жалел — во всяком случае, сейчас.

— Расшибся? — спросил он и понял, как глупо об этом спрашивать. Понял и герцог.

— Не пори чушь! Конечно, расшибся. Ногу вывихнул.

— Дай посмотрю. Болит?

— У-ой!

— Да, вывихнул. Вот, опухла. Давай я отведу тебя в комнату. О, Бидж! — обрадовался он. — Его светлость вывихнул лодыжку.

— Да, мистер Галахад?

— Помогите нам, ладно? А потом позвоните доктору. Когда герцога уложили, а Бидж ушел звонить, Галли собрался уйти, но страдалец его окликнул:

— Трипвуд!

— А, что?

— У-ой!

— Больно?

— А то нет! Но не в этом дело. Что с Линдой?

— В каком смысле?

— Сам знаешь. Видел. Почему она целовала этого… ну, врача?

— И верно! Помню, целовала. Он лежит, а она к нему наклонилась…

— Наклонилась? Кинулась, как цирковой тюлень на рыбу. И целует, и целует…

— Да, я заметил.

— Раз пятьдесят.

— Примерно. Не удивляйся, она его любит.

— Что ты порешь! Они не знакомы. Он сегодня приехал. Галли понял, что пришло время разомкнуть уста. Лучше бы

после обеда, но вряд ли возможно. Инвалид не успокоится, если ему не скажешь правду. И он начал свою повесть с той напевной мягкостью, которою завоевывал сердца пеликанов.

— Что ж, Данстабл, открою тебе все. Ты ошибся, они знакомы. Джонни довольно долго ухаживал за твоей племянницей. Сам знаешь, как это делается: цветы, кафе, нежный шепот, пламенные взгляды, а возможно — и флакончик духов. Часто видели, что он гадает на ромашках в Кенсингтонском саду. Так оно и шло, пока однажды в такси он не сделал ей предложения. Она согласилась. Именно поэтому она и пела, а ты подумал, что у нее неладно с головой. Нет, Данстабл, голова у нее в порядке. Всякий запоет, когда любит и любим. Ты представь, о чем она думала: Джонни в парадных штанах, хор, клир, епископ — спорые, шустрые, как однорукий обойщик, а там — и свадебный завтрак, и отъезд, и медовый месяц.

Герцог несколько раз хотел вмешаться, но не мог, в основном — от ярости, и только болботал.

— Надо ли говорить бывалому вояке, что путь любви не бывает пологим? Они поссорились. Джонни мог помириться только здесь, в замке. Но как же сюда попасть? Сказать Конни, что он мой крестник? Ни в коем случае. Конни не жалует моих подопечных. Не вдаваясь в частности, она их всех относит к касте неприкасаемых. Ты возмущен. Я тебя понимаю, но такова моя сестра.

И тут я придумал: пусть будет психиатром. Тогда, если ты разрешишь такой образ, я убью двух зайцев. Утром — Линда, вечером — Кларенс. Благодаря тебе он приехал, к счастью — упал, ударился, твоя племянница, по твоему же меткому выражению, кинулась к нему, как цирковой тюлень, и, возможно, до сих пор целует. Словом, они помирились, и ты можешь делать заметки для своего тоста на свадебном завтраке.

Даже такой блестящий рассказчик должен перевести дыхание; и герцог ловко обратил монолог в беседу.

— В жизни не слышал такой чепухи, — сказал он. Галли горестно удивился.

— Ты огорчаешь меня, Данстабл, — сказал он, укоризненно сверкнув моноклем. — Неужели тебя не трогает весенний расцвет любви? Да, сейчас не весна, но дела это не меняет. Я думал, только вывих удержит тебя от танца семи покрывал. Радовался бы — теряешь племянницу, обретаешь племянника.

— У-ой!

— Перестань говорить «у-ой». Тебе что, не нужен племянник?

— Нет. У меня их три штуки. Двое женились черт знает на ком, и, заметь, без спроса. Линду я до этого не допущу. Помощник психопата, еще чего! Скажи своему мерзкому сынку, что надежды нет. И не спорь, незачем.

Дальнейшую дискуссию прервал местный доктор из деревушки, разместившейся в тени замка. Галли вздохнул с облегчением и направился в холл, где нашел счастливую пару (Линда выглядела точь-в-точь как ангел-хранитель, сделавший доброе дело) и сообщил им новости.

— Ну, Джонни, говорил я с твоим будущим дядей. Правда, он с этим не согласен.

— С чем?

— Что он будет тебе дядей. Я ему все объяснил, и он сказал: «Не разрешу!» В чем дело?

Спросил он Линду, ибо она пронзительно закричала, а потом как-то странно уставилась на него.

— Так и сказал? — проверила она глухим, замогильным голосом.

— Да, но что с того? При чем тут всякие дяди? Какие у него права, хотел бы я знать?

— Большие! О, Джонни, Джонни! Я не успела тебе сказать, но я — под опекой совета.

Она хотела что-то прибавить, но Бидж ударил в гонг, а когда Бидж ударял в гонг, человеческий голос мог и не стараться.

4

Весь обед Галли думал о ее словах. Что значат они для закона, он не знал, а спросить крестника — не мог. Линда тоже сидела далеко, и он спросил Ванессу, свою соседку, но она в таких делах не разбиралась.

В правление леди Констанс обед был строгой процедурой. Мужчины

оставались, как оставались они при ее отце. Лорд Эмсворт ушел вместе с дамами, чтобы снять воротничок и надеть шлепанцы, и только тогда Галли, перебив Уилбура Траута, спросил:

— Какие права у совета, никто не знает?

Уилбур с обычной своей приветливостью начал говорить что-то, почерпнутое из детективов, и Галли его поблагодарил.

— Это не совсем то, — мягко заметил он. — Речь идет о девушке, она под опекой совета. Что они могут запретить?

Джон просидел весь обед молча, но сейчас заговорил:

— Практически все, если это оформлено.

— О, Господи! — воскликнул Галли, а Джон монотонно, словно из могилы, продолжал:

— В этих случаях подопечная подпадает под действие закона об опеке над детьми. Она не может выйти замуж без разрешения. Если же она самовольно решится на этот шаг, суд вправе наложить запрет.

Переведя это на человеческий язык, Галли стал протирать монокль, а заговорил — из другой могилы.

— Запретит ей выйти замуж?

— Вот именно.

— А вдруг не запретит?

— Только в том случае, если совет об этом попросит. Галли яростно протирал монокль, как бы моля о силе.

— Значит, если какой-то кретин против, она ничего не может сделать?

— Да.

— Чудовищно!

— Таков закон.

— Кто его выдумал?

— Не знаю.

— Чушь какая-то!

Уилбур Траут, слушавший с большим интересом, задал резонный вопрос:

— А если она все-таки выйдет?

— Мужа посадят в тюрьму.

— Вы шутите!

— Нет, таков закон. Это серьезное преступление.

— Значит, на подопечных нельзя жениться?

— Если совет возражает, нельзя.

— Жаль, мои жены не были под опекой!.. — сказал Уилбур Траут.

5

Произнеся эти слова, он допил вино и ушел в бильярдную, а Галли обрел полную свободу.

— Однако положеньице! — сказал он.

— Да.

— Ты не перепутал?

— Нет.

— Тогда дела плохи.

— Хуже некуда.

— Как ты думаешь, почему он оформил все это в совете?

— Не знаю, не спрашивал, — резче, чем хотел бы, ответил Джон. — Я думаю, из-за ее братьев. Женились без спроса, вот он и решил…

— Вполне возможно. С него станется.

— Да.

— А тебя правда посадят, если что?

— Правда.

— Ты не мог бы их убедить?

— Нет.

Галли вздохнул. Все шло так хорошо, и вдруг — пожалуйста! Сам Джерри Джадсон поставил бы сто к одному, и то после долгих размышлений.

— Нехорошо, — сказал он, вздыхая еще раз. — Поражение у самого финиша. Нет, зря я так говорю. Держи хвост трубой, вот мой девиз. Что-то придумать можно.

— Прошу.

— Надо подумать.

— Вот это верно.

— Хорошо уже то, что здесь, в замке, ты можешь очаровать Данстабла. Он тебя полюбит. Он скажет: «Ах, как я в нем ошибался! Это же соль земли, цвет нации. Танцевать на его свадьбе — великая честь». Зайди к нему, вырази сочувствие, спроси о чем-нибудь.

— О чем именно?

— Ну, о лодыжке. Он лежит, страдает. Самое время!

— Да?

— Все переменится, вот увидишь. Пошел бы, а?

— Может, завтра? Или послезавтра?

— Нет, иди.

— Он очень страшный.

— Чепуха! Истинный агнец.

— Да-а?

— При чем тут «да-а-а»? Никто ничего не добился, сидя на заду. Хочешь жениться или нет? Что ж, подлижись к Данстаблу. Пляши перед ним. Прилипни к нему, как пластырь. Задавай загадки, рассказывай сказки, пой песенки. Можешь показать карточный фокус.

— Ну, если вы так считаете… — протянул Джон. Он недавно знал герцога, но совсем не хотел с ним сблизиться.

Глава десятая

1

Лорд Эмсворт лег в постель немного взволнованным. Чувствительному человеку всегда неприятно, если с лестницы низвергается водопад гостей, да и предшествующие события вполне могли повысить давление. Когда он пришел в себя, он нервничал, и мы не удивимся, что он долго не мог заснуть.

Но и заснув, он скоро проснулся, ибо в три часа ночи сон его прервало одно из неприятных происшествий, свойственных сельской местности. Летучая мышь ошиблась, влетела в открытое окно и принялась кружить по комнате в своей глупой манере. Покажите мне летучую мышь, гласит старая пословица, и я вам покажу стопроцентного идиота.

Девятый граф не сразу ее заметил, спал он крепко; но когда она раза три просвистела у его щеки, он ощутил то, что ощущают в рассказах о привидениях, а именно: он — не один. Тогда он присел, поморгал и решил проверить это ощущение.

Кроткий и мирный пэр становился иногда мужем силы. Швырнув в пришелицу подушкой, он понял, однако, что не заснет, пока не почитает книгу о свиньях. На столике как раз лежала новая, нечитанная, и он погрузился в нее.

Она оказалась такой новаторской, что взгляды автора (несомненно — только что окончившего сельскохозяйственный колледж) глубоко поразили его. Уиффл или Вольф-Леман никогда бы не согласились с трактовкой пойла или болтанки из отрубей. Но все это было интересно, граф не мог оторваться и дошел до пятой главы, где говорилось о новом витамине, стимулирующем аппетит.

«Чушь!» — сказал бы Уиффл, «Вздор!» — сказал бы Вольф-Леман, но доверчивый Эмсворт был потрясен, словно астроном, открывший новую планету, или Кортес,[20] взирающий на невиданный океан. Именно этого он ждал с той поры, как она отказалась от картошки. И местный ветеринар, и свинарь, Катберт Прайс, пытались убаюкать его подозрения, внушая ему, что это — прихоть благородного животного, но он не сдавался. Он знал, он чувствовал, что ее надо подбодрить, — и вот, пожалуйста, в главе пятой нашел то, что нужно. Автор советовал дважды в день в молоке давать

спасительные витамины.

Вероятно, и в главе шестой поджидала приятная весть, но лорд Эмсворт не выдержал. Он спрыгнул с постели, чтобы немедленно позвонить врачу.

Отыскав вторую тапочку, он помедлил, припомнив, что путь к телефону лежит мимо комнаты леди Констанс. Представив себе, как сестра кидается на него, он ощутил то самое, что ощущают на Востоке, когда возвращается малярия.

Но то была минутная слабость. Подумав о предках-крестоносцах, особенно о сэре Фарамонде, отличившемся при Яффе, он спросил себя: «Неужели сэр Фарамонд испугался бы сестры?» Конечно, у него не было Конни; и все же…

Через две минуты он вышел навстречу судьбе.

2

Мы не побоимся сказать, что граф был смел и спокоен, но всякий, кто знает из Томаса Харди, что любой наш замысел легко и просто разрушает воля неведомого бога, предостерег бы его. «Осторожно, Эмсворт! — предупредил бы он. — Смотри под ноги!»

Именно этого граф сделать не мог, было слишком темно, да и никто не напомнил ему, что перед дверью сестры поджидает вполне солидный рок; так что, когда он с ним столкнулся, он резонно ощутил, что мир кончается отнюдь не всхлипом.[21]

Мы не уверены, что сэр Фарамонд сохранил бы спокойствие. Во всяком случае, его потомок просто оцепенел, чувствуя, как ни странно, что позвоночник вылезает из макушки. Суеверным он не был, но и ему показалось, что дело нечисто.

К тому же он удивился. Брат его, Галахад, советовал не опрокидывать ночью столы, но это был не стол, а скорее поднос, уставленный стеклом или фарфором. По-видимому, коридор устлали подносами.

Все объяснялось до нелепости просто. Леди Констанс иногда не спалось, и бостонский врач посоветовал ей выпивать в постели стакан подогретого молока, заедая его фруктами. Проделав это, она выставляла поднос с посудой за дверь, чтобы горничная убрала его. На него и наступил ее брат. Томас Харди, увидев в этом иронию рока, настрочил бы роман в двадцать тысяч слов.

Человек действия постарался бы скрыться, но лорд Эмсворт

растерянно стоял, пока дверь не открылась и леди Констанс в розовом халате не появилась в ней, как на подмостках елизаветинской трагедии.

— Кларенс! — вскричала она.

То ли наследственность, то ли шок, превращающий кротких в буйных, побудили графа спросить:

— Почему тут какой-то поднос?

Леди Констанс трудно было напугать. Еще в школе она прославилась своими ответами.

— Неважно, — сказала она. — Почему ты здесь?

— Подносов понаставили!

— Ты знаешь, который час?

— Я мог поранить ногу!

— А мог и спать.

— Я спал.

— Зачем же ты вышел?

— Проснулся.

— Вот я почитал бы.

— Я читал. Ужасно интересная книга. Про свиней.

— Так читал бы, чем бродить в четыре часа!

Справедливый граф понял ее правоту. К тому же дух крестоносцев сменялся духом джентльменов. Он решил все объяснить.

— Мне надо позвонить. Банк…

— Что?!

— Ну, Банк…

Леди Констанс два раза глотнула, а заговорила — шепотом. При всей ее силе, она была потрясена.

— Тебе кажется, что банки открыты всю ночь?

— Это не банка. Это Банк, ветеринар. Надо ему сказать про новый витамин.

Леди Констанс снова глотнула. Заметив, что она слабеет, лорд Эмсворт встрепенулся.

— Наверное, сейчас очень поздно.

— Да…

— Он спит.

— Да…

— Может, подождать до утра?

— Да.

Лорд Эмсворт обдумал эту мысль.

— Ты права, — сказал он. — Он может расстроиться. Спасибо, Конни.

Спокойной ночи. Ты ложись, поспи.

— Постараюсь.

— Прекрасно, — сказал граф. — Прекрасно, прекрасно, превосходно.

3

«О, мысли юности, — заметил Генри Водсворт Лонгфелло (1805–1882), — как вы мятежны!»; и точно то же самое мы скажем о мыслях среднего возраста. Леди Констанс легла, но не заснула. Мысли мятежно вертелись вокруг несчастного брата, явственно подошедшего к границе безумия.

Увидев его с налета после долгого общения со скучными, возможно — туповатыми, но совершенно разумными бизнесменами, она не только удивилась — она испугалась.

Да и какая сестра не испугалась бы? Муж ее, Джеймс Скунмейкер, употребил как-то выражение, очень подходящее к случаю: «У него шариков не хватает». Да, Кларенс приветлив, да, он послушен, добр, кроток — но где шарики?

Посудите сами. Бродит по ночам буквально каждую ночь. Говорит, что есть кошки, когда их нет. Говорит, что нет картины, когда она есть. Звонит под утро измученным ветеринарам, чтобы спросить про витамины для свиней. Вполне хватило бы для хорошей лечебницы, где он получил бы и умелый уход, и приятное общество.

Конечно, мистер Халлидей его лечит, но Аларих и Галахад зря на него так полагаются. Недавно, вот здесь, в коридоре, она его встретила, стала расспрашивать, и он очень туманно отвечал. Возможно, специалист и не ответил бы иначе профану; но она беспокоилась.

И потом, он так молод. Видимо, главное — в этом. Нет, леди Констанс не возражает, чтобы лакеи или полисмены были молодыми, но может ли не очень зрелый человек читать в глубинах сознания?

Именно с этой мыслью, мучительной, как зубная боль, леди Констанс и уснула.

Проснулась она тоже с ней, а завтрак растревожил еще больше. Судя по всему, новый врач не мог вернуть к нормальности ее брата Кларенса.

После завтрака она пошла к герцогу, чтобы выразить сочувствие, надеясь при этом, что болезнь не ухудшила и без того плохой характер. Гораздо меньшие причины приводили его в такое состояние, что так и казалось, будто перед тобой — что-то из Апокалипсиса.

К счастью, он был сравнительно тих — сидел в постели, читал газеты.

— А, это ты! — сказал он.

Возможно и более сердечное приветствие, но леди Констанс, истинный философ, решила, что спасибо на этом, и широко улыбнулась.

— Ну, как ты, Аларих?

— Плохо.

— Нога болит?

— Еще как!

— Могло быть и хуже.

— Ты так думаешь?

— Мог сломать шею.

— Да уж, мог. Этот чертов врач меня не спас бы.

— Я как раз хотела о нем поговорить.

— И я. Налетает, толкает!..

— Он очень молод.

— Ну и что? Я в его годы не толкал людей с лестниц.

— Нет, я хочу сказать, он молод для врача. Почему ты его пригласил?

— Кого-то надо позвать, Эмсворт совсем плох!

— Да, это верно. Знаешь, Аларих, он ночью бродил по дому. Хотел звонить насчет свиньи.

— Ночью?

— В четвертом часу. Меня разбудил.

— Вот почему ты так плохо выглядишь, — обрадовался герцог. — Прямо дохлая мышь. Да, звонит по ночам… Как тут обойтись без доктора? Сегодня звонит, завтра скажет, что он не граф, а вареное яйцо. Жаль, что ты уедешь. Вообще от тебя толку мало, но чем больше тут народа, тем лучше, а я у вас вечно жить не могу. Встану — уеду. Надо смотреть за ремонтом.

— Но, Аларих…

— Разве это работа, без хозяина! Я не за то им плачу, чтобы рассказывали друг другу анекдоты. Стоят, курят… Нет, не за то.

— Но, Аларих, я не уезжаю.

— Ты забыла. У тебя муж в Америке.

— Он приедет сюда. Мы тут пробудем до осени.

— Приедет, как же! Задержится. Работы много. Он так и пишет. Да, забыл тебе сказать. Ко мне попало его письмо.

Леди Констанс вскрикнула.

— И ты прочитал?

— Проглядел. Много чепухи.

— Ну, знаешь!
— Откуда известно, кому оно?
— Это пишут на конверте.
— Не заметил.
— И в начале письма.
— Так было «Душенька». Может, это я. Да и вообще, какая разница? Я тебе все сказал. Можешь не читать.
— Дай письмо!
— Лезь под кровать, оно упало, — посоветовал герцог. — Ветер, знаешь, сквозняк.Ываляешься в пыли. Оно у самой стенки.
Леди Констанс закусила губу. Больно, да, но не кусать же герцога!
— Я вызову Биджа.
— Зачем? Он не пролезет.
— Он пришлет мальчика, который точит ножи.
— Его дело. На чай не дам.
На этой суровой ноте беседа и кончилась. Леди Констанс ушла в большом волнении. Она очень ждала Джеймса, не только ради себя, но и ради брата. Ее любимый муж был разумен и спокоен, это вам не юный Халлидей. Кто знает, что упустил неопытный врач, до чего дойдет несчастный Кларенс? Будет есть в библиотеке, никого к себе не подпустит…
Достигнув будуара, она вызвала Биджа и велела ему послать к герцогу мальчика. Потом постояла у окна, подумала и поняла, что делать.
Сэр Родерик Глоссоп куда-то уезжал, видимо — к больному, но не навек же! Надо пригласить его. Такой специалист поможет и за несколько дней.
Она подошла к телефону, набрала номер, и голос ответил ей:
— Приемная доктора Глоссопа.
— Нельзя ли попросить сэра Родерика? — осведомилась она.
— Простите, он в Америке Всех больных ведет сэр Аберкромби Фитч. Дать вам его телефон?
— Нет, спасибо. У нас помощник сэра Родерика.
— Простите?
— Помощник. Ассистент.
— У сэра Родерика нет ассистента.
Леди Констанс не выдала своих чувств, истинные леди их не выдают.
— Произошла какая-то путаница. С вами говорит леди Констанс Скунмейкер из Бландинга. В замке находится некий Халлидей, называющий себя ассистентом сэра Родерика. Что вы знаете о нем? Может

быть, он ассистент сэра Аберкромби?

— У сэра Аберкромби тоже нет ассистентов.

— Вы уверены?

Секретарь поджался. Нельзя задавать секретарям такие вопросы.

— Абсолютно, — ответил он.

— Спасибо, — сказала леди Констанс тоже без особого тепла, повесила трубку, перевела дух и кинулась к герцогу. Именно он, думала она, может все объяснить.

У него был местный врач, и она подождала, дрожа от нетерпения. Наконец, после слов «Ну, вижу, мы поправляемся», целитель ушел, а герцог снова закурил сигару.

— Знающий тип, — заметил он. — Как ты думаешь, сколько у него набежит? За год? Вряд ли много, все ж тут деревня. Правда, у нас в Уилтшире лекарь живет неплохо. Пьяниц лечит, на них и выезжает.

Леди Констанс не собиралась обсуждать доходы сельских врачей и перешла к сути дела.

— Аларих, я хочу знать все про этого Халлидея. Герцог попыхтел сигарой.

— Как это «все»? Я сам ничего не знаю. Помощник Глоссопа, хочет жениться на Линде. Ну, это не выйдет! Толкает, видите ли, людей и еще лезет в семью! Нет уж, пардон. Приходил сюда, подлизывался. Я его погнал, будь здоров!

Поразительные сведения отвлекли леди Констанс от основной темы.

— Что ты сказал? — проговорила она. — Хочет жениться на Линде?

— Вроде бы да. Влюбился, видите ли!

— Да он с ней вчера познакомился!

— Видала? — спросил герцог. — Настоящее кольцо. Кольца дыма не больше занимали леди Констанс, чем доходы сельских врачей. Она повторила свой вопрос, и герцог кивнул.

— Это верно. Но Трипвуд сказал, они давно знакомы. Дарил ей всякие духи, чтоб ему треснуть. Трипвуд сказал, они поссорились, а он приехал мириться. Он его крестник, то есть Трипвуда. Оно и видно. Что ты смотришь, как дохлая утка?

Леди Констанс смотрела, как дохлая утка, ибо она поняла все. Брат ее Галахад, истинный змий, привез в замок еще одного самозванца. Нет, у змиев все же есть какие-то пределы.

Бландингскому замку везло на самозванцев. Двух-трех привозили другие, но чаще это был Галахад; и ей, как бывало нередко, захотелось освежевать его тупым ножом.

Однажды, в детстве, он упал в пруд, и его выловил садовник. Какая глупость! Все беды, подумала она, от таких садовников. И она потянулась к звонку.

— Что ты делаешь? — спросил герцог.

— Вызываю Биджа.

— Мне Бидж не нужен.

— Ничего, мне нужен, — мрачно отвечала она. — Пусть передаст мистеру Халлидею, что я хотела бы с ним побеседовать.

Глава одиннадцатая

1

Когда Галли приезжал в замок, он любил полежать после завтрака в гамаке, размышляя о космосе, или о Дальнем Востоке, или, наконец, о бегах. Естественно, в это утро он размышлял о крестнике, пока, открыв глаза, не увидел его самого.

— Привет, Джонни, — сказал он. — А я о тебе думал. Как ты с Данстаблом, поладил?

Джонни был мрачен, словно спал еще меньше, чем прославленный полуночник, девятый граф.

— Не очень, — ответил он. Галли не поддался его тону.

— А ты плюнь!

— Плюнуть?

— Конечно. Ты же не ждал, что он сразу оттает. Все ж ты его толкнул с лестницы. Беседуя с ним, я заметил, что он расстроен.

— Наверное, он думает, что это нарочно.

— Какая несправедливость! Лучшие люди падали с этих ступенек, я, например. А вообще, зря ты так скакал.

— Я не скакал. Знаете, Галли, у меня такое чувство, будто кто-то меня пихнул.

— Чепуха. Даже в этом замке не сбрасывают людей с лестницы.

— Да. Видимо, показалось.

— Вот именно. Не это важно. Важен герцог. Ты его не умаслил?

— Нет.

— Про ногу спрашивал?

— Да.

— А еще о чем говорили?

— Я сказал, что он был знаком с моим отцом.

— Господи!

— Не надо было?

— Конечно. Он не выносил твоего отца. Сам посуди, ударил индейкой.

— Отца?

— Нет, что ты! Отец ударил его. Мы ужинали у Романо, и они

поспорили об апостольской преемственности[22] абиссинской церкви. Странно! Обычно Палка спорил о политике. Праздновали мы победу одной лошади. Ужин был хороший, они немного выпили, и вот поспорили. Данстабл говорит, есть преемственность, а Палка — еще чего, куда ей! Слово за слово, Данстабл схватил фруктовый салат и уже занес миску, но твой отец вцепился в индейку и одним махом уложил его, как crepe suzette.[23] Жаль, не успели заключить пари! Палка вообще хорошо орудовал птицей, он и фунта сшиб с ног холодным гусем. Значит, Данстабл не простил… а ведь тридцать лет прошло!

— Во всяком случае, он взвился, когда услышал, чей я сын.

— И подумай, они бы не узнали эту абиссинскую церковь, если бы ее поднесли на блюде! Да, Бидж?

Бидж немного пыхтел, он уже не был стройным лакеем, как восемнадцать лет назад.

— Миледи просит зайти мистера Халлидея, — сказал он. Галли протер монокль, и даже вставил, но с таким чувством, что вскоре придется его протирать.

— Не знаете, зачем?

— Нет, мистер Галахад.

— Что ж, иди, Джонни!

Оставшись один, Галли вернулся к размышлениям. Птицы пели, цветы благоухали, пчелы жужжали, как и все насекомые, а с заднего двора доносились звуки гармоники, на которой играл шофер. Кошка, которая так подвела лорда Эмсворта, прыгнула его брату на живот. Он учтиво почесал ее за ухом, но не успокоился. Если Конни взялась за дело, жди беды.

Пока он лежал и думал, к гамаку приблизилась Линда; и он сказал как можно бодрее:

— Доброе утро! Вот, беседую с кошкой. Джона видели?

— Нет.

— Только что был тут. Пошел к моей сестре. Не знаю, надолго ли, но потом хорошо бы ему зайти к вашему дяде.

— Он его видел?

— Да, вчера.

— И что?

— Ничего хорошего, но все ж — начало. Пусть ходит, подлизывается. Вполне могут подружиться.

— Вряд ли.

Галли поправил кошку и нахмурился.

— Не надо так говорить.

— Почему?

— Нехорошо. Повторяйте лучше: «Кто устоит перед Джоном?»

— Ответ: «Дядя Аларих».

Воцарилось молчание, если забыть о пчелах, птицах и шофере. Наконец, Линда сказала то, о чем постоянно думала:

— Неужели за это действительно могут посадить? Галли с удовольствием рассказал бы о пеликанах, которые беспрепятственно женились на подопечных, рассказал бы — но не мог.

— Боюсь, это так, — ответил он. — Джонни зря не скажет.

— Он говорит, он готов рискнуть.

— Не разрешайте. Ни в коем случае.

— Конечно, не разрешу. Разве я хочу, чтобы этот ангел шил мешки в подвале? Как несправедливо! — воскликнула Линда. — Братья женились на ком хотели, дядя ничего сделать не мог, а все потому, что они — мужчины. Пыхтел, сопел, а не мог. Только потому, что я женщина…

Речь ее прервало появление такси (Робинсон-младший). Из замка вышел Бидж с чемоданом, за ним — Джон. Бидж положил чемодан в багажник, Джон влез в машину. Такси задребезжало и двинулось; а Линда, с диким криком, побежала в комнаты.

Пересаживая кошку в гамак, Галли был задумчив. Реляций он не ждал, они ему были не нужны. Когда Линда вернулась, он протирал монокль.

— Уехал! — глухо сказала она.

— Да, я видел.

— Она его выгнала.

— Да, я понял.

— А я нет, — сказала Линда. — Бидж говорит, она узнала, что он не психиатр. Почему он должен быть психиатром? Мы все тоже не психиатры, ну и что?

Галли грустно покачал головой.

— Позже объясню, — сказал он, — это длинная история. Откуда Бидж знает?

— У него развязался шнурок перед ее дверью.

— Да, — заметил Галли, — все усложняется. Но не отчаивайтесь. Какой-нибудь выход есть, как не быть! А вот и Бидж. Держу пари, миледи зовет меня. Верно, Бидж?

— Миледи просит вас зайти к ней, мистер Галахад.

— Ах, как жаль! — вздохнул Галли. — Вы обыскали буквально все, перевернули скамьи и камни, но нет! Видимо, я уехал в Маркет Бландинг.

Не дрожите, рассказывая это, а главное — не стойте на одной ноге. Вас ждет то самое зрительское недоверие, о котором столько пишут театральные критики. Но не сдавайтесь. Тогда мы избежим многих бед.

Сам он был храбр и не боялся Конни, но не хотел попадаться ей под горячую руку. Точно такой же тактики придерживался он с Честным Джерри и Тимом Симсом.

2

Бидж сделал все, что мог. Когда леди Констанс пощелкала языком, он убежал с посильной быстротой. Кроме всего прочего, он спешил прочитать письмо.

Писала ему миссис Вейл, урожденная Доналдсон. Когда она гостила в замке, они очень подружились, и теперь она регулярно писала ему из своего санатория, а он сообщал ей новости бландингской жизни.

Письма ее были интересны, санатории и курорты просто кишат чудаками, и Бидж огорчился, когда в холле его окликнула Ванесса. Она ему нравилась, очень нравилась, но он спешил.

— О, Бидж! — сказала она. — Вы не видели мистера Траута?

— Нет, мисс.

— Тут у вас никого не найдешь. Завели бы ищеек. Ну, если вы его встретите, скажите, что я на крыше.

Добравшись да своей комнаты, Бидж взялся за письмо. Когда вошел Галли, он уже читая постскриптум.

— Куда-куда, — сказал Галли, — а к вам она не заглянет. Я слышал, что беседа с изысканной женщиной — одно из высших наслаждений, но смотря когда.

Бидж не ответил. Он явственно волновался.

— В чем дело, Бидж?

— Ах. мистер Галахад!

— Расскажите мне все.

— Боюсь, вы расстроитесь.

— Одно к одному. Валяйте!

— Я получил письмо от миссис Вейл.

— От Пенни? Очень хорошо.

— Да, мистер Галахад, но… В прошлом письме я сообщил ей, что у нас гостит дочь крупнейшего финансиста. Все же американка.

— Ну и что? Ладно, слушаю.

— А она — ох, не могу!.. она пишет, что у мистера Полта нет детей.

— Что?!

— Нет и нет, мистер Галахад.

— А, черт!

— Она знает. Ее отец — близкий друг мистера Полта. Значит, мисс Полт — самозванка.

— Вероятно. Чего же ей надо?

Бидж осторожно пожал плечами. Галли нахмурился.

— Что ж, — сказал он. — Пойду, спрошу.

— Она на крыше, мистер Галахад.

— Ладно, пойду на крышу.

Галли был сдержан. Ему не хотелось проявлять суровость. На его взгляд, каждый мог делать все, что угодно. Так вообще думали пеликаны.

Но это — случай особый. Видимо, тут затронуты интересы семьи. Да, он — пеликан; да, она ему нравится, но сейчас он не вправе устраниться, словно сторонний наблюдатель.

И все же беседа с изысканной женщиной снова не привлекала его.

3

На крышу Бландингского замка ходили редко, но если ходили — не жалели: оттуда открывался поистине дивный вид. Проникали туда через маленькую дверцу, за которой шла таинственная каменная лестница. Пройдя ее, вы оказывались на плоской площадке, окаймленной зубцами башенок, увенчанной же — веселым флагом, оповещавшим, когда надо, что Кларенс, девятый граф Эмсвортский, находится в замке. Когда-то, скрываясь от отца, Галли провел здесь много счастливых часов.

Ванесса смотрела вдаль. Он окликнул ее; она обернулась.

— Привет! — сказала она.

— Привет и вам, — ответил Галли. — Ну, как сельский вид?

— Это прекрасно. А где Бридон, о котором пишет Хаусмен?[24]

— Господи, вы читаете Хаусмена?

— А что?

Галли совсем растерялся, чуть все не бросил. Именно таких девушек не стыдно показать матери. Нет, лучше бросить. Но любопытство победило. Он знал, что не сможет заснуть, если не узнает, зачем она затеяла такую игру, и с кем? С Конни!

— Вы поразительный человек, — сказал он.

— Потому что люблю стихи?

— Нет. Только очень смелый человек способен на такое дело.

— Что вы имеете в виду?

— То, что вы морочите мою сестру Констанс. Я узнал из абсолютно надежных источников, что у Полта нет детей.

Галли помолчал, ожидая ответа; и ответ удивил его. Она могла смутиться, побледнеть, может быть — заплакать, но не засмеяться же! Да, она смеялась чистым смехом девушки с чувством юмора.

— Ну, вот, — сказала она. — Раскусили.

— Удивительно, что не раньше, — сказал он. — Конни замужем за крупным финансистом. Почему она не встречалась с вашим Полтом?

— Он очень замкнуто живет. У него есть один личный приятель, мистер Доналдсон.

— А у того — дочь, она дружит с Биджем. Он получил от нее письмо. Это она и пишет, что у Полта нет детей.

— Он бы их не вынес. У него четыре собаки и семь кошек, больше никого.

— Вы о нем много знаете.

— Приходится, я его секретарша.

— Вон что… А он вам — как отец. Вы выражались иносказательно.

— Как мило вы это представили!

— Тактично. Конни сказала бы иначе. Что-нибудь вроде: «Втерлись под чужим именем»…

— Это кто? Только не я! Может быть, мой отец — не Дж. Б. Полт, но уж точно Полт. Хорошая норфолкская фамилия.

— Да?

— Мне так говорили.

— А не мешает, что в конторе — однофамильцы? Если крикнуть: «Полт!», кто отзовется?

— Никто. К нам задолго записываются. Вы хотите спросить, не мешает ли это шефу? Нет. Развлекает. Потому я и стала его доверенной помощницей.

— Вот как?

— Да, именно так. У него нет от меня тайн.

— Сколько же за это платят?

— Немало.

— Тогда зачем это все? Что вы задумали?

— Простите?

— Зачем вы сюда приехали? От тайного общества, чтобы похитить

Биджа? От музея, чтобы украсть шлепанцы Кларенса? Есть же какая-то причина!

— Да, очень простая. Я хотела увидеть замок. Серьезность ее почему-то разозлила Галли, и он сердито сказал:

— Не люблю идиотских выдумок.

— Я не выдумываю. Я хотела его увидеть, именно увидеть— пожить в нем, все рассмотреть, а не заехать с толпой в назначенный день недели.

— Странно, — сказал Галли. — Очень лестно, не спорю, но откуда такое рвение? В Нью-Йорке никто и не слышал о нашем замке. Здесь не Тауэр и не Бекингемский дворец.

— Это мама.

— Что значит «это мама»?

— Она все время говорила о Бландинге. О парке, об озере, о тисовой аллее, о янтарной комнате. Я наслушаться не могла и все мечтала сюда поехать.

— Почему она все это знала? Она тут жила?

— Да. Она служила горничной.

— Что!

— Вы удивились?

— Конечно. Как здешняя горничная попала в Нью-Йорк?

— Отец был лакеем у американского миллионера. Тот гостил в замке. Естественно, слуги общались, эти двое — влюбились, обратно поехали вместе. Потом миллионер умер от сердечного приступа. Все понятно?

— Да.

— Что до леди Констанс, да и до Дж. Б. Полта, тут сложнее. Хотите услышать историю моей жизни?

— Очень хочу.

— Хорошо, только сперва дайте сигарету.

Галли вынул портсигар. Ванесса закурила и поглядела на башни.

— Наверное, — спросила она, — ваши предки лили отсюда расплавленное олово?

— Только этим и занимались.

— Как романтично!

— Да, да. Старый английский обычай. Но не отвлекайтесь. Я слушаю.

— Ну, ладно. На чем мы остановились?

— На смерти миллионера.

— Что ж, он оставил отцу кой-какие деньги, мы купили небольшой ресторан. Дела пошли хорошо, меня отдали в прекрасную школу, потом — в колледж. Я собиралась стать секретаршей, училась стенографии.

Поступила к одному человеку, потом к другому и дошла до Дж. Б. Вы не устали?

— Нет.

— А то эта часть — скучная. Ничего, сейчас будет интересней. Три недели назад прихожу я на службу, а шеф выдирает последние волосы. На него подали в суд, речь идет о миллионах. Меня вызывают свидетелем. Главное письмо пропало, без него ничего не докажешь, он мне его диктовал. Ясно?

— В общем, да.

— Шеф сказал, чтобы я немедленно уезжала, лучше всего — в Англию. Надо вам сказать, я здесь никогда не была. Он дал мне денег, купил самый лучший билет. Так я и встретила вашу сестру. Вы спросите, как я назвалась дочерью Дж. Б.?

— Именно, спрошу.

— Это вышло само собой. Она много говорила о замке, но не приглашала. И вдруг в газете мы с ней увидели заметку о моем шефе, о его зверях. Она спросила, родственники ли мы, и тут я не выдержала. Все изменилось. Она меня пригласила. А теперь, — закончила Ванесса, — пойду, сложу вещи.

— Вы уезжаете? — удивился Галли.

— Конечно. Я бы не хотела, чтобы леди Констанс рассматривала меня в лорнет, как таракана.

Галли редко вскрикивал, но тут издал такой звук, словно лопнул бумажный пакет.

— Вы что, думаете, я вас выдам?

— А как же?

— Конечно, нет!

— Я же обманщица.

— Ну и что? Да тут побывало больше обманщиков, чем вообще есть людей на свете. Вы так старались, так рисковали. Мне ли вам мешать?

— Вы очень добрый человек.

— Ну, что вы!

— Не знаю, что и сказать.

— Ничего не говорите. А вот я скажу Биджу, чтобы и он ничего не говорил.

Он побежал искать дворецкого, зато на крыше появился Уилбур Траут, нервный и бледный. Пришел он из портретной галереи, но прославленная ню его не воодушевила.

Сомнения терзали его. Кроме семейной жизни, он был нерешителен и

очень беспокоился, а потому слова: «Ну, Уилли, крадем сегодня ночью» — принял, скорее, со страхом, чем с радостью. Глотнув раза три, он сказал:

— Зачем так спешить?

— Надо. Если леди Констанс узнает…

— Что?

— Кое-что обо мне. Если она узнает, я не продержусь тут и шестидесяти секунд. Нельзя рисковать. Позвоню Чесни, он уже доехал. Пусть ждет под окном в два часа ночи. Ты спи. Я к тебе постучусь. В чем дело? Ты не рад?

— Рад…

— То-то! Подумай, у тебя будет картина. Укрась ее розами. Или возами.

— Женевьева так говорила…

— Вполне понятно, — сказала Ванесса, — что ты по ней тоскуешь.

Глава двенадцатая

Будильник на столике нежно зазвонил, оповещая о том, что уже — два часа ночи, и Ванесса села в постели, протирая прекрасные глаза. Легла она рано, чтобы выспаться, голова у нее была свежая, она могла проверить свой план — проверить и одобрить. Ей удалось раздобыть и фонарик, и веревку, и большую фляжку, чтобы подбодрить вовремя коллегу. Когда они виделись в последний раз, она заметила, что он нервничает, а добрая фляжка — лучшее средство от нервов.

Накинув на пижаму пеньюар, который очень ей шел, она стала думать об Уилбуре, и сама удивилась, как при этом умиляется. Во времена недолгой помолвки он нравился ей, не больше, но сейчас, в замке, чувства ее изменились.

Конечно, с ним приятно иметь дело, он все понимает, говорит на том же языке. Кроме того, он туповат, это хорошо, умные мужчины ненадежны. Не хватает ему только одного — няньки. Кто за ним присмотрит? Неизвестно. Возьмет картину, уедет, женится на очередной лахудре, разведется. Да, невесело…

Решив, что матримониальные дела Уилбура Траута ее не касаются, она взяла фонарик, фляжку, веревку и вышла в темный коридор.

Уилбуру отвели комнату, в которой, если верить легенде, Эмсворт XV века разрубил жену топориком, как делали в то время, если не задавалась семейная жизнь. Несчастная, надо полагать, испугалась, увидев его, — но не больше, чем Уилбур, когда пришла Ванесса. Сам лорд Эмсворт, враг подносов и столиков, не произвел бы такого впечатления. Пролежав без сна несколько часов, Траут задремал, и стук в дверь точно совпал с тем моментом кошмара, когда взорвалась бомба.

Уилбур Траут очень боялся леди Констанс. Ее манера сразу поразила его. При всем своем опыте он не встречал таких женщин, и сейчас, услышав стук, испугался, что она придет в галерею, придет и скажет: «Какого черта?!», или что там говорят в этих случаях британские аристократы. Поэтому он очень обрадовался фляжке, а заодно — восхитился Ванессой, которая заботится обо всем.

— Какой халат, блеск! — беспечно воскликнул он.

— Собственно, это пеньюар, но спасибо на добром слове.

— У Женевьевы такой был.

Ванесса поджала губы, но голос ее не выдал, как отвратителен ей этот

сюжет.

— А что, его больше нет? Расскажи мне о Женевьеве. Уилбур немного растерялся.

— Что рассказывать?

— Поройся в памяти.

— Красивая такая…

— Еще бы!

— Блондинка.

— И это верно.

— Говорить не любит.

— Сильная, молчаливая натура.

— А вот ругаться, это да.

— Она тебя ругала?

— Все время. Нет, иногда что-нибудь швыряла.

— Что именно?

— Что попадется.

— Возы?

— И выгоняла из дому. Помню, мы поспорили в ночном клубе, она побежала домой, все переломала, перебила — мебель, посуду, ну все. Прихожу, она говорит: «Видишь, сделала уборку». И замахнулась кочергой.

— Тут вы и развелись?

— Немного позже.

— Из-за чего?

— Она сказала — нечеловеческая жестокость.

— Бедная!

— Но вообще-то из-за этого, трубача.

— Ах, да, я забыла! И джаз поганый, верно?

— Я и сам удивлялся. Я думал, она разборчивая.

— Истинная леди?

— Вот именно.

— Зато теперь бьет кочергой его. Допил фляжку?

— Еще осталось.

— Оставь, пригодится. Пошли.

В свете фонарика галерея оказалась такой зловещей, что сострадательная Ванесса зажгла верхний свет — и зря. Ряды Эмсвортов смотрели из рам с немым упреком. Траут не слышал, как во внезапном вдохновенье герцог сравнил их с экспонатами, украшающими комнату ужасов, но согласился бы с этим мнением. Графы были ужасны, но

графини их переплюнули. Все они, как одна, походили на леди Констанс.

— Дай-ка фляжечку, — пробормотал он.

Ванесса ему не отказала, но думала явно о другом. Графов и графинь она не боялась, а все-таки приутихла. Ей казалось, что тут что-то не так.

Говард Чесни совсем недавно ответил ей: «В два ноль-ноль? Заметано», — но шел третий час, а его под окном не было. Кролики были, что там — куницы и летучие мыши, и жучки, и белая сова, о которой говорил Галли, а вот Говарда — не было. Бидж сказал бы, что это очень хорошо; Ванесса бы не согласилась. Да, ей не нравился этот человек, но если его нет, что делать?

Когда часы над конюшней пробили три раза, она решила поделиться сомнениями с Траутом. Проигрывать она умела не хуже того мудреца, который советовал не плакать над пролившимся молоком. Что до Говарда Чесни, она понимала — только большая беда удержит его на пути к тысяче долларов. Страдала она из-за Траута.

— Знаешь, Уилли… — начала она — и не кончила, ибо он спал, вытянув длинные ноги, уронив на плечо голову.

Глядя на него, она удивилась, что так умиляется. Лучшие друзья не сказали бы, что спящий Уилбур ласкает глаз; но он трогал сердце. Ванессе казалось, что она могла бы вечно стоять и смотреть на него.

Однако сейчас это было опасно. Никто не вошел, но ведь мог и войти. С трудом отрезвев, она потянула за рыжую прядку.

— Уилли, вставай!

Он медленно вернулся к яви, ворча и похрюкивая.

— Э, что?

— Пора вставать.

— Что?

— Ну, проснись ты!

Он сел прямо и заморгал.

— Я заснул, да?

— И крепко.

— Удивительно! Что-что, а по ночам я чаще не сплю. Эй! — Он взглянул на картину. — Она еще тут? Который час?

— Четвертый.

— Где же Чесни? Наверное, что-то случилось.

Чутье не обмануло его. Говард Чесни лежал со сломанной ногой в маленькой больнице местечка Уибли-в-Долине, графство Вустершир, напоминая его жителям, что не стоит спать за рулем.

— Да, наверное, — согласилась Ванесса. — Что ж, ничего не вышло.

Мне очень жаль.

Уилбур молчал, задумчиво глядя на картину. Потом обернулся.

— Что?

— Ничего.

— Ты что-то сказала?

— Я сказала, мне очень жаль.

— Почему?

— А тебе не жаль?

— Чего?

— Ты же очень хотел ее взять.

— Слушай, — сказал Уилбур. — я тебе кое-что скажу. На фиг она мне нужна!

— Что!

— И чего я колбасился? Я ее даром не возьму. С души воротит. Знаешь, что мне нужно?

— Нет. не знаю.

— Ты.

— Я?

— Да, ты. Это же надо, упустил тебя, женился, как заведенный! Одно слово, кретин. Непременно схожу к врачу. Ну, как ты?

Ванесса заметила, что графы и графини мгновенно похорошели. Они приятно улыбались, их тронула эта сцена. Даже третий граф, которого бы приняли как своего чикагские гангстеры, стал похож на добродушного дядю.

— Уилли! — чуть не задохнулась она. — Ты мне делаешь предложение?

— Конечно. А ты что думала?

— Ну, кто тебя знает. Согласна, согласна!

— Вот это разговор, — одобрил Траут, обнимая ее наметанной рукой.

— Согласна, Уилли, — продолжала она, — только помни, на что ты идешь.

— В каком смысле?

— Я тебя не отпущу. Это навсегда.

— И очень хорошо.

— Ты уверен?

— Еще как!

— Тогда обнимай, прошу. Вот так. А теперь, — прибавила она, — хорошо бы уснуть. Выехать надо пораньше, и сразу поженимся. Тут у них мировые судьи не женят, есть такие специальные конторы.

Глава тринадцатая

1

На следующее утро Галли лежал в гамаке, но без монокля. Он вынул его и закрыл глаза, чтобы легче было думать. Кошка, знавшая, где искать родственную душу, снова пришла к нему и громко мурлыкала у него на животе, но он так задумался, что не чесал ее за ухом.

«Пеликан» хорошо тренирует своих сынов — они умеют сохранять в треволнениях беспечность индейца, которого жарят на костре. Ванессе, подошедшей к гамаку, казалось, что Галли ничуть не взволнован.

— Привет, — сказала она. — Не вставайте. Мужчина должен встать, когда стоит дама, но правило это недействительно, если у него на животе кошка. Я пришла попрощаться.

Галли вставил монокль и посмотрел на гостью с удивлением, а то и с упреком.

— Уезжаете?

— Минуты через две.

— А сказали, что не уедете.

— Планы изменились. Не смотрите вы так. Я вам верю. Я знаю, что слово Трипвудов — крепче камня. Просто кое-что изменилось. Можно говорить при кошке? Это секрет. Я выхожу замуж.

— Что!

— Да, выхожу.

Голос у Галли дрогнул.

— Не за Данстабла?

— Ну что вы! С чего бы?

— Он считает вас очень богатой, вот и ухаживает. Спросите Конни.

— Ухаживает? Ах, вот что он делал! А я никак не могла понять.

— Именно, вот что. Но если это не Данстабл…

— … это Уилбур Траут. Ну, говорите.

— Что?

— «Хм».

— Не собираюсь.

— Так это, с упреком.

— И не упрекаю. Почему вам не выйти за Траута? Все остальные

выходили.

— Да и я чуть не вышла. Мы были когда-то помолвлены.

— Меня другое волнует, достаточно ли он хорош. Девушка, одурачившая Конни, заслуживает лучшего из мужей. Лучший он?

— Будет лучшим. Я за него возьмусь.

— Думаете, он перестанет так реагировать на блондинок?

— Конечно. Это нервное.

— Тогда — поздравляю.

— Спасибо.

— Вы не огорчитесь, если я вздохну?

— Пожалуйста. А зачем?

— Жалею крестника.

— Что с ним такое?

— Трагедия. Данстабл не разрешает жениться.

— Господи, да это же кончилось при Виктории!

— Не совсем. Если опека особо оформлена, без согласия замуж не выйдешь.

— А он не согласен?

— Вроде бы, нет. Надо его чем-то поддеть. Вы не знаете его тайн?

— Простите, не знаю.

— И я тоже. Зря мы его прокатили. Если бы он был в «Пеликане», я бы следил за ним, набрал материала для шантажа.

— Да, тут придется ждать морской пехоты, — сказала Ванесса. — А, вон и Траут! Бегу. Вы будете в Лондоне?

— Наверное. Зачем тут сидеть, если я ничего не придумал?

— Позвоните, я в «Баррибо». Пока. Ждите морской пехоты.

Она убежала, он почесал кошку. Все-таки он немножко утешился.

2

Проводив машину, леди Констанс через должное время стерла с губ приветливую улыбку. Она была растеряна. Ей казалось, что в глазах Уилбура Траута светился огонь любви. А как он говорил с Ванессой! «Не холодно? Может, дать плед? Точно не надо? Ну хорошо, а закурить можно? Дым не помешает? Дать сигарету? Пожалуйста. Прошу». Вот так.

Словом, их разговор можно было вписать в «Ромео и Джульетту»; и леди Констанс поспешила к герцогу. Она решила предупредить, что у него есть соперник, время терять нельзя.

Герцог был в том самом состоянии, когда сильные мужчины меряют шагами комнату, сдвинув брови. Мерять он не мог, болела нога, но брови сдвинул.

— Эй! — заорал он, увидев гостью. — Бидж говорит, Траут уехал.

— Да, это правда.

— А куда?

— В Лондон.

— Совсем?

— Совсем.

Герцог мог сложить два и два.

— Выкамаривалась перед ним?

— Что ты!

— Чего же он уехал?

— Не знаю.

— Как же я продам картину? Нет, это ты его спугнула! Леди Констанс опустилась в кресло. Другая бы шмякнулась в него, как мешок с углем.

— Перестань. И оставь ты эту картину. Не в ней дело.

— То есть как не в ней? Что ж мне, тащить ее к Сотби? Да там не дадут и полцены!

— Ты слушай. С ним уехала Ванесса.

— Уехала?

— Да.

— Почему?

— Уговорил, наверное. Он в нее влюблен.

— Не дури.

— Влюблен, я вижу.

— Ну, он, но не она же. У него нос переломан.

— Да, вероятно, она не влюблена. Но уступить может. Действуй, Аларих.

— Как это?

— Напиши ей. Она остановится в «Баррибо».

— Знаешь, как там дерут в ресторане?

— Сделай предложение. Скажи, что получишь лицензию от архиепископа Кентерберийского.

— Ах, ах, ах! А он сколько слупит?

— Аларих, перестань. В такие минуты не до глупостей.

— Кому? Не мне. Ты что думаешь, я золотой мешок?

— Господи, Аларих, ты вспомни, кто она!

Это подействовало. Глаза у герцога загорелись. Возможно, это был не

тот огонь, который сверкал в глазах Уилбура Траута, но в яркости он не уступал.

— Сейчас напишу! — вскричал герцог чистым, как рожок, голосом.

— Правильно. Бидж пошлет со станции, заказным.

— А что писать-то?

— Я скажу. Начни так: «Я долго не решался писать Вам, потому что я, быть может, немного стар для Вас.»

— Стар? — удивился герцог. — Что ты имеешь в виду?

— В общем, — продолжала леди Констанс, — я напишу, а ты перепишешь.

Когда она написала, а он стал читать, письмо ему не понравилось, словно он был одним из тех шотландских критиков, на которых жаловался Байрон.

— Нет, такой чуши!.. — вскричал он.

Если леди Констанс обиделась, она это скрыла. Кроме того, как все авторы, она знала, что творение ее безупречно.

— Да? — сказала она. — Что именно оскорбляет твой чувствительный вкус?

— Ну, хоть это: «Я не могу без Вас жить».

— Заменим на «без Ваших денег»?

— Ладно, а вот про шпиль. «Я люблю Вас, как церковный шпиль любит легкое облако.» Бред какой-то.

— Ничуть. Прелестная мысль. Помнишь Берти Уизера? Он был секретарем у моего отца. Эти самые слова я слышала от него, когда мы катались по озеру. Интересно, где он их взял? Наверное, из пьесы, там так говорят. Мне очень понравилось, вот и ей понравится. Еще что?

— Все.

— Что ж, как знаешь. Я бы на твоем месте доковыляла до стола и переписала. Редактировать не собираюсь.

И она гордо ушла, оставив за собой последнее слово, как и свойственно женщинам.

Герцог попыхтел, посопел, но ничего этим не добился.

Сколько бы он ни дул в усы, приговаривая: «Нет, эти бабы!», толку не было.

Через полчаса, когда он уже заклеил конверт, к нему постучался лорд Эмсворт. Привела его не обычная доброта, но страх перед Конни. Он так и слышал, как она говорит: «Ты навестил Алариха?», а сам он отвечает: «Что? Алариха? Ах, Алариха! Еще нет…»

К счастью, герцог тоже не любил с ним общаться.

— А, это ты! — сказал он. — Вот что, Эмсворт. Тут письмо. Очень важное. Дай его Биджу, пусть сейчас же отправит. Заказным.

Лорд Эмсворт и обрадовался, и опечалился. Конечно, хорошо ответить Конни: «Алариха? Еще бы! Посидели, потолковали…», но насчет Биджа он не совсем понял.

— Чтобы он шел на станцию? В такую жару?

— Ничего, пройдется.

— Я не знаю…

— Пикнет — дай по шапке. Ну, двигайся!

— Хорошо, Аларих.

— Так чего ты стоишь? Пошел, пошел.

— Сейчас, Аларих.

— Да. забыл, — прибавил герцог. — Я подаю на тебя в суд, за телесные повреждения. Обсуждать не будем, все скажет мой поверенный, в свое время.

3

Галли снова закрыл глаза, чтобы думать о Джоне, Линде и морской пехоте, и думал до тех пор, пока кто-то не проблеял его имя. Увидев брата, он огорчился; но ненадолго. В отличие от пеликанов лорд Эмсворт не скрывал своих чувств.

— Что-то случилось, Кларенс?

— Да, Галахад.

— Опять Конни? Плюнь!

— Нет, не Конни. Аларих.

— То же самое, плюнь.

— Он подает в суд за повреждения. Галли беспечно рассмеялся.

— Пускай. Ничего не выйдет.

— Правда?

— Сам увидишь. Найми адвоката. Разорвет в клочья. «А не скакали вы по этим ступенькам со скоростью шестидесяти миль в час?», «А не насосались вы?..», и прочее.

— Это хорошо, Галахад, — утешился лорд Эмсворт. — А вот письмо… Он дал мне письмо, чтобы Бидж послал со станции.

— Ну и что?

— Нельзя, очень жарко.

— Положи в холле, позже отнесут.

— Аларих сказал, сейчас же. Заказным. Нет, я Биджу не дам. Я бы сам сходил, но мне надо встретиться с Банком.

— Ну, что ж, — сказал Галли, — я отнесу.

— Правда?!

— Прогуляюсь.

— Вот оно. Спасибо, Галахад.

— Не за что, не за что. Эй, что такое? «Ванессе Полт».

— Мы с Банком поговорим про новые витамины. Их принимают в молоке.

— Что он ей пишет?

— Говорят, очень хорошие. Спасибо тебе большое. Галли глубоко задумался и думал до той поры, пока его не окликнула сестра, Констанс.

— Ах, вот ты где, Галахад! — сказала она. — А я тебя ищу. Помнишь наш разговор?

— О моем крестнике?

— Об Аларихе.

— Мы о нем говорили? А, да, помню! Ты еще сказала, он хочет жениться на Ванессе…

— … а ты сказал, не хочет. Может быть, тебе интересно, что он написал ей письмо, сделал предложение. Бидж пошлет заказным со станции.

— Вот это да! Ты меня не разыгрываешь?

— Нет, конечно.

— Почему ты так уверена?

— Я читала письмо. Она не откажет. Герцогиня, сам понимаешь. И для Алариха это прекрасная партия.

— Еще бы! Дочь такой акулы…

— Вот именно. Ну, Галахад, ты не так уж разбираешься в людях!

— Да, действительно.

— Может быть, перестанешь считать, что ты один прав?

— Не томи душу. Лучше я его поздравлю. Как, стоит?

— Видимо, да.

— Так я пошел. Эй, ты ничего не слышишь?

— Нет.

— А я слышу. Топ-топ-топ-топ, тра-та-та-та! Ах, Ванесса, Ванесса! Морская пехота — на марше.

Герцог лежал на тахте и смотрел на тени, пробегающие по газону. Он был, скажем так, благодушен. Да, именно. Он благодушествовал.

Однако состояние это поколебалось, когда он увидел, что с газона к нему входит Галахад. Он никогда его не любил и обдал холодным взглядом, осведомившись, чему обязан честью.

— Так, зашел, — сказал Галли.

— Да?

— Как ты тут?

— Плохо.

— Это хорошо. То есть очень жаль. Гангрены нет? Это главное, гангрена. Помнишь Постлуэйта? Укусила сиамская кошка, а там гангрена, и все. Ты скажешь, тебя кошка не кусала, но кто его знает! Жару нет? Пятна перед глазами не плавают? Ах, что я! Больных надо развлекать. Чем бы это?.. А, да! Эта самая мисс Полт — самозванка, ты подумай! Как, однако, тянет их в этот замок! Соберутся две-три штуки, и сразу им приходит в голову: «Едем, нас ждет Бландинг!» Знаешь, я иногда думаю: а может, Конни — это не Конни? Может, это международный шпион? Вот Бидж — это Бидж, тут все чисто. Да, так эта мисс Полт…

Герцог все время порывался заговорить, но никто еще не перебил Галли, да и голос отказывал ему. Наконец, он просипел:

— Что ты говоришь? Ванесса Полт — не Ванесса Полт?

— И да, и нет.

— Чушь какая! Как это — да и нет?

— Попытаюсь объяснить. Она — Ванесса Полт, но не дочь того Полта. Полтов много. Хорошая норфолкская фамилия. Ее отец — лакей.

— Что?!

— Ну, джентльмен при джентльмене, если тебе больше нравится. А мать — горничная. Служила здесь. Смешно, а? Обдурить Конни, ты подумай! Хороший урок, я бы сказал.

Герцог явно не смеялся. Челюсть у него отвалилась, глаза совершенно вылезли.

— Трипвуд!

— Да?

— Я… я…

— В чем дело?

— Трипвуд, я написал ей письмо! Сделал предложение!

— Да, Конни мне говорила. Я поражен. Это просто «Золушка»! Скромная секретарша выходит замуж за герцога. Ты не пожалеешь, Данстабл. Она прекрасная девушка. На склоне лет…

Герцог яростно хмыкнул.

— Ты что, думаешь, я на ней женюсь?

— А разве не женишься?

— Конечно, нет!

— Она подаст в суд!

— Надо перехватить письмо! Позвони Биджу.

— Зачем?

— Может, он еще не отнес.

— Письмо?

— Да.

— Оно вообще не у него. Оно у меня. Кларенс не хотел, чтобы Бидж шел по жаре. Вот оно, пожалуйста.

Герцог выдохнул воздух. Челюсть стала на место, глаза — тоже.

— Слава Богу! Что ж ты раньше не сказал? Я волновался!

— Естественно.

— Ну, давай его!

— Конечно, мой дорогой. Затем я и пришел. Только поставлю условия. Кларенс говорит, ты хочешь подать на него в суд за скользкие ступеньки. Это отменим.

— Ладно, ладно, ладно. Черт с ним, с Эмсвортом. Давай письмо.

— Подожди. Ты не хочешь, чтобы мой крестник женился на твоей племяннице? Отменяем. Хочешь.

— Что?!

Галли выразил ему сочувствие.

— Как я тебя понимаю! — сказал он. — Заболит нога, тут же вспомнишь его. Но ничего не поделаешь. Иначе письмо получит божественная Ванесса.

Воцарилось молчание, которое иногда зовут насыщенным. Герцог мог нарушить его, назвав Галли мерзким шантажистом, и начал было складывать губы для этих самых слов, но одумался. Суд — это суд.

Такие дела он знал, даже испытал когда-то, в молодости. Читают твои письма, и все хохочут до слез, а наутро выходят газеты. Какой-то собачий адвокат будет читать об этом церковном шпиле! Прежде чем заговорить, герцог несколько раз глотнул.

— Зачем ему на ней жениться?

— Любовь, мой дорогой, любовь.

— У нее нет ни гроша.

— Он — бескорыстный рыцарь.

— А деньги у него есть?

— Хватает.

— От меня ничего не ждут?

— Господи! Конечно, нет. Он прекрасный адвокат. А картинная галерея? Так и ходят, так и ходят. Только успевают вынуть чековую книжку. Словом, не беспокойся. Ну как, разрешаешь?

— Черт с ними. Пускай женятся.

Тон этих слов не был похож на рев свирепого волка, стукнувшегося о камень, но и приветливым мы его не назовем. Однако Галли был доволен.

— Прекрасно, — одобрил он. — Славно, славно, превосходно. Так и запишем. Можешь допрыгать до стола?

— Вроде могу.

— Ну, прыгай! — сказал Галли.

Глава четырнадцатая

Кончался еще один летний день, сумерки окутали Бландинг. Императрица ушла в свой домик. Шофер играл на гармонике. Кошка умылась и причесалась перед ночной прогулкой. Миссис Уиллоуби добавляла последние штрихи к пудингу, а Бидж поджидал, чтобы отнести его в библиотеку. Оставшись одни, братья снова ели там, а не в огромной комнате, где подавали обед при леди Констанс. Что до нее самой, оставалось несколько часов до ее свидания с мужем.

Запах цветов соревновался с запахом баранины, к которой, надо заметить, были картошка и шпинат. Бидж принес ролли-полли пудинг. Лорд Эмсворт вздохнул от радости. В правление леди Констанс этому помешал бы воротничок, но в охотничьей куртке вздыхай, сколько хочешь.

— Как хорошо, Галахад! — сказал он.

— И то правда, Кларенс. Ни Конни, ни Данстабла. Мир и покой. Жаль, что я уезжаю.

— А ты не уезжай.

— Боюсь, свадьба без меня не состоится.

— Кто-то женится?

— Да, мой крестник.

— Я его не знаю?

— Знаешь, он тут жил. Свалился с лестницы.

— А, да! И на ком же?

— На Линде Гилпин.

— Кто это?

— Девушка, которая его целовала, когда он свалился. Я шафер у Джонни.

— Кто…

— Не хочу сбивать тебя с толку. Джонни — это мой крестник. Все ясно?

— Еще бы, еще бы! Твой крестник Джонни женится на Линде Гилпин.

— Совершенно верно. Траут и Ванесса ждут меня к обеду, перед отъездом.

— Кто такой Траут?

— Муж Ванессы.

— Кто такая Ванесса?

— Жена Траута. Уезжают путешествовать, в Нассау.

— Это где водопад? Знаю, знаю. Надо кататься в бочке. Я бы не стал. Ванесса, ты говоришь? Она тут не жила?

— Жила, как и Траут.

— То-то я смотрю, имя знакомое. Хорошая женщина. Любит свиней. Надеюсь, она будет счастлива.

— Будет, не волнуйся.

— И твой крестник тоже.

— Все в порядке. Он любит свою Беатриче.

— А ты говорил, Линда.

— В переносном смысле. Да, Конни тебе ничего не рассказывала?

— Кажется, нет.

— Тогда ты не знаешь, что они претерпели. Ловушки, размолвки, разлуки. Но все позади. Потому я и чувствую себя, как во французской пьесе. Ну, ты помнишь, такие чувствительные пьесы — то слезы, то смех. Я обедаю. Буря утихла, светит солнце. Я пью вино и размышляю о том, что было. Надо сказать что-то под занавес. Что ж, выпьем за клуб «Пеликан», где я научился и сдержанности, и сметливости. За «Пеликан»!

— За «Пеликан», — повторил лорд Эмсворт. — А что это такое, Галахад?

— Благослови тебя Бог, Кларенс, — сказал Галли. — Съешь еще пудинга.

I. Еще о лорде Эмсворте

Беззаконие в Бландинге

День выдался хороший. Небо сняло синевой, солнце — золотом, бабочки порхали, птицы ворковали, пчелы гудели; словом, природа благодушествовала, чем и отличалась от Фредди Трипвуда. Младший сын лорда Эмсворта сидел в своей двухместной машине у входа в замок и думал о собачьем корме. Рядом с ним сидела прекрасная овчарка.

Фредди приехал ненадолго. Женившись на прелестной дочери Доналдсона Собачьей Радости, он уехал в Америку, где и жил на Лонг-Айленде, трудясь для фирмы. Сейчас он был в Англии, потому что тесть решил расширить сферу влияния. Агги, его жена, соскучилась в замке за неделю и поджидала во Франции.

Вытирая ухо, которое лизнула овчарка, Фредди увидел, что по ступенькам идет изящный и немолодой человек с моноклем в черной оправе. То был Галахад, его дядя, король лондонской богемы, которым издавна гордились театры, скачки и не очень чинные рестораны. Сестры (Констанс, Джулия, Дора, Гермиона и др.) считали его позором семьи, а Фредди очень любил, мало того — почитал, видя в нем неистощимый запас изобретательности.

— Так, так, юный Фредди, — сказал Галахад. — Куда ты везешь эту собаку?

— К Фэншоу.

— В Марлинг-холл? Это там живет хорошенькая девушка, с которой я тебя встретил?

— Да, Валерия. Старик Фэншоу — глава здешних охотников. Сам понимаешь, что это значит.

— Нет, не понимаю.

— Под его началом — несметное множество собак, и каждой нужен корм.

— Ты хочешь продать им свой товар?

— Еще бы! Дочку он любит, ни в чем ей не отказывает, а ей очень понравилась овчарка. Вот я и везу. Она обещала за это, что отец закажет массу корма.

— Фредди, это же не твоя собака! Агги оторвет тебе голову.

— Ничего, ничего. Я все продумал. Скажу, что она умерла, и раздобуду такую же. Ну, мне пора. До скорого! — И Фредди исчез в облаке дыма.

Галли задумался. Долгое общение с букмекерами и жучками воспитало в нем широту ума, но здесь и он покачал головой; а после этого, вернувшись в замок, немедленно встретил Биджа, дворецкого. Тот немного пыхтел, ибо спешил куда-то, а былую стройность утратил довольно давно.

— Мистер Фредерик уже уехал, сэр? — спросил он.

— Только что. А в чем дело?

— Телеграмма. Наверное — важная.

— Нет, вряд ли. Результаты бегов или что-нибудь в этом духе. Дайте мне, я передам.

И он пошел дальше. Он был общителен, ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Конечно, он мог поговорить с сестрой, она читала на террасе, но что-то подсказывало ему, что пользы, тем более — радости от этого не будет. Леди Констанс не ценила его рассказов о прошлом. Наконец, он решил пойти к брату Кларенсу, с которым всегда приятно обменяться мыслями, и нашел мечтательного пэра в библиотеке.

— А, вот ты где! — сказал он, на что лорд Эмсворт задрожал всем длинным телом и воскликнул:

— Это ты, Галахад!

— Я, и никто другой. В чем дело?

— Какое дело?

— Ты встревожен. Спокойный человек не вскакивает, как вспугнутая нимфа. Скажи мне все.

Граф обрадовался, он именно того и хотел.

— Это Конни, — произнес он. — Ты слышал, что она утром сказала?

— Я не выходил к завтраку.

— Значит, не слышал. Я как раз ел селедку, а она говорит: «Надо уволить Биджа».

— Что?! Биджа?

— Она говорит, «он нерасторопный», «нам нужен молодой, проворный дворецкий». Это ей, не мне. Я просто охнул, селедкой подавился.

— Вполне естественно. Бландинг без Биджа? Этого быть не может. Бландинг с проворным дворецким? Подумать страшно! Так и вижу, юркий хлыщ, ходит колесом, слетает по перилам… Топни ногой, Кларенс.

— Кто, я? — спросил лорд Эмсворт. — Я не могу топать на Конни.

— А я могу, и топну. Нет, уволить Биджа! После восемнадцати лет беспорочной службы! Чудовищно.

— Она говорит, он получит пенсию.

— Пусть не утешает себя, ничего не выйдет. Да с таким же успехом можно уволить архиепископа Кентерберийского!

Он бушевал бы и дальше, но шаги на лестнице оповестили о том, что Фредди, вернувшись от Фэншоу, идет к себе. Лорд Эмсворт заморгал. Как многие отцы-аристократы, он плохо выносил младшего сына, и его раздражало, что в Америке тот приобрел какую-то прыть, какую-то такую скакучесть.

— Это Фредерик, — печально сказал он.

— У меня для него телеграмма, — сказал Галли. — Пойду, отдам.

— Пойди, — согласился брат. — А я посмотрю на цветы.

Ушел он в розовый сад и принялся нюхать розы, что всегда его радовало, но сейчас не принесло утешения. Тогда он вернулся и взял с полки любимую книгу про свиней; но и она не помогла. Мысль о том, как дворецкий исчезает из замка, терзала его — хотя слово «исчезать» не очень подходило к корпулентному Биджу.

Печальную задумчивость прервал тот, кто ее вызвал.

— Простите, милорд, — сказал Бидж. — Мистер Галахад просит вас зайти к нему в курительную.

— Почему он сюда не идет?

— Он вывихнул ногу, милорд. Они с мистером Фредериком упали с лестницы.

— Как же это они?

— Мистер Галахад протянул мистеру Фредерику телеграмму. Мистер Фредерик ее открыл, закричал, зашатался и вцепился в мистера Галахада. Ногу он тоже вывихнул. Лежит в постели.

— Ой, Господи! Им больно?

— Насколько я понимаю, острая боль прошла. Их лечит судомойка. Она — маленькая фея.

— Кто?

— Маленькая фея, милорд. Разновидность девочек-скаутов. Умеют оказывать первую помощь.

— Какую? А, первую! — сказал лорд Эмсворт, читая между строк. — Всякие бинты, да?

— Именно бинты, милорд.

Когда граф добрался до курительной, фея завершила свой труд и ушла к «Звездам экрана». Галли лежал на тахте, довольно веселый, и курил сигару.

— Бидж говорит, ты упал, — сообщил лорд Эмсворт.

— А что поделаешь, когда в тебя вцепляется безмозглый племянник?

— Бидж думает, он получил неприятную телеграмму.

— Это верно. От Агги.

— Агги? Странное имя…

— Всё родители. Провели там медовый месяц.

— А, я слышал! Это водопад. По нему катаются в бочках. Неприятно, но можно привыкнуть. А чем плоха телеграмма?

— Послезавтра Агги будет здесь.

— Это хорошо.

— Для Фредди — нет. Он отдал ее собаку Валерии Фэншоу.

— Кто такая Валерия Фэншоу?

— Дочь полковника из Марлинг-холла. Ты с ним знаком?

— Нет, — отвечал граф, который очень старался ни с кем не знакомиться. — А почему Франсис не хочет, чтобы Фредерик давал собаку?

— Ниагара. Не вообще собаку, а ее, Ниагарину. Личную и любимую овчарку. Все бы ничего, если бы Валерия была в очках и в веснушках, — но нет! Волосы — золотые, глаза — синие, а годы охоты, рыбной ловли, плаванья, тенниса и гольфа придали ей невиданную стройность. Твоя невестка не любит, чтобы ее муж вступал в нежную дружбу с такими красавицами. Если она узнает, что Фредди дарит Валерии ее собак, она с ним разведется.

— Что ты!

— Да, да. Американке это — раз плюнуть.

— Ой, Господи! Что же он будет делать?

— Ну, во-первых, Доналдсон его выгонит. Вернется сюда.

— Куда, в замок? — заволновался граф. — Ой!

— Вот видишь, положение серьезное. Но не волнуйся, я нашел выход. Мы вернем собаку.

— Ты попросишь эту Розалию ее отдать?

— Не совсем. Это бесполезно. Мы ее украдем, конкретней — ты.

— Я?!

— А кто же еще? Мы с Фредди лежим в постели, Конни — не согласится. Ты, больше некому. Быстрый разум уже подсказал тебе, что надо сделать. Когда у людей есть собака, они выпускают ее погулять на ночь.

— Выпускают?

— Неукоснительно. Иначе погибнут ковры. Каждая собака выходит перед сном, посмею предположить — черным ходом.

— Каким ходом?

— Черным.

— А, черным! Да, да, конечно.

— Следовательно, часов в десять ты к нему подходишь. Ждешь собаку, хватаешь, возвращаешься.

Лорд Эмсворт разволновался.

— Галахад! — вскричал он.

— При чем тут «Галахад»? Выбора нет и не будет. Неужели ты хочешь, чтобы Фредди погиб? А, дрожишь! Так я и думал. В конце концов, что тут такого? Постоять у дверей, привести собаку. Ребенок, и тот справится. Если бы не тайна, я бы поручил это фее.

— А вдруг собака не пойдет?

— Я об этом подумал. Покапай на брюки анисовых капель. Собаки их очень любят.

— У меня нет капель.

— У Биджа есть. Он никогда ни о чем не спрашивает, не то что проворный, молодой дворецкий. — И Галли нажал звонок.

— А, Бидж! — сказал он, когда тот явился. — У вас не найдутся анисовые капли?

— Найдутся, сэр.

— Принесите-ка блюдечко, ладно?

— Сейчас, сэр, — ответил Бидж.

Если просьба его удивила, он этого не выказал и капли принес. Так что граф, благоухая, уехал в двухместной машине, а брат его закурил сигарету и принялся за кроссворд.

Но сосредоточиться он не мог, и не только потому, что кроссворды пошли заковыристые, а он привык к египетскому богу Ра и австралийской птице эму. Что именно сделает брат? — думал он. Заведет машину в болото? Подъедет к другому дому? Забудет все и присядет у дороги, чтобы помечтать о свиньях? Словом, чувствовал Галли примерно то, что чувствует генерал, измысливший прекрасный план кампании, но не уверенный в войсках. Генералы в таких обстоятельствах жуют усы, и он жевал бы, если бы они были.

За дверью послышалось пыхтенье, вошел Бидж.

— Мисс Фэншоу, — доложил он.

— Добрый вечер, — сказала она, — Надеюсь, не помешала?

— Конечно, нет!

— Я забыла, что тут у вас — два мистера Трипвуда. Вообще-то, я к

Фредди.

— Он вывихнул ногу. Валерия удивилась.

— А вы не спутали? Это у вас нога вывихнута.

— И у него.

— Как, у обоих?

— Да. Мы упали.

— Почему?

— Так, знаете… Передать ему что-нибудь?

— Если вам не трудно. Отец согласился, он возьмет этот корм.

— Замечательно!

— А я привела собаку.

Монокль у Галли падал только в исключительных случаях. Сейчас он мелькнул, словно падающая звезда.

— Что? — закричал больной.

— Фредди дал мне овчарку, а я ее вернула.

— Вам она не нужна?

— Нужна, но ничего не выйдет. Она кинулась на отцовского спаниеля. Отец его очень любит. Он орал: «Кто пустил в дом эту истеричку?» Я сказала: «Я. А дал мне ее Фредди». — «Вот к нему и вези!..» В общем…

— Кричал?

— Голосил. «Я беру ружье и считаю до десяти! Будет здесь — молись о ее душе!» Ну, я поскорей ее увезла. Она пошла в людскую, поужинать. Жаль, конечно. Что поделаешь! Даром получили…

И прекрасная Валерия ушла, передав Фредди привет, а также — выразив надежду, что ногу ему не отрежут.

Если бы ее отрезали у Галли, он бы не заметил, радуясь за любимого племянника. Вероятно, думал он, это все ангел-хранитель; хорошо бы хлопнуть его по спине и поблагодарить. Переведя часы вперед, он сказал: «А наутро — радость» — и вызвал Биджа, чтобы тот принес ему виски с содовой.

Бидж принес их не скоро.

— Простите, что так долго, — сказал он. — Меня задержал у телефона полковник Фэншоу.

— А миссис Фэншоу у них есть?

— Насколько я знаю, да.

— Непременно зайдет, сегодня — их день. Чего же он хочет?

— Спрашивал милорда, но я не мог его найти.

— Он вышел погулять.

— Да, сэр? Не знал. Полковник Фэншоу просил его приехать завтра в

Марлинг-холл как мирового судью. Они поймали грабителя у черного хода и заперли в погребе.

Монокль упал во второй раз за этот вечер. Чего-чего, но такого Галли не ждал, тут перебор даже для Кларенса.

— Это не грабитель, — сказал несчастный. — Это Кларенс, девятый граф Эмсвортский.

— Сэр!

— Уверяю вас. Я послал его в Марлинг-холл с секретной миссией. Какой погреб, винный?

— Угольный, сэр.

— Мы должны его вызволить. Минуточку, минуточку… Обычный человек думал бы долго, хмуря брови, скребя в затылке и перебирая пальцами; обычный — но не Галли.

— Бидж! — воскликнул он.

— Да, сэр?

— Идите ко мне, откройте шкаф и возьмите с той полки, где платки, баночку с таблетками. Принесите, естественно.

— Сейчас, сэр. Эта, сэр? — вернувшись, спросил он.

— Да, эта. Теперь — необходимые сведения. Вы знакомы с дворецким из Марлинг-холла?

— Конечно, сэр.

— Значит, он не удивится, если вы зайдете?

— Скорее, нет, сэр. Я часто бываю у него.

— И он вас угощает?

— Сэр?

— Выпиваете бокальчик-другой?

— О да, сэр!

— Тогда все ясно. Видите эти таблетки, Бидж? Они называются «Микки Финн». Слышали?

— Нет, сэр.

— Снотворное. Распространено в Соединенных Штатах. Когда я там был, один мой друг был поражен, что я не держу их. До сих пор не было случая их использовать, но сейчас — самое время. Вы поняли меня, Бидж?

— Нет, сэр.

— Бросаете штучку в бокал своего приятеля, и он никнет, как усталая лилия. Вы идете в погреб, освобождаете графа и ведете домой.

— Мистер Галахад!

— Что такое?

— Я не могу…

— Какое легкомыслие! Если мы не вытащим Кларенса, он погиб. Его опозорят, и ничто…

— Да, конечно, сэр, но я…

— И еще: он отблагодарит вас. Верблюды, обезьяны, павлины, слоновая кость прибудут в Бландинг.

Оба подбородка перестали дрожать. Бидж выпрямился и сверкнул глазами, как и советовал Генрих V.

— Вы обижаете меня, сэр! — сказал он. — Я иду.

Галли вернулся к кроссворду. Удостоверяясь, что автор страдает размягчением мозгов, и задремав было над «7 по горизонтали», он услышал пыхтенье Биджа. Вид у дворецкого был такой, какой бывает после тяжких духовных испытаний.

— Ну, как? — спросил Галли. — Все в порядке?

— Да, мистер Галахад.

— Ваш лорд на свободе?

— Да, мистер Галахад.

— Молодец. Где он?

— В ванне, мистер Галахад.

— Что же, идите спать, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

Через несколько минут, посвященных «12-ти по вертикали», Галли с удивлением увидел сестру свою, Констанс.

— Привет, Конни, — сказал он. — Ты умеешь решать кроссворды?

Леди Констанс не воскликнула: «Да ну их к черту!», но только по своей воспитанности. Ею владел именно тот царственный гнев, который обращал лорда Эмсворта в виноватое желе.

— Галахад, — спросила она, — ты не видел Биджа?

— Да, только что. А в чем дело?

— Я звоню ему полчаса! Он совершенно отбился от рук!

— Кларенс говорил мне, что ты так думаешь. Хочешь его уволить?

— Да!

— Я бы не советовал,

— Что ты имеешь в виду?

— Разреши рассказать одну любопытную историю.

— Не говори глупостей! Нет, ты еще глупей Кларенса!

— История эта, — продолжал он, — о феодальной верности. Бидж…

— Ты напился?

— Я бы с радостью выпил за его здоровье. Так вот…

И он рассказал все, со вкусом, с подробностями, не обращая внимания на то, что леди Констанс становится мертвенно-бледной и дышит так, что ею бы заинтересовался любой специалист по легочным болезням.

— Ну, вот, — закончил он. — Если ты не умилилась и не восхитилась, ты все же поняла, что выгонять его — чистое безумие. Он разнесет сплетни по всему графству, и ты ему не помешаешь. Я бы на твоем месте немного подумал.

И он с удовольствием взглянул на развалины прекрасной леди. Судя по всему, она подумала.

II. Еще о лорде Икенхеме

Дядя Фред посещает свои угодья

Чтобы попить после ленча кофе в тишине и в мире, один Трутень повел приятеля в клуб, а там — в ту комнату, где можно курить, но реже бывают люди. В другой, побольше, пояснил он, беседы поражают блеском, но не так спокойны.

Гость его понял.

— Молодость!

— Она самая.

— Жеребята на лугу.

— Они.

— Но не все.

— Pardon?

Гость указал Трутню на молодого человека, только что появившегося в дверях. Глаза у него сверкали, изо рта торчал пустой мундштук; словом, если у него была душа, на ней лежала какая-то тяжесть. Когда наш первый Трутень его окликнул и пригласит подойти, он покачал головой, а там — исчез, словно грек, которого преследуют мойры.

— Ах, Мартышка, Мартышка!., — вздохнул Трутень.

— Мартышка?

— Да. Твистлтон. Страдает из-за дяди.

— Неужели умер?

— Куда там! Приезжает в Лондон.

— И он страдает?

— А как же! После всего, что было…

— Что же было?

— Ах!..

— Так что же было?

— Не спрашивайте!

— А я спрошу.

— Тогда я отвечу.

— Старый добрый Мартышка, — сказал Трутень, — часто говорил со мной о своем дяде, и если в глазах у него не стояли слезы, я просто не знаю, где им стоять. Граф Икенхемский живет круглый год в деревне, но иногда ему удается сбежать в Лондон. Там он направляется в Олбени, к племяннику, и подвергает его невыносимым пыткам. Дядя этот,

переваливший на седьмой десяток, обретает в столице свой настоящий возраст (22 года). Не знаю, встречалось ли вам слово «эксцессы», но именно оно приходит в голову.

Все это было бы не так страшно, если бы он ограничивался клубом — мы не ханжи, и, если не разбить рояль, делайте, что хотите, никто не шевельнется. Но он тащит Мартышку на улицу и разворачивается вовсю при совершенно чужих людях.

Теперь вы поймете, почему племянник посмотрел на него, как на порцию динамита, когда, набитый его обедом, окутанный дымом его сигары, сытый граф бодро и весело сказал:

— Ну что ж, пора заняться чем-нибудь приятным и полезным.

— Каким? — проблеял Мартышка, бледнея под загаром.

— Приятным и полезным, — со вкусом повторил дядя. — Положись на меня, не подведу.

Денежные дела не позволяют Мартышке применить особую твердость, но тут и он ответил решительно:

— Только не на собачьи бега!

— Ну, что ты!

— Надеюсь, ты не забыл, что там случилось?

— Как это забудешь! Хотя судья поумнее ограничился бы внушением.

— Я ни за что на свете…

— Конечно, конечно. Мы поедем в родовое гнездо.

— Разве оно не в Икенхеме?

— Их много. Предки жили и поближе, в Митчинг-хилле.

— Под Лондоном?

— Теперь там пригород. Луга, где я играл ребенком, проданы и застроены. Но прежде то была деревня твоего двоюродного деда. Он носил бакенбарды, а душа у него была такая, что ты со своей чистотой просто бы не поверил. Мне давно хочется посмотреть, что там творится. Наверное, черт знает что. Значит, едем.

Мартышка повеселел — в конце концов, даже такой дядя не очень опасен в пригороде. Масштаб не тот.

— С удовольствием, — сказал он.

— Тогда бери шляпу, подгузник — и в путь, — сказал граф. — Наверное, туда ходит автобус.

Мартышка не ждал особых красот от Митчинг-хилла, не ждал — и не дождался. Когда выйдешь из автобуса, рассказывал он, видишь ровные ряды обшарпанных и одинаковых домиков. Однако он не роптал. Стояла

ранняя весна, которая так часто обращается в позднюю зиму, а он не взял ни пальто, ни зонтика, но все равно испытывал тихую, трезвую радость. Время шло, дядя еще ничего не выкинул. Тогда, на собачьих бегах, он уложился в десять минут.

Мартышке казалось, что удастся обойтись без эксцессов до вечера, а там — поужинать и уснуть. Лорд Икенхем подчеркнул, что жена его, а для Мартышки — тетя, освежует их тупым ножом, если они не вернутся к часу, так что все могло пройти без особых потрясений. Примечательно, что, думая об этом, Мартышка улыбался, — больше ему улыбаться не пришлось.

Надо заметить, что пятый граф поминутно притормаживал, словно собака на охоте, и говорил, что именно здесь он пустил стрелу сапожнику в зад, а тут его тошнило после первой сигары. Наконец, он остановился перед коттеджем, который по каким-то причинам назывался «Кедры».

— На этом самом месте, — умиленно вздохнул он, — пятьдесят лет назад, тридцать первого июля… А, черт!

Последние слова были вызваны тем, что наконец хлынул дождь, густой, как душ. Дядя и племянник прыгнули на крыльцо и встали под навес, откуда и переглядывались с серым попугаем.

Висел попугай в клетке, она стояла на окне, но важно не это; важно то, что дождь ухитрялся брызгать сбоку. Когда Мартышка поднял воротник и вжался в дверь, она отворилась. Поскольку на пороге стояла служанка, он вывел, что дядя нажал на звонок. Заметим, что она была в макинтоше. Лорд Икенхем смущенно улыбнулся.

— Добрый день, — сказал он.

Она с этим согласилась.

— Это «Кедры», если не ошибаюсь?

Она согласилась и с этим.

— Хозяева дома?

Тут она сказала: «Нет».

— А? Ничего, ничего, — утешил ее лорд Икенхем. — Я пришел, чтобы подстричь коготки попугаю. Мой ассистент, мистер Уолкиншоу. Дает наркоз, — и он указал для ясности на Мартышку.

— Из ветеринарной лечебницы?

— Вы угадали.

— А мне никто не сказал.

— Скрывают? — посочувствовал граф. — Нехорошо, нехорошо.

С этими словами он направился в гостиную. Мартышка шел за ним, служанка — за Мартышкой.

— Что ж, — сказала она, — я пойду. У меня выходной.

— Идите, идите, — сердечно откликнулся граф, — мы все приберем.

Когда она удалилась, он зажег газовый камин и пододвинул к нему кресло.

— Ну вот, мой друг, — сказал он, — немного такта, немного выдумки — и мы в тепле и холе. Со мной не пропадешь.

— Нельзя же тут сидеть! — сказал Мартышка. Лорд Икенхем удивился.

— Нельзя? Ты считаешь, лучше идти под дождь? Все гораздо сложнее. Утром, еще дома, мы с твоей тетей поспорили. Она полагала, что погода обманчива, и пыталась всучить мне шарф. Победил, конечно, я. Теперь представь себе, что будет, если я простужусь. В следующий раз мне дадут набрюшник и респиратор. Нет! Я останусь здесь, у камина. Не знал, что газ так согревает. Я даже вспотел.

Вспотел и Мартышка. Он изучал право и, хотя изучил не все, полагал, что врываться в чужие дома преступно и подсудно. Кроме юридической стороны, была и нравственная: он отличался особой щепетильностью, пекся о приличиях (т. наз. «comme il faut»), а потому — потел, кусая губы.

— А вдруг хозяин вернется? — спросил он.

Только он это произнес, в дверь позвонили.

— Вот видишь!

— Не говори так, дорогой, — упрекнул его граф. — Эти слова любит твоя тетя. Зачем волноваться? Ну, кто-то зашел. У хозяина есть ключ. Выгляни в окно, кто там.

Мартышка осторожно выглянул.

— Розовый тип.

— Какого оттенка?

— Малиноватого.

— Прекрасно. Это не хозяин. В таких домах живут люди, изнуренные работой в конторе. Пойди спроси его, чего он хочет.

— Лучше ты пойди.

— Пойдем вместе, — предложил граф.

Они открыли дверь и увидели молодого человека, спереди — розового, сзади — мокрого.

— Простите, — сказал гость, — дома мистер Роддис?

— Нет, — отвечал Мартышка.

— Да, — отвечал его дядя. — Вечно ты шутишь! Прошу, прошу! Мой сын, Дуглас.

— Робинсон…

— Простите, я — Роддис.

— Это я Робинсон.

— Ах, вы! Теперь все ясно. Очень рад. Заходите, разувайтесь.

Они пошли в гостиную. Лорд Икенхем развлекал гостя беседой, Мартышка пыхтел от горя. Ему не хотелось быть ни птичьим анестезиологом, ни Роддисом-младшим. А главное — он видел, что дядю понесло.

В гостиной, стоя на одной ноге, гость спросил:

— Джулии нету?

— Нету? — обратился граф к Мартышке.

— Нету, — ответил тот.

— Ее нет, — перевел граф.

— Она прислала телеграмму, — объяснил гость, вставая на другую ногу. — Едет к вам. Что-то у них случилось.

— Да, да, — подтвердил лорд Икенхем.

— Ваша племянница… или вашей жены?

— Неважно. У нас все общее.

— … хочет за меня выйти.

— Это хорошо.

— А они не разрешают.

— Кто именно?

— Родители. И дядя Чарли, и дядя Генри. Я для них плох.

— Действительно, нравственность младших поколений…

— Нет, я чином не взял. Они гордые.

— Да? Странно. Разве они графы?

— Ну, что вы!

— Тогда какая может быть гордость? Вот графы — другое дело. Встретишь графа…

— Потом, я поссорился с ее папашей. Слово за слово, и я его назвал… Ой!

Гость отпрыгнул от окна, перепугав нежного Мартышку, который не ждал таких движений.

— Идут!

— Вы не хотите их видеть?

— Не хочу.

— Прячьтесь за диван.

Взвесив этот совет, гость исчез. Звонок надрывался. Граф и его племянник снова вышли в переднюю. Чуткий наблюдатель заметил бы, что племянник дрожит.

— Ты их впустишь? — спросил он.

— Конечно! — отвечал дядя. — Роддисы гостеприимны. Однако с ними лучше вернуться к прежней версии. Точнее, *ты* к ней вернешься. Видимо, они знают, есть ли у них молодой родственник по имени Дуглас. Итак, ты — ветеринар. Иди к клетке, смотри на птицу. Постукивай палочкой по зубам. Йодоформом пахнуть не можешь? Жаль, это было бы картинно.

Мартышка подошел к попугаю и смотрел на него, когда вошли неприветливая женщина, обычный мужчина и прелестная девушка.

В девушках он разбирался, и если, обернувшись, определил ее именно этим словом, мы можем на него положиться. Одета она была так: черный берет, темно-зеленый жакет, твидовая юбка, тонкие чулки, изящнейшие туфли. Глаза у нее были большие и светлые, лицо — как роза на рассвете. Вряд ли Мартышка видел такую розу, на рассвете он спит, но суть ясна.

— Мы не знакомы, — сказала женщина. — Я — сестра Лоры. Это Клод, мой муж. Это — Джулия. Лора дома?

— К сожалению, нет, — ответил лорд Икенхем. Женщина на него посмотрела.

— Я думала, вы моложе, — сказала она.

— Моложе кого?

— Себя.

— Это невозможно, — сказал граф. — Но стараюсь, стараюсь…

Женщина заметила Мартышку и тоже не обрадовалась.

— Кто это?

— Ветеринар. Стрижет когти попугаю.

— Я не могу при нем говорить.

— Можете, — утешил ее лорд Икенхем. — Он глухой.

Намекнув знаками Мартышке, что смотреть надо на птицу, он пригласил гостей сесть. Все помолчали. Кто-то тихо всхлипнул, видимо — девушка. Уточнить Мартышка не мог, он смотрел на попугая, и тот смотрел на него без особой приветливости.

Наконец, женщина сказала:

— Хотя сестра не соизволила пригласить меня на свадьбу, я вынуждена войти в этот дом. Взываю к вашим чувствам!

Мартышка с попугаем растрогались — и ошиблись.

— Приютите Джулию на недельку, — продолжала гостья. — Через две недели у нее экзамен по классу рояля, а пока пусть будет у вас. Ей кажется, что она влюбилась.

— Кажется? — возроптала Джулия. — Я его люблю! Мартышка

невольно обернулся, пытаясь понять, чем же так хорош розовый тип.

— Вчера, — говорила тем временем гостья, — мы приехали к ней из Бексхилла, хотели сделать сюрприз. Приходим в гостиницу, и что же мы видим?

— Тараканов? — предположил граф.

— Письмо. Какой-то субъект хочет на ней жениться. Я послала за ним. Вы не поверите! Он заливает угрей.

— Pardon?

— Служит в заведении, где продают заливное.

— Это хорошо, — одобрил граф. — Я бы в жизни не залил угря. Какой ум! Да, не каждый, не каждый… Уинстон Черчилль, и тот…

Гостья с ним не согласилась.

— Как вы думаете, — спросила она, — что сказал бы Чарльз Паркер?

Муж вздохнул. Заметим к слову, что он был длинный, хлипкий, с рыжими усами того вида, который окунают в суп.

— А Генри Паркер?

— Или Альф, — прибавил муж.

— Именно. Кузен Альфред умер бы со стыда.

Джулия икнула так пылко, что Мартышка едва не кинулся к ней.

— Мама, — сказала она, — сколько тебе говорить! Уилберфорс служит там временно, пока не найдет чего-нибудь получше.

— Что лучше угря? — воскликнул лорд Икенхем. — Для заливного, конечно.

— Вот увидишь, — продолжала Джулия, — он быстро выйдет в люди.

И не ошиблась. Из-за дивана, словно лосось в брачную пору, выскочил ее жених.

— Джулия!

— Уилби!

Мартышка в жизни не видел более мерзкого зрелища. Посудите сами: такая красавица обвилась вокруг типа, как плющ вокруг шеста. Нет, тип был не так уж плох, но девушка!..

Опомнившись от испуга, который испытает всякий, когда из-за дивана выскакивают заливщики угрей, несчастная мать разняла влюбленных, как рефери — боксеров.

— Джулия, — сказала она, — мне стыдно!

— И мне, — прибавил муж.

— Какой позор!

— Именно. Обнимать человека, который назвал твоего отца носатой рожей…

— Прежде всего, — вмешался граф, — надо выяснить, прав ли он. На мой взгляд…

— Он извинится!

— Да, да! Я себя не помнил.

— Прекратите, — сказала мать. — Если вы меня слушали…

— Да, да, да! Дядя Чарли, дядя Генри, кузен Альфред. Снобы собачьи!

— Что?!

— Собачьи снобы. Подумаешь, загордились! А чем? Деньги есть, вот чем. Интересно, как они их добыли?

— Что вы имеете в виду?

— Неважно.

— Если вы намекаете…

— Он прав, моя дорогая, — вмешался лорд Икенхем. — Ничего не попишешь.

Не знаю, доводилось ли вам видеть бультерьера, который вот-вот схватится с эрделем, но тут кэрри-блю кусает его в зад. Бультерьер смотрит на пришельца именно так, как смотрела на графа сестра хозяйки.

— Наверное, — продолжал граф, — вы не забыли, как разбогател наш Чарли.

— О чем — вы — говорите?

— Да, это тяжко, это скрывают, но помилуйте! Давать деньги под 250 %! Так нельзя все-таки.

— Я ничего не знала! — воскликнула дочь.

— А, — заметил граф, — дитя не в курсе? Правильно. Одобряю.

— Это ложь!

— Теперь — Генри. Как мы спасали его, как спасали! Между нами говоря, вправе ли банковский клерк брать чужие деньги? Видимо, нет. Понимаю, понимаю. Взял он пятьдесят фунтов, выиграл — пять тысяч, но вернул? Ни в коей мере. Изящно, ничего не скажу, — а вот честно ли? Что до Альфреда…

Несчастная мать издавала странные звуки, вроде бутылки шампанского, если его взболтать. То ли бульканье, то ли пальба.

— Это ложь, — повторила страдалица, когда ей удалось распутать голосовые связки. — Вы ненормальный.

Пятый граф пожал плечами.

— Что ж, дело ваше, — сказал он. — Конечно, судью подкупить нетрудно, но мы-то знаем. Я никого не виню. В конце концов, что такое наркотики? Можешь провозить — провози. Но не нам смотреть свысока на честных людей. Спасибо, что берут. Да и чем плох этот молодой человек?

— Да, чем? — поддержала Джулия.
— Надеюсь, — спросила мать, — ты не веришь дяде?
— Верю, верю.
— И я, — присоединился Уилберфорс.
— Видит Бог, — сказала старшая гостья, — я никогда не любила сестру, но такого мужа я ей не желала.
Все помолчали, если не считать птицы, которая предложила погрызть орехов.
— Фиг вы теперь запретите, — сказала Джулия. — Уилби слишком много знает. Милый, ничего, что я из такой семьи?
— Ничего.
— В конце концов, мы не будем с ними видеться.
— Вот именно.
— Не в дядях счастье.
— То-то и оно.
— Уилби!
— Джулия!
Повторив свой номер «Плющ на шесте», они забыли обо всем. Мартышке это не понравилось, равно как и матери.
— На что вы будете жить? — сказала она.
— Он разбогатеет!
— Ха-ха!
— Будь у меня сто фунтов, — сказал Уилберфорс, — я бы завтра же купил долю в самой лучшей фирме. Разносят молоко.
— Бы! — сказала мать.
— Ха! — сказал отец.
— Где вы их возьмете?
— Ха-ха!
— Где, — повторила гостья на бис, — вы их возьмете?
— Как это где? — удивился граф. — У меня, конечно. Когда он захрустел бумажками, племянник жалобно вскрикнул.
— Доктор хочет со мной поговорить, — истолковал его крик дядя. — Да, доктор?
Жених, теперь — нежно-вишневый, немного растерялся.
— Это же ваш сын! Граф обиделся.
— Мой сын был бы красивей. Нет, это — врач. Конечно, мне он — как сын, это вас и смутило.
Подойдя к Мартышке, он глядел на него, пока тот не вспомнил о своей глухоте и не задрожал. Не знаю, связаны ли глухота и дрожь, но бывают

минуты… Словом, не будем его судить. Задрожал — и все.

— Видимо, — сообщил лорд Икенхем, — у птицы что-то такое, о чем не говорят при дамах. Мы на минутку отлучимся.

— Это мы отлучимся, — сказал жених.

— Да, — согласилась невеста, — надо пройтись.

— А вы как? — осведомился граф у гостьи, напоминавшей Наполеона в Москве.

— Выпью чаю. Надеюсь, вы разрешите?

— Конечно, конечно! У нас — полная свобода. Идите, готовьте.

Когда они вышли, Джулия, совсем уж похожая на розу, кинулась к нему, крича: «Спасибо!» Жених ее поддержал.

— Не за что, мои дорогие, — сказав граф.

— Какой вы добрый!

— Ну, что вы!

— Добрее всех на свете!

— Ну, ну, ну!

Он поцеловал ее в обе щеки, правую бровь и кончик носа. Мартышка печально на это глядел. Все, кроме него, целовали прекрасную Джулию.

Когда бесчинства кончились и граф с племянником проводили влюбленных до крыльца, он заговорил об этих фунтах.

— Где ты их взял?

— И правда, где? — задумался граф. — Вообще-то, тетя дала, но для чего? Вероятно, оплатить какой-то счет.

Мартышка немного приободрился.

— Ух, что будет! — сказал он, зная тетину чувствительность. — А когда она услышит, что девица — прямо с конкурса красоты… Возьмет фамильную алебарду, это уж точно.

— Успокойся, мой друг, — сказал ему дядя. — Я понимаю, у тебя нежное сердце, но — успокойся. Я объясню, что тебе пришлось выкупать письма у коварной испанки. Разве можно оставить племянника в когтях низкой женщины? Да, тетя посердится, на тебя. Что ж, какое-то время не будешь к нам ездить. Собственно, ты мне пока не нужен.

Тут у калитки показался крупный, краснолицый мужчина. Граф окликнул его:

— Мистер Роддис!

— А?

— Мистер Роддис?

— Да.

— Булстрод, — представился граф. — А это — зять моей сестры,

Перси Френшем, сало и масло.

Краснолицый спросил, как дела с салом, и, узнав, что они идут прекрасно, выразил радость.

— Мы не встречались, — сказал граф, — хотя живу я неподалеку. Предупрежу, как сосед соседа: там у вас кто-то есть.

— Кто же их впустил?

— Видимо, влезли в окно. Посмотрите сами. Краснолицый посмотрел и если не взбеленился, то был к этому близок.

— Верно, — сказал он. — Сидят в гостиной, пьют мой чай.

— Так я и думал.

— Открыли варенье. Малиновое.

— Что ж, идите туда, а я позову констебля.

— Иду. Спасибо, мистер Булстрод.

— Рад служить. Как хорошо после дождя! Пошли, Перси. Ну, вот, — продолжал он в пути. — Посещая столицу, мой друг, я распространяю свет и сладость. Даже такая дыра становится лучше, счастливее. Смотри-ка, автобус! В нем мы и обсудим наши планы на вечер. Если «Лестер» еще существует, можно зайти… Ровно тридцать пять лет, как меня оттуда выставили. Интересно, кто же там вышибалой?

— Теперь, — сказал Трутень, — вы поймете, почему Мартышка дрожит, получив телеграмму от графа. Ситуация, по его словам, исключительно сложна. Хорошо, что дядя живет в деревне, иначе просто спасу бы не было, но там он набирается сил, которые и должен разрядить, когда посещает Лондон.

Конечно, лучше всего держать старого психа на привязи с 1.1 по 31.XII. Но это — мечта, утопия. Уж как старается леди Икенхем — и что же?

Дядя Фред в весеннее время

Глава 1

Двери клуба распахнулись, и молодой человек в прекрасно сшитом костюме, спустившись по ступенькам, направился к западу. Прохожему показалось бы, что взгляд его напряжен и зорок, как у африканского охотника; показалось бы — и не зря. Мартышка Твистлтон шел к Хоресу Пендлбери-Давенпорту, чтобы занять двести фунтов.

Если вы идете к Хоресу от клуба «Трутни», вы спуститесь по Хэй-хилл, минуете Беркли-сквер, и по Маунт-стрит, а там — по Парк-лейн доберетесь до его дома. И впрямь, минут через десять Уэбстер, слуга Давенпорта, открывал Мартышке дверь.

— Пип-пип! — сказал гость. — Хозяин дома?

— Нет, сэр. На уроке танцев.

— Можно, я войду?

— Конечно, сэр. Пожалуйста, сюда. В гостиной небольшой беспорядок.

— Убираете?

— Нет, сэр. Герцог Данстаблский переломал мебель кочергой.

Мы не скажем, что гость удивился; мало того — мы не скажем, что он испугался. Странности дяди Алариха нередко служили темой дружеских бесед, тем более что у Мартышки был и свой дядя, тоже странный. Рассказы о герцоге он слушал примерно так, как слушал бы Ной жалобы на легкий дождик.

— Почему?

— Мне кажется, сэр, что герцога что-то огорчило.

Мартышка решил, что это вполне возможно, и пошел в небольшую комнатку, носившую громкое имя библиотеки, где стал смотреть в окно, на Парк-лейн.

Веселого там было немного. Весна, как все английские весны, не могла по глупости выбрать между нежнейшим воздуха теплом,[26] любезным поэту, и вполне зимней прохладой. Только что все сверкало, теперь — почему-то мело, и Мартышка заскучал.

Хорес собирался жениться на его сестре, но достаточно ли этого для двух сотен? Нет, недостаточно, думал он, отходя от окна и принимаясь шагать по комнате.

Если вы шагаете по так называемой библиотеке квартиры № 52, вы рано или поздно наткнетесь на письменный стол. Наткнувшись на него,

Мартышка заметил кое-что интересное, а именно — кончик листка, торчащий из-под пресс-папье, а на нем — загадочную подпись: «Клод Плум (частный сыщик)».

Слова эти потрясли Мартышку так, словно он увидел на полу баронета с восточным кинжалом под лопаткой. Обычно он чужих писем не читал, но тут не устоял бы и рыцарь.

Прочитал он повесть, вернее — сагу о какой-то особе N. Автор, то есть частный сыщик, буквально не мог с ней расстаться.

Жила она за границей, ходила в казино, словом — была из тех, кто непрестанно ищет наслаждений. Она не помогала бедным и не размышляла о политике. Когда ей случалось презреть казино, она игр. в тенн. (11–17. 00), обед, с 3 др. (2 м., 1 ж.), езд. в Монтрёй с 1 м. или посещ рест, с 4 м., 4 ж., где задерж. до поздней ночи. Просто напрашивалось выражение «прожигает жизнь». Писал этот Плум хорошо, выразительно, но не совсем понятно, как Роберт Браунинг.

Мартышка стал читать в третий раз, когда во входной двери заворочался ключ, и он едва успел сунуть листок на место. Вошел высокий, но очень узкий человек. Вытянув Хореса в длину, о ширине природа забыла; и если бы его увидел Евклид, он бы шепнул приятелю: «Смотри осторожней, он обидится! Вот тебе моя прямая.»

Высоко вверху было и лицо, такое приветливое, что Мартышка решился.

— Ку-ку! — заметил он не без живости.

— Привет. Про дядю слышал?

— Да. Уэбстер полагает, что он расстроился. Так это?

— Так. Он едет в деревню, хотел взять Бакстера. Это его секретарь. А тот не может. Собирает материалы для Истории рода. Дядя на ней свихнулся. Кроме того, с Рикки что-то вышло. И здесь, у меня, суфле расползлось, как больной кисель. Когда мы пили кофе, дядя сказал, что поеду я, а я не могу. Ну, тут и началось.

— Почему ты не можешь?

— У меня уроки.

— Да, я как раз хотел спросить. Что это?

— Валерия требует, чтобы я научился танцевать. Она говорит, я как верблюд с мозолями.

Мартышке этот образ понравился.

— Успехи есть?

— Вроде, да. Полли берет меня завтра на бал-маскарад, оденусь бойскаутом. Хорошо бы взять и Валерию, то-то удивится!

— А разве она не в Лё Тукэ?

— Сегодня прилетает.

— Ясно. Скажи, а кто это — Полли?

— Моя учительница. Нас познакомил Рикки. Полли Плум.

Жалость пронзила Мартышку. Он пытался что-то делать в суде и очень страдал, но по сравнению с этой Полли — просто благодушествовал. Хуже всего, подумал он, что Хорес такой высокий. Его бы разделить пополам, тогда и учи.

— Плум? А она не связана с сыщиком?

— Дочь. Откуда ты его знаешь? Мартышка смутился.

— Да так, — проговорил он, — случайно заметил бумажку…

— Я бы просил не читать моих писем.

— На что они мне? Но это не письмо, бумага какая-то. Все-таки я юрист. Могу посоветовать.

— А теперь ты скажешь Валерии! Мартышка прозрел.

— О, Господи! — воскликнул он. — Вот это что такое!

Он строго поджал губы — конечно, не слишком строго, деньги занять надо, но и не без того.

— Знаю, все знаю, — сказал Хорес, — но ты войди в положение. Туда поехал на несколько дней почти весь наш клуб. Восемьдесят семь трутней! И где? На французском курорте, с его нравами. А тут Полли говорит, что ее отец — сыщик. Можно устоять, а? Мартышка, я тебя умоляю, не проговорись Валерии! Она очень чувствительная. Лучшая из женщин, это да, но чуть что — обижается. Так не скажешь?

Мартышка все понял и простил.

— Конечно, старик, конечно. Разве я стану губить лучшего друга? Кстати, ты не мог бы… ну, это… в общем…

— Мистер Клод Плум, — доложил Уэбстер. Мартышка полагал, что сыщиков отличают ястребиный профиль, орлиный взор и повадки леопарда, а потому — удивился. У ястреба нет подбородка, тем более — двух. Леопард гибок. Наконец, ни у одного орла не бывает тусклых глаз, затянутых какой-то пленкой. Бывают они у людей, скрывающих свои мысли.

Словом, сыщик оказался круглым и лысым, словно букмекер или мелкий актер. Как ни странно, он побывал и тем, и этим.

— Добрый вечер, мистер Давенпорт, — сказал он.

— Здравствуйте, мистер Плум. Когда вернулись?

— Вчера вечером. А с утра решил — пойду-ка я, доложу остальное.

— Есть что-то еще?

— А то как же! Значит, когда вы освободитесь…

— Ничего, ничего. Мистер Твистлтон все знает. Он… гх… хм… брат особы N.

— Мистер Твистлтон? — оживился сыщик. — Тогда вы племянник лорда Икенхема?

— Да, он мой дядя.

— Прекрасный человек! Таких теперь нет! Старая школа.

— Да, — согласился Мартышка, немного удивляясь, — человек он хороший, только не в себе. Вы с ним знакомы?

— Еще бы! Это он дал мне деньги на контору. Ах ты, как получается! Он деньги дал, а я за племянницей слежу.

— Удивительно, — сказал Мартышка.

— Где там, просто жуть! — сказал Плум.

— Тесен мир.

— Еще как тесен.

Хоресу надоела философская беседа.

— Вы собирались сделать отчет, — напомнил он.

— И верно! Ну, дело плохо. 19 апреля, то есть вчера, особа N позавтракала в ресторане «Пикарди» с двумя женщинами, тремя мужчинами и направилась к полю, где начала игру в гольф. У четырнадцатой лунки… Вы представляете себе тамошнее поле?

— Скорее, да.

— Тогда вы знаете, что после четырнадцатой лунки игрок оказывается у домика, отделенного изгородью. Оттуда вышли двое мужчин и стали звать особу N, видимо — предлагая выпить, поскольку один держал так называемый миксер. Особа N, оставив игру, вошла в домик.

Хорес Давенпорт застонал.

— Действуя в ваших интересах, я подкрался ближе, как вдруг на мое плечо легла чья-то рука. Особа N, выглянув в окошко, сказала: «Так его, Чайник! Ходит за мной и ходит. Дай ему по голове, а Кошкинкорм позовет полицию. Пошлем на гильотину, пусть знает.» У меня оставался только один выход.

— По-моему, ни одного.

— Нет, один. Во всем признаться. Хорес страшно закричал.

— Да, — продолжал Плум. — Что ж мне, связываться с их полицией? Пока субъект по имени Чайник обзывал меня всякими словами, а субъект «Кошкинкорм» спрашивал, как по-французски полиция, я все рассказал. Особа N заметила, что, если я попадусь ей на глаза…

— Мисс Твистлтон! — доложил Уэбстер.

— До свидания, — сказал сыщик.

Те, кого огорчило отсутствие сходства между сыщиком и леопардом, утешились бы при виде Валерии Твистлтон. Когда она вошла в комнату, так и казалось, что обитатель джунглей приближается к добыче.

— Мерзкий червь! — сказала она, чтобы начать беседу.

— Валерия, дорогая, дай объяснить!..

— Лучше я, — предложил Мартышка.

Сестра посмотрела на него куда суровее, чем сыщик, и, сказала:

— Не твое дело, кретин.

— Мое, — отвечал Мартышка. — Я не дам обижать лучшего друга. Хорошо, он послал сыщика. Так радовалась бы! Ты посмотри, как он тебя любит!

— Неужели?

— Валерия, дорогая… Сестра обернулась к брату.

— Ты не мог бы, — спросила она, — сообщить твоему другу, что я для него не «Валерия», а уж тем более — не «дорогая»? Моя фамилия — Твистлтон.

— При ней и останешься, — парировал Мартышка, — если будешь швыряться людьми. И какими! Человек, который по великой любви нанимает сыщика…

— Я не…

— И что же? Он прав! Ты вела себя как недоделанная актриса на голливудской вечеринке. Что за субъект с миксером?

— Я…

— А мужчина, с которым ты ездила в Монтрёй?

— Да, — приободрился Хорес, — что это значит?

— Если вы разрешите мне вставить слово, — холодно проговорила Валерия, — я сообщу вам, что пришла не для споров. Я пришла довести до вашего сведения, что помолвка наша расторгнута, о чем вы сможете прочитать завтра в «Тайме». Поведение ваше я могу объяснить только душевной болезнью. Я этого давно ждала. Возьмем вашего дядю. Абсолютно невменяем.

— А твой что, лучше? — вскричал несчастный Хорес.

— Какие у вас претензии к дяде Фреду?

— Полный псих.

— Ничего подобного.

— Спроси своего брата.

— Он кретин. Мартышка удивился.

— Нельзя ли, — осведомился он, — соблюдать приличия?

— Нельзя, мы не ведем дискуссию. Я пришла сообщить мистеру Давенпорту, что…

— Значит, ты меня бросаешь? — спросил Хорес, со зловещим спокойствием протирая очки.

— Да.

— Будешь каяться.

— Нет, не буду.

— Заметь, я пущусь во все тяжкие.

— Пожалуйста!

— И погибну.

— Прошу, прошу.

— Прежде всего, я пойду с Полли на маскарад.

— Бедная девушка!

— Не понял.

— Купите ей завтра костыли, это ваш долг. Воцарилось молчание, только Хорес дышал, как дышит мужчина, если женщина перегнула палку.

— Когда ты нас оставишь, — холодно сказал он, — я ей позвоню.

Дверь хлопнула. Он пошел к телефону. Мартышка откашлялся, призывая хваленую смелость своего древнего рода.

— Вот что, старик…

— Да?

— Вот что…

— Алло! Полли?

— Вот что, Хорес…

— Минуточку. Кто-то что-то говорит. Да?

— Хорес, старик, я хотел сказать… по всяким обстоятельствам… то есть…

— Не тяни душу. Я занят.

Мартышка решил обойтись без вступления.

— Можешь одолжить двести фунтов?

— Нет.

— Вот как? Ну-ну. Тогда — пока.

И он ушел, и пошел в гараж, где держал свою машину, и сказал владельцу, чтобы тот приготовил ее к завтрашнему утру.

— Далеко едете, сэр?

— В Икенхем, — ответил Мартышка.

Ничего не поделаешь, думал он, придется все открыть дяде Фреду.

Глава 2

Обработав гостиную племянника и покинув его квартиру, герцог Данстаблский приободрился, доехал в кэбе до Паддингтонского вокзала и поездом 2.45 отбыл в Маркет Бландинг, расположенный в графстве Шропшир, ибо сам пригласил себя к Кларенсу, графу Эмсвортскому, и леди Констанс, его сестре, в древнюю обитель покоя, Бландингский замок.

Заблаговременно сообщив об этом открыткой, он особо напомнил, чтобы ему отвели спальню на первом этаже, окнами на юг, и тихий кабинет, где он мог бы работать вместе с секретарем над историей своего рода. Открытку принесли к завтраку и приняли неоднозначно.

Лорд Эмсворт очень удивился и воскликнул: «Нет, что ж это! А? Нет, что же это такое?». Он не любил герцога сорок семь лет, секретаря же его, Руперта Бакстера, надеялся не увидеть ни в этом мире, ни в будущем. Еще недавно тот служил у него и граф относился к нему, как относится чудом исцеленный человек к страшной болезни. Конечно, теперь секретарь терзал другого, но графа это не очень утешало. Ему претила мысль о том, что они с Бакстером будут жить под одной крышей.

Зато леди Констанс была рада. Бакстер ей нравился, а в давние дни, когда мир был молод, они с герцогом позже всех возвращались домой с пикников. Ничего из этого не вышло, он еще не унаследовал титула, и старый герцог, отец, услал его за границу, чтобы Англия немного отдохнула, — но память осталась и жила до сих пор.

— Да он неделю как уехал! — протестовал лорд Эмсворт.

— Семь месяцев назад.

— А ты не можешь сказать, что у нас нет места?

— Конечно, не могу.

— Когда он был тут, — сообщил страдающий граф, — он ткнул Императрицу зонтиком.

— Знаешь что, — отвечала леди Констанс, — я не стану оскорблять старого друга из-за твоей свиньи. Отведем ему комнату окнами в сад, ему нужен первый этаж. Боится пожара.

Так и случилось, что наутро после визита к племяннику герцог проснулся в роскошной спальне, на первом этаже. Сперва он полежал, глядя, как сочится свет сквозь занавеси огромных окон, выходящих прямо на лужайку; потом позвонил и велел лакею принести тостов, джема, китайского чаю, яйцо в мешочек и газету «Тайме». А через двадцать минут

дворецкий Бидж передал леди Констанс, что герцог ждет ее у себя.

Она немного всполошилась. Вчера, за вечерним столом, герцог успел рассказать, как он проучил племянника, и рассказ этот произвел на нее большое впечатление. Подходя к его комнате, она боялась разрушений; но все было в порядке, и она посмотрела на гостя, облаченного в розовую пижаму, с той нежностью, с какою смотрит женщина на мужчину, шептавшего ей когда-то слова любви.

— Доброе утро, Аларих, — сказала она.

— Дбррр. Какого черта он свистит?

— Что?

— Свистит. Какой-то тип под окном. «На берегах Лох-Ломонда».[27]

— Наверное, садовник. Герцог неопределенно хмыкнул.

Если Мартышка удивился мистеру Плуму, он удивился бы и тому, что прославленный зверствами герцог так приличен с виду. Конечно, нос — но и все. Вполне обычная лысина, водопад седых усов, голубые глаза. Старик как старик.

— Ты для этого меня звал?

— Нет. Скажи шоферу, чтобы отвез меня к поезду.

— Да ты вчера приехал!

— А сегодня прочитал в «Тайме», что мой племянник не женится.

— Что!

— То, что слышишь.

— Почему?

— Откуда мне знать? Для того и еду.

— Это племянница Икенхемов?

— Да.

— Леди Икенхем я знаю, а его не встречала. Говорят, он эксцентричен.

— Душевнобольной. Теперь все такие. Посмотри на Кларенса.

— Правда, он какой-то рассеянный.

— Еще чего! Сумасшедший. И Хорес. И Рикки. Мой тебе совет, не заводи племянников.

Леди Констанс вздохнула.

— У меня их много, Аларих.

— Сумасшедшие?

— Иногда мне кажется, что да. Так странно себя ведут…

— Куда им до моих!

— Роналд женился на хористке.

— Рикки пишет стихи.

— Бошем купил на улице золотой слиток.

— А теперь еще суп.

— Бошем купил суп?

— Какой Бошем! Рикки. Хочет торговать супом.

— Торговать супом?

— Конни, ты не горное эхо. Да, торговать супом. И еще просит, нахал, пятьсот фунтов на обзаведение. Конечно, не дам. Обижается, видите ли! Ничего, Хорес больше обидится, когда я с ним поговорю! Распорядись насчет машины.

— Ты бы послал мистера Бакстера. Он ведь в Лондоне? Вот его и пошли.

— Еще чего! Сумасшедший племянник, а мой. Разве я допущу, чтоб его ругал какой-то выскочка?

— Знаю! — воскликнула леди Констанс. — Бошем собирался в Лондон. Пусть Хорес привезет его обратно.

— Вот это дело, — похвалил герцог. — А то «Бакстер»! Да, скажи Бошему. Ну, заболтался я с тобой. Где Кларенс?

— У свиньи.

— Не надоело?

— Что ты! Он по ней с ума сходит.

— Вот именно. От нее все и пошло. Надо ее убрать, а то твой братец скажет, что он — яйцо всмятку. Кстати, пришли мне десяток яиц.

— Ты не завтракал?

— Завтракал.

— Не наелся? — с натужной заботой сказала леди Констанс.

— Наелся. Я буду их бросать. Проучу этого охломонда. Ах ты, опять! Теперь поет.

— Аларих, — мягко спросила леди Констанс, — тебе непременно нужно бросать в него яйца?

— Да.

— Прекрасно, — сказала она и пошла уводить певца из опасной зоны, напряженно о чем-то размышляя.

Тем временем лорд Эмсворт, не зная обо всей суете, был на лужайке, за огородом, у милого сердцу свинарника, где обитала прославленная Императрица, дважды получившая приз по разряду жирных свиней. Под его любящим взором она кончала трапезу.

Девятый эмсвортский граф легко забывал плохое. Не помня о том, что в жизнь его вернулся Бакстер, он наслаждался той совершенной радостью, которую дают нам чистая совесть, отъезд домашних, приятное общество и

хорошая погода. В это утро у него не было тайн от сестры своей, Констанс, никто не мешал ему общаться с любимой свиньей, а погода стояла редкая даже для этих блаженных мест. Весна была капризной в Лондоне — но не в Бландинге.

Одно хоть немного омрачало радость: граф знал по опыту, что такое божественное одиночество не бывает долгим. И опыт его не обманул. Кто-то зарычал, он обернулся — и увидел, как выразился бы сыщик, одного м. Гость его, герцог, шел к нему по лужайке.

— Утррр, Кларенс.

— Доброе утро, Аларих.

Растерянный граф притворно улыбнулся. Воспитание, а точнее — непрестанные напоминания сестры (около 15 тысяч слов) внушили ему, что хозяин должен носить маску. Он старался изо всех сил не походить на загнанного оленя.

— Бошема видел?

— Нет, нет.

— Надо поговорить. Подожду здесь, перехвачу, а то уедет. Он едет в Лондон, за Хоресом. Помолвка расстроилась.

Лорд Эмсворт вроде бы помнил, что наследник его женат, и решился на это намекнуть.

— Не у него, — ответил герцог. — У Хореса.

Графу легче не стало.

— А кто это — Хорес?

— Мой племянник.

— Он женится?

— Собирался. На племяннице Икенхема.

— А кто такая…

— Его бывшая невеста.

— А кто такой…

— Ее дядя.

— О! — обрадовался граф. — Икенхем! Как же, как же. Я его знаю. Он дружит с Галахадом. Хорошо, что он приедет.

— Откуда ты взял?

— Ты же сам сейчас…

— Ничего подобного. Это Хорес приедет.

— А кто такой…

— Я тебе только что говорил, — с привычной строгостью ответил герцог. — Мой племянник.

— А? О? Э? — сказал лорд Эмсворт. — А, племянник! Прекрасно,

прекрасно. Он любит свиней? А ты, Аларих? Вот моя свинья Императрица. Кажется, ты ее видел прошлым летом.

Хозяин отошел от перил, чтобы гость разглядел ее получше. Оба помолчали, граф — благоговейно, герцог — сердито. Вынув большие очки из нагрудного кармана, он укоризненно глядел на свинью.

— Ну и вид! — сказал он наконец. — Ф-фу, мерзость. Лорд Эмсворт страшно вздрогнул, не веря своим ушам.

— Что?

— Слишком жирная.

— Жирная?

— Да, слишком. Ты посмотри. Какой-то шар.

— Это так надо.

— Не до такой же степени!

— До такой, до такой. Она получила две медали.

— Не говори глупостей, Кларенс. Подумай сам, зачем свинье медали? Нет, тут подойдет одно слово: туша. Прямо тетя Горация. Наклонилась взять пирога — и все, крышка. Твоя свинья еще вдвое толще. Чего ты хочешь? Жрет, жрет и жрет. Ей бы на диету, да пробежаться с утра.

Лорд Эмсворт отыскал пенсне, слетевшее от избытка чувств, и надел его дрожащей рукой.

— Ты полагаешь, — спросил он, ибо в критические минуты бывал нестерпимо саркастичным, — я готовлю ее к бегам?

Герцог, задумавшись было о том, каково приходится бедной Конни, встрепенулся и сказал:

— Не надо, Кларенс.

— А?

— Не готовь. Первой она не придет, зачем позориться? Лучше бы ее сплавить. Знаешь что? — Герцог похлопал его по плечу. — Я ее возьму. Да, да. Отошли ко мне. Через неделю-другую — не узнаешь. Похудеет, подтянется. Да и ты придешь в себя. Сам скажешь спасибо. А вот и Бошем. Эй, Бошем! Мне надо с тобой поговорить.

Минуту-другую лорд Эмсворт стоял у перил. Солнце сверкало, небо синело, ветерок ласкал хвост Императрицы, и граф не сразу заметил, что кто-то его зовет. То была леди Констанс.

— Ты что, оглох?

— Э? Нет.

— Странно! Кричу, кричу… Я бы хотела, Кларенс, чтобы ты иногда меня слушал. Меня беспокоит Аларих. Он какой-то такой…

— Конечно, конечно, конечно. Подумай сама: приходит…

— Попросил яиц, бросать в садовника.

Английский землевладелец — отец своим слугам; но сейчас лорд Эмсворт даже не потерял пенсне.

— … и говорит…

— Здоровые люди не бросаются яйцами.

— Здоровые люди не просят чужих свиней.

— А он просил?

— Да.

— Что ж, отдай.

— Что!!!

— Ты оглох?

— Я не оглох. Я не говорю: «Что?». Я говорю: «Что!!!».

— Не понимаю.

— Нет, ты подумай, что ты сказала! Аларих просит отдать Императрицу, а ты ухом не ведешь и… э… ну, ухом не ведешь. «Отдай»!

— А что, губить дом из-за паршивой свиньи?

— Какой?!.

— Паршивой. Кстати, Аларих считает, что она тебе вредит.

— Она? Мне?

— Тебе. Спорить тут не о чем. Просит — отдай.

— Сейчас, сейчас, сейчас, — ответил лорд Эмсворт. — А потом и замок, чего уж там! Пойду, почитаю, пока он не забрал все книги.

Слова эти были очень хороши — остро, горько, беспощадно, однако несчастного графа они не утешили. Опыт неисчислимых битв подсказывал ему, что Конни не знает поражений. Борись, вздымай руки к небу, потрясай кулаками — все равно победит она.

Через десять минут в церковной прохладе библиотеки лорд Эмсворт тщетно глядел в книгу «Уход за свиньей». Он был один в безжалостном мире. Ему был нужен друг… советчик… сообщник. Бошем? Нет, не то. Бидж?! Да, он поймет, но вряд ли что-то придумает. Галахад, умнейший из людей, куда-то уехал…

Лорд Эмсворт встрепенулся. Он вспомнил, что у брата есть друг; а брат этот не станет дружить с кем попало. Если он говорит о ком-то «Ого-го!», так оно и есть. А именно это он неоднократно говорил о пятом графе Икенхемском.

Глаза под пенсне сверкнули. Лорд Эмсворт посмотрел на полку, где стоял справочник Дебрета. Поехать в Лондон, позвонить, посоветоваться — и *она* спасена! Но как? Конни не выпустит его. И тут он услышал голос.

— Кларенс!

— Да?

— Ты говорил Алариху, что готовишь свинью к бегам?

— Нет. Я сказал, что не готовлю.

— Значит, он не понял. Хочет пригласить доктора.

— Какая наглость!

— Езжай в Лондон. Книга упала у него из рук.

— Кларенс, это невыносимо! Да, ты не любишь ездить в город. Но выбора нет. Я все время думала, что Алариху нужен врач, но боялась его обидеть. Ты знаешь Глоссопа?

— В жизни не слышал.

— Самый лучший психиатр. Сэр Родерик Глоссоп. У леди Джиллет он буквально спас племянника. Езжай, пригласи сэра Родерика в клуб, все объясни. Расходы я беру на себя. Поспеши, надо успеть к двухчасовому поезду.

— Хорошо, — сказал граф.

Когда дверь закрылась, лицо у него было такое, каким оно бывает у людей, увидевших чудо. Ноги несколько дрожали, но, подойдя к полке, он взял алый с золотом справочник «Пэры Англии».

Бидж, услышав звонок, поспешил в библиотеку.

— Милорд?

— О, Бидж! Соедините меня, пожалуйста. Номера я не знаю, зато знаю адрес: Хэмпшир, Икенхем, Икенхем-холл. Попросите лорда Икенхема.

— Сию минуту, милорд.

— И, когда дозвонитесь, — прибавил лорд Эмсворт, — перенесите аппарат ко мне.

Глава 3

Если ваша машина исправна, от Лондона до Хэмпшира вы доедете быстро. Мартышка Твистлтон прибыл в Икенхем за несколько минут до полудня, то есть именно тогда, когда в далеком Шропшире лорд Эмсворт открыл свою книгу об уходе за свиньей.

Перед домом, на крутом повороте, прикрытом кустами, он повстречался с машиной побольше и, мельком увидев багаж, со страхом подумал, не уезжает ли дядя. Но нет; подъехав ближе, он обнаружил его на ступеньках террасы.

Фредерик Алтамонт Корнуоллис Твистлтон, пятый граф Икенхемский, был высок, изыскан и усат. Молодым мы его бы не назвали. Весна, оживлявшая Англию суматохой тепла и холода, была одной из многих весен, пронесшихся над его головой, которая и обрела с их помощью приятный стальной цвет. Однако годы не лишили его ни стройности, ни неукротимости. Вместе с талией он сохранил повадки подвыпившего студента — хотя, конечно, во всей своей славе представал не здесь, а в Лондоне.

Именно поэтому Джейн, его жена, разумно решила, что вечер жизни он проведет в сельской местности, пригрозив страшными карами, если он нарушит повеление. Как ни странно, его красивое лицо светилось мягким светом, ибо она только что уехала, далеко и надолго. Он ее очень любил, твердо веря, что более прелестного создания просто нет на свете, но — что поделаешь! — понимал, что в ее отсутствие он сможет глотнуть столичного воздуха, без которого не захочешь, а заржавеешь.

Увидев племянника, он засиял еще сильнее. В его обществе граф провел немало счастливых и поучительных часов. Поход на собачьи бега до сих пор снился Мартышке.

— А, это ты! — воскликнул пэр. — Очень хорошо. Ставь машину, иди сюда. Какое утро! Вчера я видел тут у нас американский вестерн, и герой говорил, что его наскипидарили. Вот и я так. Закваска весны бродит в моих жилах. Начальства нет…

— Это тетя Джейн уехала?

— Да, Большой Белый Вождь.

Мартышка любил и уважал свою тетю, но, кроме того, боялся и сейчас ощутил облегчение. Как многие тети, она обладала переразвитым чутьем. Взглянув на него, она бы догадалась, что он на мели, а там уж он и сам бы

признался, где просадил деньги. Что было бы в этом случае, он думать не хотел.

— Покатила в Дувр, — продолжал граф. — Едет к матери, на Ривьеру, будет за ней ухаживать.

— Значит, ты один?

— Если не считать Валерии.

— Ах ты, черт! Она здесь?

— Вчера приехала, мечет пламя. Слышал новости? А может, ты явился ее утешать?

— Не совсем. Вообще-то, между нами говоря, я бы не хотел ее видеть. Я там был, когда они ругались, и защищал Хореса.

Лорд Икенхем кивнул.

— Да, вспомнил, она тебя называла ползучим гадом. Темпераментная натура. Не пойму, чего она пыхтит. Подумаешь, разорвала помолвку! Джейн разрывала ее шесть раз — а какая жена! Надеюсь, моя теща скоро поправится, но не очень скоро. Смотри, как смешно — Хорес нанял сыщика, а это мой старый приятель Плум. Плум-пудинг мы его называли.

— Да, он говорил. Ты дал ему денег, чтобы он стал сыщиком.

— Именно. Толковый тип. Чего он только ни делал! И актером был, и букмекером, держал какой-то клуб. Я подозреваю, что он побывал и дворецким. Но по призванию, по таланту он — мошенник. Как, впрочем, и я.

— Чепуха какая!

— Отнюдь. Не смейся над мечтами немолодого человека. Когда я читаю в газете об Очередной Жертве Мошенничества, я примеряю сюжет на себя. Какие бывают дураки! Так сколько?

— А?

— Я вижу, ты хочешь занять денег. Сколько именно? Такая сила ума могла бы и порадовать, но Мартышка был мрачен. Им овладел врожденный пессимизм.

— Много.

— Пятерку?

— Больше.

— Конкретно?

— Двести.

— Что! Как ты сумел столько задолжать?

— Советчики подвели. В общем, должен букмекеру две сотни. Ты его не знаешь? Такой Джордж Бадд.

— Когда я играл на бегах, твой Бадд сосал в колыбельке свои розовые

пальчики.

— Ну, сейчас не сосет. Кремень, одно слово. Бинго Литтл ему задолжал, а он говорит: «Я человек не суеверный, но как-то так получается, что с моими должниками что-нибудь происходит. Судьба, не иначе. Рок.». И показал Бинго здорового амбала, зовут Эрб.

— Вот они какие теперь, букмекеры! Правда, и при мне были такие же.

— Вчера Эрб заходил ко мне.

— Что он сказал?

— Ничего. Такой, знаешь, сильный, молчаливый. Посмотрел, и все. В общем, если бы ты мог…

Лорд Икенхем печально покачал головой.

— Увы, мой дорогой, недавно у нас прошла финансовая реформа. Твоя тетя оставила мне ровно столько, сколько нужно на табак и уважение к себе. Десятка, вот мой предел.

— А, черт! Эрб явится в среду.

— Прекрасно тебя понимаю, — сказал граф. — Все мы через это прошли, от архиепископа Кентерберийского до меня. Ровно тридцать шесть лет назад я лез по трубе, спасаясь от некоего Сида. Спасся, хотя мимо меня что-то пролетело, я думаю — бронзовые часы. Остается одно. Попроси у Хореса.

Мартышка усмехнулся, заметив при этом:

— Ха!

— Уже пробовал? Так, так, так… Знаешь, что? Такому почтенному и тактичному человеку, как я, он не откажет. Предоставь все мне. В весеннее время моим силам просто нет границ.

— Ты не можешь поехать в Лондон.

— Не могу? В каком смысле?

— Разве тетя Джейн не запретила?

— Что-то такое было, но ты не учел, что она — на пути во Францию.

— А Валерия — здесь.

— Ага, ага. Да, вполне вероятно, что твоя сестра меня сторожит. Ничего, она скоро уедет. С тобой.

— Что такое?

— Да, да. Конечно, она еще не знает. Она собиралась прожить тут несколько недель. Но что поделаешь?

— Не можешь же ты ее выгнать. Лорд Икенхем был шокирован.

— Мой дорогой! — сказал он. — У каждого свой метод. А, вот и она! Валерия, душенька, смотри, кто приехал!

Валерия посмотрела, но на улитку, и так холодно, словно перед ними проползал Хорес Давенпорт.

— Вижу, — отрешенно сказала она. — Что он тут делает?

— Хочет отвезти тебя в Лондон.

— Я не собира…

— Конечно, мне будет одиноко, — продолжал лорд Икенхем, — но Мартышка считает, что ты делаешь большую ошибку.

— Почему?

— Ты знаешь, что такое свет. Он жесток. Он глумлив. Да, я понимаю, друзья смеяться не станут, они пожалеют тебя, но чужие люди… Ты для них — раненый зверек, уползающий в конуру. Мы, Твистлтоны, всегда гордились тем, что умеем сохранять лицо в несчастье. На твоем месте я бы показал, что я, как и прежде, весел, беспечен, спокоен… В чем дело, Коггз?

— Вас просят к телефону, милорд, — сказал дворецкий. Несколько секунд Валерия издавала негромкий звук, напоминающий утечку пара. Потом она лязгнула зубами.

— Подождешь минут десять? — спросила она. — Сложу вещи. Она ушла в дом, а Мартышка закурил сигарету. Он не одобрял дядю Фреда, но восхищался им.

Вскоре тот вернулся.

— Где Валерия? — спросил он.

— Складывает вещи.

— Так, так, так. Это Эмсворт, брат моего старого друга. Звонил из Бландинга. Просит прийти к нему в клуб. Утром управимся с Хоресом, а к двум — к нему. Значит, мы с тобой встречаемся в двенадцать, в вашем клубе. Ах ты, как хорошо! Я — словно ребенок перед цирком.

Чувства Мартышки были сложней. Когда дядя собирался в столицу, он всегда трепетал, думая о будущем.

Один вдумчивый член клуба «Трутни» выразил это так:

— Когда Мартышкин дядя приезжает в Лондон, ему уже не шестьдесят, а двадцать два. Не знаю, встречалось ли вам слово «эксцессы», но именно оно приходит тут в голову.

Глава 4

Предположение дяди (при должной обработке Хорес деньги даст) произвело на Мартышку большое, глубокое впечатление. Возвращаясь в Лондон, он был весел. Однако наутро ему показалось, что теория эта недостаточно обоснована.

И то, если подумать — разве кто-нибудь даст сразу две сотни? Нет, не даст. Лучше собрать у многих людей, объявить подписку. Потому он и решил пойти в клуб, поразведать, как и что.

Обычно, вернувшись из Лё Тукэ, трутни бывали печальны — иногда, в особенно трудные годы, клуб походил на Стену плача — но сегодня царил дух веселья. Божества французских казино снизошли к членам клуба, и, слушая рассказы об успехах, Мартышка подумывал о том, не взять ли с некоторых по десятке, когда сквозь сигаретный дым увидел знакомое лицо. Это был сыщик.

Не только любопытство и не только страх за непривычного к месту человека побудили Мартышку к нему подойти. В конце концов и он мог дать какие-то деньги.

— А, это вы, мистер Плум! — сказал страдалец, протягивая руку. — Как вас сюда занесло?

— Доброе утро, — сказал сыщик. — Я пришел с мистером Давенпортом. Он сейчас кому-то звонит.

— Не думал, что Хорес способен так рано встать.

— Он не ложился. Танцевал всю ночь.

— А, да! Маскарад. Помню, помню. Приятно вас видеть, мистер Плум. Вы так быстро ушли.

— Да, — задумчиво сказал сыщик. — А как вы поладили с особой N?

— Средне. Она разбушевалась.

— Так я и думал.

— Вы правильно сделали, что ушли.

— Конечно.

— И все же, — сердечно продолжал Мартышка, — я был огорчен, мне вас не хватало. Выпить хотите?

— Спасибо, нет.

— Сигарету?

— Нет, спасибо.

— Присядем, а? О, вы сидите! Вот что, мистер… Неясный шум у

стойки достиг вершины. Пуффи Проссер, местный богач, рассказывал новоприбывшим, как он сорвал банк семь раз кряду. И тут глаза мистера Плума тускло заблестели, словно пузырь мертвой рыбы.

— У-у! — сказал он, бросая на Пуффи тот самый взгляд, которым ястреб в Сахаре глядит на умирающего верблюда. — Я смотрю, тут большие деньги.

— Да, кстати, о деньгах…

— Самое время открыть шляпный банк.

— Какой банк?

— Шляпный. Не слышали? И чему вас только учат! Берем, что хотите, — ну, вот эту дверь, и держим пари, какая шляпа появится в ней первой. Вы ставите десятку…

Мартышка заботливо стряхнул пух с его рукава.

— У меня ее нет, — сказал он. — Я как раз…

— … на цилиндр, — продолжал его собеседник. — Тогда, если войдет субъект в цилиндре, банк ваш.

— Ага, ага!.. Очень занятно…

— Сейчас так играть нельзя, все в мягких шляпах. Ну что это такое!

— Да, безобразие, — поддержал Мартышка, — прямо хоть на костюмы гадай! Так вот, о десятках…

Мистер Плум очнулся.

— А, что?

— Я говорю, десятка…

— Костюмы! — вскричал сыщик, вскакивая с кресла, словно увидел особу N, и побежал к дверям с невообразимой скоростью. Через несколько мгновений трутни, собравшиеся у стойки, увидели, что — против всяких правил — кто-то говорит речь.

— Друзья! — возгласил мистер Плум.

Говор стих, сменившись молчанием, которое и подчеркнуло звонкий голос бывшего букмекера.

— Все вы — джентльмены, — говорил Плум, — все вы — спортсмены. Это я вижу. А джентльмен и спортсмен никогда не откажется от небольшого пари.

Слово «пари» сработало, холодное безучастие сменилось живым интересом. Никто не понимал, как затесался в их среду этот тип, но слушать его стали.

— Моя фамилия Плум, — говорил он. — Когда-то ее хорошо знали покровители королевского спорта. Скачки я оставил, но всегда готов помочь джентльменам и спортсменам. Итак, у вас — деньги, у меня —

запись. Открываем — Костюмный — Банк!!!

Трутни редко владеют с утра всем своим разумом. Послышался удивленный гул. Один трутень спросил: «Э?», другой прошептал: «Какие еще банки?».

— Только что, — продолжал сыщик, — я объяснял идею шляпного банка моему другу Твистлтону. Костюмный действует точно так же. Сейчас один из членов клуба находится в телефонной будке. Я попросил мальчика придержать дверцу, чтобы вы, не торопясь, обдумали свои ответы. Его никто не выпустит?

— Нет! Нет! — гневно закричали трутни.

— Тогда все в порядке. Итак, каждый спросит себя: «Как он одет?» или, если хотите, «Что на нем надето?». Быть может, он в обычном костюме, быть может — в купальном. Быть может, он в мундире, вступил в Армию Спасения. Чтобы дать почин, предлагаю девять против четырех — за синий костюм, четыре против одного — за серый в елочку, десять против одного — за гольфы, сто против шести — за шорты и свитер, двадцать против одного — за придворную ливрею. Не согласитесь ли вы, — обратился он к ближнему трутню, — вести запись?

— А угадывать я могу?

— Можете, можете. Следуйте влечению сердца, гоните страх.

— Как вы расцениваете шевиотовый костюм?

— Шесть против одного.

— Ставлю десять шиллингов.

— Прекрасно. Деньги наличными, пожалуйста. Ничего не попишешь, закон. Я вам доверяю, но — нельзя! Спасибо. Живее, живее, господа! Девять против четырех…

Последние преграды пали, дело пошло споро, и мистер Плум исчез за телами игроков.

Одним из первых был Мартышка. Кинувшись к швейцару, он выписал чек на последние десять фунтов и, облегченно вздохнув, прислонился к стойке.

Он понял, что фортуна, до сей поры капризная, решила больше не мучить хорошего человека. Чтобы выиграть пари, нужны знания, а они были, и в преизбытке. Только он, один из всех, знал, кто говорит по телефону; мало того — он знал, как тот одет.

Возьмем, к примеру, Бреммеля[28] наших дней — Поттера-Пербрайта, именуемого Кошкиным Кормом. Вот о нем можно гадать часами. Но Хорес — дело другое. Он с костюмами не расставался и довел свою невесту до рискованного шага: перед отъездом в Лё Тукэ она забрала их, все до

единого, чтобы отдать бедным. Конечно, она не могла оставить его голым, а потому — не тронула серый фланелевый костюм и еще один, выходной, поскольку никто не успел бы сшить новый за такой короткий срок. Итак, ставим десять фунтов на серую фланель и спокойно ждем результатов.

Потягивая коктейль, он думал, все ли уйдет на Эрба или что-то останется, когда внезапно вспомнил исключительно важную вещь — мистер Плум сказал, что Хорес провел всю ночь на маскараде. И, словно колокол, услышал слова: «Я оденусь бойскаутом.».

Комната поплыла перед ним. Теперь он понял все. Никто, ни один человек, не может об этом догадаться. Плум знал, что сорвет банк. Самый проницательный трутень не подумает, что в такое время, в таком месте кто-то оденется бойскаутом.

Мартышка вскрикнул. В предпоследнюю минуту ему открылся путь к спасению — а он все погубил! Но тут он заметил Пуффи Проссера и схватил его за рукав.

— Пуффи… — начал он.

— Ничего не дам! — сказал Пуффи.

Мартышка заплясал на месте. Гул вокруг сыщика еще не стих, но запись явно кончалась.

— Хочешь хороший совет?

— Да?

— Верный.

— Да-а?

— Абсолютный верняк. Пуффи усмехнулся.

— Не держу пари. На что мне какие-то два фунта! Недавно, в Лё Тукэ…

Мартышка кинулся к Плуму, расталкивая трутней.

— Мистер Плум!

— Да?

— Тут один мой друг хочет записаться!

— Наличными, мистер Т., только наличными. Закон!

— Чепуха. Это мистер Проссер. Возьмите чек. Вы слышали о мистере Проссере?

— А, мистер Проссер! Это дело другое. Ради такого человека можно нарушить и закон.

Вернувшись к Пуффи, Мартышка увидел, что тот оживился.

— Ты правда что-то знаешь?

— Еще бы! Половину выигрыша дашь?

— Ладно, дам.

— Тогда говори: «Бойскаут». В будке — Хорес Давенпорт, он только что с карнавала.

— В костюме бойскаута? Это точно?

— Точнее некуда!

— Что ж, будут деньги на хлеб!

— С маслом! — восторженно крикнул Мартышка. — Не забудь, половина мне.

Именно в эту минуту мальчик доложил, что его ждет лорд Икенхем; и, едва касаясь ковра, Мартышка побежал в холл. Пятый граф смотрел на него с интересом.

— Пип-пип! — сказал он.

— Пип-пип, — рассеянно бросил племянник. — Дядя Фред, дай мне все, что у тебя есть. Сейчас закроют запись. Хорес привел твоего Пудинга…

— Странно… Прекрасный человек, я ничего не говорю, но здесь ему не место.

— Потом обсудим, привел и привел. А он закрыл Хореса в будке и ведет запись. Все гадают, как Хорес одет. Сколько дашь?

— Против Пудинга? — Лорд Икенхем мягко улыбнулся. — Ничего, мой друг, ни цента. Жизнь научит тебя со временем, что Пудинга объехать нельзя. Кто только ни пытался! Сотни. И где же они?

Мартышка передернул плечами.

— Что ж, теряешь редкий шанс. Я знаю точно, что Хорес был на карнавале, в костюме бойскаута, и домой не заходил.

— Бойскаута? Странно… Нет, не верю. Бейтс, — обратился он к швейцару, — вы видели мистера Давенпорта. Как он выглядел?

— Жутко, милорд.

— Как же иначе? — сказал граф. — Когда такая каланча надевает короткие штаны… А голые коленки! Одно слово, бойскаут.

— Простите, милорд, — вмешался швейцар, — мистер Давенпорт одет не бойскаутом.

— Что!

— Мне показалось, милорд, что это скорее негр. Лицо черное, в руке — копье. Не захочешь — испугаешься.

Мартышка покачнулся. Толстый швейцар поплыл перед его глазами.

— Черное? — выговорил он.

Мистер Плум во главе шествия показался в холле. Он прошел к будке, открыл дверцу, и взорам явилась странная фигура. Природа создала немало чудищ, но еще не было такого, как то, которое ринулось к выходу,

скатилось на улицу и кликнуло кэб.

Как и говорил швейцар, лицо у него было черное, длинное тело обернуто в какие-то ткани и прикрыто шкурой леопарда, голова увенчана страусовыми перьями. Оно держало копье, что не совсем сочеталось с очками в черепаховой оправе.

Мартышка ощутил, что добрая рука схватила его за локоть.

— Пойдем, мой дорогой, — сказал лорд Икенхем. — Ждать тебе нечего, встречаться с Проссером — не нужно. Сколько ты ему должен?

— Пятьдесят фунтов.

— Подведем итоги. Бадду ты должен двести, Проссеру — пятьдесят. Если не отдашь Проссеру, он сообщит комитету и тебя выбросят на улицу, где поджидает Эрб. Да, ты живешь поистине полной жизнью! Нам, сельским жителям, до тебя далеко. Но как вдохновляет!

Когда они приехали к Хоресу, Уэбстер сообщил им, что тот — в ванной.

Глава 5

Хорес, который минут через десять появился в пижаме и в халате, был намного приятней того, который выскочил из будки, но печать страдания не исчезла. Лицо, оттертое маслом, а после — водой и мылом, сверкало и пламенело; но глаза глядели печально, если не скорбно.

Когда он увидел графа, к этому прибавилась тревога. Хорес Давенпорт слышал рассказы о родственниках оскорбленных невест. Однако лорд Икенхем ничем не проявлял ярости. Он вообще любил Хореса, хотя и считал слабоумным, а сейчас еще и растрогался.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он. — Я утром заходил, вас не было.

— Да, Уэбстер мне сказал.

— А сейчас, в клубе, вы спешили. Хотел потолковать об этой злосчастной размолвке. Валерия мне все открыла.

— Да? — выговорил Хорес.

— Да. Мы беседовали вчера, она говорила о вас

— Д…да?

— Да. Собственно, она только о вас и говорила. Она обижена.

— Д…д…да?

— Но не горюйте, все уладится. Когда вы доживете до моих лет, вы будете знать, что равнодушные девушки не называют своих женихов лупоглазыми идиотами и не стремятся посмотреть, как те корчатся в кипящем масле.

— Она это все говорила?

— Естественно. Значит, любовь жива. Подождите денек-другой, пусть остынет, а потом — цветы, цветы и цветы. Выбросит — шлите снова. Затопчет ногами — а вы еще. Вскоре вы обнаружите, что это действует. Полного примирения я жду в начале мая.

— Хорошо… — проговорил Хорес.

— Вижу, вы не радуетесь, — заметил граф.

— Нет, что вы…

— Почему же вы напоминаете снулую рыбу в мелкой луже?

— Я озабочен, — отвечал Хорес.

— Ты? — вскричал Мартышка. — Нет, вы подумайте! Это он озабочен! А я? Кто мне говорил, что оденется бойскаутом?

— Я собирался, но передумал.

— Передумал! Ну, знаешь! Ха-ха! У-ю-юй! Тьфу!

— Да. что случилось?

— Ах, ничего! Просто ты меня погубил.

— Он прав, дорогой мой, — вступил в беседу лорд Икенхем. — Боюсь, вы и впрямь погубили Мартышку. Если он вступит в Иностранный легион, вина падет на вас. Британцы так не поступают. Нехорошо, нехорошо.

— Разве важно, в каком я костюме?

— Еще бы! В клубе держали пари, а мой несчастный племянник поставил на бойскаута.

— А, вон что! Мне очень жаль.

— Поздно, дорогой, поздно.

— Понимаете, Полли сказала, что лучше одеться африканским вождем.

— Вижу, у нее причудливый, нездоровый вкус. Так и просится слово «извращенный». Кто эта Полли?

— Дочка Плума. Мы вместе были на балу. Лорд Икенхем просиял.

— Неужели Полли Плум? Боже, как летит время! Малютка Полли ходит на балы! Я ее знал вот такой. Она у нас гостила. Прелестное дитя. Наверное, совсем выросла? Что ж, никто из нас не молодеет! Когда я видел ее в последний раз, мне было едва за пятьдесят. Мальчишка! Значит, вы повели ее на бал?

— Да. Я хотел пойти с Валерией, а после… всего сказал, что пойду с Полли.

— Чтобы ей досадить? Тонкий, изящный ход. Плум тоже был с вами?

— Нет, не был.

— Что же он делал в клубе?

— Понимаете, он зашел на Малборо-стрит, чтобы заплатить за меня штраф, вот я его и прихватил.

Мартышка немного оживился.

— Штраф? Тебя что, арестовали?

— Да. Вышла неприятность, все из-за Рикки.

— А кто это — Рикки? — спросил граф.

— Аларих Гилпин, мой кузен.

— Пишет стихи, — объяснил Мартышка. — Такой мордатый, рыжий. Это он познакомил Хореса с Полли. Для танцев.

— А что же там вышло?

— Оказывается, Рикки и Полли любят друг друга. Он запретил ей идти со мной на бал. Пришел, а мы там… Вы его сейчас не видели?

— Вроде бы, нет.

— Он собирался зайти и сломать мне шею.

— Разве поэт может ломать шею?

— Рикки — может. Он как-то избил трех лотошников в Ковент-гардене. Пошел туда за вдохновением, чтобы написать стихи о природе, а они привязались. Ну, он их мигом превратил в цветную капусту.

— Как это не похоже на жизнь покойного Теннисона! Так что же случилось на балу?

— Понимаете, часа через два Полли вышла, я закурил, а тут идет Рикки. Говорит, кто-то дал ему билетик, и он взял напрокат костюм Фаунтлероя.[29] Ничего такого, наоборот — просил пятьсот фунтов, на кафе, где продают луковый суп.

Лорд Икенхем покачал головой.

— Пощадите сельского жителя, — сказал он. — Мы не поспеваем за бурной городской жизнью. Что это за кафе?

— Там продают луковый суп, — объяснил Мартышка. — Их теперь очень много, все у Пиккадилли-сёркус. Открыты до утра. Туда ходят, когда напьются. Золотое дно.

— Вот и Рикки так говорил. Какой-то американец открыл одно на Ковентри-стрит, зашибает две тысячи в год. А теперь собрался в Америку. Продает за пятьсот фунтов. Рикки просил у меня эти деньги, но вдруг…

— Постойте, я угадаю. Он увидел Полли.

— Именно. Он меня гладил по плечу, а тут покраснел, вскочил… в общем, изменился. Ну, сами знаете, что бывает в таких местах, если кто-то орет. То-се… В общем, я зря это сделал.

— Что?

— Ткнул его копьем. Я не хотел, я просто не рассчитал, смотрю — он схватился за живот и как-то странно на меня смотрит. Я опять ткнул. Тут и началось. Меня бы не арестовали, но он ухитрился заехать мне в зубы.

— Вы спутали, мой дорогой, — поправил его лорд Икенхем. — Наверное, все было иначе. Ни один полицейский не арестует человека за то, что его ударили.

— Нет, не спутал. Он дал мне в зубы, а я потерял голову. Ничего не помню. Глядь — а я бью какую-то Марию-Антуанетту. Я очень удивился. Я еще думал, почему Рикки такой мягкий и так верещит.

— Очень неприятно.

— Не без того. Кавалер Антуанетты позвал полицию. А Рикки куда-то исчез. Кажется, его оттащили. Полицейский пришел и видит: я — с копьем, на всех кидаюсь… Трудно было его убедить. Да и судью тоже. Вообще-то

я их не убедил. Рикки точно нету?

— Мы не заметили.

— Тогда я оденусь и пойду к Полли.

— Зачем?

— Чтобы она объяснила Рикки. Я же ничего плохого не делал! Сейчас он думает, что я… этот… как его… Дон..

— Дональд Дак? — подсказал Мартышка.

— Нет, Дон Жуан. Если Рикки не объяснить, что мы с Полли — просто друзья, он на все способен. Вы бы посмотрели вчера! Как сумасшедший.

— А если он тоже придет к Полли?

Хорес, направлявшийся в спальню, остановился.

— И то правда! Вы думаете, лучше позвонить?

— Ну, что вы! Разве можно решать по телефону такие деликатные дела? А язык взглядов? А незаметные, но незаменимые жесты? Тут нужен посол. Поручите это Мартышке.

— Мартышке?

— Златоуст! Да, да, понимаю. Вы думаете, он не захочет, ведь вы отказали ему в деньгах. Дорогой мой, Мартышка — истинный рыцарь. Да, собственно, почему бы не дать такую малость?

— Двести фунтов!

— Двести пятьдесят, вы не расслышали.

— Это же очень много!

— За собственную жизнь? Я замечаю в вас какую-то мелочность. Боритесь с ней.

— Почему все одалживают у меня?

— Потому что у вас есть деньги. Надо же платить налог за прапрапрабабушку, которая не могла отказать Карлу II. Дорогой мой, — обратился он к Мартышке, — расскажи мне подробней про этого Рикки. Он сильный, да? Быть может, очень сильный?

— Очень, дядя Фред.

— И ревнивый. Так, так…. К тому же вспыльчив. Неприятное сочетание свойств. Я встречал людей этого типа. Помню, был такой Кирпич Восток. Избил своего приятеля из-за одной девушки, а потом места себе не находил. Чуть свет — он у больницы, под окнами, дрожит, как лист. Я ему сказал: «Дрожать, как лист, надо было раньше, когда ты еще его не душил.»…

— Двести пятьдесят хватит? — спросил Хорес

— Да. Спасибо, старик.

— Значит, ты пойдешь к Полли?

— Только сперва поем.

— Я дам тебе адрес. Она очень умная, схватывает на лету. Ты уж постарайся.

— Будь спокоен!

— И поторопи ее, а? Пусть объяснит сегодня. Что ж, надо одеться.

Когда дверь за ним закрылась, лорд Икенхем взглянул на часы.

— Смотри-ка! — заметил он. — Мне тоже пора, меня ждет Эмсворт. Видишь, как все удалось. Встретимся у Плума, я потом зайду к ним. Кланяйся Полли и не играй в карты с Пудингом. Прекрасный человек, светлая личность, но любит одну игру, называется Персидский шах. Огонь поедающий,[30] иначе не скажешь! В общем, не играй.

Глава 6

Поскольку лорд Эмсворт повторял несколько раз наименее важные части своих рассказов, только к концу трапезы гость его узнал обо всех злоключениях. Хозяин же поправил пенсне и поглядел на него с надеждой.

— Что вы посоветуете, Икенхем? — спросил он. Лорд Икенхем вдумчиво съел сырную соломку.

— Необходимо предпринять некоторые шаги, — отвечал он. — Вопрос лишь в том, какие именно.

— Да, да, да.

— Что у нас есть? — продолжал гость, орудуя хлебом, ножом и редиской. — Одна свинья, одна сестра, один герцог.

— Да, да.

— Герцог стремится к свинье.

— Да.

— Сестра его понимает.

— Да.

— Свинья, без сомнения, предпочла бы держаться в стороне. Прекрасно. Что же отсюда следует?

— Не знаю, — сказал лорд Эмсворт.

— Вот что: центр, сердцевина, суть этого дела — свинья, и никто другой. Устраним свинью, и все уладится. «Как, нет свиньи?» — спросит герцог и, после естественного, но неглубокого разочарования, переключится на… ну, на что-нибудь, чем занимаются герцоги. Следовательно, дорогой Эмсворт, выход один — спрятать свинью в надежном месте и держать там, пока герцог не уедет.

— Как же ее спрятать? — робко поинтересовался граф. Лорд Икенхем поглядел на него с одобрением.

— Я ждал этого вопроса, — сказал он. — Ваш ясный разум не мог упустить самой сути. Отвечу: это нетрудно. Ночью, с сообщником, вы грузите ее на какую-нибудь повозку (один — толкает, другой — тянет) и везете ко мне, а у меня за ней будут ухаживать, как за любимым ребенком. Да, от Шропшира до Хэмпшира далеко, но можно кормить ее в пути. Проблема одна: кого взять в сообщники. Кому вы доверяете в замке?

— Никому, — отвечал лорд Эмсворт.

— Вон как… Это осложняет дело.

— А вы бы не могли приехать?

— Я бы рад, но жена строго-настрого запретила мне уезжать из Икенхема. Замечу, что она верит в неограниченное единоначалие.

— Но вы же не в Икенхеме!

— Да, ее нет, и я сбежал. Но она часто упоминала о дружбе с вашей сестрой. Если я приеду в Бландинг, леди Констанс меня выдаст. Напишет, как скрасил я тоскливую сельскую жизнь… В общем, вы понимаете.

— О, да! Да, да, да, да, да.

— И тем не менее, — продолжал гость, поедая редиску, сыгравшую роль леди Констанс, — выход есть. Он есть всегда. Мы поручим все это Пудингу.

— А кто такой Пудинг?

— Мой близкий друг. Он любит немного подработать. Я как раз собирался к нему Не пойдете?

— С превеликим удовольствием. Он далеко живет?

— Совсем близко. Возле Слоан-сквер.

— А то, знаете, я должен в три часа быть у сэра Родерика Глоссопа. Конни сказала, чтоб я пригласил его сюда, но это., это… нет! Вы его знаете?

— Недавно сидел с ним рядом на банкете.

— Говорят, очень талантливый человек.

— Да, так он мне и сказал. Он себя очень ценит.

— Конни хотела, чтобы я его привез, для герцога. Надо пойти к нему, а я хочу к Пудингу. Мы успеем до трех?

— Вполне. Выпьем кофе и пойдем. Вероятно, там будет мой племянник. Очень приятный, вам он понравится.

Мартышка прибыл к Плуму примерно тогда, когда графы вышли на улицу, и сразу попытался занять десять фунтов. Конечно, Хорес обещал куда больше, но, пока что, с деньгами как-то спокойней.

Однако он быстро обнаружил, что перед этим сыщиком сам Пуффи Проссер снял бы цилиндр. Начавши со слов, которыми Полоний[31] напутствует Лаэрта (известных, как ни странно, людям, и не читавшим Шекспира), мистер Плум сообщил, что, расставаясь с деньгами, он испытывает неприятное чувство, словно гладит бархат против ворса, а Мартышке не дал бы в любом случае, ибо слишком ценит их дружбу.

По этой причине оба графа застали некоторую напряженность. Правда, встреча с лордом Икенхемом обрадовала сыщика, но слова лорда Эмсворта вернули ушедшую было сдержанность. Красть свинью он отказался.

— Не могу, — сказал он.

— А? Что? Не можете?

— Нет. Я их боюсь. Меня укусила одна свинья.

— Императрица вас не укусит, — утешил его лорд Эмсворт.

— Вы думаете?

— Конечно. Она — как ягненок.

— Ягненок меня тоже кусал. Лорд Икенхем удивился.

— Какая у вас странная жизнь, Пудинг! — сказал он. — Как-нибудь расскажете, от кого вам удалось увернуться. Ну что же, нет — так нет. Но я в вас разочарован. А вам, Эмсворт, надо спешить, а то не успеете к Глоссопу.

— А? Что? Да, да, да, спешить.

— Вы уходите? — спросил мистер Плум. — Куда?

— На Харли-стрит.

— И я с вами, — сказал сыщик, облюбовавший мечтательного пэра. — Надо кое к кому зайти. Возьмем кэб.

Когда они вышли, лорд Икенхем заметил:

— Провал. Чистый провал. Интересно, почему свинья его укусила? Что он ей сделал? Ну, ладно. Скажи лучше, где Полли. Ее нет дома?

— Есть. Она у себя. Плум сказал, одевается. Лорд Икенхем громко крикнул:

— Полли! Ого-го-го!

Из недр квартиры послышался голос, который даже мрачный Мартышка признал серебряным:

— Кто там?

— Выйди сюда!

— Да кто там?

— Фредерик Алтамонт Корнуоллис Твистлтон, пятый граф доброго старого Икенхема. Неужели ты забыла дядю Фреда?

— О-о! — закричал серебряный голос, по коридору зацокали легкие ножки, и фигурка в кимоно вбежала в комнату.

— Дядя Фр-р-ред! — воскликнула Полли. — Как я рада!

— И я. А ты выросла!

— Мы шесть лет не виделись.

— И то верно!

— Вы все такой же красивый.

— Лучше, лучше. Сколько тебе лет, Полли?

— Двадцать один.

— Какая же ты красавица!

Лорд Икенхем погладил ее ручку, потом — обнял за плечи и поцеловал в щеку. Мартышка кашлянул.

— Ах, да! — воскликнул граф. — Ты тоже тут. Мисс Полли Плум — мой племянник Мартышка.

— Добрый день, — сказала Полли.

— Добрый день, — ответил племянник немного хрипло, поскольку он в очередной раз влюбился с первого взгляда. Влюблялся он часто, но, глядя на эту девушку, как глядел бы страус на дверную ручку, он понял, что она — лучшая из всех двадцати. Что там, она совсем другая!

Дело не в том, что они бывали высокие, а она — небольшая; и не в том, что они бывали бойкие, яркие, а у нее — нежные серые глаза. В отличие от них, она проста, естественна, можно сказать — уютна. Такой расскажешь все свои горести, она погладит по голове…

И, закурив сигарету, Мартышка спросил:

— Вы не присядете?

— Я бы лучше прилегла, — ответила Полли. — Я очень устала, дядя Фред, танцевала всю ночь.

— Мы все об этом знаем, — сказал лорд Икенхем, — потому и пришли. Хорес Давенпорт места себе не находит. Боится твоего возлюбленного.

Полли засмеялась. Мартышка вспомнил, что таким беззаботным, легким смехом смеялся и он, когда редко виделся с дядей.

— Рикки был просто бесподобен. Вы бы на него посмотрели!

— Он хочет сломать Хоресу шею.

— Да, что-то он такое говорил. Он часто хочет ломать шеи.

— А мы бы хотели, чтобы ты ему объяснила, что Хорес за тобой не ухаживал. Не знаю, слышал ли твой Рикки про сэра Галахада, но это — вылитый Давенпорт. Что там, Хорес еще поучил бы его чистоте!

— Все в порядке, он уже понял. Вот что, я позвоню Хоресу.

— Ни в коем случае, — сказал лорд Икенхем. — Дело ведет Мартышка. Поверь, это очень важно. Иди, верни ему покой, — обратился он к племяннику.

— Иду.

— Точнее, беги. А мы тут еще побеседуем. Расскажи мне про своего дикаря, Полли. Где ты его нашла? На Чертовом острове?

— Он привел папу.

— Ты хочешь сказать, папа его привел.

— Нет, не хочу. Привел, а вернее — принес. Папу побили какие-то люди, они на него за что-то сердились.

Лорд Икенхем подумал, что при помощи карт Пудинг выведет из себя даже ягненка. Возможно, потому ягненок его и укусил.

— А Рикки, — продолжала Полли, — увидел и бросился его спасать.

— Сломал им шею?

— Наверное, а ему подбили глаз. Я прикладывала сырое мясо.

— Романтика. И влюбилась с первого взгляда?

— Вот именно.

— Как мой племянник, он всегда так. Вообще-то это правильно, время экономишь. А он тоже влюбился?

— О, да!

— Это хорошо. Что-что, а вкус у него есть.

— Но я не поняла. Он сидел и молчал. Иногда — рычал.

— Невежливо.

— Нет, он смутился. Потом было не так.

— Лучше?

— О, да!

— Хотел бы я видеть, как он объяснялся тебе в любви. Наверное, придумал что-то новенькое.

— Скорее — да. Он чуть не сломал мне руку.

— Что ж, дело твое. А как отец?

— Он против. Он говорит, что Рикки меня не достоин.

— Какой ум!

— Понимаете, он вздумал выдать меня за Хореса. У Рикки нет денег. Мне-то все равно, он такой милый.

— Ты уверена, что это — точное слово?

— Да, уверена. Он очень хороший. Просто он ревнует.

— Что ж, тебе виднее. Благословляю вас, дети мои. Так и быть, выходи за него.

— Куда там! У него совсем нет денег. Он же пишет стихи.

— А этот суп?

— Мы не можем купить кафе.

— Понимаю… Рад бы тебе помочь, но и у меня нет денег. А занять не у кого?

— Вы знаете его дядю?

— Слышал о нем от Хореса.

— Жуткий какой-то. Когда Рикки попросил пятьсот фунтов, он просто бушевал.

— Рикки сказал, что женится?

— Нет. Мы решили пока не говорить.

— Зря. Надо было сказать и показать твою карточку.

— Рикки его очень боится.

— Лучше всего, конечно, чтобы ты познакомилась с Данстаблом и его очаровала. Можешь, можешь! Ты не представляешь себе, какая ты красавица. Я глазам своим не поверил. Если бы речь шла обо мне, я бы тебе дал что угодно, хоть полцарства. Почему же Данстабл не даст? Герцоги чувствовать умеют. Хорошо бы вас познакомить без всякого Рикки…

Его прервал звонок. Когда он открыл дверь, он увидел Мартышку.

Глава 7

Мартышка весь дрожал, глаза у него просто вылезли, и бедами он стал делиться раньше, чем закрыл дверь. Словом, он ничуть не был похож на человека, получившего деньги.

— Его нет! — восклицал он. — Нет, и все. Уехал.

— Уехал?

— Уэбстер сказал, он уехал с кем-то в машине.

— Вероятно, небольшая прогулка, — предположил лорд Икенхем, — скоро вернется.

— Да нет! — взревел Мартышка, исполняя первые па тарантеллы. — С багажом! Надолго! А этот Бадд напустит на меня Эрба после среды!

— Уэбстер не говорил, куда он поехал?

— Нет. Он сам не знает.

— А с кем?

— Он тоже не знает. Какой-то розовый тип.

— Сколько их развелось, однако! Видимо, мода. Фамилия?

— Он пришел, а Хорес сказал: «Привет! Ты ко мне?», а тип сказал: «Да», а Хорес сказал: «Сюда, пожалуйста», и они закрылись в библиотеке, а потом Хорес позвонил Уэбстеру и сказал, чтобы тот уложил вещи и отнес в машину. Он уложил, отнес и сказал: «Я уложил и отнес», а Хорес сказал: «Спасибо», и они с типом ушли. Уэбстер говорит, он был бледный и печальный. Хорес, не тип.

— М-да… — проговорил лорд Икенхем. — Просто не знаю, что и делать. Отвлекся. Мы с Полли рассуждаем. У нее неприятности.

Все, что было рыцарского в Мартышке, бурно взыграло. Он забыл о себе.

— Неприятности? А… ага… Какие?

— Старая, старая история. Нету денег. Ее возлюбленный может купить роскошнейшее кафе, где кормят луковым супом, но никто не одолжит ему ни пенса. Прискорбные происшествия на балу поссорили его с Хоресом. Герцог Данстаблский отказал. Я как раз советовал Полли очаровать герцога, и мы гадали, как бы это сделать. Помоги нам. Быть может, нам нужен именно твой свежий, юный ум. Вот Мартышка, Полли. — Граф повел рукой. — Возможно, у него есть идея. Помню, она была года три назад. Словом, он хочет тебе помочь. А, Мартышка?

— Да, конечно.

— Вот видишь. Значит, ты знакомишься с герцогом, незаметно входишь в его жизнь… Он говорит: «Что за прелестная девушка! Как раз для Рикки.». Тут появляется твой антропоид… Это все ясно. Но где, почему, как?

Мартышка задумался. Нелепо думать о том, как помочь прекраснейшей девушке, когда она хочет выйти замуж за другого, нелепо — но приятно. Он напомнил себе о Сирано де Бержераке.

— Герцог где-то гостит, — сказал он, наконец. — Хорес не захотел проводить его на вокзал, из-за этого он и поломал мебель.

— Я знаю, где он, — сказал лорд Икенхем. — Он в Бландингском замке.

— У Эмсворта?

— Да.

— Ну, вот, — сказал Мартышка, радуясь, что у него — тренированный ум юриста. — Пусть Эмсворт пригласит мисс Плум.

Лорд Икенхем покачал головой.

— Не так все просто. Ты не понимаешь его положения в Бландинге. Есть люди, которые могут приглашать в свой замок прелестных девушек, но Эмсворт — не из их числа. Всем распоряжается леди Констанс.

Мартышка кивнул. Он слышал об этой леди от своего друга Ронни Фиша.

— Пригласи Эмсворт нашу Полли, — продолжал лорд Икенхем, — его сестра вышвырнет ее через пять минут.

— Да, — согласился Мартышка, — я знаю, она — враг рода человеческого. Такие люди как Ронни Фиш, Хьюго Кармоди и Монти Бодкин бежали от нее, словно зайцы.

— Вот именно. О, Господи, снова звонят!

— Я открою, — сказала Полли и побежала к дверям. Пока ее нет, Мартышка решил разобраться в одной тайне.

— Дядя Фред, — сказал он, — почему этот Пудинг — ее отец?

— Женился на ее матери.

— Она его падчерица?

— Я выразился сокращенно. Женился, а потом его жена стала ей матерью. Прелестное, замечу, создание.

— Почему прелестное создание вышло за него замуж?

— Почему вообще женятся? Почему Полли хочет выйти за современного поэта с человекоубийственными наклонностями? Почему ты хотел жениться на сорока шести мымрах? Но что это?

— А?

— Я говорю, что это?

— А, что это!

Дверь открылась, вошла Полли, а с нею — лорд Эмсворт, и не в лучшем виде. Вид у него был такой, словно кто-то вынул большую часть его внутренних органов. Примерно так выглядит чучело попугая, когда высыпятся опилки.

— Можно воды? — проговорил он, как проговорил бы олень, ускользнувший от погони.

Полли куда-то убежала, а лорд Икенхем посмотрел на собрата-пэра с немалым интересом.

— Что-нибудь случилось?

— О, да!

— Расскажите мне все.

— А Конни? Что я скажу Конни?

— О чем?

— Она будет очень сердиться.

— За что?

— Когда она сердится, жизни нет. Спасибо, моя дорогая. Выпив воды, несчастный граф чуть-чуть приободрился.

— Помните, мой дорогой, я шел к сэру Родерику, это такой доктор. Моя сестра Констанс сказала, чтобы я его привез, для Данстабла. Данстабл ломает мебель кочергой и швыряет яйца в садовников. Вот Конни и сказала, чтобы я привез доктора. А он не хочет!

— Ну и что? Вы же не виноваты. Он занят.

— Виноват! Он не занят! Это из-за меня!

— Да?

— Да. Он говорит, я его оскорбил.

— А вы оскорбили?

— Да.

— Как?

— Сперва я назвал его «Прыщ». Ему не понравилось.

— Не понимаю.

— Как вы думаете, кто этот Глоссоп? Мальчик из моей школы. Очень противный, важный, и в прыщах. Я вхожу, а он говорит: «Давненько мы не виделись.». А я говорю: «Э?», а он говорит: «Ты меня не помнишь?», и тут я говорю: «Ой, Прыщ!».

— Трогательная встреча.

— Он почему-то покраснел, опять стал важный и спрашивает: «В чем дело?». Я ему все рассказал, а он рассердился. Говорит, я занятой человек,

какое мне дело до всяких свиней. *Всяких* свиней!

Лорд Эмсворт потемнел лицом. Рана еще не затянулась.

— Я ему сказал, не говори глупостей. То-се, он совсем рассердился. Я как раз вспомнил, что он тогда объелся, его вырвало, а он обиделся. Позвонил лакею и говорит: «В жизни не приеду в ваш Бландинг!». Что же я скажу Конни?

Мартышка заметил в глазах дяди слишком знакомый блеск.

— Прекрасно, — сказал лорд Икенхем.

— Ужасно, мой дорогой!..

— Нет, прекрасно. Истинная удача. Я все вижу.

— Э?

— Ваш ясный ум схватит все мигом. Дело обстоит так: Полли нужно… Да, вы не знакомы? Мисс Полли Плум, единственная дочь Клода Плума-Пудинга. Лорд Эмсворт.

— Здравствуйте.

— Итак, Полли нужно попасть в ваш замок и охмурить Данстабла.

— Зачем?

— Чтобы он одобрил ее брак со своим племянником Рикки.

— А!

— Теперь все ясно. Завтра, удобным поездом сэр Родерик Глоссоп едет в Бландинг со своей дочерью и секретарем.

Мартышка горестно хрюкнул. Лорд Икенхем мягко, но удивленно на него посмотрел.

— Неужели ты предпочтешь остаться в городе? Разве к тебе не может зайти Эрб?

— О!

— Вот именно. Затаись. Может быть, тебе больше нравится быть моим лакеем?

— Нет!

— Прекрасно. Итак, секретарь. Вы понимаете меня, Эмсворт?

— Нет, не понимаю, — признался девятый граф.

— Тогда повторим.

Он повторил, и в глазах лорда Эмсворта что-то засветилось.

— А! — сказал он. — О! Э! А вы сможете?..

— С этим справиться? Помилуйте! Вот Мартышка вам расскажет, как в прошлом году я перевоплощался с большим успехом в человека, подрезающего когти домашним птицам, мистера Роддиса и мистера Дж. Дж. Булстрода. Если бы потребовалось, я бы исполнил и роль попугая. По сравнению с этим мне предстоит детская игра. Когда вы возвращаетесь?

— Я бы хотел успеть на пятичасовой.

— Превосходно. Скажете сегодня вечером, что психиатр приедет завтра с секретарем, а вы пригласили еще и его очаровательную дочь. Какой поезд получше? 2. 45? Замечательно. Даже ты, мой друг, не найдешь недостатков в моем плане.

— Найду, — отвечал Мартышка. — Все сразу провалится.

— Ничего подобного. Он пугает тебя, Полли.

— Да?

— Да. Не поддавайся. Позже ты поймешь, какой он мрачный, нерешительный человек. Одно слово, Гамлет. Тебе надо выпить, мой друг, — обратился он к Мартышке. — Пойдем, пропустим рюмочку.

Глава 8

Скорый 2. 45 (Паддингтон — Маркет Бландинг, первая остановка — Оксфорд) стоял у перрона с той воспитанной сдержанностью, которая отличает поезда на этом вокзале. Рядом с ним стояли лорд Икенхем и Мартышка, поджидая Полли Плум, опоздавшую уже на тридцать восемь минут.

Всякий, кто хотел бы узнать, чем отличается оптимист от пессимиста, почерпнул бы немало, взглянув на дядю и племянника. Бег времени не утешил Мартышку, и его подвижные черты явственно выражали тревогу. Как всегда, когда рок связывал его с главой семьи, он испытывал точно то же самое, что испытываешь, срываясь в бочке с Ниагарского водопада.

Глава же семьи лучился радостью. Сдвинув шляпу набекрень, он с удовольствием оглядывал вокзал.

— Когда нам, хэмпширцам, удается попасть в столицу, — говорил он, — мы приезжаем на Ватерлоо, где шум и гам, а общество — смешанное. Как умиротворяет изысканный покой Паддингтона, где царят досуг и безделье, все мужчины — с таксами, а женщины в хороших костюмах похожи на лошадей! Посмотри, к примеру, на субъекта в соседнем купе. Не иначе, аристократ, возвращающийся к любимой охоте.

Упомянутый пассажир глядел из окна сквозь очки в стальной оправе. Мартышке он не понравился, и лорд Икенхем с укоризной на него посмотрел.

— Мартышка, Мартышка! — сказал он. — Где веселье? Где праздничный дух? Разве ты не любишь расточать сладость и свет?[32] Помню, в Вэли-Филдз ты был душой общества.

— Если сладость и свет — это такие визиты…

— Тиш-ш! — прервал его лорд Икенхем. — У вокзалов есть уши.

И он увел племянника подальше, любезно прося прощения у тех, на кого тот налетал. Один из этих людей, весьма почтенный, поглядел на изящного пэра, но все же не припомнил, кто он. Однако пэр ему кивнул.

— Кто это? — печально спросил Мартышка.

— Понятия не имею, — ответил лорд Икенхем. — Где-то видел, а где — не помню. Наверное, вместе учились. К моим годам ты поймешь, что такие встречи не радуют. Недавно я видел мальчика, который был класса на два младше. У него седая борода. Поистине, усомнишься, так ли молод ты сам. А, вот и Полли!

Пружинящим шагом он подошел к ней и ее обнял. Мартышке это не понравилось. Хватило бы и кивка в отеческом духе.

— Ну, вот и ты! — сказал граф. — Трудно было вырваться?

— В каком смысле?

— Наверное, отец возражал. Что ты ему соврала?

— Я сказала, что еду к вам на несколько дней. Конечно, он решил, что это — Икенхем.

— Вполне вероятно. Истину открывать нельзя, он нас не одобрит. Есть в дорогом, старом Пудинге что-то пуританское. Что ж, все идет прекрасно. Ты сияешь красотой. Если у герцога сохранились человеческие чувства, он просто рухнет. Мне ты напоминаешь какой-нибудь Дух Весны, чем и отличаешься от Мартышки. Он грустит.

— Ха!

— Не говори так! Прыгай от радости, ты едешь в дивное место.

— Прыгать, да? А леди Констанс?

— Ну и что?

— То. Ронни говорит: не увидишь — не поверишь. Хьюго бледнеет при ее имени. Монти подозревает, что она приносит по ночам человеческие жертвы.

— Чушь и выдумки! Дама старой школы, в митенках, вот и все. И откуда у тебя эта унылость? Не от моих предков. Увидишь, нас ждет одна из крупнейших побед.

— Как на собачьих бегах.

— Что тебе дались эти бега? Констебль поторопился. Берут в полицию всяких невротиков! Ну, что ж, надо занять места. Видишь, дядька с флажком?

Они вошли в купе. Пассажир в очках по-прежнему глядел из окна, но, когда они проходили мимо, внимательно на них посмотрел, словно что-то заподозрил. Это было не так. Руперт Бакстер, сменивший службу у графа Эмсворта на службу у герцога Данстабла, всегда смотрел пристально, такая привычка Отметив, что девушка — хорошенькая и чем-то знакомая, он сменил котелок на дорожную шапочку — и задремал.

Тем временем в соседнем купе лорд Икенхем уточнял всякие мелочи.

— Решим насчет имен, — говорил он. — Это очень трудно. Тогда, на бегах, я выдумал неудачно. «Джордж Робинсон» и «Эдвин Смит». Смешно! Ну, я — Родерик Глоссоп. Ты, Полли, будешь Гвендолин. А вот Мартышка?

— Неважно, — горестно сказал тот. — На месте меня назовут «Этот субъект». Леди Констанс прикажет дворецкому: «Птармиган, кликните…

— А неплохо! — перебил его граф. — Птар-ми-ган…

— … кликните Герберта и Чарльза и выкиньте этого субъекта.».

— А, опять ты ноешь! Вспомним кинозвезд…

— Фред Астер?

— Нет.

— Уорнер Бакстер?

— Очень хорошо, но нельзя, у герцога такой секретарь. А, знаю! У сэра Родерика был брат, кроткий священник, который оставил ему сборник гимнов и сына Бэзила. Естественно, тот помогает дяде. Будет о чем потолковать с леди Констанс у нее в будуаре. Если ты туда попадешь. С кем общаются секретари, с хозяевами или с прислугой?

Мартышка немного оживился.

— С прислугой! Нет, вы и скажете!

— Хорошо, попробуем хозяев. Только уж не вини, если леди Констанс осмотрит тебя в лорнет. Да что там, разве это лорнеты? Вот в мое время… Помню, гулял я по Гровнер-сквер с тетей Брендой и ее мопсом Джаббервоки. Подошел полисмен и сказал, что надо надеть намордник. Тетя не проронила ни слова. Она оглядела его в лорнет — и все, он окаменел, в глазах его застыл ужас. Послали за доктором, но бедный констебль уже не стал таким, как прежде. Ушел в отставку, открыл магазин. Так началась карьера сэра Томаса Липтона.[33]

Когда он заканчивал свой рассказ, к дверному стеклу приникло чье-то лицо; теперь же — вошел высокий, солидный человек, чья голова напоминала купол Св. Павла.

— А! — величаво, но благосклонно сказал он. — Это вы, Икенхем. Вы меня не помните?

Лорд Икенхем вспомнил и просиял.

— Как же, как же!

— Я не помешаю?

— Что вы, что вы! Мы беседуем о лорнетах. Они уже не те. Куда направляетесь?

— В такое местечко, Маркет Бландинг. Оттуда меня повезут в Бландингский замок.

— В Бландингский замок?

— Да. Замок Эмсвортов. Вы там бывали?

— Нет, но много слышал. Кстати, вы не знакомы с моей дочерью и моим племянником? Гвендолин, Бэзил — сэр Родерик Глоссоп.

Взглянув на новых знакомых, сэр Родерик испытал к ним профессиональный интерес. Молодой человек забулькал, словно тонущий

пловец; глаза у девицы увеличились до размеров блюдечка. Дышала она странно, уместней сказать — задыхалась. Если бы его спросили, он рекомендовал бы врачебную помощь.

Явственно не замечая, что племянник его обратился в груду развалин, лорд Икенхем вел милый, непринужденный разговор.

— Рад вас видеть, — сказал он. — Мы не встречались с того банкета, где вы так напились. Как ваши больные? Интересная у вас работа! Сядешь человеку на голову, а верный служитель уже несет смирительную рубаху.

Сэр Родерик немного помягчел. Конечно, намек на то, что он выпил лишнего, оскорбил его; не понравилось и описание врачебной практики. Но он жить не мог без разговора, а потому — помягчел.

— Да, — ответил он, — работа у нас интересная, хотя и нелегкая.

— Вероятно, — предположил граф, — вам неведом досуг. Не иначе, как едете к больному, э?

Сэр Родерик поджал губы.

— Врачебная тайна, Икенхем, — напомнил он. — Но все же признаю, что визит мой — профессиональный. Друг этой семьи немного нездоров.

— Какие тайны, Глоссоп! — воскликнул граф. — Ваш больной швыряется яйцами.

— Однако! — сказал психиатр. — Вы много знаете.

— Еще бы! — согласился лорд Икенхем. — От самого Эмсворта.

— Вы знакомы?

— Что там, дружны! Мы были в клубе перед его визитом к вам. Позже он дал понять, что ничего не вышло. Вероятно, он вас обидел?

Сэр Родерик покраснел.

— Да, Икенхем, вы правы. Эмсворт ужасно себя вел. Но сегодня я получил письмо от его сестры, леди Констанс. Она меня уговорила. Вы с ней знакомы?

— Со старой, доброй Конни? Помилуйте! Не разлить водой. Бэзил (это вот он) видит в ней вторую мать.

— Вот как? Я с ней не встречался.

— Очень хорошо.

— Простите?

— Радость — впереди, — объяснил граф.

— Конечно, — сказал психиатр, — но очень уж это не ко времени. Завтра у меня важное заседание. Есть утренний поезд, 8. 20. Вероятно, успею.

— Вам достаточно одной встречи?

— Да, вполне.

— Мне бы ваш ум! Поразительно. Что именно вы делаете? Задаете коварные вопросы? Ведете беседу и следите за реакцией?

— Примерно.

— Так, так, так… Скажем, завели речь о птицах, пациент слегка захлопал крыльями — все, болен! Понимаю, понимаю. Что ж, тогда это просто.

— Что именно?

— Вам повезло. Ваш пациент едет в соседнем купе. Такой зеленоватый, в очках. На мой взгляд, ничего страшного. Конни, при всей ее прелести — трепетная душа. Упомянул не к месту яйца, она и всполошилась. Может быть, вам стоит с ним потолковать? Шестое чувство мигом подскажет, болен ли он. Если нет, пересядете в Оксфорде на лондонский поезд.

— Это было бы замечательно.

— Естественно, не говорите, что я вас послал.

— Что вы, Икенхем! Спрошу, нет ли спички — так, между прочим.

— Гениально! — заметил граф.

Когда психиатр ушел, Мартышка глухо простонал:

— Я знал, что так будет!

— Дорогой мой, — сказал ему дядя, — о чем ты? Побеседовали с умнейшим человеком. Он выйдет в Оксфорде.

— Как и я.

— Да? Куда же ты поедешь? К себе? Не ждет ли тебя некий Эрб?

— О, Господи!

— Вот именно. Подтянись, мой дорогой. Еще король Генрих V[34] советовал разжечь кровь, укрепить мышцы. Все идет прекрасно. О чем ты задумалась, Полли?

— О том, почему лорд Эмсворт называет его «Прыщ».

— Тогда как прыщей не видно? Да, я заметил. Это бывает. Начинаем в прыщах и думаем с юным дерзновением, что им нет конца. Но приходит день, засыхает последняя дюжина… Какой урок… А, Глоссоп! Ну, что?

Сэр Родерик просто сиял.

— Вы были совершенно правы. Все в порядке. У леди Констанс нет никаких оснований для беспокойства. Пациент исключительно разумен. Правда, я не думал, что он так молод.

— С кем не бывало?..

— И это верно. Мне показалось из письма, что речь идет о ровеснике Эмсворта.

— Моложав, дорогой Глоссоп, моложав! Сельский воздух, знаете ли…

А может, в младенчестве ел «Нестле». Однако, вам пора.

— Да, сойду в Оксфорде. Рад был повидаться. Спасибо за ценный совет. До свидания.

— До свидания, — ответил граф.

— До свидания, — сказала Полли.

— До свидания, — выговорил Мартышка. Позже, в одной лекции, сэр Родерик привел его в пример, рассуждая о меланхолии послевоенной молодежи.

Лорд Икенхем немного устал и, чтобы встряхнуться, до самой станции расточал сладость и свет. Однако там пришлось внести диссонанс.

На перроне Маркет Бландинга никогда не царило веселье, но сейчас он превзошел себя. Поезд поджидали только носильщик и кошка. Полли подошла к кошке, недавний сосед — к носильщику. Граф, выманив из автомата ириску для племянника, начал было сетовать на то, что их не встречают, когда появился человек лет тридцати с небольшим и внес диссонанс.

— Помнишь ли ты, Мартышка, — спросил граф, — что я всю жизнь мечтал стать мошенником? За всеми этими хлопотами забыл тебе сообщить, что мечта сбылась.

— Что!

— Да. Перед тем, как идти в твой клуб, я заглянул к Давенпорту, но его не было. Пока я стоял в раздумье перед домом, появился человек. Что-то мне подсказало, что лучшего — не найти. Я отобрал у него бумажник. Дух, как ему и положено, восторжествовал над материей.

Мартышка горестно ухал.

— Конечно, — продолжал граф, — бумажник я вернул. Там была карточка, я отослал заказной бандеролью. Вульгарная корысть мне претит, я ставил опыт. Я говорю об этом потому… Видишь того человека?

— Не может быть!

— Может, может. Да, это он.

Глава 9

— Судя по карточке, — продолжал граф, — это некий лорд Бошем. Живет он где-то в Хэмпшире, недалеко от меня. Почему же он здесь? Вероятно, одно из тех совпадений, которые так уродуют жизнь. Если, конечно, перед нами не призрак.

Мартышка, которого человек близорукий принял бы именно за призрака, обрел дар речи. До сей поры он маялся и ерзал, теперь же — сказал:

— Он сын лорда Эмсворта.

— Вот как? Ах, редко читаю «Книгу пэров»! А надо бы, там очень смешные фамилии. Ну, тогда все ясно. Гостит в Бландинге, поехал в Лондон к парикмахеру, а герцог ему и скажи: «Зайдите к моему племяннику». Как просты эти странности жизни, если к ним присмотреться!

— Он идет к нам.

— Естественно. Он нас и встречает.

— Что же ты будешь делать?

— Я? Ничего.

— Зато он — будет. Ты думаешь, он это спустит?

— Дорогой мой, где ты воспитывался? Мы, аристократы, не устраиваем публичных сцен.

— Думаешь, он подождет? Вызовет полицию из замка? Лорд Икенхем сокрушенно пощелкал языком.

— Дражайший Мартышка, — заметил он, — твой пессимизм граничит с гениальностью. Пророк Иеремия в молодости, иначе не скажешь. Где он? Я не хотел бы оборачиваться. Идет к нам?

— Скорее, топчется.

— Скромность и тонкость английского аристократа. Всю жизнь его учили, что нельзя подходить к незнакомым. Видимо, боится он из-за тебя. Эмсворт забыл сказать, что я не один. Вот он и гадает: «Глоссоп? Не Глоссоп? А если Глоссоп, кто это с ним?». Тем самым, топчется. Да, почему ты решил, что он предаст меня полиции? Как только я назовусь Родериком Глоссопом, он подумает, что его обмануло случайное сходство. Где он?

— У весов.

— Ну, смотри. Простите, сэр, — учтиво сказал лорд Икенхем, —

нельзя ли узнать, каким образом я мог бы добраться отсюда до Бландингского замка?

Лорд Бошем дернулся, словно наткнулся на фонарный столб. Наследник Эмсвортов думал медленно, но все же думал. Ему сказали, чтобы он встретил пожилого человека, который прибудет поездом 2.45. Такой человек стоял перед ним. Отсюда вытекало, что это — известный психиатр, сэр Родерик Глоссоп. Однако он мог бы поклясться, что это — мошенник с Парк-лейн. А, выходя в жизнь, каждый должен выбрать: или ты мошенник, или психиатр.

— Вы сэр Родерик Глоссоп? — спросил он.

— Да.

— О? А! А я — Бошем. Мы… э-э-э… не встречались?

— К несчастью, нет. Но я о вас слышал. Отец ваш, лорд Эмсворт, говорил с отеческой гордостью о ваших талантах.

— Э? А! У меня тут машина.

— Весьма любезно с вашей стороны.

— Багаж я возьму, да?

— Спасибо, спасибо.

— И поедем в замок.

— Именно это я хотел предложить. Там много народу?

— А? Нет, нет. Отец и тетя, и герцог, и Хорес Давенпорт.

— Хорес Давенпорт?

— Племянник герцога. Так я заберу багаж.

Когда он отошел. Мартышка снова уподобился призраку.

— Ну, что? — выговорил он. — В этом мерзком замке — мой приятель! Он и тебя знает. И мисс Плум. Прямо так и скажет: «А, Мартышка! О, лорд Икенхем! Полли, привет!». Да, да, да. Нечего делать. Обдумай.

Дядя ему не ответил, он смотрел на платформу, где лорд Бошем оживленно беседовал с бывшим соседом по вагону.

— Прости, не расслышал, — сказал он. Мартышка повторил.

— Ты прав, — одобрил граф. — Конечно, ты забыл, что нет ни хорошего, ни плохого, все зависит от взгляда (Гамлет), но вообще — прав. Для тесной семейной вечеринки не хватает только Пудинга.

— А нельзя предупредить Хореса? Граф покачал головой.

— Нет, нельзя. Он — приятный человек, но плохой конспиратор.

— Тогда что нам делать?

— Хранить спокойствие.

— Тут сохранишь!

— Опять! Ничего не попишешь, пессимист. Храним спокойствие и стоим насмерть. Это — не мы.

— Думаешь, он так и поверит? Ха!

— Совершенно лишнее слово. Откуда ты знаешь, чему Хорес поверит, чему — нет? Если он читал хоть что-нибудь о наследственности, он задумывался над тем, что при таком дяде серое вещество может и посинеть. Вообще же, нам лучше являться ему раздельно. Вы езжайте, проложите путь, а я приду пешком.

— Лучше вернуться в Лондон.

— Дорогой мой, ты просто пораженец! Видишь, как подействовал мой тон на друга нашего, Бошема. Встретившись с Хоресом, посмотри на него холодным взором и представься: «Бэзил». Это само по себе убедительно — кто назовется Бэзилом зря? За Полли я не боюсь, она — дочь Пудинга. Пойди, объясни ей все. Смотри-ка, нас ждет еще одна маленькая сложность!

— Что случилось?

— Скорее — случится. Если ты глянешь на перрон, то увидишь, что Бошем идет сюда с нашим соседом. Вероятно, тот удивится, что сэр Родерик Глоссоп стал совершенно другим.

— О, Господи!

— Занятно, а?

— Может, Глоссоп ему не представился?

— Ты плохо разбираешься в людях.

— Все, — сказал Мартышка. — Бежим. Лорд Икенхем удивился.

— Бежим? Одумайся, мой дорогой! Бежали Твистлтоны при Азенкуре? А при Креси? А при Бленхейме? А при Ватерлоо? Можешь ты представить себе, что Веллингтон увидел, как наш предок бежит к Брюсселю? Нет. Мы стоим. Я что-нибудь придумаю. Предупреди Полли, я все улажу. А, Бошем! Вижу, вы взяли наш багаж. Столько хлопот…

— Э? О! Ничего, ничего, пожалуйста!

— Скажите, а далеко до замка?

— Мили две.

— Тогда, если вы не возражаете, я пройдусь, разомну ноги. Лорд Бошем обрадовался.

— Конечно, конечно. Я не знал, что Бакстер приедет. Теперь и он поместится.

— Мистер Бакстер, секретарь герцога, — сэр Родерик Глоссоп.

— Здравствуйте, — приветливо сказал граф. — Вас не очень замучил мой пациент? Со мной он туда-сюда, а вообще… Не называл себя

Муссолини?

— Нет.

— А Шерли Темпл?[35]

— Он представился сэром Родериком Глоссопом.

— Ах, какая жалость! Вся моя работа насмарку… Теряешь веру в себя. Что ж, это моя дочь, это мой племянник, они поедут с вами, а я пройдусь.

Глава 10

Если вы сможете расстаться с одним из живописнейших местечек Англии, вы направитесь к Бландингскому замку по главной улице, которая и выведет вас на большую дорогу. Между лугов и полей, мимо зеленых изгородей вы доберетесь до высоких ворот и вступите на дорожку, которая идет вверх три четверти мили, что нелегко для пешехода. Бидж, дворецкий, любил прогуляться до станции и возвращался тоже пешком, ради фигуры, но на последнем перегоне сильно страдал, чем и отличался от почетного гостя.

Лорд Икенхем одолел дорожку с песней на устах. Недавние события приятно оживили его, он весело шел навстречу будущему. Остановившись, чтобы полюбоваться серой громадой замка на сапфировом фоне, он увидел человека его лет, но не такого красивого.

— Эй! — крикнул незнакомец.

— Эй, — любезно ответил граф.

Незнакомца он опознал. Хорес Давенпорт многократно описывал своего дядю как лысого, усатого моржа. Мало какой морж добился такой лысины, и всякий гордился бы такими усами.

— Это вы псих? — спросил герцог.

Резонно прикинув, что тот сокращает ученое слово «психиатр», лорд Икенхем сказал: «Да».

— Они там, в холле, — продолжал герцог. — А я вот вышел к вам. Данстабл. Герцог.

Они пошли рядом. Герцог вынул носовой платок и вытер лысину.

— Поговорить надо, — объяснил он.

— Кстати, о герцогах, — спросил лорд Икенхем, — вы не слышали историю про герцога и заклинательницу змей?

История была интересная, хотя и не совсем приличная, а рассказал он ее просто блестяще. Собеседнику она понравилась, но он забеспокоился.

— Вы правда этот Родерик? — осведомился он.

— Конечно. А почему вы спрашиваете?

— Мне говорили, он надутый кретин.

— Вероятно, ваш знакомый встречался со мной как с врачом. Сами знаете, приходится напускать на себя важность. Посмею предположить, что и с вами это случается в Палате лордов.

— Верно, бывает.

— Вы хотели со мной поговорить?

— Да, пока Конни не набьет вам голову всяким бредом. Женщина, что поделаешь! Не хочет видеть жизни. Она вам скажет, что он здоров. Чего и ждать, он ей брат!

— Вы говорите о лорде Эмсворте?

— Да. Как он вам?

— Ничего. Чистенький, трезвый.

— Почему ему не быть трезвым?

— Я не жалуюсь, — заверил гость, — мне он понравился.

— Да? Так вот, Конни будет втолковывать, что он — просто рассеянный. Не верьте. Сошел с ума.

— Вы так считаете?

— Безусловно. Вся семья такая. Бошема вы видели. Кретин? Кретин. Поехал в Лондон, а кто-то ему говорит: «Дай бумажник». — «Пожалуйста, со всем моим удовольствием.». А Фредди? Еще хуже. Продает собачий корм. Сами видите, что за семейка. У здорового человека не бывает таких сыновей. Вот, я вам расскажу… рассказать?

— Если вам не трудно.

— Помешался на свинье.

— Праведник печется о жизни скота своего.[36]

— Но не готовит его к бегам.

— А Эмсворт готовит свинью?

— Собирается.

— Ничего, ее не примут. Собачьи бега — возможно. Но не дерби!

— То-то и оно! Видите?

— Конечно, конечно.

Герцог со вкусом подул в усы, и они взметнулись, как знамя. Он понял, что этот Глоссоп знает свое дело, и решил рассказать все. Там, в холле, произошли странные вещи, лучше посоветоваться со знающим человеком.

— Приятный замок у Эмсворта, — заметил лорд Икенхем, когда они дошли до террасы.

— Ничего, бывает хуже. Вот и жалко, что он переедет в психушку. Если вы не поможете.

— У меня мало неудач.

— Тогда, — сказал герцог, — посмотрите моего племянника.

— Что вас беспокоит?

— Все.

Герцог яростно вздул усы. Из каких-то кустов донесся приятный

тенор, выводивший с большим чувством: «Ах, берег, берег, берег Лох-Ломон-да!».

— Опять этот гад!

— Простите?

— Свистит и поет. И где? Под моим окном, — объяснил герцог. — Все хочу поймать, но он прячется. Ничего, подожду, у меня в комнате десяток свежих яиц. Рано или поздно… да, я говорил про Хореса.

— Это ваш племянник?

— Сын брата. Есть еще два, у сестры. Псих. И те психи. Брат был душевнобольной. Сестра, конечно, тоже.

— Как по-вашему, кто из них в самом тяжелом состоянии?

Герцог подумал.

— Этот, — признал он. — После того, что сейчас было — да, он. Вы знаете, что было?

— Нет, я только что прибыл. А что было?

— И этот собачий «Лохламон»! Мерзкая песня. Кто ее сочинил?

— По-видимому, Бернс. Так что же случилось?

— Конни повела вашу дочь в галерею, хотя понять не могу, зачем приличной девушке смотреть на такие морды. Мы с Бошемом и с вашим племянником стоим в холле. Тут входит мой племянник, смотрит на вашего и орет: «Мартышка!». Можете себе представить? Мартышка! Ваш племянник возразил, что его зовут Бэзил.

— Молодец!

— Что?

— Я говорю: «Молодец».

— Почему?

— Потому, — ответил лорд Икенхем.

Герцог над этим подумал и, видимо, согласился.

— В общем, Хорес принял его за своего приятеля. Ладно. Со всяким случается. Но вы слушайте дальше. Если ваш Бернс думает, что «Лох Ломонда» — это приличные слова, он сам псих. Хотя что сюда еще сунуть?

— Вы сказали, чтобы я слушал дальше?

— А? Да, да, сейчас. Только кретин… Да, так дальше. Входит Конни с вашей дочерью. Красавица.

— Я не видел леди Констанс.

— Ваша дочь.

— О, да! Ее зовут Гвендолин.

— Так она и сказала. Но Хорес заорал: «Полли!».

— Полли?

— Да. «Привет, Полли!»

— Вероятно, — предположил лорд Икенхем, — он принял ее за какую-то Полли.

— Именно. Я тоже так подумал. Сами понимаете, мне стало не по себе. Один такой ляп — еще туда-сюда. Но целых два за две минуты!.. Я подозревал, что с Хоресом неладно с тех самых пор, как он после кори вымахал футов до восьми. Если мозги так далеко от сердца, легко ли им работать? Пока еще кровь до них доберется… Ну вот, — с этими словами герцог вошел в холл. — Эй, где вы все? Наверное, одеваются. Вы и сами хотите переодеться. Я вас провожу. Вам отвели Алую комнату. Ванная — в конце коридора. Да, что я говорил? А, вот! Я беспокоился за Хореса. В конце концов, сын моего покойного брата, да еще такой длинный, не может быть здоров. Я вспомнил, как он говорил мне, что видел Бакстера на карнавале, и догадался: да у него… как это, забыл название?

— Вы имеете в виду диатез сублунарной медулы?

— Именно. Теперь я понимаю, почему эта девица расторгла помолвку. Кому нужен псих вместо мужа? Хотя где другого найдешь… Вот ваша комната. Вы уж постарайтесь, сделайте что-нибудь.

— С удовольствием. Вымоюсь — и займусь им.

— Тогда я его к вам пошлю. Это же сумасшедший дом! Тут — он, там — Эмсворт, Бошем, еще этот тип свистит… Никаких сил не хватит!

Герцог ушел, граф направился в ванную, прихватив любимую губку Голубку. Когда он вернулся, Хорес подходил к его двери. Две черты привлекали в нем внимание — нос Данстаблов (отец) и большие оленьи глаза Хилсбери-Хепвортов (мать). Сейчас кончик носа по-кроличьи двигался, а в глазах мерцал непритворный ужас, словно у Макбета в сцене с духом Банко.

Недавние события потрясли душу Хореса. Он давно и твердо знал, что дядя его — один из виднейших психопатов, а потому боялся не только наследственности, но и прямой заразы. Двойная галлюцинация вконец расстроила его, и он охотно направился к такому светилу, как сэр Родерик Глоссоп.

Однако и тут поджидала галлюцинация. Человек в купальном халате как две капли воды походил на графа Икенхема, дядю его невесты, хотя быть им не мог, поскольку: а) в Алой комнате поселился сэр Родерик, и б) тот улыбался с вежливым любопытством, явно не зная, кто перед ним такой.

Наконец, несчастный проговорил:

— Сэр Родерик Глоссоп?

— Да.

— Я… э… Давенпорт.

— Да, да, конечно! Заходите, мой дорогой. Вам не помешает, если я при вас оденусь? Уже звонили к обеду.

Растерянно глядя, как он бодро ныряет в накрахмаленную рубашку, Хорес дивился невероятному сходству.

— Я… э… — спросил он, — вы случайно не знакомы с лордом Икенхемом?

— С Икенхемом? — Лорд Икенхем задумался, одновременно вскакивая в брюки. — Да, мы встречались.

— Вы на него очень похожи.

Лорд Икенхем ответил не сразу, он завязывал галстук, ответственный человек в такое время молчит. Наконец, он произнес:

— Не заметил. По-вашему, мой дорогой…

— Да, вы с ним похожи.

— Как странно… Никто мне не говорил. И впрямь, если он стройный, высокий, а я — коренастый…

— Коренастый?

— Конечно.

Хорес Давенпорт горестно крякнул, быть может — прощаясь с последней надеждой. Собеседник метнул на него острый взгляд, и тон его изменился.

— Простите меня, — сказал он. — Нет, это непростительно, ведь ваш дядюшка описал мне, как вы приняли мою дочь и племянника за своих друзей, а человека на балу — за его секретаря. Это с вами бывало?

— Нет.

— Так, так… Делюзия метабилис наступила внезапно. Вы не припомните, чем это вызвано?

Хорес замялся.

— Я думал… ну… а…

— Да, да?

— Такие вещи передаются по наследству?

— Конечно, иногда.

— Бывают же фамильные носы!

— Верно, бывают.

— Мой, например. Сколько ему веков!

— Наверное, много.

— А от дяди наследуют?

— Не всегда, но это возможно. В какой мере расстроена психика вашего дядюшки?

— В большой.

— Так, так…

— Отец был здоров. Собирал японские картинки.

— А ему не казалось, что он *внутри* картинки?

— Нет.

— Так, так, так… По-видимому, речь идет о небольшом расстройстве нервов, вызванном волнениями. Были у вас волнения?

Вопрос этот вызвал у Хореса такую же реакцию, какую он вызвал бы у Иова.

— Ха-ха!

— То есть были?

— Еще какие!

— Что ж, я рекомендовал бы долгое морское путешествие

— А пожить у моря можно?

— Можно. Вы приехали на машине? Тогда сразу после обеда, не травмируя психику прощаниями, отправляйтесь в Лондон, укладывайте вещи и — к морю!

— И все пройдет?

— Несомненно.

— А можно как следует хлопнуть? Лорд Икенхем погладил его по плечу.

— Мой дорогой, нужно! Вы, часом, не знаете напитка «Царица мая»? Сухое шампанское, бренди, арманьяк, кюммель, желтый шартрез и пива для вкуса. Давно не пробовал, но рекомендую при всяком расстройстве нервов. А! Вот и обед. Идемте, идемте. Нельзя опаздывать в первый же вечер. Дурной тон.

Глава 11

Лорд Икенхем собирался сразу после обеда потолковать со своим племянником, но долгая беседа с хозяйкой задержала его, и уйти он смог, когда герцог основательно втерся между ними. Мартышку он нашел в бильярдной, где тот играл сам с собой.

За обедом он вел себя очень плохо. Соломон во всей своей славе,[37] окажись он за этим столом, не сравнился бы с ним, но только внешне. Все блистало в Мартышке, все сверкало — галстук, рубашка, носки, не говоря уж о складке на брюках, но лицом, отражавшим душу, он походил на затравленную лису.

Вот почему дядя и хотел подбодрить его.

— Что ж, мой солнечный лучик, — сказал он, — все идет, как по маслу. Говорят, ты устоял перед Хоресом.

Мартышка ожил, как ожил бы ветеран Азенкура, услышав о Криспиане.[38]

— Да, — отвечал он.

— То-то и оно, — подчеркнул дядя. — Редкостная выдержка. Я тобой горжусь.

— А что толку? — проговорил Мартышка, снова сползая к скорби. — Даже такой идиот в конце концов догадается. Увидит тебя.

— Он меня видел.

— О, Господи! И что же?

— Мы долго, интересно беседовали. Рад сообщить, что он уезжает к морю. Только заедет в Лондон, чтобы напиться, словно бабочка, присевшая на цветок.

Мартышка ожил совсем.

— Однако! — сказал он. — Выжить Хореса — это немало. Лорд Икенхем резонно обиделся.

— То есть как «немало»? — укоризненно спросил он. — Я думал, ты будешь плясать по комнате, хлопая в ладоши. Неужели тебя пугает леди Констанс?

— Да. И Бакстер.

Лорд Икенхем пренебрежительно взмахнул кием.

— Что тебе Бакстер и Конни? Они едят из рук. Чем плоха наша хозяйка? Что она сделала?

— Ничего, — признал Мартышка. — Но мне говорили правду, тетя —

будь здоров. Чуть что — и начнется…

Лорд Икенхем кивнул.

— Понимаю, — сказал он. — Я замечал это за вулканами и за моей давней бонной. Помню, как сейчас — улыбается, курлычет, а только и норовит дать линейкой по руке. Чего от тебя хотел Бакстер?

— Спрашивал, какие у нас методы. Я его боюсь.

— Да? Собственно, я тоже. Беседа на перроне не совсем меня успокоила. Какая-то в нем была сухость, какая-то настороженность. Конечно, он не потомок норманнов, как друг наш Бошем, но в одном они похожи: оба не очень верят нам.

— Тогда мне лучше смыться.

— Хуже. Полли должна очаровать герцога. Кто ее поддержит без тебя, кто утешит? Где твое рыцарство? Хорош бы ты был за Круглым столом!

Уязвленный Мартышка признал его правоту. Лорд Икенхем, в свою очередь, признал, что не ждал от него ничего другого.

— Мы положили руку на плуг,[39] — обобщил он. — Или, если хочешь, мы взяли меч. Без тебя мне со свиньей не справиться. Да, ты ведь не знаешь! У Эмсворта есть свинья. Герцог хочет ее отнять. Эмсворт не хочет ее отдавать, но боится герцога. Я посоветовал прибегнуть к хитрости. Мы вывозим свинью из ее жилища, и ты едешь с ней в Икенхем, где она пережидает опасность.

Мартышка редко взлохмачивал волосы, что там — очень редко, но он их взлохматил, да еще обеими руками. При этом он сказал: «Ха!».

— Я тебя просил, — напомнил пятый граф, — не произносить этого слова.

— Ха-ха! Возить свинью! Что я, свиновоз?

— Блестяще, мой дорогой, блестяще. Одно слово — Флобер.

— Не повезу.

— Да?

— Да.

— Так, так, так… Какая, однако, жалость! Эмсворт тебя озолотил бы. Он очень любит эту свинью. Осыпал бы золотом…

Мартышка ожил еще раз.

— О! — сказал он.

— Вот именно. Подумай хорошенько. А я пока что поиграю. Он склонился над столом, пристально глядя на шар, но тут же обернулся, ибо дверь открылась, и его пронзил какой-то луч смерти.

Руперт Бакстер смотрел на него сквозь очки Те, на кого он смотрел сквозь очки, обычно дрожали и метались, наспех испытывая совесть; но

лорд Икенхем был спокоен.

— А, Бакстер! — сказал он. — Вы ко мне?

— Хотел бы с вами поговорить.

— Как с врачом? Неужели галлюцинации?

— У меня их не бывает.

— Так я и думал. Что ж, садитесь. Оставь нас, Бэзил.

— Не надо, — мрачно возразил Бакстер. — То, что я скажу, касается этого господина.

Мартышка, сидя в углу, думал о том, что это и есть голос рока. Секретарь казался таким страшным, что он никак не мог понять, почему дядя совершенно безмятежен. Установив шары, тот собирался выполнить сложный удар.

— Приятный вечер, — заметил он.

— Да. Хорошо прошлись?

— Мягко сказано! — отозвался пятый граф, ловко рассыпая пирамиду. — Я бы выбрал слово «божественно». Чистый воздух, дивный ландшафт, цыганское чувство свободы, беседа с герцогом… Кстати, он говорил мне, что у вас произошла небольшая ссора. Насколько я понял, он предупредил вас за две недели, потому что Хорес Давенпорт будто бы видел вас на балу.

— Да.

— Все уладилось?

— Да. Он узнал, что сведения — неверные.

— Прекрасно. Кто захочет потерять такую работу? Секретарь герцога! В сущности, это — герцог. Не то, что наш Бэзил, а?

— Вы правы. Совсем другое дело.

— Другое? Да, конечно, но в каком смысле употребили вы это слово?

— Этот господин не знает азов нашей профессии.

— Верно, верно… Бедный Бэзил — просто любитель. У него нет вашего опыта. Вы служили у лорда Эмсворта?

— Да, — с неудовольствием признался Бакстер, еще больше краснея. Служба его (заметим — неоднократная) всегда плохо кончалась.

— А до него?

— У сэра Ролфа Диллинворта, в Йоркшире.

— Как плавно вы идете вверх! — восхитился лорд Икенхем. — Простой, немудреный баронет — граф — потом герцог… Похвально, похвально.

— Благодарю.

— Не за что, мой дорогой. Диллинворт — человек со странностями. Я

не ошибся?

— Нет.

— Я слышал, что он гонялся за мышами с охотничьим ружьем.

— Гонялся.

— Печально. Каково семье, а? И мышам. Надо было вызвать меня.

— Они вызывали.

— Простите?

— Они вас вызывали.

— Не припомню.

— Вполне естественно.

Руперт Бакстер откинулся в кресле, сложив кончики пальцев. Мартышке казалось, что, если бы не другой овал, он был бы в точности похож на Шерлока Холмса.

— Когда я встретил настоящего сэра Родерика, — продолжал секретарь, — он меня не узнал, но я узнал его сразу. Он почти не изменился.

Лорд Икенхем поднял брови.

— Вы хотите сказать, что я не сэр Родерик?

— Да.

— Так, так, так… Значит, я — самозванец и обманщик?

— Да.

— Как вы правы, мой дорогой! — воскликнул пятый граф. — Ах, как же вы правы!

Руперт Бакстер немного растерялся.

— Я не знаю, кто вы… — начал он.

— Зовите меня дядей Фредом.

— Не буду! — возразил секретарь, утешаясь видом Мартышки. Вот это — разоблаченный обман, приятно посмотреть.

— Ваше право, — признал граф.

— Вы страшно рискуете, — сказал Бакстер. — Многие знают в лицо такого известного врача.

— Сурово, но верно. Как лучше усы, вот так? Или вот так? Нетерпеливым жестом Бакстер дал понять, что он — Немезида, а не знаток мужской красоты.

— Вероятно, — сказал он, — вы хотите узнать расписание поездов.

— Молочный поезд есть? — спросил Мартышка.

— Возможно, — отвечал Бакстер, — но я бы посоветовал 8.20 утра.

Лорд Икенхем удивился.

— Вы говорите так, словно мы уезжаем.

— А вы не уезжаете?

— Нет. Разве вы не сохраните нашу маленькую тайну?

— Я выдам вас немедленно.

— Даже если я докажу, что мы не воры? Мы здесь, чтобы соединить…

— Ваши намерения меня не интересуют. Лорд Икенхем покрутил усы. Он думал.

— Так, так, так, так… Вы жестокий человек, Бакстер.

— Я выполняю мой долг.

— Не всегда. Как насчет бала?

— Что вы имеете в виду?

— Хорес заметил вас в Альберт-Холле.

— Хорес!

— Именно. Да, сейчас его свидетельству не верят, но почему? Потому что герцог видел своими глазами, как он принял незнакомцев за своих друзей. Вы меня выдаете — я признаю, что это именно те, кого он назвал, — герцог понимает, что у Хореса нет галлюцинаций, — и выгоняет вас. Что тогда?

Он замолчал. Мартышка в своем углу расцвел, словно политый водою цветок. Пока дядя говорил, глаза его наполнялись тем собачьим благоговением, с которым он далеко не всегда смотрел на пятого графа.

— Вот это да! — выговорил он. — Р-р-раз — и готово! Наповал.

— Вполне вероятно, — согласился лорд Икенхем.

Челюсть у Бакстера была не из тех, которые легко падают, но она дернулась. Глаза за очками глядели немного растерянно.

— Одно из другого не следует!

— Ах, что вы! Следует, поверьте мне.

— Я буду все отрицать.

— Что толку? Я мало знаю герцога, но успел заметить, что он — из тех суровых, непоколебимых натур, которыми держится Англия. Нет, Бакстер, я бы на вашем месте подумал.

— И я, — поддержал Мартышка.

— Поразмышлял бы, все взвесил.

— Да, да.

— Тогда вы увидите, что и гибнем мы, и спасаемся только вместе. Разоблачая нас, вы разоблачите себя. И что же? Мы — уезжаем, а вот к вам подходят два мускулистых лакея… Кто поручится, что вы попадете к баронету? Возможен и простой дворянин.

С этими словами он мягко повел к дверям несчастного Бакстера.

— Мой дорогой, — говорил он, — нам остается одно: диви — и

другим не мешай. Пусть нашим девизом станет девиз славного короля Позоля:[40] «Ne nuis pas a ton voisin».[41] Иначе жизнь не проживешь.

Когда дверь закрылась, Мартышка перевел дух.

— Дядя Фред, — сказал он, — иногда я сердился на вас…

— Ты имеешь в виду тот случай с попугаем?

— Скорей, собачьи бега.

— Ах, да! Мы немного увлеклись, не спорю.

— Но сейчас вы спасли мне жизнь.

— Дорогой мой, я просто смущен. Такой пустяк! Я всегда рад прибавить сладости и свету.

— Этот тип сдался, а?

— Еще как! Вышел из строя. А теперь, ты уж прости, *я* тебя покину. Обещал герцогу заглянуть около десяти.

Глава 12

Предполагая, что эта беседа приостановит Руперта Бакстера, пятый граф не ошибся. Однако он поспешил, заметив, что тот вышел из строя. У бывшего секретаря был верный союзник, к которому он и направился.

— Не уделите ли мне пять минут, леди Констанс? — спросил он.

— Конечно, мистер Бакстер.

— Спасибо, — сказал он и сел.

Леди Констанс была спокойна и довольна. После обеда, за кофе, она побеседовала с видным психиатром и убедилась, что взгляды их на герцога совпали. Врач признал, что надо немедленно взяться за дело, тогда пациент скоро забудет, что такое яйцо и как его бросают.

Она вспоминала наиболее ценные из его суждений, одновременно восхищаясь его очарованием и умом, когда в комнату вошел Бакстер, человек решительный. И через минуту весь ее покой рассыпался, словно мебель под кочергой неугомонного герцога.

— Быть не может! — вскричала она

Если бы это сказал другой, она бы удивленно подняла брови, не больше, но в Бакстера она верила, как верят дети. Она была сильной личностью, и все-таки его личность оказалась сильнее.

— Быть не может!

Секретарь ожидал примерно такою отклика и подождал, пока он себя исчерпает.

— Вы уверены?

Блеск очков сообщил ей, что Руперт Бакстер не говорит зря.

— Он так обаятелен!

— Естественно. Такие люди должны очаровывать.

Леди Констанс понемногу свыкалась с положением. Бландинг в конце концов, издавна притягивал обманщиков. Скажем, певичка ее племянника Ронни выдавала себя за дочь американского миллионера. В минуты уныния леди Констанс казалось, что у нее гостят одни самозванцы. Что-то тянуло их в замок, как тянет кошку к мяте.

— Он вам признался? — проверила она.

— Пришлось, ничего не поделаешь.

— Значит, он уехал?

Руперт Бакстер немного помолчал; очки его замерцали.

— Н-нет, — ответил он.

— Нет? — поразилась леди Констанс. Как видно, подумала она, самозванцы — народ упорный.

— Возникли трудности, — пояснил Бакстер.

Гордому человеку нелегко признать поражение, и рассказывал он мрачновато, но с предельной ясностью.

— Итак, — заключил он, — я ничего не могу предпринять. Мне очень важна служба у герцога. Я хотел бы стать его доверенным лицом, вести все дела.

— Конечно, конечно, — согласилась леди Констанс, верившая в его звезду. — И все же, неужели ничего нельзя сделать? Неужели мы будем терпеть этот обман? Он обворует весь замок!

Тут Руперт Бакстер смог ее успокоить.

— Он не вор. Он хочет женить Давенпорта на этой девице.

— Что!

— Да, он сказал, что намерен кого-то соединить. Тогда я не совсем понял, а потом мне пришло в голову, что я видел ее с Давенпортом, на том балу. По всей вероятности, в Лондоне Давенпорт не поддавался, и она поехала за ним, чтобы загнать его в угол.

Такое коварство шокировало леди Констанс.

— Что же мы будем делать?

— Мне кажется, вы могли бы намекнуть герцогу, что его племянника вот-вот втянут в ужаснейший брак…

— Но он не знает, что брак ужасен!

— Полагая, что девица — дочь выдающегося психиатра? Не скажите. Герцог очень остро ощущает социальные различия. Все-таки какой-то врач…

— Да, да! — обрадовалась леди Констанс. — Аларих всегда всех презирает.

— Вот видите. Словом, препоручаю это вам. Оставшись одна, леди Констанс с облегчением вздохнула.

Руперт Бакстер, как обычно, расчислил все и нашел прекрасный выход. Поистине, редкостный человек.

Но мало-помалу сила его личности теряла свою власть, и покой сменился растерянностью. Леди Констанс как-то не верилось, что новые самозванцы не собираются красть. Самозванцы, думала она, не сентиментальны, а практичны. Счастливую любовь они ставят ниже, чем бриллианты.

Она встала с кресла. Даже в тревоге она не собиралась найти и убедить Руперта Бакстера. С Бакстером не спорят. Она хотела

посоветоваться с кем-нибудь, кто посочувствует ей, а то и поможет. Тут нужен человек обстоятельный, а в Бландингском замке как раз гостил вполне обстоятельный человек. Надеясь на то, что он окажется и добрым, леди Констанс побежала искать своего племянника Бошема.

Тем временем Руперт Бакстер вышел на воздух, что необходимо после такого напряжения, и бродил под звездным небом. Добредя до бархатной лужайки, на которую выходили окна лучшей из комнат, он принялся ходить взад и вперед, заложив за спину руки, хмуря брови.

Неужели, спрашивал он, ничего сделать нельзя? Неужели нельзя хоть как-то заявить о себе, наложить на события отпечаток своей личности? Чтобы ответить на эти вопросы, он не жалел мозгов.

Часто бывает так, что мозги, если их не жалеют, нуждаются в музыкальном сопровождении. Скажем иначе: мысля, мыслители нередко свистят. Так поступил и Руперт Бакстер, избрав на этот случай любимый напев *«Лох-Ломонда»*.

Будь он меньше сосредоточен, он бы заметил, что уже к четвертой строчке за окном начались волнения. Наконец, оно приоткрылось, и седоусая голова воровато выглянула из него. Бакстер не заметил и этого. Дойдя до края лужайки, он резко повернулся, а значит — снова прошел перед окном.

Теперь он пел. У него был приятный тенор:

Ты поверху пойдешь,
Я понизу пойду
И прежде всех в Шотландию приду-у-у-у,
Но ах, моя любовь,
Нам не встречаться вновь…

Звездный свет озарил седые усы.

На дивном, дивном, дивном берегу
Лох-Ло-мон-да-а!

Что-то просвистело в ночи… шлепнулось о его щеку… и тут же из окна раздался горестный крик.

Лорд Икенхем вернулся в бильярдную примерно через полчаса.

Мартышка был там, но уже не один. Он играл с лордом Бошемом, буквально твоя чудеса. Дядя присел и почтительно ждал, пока завершится поединок.

Наконец, лорд Бошем надел пиджак.

— Хорошо сыграли, — сказал он как истинный рыцарь, умеющий терпеть поражение, — очень хорошо. — И он вопросительно посмотрел на лорда Икенхема, который щелкнул языком и покачал головой.

— Э, что?

— Поражаюсь иронии судьбы, — отвечал граф. — Бушует беда, звонят врачам, стелят постели, ставят компрессы, а два молодых человека беспечно играют на бильярде. Поневоле припомнишь пожар Рима.

— Э? — повторил лорд Бошем.

— Кто-то заболел? — спросил Мартышка. — Не Бакстер?

— Я бы не назвал это болезнью, — ответил ему дядя. — В него швырнули яйцо. Но герцог… Швырял он и, размахнувшись свыше меры, вывихнул предплечье. Когда я его покинул, руку подвязали, пострадавший пил ячменную воду.

— Вот это да! — отозвался лорд Бошем. — Прямо сказать, не повезло.

— Да, он испытывает немалые муки.

— Наверное, отделал Бакстера как следует? — с надеждой спросил Мартышка.

— Вот именно. Признаюсь, уважение мое возросло. Есть еще что-то такое в старой аристократии! Троцкому в жизни не попасть яйцом в секретаря.

Лорд Бошем попытался глубже проникнуть в проблему.

— А почему, — спросил он, — Данстабл швыряется яйцами?

— Так я и думал, что вы спросите, — одобрил его лорд Икенхем. — Все двигалось к этому с неотступностью греческой трагедии. По-видимому, один садовник привержен к стихам Роберта Бернса о берегах Лох-Ломонда. Он свистит их и даже поет под окном у герцога. Тот затаился, подстерегая его с целой корзиной яиц. Сегодня по неведомой причине, стихи эти запел Бакстер. Мы с герцогом толковали о том, о сем, когда услышали его голос, и герцог, словно цирковой тюлень, нырнул в гардероб, а вынырнул — с корзинкой. Необходимо пояснить, что он предубежден против самой песни. Судя по всему, его чувствительный слух оскорбляет неточная рифма, вернее — ее отсутствие. И впрямь, что это такое? «Приду-у-у» — «Лох-Ломонда»! А может, «приду» — «берегу»? Как посмотреть… Конечно, в его годы небезопасно швыряться яйцами. Знал бы — предупредил бы, но…

Скрип двери прервал его размышления. Вошла леди Констанс. Увидев, что лорд Бошем здесь, она с облегчением вздохнула, но мгновенно помрачнела, заметив, в каком он обществе. Лорд Икенхем, как всегда, был любезен и беспечен.

— А, леди Констанс! — обрадовался он. — Я как раз говорил про несчастье с нашим герцогом.

— Да, — подтвердил лорд Бошем. — Значит, старый хрыч вывихнул руку?

— Он повредил плечо, — сдержанно ответила леди Констанс. — Ты кончил игру, мой милый? Я бы хотела с тобой потолковать.

Она увела племянника, и лорд Икенхем задумчиво поглядел им вслед.

— Странно, — сказал он. — Она немного суховата… Ты заметил, Мартышка?

— Суховата! — отвечал тот, дрожа. — Истинный волк.

— Пыл страстей, холод манер, — прокомментировал граф. — Это неспроста. Неужели Бакстер настучал? Нет, не посмеет. Видимо, обычная обида на разгулявшихся гостей. Забудем о прекрасной Конни, у нас много тем. Начнем с того, что свинью красть не надо.

— Да?

— Да. Как ты помнишь, мы собирались отвезти ее в Икенхем, но это не нужно. Герцог обезоружен, ему не поднять кочерги. Перехватив инициативу, Эмсворт прямо сказал, что свинью не даст. Итак, ее красть не будем.

— Что ж, — отвечал Мартышка, немного подумав, — это хорошо. Конечно, если б Эмсворт нас озолотил, тоже было бы неплохо, но возить свиней через всю Англию — трудно, ничего не скажешь. В общем, я не расстроился.

— А мог бы.

— Почему?

— Возникло другое затруднение.

— Что там еще?

— Так, небольшое препятствие. Я лично их люблю. Выявляют все лучшее в нас…

Мартышка затанцевал.

— Ты скажешь, в чем дело?

— Скажу. Помнишь этого менестреля? Ну, Полли хочет за него выйти. Вот.

— Что с ним такое?

— Он приезжает.

— Ой!

— Да, да. Когда улегся шум, и короли — то есть Эмсворт, Конни и врач — в свои покои важно удалились, герцог сказал мне, что он этого так не оставит. Если Эмсворт думает, что спас свою ветчину, он ошибается. Он (герцог) вызовет Рикки Гилпина, который ее и украдет. Собственно, он при мне составил длиннейшую телеграмму.

— Рикки увидит мисс Плум! — испугался Мартышка. — Тогда нам конец. Он не такой идиот, как Хорес.

— Правильно. Потому я и говорил о затруднении. Однако жить он будет не в замке. Герцог приказал остановиться в «Гербе Эмсвортов». Собственно говоря, они с Полли могут и не встретиться.

— Вряд ли.

— Да, вряд ли. Но шанс такой есть. Подтянись, дорогой Мартышка. Пой, как поют птицы: «Твит-тьюит-тью-ит…».

— Я пойду, лягу.

— Что ж, иди, отдохни.

— Хорошенький отдых!..

— Считай овец.

— Овец! Я буду считать Бакстеров и сумасшедших дядей. Ха! — И Мартышка ушел.

Лорд Икенхем взял кий и задумчиво ударил по шару. Он не все понял. Бакстеры — да, ясно. Но кто такие эти дяди?

Леди Констанс рассказывала прекрасно. Она могла тронуть словом такую аудиторию, как племянник, который не всегда понимал даже газетные шутки. Лорд Бошем следовал за ее мыслью, словно ищейка, и задолго до конца твердо знал, что в Бландингском замке кишат самозванцы, а не мыши.

— Ого! — подтвердил он это первой же репликой. — Самозванцы!

— Да, — отвечала леди Констанс.

— Ого, ого, ого! — сказал лорд Бошем, давая понять, что он сознает всю тяжесть ситуации.

Они помолчали. Судя по выражению розового лица, лорд Бошем думал.

— Значит, этот тип — тот тип, — подытожил он. — Я думал, это не тот тип, а это тот. Тот самый, чтоб его! Нет, это надо же…

Леди Констанс не любила таких речей, а сейчас — тем более.

— О чем ты говоришь, Джордж? — осведомилась она.

— Ну, тип, — объяснил он, догадавшись, что она не все поняла. —

Тот самый.

— О, Джордж! — вздохнула леди Констанс, не решаясь произнести суровый, но необходимый приговор. — Иногда мне кажется, что ты — такой же кретин, как твой отец.

— Мошенник, — попытался снова лорд Бошем, удивляясь ее непонятливости. — Не отец, а там, в Лондоне. Да я же тебе говорил! Ну, обокрал меня.

Глаза у леди Констанс стали еще больше.

— Ты хочешь сказать…

— Хочу. Очень хочу. На станции я подумал: «Тот самый тип!». А потом передумал. Это ты мне вкручивала, что он — важная шишка, психов лечит. Значит, он не шишка…

Леди Констанс схватилась за ручку кресла.

— Все ясно! — воскликнула она. — Бакстер не прав.

— Э?

— Он говорит, они хотят женить Давенпорта на этой девице. Нет! Они охотятся за моими бриллиантами. Джордж, надо что-то сделать!

— А? Что? — спросил Джордж, и леди Констанс снова ощутила, как он похож на ее брата, своего отца.

— Как это «что»? Мы должны…

— Постой, постой. Если они — самозванцы, почему не вызвать полицию?

— Потому что Аларих выгонит Бакстера.

— А? Что? Куда? — поинтересовался Бошем. Пришлось, не жалея ценного времени, все растолковать.

— А! — откликнулся лорд Бошем. — Ну, это ничего. Может, он еще где-нибудь пристроится.

— Его взяли бы куда угодно, — отвечала леди Констанс, — но он очень ценит свое нынешнее место. Словом, полицию вызвать нельзя. Мы должны…

— Вот что, — заметил лорд Бошем, — возьму-ка я свою пушку.

Леди Констанс топнула ногой. Трудно сделать это сидя, но она сделала, и так, что племянник (которого в детстве она бивала головной щеткой) решил не говорить о своем любимом ружье.

— Мы должны, — продолжала она, — нанять сыщика. Как и брат его, Фредди Трипвуд, уехавший в Штаты, чтобы продавать собачий корм, лорд Бошем любил детективы.

— Вот это разговор! — воскликнул он. — Ты как раз одного видела.

— Я?

— Ты. Он тут жил прошлым летом.

Леди Констанс содрогнулась.

— Пилбем! — вскричала она. — Да пусть меня убьют в постели! Неужели нет других? Ты никого не знаешь?

— Я? Нет. С чего бы мне… Ах ты, знаю! Этот, который у Хореса.

— У Хореса?

Племянник ее смутился, поздно, но все же вспомнив, что Хорес просил его не выдавать.

— Не то, чтоб у Хореса, — сказал он. — Так, приятель его нанимал. Что-то он делал…

— И сделал?

— Да, да, да!

— Значит, сыщик опытный?

— Очень, очень!

— Как его фамилия?

— Плум. Клод Плум.

— Ты можешь его найти?

— Посмотрим в книжке.

— Тогда иди и звони. Пусть приезжает немедленно.

— Иду, — отвечал лорд Бошем.

Глава 13

Когда герцог призвал своего племянника Рикки, он сделал именно то, что входило в традиции гордого рода. Отец его дважды срывал колючую проволоку, отделявшую их виллу на юге Франции от поля для гольфа. Дед, обедая в клубе, ткнул носом в пышный омлет одного из членов правления. Герцоги Данстаблские всегда отличались пылом, обидчивостью, мстительностью — словом, всем тем, из-за чего мы не советовали бы отказывать им в свинье.

Плечо почти не болело, и наутро герцога мучила лишь непривычная скованность. Что же до духа, все осталось по-прежнему. Глубокой ночью думал страдалец о коварстве лорда Эмсворта; думал и днем. Горечь не уходила, а с нею — и мрачная решимость.

Ко второму завтраку пришла телеграмма от Рикки, тот собирался приехать с вечера, и на следующее утро, в 10. 00 герцог велел секретарю отвезти его на станцию, к «Гербу Эмсвортов», где он и встретился с плотным, рыжим, веснушчатым племянником.

Между Рикки и Хоресом не было фамильного сходства. Каждый был похож на своего отца, а у Рикки Гилпина отец славился мощной грудной клеткой циркового силача. Взглянув на сына, вы могли бы удивиться, что он пишет стихи, но поняли бы без труда, как он крушит торговцев на ковент-гарденском рынке.

Однако брутальная внешность скрывала нежную душу, и в это утро Рикки испытывал всерастворяющее умиление. Дитя могло бы играть с ним,[42] а кошка из «Герба» так и делала. Суровый с виду, он был, в сущности, одним из братьев Чирибл.[43]

Ничто не воздействует на влюбленного так, как слова любимой девушки, заверяющей, что зулусские воины — лишь игрушки для нее. Рикки поверил своей Полли, он был счастлив; и тут пришла телеграмма.

Значить она могла только одно: надо как-то помочь дяде — а там он будет совсем иначе смотреть на луковый суп. Вот почему в Маркет Бландинг ехал веселый, бодрый человек, который весело и бодро встретил следующий день, а с ним — и герцога. Тогда он заметил, что у того подвязана рука.

— О, Господи! — вскричал он. — Ты сломал руку? Какой ужас! Какой кошмар! Как это случилось?

Герцог громко хрюкнул.

— Вывихнул, — ответил он. — Бросал яйца в секретаря. Многие ответили бы неверно, многие — но не Рикки. Он знал, кого обвинить.

— Как же он тебя довел? Это кретин какой-то! Надо выгнать?

— Выгоню, когда мы с тобой поговорим. Я только сейчас узнал, кто это. Понимаешь, — объяснил герцог, — тут все время поют про Лох-Ломонд, прямо под окном. Мерзость какая!

— Гадость!

— Разве это можно выдержать?

— Ни в коем случае.

— Я запасся яйцами.

— Очень умно.

— Чтобы швырять.

— Естественно.

— Вчера опять завел: «Приду, пойду…». А сегодня Конни говорит, почему я обижаю Бакстера.

— Какая глупость! Кто эта слабоумная особа?

— Сестра Эмсворта. В Бландинге. Я там гощу. Душевнобольная.

— Да, вероятно. В здравом уме каждый увидит, что ты прав. Знаешь,

дядя Аларих, тебя травят! Да, да, это — преднамеренные гонения. Не удивляюсь, что ты вызвал меня. Бросить еще яиц? Скажи, я мигом.

Если бы не рука, герцог бы похлопал его по плечу. Он горевал, что так ошибся в племяннике. У того есть недостатки — вот, стихи пишет, — но есть и сердце.

— Яиц бросать не надо, — сказал он. — Я его выгоню. Ты мне нужен для свиньи.

— Какой именно?

— Здешней, из замка. Что они творят, ты бы знал! Рикки понял не все.

— Науськали на тебя свинью? — предположил он.

— Нет, Эмсворт обещал мне ее отдать.

— А, вон что!

— Без расписки, так, договорились. А теперь — не дает!

— Не может быть! — вскричал Рикки. — Нарушить священное слово! Нет, такой низости…

Герцог окончательно убедился, что не понимал племянника.

— Ты так думаешь?

— Кто ж так не подумает! В конце концов, есть правила, есть порядочность!

— Вот именно.

— Мы вправе ждать ее от других!

— Верно.

— Значит, украсть свинью?

Герцог едва не задохнулся от восторга. Нечасто, думал он, встретишь у нынешней молодежи такой ум и такую нравственную силу.

— Да, — отвечал он, — с подобными людьми незачем церемониться.

— Конечно! С волками жить… Что же именно надо сделать?

— Сейчас, сейчас, сейчас. Я много думал. Ночь не спал…

— Какой ужас!

— … и разработал подробнейший план. Утром проверил — вроде все так. Карандаш есть? Бумага?

— Пожалуйста, блокнот. Оторву первую страницу, там начало баллады.

— Спасибо. Так вот. — В приливе вдохновения герцог пышно вздул усы. — Рисуем карту. Это — замок. Это — моя комната. Под окном — лужайка. Такой газон, — объяснил он, показывая что-то вроде растекшейся глазуньи.

— Газон, — повторил Рикки. — Понятно, понятно…

— Вокруг него — дорожка. За ней — кусты, вот тут, а вот тут —

поляна. За ней — огород, а на ней, подальше — свинья. — Он пометил место крестиком. — Здесь она живет. Видишь, как это все важно?

— Нет, — ответил Рикки.

— И я не видел, — признался герцог, — пока не стал чистить зубы. Тут я все и понял.

— Знаешь, дядя Аларих, — заметил Рикки, — из тебя бы вышел блестящий полководец.

— Возможно. Смотри. Крадем свинью — ныряем в кусты. Опасно только на поляне. Надо выбрать время, когда там никого нет.

Рикки поморгал.

— Я не совсем понял. Не потащишь же ты ее к себе!

— Потащу. Первый этаж, окна до пола. Спрячем ее в ванной.

— На всю ночь?

— При чем тут ночь? Пошевели мозгами. Крадем в два часа дня, все едят. Свинарь тоже ест, я узнал. Можно украсть тысячу свиней, никто не заметит.

Рикки был поражен. Именно, полководец.

— Свинья сидит в ванной, пока не стемнеет, — продолжал герцог. — А тогда…

— Кто-нибудь может зайти в ванную! Горничная с чистым полотенцем…

Герцог воинственно раздулся.

— Хотел бы я на это посмотреть! Не разрешу. Не пущу. Обедать буду в комнате. А ты как раз и управишься. Тут ждет машина. — Он ткнул пальцем в карту. — На самом повороте, у кустов. Сажаешь свинью, везешь в Уилтшир, Такой план. Все ясно?

— Все, дядя Аларих!

— Сделаешь?

— Еще бы, дядя Аларих! Нет, ни один человек в Англии никогда бы не додумался! Одно слово, гений.

— Ты считаешь?

— Безусловно.

— Может, ты и прав.

— Еще как! Что ты делал во время войны, дядя Аларих?

— Да так, то-се. Важные задания.

— В генеральном штабе?

— Н-не совсем.

— Какая нерасчетливость! Как они швыряются людьми! Хорошо, что у нас есть флот, а то бы…

Воцарилась прекраснейшая из атмосфер. Герцог сказал, что это очень лестно. Рикки сказал, что слово «лесть» совершенно не подходит к случаю. Неужели нельзя признать гений, если его видишь? Герцог спросил, не хочет ли Рикки выпить. Рикки ответил, что еще рановато. Герцог осведомился, что Рикки пишет. Рикки поведал, что в «Поэтри Ривью» скоро появится сонет. Герцог признался, что очень любит сонеты, но не написал бы его и за миллион фунтов. Рикки воскликнул: «О, истинный пустяк!» и сопоставил этот род деятельности с серьезным, плодотворным обдумыванием кампаний. Вот тут, пояснил он, можно говорить о труде. Словом, все это мы назвали бы «пиршеством любви».

Но поэты — люди деловые. Шекспир удачно заметил, что они дают неведомому дом и имя,[44] однако в реальной жизни они при этом думают о гонораре. Как все поэты, Рикки впадал в мечтательность, но не спустил бы издателю, если бы тот послал ему чек на фунт, а не на гинею. Эта черта проявилась и сейчас.

— Кстати, дядя Аларих, — сказал он.

— Да? — откликнулся герцог, собиравшийся рассказать об одном знакомом, который сочинил лимерик.

Понимая, что тут пригодился бы литературный агент, Рикки все же продолжил:

— Ты не дашь чек заранее?

Герцог вздрогнул, словно невидимая рука закрыла горячую воду, когда он стоит под душем.

— Чек? — переспросил он. — Какой еще чек?

— На двести пятьдесят фунтов.

Герцог пошатнулся прямо в кресле, а усы, взметнувшись вверх, просто рухнули вниз. Усы послабее вообще бы выпали под таким напором.

— О чем — ты — говоришь? — вскричал герцог.

Сжавшись, как человек, стоящий перед клеткой с тигром и не уверенный в ее прочности, Рикки отважно продолжал:

— Я думал, мы договорились. Если ты помнишь, мы это обсуждали в Лондоне. Сперва речь шла о пятистах, потом — о двухстах пятидесяти, зато к концу недели. Мне был бы удобен чек. Я переслал бы его сегодня этому человеку, он получил бы завтра, с утра.

— В жизни не слышал такого бреда!

— Ты не хочешь дать мне эти деньги?

— Конечно, не хочу, — отвечал герцог, ловя и жуя усы. — Еще чего! — прибавил он для ясности.

Этим и кончился пир любви.

— Нет, какая чушь! — прервал тяжкое молчание герцог Данстаблский. — Зачем тебе луковый суп?

Быть может, воспоминание о недавнем единстве душ побудило Рикки к откровенности. Он знал, что откровенность опасна, но, в конце концов, есть шанс, что старик растрогается (мистер Плум беговых времен определил бы этот шанс 8 к 100). Самые жестокие люди умилялись истинной любви.

— Я собираюсь жениться, — сказал он.

Если герцог умилился, он этого не выдал. Глаза его вылезли, как у креветки, усы — опять взметнулись.

— Жениться? — воскликнул он. — То есть как, жениться? Не дури.

Рикки начал день с любви ко всякой твари и не хотел сдаваться. Но ему показалось, что с дядей Творец немного перебрал.

— Нет, какая чушь! — повторил герцог. — Как ты можешь жениться? С наследства ты получаешь два пенса в год. Стишков не хватит на сигареты.

— Вот я и хочу купить кафе.

— Хорошенький вид у тебя будет! Нет, это надо же! Суп!

Совладав с собой, Рикки промолчал. Лучше промолчать, решил он, чем перегородить пути к примирению блестящим ответом. Правда, такой ответ никак не приходил в голову.

Усы взметались и падали, словно водоросли в час прибоя.

— А у меня? — продолжал герцог. — Мало этих стихов! «Что поделывает ваш племянник, — изобразил он любопытного друга, почему-то фальцетом. — Он дипломат? Ах нет, он в гвардии? В суде?» — «Прямо сейчас! — ответил он своим голосом. — Пишет стишки.». Молчат. Стыдно им. А теперь еще этот суп! Нет, такой…

Рикки густо покраснел. Характер его, не очень мирный, уже поигрывал мышцами, как акробат перед трюком.

— И вообще, зачем тебе жениться? — спрашивал дядя. — А? На какого черта?

— Да так, понимаешь, — ответил стихотворец. — Хочу подгадить этой барышне. Очень уж она противная.

— Что-о-о?!

— А нечего спрашивать! Почему люди женятся! Женюсь, потому что нашел лучшую девушку в мире.

— Ты сказал, она противная.

— Это я пошутил.

Герцог пожевал усы и выплюнул с видимым отвращением.

— Кто она такая?
— Ты все равно не знаешь.
— Кто ее отец?
— Да так, один.
Герцог стал зловеще-спокойным, как вулкан, который себя сдерживает
— Ясно. Понятно. Из самых низких слоев.
— Нет!
— Не спорь. В общем, ясно. Денег ты не получишь.
— Хорошо. А ты не получишь свиньи.
— Что?
— То самое. Ни малейшей свиньи. Моя цена — двести пятьдесят фунтов за штуку. Если ты уплатишь эту мелочь, я, так и быть, забуду, что ты оскорбил девушку, родством с которой мы должны гордиться.
— Не пори чушь. Ясное дело, она из подонков общества. Нет, как мои племянники умеют влипнуть, уму непостижимо! Я запрещаю тебе жениться на этой выскочке.
Рикки глубоко втянул воздух. Лицо его походило на грозовое небо.
— Дядя Аларих, — выговорил он, — я не трону старика, который вот-вот сойдет в могилу…
Герцог дернулся от удивления.
— Что ты говоришь? Какие могилы?
— Такие, — твердо ответил Рикки. — Щадя твою старость, я не дам тебе в зубы. Но я скажу, что ты — мерзкий и гнусный гад, жиреющий уже полвека, когда пролетарий голодает. Противно смотреть. Бр-р-р. До свидания, дядя Аларих. Лучше нам расстаться, а то я сорвусь.
Бросив на герцога взгляд, какой не надо бы бросать племяннику, Рикки ушел, а герцог остался, ибо встать не смог.
Поднял его холодный голос, раздавшийся сбоку:
— Простите, ваша светлость?
— А? Что?
Руперт Бакстер был сдержан. Он не любил, чтобы в него швыряли яйца, и не смягчался от того, что бросок был очень метким.
— Полисмен сообщил мне, что надо отвести машину от входа в это заведение.
— Вот как, сообщил? Пошлите его к черту.
— Если разрешите, я поставлю ее за угол.
Герцог не ответил, пораженный блистательной мыслью.
— Эй, вы! — сказал он. — Садитесь.
Руперт Бакстер сел. Герцог в него вгляделся. Да, убедился он, этот

может тащить свинью, сил хватит. Только что казалось, что Рикки замены нет — и вот, пожалуйста!

— Свиней крали? — спросил он.

— Нет, — холодно ответил Бакстер.

— А вот сегодня украдете, — сказал герцог.

Глава 14

Рикки пошел в кабачок, чтобы утишить душевную боль; и правильно сделал. Крушение надежд, обвал воздушных замков — очень неприятны, но пиво Г. Оуэна, эта жидкая Полианна, как-то помогает увидеть хорошую сторону. Поставьте кружку королю Лиру — и он мягче отнесется к буре.

Во всяком случае, на Рикки оно произвело чудотворное. воздействие. Погоревав несколько часов после беседы с дядей Аларихом, он вошел в кабачок сломленным человеком; а к встрече с мистером Плумом был достаточно бодр.

«Деньги, — напомнило пиво, — еще не все. Смешно и подумать, что умный, молодой, предприимчивый поэт не изыщет тысячи способов раздобыть их. Но главное — не они, главное — *она*. Хорошо, ты беден. Ну и что? Полли — с тобой, она тебя любит. Значит, все образуется.».

Именно тут появился мистер Плум и Рикки прозрел. До сих пор ему не приходило в голову занять у него денег. А почему, собственно? Плум — ее отец. Рикки его спас от озверевшей черни. Должен он помочь дочери и спасти спасителя? Должен.

— А, мистер Плум! — вскричал Рикки.

Вскричал — но не удивился, предположив, что будущий тесть приехал посмотреть бега, о которых было столько толков. Зато удивился мистер Плум.

— Гилпин! Что вы здесь делаете?

— Дядя вызвал. Он в замке, недалеко отсюда. Теперь мистер Плум ужаснулся.

— Вы собираетесь в замок?

— Нет, нет. Он приходил сюда, поговорить по делу. Ничего не вышло. Еду в город.

Мистер Плум облегченно вздохнул. Только Рикки недоставало в тонких бландингских кознях!

— А вы на бега приехали?

— Да, — отвечал мистер Плум, радуясь подсказке.

— Где живете?

— Тут, недалеко.

— Выпейте пива, очень хорошее.

— Спасибо, — сказал мистер Плум. — Спасибо.

Пока пиво не подали, Рикки молчал. Всю свою жизнь он был

независимым и не хотел просить; но справился с собой. Как-никак, вспомнил он, без него этот человек провел бы больше месяца в больнице.

— Мистер Плум, — начал он.

— Да?

— Я должен с вами поговорить.

— Вот как?

— Вы любите луковый суп?

— Нет.

— А многие любят. Сейчас я сделаю вам деловое предложение.

Рикки отхлебнул пива. Глаза у мистера Плума всегда покрывала защитная пленка. Теперь казалось, что к ней прибавился еще один слой.

— Полли вам не говорила? Мне предлагают купить кафе, где продают этот суп. Наверное, вы их видели. Вокруг Пиккадилли-сёркус.

— Вроде бы, говорила.

— Значит, хвалила. Это — золотое дно. Продает один мой приятель, американец, уступит за двести пятьдесят фунтов.

Мистер Плум поморгал, словно тронули обнаженный нерв. Он еще не решил, годится ли в партнеры Давенпорт. Может — годится, а может — и нет. Будущее было в тумане.

— Большие деньги, — сказал он.

— Большие? — удивился Рикки. — За первоклассное кафе в самом центре? Он его просто дарит! Тоскует по дому, хочет уехать поскорее. Дам двести пятьдесят фунтов к концу недели — получу золотое дно. Перспективы — огромные. Я там бывал и видел: всю ночь, один за другим, вывалив язык, как бизоны…

— Так дайте ему эти деньги.

— А где я их возьму? Вы одолжите?

— Нет.

— Под любые проценты.

— Нет и нет.

— Они у вас есть?

— Есть, как не быть. Вот, в кармане, сегодня выиграл в этом вашем клубе.

— Почему же?..

Мистер Плум допил пиво, но мягче не стал, словно баловался лимонадом.

— Вот почему: если я их дам, вы женитесь на моей дочке. Полли очень добрая, вся в мать. Только бы кому-нибудь помочь! Вы ей чего-нибудь наплетете, она себе испортит жизнь. А потом, — прибавил мистер

Плум, — будет грызть локти.

— Какие локти? Она меня любит.

— Кто вам сказал?

— Полли.

— Не хотела обидеть. Любит! Да за что? Я на ее месте волоска бы вам не дал.

— Их у вас и нету.

— Не будем переходить на личности, — строго сказал мистер Плум. — Кстати, волосы — далеко не все. Многие бы мне позавидовали, возьмем Авессалома.[45] И вообще, не в том дело. Кто вы такой, разрешите спросить? Поэт. Стихоплет. Полли метит выше.

— Очень жаль, что я вам не нравлюсь, но…

— При чем тут нравитесь, не нравитесь? Вообще-то вы ничего, удар неплохой, но *моей* дочери нужен ом сырьё.[46] Это по-французски. Такой человек, за которым не пропадешь. Ом сырьё стишков не пишет.

Рикки напомнил себе, что спокойствия терять нельзя.

— Хорес Давенпорт… — продолжал мистер Плум.

— Хорес!

— Чего кричать? Он племянник герцога.

— А я кто, по-вашему?

— Он — наследник. У его папаши были деньги. А ваша матушка, я слышал, совершила мезальянс. Ничего не попишешь.

Мистер Плум думал о том, что хорошо бы выпить вторую кружку, но, судя по всему, Рикки платить не станет.

— Я вас спас! — сказал тот.

— Я бы и сам управился.

— Надеюсь, у вас будет случай это доказать. Мистер Плум обиделся.

— Вы меня обижаете!

— Естественно, — ответил Рикки. — Если с кого-нибудь нужно сбить спесь, то с вас, мистер Плум. Следующий раз увижу, что вас бьют, — подержу пальто этим разумным людям.

Мистер Плум приподнялся.

— И злющий же вы! — заметил он. — Ясно, почему ей нравится Хорес.

— Откуда вы это взяли?

— Оттуда. Смотрела, как не знаю на кого. Рикки засмеялся.

— Могу сообщить, — сказал он, — что Полли с ним больше не видится.

— Не можете, — парировал мистер Плум. — Видится, как миленькая.

Неизвестно, имел ли Рикки право обвинить его во лжи, прибавив при этом, что о такую жалкую тварь приличный человек мараться не будет. Во всяком случае, мистер Плум, полагавший, что права он не имел, побыстрее встал с места.

— Ну, знаете! — сказал он. — Пойду-ка я отсюда. Это уж — дальше некуда. Выпью еще где-нибудь.

И пошел к «Веселым лодочникам», оставив Рикки над кружкой. Злость сменилась смехом. Нет, так беспардонно врать! Чему-чему, а одному он верил: Полли честна и чиста. Как она ухитрилась при таком отце — уму непостижимо.

Мысль о Полли совсем разогнала мрак, и Рикки Гилпин, встав из-за стола, направился к заднему выходу. Когда в кабаке посидит мистер Плум, становится душновато.

Сад прославленного «Герба» спускается к реке, летним вечером здесь очень неплохо. Рикки охотно побыл бы еще, но он спешил в город, чтобы уложить вещи. Он вернулся к дверям и услышал, что в кабачке кто-то говорит:

— Алло! Алло!

Он удивился. Только один человек на свете так пищал, произнося это слово.

— Алло! Это Полли?

Сердце у Рикки взлетело, перебирая ногами, как русский танцор. Иногда он думал, что чувствуют люди на электрическом стуле. Теперь он знал.

— Полли? Полли, это Хорес. Да, да. Ничего. Надо увидеться. Да, *очень* важно! Бросай все и приходи. Жду на дороге, у ворот. Никто не должен нас видеть. А? Что? Да. Хорошо. Я на машине, буду раньше тебя.

Рыжий снаряд ворвался в «Герб Эмсвортов». В углу стоял телефон, рядом никого не было. С другой стороны кабачка доносился рокот мотора.

Рикки кинулся туда. Машина отъехала, за рулем сидел длинный, хлипкий, очень знакомый человек.

Рикки заорал ему вслед, но безуспешно. Тогда он побежал за машиной, ловко прыгнул и зацепился за корму. Не зная, что у него в машине заяц, Хорес прибавил скорость.

Лорд Икенхем, освеженный купанием, искал по замку свою названную дочь. Вместо нее он нашел племянника, глядевшего в пустоту, не в силах справиться с тяготами жизни.

— Полли не видел? — спросил пятый граф.

— Видел… — начал Мартышка и осекся, выпучив глаза. — Ой, что это! Деньги?
— Да.
— Сколько?
— Двести пятьдесят фунтов.
— Вот это да! Откуда?
— Не поверишь, от Пудинга.
— Что!
— Да. Пригласил его Бошем, следить за нами. Наследника я недооценил. Шустрый юноша. Почему он выбрал эту ищейку, когда их сотни, — не знаю. Наверное, слышал от Хореса. В общем. Пудинг здесь и времени не теряет. За первые же полчаса он выиграл у Бошема именно эту сумму, а уж я в тяжелой борьбе выиграл у него.
Мартышка мелко дрожал.
— Слава тебе, Господи! — сказал он. — Все уладилось. Так я и думал. И молодец же вы, дядя Фред! Что ж, давайте.
Лорд Икенхем понял, что произошло недоразумение.
— Прости, дорогой, это не тебе, — объяснил он.
— А кому же?
— Полли. Тогда они купят этот суп и смогут пожениться. Да, да, мне тебя жаль, но, как сказал сэр Филип Сидни,[47] им нужнее.
Мартышка справился с собой. Он понял: великое чувство требует этой жертвы.
— Ясно, — сказал он. — Да, так будет лучше.
— А где она?
— Кажется, пошла в Маркет Бландинг.
— Что ей там делать?
— Сам не знаю. Сижу тут, курю, она выходит в шляпке и говорит: иду на станцию.
— Пойди за ней, отнеси добрую весть. Это Мартышке не понравилось.
— Четыре мили туда-сюда, — напомнил он.
— Ты молод и крепок.
— А почему бы тебе не пойти?
— У старости есть привилегии. Лучше я вздремну. Ничего нет приятней, чем вздремнуть у камина, в сельском доме. Что ж, дорогой мой, иди.
Мартышка пошел, хотя и без особого пыла. Лорд Икенхем направился к себе. Огонь был ярким, кресло — мягким, мысль о том, что племянник одолевает четыре мили, почему-то приятно убаюкивала; и вскоре тишину

спальни нарушил легкий посвист.

Однако счастье быстротечно. Немного поспишь, немного подремлешь[48] — и, пожалуйста, трясут за плечо.

Лорд Икенхем выпрямился и увидел, что трясет его Хорес Давенпорт.

Глава 15

По учтивости своей, граф немедленно встал. Нельзя сказать, что он был доволен — чувствовал он ровно то же самое, что чувствует героиня пантомимы, когда на нее, изрыгая пламя, кинется король бесов, — но чувств не выдал.

— Добрый вечер, добрый вечер! — поздоровался он. — Мистер Давенпорт, я не ошибся? Очень рад. Однако, что мы здесь делаем? Я прописал отдых у моря. Наши планы изменились?

Хорес поднял руку. Он так дрожал, словно проглотил небольшую машину.

— Почему «наши»? — воскликнул он. — Почему «мы»? Не могу!

— Простите, простите, — согласился граф. — Профессиональная привычка. Успокаивает, знаете ли. Многим пациентам нравится.

— К чертовой матери!

Явная горечь этих слов насторожила лорда Икенхема.

— Простите?

— Не прощу. Нет, так разыграть! Я все знаю.

— Да?

— Да. Вы не Глоссоп.

Лорд Икенхем поднял брови.

— Я вижу, мы взволнованы.

— Хватит. Вы — дядя моей невесты.

Лорд Икенхем принимал неизбежное. Быть может, он ему не радовался, но принимать — принимал.

— Вы правы, — согласился он. — Я — дядя Валерии.

— А это — Мартышка и Полли Плум. Я не сошел с ума!

— С чем вас и поздравляю. Да, мы не очень хорошо поступили, но выхода не было. Это не прихоть. Мы надеялись, что Полли очарует герцога. Вы же знаете, какой он сноб. Рикки не может представить ему девушку сомнительного происхождения, а уж сомнительней Пудинга и не придумаешь. Вам сказать мы не могли. Вы слишком чисты и открыты для таких козней.

— Я думал, — удивился Хорес, — она с ним поссорилась.

— Ничуть. После бала он немного сердился, но она его успокоила.

— Почему же он хочет меня убить?

— Он не хочет.

— Хочет.
— Вы спутали.
— Нет, не спутал. Он только что приехал на моей машине, прямо на хвосте, и обещал разорвать меня в клочья.
— На хвосте?
— Да. Я выхожу, а он слезает с багажника и кидается на меня.
— Видимо, я чего-то не знаю, — огорчился граф. — Расскажите пообстоятельней. Это очень интересно.
Хорес впервые улыбнулся.
— Да уж, интересней некуда! Одно слово, влипли. «Проклятье пало на меня», как говорила дева из Шалотта.[49] То есть на вас.
Лорд Икенхем не все понял.
— Дорогой мой, ваша речь темна. «Да» — «да», «нет» — «нет»,[50] вот как надо рассказывать. А то сивилла какая-то!
— Хорошо, скажу прямо. Завтра приедет Валерия. Этого лорд Икенхем не ждал и, хотя умел встречать удары судьбы, на минуту растерялся, даже усы повисли.
— Валерия?
— Я знал, что вы расстроитесь.
— Что вы! Всегда рад любимой племяннице. Значит, вы с ней виделись?
Хорес смягчился. Конечно, простить он не простил, но выдержкой восхитился. Железный человек!
— Я ее встретил в ресторане. Пошел напиться. Помните, вы советовали?
— Как же, как же.
— Вы рекомендовали напиток «Царица мая».
— Верно. Незаменимо, когда пьешь с горя. И как, понравилось?
— Трудно сказать. Штука специфическая. Взлетишь к небесам, паришь, синие птицы щебечут, как бешеные, и вдруг — хлоп! — сплошная гадость. Все темнеет, трудно дышать, исчезает надежда…
— Поразительно! Я не заходил так далеко. Мое правило — одна пинта.
— Когда началась вторая фаза, появилась Валерия с какой-то дамой, напоминающей мопса. Они присели к столу. Я оказался там же. Начал рассказывать о себе…
— Вероятно, даму это развлекло.
— В высшей степени. Хорошая тетка, между прочим, она все и

уладила. Валерия была холодновата, просила убрать локоть с ее колен, но эта прекрасная тетка быстро с ней справилась. Она рассказала нам свою печальную повесть.

— А вы — свою?

— Естественно. Ваша «Царица» снимает все запреты. Что ж, откровенность за откровенность, решила тетка. Оказывается, давным-давно она любила одного типа. Они поссорились. Он уехал в Малайзию или что-то в этом роде и женился на вдове плантатора. Через много лет ей — тетке, не вдове — принесли букетик белых фиалок и записку: «Мы могли быть счастливы».

— Трогательно.

— Еще как! Я плакал и рыдал. Тут она сказала Валерии, что милости мы просим,[51] и молитва нас учит милости. Эффект был поразительный. Валерия зарыдала. Мы кинулись друг к другу.

— Так, так. А потом?

— Я плакал, Валерия плакала, заплакала и тетка. Лакей попросил нас выйти. Мы поехали ко мне и съели яичницу с беконом. Когда я ее раскладывал, я вспомнил, что не имею права жениться, потому что я душевнобольной, и сказал Валерии. Тут все и выяснилось.

— Ага, ага…

— Тетка хорошо знала Глоссопа, он лечил ее двоюродного брата, и я понял из ее рассказов, что это — не вы. Значит, вы — это вы.

— Безупречно!

— Когда я гадал, в чем тут дело, Валерия фыркнула и сказала, что вы затеяли какую-то очередную пакость и хотите меня убрать. Очень умная девушка.

— Да, слишком.

— Сегодня утром она поехала в Икенхем, посмотреть, там ли вы. Потом она приедет сюда и разоблачит вас. А я решил приехать раньше. Понимаете, мы помирились, но она немножко беспокоится из-за Полли.

— Подозревает?

— Да. Она не верит, что я повел ее на бал из жалости. Понимаете, ей кажется, что Полли — красавица. Собственно говоря, так оно и есть.

— Значит, вы не очень хотите, чтобы она приехала и проверила?

— Совсем не хочу. В общем, я решил сказать Полли, чтобы скорей уезжала.

— Очень умно.

— Я позвонил ей из «Герба», договорился встретиться у ворот. Потом приехал — а тут Рикки.

— Вероятно, вы испугались.

— Да, очень. Я бежал, как кролик, но через три четверти мили остановился и подумал: раз уж упустил Полли, надо повидаться с вами. Где ваша комната, я знал, и стал вас ждать.

— Вы хотите, чтобы я нашел Полли и посоветовал ей уехать?

— Вот именно.

— Хорошо, исполним. Собственно говоря, бедняжка Валерия никого из нас не застанет. Недавно я говорил Мартышке, что Твистлтоны не уходят, но это — особый случай. Если моя племянница скажет моей жене, что я гощу тут под видом психиатра, будет светопреставление. А вот если я уеду, она ничего не докажет. Словом, мой дорогой, я собираю сообщников, вы везете нас в Лондон. В отличие от арабов, мы не станем складывать свои шатры.

— Как быть с машиной? При ней — Рикки.

— Ничего, я все улажу. Сейчас пойду, объясню. А вы посидите пока здесь. Хотите залезть в шкаф — пожалуйста. Не стесняйтесь, мой дорогой, будьте как дома!

Вечер дышал благоуханной прохладой, ветерок шелестел в деревьях, когда лорд Икенхем шел по дороге. Несмотря на опасность, он был спокоен. Конечно, ему не хотелось уезжать из замка, где столько занимательных людей, — но что поделаешь! В конце концов, все улажено. У Полли есть деньги, у Мартышки — будут. Императрица — спасена. Осталось потолковать со взрывчатым поэтом, и все, эпизод закончен.

Пройдя полпути, он услышал звук шагов. Кто-то бежал к нему сквозь сумрак.

— Полли? — окликнул он.

— Да.

Голос был не такой музыкальный, как обычно, да и вид невеселый.

— В чем дело? — спросил граф.

— Так, ничего.

— Не крути, моя дорогая. Даже в сумерках видно, что ты похожа на поникший цветок. Не лучше Мартышки. Ну, ну, что случилось?

— Дядя, дядя!

— Ой, Господи! Что ты, что ты!

Полли не сразу отняла лицо от его плеча.

— Простите. Такая глупость…

— Глупость? Нет. Всем нам бывает нужно выплакаться. Порекомендую Мартышке. Кажется, я понял, в чем дело. Ты встретила Рикки, а не Хореса. Боец победил в нем поэта.

— Просто ужас! Я его понимаю.

— Как не понять! Бедный крошка…

— Нет, я понимаю. Я обещала не видеться с Хоресом.

— Такая терпимость греховна, мой друг. Какое право у твоего бабуина решать, кого тебе видеть, кого не видеть?

— Он страшно кричал.

— После бала он тоже кричал, ты его умаслила.

— А сейчас — нет.

— Хоть пыталась?

— Нет, я тоже кричала.

— Это хорошо.

— Это очень плохо. Теперь он меня ненавидит.

— А ты?

— Я его люблю!

— Хотя он кричит?

— Конечно.

— Удивительные вы созданья! Ничего, я все улажу. Как раз собирался с ним потолковать.

— Какой смысл?

— Именно это говорили Колумбу. Не волнуйся, дорогая. Я знаю, на что способен, и порой удивляюсь. Неужели, думаю я, ему подвластно все? Зачем тебе нужен этот субъект, не совсем понятно, но если нужен — будет.

С этими словами лорд Икенхем направился дальше и, подойдя к воротам, увидел машину. Неподалеку, словно тигр перед обедом, ходил взад-вперед молодой человек.

— Если не ошибаюсь, — обратился к нему граф, — мистер Гилпин?

Глава 16

В этот апрельский день с Рикки столько случилось, что мы не удивимся его печали. Когда мир кишит Пудингами, герцогами, Давенпортами и неверными Полли, только очень философский человек сохранит приветливость. Рикки ее не сохранил. Ему не понравился изящный незнакомец.

— Кто вы такой? — угрюмо спросил он

— Лорд Икенхем.

— О?

— Вижу, вы меня знаете. Полли говорила?

— Да.

— Ну, а я поговорю о Полли.

Могучее тело Алариха-младшего горестно содрогнулось.

— Нет, — отвечал он, — не надо. Между нами все кончено.

— Не скажите!

— Скажу.

Лорд Икенхем вздохнул.

— Ах, молодость, молодость! Она играет счастьем, как безумное дитя… — он поразмыслил немного в поисках образа, — мыльными пузырями. Прискорбно, весьма прискорбно. Рассказать вам одну историю?

— Нет.

— Давным-давно я любил одну девушку…

— Вы, часом, не видели Хореса Давенпорта?

— … нежно и пылко.

— Увидите, передайте, что я буду ждать хоть месяц.

— Мы поссорились из-за пустяка. Слово за слово, и она стала женой плантатора.

— Рано или поздно он явится, а я его растерзаю.

— Через много лет пришел букетик фиалок и записка в несколько слов: «Мы могли быть счастливы». Трагедия, а? Я страдал, мистер Гилпин, и я вам вправе сказать: не бросайтесь счастьем из гордости!

Раздался звон. По-видимому, Рикки пнул ногой машину.

— Вот что, — сказал он, — не теряйте попусту время. Полли вас послала…

— Меня? Ну, что вы! Разве вы не знаете, как она горда? Граф помолчал. Рикки впервые вышел в круг света, и он его разглядывал.

— А вот, скажите, — спросил он, — ваш отец — не Билл Гилпин из ирландского полка?

— Его звали Уильям, он служил в армии. А что?

— Так я и думал. Вы очень похожи на него, мой дорогой. Теперь я не удивляюсь, что вы себя глупо ведете. Хотел бы я получить пять фунтов за каждую попытку его образумить! И в барах, и в ресторанах… ах, что там! Такого обидчивого осла…

— Если разрешите, об отце мы потолкуем в другой раз. По-вашему, можно крутить с этим Давенпортом, когда ты обещала…

— Мой дорогой! Как же вы не поняли? Вот послушайте, а если и потом вы не сгорите со стыда, вам неведомы чувства. Начнем с того, что на бал она пошла из-за вас. Приятно, чтобы тебя видели с очкастым зулусом? То-то и оно. Полли пошла на бал, чтобы защитить ваши интересы. Она хотела, невзирая на муки, попросить у Хореса денег.

— Что!

— Неделями готовила она почву, обучая его танцам, и в эту ночь собиралась нанести удар. Она надеялась прийти к вам и сказать, что все в порядке, можно пожениться, а там — и кормить супом тех, кто выжил после ночных возлияний. Но ваши неразумные поступки разрушили ее план. Нельзя занять деньги у человека, которого тащат в участок; как-то чувствуешь, что он их не даст. Полли решила ждать другого случая. Узнав, что Хорес едет сюда, она приехала, встретилась с ним, получила деньги…

— Что?!

— Деньги. И собиралась отдать их вам.

— Откуда она знала, что я здесь?

— Чутье, — ответил граф, растерявшись на малую долю секунды.

— Но…

— Да и важно ли это? — продолжал лорд Икенхем. — Она *знала.* И бежала к вам, как дитя, которое спешит показать свое сокровище. А вы? Вы вели себя как трус и подлец. Не удивляюсь, что она благодарит небеса за избавление.

— Благодарит?

— Конечно. Она мне только что сказала, и я ее не виню. Нет любви, если нет доверия.

Если бы Хорес Давенпорт увидел сейчас Рикки Гилпина, он бы не поверил, что грозный взгляд может стать таким овечьим, железная челюсть — похожей на недомерзшее бланманже. Будущий Король супа выглядел так, словно его ударили по затылку мешочком мокрого песка.

— Да, я не прав, — сказал он, и голос его напоминал писк

полупроснувшейся птицы.

— Вот именно.

— Я все запутал.

— Не без того.

— Где Полли? Нам надо повидаться.

— Не советую. Она не в духе. Когда вы собирались уехать?

— Вечерним поездом.

— Правильно. Полли скоро вернется. Тогда купите ей шоколада и пошлите, вложив записку.

— Хорошо, пошлю.

— А уж после этого ищите встречи. Просите, умоляйте.

— Да, да.

— При должном сокрушении все уладится. Она вас любила, значит — может снова полюбить. Я с ней поговорю, похлопочу…

— Спасибо вам большое!

— Не за что. Рад услужить сыну старого друга. До свидания, мой дорогой. Помните — шоколад. Шоколад и сокрушение.

Вероятно, мы обрадуемся, что Мартышка не видел, как дядя его докладывает об этой беседе. Если бы он видел, он бы огорчился.

— Почему вы его ко мне не пустили? — горевала Полли.

— Моя дорогая, все пошло бы насмарку. Ты бы бросилась в его объятия. А сейчас — ест из рук. Прими шоколад как можно холоднее. Пусть твой Рикки побегает, похудеет, сменит власяницу-другую — вот тогда ты его простишь. Мужчинам такого типа нельзя давать поблажки.

Полли нахмурилась.

— Так что ж нам, бороться за власть?

— Конечно. Брак — битва, а не ложе из цветов.[52] Кто же это сказал? Неужели я? Нет, какой афоризм! Обычно они приходят в голову, когда купаешься.

— Я его люблю.

— Очень хорошо. Но в браке надо прежде всего показать, кто главный. Моя дорогая жена показала очень скоро, а посмотри, как мы счастливы!

— Чепуха. Не надо. Пойду поищу его.

— Будешь жалеть.

— Пожалуйста.

— Ты подумай, как я старался!

— Спасибо вам, дядя Фред, вы меня просто спасли. Но я не хочу

бороться с Рикки. Ну и пусть будет главный. Мне это нравится.

Граф глубоко вздохнул.

— Что ж, дело твое. Спорить бесполезно. Швыряешься дарами судьбы — Бог тебе в помощь. А Рикки ты не найдешь, он уехал. Потерпи до завтра.

— Это очень долго! Может, послать телеграмму?

— Нет, — сказал лорд Икенхем, — всему есть пределы. Где твое достоинство? Ну, хоть притворись. Почему бы Хоресу не отвезти тебя вечером в Лондон?

— Вы думаете, он согласится? Он же ехал сюда, устал.

— И с удовольствием поедет обратно, тем более — с тобой. А мы с Мартышкой отправимся этим хваленым 8. 25.

— Разве вы тоже уезжаете?

— Да. Спроси Хореса, он расскажет. Если сразу не увидишь, не уходи, загляни в шкаф. Я пока что пойду, сообщу новости Мартышке. Он обрадуется. Ему не понравилось в Бландингском замке. Кстати, ты его не встречала?

— Встречала. После Рикки.

— Это хорошо. А то я беспокоился насчет денег.

— Да, он предлагал, я не взяла.

— Не взяла?

— Нет. На что они мне?

— Дорогая моя, на суп! На свадьбу, если хочешь.

— Да, он что-то такое говорил, но я поссорилась с Рикки и собиралась утопиться. Какие свадьбы! А теперь… Передайте ему, пожалуйста, что я их возьму.

Лорд Икенхем застонал, хотя и негромко.

— Легко сказать! Конечно, щипцами, под наркозом, деньги я вырву. Ради тебя — готов на все. Принесу к вам домой, завтра, часа в два. А теперь — беги, ищи Хореса. Он будет рад поскорей уехать.

— Бегу. Дядя Фред, вы — ангел.

— Спасибо, моя дорогая.

— Если бы не вы…

Пятый граф снова ощутил, что его обнимают, и ответил на это много теплее, чем хотелось бы строгому Мартышке. Но еще минута — и нежный голос Полли уже звучал в темноте, распевая на ходу.

А через десять минут, по пути в Маркет Бландинг, лорд Икенхем услышал другой голос. Мартышка редко пел, тем более — как жаворонок, и граф содрогнулся, подумав о том, что сейчас нанесет удар любимому

племяннику.

— Мартышка?

— А, дядя Фред! Какой вечер!

— Приятный.

— Воздух! Звезды! Цветы!

— Да, да. Кстати, насчет этих денег…

— Для мисс Плум? Я как раз хотел сказать. Она не взяла.

— Э… ы…

— Она поссорилась с Рикки, ей не нужно.

— Да, но с тех пор…

— Так что пошел на почту и послал, двести — Джорджу Бадду, пятьдесят — Пуфику. Заказным. Ты представить не можешь, — прибавил Мартышка, — насколько мне легче!

Пятый граф заговорил не сразу. Какое-то время он теребил усы и задумчиво смотрел на племянника, немного досадуя, что Провидение так усложняет жизнь.

— Жаль, — произнес он наконец.

— Тебе жалко?

— Да.

— Почему? Казалось бы…

Мартышка замолчал, испуганный внезапной мыслью.

— Ой! — воскликнул он. — Неужели передумала?

— Да.

— Помирилась с Рикки?

— Да.

— Хочет деньги?

— Естественно.

— Ой, ой, ой!

— Вот, — сказал лорд Икенхем, — жаль и тебе. Я сообщил Рикки, что деньги — в кармане, и он уже видит стада алчущих и жаждущих супа. Полли я обещал принести деньги завтра, в два, она тоже радуется. Трудно будет открыть им

правду.

— Может, я позвоню Биллу и Пуфику, пусть вернут?

— Не вернут.

— И я так думаю. Что же делать?

Граф внезапно просиял. Его неутомимый мозг не заставлял ждать долго.

— Знаю! — вскричал он. — Пудинг!

— А?

— Плум-Пудинг. Вся надежда на него. Видимо, ему не понравится, что деньги достались не дочери, а чужому человеку. Да, я его уговорю, при моем-то красноречии! Сыграем снова.

— С Бошемом?

— Что ты! Те, кто играет с Пудингом в Персидского шаха, больше на это не идут. Нет, не Бошем — Эмсворт.

— Старый гриб? Ну, знаешь! Лорд Икенхем кивнул.

— Да, да. Он нас поит, кормит, а мы… Я и сам не рад, но что делать? В такие минуты не до чувств. Говорил я тебе, что завтра приедет Валерия?

— Что?

— Хорес сказал, ему верить можно. Значит, уехать надо с утра, в 8.25, а сейчас — добывать деньги. Вопрос не в том, хорошо ли фабить старого, доброго человека. О, нет, не в том! Я спросил бы: богат он или беден? Он — богат. Я иду. Позже загляну к тебе, отчитаюсь.

Глава 17

На втором этаже, у себя мрачный Мартышка долго ждал дядю. Наконец, дверь отворилась.

— Ну, как? — воскликнул он.

Однако первый же взгляд показал, что дела плохи.

— Ничего хорошего, мой друг, — печально сказал граф. Мартышка тяжело опустился в кресло, и мы поймем, как он страдал, если заметим, что он не одернул брюки.

— Пудинг не стал играть?

— Что ты, стал! Да, сперва он заартачился, но я его убедил. Он вынул колоду и нежно ее погладил, словно клинок перед боем. Тут вошел Эмсворт.

Мартышка скорбно кивнул.

— Понятно. И отказался.

— Что ты, что ты! Ничуть. История сложная, мой друг. Лучше не мешай мне, а то мы не управимся к обеду.

— С чем?

— С тем, что я задумал. Но сперва я кончу рассказ. Итак, вошел Эмсворт, очень взволнованный. Глаза торчат, пенсне висит… В общем, украли свинью. Пошел к ней после чаю, а ее нет.

— Смотри-ка!

— Я бы нашел для трагедии более уместное слово. Юность — бесчувственна. Свинью украли. Эмсворт заподозрил герцога. Я сказал, что герцог сидит у себя с самого ленча. В сад он выйти не мог, на газоне рыщет Бакстер, а он, если помнишь, к столу не вышел. У него что-то с желудком. Так вот, он говорит, что и герцог не выходил. Перед нами — одна из тайн истории, вроде Железной маски. Тщетно гадаем мы…

Мартышка покачал головой.

— Не гадаем, — вставил он. — Чихать я на это хотел. Свинья! Ну и черт с ней. Как Пудинг, как этот шах?

— Прости меня, — сказал граф, — мы, старики, многоречивы. Надо было помнить, что тебе безразлична свинья Императрица. Я предложил Эмсворту отвлечься. Пудинг прибавил, что по случайности у него есть колода карт, и они сели к столу.

Лорд Икенхем почтительно помолчал.

— Ах, какая игра! — сказал он. — Какое мастерство! Пудинг играл

ради дочери, это его вдохновило. Обычно противнику дают поначалу выиграть, но он отринул условности. Когда они кончили, Эмсворт встал, поблагодарил и выразил радость, что играли не на деньги. С этими словами он и ушел.

— Ой, Господи!

— Да, неприятно. Пудинг говорит, его когда-то укусила овца, сейчас было еще хуже. Минут пять он повторял: «Это надо же!». Однако потом лицо его осветилось изнутри, оно ожило, словно политый цветок. И, оглянувшись, я увидел, что вошел герцог.

— А!

Граф покачал головой.

— При чем тут «а»? Я не скрывал с самого начала, что счастливого конца не будет.

— Герцог не стал играть?

— Что ты заладил? «Не стал», «не стал»… Пудингу не отказывают. Герцог очень обрадовался. Он сказал, что в молодости неплохо играл в эту игру. Они сели за карты…

Граф помолчал. Страсть к обстоятельному рассказу боролась в нем с жалостью. Победила жалость.

— Данстабл не хвастался, — закончил он. — Конечно, Пудинг устал, он был расстроен. Как бы то ни было, за десять минут он потерял триста фунтов.

— Триста фунтов?

— Да.

— Наличными?

— В высшей степени.

— Значит, они у него были! Почему он не дал их дочери?

— А, понимаю! Пудинг — странный человек. Дочь, не дочь, а с выигрышем он не расстанется. Собственно говоря, я могу встать на его точку зрения.

— А я не могу.

— Что поделаешь! Ну, не становись.

— Нет, ты скажи, что *нам* делать?

— Нам? Залезть к нему, забрать деньги.

Привычное чувство дурного сна вернулось к Мартышке. Он слышал ясно, а поверить — не мог.

— Забрать?

— Да.

— Это кража.

— Не без того. Считай, что мы их заняли. Отдадим частями, с букетиком белых фиалок.

— Нет, послушай…

— Знаю, знаю. Тебе, с твоим юридическим умом, ясно, что это — проступок, если не преступление. Что поделаешь! Деньги нужны Полли. Помню, Пудинг сказал, что она для меня — как дочь; и не ошибся. Я чувствую к ней точно то же самое, что чувствует Эмсворт к свинье. До законов ли тут? Да, я кроток, я щепетилен — но ради нее с удовольствием стану злодеем. Словом, деньги мы берем.

— Почему «мы»?

Лорд Икенхем удивился.

— То есть как — почему? Поразительно! Я думал, это честь.

— Нет, — сказал Мартышка. — С меня хватит. Собачьи бега — ладно. Приехать без приглашения — допустим. Красть я не буду.

— Дорогой мой, подумай! Если бы не ты, у Полли были бы деньги.

— А, черт!

Мартышка густо покраснел.

— Значит, пойдешь?

— Д-да.

— Прекрасно. Я в тебя верил. Не надо так шутить со старым человеком, я чуть не испугался. Мне одному не справиться. Ты в голосе? Ах да, ты только что пел как соловей. Это хорошо.

— Почему?

— Потому что тебе придется ходить по газону и петь «На дивном, дивном, дивном берегу Лох-Ло-мон-да».

— Как это?

— Так. Очень просто. Данстабл почему-то сидит у себя. Его надо выманить. Даже такой неопытный вор, как я, видит, что красть лучше, когда нет хозяина. На благородную песнь о Лох-Ломонде он мгновенно отзывается. Ты будешь вроде сирены или Лорелеи. Приманив его, ты убежишь во тьму, а я — залезу в комнату. Все ясно?

— Тебя увидят.

— Ты вспомнил о Бакстере? Правильно, не забывай ни о чем. Но и я о нем не забыл. Я дам ему снотворное.

— Где ты его возьмешь?

— У Пудинга. Раньше он с ними не расставался. В этом своем клубе он не смог бы установить без них такой порядок.

— Как же ты его дашь?

— Уж придумаю. Наверное, он у себя?

— Возможно.

— Тогда я к нему зайду, спрошу о здоровье. Тут доверься мне. Ты вступишь в игру после обеда. Час х — в 21. 30.

Увидев Бакстера, граф сразу понял, что тот очень изменился. Как у Наполеона, у секретаря слабым местом был желудок. К вечеру стало полегче, но сейчас мысли о свинье снова все разбередили. Когда вошел лорд Икенхем, восемнадцать диких кошек уже как следует вгрызлись в его утробу. Поэтому он и не улыбнулся гостю. Как улыбнешься, если надо тащить Императрицу из ванной?

— Да? — спросил он сквозь зубы, переставая массировать жилет.

Лорд Икенхем ничуть не обиделся. У него хватало приветливости на двоих.

— Как здоровье? — спросил он. — Вы, наверное, думали, что ж это я, не захожу, но столько дел, столько дел! То одно, то другое… Так как же здоровье? Живот схватило? Нехорошо, нехорошо. Все сокрушались о вас, я — первый.

— Обойдусь.

— Нет, что вы! Без жалости никто не обойдется, даже самый смиренный. Но я ею не ограничусь. Вот лекарство. — Он вынул таблетку. — Положите в воду, и как рукой!

Бакстер замялся, он не верил в жалость. Но вдруг он повеселел. Нет, он не думал, что герцог добр, — мало того, он думал, что герцог не узнает доброты, если ее подать на блюдечке, — но предполагал, что теперь, после такой услуги, тот не выгонит его из-за какого-то бала. Значит, шантажировать нечем.

— Спасибо, — сказал он. — Все понятно. Хотите меня обмануть…

Лорд Икенхем огорчился.

— Как вы подозрительны, Бакстер! Доверяйте людям.

— Вам что-то нужно.

— Только ваше здоровье.

— Хотите проверить, велика ли ваша власть?

— Какой слог!

— Нет, не велика. Все изменилось. Я оказал герцогу большую услугу, и он меня не уволит. Так что я вас выдам. Ык!

Лорд Икенхем посмотрел на него с сочувствием.

— Дорогой мой, вы страдаете. Примите таблетку, а?

— Вон!

— Как рукой…

— Во-о-он! Граф вздохнул.

— Что ж, я уйду, если хотите, — сказал он; и столкнулся в дверях с лордом Бошемом.

— Привет! — сказал Бошем. — Привет-привет-привет! Пип-пип.

Говорил он с чувством. Ему не понравилось, что злодей

— у Бакстера. Детективы он знал не хуже брата, а потому — помнил, что бывает, когда злодей зайдет к кому-нибудь. Вроде бы, просто заглянул, а на самом деле — принес кобру. Сам попрощается, а старая добрая змея сидит за гардиной.

— Привет! — закончил он. — Ничего не нужно?

— Да вот, ждем обеда, — отвечал граф.

— А? Сейчас позвонят. Граф вышел.

— Что ему понадобилось? — продолжал Бошем. Бакстер вместо ответа бил себя в грудь, как гость на свадьбе.[53]

— Не знаю, — сказал он, когда приступ утих. — Я его выгнал. Принес какую-то гадость. Положил в стакан. А на самом деле, я думаю, хотел умаслить.

— Зачем? — удивился Бошем. — Вы же не можете его выдать.

— Могу.

— Как это?

— Ык!

— Вам плохо?

— О-о-ы!

— Я бы на вашем месте это принял. Одно дело — что он злодей, другое дело — таблетка. Пейте, чего там! Пип-пип. Ну, чик-чирик.

Скрючившись от боли, Бакстер поднял стакан и выпил, хотя чирикать не стал. А уж потом, при всем желании, он и не смог бы.

Внизу, в холле, дворецкий стоял у гонга, держа палку наготове. Леди Констанс заметила его, но любоваться им не могла, ибо к ней на всех парах несся ее племянник. Добежав, он схватил ее за руку и потащил в нишу.

— Джордж! — воскликнула она, хотя давно не удивлялась странностям своих племянников и племянниц.

— Да, да. Что случилось!!!

— Ты напился?

— Конечно, нет. Я испугался. Слушай, ты помнишь этих мошенников? Так вот, главный мошенник усыпил Бакстера.

— Что?

— Усыпил! Дал таблетку. Значит, они приступают к действиям. Ах ты, обед! Идем. Ничего, сразу после обеда — беру ружье. Что же это

такое? Распоряжаются, как у себя дома! Хорошенькое дело! Ну, я им покажу!

Глава 18

В двадцать минут десятого, пообедав в своей спальне, герцог ждал кофе и ликера. Он был сыт, он умел поесть, но душевный мир, столь связанный с сытостью, все не приходил. С каждой минутой он волновался сильнее. Нерадивость Руперта Бакстера вызывала в нем то же чувство, какое вызвала в жрецах Ваала[54] нерадивость их божества. Деятельный секретарь, сжимавший в это время виски, чтобы голова совсем не раскололась, очень огорчился бы, если бы узнал, что думает о нем хозяин.

Когда дверь открылась и вошел Бидж с подносом, герцог немного оживился, но лишь на мгновение — дворецкий был не один. Чего-чего, а посетителей страдалец не ждал.

— Добрый вечер, — сказал лорд Икенхем. — Не уделите ли минутку?

Нет, мы не подумаем, что граф пал жертвой угрызений. Просто он не очень доверял Мартышке. Велишь молодому человеку петь про Лох-Ломонд, а он забудет слова или мелодию. Вот почему еще за обедом великодушный пэр решил прямо воззвать к лучшим чувствам, а не выйдет — опять прибегнуть к таблетке. Бокал бренди, стоявший на подносе, как раз подошел бы.

— Я насчет денег, — продолжал граф, — которые вы сегодня выиграли.

Герцог осторожно заурчал.

— Плум очень расстроен.

Герцог поурчал еще, но в другой тональности — сердито, и графу показалось, что из ванной послышалось эхо. Видимо, шутки акустики.

— Да, расстроен. Понимаете, это не его деньги. Герцог повеселел.

— А? Что такое? Украл?

— Нет, что вы! Он исключительно честен. Отложил для дочери, на свадьбу. А теперь их нет!..

— Чего ж вы от меня хотите?

— Чтоб вы их вернули.

— Вернул?

— Конечно. Какой благородный, великодушный, трогательный поступок!

— Нет. Идиотский, — поправил его герцог. — Вернул, вы подумайте! В жизни не слышал такой чепухи.

— Вспомните, он расстроен.

— Ну и пусть.

Граф догадался, что взывать к лучшим чувствам нельзя, если их нет; и задумчиво вынул таблетку из жилетного кармана.

— Очень жаль, что его дочь не сможет выйти замуж.

— Почему?

— Она любит молодого поэта. Герцог не забывал обид.

— Пусть скажет спасибо, — посоветовал он. — Поэта! Это надо же! Отбросы общества!

— Значит, деньги не отдадите?

— Нет.

— А то подумайте. Они здесь, у вас?

— Не ваше дело.

— Ну вот, встали бы, подошли к столу… или к шкафу…

Он помолчал, выжидательно глядя на герцога. Тот не шелохнулся.

— Подумайте, а?

— Еще чего!

— О милости взываем, — напомнил граф, положившись на метод мопсообразной дамы, — и молитва нас учит милости.

— Э?

— Учит милости. Как тихий дождь с небесной высоты…

— Что вы порете?

— … она благословляет и того, кто к милости стремится, но стократ — того, кто милует.

— Черт знает что! Спятил. В общем, я занят. Сейчас придет мой секретарь. Вы его не видели?

— Перед обедом — видел, а сейчас — нет. Развлекается где-нибудь.

— Я ему поразвлекаюсь!

— Молодость, молодость…

— Я ему покажу молодость!

— А, вот и он!

— Э?

— Кто-то стучится.

— Не слышу.

Герцог встал и приблизился к двери. Граф разомкнул руку над бокалом.

— Никого нет, — сказал герцог.

— Значит, послышалось. Что ж, если вы заняты, не буду мешать. Не хотите поступить благородно — дело ваше. Спокойной ночи, мой друг. — И граф удалился.

Ровно через минуту в коридор вышел мистер Плум. Из всех, кто напряженно мыслил за недавним обедом, именно он занял первое место; а потому — спешил к герцогу. Он надеялся, что уговорит его поиграть в Жулика Джо.

Чем больше думал он о своем поражении, тем больше убеждался, что его обманули. Честный человек, говорил он в сердце своем, его не обыграет. Надо было выбрать не шаха, где можно и передернуть, а другую игру, верную, вроде этого Жулика.

Подходя к покоям герцога, Пудинг был полон надежд, и тут сам герцог налетел на него.

Надо сказать, что, расставшись с лордом Икенхемом, он посидел и подумал, а потом встал. Ему претило такое унижение, но ничего не поделаешь, в Бакстере он нуждался. Поэтому он и вышел, а выйдя, налетел на этого мерзкого типа.

Тут он увидел, что тип, хотя и мерзкий, но другой, а именно — тот, кто собирался обыграть его ради какой-то дочери. Герцог многих не любил, но особенно его раздражали люди, которые хотят выжать из него деньги.

— Тьфу! — сказал он, отпрянув от Плума.

Плум улыбнулся — наспех, с трудом, но все ж угодливо.

— А, ваша светлость! — воскликнул он.

— Идите к черту, — ответил герцог.

Обменявшись любезностями, они разошлись; но вдруг Плума осенило. До сей поры он хотел отыграть свои деньги, теперь понял, что есть способ попроще. Где-то у герцога лежат триста фунтов, принадлежавшие ему, Плуму, а сам герцог Ушел. Зайди и возьми, чего легче!

Плум был толстоват, но двигался быстро. Словно резиновый мячик, долетел он до двери и только там догадался, что мог не спешить. Да, герцог был занят, но не забыл повернуть ключ в замке.

Многие растерялись бы; многие — но не Пудинг. В конце концов, можно войти и с газона, а в такой теплый вечер дверь, наверное, открыта. Пробежавшись до выхода и обогнув угол, пыхтящий и пурпурный сыщик узнал, что он не прав.

Поражение свое он принял. Да, в Лондоне были люди, которым хватило бы проволоки, чтобы соорудить отмычку, но он не принадлежал к их числу. Смирившись, словно Моисей, взиравший на Землю Обетованную, он приник к стеклу. Комната лежала перед ним, но с таким же успехом он могла отстоять на многие мили. Он смотрел и страдал, пока

другая дверь не открылась и не вошел герцог.

Оставалось удалиться, как вдруг где-то рядом, во тьме кто-то запел песню о Лох-Ломонде. Когда, распугав птиц на деревьях, припев закончился, стеклянная дверь распахнулась, и на газон, словно снаряд, вылетел герцог, громко крича: «Эй, вы!». Для Плума то была песня; для герцога — нечто большее.

Да, большее. Он понял сразу, что Бакстер пытается привлечь его внимание. Почему он избрал такой способ — неясно, но размышлять некогда. Быть может, ему пришлось общаться с хозяином тайно и косвенно, кто его знает! Когда-то в детстве герцог читал, что заговорщики подражают уханью совы.

— Эй! — крикнул он. — Где вы там? Где вы, черт вас дери?

Бакстер, однако, не подошел, а куда-то делся. Вскоре знакомые звуки послышались издалека. Герцог кинулся в ту сторону. Пудинг вошел в окно.

Войдя, он услышал шаги. Кто-то гулял по газону. Плум юркнул в ванную.

Лорду Икенхему очень понравилось пение Мартышки. Он ждал робких щебетов, а племянник с истинным блеском уподобился то ли гончей, бегущей по следу, то ли шотландцу, справляющему Новый год. Дядю он выманил, как пробку из бутылки. Даже герцог, и тот не бегал быстрее.

Не успел пятый граф приступить к поискам, как из ванной раздался вопль страждущей души. Дверь распахнулась.

— Пудинг! — воскликнул лорд Икенхем.

— У-ух! — отвечал тот с особым чувством.

Вообще сыщик был человеком сдержанным. Он жил в мире, где чувства не выказывают; но даже стоик закричит, оказавшись в маленькой ванной с огромнейшей свиньей.

Когда он вошел, секунды две он ощущал ее запах. Потом к руке его прижалось что-то холодное и мокрое.

— Пудинг! — повторил граф.

— О-ах! — сказал Пудинг.

Дрожа, как осиновый лист (что нелепо, когда весишь двести фунтов), он думал только о том, что надо бы выпить. На столике стоял бокал, налитый до краев.

— Пу-у-динг! — заорал граф.

Но поздно. Роковая влага уже скользнула в пищевод. Бокал упал на пол. Если бы двадцать овец укусили сыщика, он не рухнул бы с такой

быстротой.

Склонившись над ним, граф поцокал языком. Он знал, что одно лишь время, великий целитель, разбудит его друга. Думая о том, что же делать с телом, он услышал за спиной укоризненное «Пип-пип!».

Послушный наставлениям тети лорд Бошем стоял в дверях, целясь из ружья.

— Привет, привет, привет! — заметил он и вопросительно взглянул на графа.

Тот не ответил. Даже такой железный человек может иногда растеряться, и беседу повел новоприбывший.

— Ну, что ж это! — сказал он. — Теперь — Плум! Нельзя так, честное слово. Сыщика нанять — не фунт изюму. А вы их усыпляете.

Он снова замолчал, борясь со своими чувствами. Сказать все, что хочется, он никак не мог.

— Вот что, — посоветовал он, — лезьте в шкаф. Так, так… Так.

Заперев шкаф на ключ, лорд Бошем позвонил. Вскоре появился дворецкий.

— Бидж!

— Да, милорд!

— Пошлите сюда лакеев, пусть унесут мистера Плума.

— Сию минуту, милорд.

Ни дворецкий, ни Чарльз с Генри никаких чувств не выказали. Замок по праву гордился своими слугами. Пудинг исчез, словно использованный гладиатор. Лорд Бошем задумался.

Казалось бы, радуйся своей решительности, но нет — наследник Эмсвортов страдал, не закончив дела. Хорошо, один мошенник временно обезврежен, но где другой? И тут из ванной послышался странный голос.

Героический пэр не колебался ни минуты. Мало того, он не думал, почему мошенники хрюкают. Кинувшись к ванной, он распахнул двери; и после небольшой паузы вышла Императрица, кротко и удивленно глядя на него.

Вообще, в обычное время она не удивлялась. Девиз ее, как у Горация, был «Nil admirari».[55] Но при всей своей отрешенности она задумалась о том, почему в этой странной комнате совершенно нет еды. Такого с ней еще не бывало. Когда пред ней предстал лорд Бошем, она, немного хмурясь, доедала крем для бритья. Увидев пену на прекрасных устах, виконт не только отскочил, но и дернул курок.

Грохот (такой сильный, словно взорвался арсенал) окончательно убедил Императрицу, что приличным свиньям здесь не место. С

младенческих дней она ходила неспешно, но сейчас Джесси Оуэнс[56] ей бы позавидовал. Ткнувшись с размаху в кровать, стол и кресло, она вылетела на газон в ту самую секунду, когда вбежал лорд Эмсворт, а за ним — его сестра.

Увидев исчезающий хвостик, граф мгновенно забыл о такой ерунде, как канонады. Горестно крича, он кинулся в сад. Из темноты донеслись нежные призывы.

Леди Констанс прижала к груди тонкую руку. Она давно поняла, что Бландингский замок — не для слабых, но даже ее закаленный дух немного пошатнулся.

— Джордж! — едва проговорила она. Лорд Бошем вполне оправился.

— Все в порядке, — сказал он. — Небольшое происшествие. Прости, если напугал.

— Что… что случилось?

— Так я и думал, что ты спросишь. Ну, я вхожу, а мошенник усыпил этого сыщика. Загоняю его в шкаф — не сыщика, мошенника, а в ванной кто-то хрюкает. Думаю, другой мошенник — ан нет, отцовская свинья! Понятно, удивился. Спустил курок.

— Я решила, что убили Алариха.

— Куда там! Кстати, где он? А, вот и Бидж. Он нам скажет. Где герцог, Бидж?

— Не знаю, милорд. Простите, миледи.

— Да?

— Прибыла мисс Твистлтон.

— Что?

Лорд Бошем славился своей памятью.

— Это девица, которая отшила Хореса, — напомнил он.

— Знаю, — нетерпеливо произнесла леди Констанс. — Я не могу понять, почему она приехала.

— Увидим, спросим, — сказал ее племянник. — Куда вы ее сунули, Бидж?

— Она в гостиной, милорд.

— Значит, пошли в гостиную. Я так думаю, хочет мириться с Хоресом.

— Бидж!

— Да, милорд?

— В шкафу сидит мошенник. Вот вам ружье. Попытается выломать дверь — стреляйте. Вы меня поняли?

— Да, милорд.

— Ну, тетя Конни, берем ноги в руки!

Глава 19

Нетерпеливым и грузным людям трудно преследовать сирен. Через пять минут после того, как Бидж встал у шкафа, в комнату вошел измученный герцог и удивился: мало того, что здесь дворецкий, — еще и ружье! Задумчиво выбрав из усов запутавшихся там насекомых, он обрел дар речи.

— Какого черта? — спросил он. — Что — это — такое? Нет, таких мерзких домов я в жизни не видел! Куда вы целитесь? Опустите пушку!

— Прошу прощения, ваша светлость, — учтиво ответил Бидж. — Лорд Бошем велел мне сторожить злоумышленника, который находится в шкафу.

— Кого?

— Злоумышленника, ваша светлость. По всей вероятности, грабителя. Лорд Бошем сообщил мне, что обнаружил его в комнате и запер в шкаф.

— В шкаф?

Дворецкий указал на шкаф. Герцог вскрикнул.

— Мои костюмы! Выпустите его.

— Лорд Бошем приказал…

— К черту Бошема! Какой-то вонючий вор портит мои костюмы! Кто он?

— Не знаю, ваша светлость.

— Все — в чистку! Выпустите его.

— Сию минуту, ваша светлость.

— Стойте! Я поверну ключ, а вы там стойте с ружьем. Когда я скажу: «Три»… Раз, два, три-и-и. Да это же псих!

— Добрый вечер, мой дорогой, — мягко произнес лорд Икенхем. — Нельзя ли воспользоваться вашим гребнем?

Герцог смотрел на него, как смотрела бы креветка.

— Это вы там были? — спросил он, хотя что тут спрашивать! Лорд Икенхем изящно кивнул.

— Какого черта, в моем шкафу?..

Лорд Икенхем провел гребенкой по седым кудрям.

— Дело было так, — ответил он. — Гуляю по саду, вижу вашу дверь и думаю: «Не поболтать ли нам снова?». Захожу. Появляется Бошем. Не знаю, как вы, а я, мой друг, смущаюсь, когда молодой и глупый человек держит ружье. Залезаю в шкаф.

— Что ему надо, кретину?

— Вот уж не знаю. Не успел спросить.

— Вы же не вор!

— О, как вы правы! Да, странно…

— Ничего, я разберусь. Бидж, позовите Бошема.

— Сию минуту, ваша светлость. Бидж величаво выплыл из комнаты.

— Все спятили, — продолжал герцог. — Сейчас встретил Эмсворта. Черт знает что! Орет, кричит. Конечно, он сумасшедший, но тут жить нельзя. Завтра уеду. Больше они меня не дождутся. Ничего, потерпят. Бошем стрелял?

— Нет.

— А я что-то слышал.

— Да, я тоже.

— Душевнобольной. А, вот и он! Сколько их, однако… Действительно, в комнату вошла небольшая процессия.

Возглавляла ее леди Констанс. За нею следовала высокая красивая девушка, в которой пятый граф легко узнал свою племянницу. Замыкал шествие лорд Бошем. Вид у них был такой: леди Констанс — сам холод, Валерия — еще холоднее, виконт — обалдел. Как и отец, и брат, он не отличался силой ума, а то, что он услышал в гостиной, требовало именно силы. Приехавшая девица назвалась племянницей лорда Икенхема, утверждая при этом, что мошенник — именно он. Словом, виконт обалдел и ждал разъяснений. Герцог, заметив гостью, вскричал:

— Эт-та что такое?

— Это мисс Твистлтон, Аларих, — ответила леди Констанс.

— Сам знаю!

— А, — сказал виконт, — значит, она не врет! Вы ее узнали?

— Еще бы!

— Прошу прощения. Я думал, это — четвертый мошенник.

— Джордж, ты кретин!

— Есть немного, тетя Конни.

— Нет, какой дурак!

— Ну, что поделаешь…

— Вы наглец!

— Виноват, виноват. Просто я подумал, что вы не мисс Твистлтон, но если вы мисс Твистлтон, значит — мисс Твистлтон, простите меня, мисс Твистлтон.

— Джо-о-ордж!

— Молчу, тетя Конни, молчу. Хотел объяснить.

— А ты не скажешь, Бошем, — спросил герцог, — почему ты запираешь людей в шкаф? Он мог испортить мои костюмы.

— Мы пришли, — вмешалась леди Констанс, — чтобы выпустить лорда Икенхема.

— Кого?

— Лорда Икенхема.

— Где он?

— Вот здесь.

— Да, — согласился граф, — я лорд Икенхем. А это — моя любимая племянница.

— Не понимаю, — сказал герцог. — Чего же вы крутили? При чем тут Глоссоп?

— Вот именно, — поддержала его леди Констанс. — И я хотела бы узнать.

— И я, — прибавил лорд Бошем.

— Вы так странно себя вели.

— Да уж, страннее некуда. Обдурил меня в Лондоне…

— Опыт, мой дорогой, научный опыт. Бумажник я отослал. Он вас ждет.

— Да? — обрадовался виконт. — Это хорошо. Я его люблю.

— И впрямь, прекрасный бумажник.

— Нет, правда? Это мне жена подарила.

— Молодец! Как ее здоровье?

— Спасибо, хорошо.

— Кто обрел жену, обрел благо.

— Да? Я ей передам. Ей понравится.

Леди Констанс с трудом сохраняла патрицианскую невозмутимость.

— Мы очень любим Сесили, Джордж, — заметила она, — но сейчас дело не в ней.

— Да, да, конечно. Это так, к слову. Только я скажу, что она — ангел из ангелов. Молчу, молчу, тетя Конни.

— Молчишь? — проверила леди Констанс.

— Да, да.

— Ты уверен?

— Да, да, да.

— Тогда я спрошу лорда Икенхема, почему он приехал в замок под чужим именем.

— Спроси, спроси!

— Джордж!

— Молчу, тетя Конни. Лорд Икенхем был задумчив.

— Это длинная история, — сказал он. — Вы соскучитесь. Племянница холодно и жестко взглянула на него.

— Слушая тебя? Ну, что ты!

— Почему вы всех усыпляете? — поинтересовался лорд Бошем.

— Джордж!

— Что ж, если вы уверены, что не соскучитесь…

— Уверены, — сказала Валерия. — Нам будет очень интересно. Как и тете Джейн, когда я ей перескажу.

Лорд Икенхем печально посмотрел на нее.

— Дорогая моя, надо ли об этом рассказывать?

— Надо.

— Я не уверен. Пусть рассудит леди Констанс, когда я все объясню.

— Так объясни.

— С превеликим удовольствием. Я приехал ради Эмсворта.

— Не понимаю.

— Нет, почему вы усыпили…

— Джордж!

Лорд Икенхем с нежной укоризной поглядел на виконта.

— Эмсворт, — продолжал он, — поведал мне удивительную, трогательную историю.

— Вот как?

— Валерия, моя дорогая, потерпи немного! Он полюбил одну девицу… барышню… особу…

— Господи!

— А, черт!

— Да ему сто лет! — сказал лорд Бошем.

— Ваш отец — не старше меня.

— И меня, — прибавил герцог.

— Самый расцвет жизни.

— Вот именно.

— Разве до шестидесяти живешь?

— Золотые слова!

— Как бы то ни было, — продолжал граф, — Эмсворт начал жить. Весна зачаровала его, и он ощутил, что есть еще перец в старой перечнице. Слово «старой» употребляю для ритма. Он полюбил, и упросил меня привезти девицу в замок.

Леди Констанс окончательно плюнула на невозмутимость. Звук, который она издала, мы назвали бы визгом, если бы он сорвался с других

уст.

— Где же он с ней познакомился? — спросил лорд Бошем.

— Он мечтал предложить ей руку…

— Познакомился где?

— Именно в эти годы, на вершине жизни, приходит то, что именуют индийским летом…

— Нет, где ж это он? Никуда не ездит…

— Я попросил бы не прерывать, — сухо заметил граф.

— Да, — поддержал его герцог, — заткнись.

— Неужели ты не видишь, — прибавила леди Констанс, — как мы волнуемся?

Лорд Бошем обиделся. Он не был слишком чувствителен, но это же истинная травля!

— Что ж, и спросить нельзя?

— Не теперь.

— Ладно. Я лучше уйду. Буду нужен — играю в бильярд. Хотя, кому я нужен?..

Он ушел, и граф с новой силой продолжил свою повесть.

— Словом, Эмсворт полюбил одну особу, которой он годится в дедушки. Он понимал, что семья будет против, и придумал коварный план. Здесь ждали сэра Родерика. Эмсворт попросил, чтобы я выдал себя за него, особу — за свою дочь. Как ни прискорбно, леди Констанс, но брат ваш надеялся, что она вас очарует.

Леди Констанс судорожно вздохнула.

— Да кто она? — вскричал герцог. — Мещанка какая-нибудь?

— Она не знатна. Ее отец когда-то был букмекером.

— Господи!

— А, черт!

— Да. Итак, Эмсворт попросил меня приехать. Уговорить его не удалось. Он утратил разум.

— Какой слог! — сказала Валерия.

— Спасибо, моя дорогая.

— Ты никогда не писал сказок?

— Нет, не доводилось.

— Жаль, попробуй.

Герцог взглянул на нее примерно так же, как на Бошема.

— Ну, что это такое! Давайте, Икенхем, давайте!

— Итак, — продолжал граф, — уговорить не удалось. Я согласился. А почему?

— Да, почему? — спросила Валерия.

— Потому, моя дорогая, что мне пришла в голову хорошая мысль. Когда Эмсворт, подумал я, увидит ее в своем замке, где смотрят со стен портреты гордых графов…

— Рыла, — заметил герцог. — И чего их писали? Ладно. Понял. Вы решили, что он одумается.

— Именно. Так и случилось. Он прозрел. Сегодня она узнала, что надежды нет, и уехала в Лондон.

— Слава Богу! — вскричала леди Констанс.

— У-ух! — сказал герцог.

Лорд Икенхем печально покачал головой.

— Вы забыли о суде.

— Что!

— Эмсворт говорит, что она была недовольна. Что там, она угрожала.

— А, черт!

— Господи! Что же нам делать?

— Остается одно, леди Констанс. Эти люди корыстны.

— Точно, — сказал герцог. — Надо откупиться. Помню, в Оксфорде…

— Сколько ей дать? Лорд Икенхем задумался.

— У особ ее ранга, — наконец, сказал он, — смешены представления о деньгах. Триста фунтов покажутся ей богатством. Может, столкуемся на двухстах пятидесяти.

— Представляете себе, — сказал герцог, — именно триста фунтов просил Аларих! Совпадение.

— Поразительно! — сказал граф.

— Жениться хочет, видите ли.

— Нет, вы подумайте! Что ж, леди Констанс, положим для верности триста. Завтра я поеду в Лондон и все улажу.

— Сейчас выпишу чек.

— Не советую. Они любят наличные.

— Помню, в Оксфорде…

— Аларих!

— Да, да, сейчас дам. У меня как раз есть эта сумма.

— И то правда, — припомнил пятый граф. Герцог отомкнул ящик письменного стола.

— Вот, — сказал он. — Езжайте, Икенхем.

— Если надо больше…

— Не думаю, леди Констанс. Этого хватит. Меня беспокоит другое — о несчастном увлечении никто не должен узнать.

— Верно, — согласился герцог. — Мы-то понимаем, что он слабоумный, а чужим знать не надо.

— Над нами будут смеяться!

— Вот именно, леди Констанс. Валерия, мой друг, ты собиралась рассказать тете, что встретила меня в Бландинге.

— Да, конечно.

— Я бы не советовал. Понимаешь, твоя тетя просила меня побыть дома. Если она узнает, что я не выполнил такую простую просьбу, мне придется ей все рассказать. А у моей жены, — обратился граф к леди Констанс, — есть недостаток, она сплетница. Истинный ангел, но… сами понимаете. Словом, через неделю об этом услышит вся Англия.

Властность воинственных предков вернулась к хозяйке дома.

— Милая моя, — сказала она тем тоном, которого боялся лорд Эмсворт, — вы ничего не расскажете леди Джейн.

Мгновение-другое казалось, как это ни безумно, что Валерия воспротивится. Глаза их встретились. Бедная девушка опустила веки.

— Да, конечно, — отвечала она.

Лорд Икенхем ласково погладил ее по плечу.

— Спасибо, мой друг, — сказал он.

И пошел сообщить Мартышке, что все уладилось, малс того — еще остается на жизнь и на собачьи бега.

Когда он поднимался по лестнице, лицо его нежно сияло. Как приятно, думал он, расточать сладость и свет, особенно — в весеннее время!

Дядя Динамит

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Первый из дневных поездов начал свой ленивый бег по небольшой ветке, которая отходит от Уокли, чтобы доставить пассажиров в Эгмарш Сэнт-Джон, Эшенден Окшот, Бишопз Икенхем и другие сонные селенья, испещряющие южную часть Англии.

Кряжистые дети природы не собирались обогащать сверх меры железнодорожную компанию, а потому большей частью ехали в третьем классе, оставляя первый класс беспечным аристократам, на сей раз — молодому пассажиру с открытым, добрым, но очень загорелым лицом и человеку лет на тридцать старше, высокому, изысканному, бодрому той бодростью, какую дает насыщенность каждой минуты. Глаза у него были яркие, усы — седые, красивые, шляпа — немного набекрень. Сигару он держал, словно знамя.

Первые минут десять царило приличное молчание. Потом молодой человек, бросавший взгляды на своего спутника, покашлял и сказал: «Э-э».

Спутник с любопытством взглянул на него. Молодой человек покраснел, он вообще был застенчив, да и думал уже, что зря затеял разговор.

— Простите, — сказал он тем не менее, — вы не лорд Икенхем?

— Он самый.

— Вот здорово!

Спутник его удивился.

— Я и сам этому рад, — признался он. — А вы почему радуетесь?

— Ну, это… — ответил младший, думая о том, какой был бы ужас, если бы он ошибся. — Понимаете, я с вами знаком… Был. Давно. Дружил с вашим племянником. Знаете, Мартышка. Ездил к вам играть в теннис. Вы мне дали пять шиллингов.

— Так деньги и уходят…

— Наверное, вы меня не помните. Я — Билл Окшот.

— Что вы, что вы, мой дорогой! Как не помнить? — сердечно соврал лорд Икенхем. — Хотел бы я получать десять фунтов за всякий раз, когда говорил жене: «Что там с нашим Биллом?».

— Нет, правда? — обрадовался Билл. — Вот здорово! Как поживает леди Икенхем?

— Спасибо, хорошо.

— Вот здорово! Она мне дала полкроны.

— Женщины бережливее мужчин. Что поделаешь, структура черепа! Да, моя дорогая жена — в превосходном состоянии. Я только что проводил ее. Уплыла в Вест-Индию.

— На Ямайку?

— Нет, по собственной воле.

Молодой человек помолчал, чуть не сказал: «Здорово», но передумал и спросил о Мартышке.

— Мартышка, — ответил лорд Икенхем, — в прекраснейшей форме. Попирает мир. Можно сказать смело, что Моав[57] — его умывальная чаша и на что-то такое он поставил сапог свой. Получил солидное наследство от крестного из Америки, больше не боится портных. Скоро женится.

— Это здорово.

— Да, — согласился лорд Икенхем, восхищенный такой гибкостью стиля. — Он и сам доволен, а вот я — не очень. Быть может, вы заметили, Билл Окшот, что полного счастья не бывает. Одному — хорошо, другому — хуже. Скажем, А скачет от восторга, а Б — хмурится, не говоря об Иксе и Игреке. Так и здесь. Я надеялся, что он изберет мою подопечную. Выросла на моих глазах, стала прелестной барышней, все есть — красота, очарование, характер и, кстати, ум, которого хватит на двоих. С Реджинальдом, иначе — Мартышкой, это необходимо. Так нет же! Однако посмотрим на светлую сторону. Посмотрим?

— Пожалуйста.

— Прекрасно. Итак, смотрим. Новую барышню я не видел, но вроде бы она ничего. А то этот лоботряс еще привел бы крашеную блондинку. Вероятно, вы помните, как склонен он к влюбленности?

— Мы не виделись с детства.

— Он и тогда порхал как мотылек. Дон Жуан танцкласса, Ловелас в костюме Фаунтлероя.

— Теперь он… э… изменится.

— Надеюсь. С другой стороны, возьмем леопарда. Может он измениться? А эфиоп?[58] То-то и оно. Кстати, об эфиопах. Вас коптили?

Билл смущенно улыбнулся.

— Загорел, да? Я был в Бразилии. Еду домой.

— Вы из этих мест?

— Да, из Эшендена.

— Женаты?

— Нет. Я живу у дяди. То есть, он живет у меня.

— В чем разница?

— Понимаете, дом — мой. Дядя его… э… опекает. Мне было шестнадцать лет, когда отец умер. Вот дядя и приехал, так и живет, распоряжается. Посмотреть на него, — припомнил Билл свои обиды, — он один хозяин. Лучшую комнату отвел под свой музей!

— У него музей?

— Да, африканские штуки. Да что там! Кто занял лучшую спальню? Я? Нет, дядя Эйлмер. Кто первым читает газету? Я? Нет, дядя Эйлмер. Кому достается яйцо без жидкого белка?

— Постойте, угадаю. Дяде Эйлмеру?

— Именно!

Лорд Икенхем погладил усы.

— Что-то подсказывает мне, — заметил он, — что дядя Эйлмер надоел вам. Я прав?

— Да.

— Почему же его не выгнать?

— Ну, как это… — растерянно сказал Билл, копая пол огромной ногой. — Разве можно?..

— А что, нельзя?

— Ну, трудно.

— Так, так…

Лорд Икенхем догадался, что затронул больную тему, и деликатно отступил. Он вернулся к кроссворду, Билл Окшот стал смотреть на убегающие пейзажи.

Однако видел он не их, а прекрасное лицо Гермионы. Оно сияло перед ним, обещая, что скоро он узрит его не только взором воображения. Здесь, в Англии, можно смотреть в ее глаза, любоваться ее профилем…

Любоваться и все? Или, после Бразилии, он решится сказать ей, что любит ее девять лет подряд? Может быть, но вряд ли.

Размышления эти прервал сосед, тронув его колено.

— Сейчас ваша станция, — напомнил лорд Икенхем. — Эшенден Окшот.

— А? Да, да. Моя станция, — согласился Билл, встал и взял свои вещи. Но тут же вскрикнул, как бы не в силах поверить своим глазам, хотя они не лгали.

Обычно эта станция не очищает душу ни жалостью, ни страхом. Видеть тут нечего, кроме бакенбардов начальника, которые явно выросли в теплице; разве что вы уж очень тонки, и вас тронет то, как управляется

хрупкий носильщик с тяжелыми бидонами. Так и тянет назвать станцию тихой.

Сегодня бы к этому не тянуло. От автомата в одном конце до навеса, под которым хранились метлы и ведра, стояли люди, человек сорок. Двое самых сильных и терпеливых держали плакат, на котором любящая рука начертала:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МИСТЕР УИЛЛЬМ

Кроме того, тут были: оркестр, полисмен, священник, бойскауты, сельские жители, что-то вроде младшего класса воскресной школы (с цветами) и величественный седоусый человек, руководивший всем этим.

Билл Окшот стоял у окна, словно герой сказки, зачарованный колдуном, и так явственно страдал, что спутник его все понял.

Перед ним, догадался он, застенчивый юноша, который бежит мирской славы, — а кто-то почему-то устроил ему пышную встречу. Естественно, он выглядит, как загнанный лось.

Сам граф мирскую славу любил. Если бы его встречали бойскауты и оркестр, он не сплоховал бы и начал кланяться раньше, чем остановится поезд. Однако новый приятель другого склада, и надо ему помочь.

Добрый лорд предпочитал дела, а потому не ограничился сочувствием.

— Лезьте под сиденье, — сказал он.

Голос его показался Биллу гласом с неба, словно ангел-хранитель в час беды дал дельный совет. Нырнув под сиденье, он подождал, пока поезд не двинется снова. Когда же он вылез, отряхивая ладони, он увидел, что спутник с восторгом смотрит на него.

— Редкая ловкость, — сказал растроганный граф. — Дрессированный тюлень — и то медленней ныряет за рыбкой. Тренировались? Нет? Поразительно! В жизни не видел такой опупелой толпы. Так и кажется, что стадо волков не обнаружило в санях русского крестьянина. Тяжело, ничего не скажешь. Волкам, конечно.

Билл Окшот еще дрожал, лепеча слова благодарности.

— Не за что, не за что, — отвечал лорд Икенхем. — Какой пустяк! Сладость и свет, вот мой девиз.

— Я никогда этого не забуду, — серьезно сказал его спутник. — Поймите, пришлось бы говорить речь, а может — и целовать этих гнусных деток! — Он вздрогнул. — Вы их видели? Миллион голов, и все с букетами.

— Видел, как не видеть! И понял, что со времени нашего знакомства вы заметно прославились. Деток с цветами соберут не для всякого. Вот я — настоящий граф, не кто-нибудь, а где цветы, где детки? Да… Чем же вы прославились, Билл Окшот?

— Так, знаете…

— Не крутите. Они встречали вас. Кому еще напишут «Мистер Уилльм»?

— Да, конечно.

— Это ваш дядя, с усами? Такой важный?

— Дядя.

— Итак, поройтесь в памяти. Что сделали вы достойного букетов и бойскаутов?

— На Амазонку вот ездил…

— Так, так, так. Экспедиция. Я сразу не понял. Думал, вы были в Бразилии по делу, скажем — орехи какие-нибудь. А почему вас туда понесло? Хотели забыть прекрасную деву?

Билл покраснел. И впрямь, он уехал от безнадежной любви, как оказалось — напрасно.

— В общем, да, — ответил он.

— Почему именно Бразилия? В мое время предпочитали Скалистые горы, там можно охотиться на медведей.

— Прочитал в газете, что майор Планк набирает людей. Пошел, записался.

— Так… Жаль, не знал. Я бы хвастался давней дружбой. Что же, сейчас мы приедем в Бишопз Икенхем. Вернетесь обратно? Или поедем ко мне, выпьем, и я вас отправлю на машине?

— Я вам не помешаю?

— Что вы, что вы! Очень рад. Итак, решено. Теперь подумаем, что сказать дяде.

Билл сосредоточился и заморгал, словно его схватил за ногу бразильский аллигатор.

— Тут нужна хорошая, связная история, — продолжал граф. — Судя по виду, он человек опасный, укусит — умрешь. Кем он был? Кулачным бойцом?

— Губернатором в одной колонии.

— Тогда нам придется нелегко. Я этих губернаторов знаю, серьезные люди. Кстати, как его зовут?

— Восток. Сэр Эйлмер Восток.

— Что? Быть не может!

— Вы его знаете?

— Сорок лет не видел, а то и побольше. Когда-то знал хорошо. Мы вместе учились.

— Правда?

— Еще бы! Он на три года младше меня. Звали его Балбесом. Неприятный был мальчик, наглый, никакого почтения к старшим. Именно за это я дал ему шесть раз по заду крикетной битой, надеясь его исправить. Да, теперь мне многое понятно. Балбес, как известно из газет, собирается войти в парламент и хочет примазаться к вашей славе. Кто не рад опереться на людей, расширивших пределы цивилизации!

— Я не расширял.

— Чепуха! Растянули, как резинку. Но мы отвлеклись, надо придумать убедительную повесть. Что, если сказать так: жара, задремал, проехал станцию?

— Здорово!

— Правда? Мне и самому нравится. Главное, просто. И возразить нечего. Да, это лучше всего. Значит, юный Балбес стал губернатором!.. Никогда бы не поверил. Кто бы мог подумать!

— Сколько вы его не видели?

— Сорок два года будет 31 июля. А что?

— Странно, так близко живете…

— Что ж, Билл Окшот, я вам все открою. Я не общаюсь с соседями. Жена вечно пытается вытащить меня на всякие приемы и рауты, но я неумолим. Часто мне кажется, что для идеальной жизни нужны табак и бойкот всего графства. А вашего дядю, Балбеса, я слишком хорошо помню.

— Вообще-то вы правы…

— Не ангел. Даже не эльф. Я боюсь за Мартышку. Он ведь женится на его дочери. Боюсь и не завидую. Ну, вот и приехали!.. — сказал лорд Икенхем. — Выпьем, отдохнем. И Мартышка будет, он утром звонил. Переночует, а завтра собирается к вам, в Эшенден.

Граф легко спрыгнул на платформу, даже не подозревая, что он только что нанес другу ужасный удар. При словах «женится на его дочери» Билл Окшот издал тот самый звук, какой издает бульдог, если пнуть его в ребра, когда он ест баранью ногу; но лорд Икенхем подумал, что он икнул.

Глава вторая

Летний день сменился сумерками. Билл Окшот давно унес домой свое

разбитое сердце, когда приехал Мартышка. Его задержала в пути одна из тех загадочных поломок, которые нередко настигают двухместную машину. Он едва успел одеться к обеду и в восемь часов сидел в столовой, напротив дяди, восстанавливая ткани после нелегкого дня.

Лорд Икенхем был ему рад, да и вообще гостеприимен, но при дворецком не хотел затрагивать личные темы. Поговорив о Нью-Йорке, где недавно побывал Мартышка, и об отъезде леди Икенхем, он сообщил, что встретил Билла Окшота, а племянник его отвечал, что надеется возобновить былую дружбу, посещая эшенденские угодья.

Потолковали они и о машинах, собаках, иностранных делах, будущих бегах и (эту тему включил Мартышка) о том, что делать, если обнаружишь в ванне труп, на котором — только гетры и пенсне.

Когда же подали кофе и сигары, лорд Икенхем раскрыл душу.

— Какое счастье, — начал он, — посидеть одним, без дворецких! Понимаешь в полной мере дивную строку: «Мир, совершенный мир, когда любимых нет». Нельзя сказать, что я люблю Коггза, скорее, побаиваюсь, смягчая это чувство прохладной привязанностью. А тебе я рад, очень рад. Давно хотел кое-что обсудить.

— Да? — сдержанно отвечал Мартышка. Он был молод, приятен с виду, но внимательный наблюдатель заметил бы в нем ту строгость, ту напряженность, которая, вероятно, возникала у св. Антония перед нападением бесов. Мартышка подозревал, что сейчас начнутся искушения и стоять надо насмерть.

Еще за обедом, когда глава семьи говорил об отъезде супруги, он подметил в его глазах тот самый блеск, какой появляется у мальчика, если он дома один и знает, где ключ от буфета. Блеск этот он видел и раньше; им начинались самые крупные беды. Едва заметный в начале, за супом, теперь он разгорелся вовсю, и Мартышка собрал все силы.

— Сколько ты думаешь пробыть у Бостоков? — спросил граф.

— С неделю, — отвечал ему племянник.

— А потом?

— Вернусь в Лондон.

— Прекрасно, — одобрил лорд Икенхем. — Вернешься в Лондон. Отлично. Я поеду с тобой, и мы проведем полезный, приятный день.

Мартышка сжался. Он не воскликнул: «Так я и знал!», но как бы и воскликнул. Оставшись без заботливой жены, Фредерик Алтамонт Корнуоллис, пятый граф Икенхемский, снова принялся за свое.

— Ты спрашиваешь, — сказал когда-то один вдумчивый трутень, — почему при словах «дядя Фред» Мартышка синеет и выпивает два виски

кряду. Я объясню. Дело в том, что этот дядя — истинный динамит. Он немолод, но при случае становится таким, каким себя чувствует, то есть лет двадцати с небольшим. Не знаю, знакомо ли тебе слово «эксцессы». Если знакомо, примени к нему, не ошибешься. Пусть Мартышка расскажет, например, про собачьи бега.

Если бы лорд Икенхем его слышал, он бы первым признал, как это верно. Клонясь к закату, он сохранил стройность, живость и чистоту подвыпившего студента. За последние годы он не раз втягивал племянника в приятнейшие авантюры, самой удачной из которых были именно собачьи бега, хотя, по его мнению, полисмен поумнее ограничился бы мягким укором.

— Вероятно, ты понял из моих слов, — продолжал пятый граф, — что тетя Джейн уехала за несколько недель и я невыносимо страдаю. Точь-в-точь этот тип, который места себе не находил без любимой газели. Однако…

— Дядя… — вставил Мартышка.

— Однако, — сказал дядя, — у любой тучи, если вглядеться, есть серебряная каемка. В данном случае утешает то, что я снова сам себе хозяин. Трудно передать, как я люблю тетю Джейн, но иногда… какое бы тут выбрать слово?., я скован при ней, не могу себя выразить. Она считает, что мне не надо ездить в Лондон. Я так не считаю. Когда живешь в сельском склепе, ржавеешь, отстаешь от жизни. Не уверен, что я назову тебе хоть одного вышибалу, а я их знал поголовно. Вот почему…

— Дядя!..

— Вот почему, несмотря на страдания, я могу пережить ее отъезд. Сообщи, когда соберешься в Лондон, и я — к твоим услугам. Ах ты, Господи, как же я молод! Видимо, это от погоды.

Мартышка стряхнул с сигары пепел и отхлебнул бренди. Взгляд его был холоден и суров.

— Дядя Фред, — сказал он, услаждая слух своего ангела, — об этом не может быть и речи.

— То есть как?

— Вот так. На собачьи бега я не поеду.

— Зачем же бега? Хотя там очень полезно и приятно. Изучаешь душу народа.

— Никуда не поеду. Будешь в Лондоне, заходи. Накормлю, дам хорошую книгу. И все.

Лорд Икенхем помолчал, размышляя о тлетворности денег. Раньше, когда Мартышка сидел без гроша, служил в суде и время от времени

пытался занять у дяди пять фунтов, он бы не посмел возражать. Деньги изменили его, растлили. Старая история, думал граф.

— Что ж, — сказал он, — если ты не хочешь…

— Не хочу, — подтвердил Мартышка. — Не вздыхай, я не сдамся. Гермионе и так не нравится, что я в этом клубе «Трутни». Как ни печально, она о тебе слыхала.

— Моя жизнь — открытая книга, — сообщил граф.

— Слыхала и боится, что это у нас в роду. Вечно твердит: «Надеюсь, ты не похож на дядю.».

— Ты ее не понял. Видимо, она говорит: «… *похож* на дядю». Или: «Постарайся, мой друг, быть похожим на дядю.».

— В общем, я должен следить за собой, как последняя собака. Если она догадается, что я… немного легкомыслен, свадьбе не бывать.

— Значит, ты не согласишься, чтобы я приехал к ним в образе лакея? Жаль, вышло бы очень смешно.

— О, Господи!

— Просто предложил. Да я и сам не могу, пришлось бы сбрить усы, а я к ним исключительно привязан. Если нет детей, кого и любить? Усы. Значит, твоя Гермиона — из таких?

— В каком смысле?

— Ну, полна благородства. Принципы всякие… В общем, истинная дочь Англии.

— Да, да! Просто жуть. Не увидишь — не поверишь.

— Жду с нетерпением.

— У меня есть фотография, — сказал Мартышка, вынимая ее из нагрудного кармана, как вынимают кролика из цилиндра.

Лорд Икенхем долго изучал портрет.

— Поразительное лицо.

— А глаза, глаза!

— Вот именно.

— А нос!

— И нос заметил. Видимо, очень умна.

— Еще бы! Пишет книжки.

— Ой!

Дикое подозрение зародилось в Мартышкиной душе.

— Она тебе не нравится? — спросил он.

— Понимаешь, — осторожно ответил лорд Икенхем, — я вижу, что она… скажем так, исключительная женщина. Но тебе она не пара.

— Почему?

— Мне кажется, она тебя подомнет. Ты смотри, какой подбородок. А глаза? Так и сверкают.

— Что тут плохого?

— В домашних условиях — очень опасно. При таком взоре нужен стальной муж. Ты стальной? Нет. Как и я, ты истинный подкаблучник.

— В каком смысле?

— Подкаблучником я называю человека, который каждое утро относит жене завтрак, и воркует, и кукует, пока она ест. Лично мне такие люди нравятся, но им нельзя жениться на писательницах с твердым подбородком и сверкающим взором. Их удел — хрупкая женщина, которая воркует вместе с ними, а уж кукует — говорить нечего! Тем, кто ищет жену, я советую: выбери такую, которую можно пощекотать. Можно пощекотать твою Гермиону? Ни в коем случае. Она выпрямится во весь рост и скажет: «Милостивый государь!»… Идеальная жена для таких, как ты, — наша Салли.

При этом имени Мартышка застыл и покрылся тонким льдом. Более чувствительный человек, чем его дядя, послал бы за вязаной кофтой.

— Мне показалось, что у Коггза что-то с ногами, — отрешенно произнес племянник. — Он прихрамывает.

— С самого ее приезда, — продолжал граф, которого теперь не могли отвлечь самые пленительные темы, — я мечтал о том, чтобы у вас что-нибудь вышло. Наконец, ты сказал, что все в порядке. И вдруг, — он повысил голос, — вы поссорились! Не понимаю, как можно поссориться с Салли! Конечно, виноват ты?

Мартышка хотел бы промолчать, но не вынес несправедливости.

— Ничего подобного! — вскричал он. — Ты сперва узнай, как все было!

— С удовольствием, — согласился граф. — Самое время. Из Салли ничего не вытянешь.

— Ты ее видел?

— Она приезжала с Отисом недели две назад, оставила бюст. Вон он стоит.

Мартышка холодно взглянул на бюст.

— Ничего не объяснила?

— Сказала, что вы расстались. Больше ничего.

— Да? — откликнулся Мартышка, тяжело дыша носом. — Хорошо, я объясню. Я отказался исполнить ее просьбу, и она меня назвала синюшным кроликом.

— Вероятно, это очень красиво. Голубой кролик…

— Поговорили, обсудили. В общем, вернула кольцо и письма. Заметь — с посыльным.

— Ах, какой влюбленный не ссорится! Надо было помириться на следующий день.

— Ну, а мы вот не помирились. Собственно, кролик — это последняя капля. Мы все время ссорились.

— По каким причинам?

— Во-первых, брат. Мне от него худо.

— Да, Отис — на любителя. Салли говорит, он теперь издатель. Наделает дел, как с антикварной лавкой. Ты ей сказал, что тебе от него худо?

— Сказал. Она обиделась, но не очень. А вот когда я просил бросить скульптуру…

— Зачем?

— Там все такие противные, с бородами. — Мартышка снова вздрогнул, но в суровом стиле. — Я был у нее в мастерской. Ну, просто кишат! Так и лезут, так и лезут, а борода — до бровей.

Лорд Икенхем глубокомысленно пососал сигару.

— Прости, — признал он. — Я ошибся. Ты — стальной человек. А сколько пороху! Просто шейх во гневе.

— А она? Вечно сердилась, точила меня…

— Девушки всегда так. Особенно американские. Мне ли не знать? Я на одной из них женат. В этом их очарование.

— Есть пределы.

— Как же она их перешла? Ты недосказал. О чем она просила?

— Провезти драгоценности через нью-йоркскую таможню.

— Нет, какой ум! Какая прыть! Постой, у нее нет драгоценностей.

— Не у нее, у одной подруги, Элис. Накупила здесь камней, а пошлину платить не хочет. Салли решила ей помочь.

— Очень милосердно.

— Очень глупо! Так я ей и сказал. Хорош бы я был на этой таможне!

Лорд Икенхем вздохнул.

— Так, так, понятно… А жаль. Богатый муж ей очень нужен. Она совсем на мели.

Мартышка дернулся. Любовь любовью, но жалость-то не умерла.

— Мне кажется, — продолжал граф, — она недоедает.

— Чушь какая-то!

— Нет, не чушь. Она похудела, а главное — она просто кинулась на баранину с горошком. Скульптура — невыгодное дело. Кто купит эти

бюсты?

Мартышка немного успокоился.

— Ты не волнуйся, — сказал он, — у нее есть деньги, тетка из Канзаса оставила.

— Я знаю, но боюсь, что их нет. Вероятно, Отис вытянул. Она тут два года, а он за два года вытянет любую сумму.

— Салли очень умная.

— Ум совершенно ни при чем. Умнейшие женщины теряют разум, когда доходит до любимого брата. Вот, посуди сам: я ей написал, пригласил пообедать, и она с восторгом согласилась. Пишет, что ей очень нужно меня повидать. «Очень» — подчеркнуто. Мне это не нравится. Так писал ты, когда хотел занять денег. Что ж, завтра я ее увижу. Бедная Салли! Дай Бог, чтобы все обошлось. Замечательная девушка.

— Да.

— Ты тоже так думаешь?

— Конечно! Я очень хотел ей помочь. Гермиона сказала, старый Восток собирается заказать свой бюст, и я посоветовал обратиться к Салли.

— Так, так… Может растрогаться. «Какая чистота, — воскликнет она, — какое сердце!». Еще не все потеряно, Мартышка, только веди себя правильно.

— Ты не забыл, что я женюсь на Гермионе?

— Да ну ее!

— Дядя Фред…

— Советую как друг. Ты — тонкий, трепетный человек, склонный к меланхолии. Помню, на этих бегах, когда полисмен взял тебя за шиворот… Одно слово, Гамлет. Тебе нужна веселая, добрая жена, которая поставит капкан на епископа, если он у вас заночует. Сомневаюсь, чтобы твоя Гермиона проткнула кому-нибудь грелку. Нет, она — не для нас. Пошли телеграмму понежней — прости, передумал и так далее. У меня есть бланки.

Лицо у Мартышки озарилось неземным светом.

— Дядя Фред, — сказал он, — дикие кони не оттащат меня от этой девушки.

— Они и не станут, — заверил граф.

— Я ее боготворю. Я готов для нее на все. Вот, к примеру, она думает, что я не пью. А почему? Потому что она сказала, что молодые люди только и делают, что пьют, как насосы. А я говорю: «Пьют? Не понимаю! Я — в рот не беру.». И пожалуйста.

— Значит, когда ты к ним приедешь…

— … дадут лимонада. Я на это шел. Тяжело, но выдержу. Сказано тебе, боготворю. Если уж она — не ангел в человеческом облике, я и не знаю, где эти ангелы. До сих пор я не умел любить.

— Что ж, мог научиться. Я заботливо созерцал пятьдесят семь твоих попыток, начиная с веснушчатой девицы в танцклассе, которая дала тебе в глаз ведерком, а кончая…

Лорд Икенхем искал слова. Мартышка ждал.

— … кончая этим гибридом Джордж Элиот, Боадицеи и покойной миссис Кэрри Нейшн.[59] Этой пламенной гувернанткой. Этой крутой девицей, с которой ни один разумный человек не войдет в темную аллею.

Мартышка встал.

— Присоединимся к дамам? — спросил он.

— Их нет, — отвечал дядя.

— Сам не знаю, зачем я так сказал, — совсем расстроился племянник. — В общем, не говори ты глупостей, сыграем лучше в бильярд.

Глава третья

1

Наутро, с легким сердцем, с песней на устах Мартышка отбыл в Эшенден. Лорд Икенхем благосклонно помахал ему вслед, стоя на ступенях портала.

Ничто не окрыляет влюбленного сильнее, чем гордость, которую испытывает он, когда отвергнет искушение. Вспоминая, с каким упорством противостоял он соблазнам приятных и полезных развлечений, Мартышка возвышался духом.

Приятных и полезных! Мало кто был так близок к восклицанию: «Еще чего!», как Мартышка, в чьей душе не совсем утихли недавние соблазны. Нет, искушать человека, который отринул всякий порок! Вздрогнув от омерзения и гнева, Мартышка загнал соблазны в подсознание, сознание же обратил к более приятным сюжетам, а именно — к встрече с родителями невесты.

Он мало знал о них, но предполагал, что они достаточно умны, чтобы распознать добро, а потому такой человек, как он — стойкий, трезвый, чистый — очарует их с первой минуты. «Он просто прелесть!» — напишут они Гермионе, а старый добрый Восток, поистине — герой Диккенса,

скажет своей жене (мягкой, уютной, добродушной): «Дорогая моя, давно не видел такого приятного юноши!» и, возможно, прибавит: «А ты?». Словом, Мартышка предвкушал, как прижмет их к своей груди.

Поэтому он огорчился, заметив, что это нелегко. Чтобы прижать хозяев к груди, надо войти в дом, а тут получилась заминка.

Дом Бостоков восходил к тем дням, когда жилища строили не для того, чтобы надеть там шлепанцы и закурить трубку, а для того, чтобы отражать врага, вооруженного тараном. Входные двери были массивны, к тому же и закрыты. Звонок не работал. Мартышка навалился на него всем своим весом, но тщетно; и задумался, что же делать.

Тогда и заметил он открытое окно, доходящее до пола. Это ему понравилось. Может быть, первый визит не начинают с таких поступков, но добродушный, сердечный, гостеприимный хозяин выше этого. Мартышка покинул дверь, вошел через окно — и тут же испытал потрясение, которое испытывал всякий, оказавшись в музее сэра Эйлмера. Собрание африканских диковинок было на редкость ужасно. Что до Мартышки, он в жизни своей не видел такой мерзопакости.

Собравшись с силами, он стал рассматривать ближний экспонат — странную штуку, изготовленную из глины дикарем, напившимся джину, и удивлялся, почему бы тому, вместо таких мучений, не поохотиться на крокодила или хоть на соседа, когда тишину нарушил вопль:

— РЕДЖИНАЛЬД!

Подскочив, Мартышка выронил глиняную штуку. Она упала и разбилась. После чего перед ним в дверях возник незнакомый человек, предваряемый могучими усами.

2

Примерно тогда, когда Мартышка нажал на педаль своей машины, сэр Эйлмер Восток входил в спальню леди Босток, чтобы починить там жалюзи. Он любил эти мелкие домашние дела и хотел, чтобы все было в порядке к приезду жены, которая гостила дней десять в Лондоне, у дочери.

Предположив, что старый школьный друг не одобрит того, что сделал Билл Окшот, лорд Икенхем проявил знание человеческой натуры. Губернатор, привыкший к беспрекословному подчинению, не может перенести провала. Он пыхтит, он сжимает кулаки, он кусает губы; тем более, если он и в спокойном состоянии напоминает нравом американского медведя, угодившего в капкан. Трудясь над планкой, сэр Эйлмер был

мрачен, усы его гневно трепетали, иногда он злобно фыркал.

Он ждал жену, чтобы доверить ее покорному слуху все горести, и, завершив свой труд, дождался. К парадному входу подъехала машина, из нее вышла леди Восток, дама лет сорока с небольшим, похожая на лошадь.

— А, вот ты где, дорогой! — приветливо сказала она, ибо, беседуя с мужем, запасалась приветливостью на обоих. — Какой странный запах…

Сэр Эйлмер нахмурился, он не любил критики.

— Клей, — лаконично ответил он. — Я чинил жалюзи.

— Как хорошо! — восхитилась леди Восток. — Спасибо тебе, дорогой. Слава Богу, я опять дома. В Лондоне страшная духота. Гермиона прекрасно выглядит. Шлет приветы тебе и Реджинальду. Он здесь?

Собираясь осведомиться о том, кто такой Реджинальд, сэр Эйлмер вспомнил, что дочь его недавно обручилась с мерзавцем, носящим это имя, и ответил, что тот еще не приехал.

— Она говорит, — сообщила жена, — что он приедет сегодня.

— А его нет.

— Может быть, забыл?

— Молодой кретин, — подытожил беседу сэр Эйлмер. Леди Восток тревожно глядела на него. Она знала, что, если муж кого не взлюбит, он за две секунды превратит его в жирное пятно; знала — и боялась. На вокзале Ватерлоо дочь недвусмысленно распорядилась, чтобы жениха холили и лелеяли. Прекрасная Гермиона привыкла, что желания ее исполняются, и те, кто хорошо ее знал, не портили себе жизнь.

Припомнив робких адъютантов, корежившихся, как горящая бумага, под взглядом сэра Эйлмера, жена умоляюще посмотрела на него.

— Пожалуйста, дорогой, будь с ним повежливей!..

— Я всегда вежлив.

— А то он пожалуется Гермионе. Ты же ее знаешь! Оба помолчали, размышляя об особенностях дочери.

— Вы бы могли с ним подружиться, — сказала, наконец, леди Восток.

— Ха!

— Гермиона его очень хвалит.

— Мало нам Уильяма, — заметил сэр Эйлмер, не склонный к оптимизму. — Вот увидишь, обычный хлыщ с напомаженными волосами. И хихикает, — прибавил он. — Два идиота — это слишком!

Слова его напомнили леди Восток, что любящая тетя должна спросить о племяннике.

— Значит, Билли приехал?

— Приехал, как не приехать. Ха!

— Встреча прошла хорошо? Какая прекрасная мысль! Очень удачно, что он успел к празднику. Он всегда так помогает, со всем этим спортом. А где он?

— Не знаю. Надеюсь, в гробу.

— Эйлмер! О чем ты говоришь?

С приезда жены сэр Эйлмер еще не хмыкал, и теперь хмыкнул с такой силой, что Мартышка, въезжавший в ворота, подумал бы, если бы услышал, что лопнула покрышка.

— О чем? Я тебе скажу, о чем! Этот мерзавец проехал станцию. Вышел на следующей и вернулся к вечеру, в машине Икенхема. Пьяный, как свинья.

Спешим предупредить, что сэр Эйлмер ошибся по вине предубеждений и общего пессимизма. Билл Окшот ничего не пил. Другие бы насосались с горя, а этот замечательный юноша сумел сдержать себя. Да, по приезде он шатался, но от других причин. Нервному и молодому человеку нелегко предстать перед старым и сердитым, тем более — когда он сам мог бы сердиться на него. Естественно, ноги подкашиваются, лицо лиловеет, хотя ты не выпил ни единой капли. Словом, мы отвергаем дикое обвинение.

Леди Восток издала звук, который раскаленные утюги издают, когда их тронешь мокрым пальцем, а женщины — когда им надо бы воскликнуть: «А, черт!».

— В машине лорда Икенхема?!

— Да.

— Как же это?

— Видимо, вместе ехали.

— Ах, вон что! Я удивилась, потому что мы с ним не знакомы.

— Кто не знаком, а кто и знаком. Сорок лет назад мы вместе учились. Слава Богу, с тех пор не виделись. Псих, — пояснил сэр Эйлмер.

— Да, я слышала, что он большой чудак. Что там? Вроде бы машина. Наверное, это Реджинальд. Ты бы вышел к нему.

— Не выйду, — сказал сэр Эйлмер. — Подумаешь, Реджинальд! Рассыпется он, что ли? Я доскажу про Уильяма.

— Ну, конечно! Доскажи, дорогой. Как он странно поступил. Объяснил он что-нибудь?

— Объяснил, только врет. Заснул, видите ли! Не-ет, не заснул, а струсил! Вот уж жаба так жаба! Бросить на меня викария с женой, оркестр, бойскаутов десять штук, четырнадцать воскресных деток! Я их всех развез по домам. Ничего, обошлось, хотя детки очень косо смотрели, чудом

удержал.

— Как ты замучился, дорогой!

— Это бы ничего! Другое плохо, голосов сто на этом потеряю.

— Ну что ты, дорогой! Ты же не виноват.

— Какая разница? Люди — кретины. Такая новость разлетится мгновенно. Если человек сел в лужу, голосовать за него нельзя. А главное, ничего не поделаешь. Такого верзилу не выпорешь… ВОЙДИТЕ!

Дверь отворилась, вошла Джейн, горничная леди Восток.

— Вас просят к телефону, миледи, — почтительно сказала она. — Это викарий.

— Спасибо, Джейн. Сейчас иду.

— А я, — прибавил сэр Эйлмер, огорченно фыркнув, — пойду поздороваюсь с этим чертовым Реджинальдом.

— Ты не забудешь, о чем просила Гермиона?

— Куда там! — мрачно отвечал баронет. Он не сомневался что будущий зять — такой же хлыщ и кретин, как все нынешние, но из страха перед дочерью готов был ворковать, словно голубь, насколько это доступно человеку, способному в самом лучшем случае провозгласить воинственный тост.

Войдя в гостиную, он никого там не застал, но губернаторы умеют справляться с неожиданностями. Когда губернатор видит, что в гостиной нет гостя, он не гадает и не страдает, а набирает воздуха в легкие и кричит:

— РЕДЖИНАЛЬД!

Когда эхо затихло, сэру Эйлмеру показалось, что в музее кто-то ходит. И он пошел туда.

Действительно, там стояло что-то вроде Реджинальда. Представители двух поколений взглянули друг на друга, мало того — они друг друга рассмотрели и друг другу не понравились. Мартышка думал о том, что будущий тесть — не столько герой Диккенса, сколько самый неприятный из старых хрычей, которых он видел немало; тогда как сэр Эйлмер, окинув взглядом все, от лимонных волос до носков со стрелками, убедился в том, что будущий зять — именно хлыщ и кретин.

Однако он решил ворковать и ворковать стал.

— А, вот и вы! Реджинальд Твистлтон, если не ошибаюсь?

— Точно. Твистлтон. Реджинальд.

— Как поживаете? — взвыл сэр Эйлмер, словно лев, получивший в зад немного дроби, когда он пьет из озерца. — Рад видеть. Жена сейчас придет. Что вы тут делаете?

— Смотрю на эти… штуки.

— Коллекция. Цены ей нет.

— Правда? Нет цены?

— Она уникальна. Собирал десять лет. Вы интересуетесь Африкой?

— Да, да! Ужасно.

Усы зашевелились. Видимо, сэр Эйлмер улыбнулся. Зарождалась одна из прекрасных дружб — но тут хозяин музея увидел глиняные черепки, и улыбка сменилась исключительно жуткой гримасой, а Мартышка ощутил, что из него выскабливают внутренности совком или даже лопатой.

— А, х-р-р! — вскричал баронет, возможно, взывая к африканскому богу. — Как?.. Что?.. Это *вы?*

— Я-а-а, — проблеял Мартышка, стоя на одной ноге. — Простите, пожалуйста.

Сэр Эйлмер — не без оснований — указал на то, что надо было думать раньше, и Мартышка с ним согласился, после чего нервно хихикнул.

Нервное хихиканье раздражает многих, в том числе сэра Эйлмера. В былое время он нередко напоминал об этом адъютантам. Даже мысль о Гермионе не помешала ему издать рык, по сравнению с которым все прежние и впрямь казались воркованьем. Опустившись на четвереньки, он стоял над осколками, словно Марий на развалинах Карфагена, бормоча что-то в усы о кретинах и хлыщах. Мартышка понял не все, но вполне достаточно.

Именно поэтому он побледнел, судорожно сглотнул и покрылся липким потом, словно попал в турецкую баню для человеческой души. Гувернантки в раннем детстве, учителя — в позднем не слишком высоко ставили его ум, но все же он догадался, что очаровать родителей невесты ему, скорей всего, не удалось.

Когда сэр Эйлмер поднялся и сообщил, что штука — жемчужина музея, с которой он не расстался бы ни за какие деньги, хоть бы его молили на коленях, послышался свист, словно некое тело быстро разрезало воздух, — и мгновение спустя в залу влетела хозяйка.

Только Шерлок Холмс угадал бы, что викарий сообщил ей по телефону о болезни своего помощника (корь), но и доктор Ватсон понял бы, что она расстроена, а потому, при всей своей учтивости, не замечает гостя, стоящего уже на другой ноге.

— Эйлмер! — воскликнула она.

— Что?

— Эйлмер!.. Викарий!..

— ЧТО-О-О?

— Викарий говорит, мистер Другг заболел корью.

— Какой еще друг?

— Его помощник. Такой милый, прыщавый. Заразился, теперь некому судить детей.

— Каких детей?

— Конкурс. На празднике.

Позволим себе небольшое отступление. Во владениях сэра Эйлмера каждый год устраивали праздник, где собирался самый цвет сельского общества. Соревнования в беге, местные танцы, детский конкурс красоты, чай с бесконечным множеством булочек под большим тентом — словом, представьте себе дерби, прием в королевском дворце и пир Валтасара.

Представив, вы поймете, почему огорчилась леди Восток. Можно сравнить ее с антрепренером, у которого за два дня до премьеры заболела звезда, или с генералом, чей лучший полк накануне битвы поголовно схватил радикулит.

— Это ужасно, — продолжала леди Восток. — Я просто не знаю, кем его заменить.

Сэр Эйлмер, почуяв опасность, сказал, что он никого судить не будет, и жена заверила его, что об этом не помышляла.

— Но кого-то найти надо, — сказала она, в полном отчаянии обведя глазами залу, как вдруг заметила гостя, стоявшего снова на той, первой ноге, и спросила его:

— Вы Реджинальд?

Предыдущая беседа с сэром Эйлмером довела Мартышку до такого состояния, что он и сам не знал, Реджинальд он или нет. Вообще-то, она права, скорее всего — он Реджинальд, но не опасно ли это?

Тем не менее он признался.

— Как я рада! — взвыла леди Восток, словно душа в чистилище. Трудно ответить на эти слова. «Да» — нелогично, «Хо-хо!» — фамильярно; и, не додумавшись до «И я очень рад», Мартышка снова хихикнул.

Взор хозяйки засветился безумным огнем.

— Вы не бывали судьей на детских конкурсах? — спросила она.

— Кто, я? — ответил Мартышка.

Именно тут ангел, прикинувшись сэром Эйлмером, спас его от страшной беды.

— Зачем он тебе? — спросил ангел. — Я знаю, кто здесь нужен.

Трудно передать, как далек был Мартышка от желания расцеловать будущего тестя, но тут расстояние сократилось. Что до сэра Эйлмера, вы легко вообразите его, если видели корсиканца, которому представилась

возможность осуществить кровную месть. Глаза светились тем странным, почти неземным светом, каким светятся они у дядей, воздающих должное племяннику.

— Я знаю, кто здесь нужен, — повторил он. — Уильям.

— Уильям?

— Уильям, — еще раз произнес баронет, смакуя это имя, словно очень хороший портвейн.

Леди Восток удивилась.

— Ты пойми, дорогой… Он… как бы это сказать… совершенно не…

— Уильям.

— Да он откажется!

— Уильям.

— Он такой застенчивый.

— Уильям. Не спорь со мной, Эмили. Не моргай, не сопи. Судить этих деток будет Уильям. Может быть, пожалеет, что проехал станцию и надрался у Икенхема.

Леди Восток вздохнула. Рефлекс покорности возник давно, еще у алтаря.

— Хорошо, дорогой.

— Передай ему, когда увидишь. А сейчас ты идешь к викарию? Я тебя подвезу. Пошли.

Супруги вышли в сад, он — впереди, она — сзади. Мартышка, вытерев лоб носовым платком в тон носкам и галстуку, последовал за ними. Ему хотелось вздохнуть. Это бывало у туземных вождей после беседы с губернатором о недоплаченных налогах.

Чистый хемширский бриз творит чудеса. Мартышка пошел обратно в дом. Как и многим до него, ему захотелось снова взглянуть на экспонаты, словно бы проверяя, настолько ли они мерзки. Когда он уже входил в стеклянную дверь, румяный полисмен, неспешно проезжавший мимо на велосипеде, воскликнул: «Эй!» и, сверкнув глазами, воинственно выпятил подбородок.

Звали его Гарольд Поттер, разрумянился он от жары, а задумался поначалу, ибо мечтал об Элзи Бин, здешней горничной, своей невесте.

К ней он, собственно, и ехал, размышляя о любви, пока не увидел непорядок. Ромео мигом превратился в бессонного стража, воплощавшего в этом селении всю силу закона. Велосипед обрел неожиданную прыть.

Вот почему Мартышка, убедившийся, что экспонаты именно так мерзки, как ему и показалось, услышал за спиной взволнованное дыхание.

Он обернулся и увидел огромного полисмена с рыжими усами.

— Ой! — воскликнул он.

— Эй — воскликнул Поттер, словно эхо в швейцарских Альпах.

2

Мы не станем вас убеждать, что положение было легким. Оно восхитило бы лорда Икенхема, который не любил монотонного течения жизни, но племянник его задрожал с головы до ног.

В отличие от собратьев по клубу, легко подкупавших стражей порядка, а во время регаты воровавших у них шлемы, Мартышка боялся полисменов. Потому он и вспоминал с такой скорбью собачьи бега, где страж, удивительно похожий на нынешнего, держал его за шкирку и рекомендовал не рыпаться.

Сейчас он слабо улыбнулся и произнес:

— Здравствуйте…

— Здрассь, — холодно ответил Поттер. — Что тут такое?

— Где?

— Тут. Что вы делаете в чужом доме?

— Меня пригласили.

— Хо!

Мартышке показалось, что положение, и так нелегкое, становится все труднее. Поэтому он обрадовался, когда их рандеву нарушила коренастая, решительная девица с голубыми глазами и вздернутым носом, судя по одежде — горничная. Она с интересом посмотрела на эту жанровую сцену.

— Гарольд, — сказала девица, — откуда ты взялся? А это еще кто?

— Неизвестный субъект, — отвечал ей Поттер. — Обнаружен в чужом доме.

Мартышка обиделся.

— Ну что вы заладили: «в чужом», «в чужом»! Меня пригласили. Дорогая… простите, не знаю, как вас зовут…

— Мисс Бин, моя невеста, — сообщил полисмен учтиво, но не радушно.

— Вот как? Поздравляю. Пип-пип!

— Пип-пип! — отвечала девица.

— Желаю счастья. Так вот, меня сюда пригласили. Я приехал на несколько дней. Моя фамилия Твистлтон, я — жених мисс Гермионы. Конечно, вы обо мне слышали.

— Наша мисс, — согласилась девица, — выходит замуж за Твистлтона.

— Ну вот!

— Джейн слышала за обедом, что он приедет погостить. Гарольд, это он и есть.

— Молодец! — похвалил ее Мартышка, она ему вообще понравилась. — Именно. Я — это он. Прочитайте вот тут, на ярлычке: «Р. Г. Твистлтон». Черным по белому, один из самых почтенных портных.

— Может, это чужой пиджак, — не сдался Поттер. Мартышка взглянул на него.

— Не шутите так, мой дорогой, — посоветовал он. — Вот что, позвоните викарию, там хозяева, и спросите, видал меня сэр Эйлмер или нет!

— А вы его видели?

— Конечно. Констебля это убедило.

— Ну, ладно. Простите, служба.

— Ничего, ничего.

— Тогда до свидания. Элзи, чаем не напоишь? Элзи Бин вздернула носик.

— Иди на кухню, бери сам. Там твоя сестрица. У кухарки. Поттер задумался. Жажда и любовь разрывали его на части. С прискорбием сообщим, что победила жажда.

— Пойду, горло промочу, — сказал он и впрямь пошел. Элзи проводила укоризненным взором синюю спину.

— Да уж, сестрица! — заметила она с такой горечью, что Мартышка подумал: «Дева в беде»; и, вытирая лоб, искоса взглянул на нее.

— Вам не нравится его сестра?

— Да уж, прямо скажем.

— Если они похожи, я вас понимаю. А что с ней такое? Несмотря на многократные напоминания, Элзи Бин не обрела той сдержанности, какой отличается вышколенная служанка. Когда надо бы ответить вышестоящим: «Да, сэр» или «Нет, мэм», она изливала душу; а уж теперь к тому же перед ней был гость.

— Вот что, — ответила она. — Из-за нее он никак не уйдет. Точит и точит: «Не уходи», «Не слушай эту Элзи». Никаких сил нету!

Мартышка сосредоточился.

— Сейчас, сейчас, — сказал он. — Я не все понял. Вы хотите, чтобы он ушел со службы?

— Ага.

— А сестра не хочет. Понятно. Чем же плоха его служба? — спросил он. Человек, служивший в суде, умеет задавать вопросы.

Элзи Бин, однако, вопросу удивилась.

— Как это, чем? Да их все терпеть не могут! Если б я дома сказала, они бы так и сели. Брат в сентябре выходит, шутка ли! Мы из Боттлтон-Ист, — пояснила она.

Мартышка вдумчиво кивнул. Он все понял. Дочери Лондона, особенно столь оживленного района, как Боттлтон-Ист, претит союз с человеком, хватающим других за шкирку. Если же учесть несчастье с братом, можно легко представить, что множество дядюшек и кузенов сочтут такой союз пятном на семейном гербе.

— Понятно, — признал он. — А что он тогда будет делать?

Работу найти нелегко.

— Купит кабачок, — объяснила Элзи. — У него есть триста фунтов. Выиграл в футбольное лото.

— Везет же людям!

— Только сестра мешает. Я все говорю: «Ну, Гарольд!», а он усы жует и молчит. Ничего, подождем, — философически прибавила она. — А это что на полу?

— Я тут уронил одну штуку.

— Хозяин знает?

— Как не знать! Поговорили…

— И он вам голову не отъел?

— Вроде бы, собирался, но передумал. Трудный характер, а?

— Одно слово, титан, — сказала Элзи.

Мартышка вошел в холл. Экспонаты ему приелись, он хотел спокойно поразмыслить. Ему было приятно, что мнение о сэре Эйлмере подтвердила девица, хорошо знакомая с ним.

Титан? Не без того. К деспотичным людям Мартышка относился примерно так, как жители Боттлтон-Ист — к служителям закона. Он и боялся их, и недолюбливал. Видимо, союз с Гермионой труднее, чем ему казалось.

— А хозяйка? — поинтересовался он. — Вроде бы не людоед.

— Да, она получше, — согласилась Элзи Бин. — А лучше всех — мистер Уильям.

— Это еще кто?

— Их племянник, мистер Окшот.

— Ах да, забыл! Мы с ним дружили. Такой розовый.

— Красный, как кетчуп. Это он загорел, в Бразилии. Он мне сегодня

рассказывал, там стреляют птиц ядовитыми стрелами.

— Ядовитыми?

— Ага. Из таких трубок.

При всей своей вежливости Мартышка молчать не мог. Он помнил «Юных исследователей Амазонки».

— Нет.

— А он говорит, да.

— Шутит. Отравленными стрелами они убивают родственников. Ну, подумайте! Зачем им эти птицы? Для еды. Значит, они сами отравятся. Съел — и крышка. Они, конечно, идиоты, но не такие же! Птиц они стреляют так: делают рогатку, — он вынул носовой платок и завязал петлей, — берут камень, — он взял пресс-папье, — крутят над головой… Ой, Господи!

Раздался треск, и что-то забелело на полу, у другой стены.

— Вот это да! — восхитилась Элзи. — Все переломали. Ну, хозяин вам покажет!

Мартышка в третий раз покрылся липким потом.

— А что это? — робко спросил он.

— Фигура, называется бюст. Любит он ее — у-ух! Как-то я тут прибирала, а он и пристал: «Осторожней! Смотрите, не свалите!». Да-а…

Мартышка вспотел еще больше. Хороший стилист сказал бы, что капельки пота, словно жемчуг, украсили его лоб. Однако он и похолодел, словно воздушный пирог, у которого сверху — горячее суфле, а внутри — мороженое.

— Боже ты мой! — вскричал он. — Ну, я и влип! Скажите, Элзи, что мне делать?

Вероятно, Боттлтон-Ист рождает особенно мудрых женщин, а может — все они такие, но Элзи ответила:

— Значит, так. Тут темно, он близорукий, а очков не носит. Джейн слышала, он говорил: «В очках я глупо выгляжу». Езжайте в Лондон, купите бюст, суньте сюда. Он не заметит.

Мартышка не сразу уследил за ходом ее мысли, но, уследив, восхитился. Вот он, выход! Собственно, и ехать не надо — бюст есть в Икенхеме. Вчера, за обедом, рассказывая о Салли, дядя показал на него, а он, Мартышка, — что за ирония судьбы! — едва взглянул. Сейчас он взглянет будь здоров, это уж точно.

Прикинем: до Икенхема — двенадцать миль, это минуты три с небольшим. Да, до возвращения хозяев обернуться можно.

— И верно! — сказал он, улыбаясь мудрой Элзи. — Пойду, выведу

машину.

Элзи это одобрила.

— А вы тут приберите, ладно?

— Ага.

— Молодец. Красота! — совсем развеселился Мартышка, убегая к гаражу.

Когда он отъезжал, Элзи Бин, прибравшая обломки, стояла на ступенях, у входа. Мартышка ощутил укор совести.

— Э-э, — сказал он, — спасибо вам большое. Вы меня прямо спасли. Этот Джек Потрошитель съел бы меня и не поморщился.

Элзи заверила, что рада служить. Мартышка пожал ей руку.

— Спасли и спасли, я б совсем пропал, — пояснил он, и как-то вышло, что после этого оставалось по-братски ее поцеловать. Так он и сделал; а Билл Окшот, огибая угол (он много гулял, чтобы заглушить душевные муки), видел все, с начала до конца.

Мартышка впорхнул в машину. Билл глядел на него.

— Это не мистер Твистлтон? — проверил он у Элзи, хотя люди этого типа меняются мало.

— Он самый, — отвечала она, не ведая о буре в его душе, ибо в Боттлтон-Ист все целуют друг друга, как ранние христиане. — Он говорит, вы шутили.

— Когда?

— Насчет птиц. Они их стреляют из рогатки, а из трубки — родственников.

Но Билл не слышал ее. Он думал о Мартышке. Вот кому, думал он, вручила свою судьбу Гермиона! Распутнику, Дон Жуану, который начал свои бесчинства в танцклассе, а теперь целует горничных. Как прав был Икенхем с этим леопардом! Но тот не может, а этот не хочет избавиться от пятен.

— Куда он поехал? — спросил Билл.

— В Лондон.

— Да он только приехал!

— Ага.

— И уехал?

— Ага.

— А зачем?

Элзи была хорошим, осторожным сообщником.

— Не знаю. Взял и поехал.

Билл глубоко вздохнул, думая о том, что приятель его лишился

последнего разума. Раскуривая трубку, он страдал. Здоровый распутник — это плохо, сумасшедший — еще хуже.

Глава четвертая

Ровно без четверти восемь, искупавшись и переодевшись в клубе, лорд Икенхем прибыл в Челси, на Бадж-стрит, чтобы повести в ресторан Салли Пейнтер.

Улица эта, в самом центре артистического квартала, темна, грязна и неприятна. Обитатели ее много читают и часто едят фрукты, ибо у тротуаров трепещут газеты, а в канавах лежат шкурки от бананов, сердцевинки от яблок, косточки от слив и хвостики от ягод. Кошки здесь — жилистые, могучие, и вид у них такой, словно они только что видели, а то и совершили убийство в самом жутком стиле.

Естественно, элегантный граф оживил неприютность этих мест, внеся самый дух фешенебельных бегов, когда разыгрывается кубок. Вскоре он получил подкрепление — из-за угла вынырнула девушка в бежевом, тоже напомнившая о бегах. Даже споря о том, какого оттенка похожий на него кролик, Мартышка не стал бы отрицать, что Салли Пейнтер прелестна, — не только хороша, но так изящна, что и этого бы хватило.

Лорду Икенхему она напомнила легкую душу лета. Увидев, как она остановилась, чтобы погладить кошку, а кошка тут же стала возвышенней и добрее, граф совсем растрогался.

Тем временем Салли, словно Коломбина, бросилась в его объятия.

— Я вас не задержала, дядя Фред? — спросила она. — Пришлось повидаться с одним человеком, насчет бюста. Вы давно ждете?

— Нет, что ты! — отвечал граф, думая о том, что все только и занимаются бюстами.

Салли взяла его под руку и сказала:

— Как я рада вас видеть!

— Да, — согласился он, — видеть меня приятно.

— Спасибо, что пришли. Улизнули, а?

— Странные глаголы ты выбираешь.

— Разве тетя Джейн не говорила, что снимет с вас скальп?

— Припоминаю какую-то шутку, в игривом стиле. Зачем ей нужно, чтоб я уподобился овощу? Однако сейчас твоя названая тетя — на пути в Вест-Индию. Прекрасный случай расширить горизонты. И для нее, и для меня.

— Ах, дядя Фред!

— Что ж, ловим такси. А вот и оно! — заметил граф, когда они свернули за угол. — К Баррибо, пожалуйста, — сказал он шоферу, и Салли закрыла глаза от счастья. При ее обедах чарует самоё имя лучшего ресторана.

— Мы же не одеты! — заметила она, однако.

— Пойдем в гриль. Веч. кост. не обязат.

— А я прилично выгляжу?

— Еще бы! Елена после косметички. Салли совсем расслабилась.

— Мы, графы, метим высоко, — заверил ее лорд Икенхем. — Самое лучшее — вот наш девиз.

— Хорошо быть графом?

— Нет слов. Иногда проснешься — и ахнешь: как только

живут все прочие!

— Но вы знаете, что граф — паразит? Анахронизм, нарост на теле государства. Это Отис сказал. Он теперь вроде коммуниста.

— Вот как? Что ж, передай ему, я себя вешать не дам. Не любит графов?

— Недолюбливает. Говорит, они сосут кровь.

— Какой идиот, однако! А кровь сосем, ничего не попишешь. Для румянца. Правда, я взял свой титул горбом. Люди видят хлыща в короне, с пятью именами; а начинал я снизу. Много лет я был младшим сыном, вот как!

— Что ж вы раньше не сказали?

— Не смел. Подумай сама, в книге пэров есть — но мелким шрифтом!

— Я сейчас заплачу.

— Ничего не могу поделать. Ты знаешь, как живут младшие сыновья? Хуже собак. Они садятся за стол после вице-канцлера Ланкастерского палатината.

— Дядя, миленький, все позади!

— Одно утешение: могут присутствовать в Палате лордов, когда идут дебаты. А я и того не мог — клеймил коров в Аризоне.

— Я не знала, что вы клеймили коров.

— Сотнями. У меня был прекрасный удар — точно, метко, как мул копытом. Кроме того, я торговал газированной водой, служил в газете, где и познакомился с твоим папой, хотел обосноваться в Калифорнии. Но был ли я счастлив? Нет. Глубину души, словно кислота, разъедала мысль о том, что я ниже этого вице-канцлера. В конце концов, упорным трудом я добился нынешней славы. Хотел бы я видеть, как вице-канцлер

Ланкастерского палатината полезет впереди меня!

— Прямо Горацио Олджер…[60]

— Да, очень похоже. Но я тебя утомил. Мы, графы, любим вспоминать годы лишений. Расскажи-ка о себе.

— Ну, за стол я все еще сажусь после издательниц модного журнала, а так — ничего.

— Работа есть?

— Бывает.

Машина подкатила к отелю «Баррибо», и они вошли в ресторан. Когда они сели за столик, Салли вздохнула.

— Какая красота! — сказала она.

— Хочешь есть?

— Я всегда хочу.

Лорд Икенхем тревожно посмотрел на нее.

— Ты уверена, — спросил он, — что дела идут неплохо?

— Конечно. Так и пеку эти бюсты. Просто удивительно, сколько народу хочет запечатлеть свои непривлекательные лица.

— Не врешь?

— Нет, правда. Денег хватает.

— Почему же ты послала SOS? Почему подчеркнула «очень»? Какие такие дела?

Салли помолчала, но лишь потому, что сосредоточилась на икре.

— Это, — наконец, сказала она, — насчет Отиса.

— Ой!

— Да. Вы уж простите.

— Опять твой Отис! Почему это у самых милых девушек самые противные братья? Видимо, закон природы. Ну, что с ним?

— Позже объясню. Попросите Мартышку сделать для меня кое-что.

— Мартышку?

— Я сама не могу.

Чуткий граф заметил, что голос ее изменился, и, перегнувшись через стол, погладил ей руку.

— Какое безобразие, а?

Салли кивнула. Они помолчали. Лорду Икенхему казалось, что спутница его заплачет. Дяди редко понимают, как их племянники сумели кого-то очаровать. Не понимал и граф, однако видел, что утрата проделала большую дыру в сердце прелестной девушки. Она так явно страдала, что он обрадовался, когда официант снял напряжение, поскольку принес truite

bleu.[61]

— Расскажи, что там с Отисом, — попросил граф. Салли криво улыбнулась.

— Не надо, дядя Фред. Я могу говорить про Мартышку? Во всяком случае… Нет, могу. Вы давно его видели?

— Он у меня был. Вчера приехал, сегодня уехал.

— Как он выглядит?

— Прилично.

— Обо мне вспоминал?

— Да. А когда я стал его ругать, рассказал все.

— Что я хотела ему подсунуть камушки Элис Ванситтер?

— Именно.

— Оказалось, что это не нужно.

. — Божественная Элис решила заплатить пошлину?

— Нет. Я придумала лучший способ. Красота, а не способ! Элис в полном восторге.

Такая дерзновенность понравилась лорду Икенхему. Салли явно не хотела плакать. В глазах ее появился тот блеск, который пугал Мартышку, когда он видел его у дяди.

— В восторге?

— Прыгала от радости.

— Надеюсь, ты знаешь, что нельзя обманывать таможню?

— Да, и очень страдаю.

— Ничего не поделаешь. Значит, вам с Мартышкой незачем было ссориться?

— Конечно, незачем.

— Он слишком серьезно отнесся к твоим словам. Джейн шесть раз ссорилась со мной до свадьбы, а я не отчаивался.

— Надо было помнить, какой Мартышка серьезный.

— Святой человек. Но глуп.

— А теперь он женится на этой Гермионе! Вы с ней знакомы?

— Нет. Фотографию видел.

— Я тоже. В «Тэтлере». Очень красивая.

— Если кто любит этот тип красоты.

— Мартышка любит.

— Вероятно. Можно сказать, сейчас он под парами. Но подожди, он очнется. Горькое пробуждение…

— Откуда вы знаете? Вы же только видели фото.

— И достаточно. Она ему покажет!

— Бедный, бедный! Они опять помолчали.

— О чем же ты хочешь попросить? — осведомился граф. — Сделает он все, что угодно. Он очень любит тебя, Салли.

— Ну, что вы!

— Любит. Сам сказал.

Ее лицо озарилось такой улыбкой, что официант чуть не уронил тушеных цыплят.

— Сказал?

— И заметь, он послал тебе заказчика, сэра Эйлмера.

— Это от Мартышки? Как мило с его стороны. — Салли мягко вздохнула. — Жаль, что из-за этого бюста начались беды у Отиса.

— А что такое?

— Начнем с того, что сэр мне позировал.

— Естественно.

— Мы болтали о том, о сем.

— Блестящие беседы?

— Не очень. Он описывал, насколько лучше его прежний бюст.

— Знаю. Стоит у него в поместье. Вернее, стоял.

— Откуда вы знаете?

— Подожди. Я еще расскажу *мою* историю. Сейчас — твоя очередь. Итак, вы болтали, но без особого блеска.

— Да. Однако он сказал очень интересную вещь. Он написал мемуары и готов заплатить за издание. А я подумала: «Как раз для Отиса».

— Так, так… Отис взял и все перепутал?

— Именно. Туда вклеили картинки из другой книги, о современном искусстве. Сэру Эйлмеру они не понравились, особенно ню с подписью «Сэр Эйлмер Восток в двадцать лет». Я ничего не знала, и вдруг он вернул мне бюст. Привезла сама леди Восток. А теперь он подает в суд на Отиса. Если он выиграет, издательство просто рухнет. До чего же неприятно!..

— Отис как вылитый.

— Он такой мечтательный.

— Он жуткий. Вероятно, ты дала ему денег, когда он начинал это все?

— Вообще-то, да.

— О, Господи! Ну, Салли, не хочу тебя огорчать, но Восток дело выиграет.

— Если дойдет до суда. Я и хочу попросить Мартышку, чтоб он уговорил сэра Эйлмера.

— Хорошо бы. Но как он относится к Мартышке?

— Я думаю, он его полюбил.

— А я — не думаю. Все бюсты, бюсты… Странно, что ваши дела с ними связаны. И Отис, на которого мне наплевать, и ты, моя дорогая, зависите от того, сумеет ли Мартышка скрыть следы. Жизнь сложна. Я бы сказал — причудлива.

— Дядя, я ничего не понимаю. Какие следы?

— Вот это и есть моя история. Ты сыта? Тогда пойдем, выпьем кофе в гостиной. Да, — продолжал лорд Икенхем, когда они опустились в глубокие кресла, — именно причудлива. Мартышка был у меня, я уже говорил.

— Говорили.

— А сегодня, после завтрака, уехал в Эшенден, чтобы очаровать хозяев. Я думал было, неделю его не увижу, но ошибся. Через два часа он приехал, трепыхаясь, как кошка на горячей плите.

— Почему?

— Потому что он решил показать служанке, как убивают птиц бразильские аборигены, и разбил тот самый бюст, о котором ты упоминала.

— О-ой!

— И ты уподобляешься кошке?

— Конечно! Разве вы не понимаете? Сэр Эйлмер души не чает в этом бюсте. Он рассердится на Мартышку.

— А Мартышка не сможет просить за Отиса? Да, весьма вероятно. Но не волнуйся, все обойдется. Он снова приехал ко мне, чтобы взять другой бюст, твой.

— Как умно!

— Для Мартышки — даже слишком. Видимо, служанка подсказала. Помню, на собачьих бегах никак не мог назвать себя. «Тви…», «Твист…» — спасибо, я прошептал:

«Эдвин Смит, Ист-Далидж, Настурциум-роуд, 11».

— А вы кем были?

— Джорджем Робинсоном, дом 14. Да, скорее всего — служанка. В общем, я дал ему бюст, и он уехал. Не знаю, что было дальше, но склонен к оптимизму. Он говорит, в том углу темно, и вряд ли Балбес туда заходит. Бросит взгляд, белеет что-то — и ладно.

— Почему вы зовете его Балбесом?

— Его вся школа так звала.

— Вы вместе учились?

— Да.

— Тогда, может, вы похлопочете?

— Нет. Недавно я говорил его племяннику, что дал ему шесть раз по

заду крикетной битой. Пусть Мартышка хлопочет.

— Если замел следы.

— Замел, замел. Он говорит, у Балбеса плохо с глазами, а очки не носит. Что же до служанки, она человек верный.

— Как вы умеете утешить, дядя Фред!

— Стараюсь, дорогая, стараюсь. Сладость и свет — мой девиз.

— Хорошо, что у вас был этот бюст.

— Исключительная удача. Вообще у нас бюстов мало. Статуи — есть, Венеру — пожалуйста, дедушка их очень любил. «Дом — это не дом без доброй старой Венеры.», — говорил он, поглаживая баки. Вот и получилось, что иногда кажется, будто ты зашел в турецкую баню в женский день. А бюстов — нет. Мы, Икенхемы, их не держим. Если бы ты, по велению Промысла, не оставила…

Из кресла в этой гостиной выскочить трудно, но Салли выскочила.

— Дядя Фред! — вскричала она. — Он взял *этот* бюст?

— Конечно. А что такого?

Салли опустилась в кресло и глухо прошептала:

— В нем — те камушки.

— О, Господи!

— Да. Я их туда сунула, Элис должна была забрать. Это и есть лучший способ.

— Ну, знаешь! — сказал лорд Икенхем.

Они помолчали еще раз. Никто не назвал бы пятого графа ненаходчивым, но тут он растерялся. Он крутил усы, он скреб подбородок, он барабанил пальцами по ручке кресла, но вдохновения не обретал. Наконец, он поднялся на ноги.

— Что ж, дорогая, — сказал он, — *вины* за собой я не чувствую. Стоит ли говорить, что хотел я сделать как лучше? Сейчас нужно не блеять, а придумать выход. Наверное, воздух поможет.

Он прошел сквозь вращающуюся дверь, склонив голову, сцепив за спиною руки. Вернулся он минут через пять, совсем иной.

— Все в порядке, моя дорогая, — сказал он. — Балбес вернул тебе бюст? Он в мастерской?

— Да.

— Так, так. Заберем и отвезем завтра в Эшенден. Там я его подменю.

— Но…

— Никаких «но»!

— Как же?..

— И никаких «как же». Именно это говорили Колумбу и остались в

дураках. Не ломай себе голову, доверься мне. Езжай домой, уложи вещи, выспись как следует, а я обдумаю кое-какие частности. Еще кофе? Нет? Тогда идем. Ах, хорошо! Чего-нибудь такого я и ждал, а то закис, старею. Сейчас я чувствую себя как тогда, когда мы с Мартышкой ездили в Бландинг в облике психиатров. Он тебе рассказывал?

— Нет.

— Странно. Я думал, он вспоминает об этом с нежностью. Завтра расскажу, в дороге. До свидания, дорогая, — закончил граф, усаживая Салли в такси. — Выспись получше, не волнуйся. Положись на меня. В таких ситуациях я проявляю лучшие свои качества. А лучшие качества Фредерика Алтамонта Корнуоллиса Твистлтона, пятого графа Икенхемского — это тебе не кот начхал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава пятая

1

Если погода к тому располагала, у леди Восток вошло в обычай сидеть после ленча в шезлонге, на террасе и вязать носки для достойных бедняков. Как и лорд Икенхем, она любила дарить радость и свет, но думала при этом — быть может, резонно, — что носок-другой внесет их в безрадостную жизнь.

Назавтра после вышеописанных событий погода была прекрасная. Небо сияло синевой, озеро сверкало серебром, клумбы источали жужжание пчел и благоухание лаванды. Словом, день был из тех, что веселят сердце, поднимают дух и побуждают пересчитать по одному дары Божьи.

Леди Восток их пересчитала и осталась довольна. Хорошо вернуться домой, хотя вообще-то она не очень любила сельскую жизнь; хорошо съесть все то, что в порыве вдохновения приготовила кухарка; хорошо, наконец, видеть мужа в приличном, даже резвом настроении, поскольку судить младенцев будет не он, а Уильям. Сейчас сэр Эйлмер пел в своем кабинете о том, что все его добро — копье-о-о и щит из сыромятных кож, или, скажем точнее, ко-о-аж.

Что ж, прекрасно. И все же, несмотря на мастерство кухарки, резвость мужа и красоту дня, леди Восток страдала. Теперь, когда жизнь так сложна, а слепая судьба одной рукой дает, другой — отнимает, нелегко найти вполне счастливого человека. В сладости есть горечь, и она играет первую скрипку.

Сурово, да, но цивилизация наша сама напросилась на такой приговор.

Сидя в шезлонге и накидывая петли, или что там делают женщины, когда вяжут, леди Восток вздыхала, размышляя о Салли Пейнтер.

Краткий визит произвел на чувствительную женщину большое впечатление. Она просто подъехала к дому, позвонила в дверь, отдала бюст консьержке (а может, служанке) и уехала; но этого хватило, чтобы узнать одно из тех мест, о которых мы читаем в романах. Именно так живут бедные художники, питаясь одной лишь надеждой. Как же радовалась мисс Пейнтер такому заказу, как горюет о его утрате!

Этими мыслями леди Восток поделилась с мужем, возвращаясь от викария, но он не без грубости их отверг. Примерная жена не судит свою половину, и все же сейчас, в одиночестве, она страдала.

— Неужели ничего нельзя сделать? — терзалась она, сравнивая недавнюю трапезу с сухой коркой, которую запивает водой бедная Салли. Уговаривать мужа бесполезно. А если послать денег, тайно, от себя?..

Тут размышления ее прервал, а муки — усугубил племянник, притопавший с трубкой на террасу. Она печально взглянула на него, чувствуя именно то, что чувствует мягкосердечный палач, когда ему подолгу службы пришлось удавить одалиску. Казалось, что она не забудет отчаяния и ужаса, исказивших темно-красное лицо. Следы этих чувств были еще видны.

— Вяжете, тетя Эмили? — мрачно осведомился он.

— Да, дорогой. Носок.

— Вот как? — глухо произнес он. — Носок? Это здорово. Она осторожно коснулась его руки и попросила:

— Ты не мучайся, дорогой.

— Интересно, как? — ответил Билл. — Сколько их там?. — В прошлом году было сорок три.

— Сорок три!..

— Мужайся, мой дорогой! Если мистер Друпг это делал, и ты сможешь.

Билл сразу увидел, в чем ее ошибка.

— Он священник. Их специально тренируют. Наверное, на куклах для чревовещателей. Сорок три? Ха-ха! Куда там, еще нарожали! Одно слово, кролики. Зачем я уехал из Бразилии?

— Уильям, мой дорогой…

— Да, зачем? Какая страна! Мухи, змеи, тарантулы, аллигаторы, скорпионы — и не единого младенца! Тетя Эмили, можно я кого-нибудь найду?

— Кого же?

— Да, найти трудно, — согласился Билл. — Мало таких дураков. Ну, я пошел, тетя Эмили. Когда ходишь — как-то полегче.

Он удалился, извергая дым, леди Восток — осталась и в такой скорби, что, как бы желая довести ее до предела, принялась думать о Мартышке.

Потенциальные тещи часто пугаются потенциального зятя. Леди Восток не была исключением. Увидев Мартышку, она совершенно растерялась, не в силах понять, почему ее дочь выбрала этого человека. Только безупречное воспитание мешало ей шлепнуть его носком для

достойного бедняка.

Исследуя свои впечатления, она пришла к выводу, что нервный смешок, лимонные волосы и (время от времени) стеклянный взгляд — ничто перед исключительной прыгучестью.

Всего час назад, когда, выйдя из столовой, они оказались в холле, Эйлмер направился было к бюсту, чтобы смахнуть с него пыль носовым платком, а Реджинальд мягко, словно тигр, прыгнул ему наперерез.

Какой странный, однако! Быть может, он не совсем здоров? Быть может, его томит тайная вина?

При жаркой погоде такие мысли располагают ко сну, и глаза несчастной леди стали слипаться. Где-то урчала косилка. Западный ветер нежно ласкал лицо.

Недолгий сон прервали звуки такой силы, словно кто-то взорвал под шезлонгом добрую дозу тринитротолуола.

— ЭМИЛИ!

Сэр Эйлмер высовывался из окна.

— Э-МИ-ЛИ!

— Да, дорогой? — сказала леди Босток. — Да, дорогой?

— Иди сюда! — проревел сэр Эйлмер, словно боцман в бурю. — Скорей!

2

Когда леди Босток поспешала в кабинет, сердце ее билось болезненно и часто. Интонация криков предвещала безымянные беды; и, переступив порог, она поняла, что не ошиблась.

Лицо у сэра Эйлмера было синее, усы — ходили и плясали. Такого она не помнила с тех давних пор, когда самый юный из адъютантов, нервно играя щипцами, отбил ножку у любимого бокала.

Сэр Эйлмер был не один. В углу; в почтительном отдалении, находился Гарольд Поттер, похожий, как все констебли, на хорошо набитое чучело. Леди Босток растерянно посмотрела на одного и на другого.

— Эйлмер, — вскричала она, — в чем дело?

Муж ее, человек искренний, не скрывал плохих новостей.

— Эмили, — сказал он, — тут заговор.

— Что, дорогой?

— ЗА-ГО-ВО Р. Ты знаешь Поттера? Леди Босток Поттера знала.

— Здравствуйте, Поттер, — сказала она.

— Доброго здоровья, миледи, — отвечал Поттер, обмякнув на мгновение учтивости ради, и снова обращаясь в чучело.

— Поттер, — сообщил сэр Эйлмер, — рассказал мне странную историю. Эй, вы!

— Сэр?

— Расскажите миледи.

— Хорошо, сэр.

— Это про Реджинальда, — объяснил сэр Эйлмер, чтобы расшевелить аудиторию. — Точнее, — поправился он, — про мнимого Реджинальда.

Глаза у леди Босток увеличились, сколько могли, но тут они еще и вылезли.

— Мнимого?

— Да.

— В каком смысле?

— В прямом. Это — самозванец. Я его сразу заподозрил. Смотрит как-то так… уклончиво. Хихикает. Преступный тип. Поттер!

— Сэр?

— Рассказывайте.

— Хорошо, сэр.

Констебль выступил вперед. Глаза его остекленели, как стекленели они, когда он давал показания в суде. Глядел он вверх, словно обращался к бесплотному духу, парившему над головами с невидимым блокнотом.

— Шестнадцатого числа текуще…

— Вчера, — уточнил сэр Эйлмер.

— Вчера, — согласился констебль, — то есть шестнадцатого числа текущего месяца, я проезжал на велосипеде мимо вашего дома и заметил, что туда лезет подозрительный субъект.

— В мой музей, — прибавил сэр Эйлмер.

— В музей, принадлежащий сэру Эйлмеру. Я немедленно задержал и допросил подозреваемого. Он назвался Твистлтоном и сообщил, что у вас гостит.

— Так и есть, — вставила леди Восток. Муж ее властно махнул рукой.

— Тихо, тихо, тихо, тихо, ТИХО! — сказал он. — Слушай. Он вздул усы. Жена его, опустившись в кресло, замахала местным журналом. Констебль, снова обмякший на мгновение, остановил взгляд, вздернул подбородок и обратился к невидимому духу.

— Окончив допрос и установив личность, я удалился, оставив задержанного под присмотром служанки, которая помогла мне… — он

поискал слово, — установить личность. Однако…

— Слушай, слушай!

— Однако я не был удовлетворен. А почему? — перешел констебль на разговорный язык. — Вроде бы лицо знакомое. Думаю, гадаю — никак! Сами знаете, бывает. И главное, фамилия не та.

— Слушай! — вмешался сэр Эйлмер. — Ты что, СПИШЬ?!

— Нет, дорогой! — вскричала леди Восток, прикрывшая глаза, чтобы унять головную боль. — Что ты, дорогой!

— Поттер служил в лондонской полиции, — пояснил ей муж. — Курит он сегодня трубку…

— Сигарету, сэр, — почтительно поправил Поттер, знавший, как важны частности. — Такую, знаете…

— … и вдруг вспоминает, — продолжал сэр Эйлмер, метнув в него грозный взгляд, — что видел этого субъекта на собачьих бегах. Что там, он его арестовал, вместе с сообщником!

— Эйлмер!

— Кричи, кричи. У Поттера есть альбом с газетными вырезками, он собирает все свои дела. Так вот, он посмотрел и увидел, что фамилия этого типа — совсем не Твистлтон, а Смит. Эдвин Смит, Ист-Далидж, Настурциум-роуд, 11. Ну как, самозванец он или кто?

Поскольку у женщин нет усов, им нелегко в такие минуты. Леди Восток тяжело задышала, но это уже не то, выразительности меньше.

— Что же он у нас делает?

— Поттер считает, что его заслали на разведку. Видимо, так оно и есть. Шайки любят упростить себе дело. Зашлют кого-нибудь, он все разузнает, а потом — откроет окно. Ты спросишь, что им тут понадобилось? Это ясно. Моя коллекция. Где Поттер застал субъекта? В музее. Где застал его я? Опять же в музее. Так и тянет к экспонатам. Вы согласны, Поттер?

Недовольный тем, что его отодвинули на задний план, Поттер все же признал, что согласен. Леди Восток по-прежнему дышала.

— Это очень странно!

— Почему? Моим экспонатам нет цены.

— Я хочу сказать, страшно.

— Такие люди идут на риск. Идут они, Поттер?

— Идут, сэр.

— Истинные черти, а?

— Черти, сэр, — окончательно смирился констебль.

— Он знал, что мы ждем Реджинадьда, — рассудила леди Восток. —

Но он же мог с ним встретиться!

— Эмили, ты не ребенок. Шайка его устранила.

— Как это, устранила?

— Ну, как они устраняют? Ты что, не читаешь детективов? Поттер увидел, что пришел его час.

— Звонят, миледи, и приглашают на старую мельницу, а там — запирают. Или…

— … подсыпают снотворного в виски и уносят на яхту, — перехватил инициативу сэр Эйлмер. — Методов — сотни. Скорее всего, Реджинальд лежит на раскладушке, с кляпом во рту. Где-нибудь в портовом районе. А, Поттер?

— Лежит, сэр. В районе, сэр.

— Или в трюме, плывет к Америке.

— Плывет, сэр.

— Очень возможно, — отрешенно прибавил сэр Эйлмер, — что его пытают огнем. Поттер, я вас не держу. Пива хотите?

— Хочу, сэр, — отвечал констебль, на сей раз — с истинным пылом.

— Выпьете на кухне. А мы, — сказал баронет, когда дверь закрылась, — займемся делом.

— Каким, дорогой?

— Выведем на чистую воду этого субъекта.

— Эйлмер!..

— Что тебе?

— Может быть, ты ошибся?

— Не может.

— Ты подумай! Если он — Реджинальд, Гермиона нас загрыз

3

Баронет заморгал, как заморгал бы рыцарь, который скачет в бой и налетает на дерево. Африканские вожди, трепетавшие, как серны, при мановении его усов, удивились бы такой слабости в том, кто неподвластен человеческому чувству, — и ошиблись бы. Гермиону он боялся.

— М-да, — задумчиво сказал он. — М-да, я тебя понимаю.

— Она рассердится.

— М-да…

— Просто не знаю, что и думать, — развернула мысль леди Восток. — Поттер очень хорошо рассказывал, но мог и ошибиться. Вдруг это —

Реджинальд?

— Навряд ли.

— Да, дорогой, ты прав. Я и сама заметила, он какой-то странный. Пугается, что ли. Но…

Сэру Эйлмеру пришла в голову блистательная мысль.

— Разве Гермиона его не описывала?

— Конечно, мой дорогой. Я совсем забыла! Письмо — в моем столе, сейчас принесу.

— Ну что? — спросил баронет через минуту-другую.

— Вот, пожалуйста, — отвечала жена. — Высокий, стройный, с большими сияющими глазами.

— А, что я говорил! Сияют у него глаза?

— Не сияют?

— Нет. Одно слово, яйца всмятку. Еще что?

— Он очень остроумный.

— Видишь!

— О!

— Что такое?

— Уильям знает его с детства.

— Вот как? Тогда зовем Уильяма. Где он? Уильям! УИЛЬЯМ! У-И-ЛЬ-ЯМ!!!

Такие вопли редко пропадают втуне. Билл Окшот, куривший на террасе, размышляя при этом о своих горестях, влетел в комнату, словно его потянули за веревку.

Он понадеялся было (или испугался), что дядя — при смерти, но быстро понял, что это не так.

— А, что? — спросил он.

— Пришел наконец! — Сказал сэр Эйлмер. — Как насчет этого субъекта?

— Какого?

— Который выдает себя за Твистлтона.

— В каком смысле «как насчет»?

— Господи! Ясно тебе сказано: «Как насчет субъекта?».

— Мы очень расстроены, Уильям, — объяснила леди Босток. — Дядя думает, что этот человек — обманщик, самозванец.

— С чего это вы взяли?

— Неважно! — рявкнул сэр Эйлмер. — Ты его знал?

— Да.

— Так, хорошо. А вчера — узнал?

— Ну, естественно.

— Не отмахивайся. «Естественно», видите ли! Когда вы виделись в последний раз?

— Лет двенадцать назад.

— Как же ты его узнал?

— Он такой самый. Подрос, а так — такой же.

— Вы вспоминали прошлое?

— Нет, не вспоминали.

— Вот! Пожалуйста!

. — Да он отзывается на Мартышку! Сэр Эйлмер звучно хмыкнул.

— Еще бы! Что ж, ты думаешь, у самозванца не хватит на это ума? В общем, толку от тебя нет.

— Извини!

— При чем тут «извини»? Ничего, я сам разберусь. Поеду к Икенхему, у старого психа должны быть его портреты, как-никак — племянник. Погляжу. Сверю.

— Как ты хорошо придумал, мой дорогой!

— Да, неплохо, — согласился сэр Эйлмер. — Просто осенило.

Он вылетел из комнаты, словно его метнула рука бразильского туземца. Пробегая через холл, он взглянул на Мартышку, который, словно убийца, вернулся на место преступления, в сотый раз вопрошая себя, сойдет или не сойдет.

— Ха! — заметил сэр Эйлмер.

— А, здравствуйте, — отвечал Мартышка, слабо улыбаясь. Баронет посмотрел на него тем самым взглядом, каким смотрят на самозванцев, особенно если те пойманы на месте. Да, убедился он, вид у субъекта виноватый, мало того, подозрительный.

— Ха! — повторил он на бегу, устремляясь к своей машине. Через несколько минут, нетерпеливо вырулив на дорогу, он повстречал другую машину. За рулем сидел лорд Икенхем, рядом — Салли.

Глава шестая

1

Лорд Икенхем зорко взглянул на изгиб дороги и беспечно покрутил ус. Вид у него был такой, словно он едет на пикник. Он хорошо выспался,

хорошо позавтракал и просто светился радостью. Одно выражение неплохо опишет предприимчивого пэра: как огурчик. Мы можем осуждать его методы, можем и качать головой, но не вправе отрицать сходства с этим овощем.

— Здесь? — спросил он спутницу.

— Здесь.

— Как ты уверенно отвечаешь!

— Я тут была, лепила этот бюст.

— Балбес не ездил к тебе в мастерскую?

— Конечно, нет. Вельможные особы не ездят к скромным скульпторшам.

Лорд Икенхем ее понял.

— И то правда, — сказал он. — Никак не привыкну, что Балбес — большая шишка. Для меня он — мордатый подросток, который перегнулся через стул, чтобы удобней было его бить. И я бил, страдая не меньше, чем он. Кстати, не верь, я искренне радовался. Да, все становятся старше, и это странно. Себя я чувствую двадцатилетним, а что до Мартышки, понять не могу, что он женится. Так и вижу его в матросском костюме.

— Какая прелесть!

— Нет. Мерзость. Матлот из оперетты. Но хватит о нем. Пришло время обсудить и стратегию, и тактику.

Голос его обрел ту звонкую легкость, которой боялся племянник.

— Стратегию и тактику, — повторил он. — Вот — дом. Вот — бюст. Надо соединить их, что я сейчас и сделаю. А?

— Я квакнула. Хотела спросить: «Как», но вспомнила про Колумба.

Граф удивился.

— Дорогая моя, неужели ты беспокоишься из-за такой чепухи? Поверь, есть тысячи способов. Если я опущу усы, вот так, похож я на слесаря?

— Нет.

— А если подниму, похож на репортера сельскохозяйственной газеты?

— Ни в малейшей степени.

— Так, так, так… Интересно, есть у Балбеса попугай?

— Нету. А что?

— Неужели Мартышка не рассказывал, что было на Мэйфкинг-роуд?

— Нет. Что же там было?

— Там был небольшой коттедж, укрепленный, словно замок, неприступные «Кедры». Но я проник в него с поразительной легкостью. Вот я — за оградой, вот — в гостиной, сушу ноги у газового камина.

Служанке я сказал, что мы пришли подстричь попугаю когти. Я — хирург, Мартышка — мой ассистент, дает наркоз. Как же это он не рассказывал? Мне не нравится такая скрытность, есть в ней что-то болезненное. Да, хирург для попугаев мне особенно удался. Жаль, что у Балбеса их нет. Хотя это естественно — попугаев держат хорошие, добрые люди. Ну, как-нибудь войду.

— А потом?

— Это легче легкого. Прячу бюст под полой, завожу разговор с Балбесом и вдруг говорю: «Эй, что там?». Он оглядывается, я ставлю бюст. Пошли!

— Подождите, дядя Фред, — сказала Салли.

— Ждать, в такие минуты? Икенхемы не ждут.

— Пусть учатся. У меня план лучше.

— Лучше моего?

— Несравненно. И проще, и разумней. Пятый граф пожал плечами.

— Что ж, послушаем, — сказал он. — Вряд ли он мне понравится.

— Это и не нужно. Вы сидите в машине…

— Ерунда!

— … а я отношу бюст.

— Смешно!

— Попытаюсь пройти незаметно, — продолжала Салли. — Но если меня заметят, я все объясню. Историю я придумала, а вы — нет.

— Я могу придумать двадцать историй, одна другой лучше.

— Одна другой безумней. Моя история очень хороша. Я пришла повидать сэра Эйлмера.

— Говори: «Балбеса», это мягче.

— Не буду. Итак, повидать сэра Эйлмера и умолить его, чтобы он взял бюст.

— Чепуха какая-то!

— Могу и поплакать.

— Что за чушь! Где твое достоинство?

— В самом худшем случае он меня выгонит.

— А тогда, — просиял граф, — мы начнем все снова, передоверив дело тем, кто мудрее и старше. Что ж, дерзай. Мне твой план не нравится. Он бесцветен. И вообще, как это можно, где я? Ладно, действуй. Посижу, поскучаю.

Раскурив сигару, он смотрел, как она идет к дому. Исчезая за поворотом, она помахала ему рукой, и он помахал ей с большой нежностью. «Какая девушка! — думал он. — Старая добрая Салли…».

Лорд Икенхем прожил в Америке лет двадцать, приобрел много друзей, но больше их всех любил беспечного и бедного художника Джорджа Пейнтера. Любил он и его дочь. Она воплощала ту самую разновидность девушек, которую Америка производит в изобилии, одаряя их серьезностью, весельем и почти икенхемовской легкостью. Скажем, как хорошо она справилась с собой, когда он так огорчил ее в гостиной отеля. Не плакала, не ломала рук, не упрекала и не проклинала. Прелесть, а не девушка! Понять невозможно, как Мартышка предпочел ей каких-то таможенников! Вот из-за таких вещей мудрый старый человек разочаровывается в младшем поколении.

Время шло. Граф посмотрел на часы. Сейчас, думал он, она входит в дом, сейчас — скользит через холл, сейчас — ставит бюст. Вот-вот она вернется, скорее всего — вынырнет из кустов. Он стал на них смотреть, но тут Салли появилась на дороге. Руки ее были пусты, лицо — серьезно.

Однако, дойдя до машины, она обрела былую веселость и даже захихикала.

— Веселимся? — осведомился граф.

— Правда, смешно, — сказала она, — хотя случилось самое худшее. В жизни не угадаете.

— Я и не пытаюсь. Жду.

Салли облокотилась на машину и снова стала серьезной.

— Сперва покурю.

— Нервы?

— Они самые.

Она закурила и спросила:

— Все еще ждете, дядя Фред?

— Естественно.

— Ну, ладно. Дверь была открыта, я обрадовалась…

— Не радуйся раньше времени, — назидательно сказал граф. — Судьба любит пошутить. Но я тебя прервал.

— Я огляделась. Никого нету. Прислушалась — тихо. И я пошла на цыпочках через холл.

— Естественно.

— Поставила бюст… Можно, я назову его бюст А, в отличие от бюста Б?

— Называй.

— Вы хорошо их различаете? Бюст А я несла, бюст Б — с камушками.

— Ясно.

Салли затянулась сигаретой. Ей было нелегко вспоминать, она как

будто пробуждалась.

— Да, где мы были?

— Ты идешь на цыпочках через холл.

— Да, конечно. Простите, отупела.

— Не без того, моя дорогая.

— Итак, я взяла бюст Б, поставила бюст А и пошла обратно. Зачем задерживаться?

— Незачем. Не просят — не задерживайся.

— Когда я добралась до двери, ведущей в музей, из гостиной вышла леди Восток.

— Какая напряженность действия!

— Вот именно. Эту минуту я буду помнить до смерти. Заснуть я не смогу много месяцев.

— Нам всем надо спать поменьше.

— Она сказала: «Кто там?».

— А ты ответила: «Я», имея в виду, что это — ты.

— Я ничего не успела ответить. Она кинулась ко мне, жалобно кудахтая.

— Что?

— Кудахтая, как сердобольная курица. Она хорошая, дядя Фред! Раньше я не понимала. Когда он мне позировал, она была такой сдержанной и светской… Но это манеры. Сердце у нее золотое.

— Прекрасно сказано. Запомню. В чем же это выразилось?

— Она кинулась ко мне, хрипло шепча, что она все понимает, и уговаривала мужа, но он не поддается, так что она пришлет мне чек. Потом она пошла в этот музей, поставила бюст в какой-то шкаф и заперла с такой быстротой, словно прятала мертвое тело. А уж после этого она меня выгнала. Нет, не прямо, но явно. Я ничего не могла поделать.

— Значит, бюст в шкафу?

— Да. А шкаф — в музее, а в бюсте — драгоценности. Не повезло нам, дядя Фред.

Пока она говорила, лорд Икенхем оживал, как поникший цветок, который полили водой.

— Не повезло? — удивился он. — В каком смысле? Я в жизни своей не слышал таких хороших вестей. Теперь надо не просто войти в дом, но и обосноваться, а я очень люблю обосновываться в чужих домах. Итак, ты едешь в Икенхем, там — наша база, а я еду с тобой, беру чемодан, поселяюсь в сельской гостинице и плету сети. Жди в самом скором времени сенсационных событий.

— Вы твердо это решили?

— Тверже некуда.

— А мне нельзя сказать «Ой»?

— Не стоит. Предоставь все мне — и я все улажу. Что-то ты грустная, Салли. Надеюсь, ты веришь в успех?

— Я думаю о Мартышке. Что он сделает, когда вас увидит?

— Подскочит, как холмы. Очень полезно. Мартышке нужен хороший шок.

Они съездили в Икенхем, оставили там Салли, и пятый граф, подъезжая к кабачку, уже жалел, что не попросил ее вернуться и поднести чемодан, когда что-то большое и темно-красное замаячило впереди, и он узнал своего недавнего спутника.

2

Билл Окшот походил на лунатика, который натер ногу. Недавняя беседа и будущая задача потрясли душу, и без того измученную тем, что Гермиона любит другого, а другой целует служанок. Услышав приветствие лорда Икенхема, он посмотрел на него, словно умирающий палтус.

— А, лорд Икенхем, — сказал он. — Здравствуйте.

— Привет, привет, привет! — радостно вскричал пятый граф. За два часа, проведенные с массивным юношей, он горячо его полюбил. — Неужели сам Билл Окшот? В полночный час, при месячном сиянье я гордого Уильяма встречаю.[62]

— А?

— Неважно. Шекспир. Как поживаете, гордый Уильям? Хорошо?

— Вообще-то, нет, — ответил не гордый, но честный Билл.

— Значит, плохо?

— Ужасно.

— Дорогой мой, вы меня удивляете. Казалось бы, вы вернулись из абсолютно мерзкой страны в этот рай. У вас неприятности?

Несчастный Билл нуждался в сочувствии и решил излить душу приветливому графу. Еще немного, и он бы зарыдал у него на плече.

— Начнем с того, — сказал он, — что дядя рехнулся. Лорд Икенхем поджал губы.

— Спятил? — уточнил он.

— Именно, спятил.

— Да, это неприятно. Дом — не дом, если в нем живет безумный дядя.

Когда же это случилось?

— Сейчас.

— Внезапно?

— Да.

— Почему?

— Из-за Мартышки. Лорд Икенхем растерялся.

— Неужели мой племянник за один день может свести с ума такого человека? Ну, хоть бы за две недели… Симптомы?

— Говорит какую-то чушь, а теперь поехал к вам, за Мартышкиной фотографией.

— Зачем она ему?

— Для проверки. Чтобы узнать, какой он.

— Разве он сам не видел?

— Он думает, это самозванец.

— Почему?

— Не знаю. Да что там, сошел с ума. Сижу на террасе, он меня зовет, я иду, он спрашивает про Мартышку. Давно мы знакомы? Давно. Уверен я, что это тот самый человек? Я-то уверен, а дядя не верит мне. Поехал за фотографией.

Лорд Икенхем покачал головой.

— И зря. Изысканный, тонкий любитель красоты не держит таких фотографий. Венеру — пожалуйста. Да, Билл Окшот, вы правы, Балбес спятил. Видимо, с ним был солнечный удар, когда он держал в страхе Африку. Не удивляюсь, что вы огорчены. Советую спрятать ножи, таблетки и бритвы. А в остальном все хорошо?

Билл засмеялся глухим, безрадостным смехом.

— Вы уж скажете! Да я бы пел, как жаворонок, если б все было хорошо.

— Что же еще случилось, о жертва рока? Билл ответил не сразу, он дрожал.

— Я видел, — сказал он, наконец, — как Мартышка целует служанку.

Лорд Икенхем его не понял.

— А что такого?

— Как — что? Он обручен с моей кузиной. Лицо у графа прояснилось.

— А, так, так, так!.. Вы печетесь о ее счастье. Дорогой мой, не беспокойтесь, у Мартышки это рефлекс. Мы с вами заплачем или сочиним стишок, а он целует служанку. Автоматическое действие.

Билл хмыкнул.

— Уверяю вас, — сказал граф. — Посмотрите в учебниках. Как же

это? Комплекс горничной? Нет, забыл. Но уж все прочее — в порядке?

— Если бы!

— Значит, нет. Что же еще случилось?

— Младенцы.

— Простите?

— Конкурс детской красоты.

— Разве вы — счастливый отец? — осторожно спросил лорд Икенхем.

— Я — несчастный судья.

— Не говорите загадками, Билл Окшот. Кого вы судите?

— Младенцев.

— Почему?

— У них конкурс.

— Объяснитесь, — сказал лорд Икенхем. — Помните, я здесь — пришелец.

Пока Билл рассказывал о мести сэра Эйлмера, граф сочувственно кивал.

— Ужасно, — подытожил он. — А чего же еще и ждать? Губернаторы — страшные люди. Разят, как молния. В общем, вы влипли.

— Если кого-нибудь не найду. А вы не хотите? Граф покачал головой.

— Я бы рад, но Балбес не согласится. Как-никак я шесть раз дал ему по задней части битой для крикета.

— Да он забыл!

— Так скоро?

— Сорок лет прошло!

— Сорок два. Но вы недооцениваете силу моего удара.

— Ну, предположим, не забыл. Посмеетесь вместе.

— Я не согласен с вами, Билл Окшот. Не вам считать Балбеса образцом кротости. Разве он не рычит, разве не приносит кровавых жертв? Рычит и приносит. А тут — забыть, мало того — простить!

— Давайте проверим.

— Ни в коем случае. Выгонит из дома, кстати — вашего. А если не выгонит? Придется с ним дружить до самой смерти. Ездить друг к другу, посылать подарки… У-ф-ф! Нет, даже ради вас я на это не пойду. Вы сказали: «Черт»?

— Сказал.

— Так я и думал. Больно слышать такие слова.

Они помолчали. Билл печально смотрел на прохожую гусеницу.

— Мне конец, — выговорил он.

— Почему? Есть же у вас друзья.

— Здесь — нету. Да и вообще, я их давно не видел. Связаться я могу только с Планком.

— А кто это? Помню, помню! Начальник экспедиции.

— Да. Майор Брабазон-Планк.

— *Брабазон?* Поразительно! У нас был такой мальчик, он мне должен два шиллинга. Ваш начальник похож на грушу?

— Да.

— Практически — один зад?

— Да.

— Он. Мы его так и звали, Зад. Просто удивительно! Кого вы ни вспомните, я с ним учился. Свяжитесь с Задом.

— Нельзя. Он боится детей.

— Да? Известный комплекс, посмотрите в любом учебнике.

— Он всю дорогу мучался. Надо навестить сестер, а у них — дети. Нет, Планк не годится.

— Что ж, — сказал лорд, — значит, остаюсь я. Билл перевел взгляд с гусеницы на графа.

— А? — осведомился он.

— За неимением лучшего, — пояснил тот, — придется довольствоваться мной. Буду судить младенцев.

— Вы же говорили, это невозможно.

— Говорил?

— Да. Только что.

— А, ясно! Вы меня не поняли. Я говорил, что деликатный человек не придет к тому, кого оскорбил. Но он и не придет. Придет другой.

— Э?

— Что вы удивляетесь? Все очень просто. Я войду в этот дом инкогнито.

— Назоветесь чужим именем?

— Правильно. Я вообще не люблю действовать под своим. Как-то скучно.

Билл смотрел на него, обретая все большее сходство с задремавшей рыбой.

— Вы назоветесь как-то еще? — уточнил он.

— Совершенно верно.

— А…

— Никаких «а».

— Вы запутаетесь.

Лорд Икенхем весело рассмеялся.

— Дорогой мой, — сказал он, — не так давно в предместье Митчинг-хилл я с полным успехом сыграл не только специалиста по птичьим когтям, но и мистера Роддиса, арендующего коттедж «Кедры», и мистера Булстрода, жителя тех же мест. До сих пор себе не прощу, что не сыграл попугая, он был мне очень удался. Нет, я не запутаюсь. Введите меня в дом, о прочем не беспокойтесь.

На сей раз Билл понял все, но лучше ему не стало, словно он случайно схватил тигра за хвост.

— Дядя догадается, — предположил он.

— Вы его боитесь?

— Да. Очень.

— Больше, чем младенцев? Билл окончательно растерялся.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил он. — Назоветесь Джонсом или Робинсоном?

— Нет, не Робинсоном. Сейчас это не годится. Судья такого конкурса — это вам не кот начхал. Я буду Брабазоном-Планком. Приятно сыграть старого Зада, и сюжет прекрасный. Ваш бывший начальник путешествует по Англии, вы его случайно встретили и, конечно, пригласили. Он же, услышав о конкурсе, просил о великой чести. Дело в том, что он без памяти любит детей. Нет, Билл Окшот, Балбесу не выкрутиться. Планк — не кто-нибудь, Планк — знаменитость. Если вы спросите, что я думаю об этом замысле, я вам отвечу, что он — идеален.

Рыбьи глаза страдальца немного посветлели. Конечно, он боялся, как бы его благодетель чего-нибудь не натворил, но еще больше боялся он остаться без помощи. Когда преподобный Обри Друтг увидел сорока трех матрон с сорока тремя на редкость мерзкими младенцами, он побледнел, хотя не ведал страха и мог усмирить даже ревностных прихожанок.

— Ладно! — воскликнул Билл. — Пошли. А вообще-то здорово.

— Пошли, — согласился граф. — Возьмите чемодан.

Когда они подходили к воротам (граф — задумчиво, Билл — оживленно), они услышали шум машины. Билл оглянулся и стал буро-лиловым.

— Это дядя, — сказал он. — Может, мы…

— Стыдитесь, Билл Окшот, — прервал его лорд Икенхем, всегда готовый подбодрить в час опасности. — Это — слабость. Лучше крикнем ему: «Э-э-э-э-эй!».

Сэр Эйлмер провел в Икенхеме четыре минуты, и каждая из них была ему неприятна. Иногда говорят, что человек побывал в огненной печи. Здесь уместней сказать, что он побывал в морозильнике.

Если вы хотите, чтобы дворецкий позволил вам искать фотографии в незнакомом доме, вы непременно сочтете его холодноватым; а Коггз и сам по себе был холоднее среднего. Этот солидный мажордом, похожий отчасти на луну, отчасти на треску, глядел прямо в душу. А всякий, кому глядела в душу треска, останется недоволен.

Коггз не заподозрил пришельца в интересе к ложкам, но как бы и заподозрил. Промолвив: «Нет, сэр, не могу», он отступил в темноту дома и захлопнул дверь. Когда мы говорим «захлопнул», мы имеем в виду, что она хлопнула, едва не прищемив баронету усы.

Вынести это нелегко, если ты привык к повиновению; и мы не удивимся, что сэр Эйлмер не обрадовался крику «Э-э-э-эй». Если бы в эти мгновения его увидел туземный вождь, он бы воззвал к своему божеству и полез на дерево.

Лорд Икенхем был покрепче вождя. Он вышел на дорогу и воскликнул:

— Балбес!

Сэр Эйлмер больше удивился забытому прозвищу, чем тому странному факту, что кто-то встал перед машиной. Он затормозил, приник к ветровому стеклу, но не узнал незнакомца, хотя понял, что перед ним — школьный товарищ, и пожалел, что не решится его переехать.

Собственно, он и не смог бы, ибо таинственный друг детства стал одной ногой на подножку и приветливо похлопал его по плечу.

— Балбес, — с мягким укором сказал он, — ты меня совсем забыл.

Сэр Эйлмер спорить не стал, мучительно гадая, кто же перед ним.

— Да, — сказал незнакомец, — быстротечна юная дружба. Что ж, помогу тебе. Я — Планк.

— Планк?

— Брабазон-Планк, — вмешался Билл, ободренный тем изяществом, с каким вел беседу его сообщник. — Начальник нашей экспедиции.

— Не верь ему, Балбес, — возразил, пятый граф. — Номинально — да, это так. Но истинный начальник — он сам, Билл Окшот. Душа экспедиции! Кто отдавал больным свою долю воды, презирал кайманов, подбодрял собратьев, когда они страдали, что не переоделись к обеду? Стальной Билл. Можешь гордиться племянником.

— Планк? — задумчиво произнес сэр Эйлмер. — Ерунда!

— Почему?

— У него огромный зад.

— А, понимаю! Да, помню, был какой-то зад. Но я принимал «Грацию». Попробуй, а? Не помешало бы.

Сэр Эйлмер хрюкнул, и не слишком приветливо. Ему не хотелось вспоминать прекраснозадого Планка.

— В жизни бы не узнал!

— И я бы тебя не узнал, если бы не Билл Окшот. Вот, например, были у тебя усы?

— А что ты тут делаешь? — осведомился сэр Эйлмер.

— Путешествую.

— Вот что! Ну, Бог в помощь. До свидания. Лорд Икенхем мягко улыбнулся.

— Не беспокойся, — сказал он, — я у тебя погощу.

— Что!

— Билл Окшот уговорил. Я все не решался, но тут обнаружилось, что у вас будет конкурс детской красоты. Да я бы ради него прошел пятьдесят миль! Шестьдесят. Чего там, все сто. Буду судьей.

Сэр Эйлмер поджался, словно тигр, у которого из-под носа утащили индийского крестьянина. Лицо его, и так малиновое, налилось царственным пурпуром.

— Судьей?!

— Да. А что?

— Я не позволю!

Лорд Икенхем умел быть и твердым.

— Балбес, — сказал он, — тебе предстоят выборы. Я мог бы на них повлиять, разоблачив две-три тайны. Тебе будет неприятно, если возвышенные души станут спрашивать о том и о сем. Значит, судьей буду я.

Сэр Эйлмер мрачно молчал, шевеля адамовым яблоком, словно проглотил что-то твердое, с шипами. Он метал грозные взгляды, но это не помогало. Он жевал усы, тоже без толку.

— Хорошо, — сказал он так, будто этот ответ вытащил щипцами дантист, и покосился на Билла. Тот вздрогнул.

— Ну, вот, — успокоился граф. — Теперь пойдем смотреть молочную ферму.

— Какие еще фермы?

— Как, у тебя их нет? Ну, конюшню.

— Не держу лошадей.

— Странно. А я-то думал, что наши землевладельцы подразделяются

на два вида: одни тащат гостей смотреть конюшню, другие — ферму. Есть небольшой подвид, те смотрят бегонии. Что ж, пойду в кабачок, у меня там дела. А потом — к тебе. Не буду тебя задерживать, ты ведь спешишь отвести мне лучшую комнату. Вы идете со мной, Билл Окшот?

— Я лучше тут покурю.

— Как хотите. До скорой встречи.

И граф упругим, легким шагом направился к «Бычьей Голове». Что-что, а кружку пива он заслужил, распространять сладость и свет — нелегкое дело. Позвонив домой и побеседовав с Салли, он уселся за столик, но тут дверь распахнулась и в ней появился Билл.

Наметанный глаз лорда Икенхема определил с ходу, что он неспокоен. Волосы стояли дыбом, словно он прочесал их пятерней, взгляд стал затравленным. Как и другие его сверстники, Билл всячески стремился вести себя в тяжкую минуту не хуже, чем индеец на костре, но это ему не удалось.

— А, Билл Окшот! — приветливо воскликнул граф. — Прошу, прошу. Я вот наслаждаюсь заслуженным пивом. Слово «заслуженным» подчеркнуто. Видели вы таких растерянных губернаторов? Я — не видел, и никто не видел. Однако вы взволнованы. Выпейте пива, помогает.

Граф пошел к стойке, потолковал с пышной блондинкой и принес две пенящиеся кружки.

— Прелестная девушка, — с отеческой нежностью сказал он. — Беседуем о Бразилии. Пейте, Билл Окшот, а потом говорите, что с вами.

Билл, охвативший голову руками, опустил одну руку и взял кружку.

— Вы не можете, — сказал он, — выдавать себя за Планка.

— Вот как? — Лорд Икенхем поднял брови. — Странные слова. Разве наши предки говорили «не можем», когда шли на неверных? Вообще-то говорили, возьмем хоть реляции Львиного Сердца, так что замнем. Но почему я не могу выдавать себя за Планка?

— Не можете, и все. Знаете, что случилось?

— Конечно, нет. Откройте мне это.

— Дядя Эйлмер уехал, я остался с чемоданом…

— Как невежливо!

— Я кричал «Эй!», чемодан тяжелый, но он не остановился. Ну, я пошел, а тут едет Поттер на велосипеде.

— Кто такой Поттер?

— Наш полицейский.

— А, да! Мартышка говорил. Ревностный служака.

— Я говорю: «Поттер», он говорит: «Сэр?», я говорю: «Спешите?», он

говорит: «Нет», я говорю: «Тогда подвезите чемодан», а он говорит: «Хорошо».

— Какой диалог! — восхитился лорд Икенхем. — Пьесы не пишете?

— Нет.

— Жаль. Очень выгодно. Но я вас прервал. Поттер говорит: «Хорошо». Что же было дальше?

— Я говорю: «Это чемодан Брабазона-Планка, он к нам приехал.». А Поттер… Еще пива можно?

— Он пил пиво?

— Это я спрашиваю. Легче будет рассказывать. Лорд Икенхем опять потолковал с блондинкой.

— Итак, — напомнил он, вернувшись, — вы сообщили Поттеру, что Брабазон-Планк приехал к вам погостить. А Поттер?..

Билл выпил всю кружку, поохал и проговорил с ледяным спокойствием:

— Поттер, чтоб его черти драли, сказал: «Майор Планк? Ой, а я его знаю. В крикет играли, сколько раз. Если можно, мистер Уильям, я попью чайку, а потом с ним поздороваюсь». Что нам делать?

Лорд Икенхем немного подумал.

— Вы обманули меня, Билл Окшот, — сказал он. — Только профессионал расскажет так живо. Этот Поттер просто дышит! Да, вы печатаетесь под псевдонимом. Вероятно, вы — кто-то из Ситуэллов.[63] Но вернемся к делу. Оно усложнилось, но, если подумать, решить можно все. Вы не могли бы сказать, что имели в виду Смита или Начбулла Хьютсена?

— Не мог бы.

— Что ж, тогда я скажу, что он играл с моим братом.

— Думаете, он поверит? Вы сможете его убедить?

— Нет пределов тому, что я могу, если постараюсь. Идемте. Где он живет?

— Тут, за углом.

Кроме королевского герба и вывески «Полиция» ничто не свидетельствовало о том, что перед нами — оплот Закона. Как многие участки в английской деревне, этот размещался в веселом домике, крытом черепицей и окруженном небольшим садом, где мирно спал племянник Поттера, девятимесячный Бэзил. Подойдя к ограде, лорд Икенхем кинул взгляд на коляску.

— Он женат?

— Нет. Это — сын сестры. Они живут вместе. Ее муж — стюард на океанском корабле, его никогда нет. То есть, иногда он есть.

— Да, это видно.

Из открытого окна доносился пронзительный женский голос. Речь шла о носках. Как, спрашивал голос, можно сделать столько дырок? Сам он приписывал это неряшеству, а также невниманию к тем, кому приходится штопать, пока пальцы не облезут. Лорд Икенхем взглянул на Билла.

— Это сестра?

— Да.

— И Поттер?

— Видимо.

— Она его ругает?

— Она его вечно ругает, спросите Элзи.

— Элзи?

— Нашу служанку.

— А, да! Ту, которую… Хм. Забыл.

— Я знаю, что вы хотели сказать.

— Ну, сейчас не до того. Идемте в сад, рассмотрим прекрасного младенца. Все ж практика.

Глава седьмая

1

Констебль Поттер, хранящий покой Эшенден Окшота, наслаждался чаем в уютной кухоньке.

Слово «наслаждался» тут не очень подходит, ибо чай он пил под надзором сестры, которая была ему если не лучшим другом, то уж точно суровейшим критиком. Она только что посоветовала ему не класть локти на стол, не есть так жадно и не брать масло селедочным ножом, а к приходу Билла и лорда Икенхема перешла к носкам, один из которых как раз и демонстрировала.

Констеблю было двадцать восемь, сестре его — тридцать три. Простейшие подсчеты скажут нам, что, когда ему было семь, ей было двенадцать, а сестра двенадцати лет может подмять семилетнего брата раз и навсегда. В то время, когда человек формируется, Гарольда вела, тащила, бранила будущая мать Джорджа Бэзила Персиваля Стабза, запрещая делать буквально все, что ему хотелось бы делать. Дошло до того, что она утирала ему нос.

Такие вещи оставляют глубокий след. Элзи Бин постоянно твердила, что ее жених — истинный рохля, и, в общем, была права. Неприятно думать, что страж порядка сидит и смотрит, как ему демонстрируют рваный носок, но ничего не попишешь — он сидел, смотрел и, возможно, боялся.

Чтобы стало полегче, он потянулся к маслу, используя на сей раз предназначенный для этого нож, и увидел в окно тот Угол садика, в котором отдыхал Джордж Бэзил.

— Смотри-ка, — сказал он сестре, охотно меняя тему, — там кто-то идет.

— Не твое дело. Такую огромную дырку…

— Высокий джентльмен.

— А вокруг! Одно слово, решето.

— С седыми усами. Ткнул Бэзила в живот.

Хитрый констебль нашел ту единственную тему, которая могла отвлечь его сестру. Белла Стабз не жаловала гостей любого роста, которые решались ткнуть в живот ее спящего сына.

— Выгони его!

— Ладно.

К этой минуте констебль съел три копченые селедки, четыре вареных яйца, половину хлеба и собирался откинуться в кресле, как сытый питон. Однако сестру он слушался, да и любопытство выше, чем потребность переварить пищу. Рассмотрев в окно лорда Икенхема, он подумал, что видит его не впервые, и захотел проверить.

Когда он вышел в садик, гость уже щекотал Бэзила под подбородком. Билл, не очень любивший младенцев, особенно настолько похожих на Эдварда Робинсона, отошел в сторону, а потому первый увидел констебля.

— Привет! — сказал он ему. — Вот, зашли к вам.

— Я так много о вас слышал, — прибавил пятый граф. Констебль удивился.

— Хы! — заметил он. — Не разобрал фамилии.

— Планк, — любезно отвечал гость. — Брабазон-Планк. Констебль громко икнул, выражая этим недоверие. Мало

кто, во всяком случае, здесь, ощущал так тонко любую несообразность; и он ее ощутил.

— Брабазон-Планк? — проверил он, испепеляя гостя тем взглядом, каким испепелял бы собаку без ошейника.

— Он самый.

— Ну прям! Мыс ним играли в крикет, когда я жил в Дорсетшире.

— Вы играли с моим братом.

— Каким еще братом?

— Он скрыл от вас, что у него есть брат? Ай-я-яй! А вот Билл Окшот — не скрыл. Он сказал мне, что вы знали моего младшего брата.

— Мне он сказал, что это вы.

— Виноват, не понял?

— Что вы — майор Планк. Дал чемодан, и говорит: «Вот чемодан майора Планка».

Лорд Икенхем приятно засмеялся.

— Это по латыни, — объяснил он. — «Major» — значит, «старший». Билл Окшот сообщил вам, что хозяин чемодана — Брабазон-Планк major. Окажись тут мой брат, он бы, соответственно, назвал его «Брабазон-Планк minor». Естественно, вы запутались. — Лорд Икенхем бросил взгляд на констебля, который совсем уже отупел. Три копченые селедки, четыре яйца, полхлеба питают тело, но не способствуют остроте ума.

— Если изъясняться по латыни, — продолжал граф, — непременно запутаешься. Major — это minor, а уж minor — это major. Значит, вы играли в крикет с моим младшим братом? Как тесен мир! Я часто это повторяю, примерно — раз в две недели. Почему вы похожи, Билл Окшот, на чучело свиньи?

Мартышка, хорошо знавший своего дядю, мог бы сообщить другу детства, что общение с пятым графом вгоняет в транс.

— А? — очнулся Билл. — Похож?

— В высшей степени.

— Простите.

— Не за что, не за что! Ах, кто это к нам идет?

Шла к ним миссис Стабз, напоминавшая львицу, у которой обижают детеныша. Недовольная медлительностью брата, она взяла дело в свои руки.

— Здравствуйте, — сказал ей Билл. — А мы вот смотрим на вашего сына.

Лорд Икенхем вздрогнул.

— Как! — воскликнул он. — Это прелестное дитя — ваш сын, мадам?

Манера его была так изысканна, тон так восторжен, что львица обратилась в овечку.

— Да, сэр, — отвечала она, делая при этом книксен. Она его редко делала, но было что-то такое в учтивом, почтенном госте. — Это мой Бэзил.

— Какое имя! А ребенок какой! Участвует?

— Простите, сэр?

— Надеюсь, вы его покажете на конкурсе детской красоты?

— О, да, сэр!

— Прекрасно. Никогда не ставьте свечу под сосудом.[64] Вы присмотрелись к этому ребенку, Билл Окшот? Если нет, присмотритесь. Какие статьи! А голос!.. — прибавил он, ибо Джордж Бэзил Персиваль проснулся и огласил сад редкостным ревом. — Сила легких. Должен объяснить вам, мадам, что мне доверена честь судить на этом конкурсе.

— Да, сэр?

— Да. Ваш супруг дома? О, как жалко! Я бы посоветовал ему легко и быстро заработать небольшую сумму. Может быть, мистер Поттер, вы поставите на это дивное дитя? Решайтесь. Я не знаю местных обстоятельств, но вообразить не могу, что у него найдется соперник. Так и вижу, как я поднимаю его руку и кричу: «Бэзил!». Что ж, мадам, — он поклонился хозяйке, — нам пора. Много дел. До свидания. До свидания, до свидания.

Он остановился, ибо констебль Поттер вдруг побежал к коттеджу.

— Наверное, что-то забыл, — предположил он.

— Нет, что за манеры, — посетовала хозяйка. — Забыл!..

— Ах, — сказал граф, — что значат манеры, когда есть сердце? Мое почтение, мадам. Пип-пип-пип, дитя мое. — И лорд Икенхем удалился, распространяя сладость и свет.

Выйдя на дорогу, он остановился, чтобы закурить сигару.

— Как все это легко, — сказал он, — если за дело берется человек с переразвитым мозгом! Несколько точных слов, и констебль готов, не хуже Балбеса. Странно, что он вдруг ушел. Может быть, решил смочить виски одеколоном. Мне кажется, он немного устал, когда я обратился к латыни.

— Здорово вы…

— Да, — согласился лорд Икенхем. — Божий дар.

— Интересно, поверил он или нет.

— Наверное.

— Насчет этого ребенка вы перебрали.

— Доброе слово, Билл Окшот, лишним не бывает. Ну, теперь — в Эшенден-мэнор, к английскому очагу!

Билл колебался.

— Знаете, — сказал он, — я бы выпил еще пива.

— Слабость?

— Да, знаете…

— Ну, возвращайтесь. А я поищу Мартышку. Может он быть в доме?

— Нет, он при мне ушел.

— Обыщу округу. Очень важно, — объяснил лорд Икенхем, — сообщить ему положение дел, пока он ничего не испортил. Мы не хотим, чтобы он вошел, когда я беседую с Балбесом, и сказал мне: «Дядя Фред». Прежде чем мы соберемся у камелька, он должен знать, что потерял дядю, но обрел бразильского исследователя. Ну, пока! Где я обещал Балбесу с ним встретиться? А, у него дома! Встретимся там и мы, когда напьетесь пива.

2

Если дух наш — в смятении, нет ничего лучше хорошего детектива. Расставшись с сэром Эйлмером, Мартышка решил пойти в свою комнату и вынуть «Убийство в тумане», а потом отыскать тихое местечко и утешиться чтением. Нашел он его у дороги, недалеко от ворот, и вскоре забыл обо всем.

Лечение оказалось успешным. Дрожащие нервы утихли, и, в отличие от героини, которую запер в подвале один из Безликих Бесов, приносящих столько беспокойства, Мартышка чувствовал себя неплохо, когда на страницу упала тень, знакомый голос произнес его имя и, взглянув вверх, он увидел дядю.

Казалось бы, что отрадней, чем встреча в сельской местности с любимым дядей, который в свое время держал тебя на руках? Только и остается, что радостно охнуть, поднять глаза к небесам и кинуться к нему в объятия.

Поэтому нам неприятно, что Мартышка не испытал никакой отрады. Вряд ли он бы больше расстроился, если бы прямо из книги выскочил Безликий Бес.

— Дядя!.. — пролепетал он, зная по опыту, что предвещает встреча с пятым графом (а мы с вами припомним, что сказал вдумчивый трутень). — Господи, что ты тут делаешь?

В отличие от сэра Эйлмера, лорд Икенхем не любил оглушать людей. Мягкая улыбка осветила его лицо. Он опустился на траву и покрутил усы.

— Гуляю, мой дорогой, хожу туда и сюда. Дорога свободна в этот час, не так ли?

— Ты же был в Икенхеме.

— И плакал, уезжая.

— Ты собирался в Лондон.

— И собрался.

— А не сюда.

— Ты прав. Что ж, думаешь одно, выходит другое.

Какой-то муравей остановился, чтобы изучить Мартышкину руку. Тот отдернул ее, и мелкая тварь, пролетев головой вперед к юго-юго-востоку, побежала предупредить собратьев, что здесь неспокойно.

— Так я и знал! — воскликнул Мартышка. — Ты опять что-то затеял.

— Ну-ну, мой дорогой!

— Тогда в чем дело? Случилось что-нибудь? Лорд Икенхем подумал.

— Не то, чтобы случилось, — ответил он. — Это слишком сильное слово. Возникли небольшие осложнения, но нет таких осложнений, с которыми не справятся спокойные, разумные люди. Начну с начала. Я поехал в Лондон, повел Салли обедать, и она мне сказала, что Отис снова в беде. Просила тебе передать, что ждет помощи.

Слушая повесть об Отисе Пойнтере и сэре Эйлмере Востоке, Мартышка испытывал несказанное облегчение. До сих пор он стоял, тут — снова сел, утратив тревогу. Он даже засмеялся, что бывало редко при встречах с пятым графом.

— Это довольно смешно, — объяснил он.

— В определенной мере, — согласился лорд Икенхем. — Но не забудь, если Балбес выиграет, Салли совершенно разорится.

— Да, правда. Я с ним поговорю. Может, и послушает.

— Ты как-то неуверен. Разве он не полюбил тебя отеческой любовью?

— Не то, чтобы отеческой… Понимаешь, я разбил африканскую штуку.

— Вечно ты все бьешь! А он огорчился?

— Скорее да. Сейчас я встретился с ним в холле, он сказал: «Хо!» и странно на меня посмотрел. Кажется, я ему не нравлюсь. Может, передумает.

— Конечно. Ты старайся.

— Я стараюсь.

— Молодец. Пусти в ход все свои чары. Помни, как это важно для нее.

— Пущу, пущу. Ты из-за этого приехал?

— Естественно. Хотя… Что же еще такое было? А, припоминаю! Бюст. Который ты у меня взял.

— Бюст? Ну да. Все обошлось. Я его туда поставил. Вообще-то страшно. Крадешься через холл и думаешь: сейчас старый Восток засопит!

— Легко себе представляю. А вот скажи, ты знаешь, как делают эти бюсты? Салли мне объяснила, очень интересно. Сперва их лепят из глины.

Потом покрывают жидким гипсом.

— Да?

— Да. Потом ждут, пока гипс не затвердеет, разделяют его на две половинки и выбрасывают глину. А уж после этого заполняют гипсом форму.

— Ничего, занятно, — признал Мартышка. — А Салли хорошо выглядит?

— Сперва она просто сверкала. Потом — меньше.

— Из-за Отиса?

— Не только. Дай рассказать про бюсты. Заполняют, но оставляют маленькую полость. А туда, — закончил граф, предположив, что был достаточно мягок, — кладут бриллианты, которые ваша подруга просила провезти в Америку.

Мартышка взвился, образуя вихрь рук и ног. Другой муравей, полезший на руку из скепсиса, свалился и сказал собратьям, что Джордж совершенно прав, землетрясением попахивает.

— Что-о-о?!

— Да, мой дорогой. Сами того не зная, не мысля зла, мы хранили контрабанду. Видимо, Салли это придумала, когда ты отказался ей помочь. Конечно, Гамлет прав, все зависит от оценки, но я бы не назвал хорошим наше положение. Эта подруга отплывает в Нью-Йорк на будущей неделе.

— О, Господи!

— Видишь, какая драма? Да? Так я и думал. Надеюсь, ты согласишься, что честь обязывает нас вернуть драгоценности. Нельзя обкрадывать женщин. Дурной тон.

Мартышка кивнул. Он знал, что такое честь; разбирался и в тоне.

— Хорошо, — сказал он. — Съезжу в Икенхем, возьму бюст. Коггз мне поможет?

— Нет, — отвечал пятый граф, — а если бы и помог, толку бы от этого не было. Помнишь, Салли лепила бюст, который Балбес собирался подарить местному клубу? Обидевшись на Отиса, он его вернул, она — привезла, подменила тот, с бриллиантами, и в это мгновение ее настигла леди Босток. Теперь этот бюст заперт в шкафу, вместе с экспонатами. Тем самым…

Мартышка его прервал. У всякой чести есть границы.

— Знаю! — закричал он. — Надо взломать шкаф! Не буду.

— Успокойся, мой дорогой, — ответил лорд Икенхем. — Разве можно доверить тебе такое ответственное дело? Шкаф взломаю я.

— Ты?

— Вот именно.

— Ты не можешь попасть в дом.

— Ах, если бы все не гадали, что я могу, чего не могу! Мой молодой друг, Билл Окшот, пригласил меня погостить. Он хочет, чтобы я был судьей на конкурсе младенцев, почему — сказать не берусь. Видимо, чувствует, что это моя стезя.

Мартышка безумным взором оглядывал пляшущий сад. Лицо его перекосилось, руки и ноги дергались. Лорд Икенхем предположил, что он не совсем доволен.

— Ты войдешь в этот дом? — уточнил страдалец.

— Да, сегодня же, — ответил граф. — Кстати, чуть не забыл! Фамилия моя — Брабазон-Планк. Ну, знаешь, прославленный путешественник. Не спутай, пожалуйста.

Мартышка сжал руками голову, чтобы она не раскололась, как гипсовая форма для бюста. Лорд Икенхем сочувственно взглянул на него и, ему в утешение, запел приятным баритоном любимую шансонетку. Вскоре он обнаружил, что ему вторят, а еще позже — понял, что это полицейский на велосипеде почти непрестанно кричит: «Эй!».

3

Лорд Икенхем, сама учтивость, мгновенно обернулся к нему.

— А, это вы! — заметил он. — Хотите со мной побеседовать? Поттер спешился и посопел. Не так уж легко катить на большой скорости, когда ты набит селедкой, яйцами и хлебом. Заботливый граф заверил его, что спешить некуда, и ждал, пока новоприбывший не заговорил.

— Хо!

— Хо, — ответил вежливый гость. — Сигару?

Констебль ее сурово отверг. Полиция не принимает даров от преступного мира.

Мы уверены, что читатель давно хочет узнать, почему убежал констебль. Пришло время открыть тайну. Он вспомнил, где встречался со странным самозванцем, проверил свои записи, убедился — и сел на велосипед, чтобы его изобличить.

— Брабазон-Планк! — начал он, испепеляя графа взглядом.

— Почему, — осведомился тот, — вы так произносите мою фамилию, словно ругаетесь?

— Хо! — отвечал Поттер.

— Вижу, мы вернулись к началу, — огорчился граф. — Это уже было.

Полицейский решил, что пришло его время. Лицо у него стало таким, каким оно бывает у полицейских, когда они утратят жалость, скажем, поджидая под яблоней юного вора или входя в дом, чьи обитатели привезли без разрешения свинью.

— Брабазон-Планк! — повторил он. — Хо! А не Джордж Робинсон с Настурциум-роуд, 14?

Лорд Икенхем удивился и вынул изо рта сигару.

— Не может быть! — воскликнул он. — Неужели вы полицейский с собачьих бегов?

Мартышка закричал и забулькал, словно он тонет. Дядя его, напротив, радовался, словно жених, обретший потерянную невесту.

— Нет, какая красота! — ликовал он. — Я бы вас в жизни не узнал. Усы, что ли… Дорогой мой, я счастлив. Что вы делаете в этих краях?

— Лучше я спрошу, что ВЫ делаете, — сурово отвечал констебль. — Вы и ваш сообщник Эдвин Смит.

— И его помните? Какая память! Что делаем? Приехали погостить.

— Вот как?

— Уверяю вас.

— Погостить вы погостите, — сказал Гарольд Поттер, — но не в этом доме.

Лорд Икенхем поднял брови.

— Мартышка, — сказал он.

— Ы?

— Мне кажется, наш новый друг собрался изобличить нас.

— Ы…

— Собрались?

— Хо!

— Я бы еще подумал. Меня прогонят…

— Это уж точно.

— … и судить будет другой, менее расположенный к вашему племяннику, и несчастное дитя лишь упомянут в списке участников. Сестра ваша спросит, в чем дело. Узнав это и убедившись, что виноваты вы, она, вероятно, кое-что скажет. Подумайте, дорогой мой! Стоит ли изобличать нас при таких обстоятельствах?

Иногда полицейских одергивают судьи и они ощущают то, что ощутит всякий, если мул лягнет его в брюхо. Констеблю показалось, что его одернул весь суд. Челюсть у него отвисла или, скажем, поникла, и он глухо заурчал.

— Урчите, урчите, — одобрил это граф. — Я мало знаком с миссис Стабз, но она мне показалась сильной натурой. Словом, мой дорогой, я бы не действовал сгоряча.

Поттер и не действовал. Примерно с минуту он пребывал в том особом молчании, которое как бы состоит из клея. Потом забрался на велосипед — и укатил.

Лорд Икенхем всегда был милостив к поверженному врагу.

— Прекрасные у нас полисмены, — заметил он. — Раздавишь — поднимутся, убьешь — а они живы. Однако молчать он будет.

— Откуда ты знаешь? — возразил Мартышка, обретавший все более мрачный взгляд на жизнь. — Он поехал к Востоку. Наверное, расскажет.

— Ты не видел его сестру, — возразил граф. — Нет, он не расскажет, успокойся.

Мартышка усмехнулся так, что посрамил бы Билла Окшота, специалиста по безрадостному смеху.

— Успокоиться? Ха-ха! Когда ты поселишься под этим… как его…

— Nom de plume?[65]

— Именно. И станешь взламывать шкафы…

— Ах, оставь! Такой пустяк… Ночью взломаем, утром уедем.

— Ночью?

— Да. Я звонил Салли, мы обо всем договорились. Она приведет машину в сад, к часу ночи. Буду ждать у музея. Передам ей бюст, и все.

— Все!

— А что такого?

— Да что угодно. Тебя могут поймать.

— Никто еще меня не поймал. Среди коллег я зовусь тенью. Ну, что такое! Вечно ты видишь мрачную сторону…

— А что, есть другая? — заинтересовался Мартышка.

4

Приближалось время обеда. Леди Восток, одевшись, стояла у зеркала, мечтая о том, чтобы меньше походить на лошадь. Лошадей она любила, но сходству с ними не радовалась.

В спальню вошел сэр Эйлмер, по-видимому, сердитый.

— Эмили! — сказал он.

— Да, дорогой?

— Приходил Поттер.

— Да, дорогой.
— Идиот.
— Почему, дорогой?
Сэр Эйлмер взял щетку и яростно ею взмахнул.
— Помнишь, — спросил он, — как я играл Дика Диди в «Пинафоре»? [66]
— Да, дорогой. Разве это можно забыть?
— Помнишь, он пошел предупредить капитана, что дочь собралась бежать из дома, и ничего толком не сказал?
— Конечно, дорогой. Ты был особенно хо…
— Вот так и Поттер. Тут какая-то тайна.
— Тайна?
— А что еще? Мычит, намекает. «Берегитесь», «сегодня ночью»… Что ты корчишься?
Леди Восток не корчилась, а дрожала.
— Что же это, дорогой? — выговорила она.
— Откуда мне знать? Только спрошу — молчит, как заколдованный. Спятил, наверное. Будет сторожить в саду.
— Эйлмер!
— Не ори. Я прикусил язык.
— Но, Эйлмер!..
— А может, что-то разузнал об этом самозванце. Если он хоть двинется, я ему покажу!
— Покажешь?
— Да.
— Что, дорогой?
— Неважно, — ответил сэр Эйлмер, хотя не ему бы так отвечать, когда он обвинял в уклончивости Поттера. — Я все продумал. Он не отвертится.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава восьмая

1

Спокойный, уютный вечер, к которому стремился лорд Икенхем, уже закончился. На колокольне[67] отзвенел ту-рум *и проводил вечернюю зарю*, покорный скот неспешно вышел в ночь, *в саду уснули невесомым сном* и алые, и белые цветы,/остались лишь ночные существа, / как то: совы, мыши (простые и летучие), комары и констебль. Часы на вышеупомянутой колокольне, пятнадцать минут назад пробившие полночь, печально звякнули, сообщая Мартышке, что еще через сорок пять минут свершится неизбежное.

Шагая по комнате и трясясь, как исследователь Бразилии, подхвативший малярию, он был безупречно элегантен, ибо не подумал раздеться в эту страшную ночь. Когда приезжаешь к родителям невесты и узнаешь, что твой безумный дядя будет их грабить, уже не до сна. Ты шагаешь и трясешься. Мартышка пробовал отвлечься, почитать «Убийство в тумане», но не смог. Есть времена, когда не прельстит и самый Безликий Бес.

В былые дни, одно воспоминание о которых походило на подгнившую устрицу, Мартышка трясся, но все же не так. Сейчас, как героиня «Убийства», запертая в логове бандитов, он ощущал, что нервы торчат вершка на два и еще заворачиваются. Душевная боль совсем бы его прибила, если бы не терзала и жажда, образуя противовес.

Жажда эта, как часто бывает в молодости, начиналась в подошвах и шла кверху, неуклонно обостряясь. Началась она по приезде, а дошла до апогея, когда Джейн принесла в гостиную графин и сифон. Мартышка был сильным человеком, но сидеть и смотреть, как сэр Эйлмер, Билл и дядя пьют, словно лоси у водопоя, не сможет и самый суровый аскет.

Итак, Мартышка шагал, кляня тот порыв, который побудил его сказать Гермионе, что он не пьет, и представляя себе, как напьется, если выживет. Отшагав весь ковер, он повернул было обратно, но застыл, настолько походя при этом на Пробуждение Души, что обманул бы и знатока. Часы прозвенели дважды, обращаясь к нему.

«Неужели ты забыл, — ласково осведомились они, — что в гостиной стоит графин? Мы ничего не говорим, так, напоминаем.»

Мартышка предположил, что это, в сущности, ангел-хранитель. Кого-кого, а этих ангелов он почитал.

Через несколько секунд он был в коридоре, через три минуты — в гостиной, через три с четвертью — дрожащей рукой наливал живительную жидкость. А через четыре, откинувшись в кресле, положив ноги на столик, испытывал высшее блаженство. И тут раздался голос.

Сказал он только «Ой», но мог и просто крякнуть. Волосы у Мартышки поднялись дыбом, как иглы на взъяренном дикобразе,[68] сердце с тупым стуком ударилось о передние зубы, и, жалобно крикнув, Мартышка взлетел к потолку.

Дважды коснувшись его и опускаясь на пол, он заметил, что это не сэр Эйлмер, а старый друг, Элзи Бин. Она стояла в дверях, приложив руки к груди, и пыхтела, как пыхтят служанки, если зайдут ночью в гостиную, а там сидит аристократ.

Мартышке стало легче, спокойствие вернулось к нему, а с ним — и млеко милости. Если ты думал увидеть баронета в халате, приятно, убедившись в ошибке, потолковать с одним из лучших умов Боттлтон-Ист. Высвободив язык, зацепившийся за голосовые связки, Мартышка приветливо заметил:

— Пип-пип!

— Пип-пип, сэр.

— Это вы?

— Да, сэр.

— Ну и испугался же я!

— И я, сэр.

— Значит, оба испугались, — подытожил Мартышка, еще со школы питавший склонность к математике. — Вы уж простите, принял за хозяина. Помните, вы удачно назвали его титаном? Так и есть; а я их не люблю. Что ж, располагайтесь, побеседуем. Как ваш Гарольд? Элзи опечалилась.

— Худо, — отвечала она с той искренностью, которую в Боттлтон-Ист впитывают из воздуха. — Сил никаких нет, какой упрямый.

— Не хочет уйти со службы?

— Ага.

Мартышка тоже опечалился. Он не видел в Поттере той бесовской прелести, которая привлекает женщин; но при чем тут он? Если ты влюблена, ты плачешь и томишься, словно твой возлюбленный — Кларк

Гейбл или Грегори Пек.[69]

— Сейчас говорили-говорили, и все зря.

— Какой ужас!

— Сестра совсем подмяла. Прямо не знаю, что и делать.

Жемчужная слеза появилась в уголке ее глаза, и она шмыгнула носом. Мартышка погладил ее по голове. Хоть это вправе сделать благородный человек!

— Все будет хорошо, — сказал он. — Подождите, он уступит. Как-никак, любовь…

— Если бы в нос заехать… — мечтательно сказала Элзи.

— Заехать в нос?

— Ага.

Мысль эта Мартышке понравилась, но скорее абстрактно.

— Стал бы поумней, — продолжала Элзи. — Он у меня нервный.

— Нервный? — удивился Мартышка, не заметивший этой черты.

— Ага. Он из-за этого переехал. В городе как? Схватишь кого, а он в ухо. Дали бы тут, он бы сразу ушел. Предупредил бы за месяц, — уточнила Элзи.

Мартышка понял ее. Как не понять, когда мысль так прекрасно выражена.

— Это верно, — сказал он.

— А вы не дадите ему в нос? — несмело спросила Элзи.

— Не дам.

— Может, по шлему стукнете? Когда не смотрит. Сердечно жалея наивное создание, Мартышка все же не стал скрывать горькую правду.

— Они смотрят всегда. Нет, Элзи, на меня не рассчитывайте. Тут подошел бы ваш брат. Как жаль, что он занят до сентября! За что его покарали?

— Сопротивление при исполнении. Дал полисмену по голове.

— Вот видите! Значит, все в порядке. Подождите до осени.

А почему вы здесь?

— Виски взять хотела. Гостеприимный Мартышка спохватился.

— Простите! — сказал он. — Сейчас налью.

— Для Гарольда, — пояснила Элзи. — Он в саду. Бросил мне камешек в окно и говорит, принеси выпить. В саду! — горестно вскрикнула она. — Приличные люди спят. Ну, никаких сил!

Она шмыгнула носом, и Мартышка поспешил ее утешить.

— Все будет хорошо, — заверил он. — Сигарету?

— Ага.

— Тут — турецкие, тут — виргинские.

Он дал ей прикурить от своей и, когда лица их соприкоснулись, в комнату вошел Билл.

2

Мы не знаем, можно ли назвать великими умами Билла Окшота и Мартышку, но в эту ночь они проявили свойство, присущее таким умам, а именно — думали в унисон. И тот, и другой, вспомнив о графине, пошли выпить.

Со встречи с лордом Икенхемом Билл испытывал то, что испытал бы, если бы фалды его фрака привязали к экспрессу Лондон — Эдинбург. Как многие, кого судьба свела с мятежным графом, когда тот — без поводка, молодой путешественник страшился будущего, а потому не мог заснуть. Бессонница располагает к жажде; жажда — к мысли о графинах.

И у Билла, и у Мартышки мысль не расходилась с делом, разница была в мелочах. Мартышка не знал, скрипят ли ступеньки, и шел осторожно, как Агаг,[70] знакомый с местностью, а Билл несся, словно бизон к водопою. Тем больше поразила его трогательная сцена. Элзи Бин проговорила «Ой!», Билл ничего не мог сказать. Он стоял и смотрел, потрясенный до глубины души.

Мартышка нарушил молчание первым.

— Привет, — заметил он.

— А, это вы, сэр! — прибавила Элзи.

— Здравствуйте, — сказал новоприбывший.

Говорил он отрешенно, ибо старался понять, хуже ли, если Мартышка невменяем. Несомненно, Элзи ошиблась, сообщив, что он уехал в Лондон, — он просто покатался, что вполне резонно в теплый летний день. Но хорошо это или плохо? Недавно сгоряча Билл подумал, что нормальный распутник лучше больного, а теперь — сомневался. Может быть, вменяемый растлитель особенно страшен?

Одно он знал точно: как только Элзи уйдет, он поговорит с ним, как с младшим братом — скажем, как Брабазон-Планк major с Брабазоном-Планком minor.

Возможность эта представилась раньше, чем подумали бы люди, хорошо знавшие невесту Поттера. Она была общительна и болтлива, но, нарушая строгий этикет, приличий придерживалась; и чутье подсказало ей, что, оказавшись в бигуди и в халате вместе с молодым хозяином и

молодым же гостем, надо уйти как можно скорей. Этим начинаются все книги о достойном поведении.

Поэтому, учтиво промолвил: «Ну, спокойной ночи!», она ушла; а Мартышка ощутил какое-то неудобство, словно подуло из окна, посмотрел и понял, что его испепеляет пламенный взгляд.

Разные люди испепеляют по-разному. Билл, уверенный в том, что пора указать Мартышке, чем поведение его отличается от идеала, стал густо-вишневым, а глаза у него вылезли, как у крупной улитки. Кроме того, он трижды откашлялся.

— Мартышка, — сказал он.

— Да?

Он откашлялся еще раз.

— Мартышка.

— Прошу!

Билл обошел комнату. Трудно придумать хорошее начало, а когда говоришь с распутником как старший брат, такое начало — исключительно важно. Он в пятый раз прочистил горло.

— Мартышка.

— Здесь!

Откашлявшись снова и тщательно ответив на вопрос, не проглотил ли он комара, Билл опять пошел по кругу. Наткнувшись на небольшое кресло, он остановился от боли.

— Мартышка, — сказал он твердо, — мы об этом еще не говорили, как-то не приходилось, но я недавно узнал, что ты обручен с Гермионой.

— Это верно.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Желаю счастья.

— Мерси.

— Тебе… х-ха… и ей. Главное, ей.

— Ну, естественно!

— Ты сможешь его обеспечить?

— Надеюсь.

— Интересно, как, если ты все время распутничаешь со служанками?

— А?

— Ты слышал.

— Распутничаю?

— Да.

Мало кто вынесет спокойно такие слова. Мартышка налил себе виски

и, взмахнув стаканом, как король Артур — Эскалибуром,[71] начал речь в свою защиту.

Нет, сказал он, не распутничает все время, да и вообще не распутничает. Прежде всего, уточним термин. Предложить сигарету — не распутство. Прикурить — тоже. Оказавшись ночью в гостиной с общительной служанкой, всякий воспитанный человек будет учтив.

Он поболтает с ней. Он предложит сигарету. Если она согласится, он поможет закурить. Так, по крайней мере, думает Мартышка; так думали бы сэр Галахад и шевалье Байяр, которых никто не обвинял в распутстве. Очень жаль, что у некоторых такое грязное воображение, ибо, надо сказать, чистому все чисто.

Речь удалась на славу, и мы не удивимся, что Билл покачнулся, словно дуб под ветром. Однако, прочистив горло, вспомнил все благородство своей миссии и снова обрел ту спокойную мощь, которая его отличала.

— Возможно, — сказал он, — но я видел, как ты целовал Элзи.

Мартышка удивился.

— Я?

— Да.

— Элзи?

— Элзи.

— В жизни я ее не целовал!

— Целовал. На ступеньках. Мартышка хлопнул себя по лбу.

— И верно! Ты подумай… Целовал — но по-братски.

— Прямо, по-братски!

— Да, — не сдался Мартышка, словно часто видел, как целуют служанок их братья. — Если бы ты все знал…

Билл поднял руку. Он ничего не хотел знать и, подойдя к бывшему другу, посмотрел на него так, словно он — аллигатор, которого надо укротить взглядом.

— Твистлтон!

— Какой я тебе Твистлтон?

— Как хочу, так и называю. Твистлтон, имей в виду: оторву голову, выпотрошу брюхо…

— Ну, что ты, честное слово!

— … голыми руками. Чтобы этого больше не было!

— Чего?

— Сам знаешь. Ты кто, Дон Жуан? Мотылек? В общем, хватит. Сдерживай себя. Брось служанок. Ты женишься на прекраснейшей из девушек. Она любит тебя, доверяет…

— Да постой ты!

Мартышка замялся, поскольку Билл снова поднял руку. Жест этот очень эффективен в исторических пьесах, где мигом успокаивает разъяренные толпы. Однако сейчас он помог и в жизни; видно, тут важен размер руки. Измученному Мартышке показалось, что она не меньше окорока.

— Наверное, — продолжал Билл, — ты думаешь, какое мне дело.

— Нет. Нет. Ничего я не думал.

— Хорошо, я скажу. Я люблю Гермиону всю мою жизнь.

— Правда?

— Правда. Много лет. А ей не говорил.

— Не говорил?

— Конечно. Она ничего не знает.

— Вон что!

— Но я обязан печься о ее счастье как…

— Гувернантка?

— Старший брат. Печься как брат и смотреть за тем, чтобы к ней не относились как к пустой игрушке.

Это Мартышку удивило. Он не думал, что к Гермионе можно так относиться.

— К игрушке, — повторил Билл. — Пусть выходит за другого…

— Молодец!

— Да, мне тяжело, но если хочет — пусть выходит. Я желаю ей счастья.

— Правильно!

— Но помни, Твистлтон, — прибавил Билл, и, взглянув на него, Мартышка вспомнил директора школы, с которым пятнадцать лет назад у него был разговор о том, можно ли носить в класс белых мышей, — помни, если я пойму, что другой видит в ней игрушку, не дает ей счастья, разрывает сердце, я оторву ему голову и удушу его, как…

— Собаку? — подсказал Мартышка.

— Нет, не собаку. Кто душит собак? Как змею. Мартышка мог сказать, что и змей душат редко, но ему не хотелось. Странно оцепенев, смотрел он, как собеседник подходит к столику, наливает виски, прибавляет очень мало воды, выпивает все это и направляется к двери. Она закрылась. Он остался один.

То чувство, которое испытал полицейский, которого ударил по шлему брат Элзи Бин, уже проходило, когда из музея послышался странный крик, а там и голоса. Сжавшись в кресле, словно заяц в норе, Мартышка не сразу

узнал их. Один из них волновался; другой его успокаивал.

Хлопнула дверь, потом вторая, и в гостиную вошел лорд Икенхем.

3

Недавняя беседа не повлияла на него; он был беспечен и спокоен, каким и бывает английский пэр, когда вспомнит, что в гостиной остался графин виски. Другие, послабее, дрожали бы всем телом, но он сохранял ту мягкую невозмутимость, которой отличается рыба на льду. Сердце у Мартышки уже не только прыгало а 1а Нижинский, но и громыхало а 1а мотор, но все же ему показалось, что глава их семьи что-то напевает.

— А, ты здесь! — сказал граф, протягивая руку к графину. — Не спится? Где виски, там и ты. — Он налил себе и сел в кресло. — По-моему, — он отхлебнул, — это лучшее время суток. Тишина, бодрящая влага, приятная беседа. Ну, какие новости? Ты чем-то расстроен? Надеюсь, ничего не случилось?

Мартышка зашипел, словно сифон, в котором кончается вода. Вопрос показался ему неуместным.

— В каком смысле «ничего»? — спросил он. — Сейчас мне сказали, что меня выпотрошат.

— Кто это сказал?

— Билл Окшот.

— Прорицал или сам собирался?

— Собирался сам.

— Ты меня удивляешь. Билл Окшот, этот милейший человек?

— Да уж, милейший! Хуже Безликого Беса. Ему самое место в комнате ужасов. Еще он обещал оторвать мне голову и задушить меня, как змею.

— Когда человек без головы, душить его трудно. Что ж ты такое сделал?

— Сидел тут с Элзи Бин.

— Не припомню, кто это. Столько встречаешь людей…

— Служанка.

— А, да! Которую ты целовал.

Мартышка обратил лицо к потолку, словно взывал к небесной справедливости.

— Да не целовал я! Ну, чмокнул по-братски, она мне очень помогла. Вас обоих послушать, мы сутками играем в фантики.

— Дорогой мой, не горячись. Я тебя понимаю. Он очень расстроен. Его волнует счастье твоей невесты.

— Он ее любит.

— Вот как? Бедный Билл! Наверное, ему было неприятно, когда я сказал в поезде, что она выходит за тебя. Мне его жаль.

— А мне — нет. Чтоб он лопнул.

— Другое странно: как у Балбеса может быть дочь, чарующая всех до единого? Ему больше подошла бы Горгона со змеями. Ты, часом, не слышал, как он кричал?

— Слышал. Что случилось?

— Обиделся.

— Застал тебя в музее?

— Это я его застал. Он спал там среди своих экспонатов. Нехорошо, по-моему. Или ты экспонат — тогда спи, или не экспонат. — Красивое лицо пятого графа подернулось печалью. — Знаешь, Мартышка, мне претит такая низость. До чего дошел человек, если он привязал веревку к большому пальцу ноги и к ручке двери!

— Что ты говоришь!

— Привязал. Честное слово, это подло. Простились, разошлись по комнатам, казалось бы — спи у себя, как честный землевладелец! Иду в музей, не чуя зла, берусь за ручку, поворачиваю…

— А, черт!

— Не знаю, доводилось ли тебе наступить в темноте на кошку? Со мной это было, в Нью-Йорке, на Уэверли-плейс. Абсолютно то же самое.

— Что ты сказал?

— Говорил, в основном, он.

— Нет, как ты оправдался?

— Ах, оправдался? Очень просто. Я сказал, что хожу во сне.

— Поверил он?

— Вот уж не знаю. Какое мне дело, в сущности?

— Ну, нам конец.

— Чепуха! Опять этот мрачный взгляд на жизнь. Что, собственно, случилось? Кое-что не вышло.

— Кое-что!

— Дорогой мой, обойти такое препятствие — легче легкого. Хорошо, Балбес спит в музее. Значит, надо его выкурить. Самый быстрый способ — снотворное, но я ничего не захватил. Очень глупо. Нельзя приезжать в поместья без капель или таблеток. Но вообще, я не беспокоюсь. Если я не могу перехитрить губернатора в отставке, зачем я столько лет

тренировался в Соединенных Штатах Америки? Волнует меня одно, как там Салли. Она ждет в саду, словно Марианна какая-нибудь…

Мартышка испуганно вскрикнул.

— Там этот чертов Поттер! — сообщил он. — Элзи брала Для него виски.

Лорд Икенхем задумчиво помассировал подбородок.

— Не знал, не знал. В саду, э? Это немного осложняет дело. Однако…

Он не договорил. Разрывая ночную тишь, зазвенел звонок, словно кто-то нажал на него большим пальцем и не отпускает. Лорд Икенхем посмотрел на Мартышку, Мартышка — на лорда Икенхема.

— Поттер, — сказал граф.

— А, черт! — сказал его племянник.

Глава девятая

1

Многие гордо отмечали (или отметили бы, если бы пришлось), что наши полицейские, закалившись с детства, переносят с отрешенным спокойствием тяготы и огорчения, неизбежные на их стезе, другими словами — не канючат.

Если, скажем, им придется провести в саду летнюю, но не теплую ночь и попросить, чтобы принесли горячительный напиток, и не дождаться его, они не падут духом, а напомнят себе: «Долг, совести суровое дитя»; и останутся, где были.

Так случилось и с Гарольдом Поттером. Проигрывая сызнова сцену Ромео и Джульетты, невеста его побежала за виски, но, видимо, на ее пути возникли препятствия. Минуты шли, она не появлялась, он подумал про эти препятствия и, раза два вздохнув, один — чертыхнувшись, вытеснил виски из сознания.

Человек потоньше утешился бы стихотворством, ибо сад эшенденских владений к тому располагал. Легкие ветерки приносили запах табака и вьющихся роз, одни совы ухали, другие — охали. Прибавьте к этому молчаливое величие дома и сверкание воды, отражающей мерцание звезд, и вот вам среда, которая легко породит полисмена-поэта.

Однако Гарольд Поттер не очень любил стихи. Даже гуляя при луне со своей Элзи, он рассказывал ей, в лучшем случае, как болят у него мозоли,

натертые сапогами. Сейчас он думал о бутербродах с ветчиной и как раз представил себе, какой бутерброд съест дома, когда различил во мраке смутный силуэт. Подобно ему самому, тот притаился.

Полисмен поджал губы. Силуэт ему не понравился. Нет, не смутностью — в такой час трудно ее избежать, а неуместностью. Гарольд Поттер считал, что силуэтам нечего делать ночью в саду Эшендена; и, сильно волнуясь, вышел из-за дерева, видя перед собой большие буквы:

«БЕССТРАШНЫЙ КОНСТЕБЛЬ ИЗЛОВИЛ ОПАСНОГО ВОРА»

— У-у! — сказал он, хотя мог бы сказать: «Это что такое?», как и рекомендуется в справочниках. — У-у-у! Чего вам тут нужно?

Сомнения в том, серьезно ли дело, мгновенно рассеялись. Силуэт подскочил и кинулся бежать. Поттер кинулся за ним, видя шапку:

«НОЧНАЯ ОХОТА В ТЕМНОМ САДУ»

Когда гонишься за кем-то по пересеченной местности, многое зависит от удачи. Беги они по треку, мало кто поставил бы на констебля, ибо он отличался не столько прытью, сколько солидностью. Но в таких погонях прыть еще не все. Силуэт обо что-то споткнулся, чуть не упал — и Поттер настиг его единым скачком, хотя и сам потерял равновесие. Обретя его, он оказался наедине со звездами и совами. Смутный силуэт исчез. Констебль держал что-то вроде неполного платья.

Именно тогда решился он подойди к дверям и позвонить. Вскоре ему открыли. Он вошел в холл.

Народу там было много. Если звонишь ночью в дверь, непременно привлекаешь внимание. Кроме личных друзей — кухарки, невесты, горничной Джейн и мальчика Перси, который чистил обувь и ножи, — констебль заметил сэра Эйлмера, напоминающего Клемансо[72] в плохом настроении, леди Восток, напоминающую лошадь, а также их племянника, напоминающего большой помидор. Мало того, с дрожью ярости он увидел таких подонков, такие отребья Ист-Далиджа, как Джордж Робинсон и Эдвин Смит. Первый из них был благодушен, второй — беспокоен.

Констебль разгладил усы. Пробил его час, тот час, когда они все будут ползать перед ним. По крайней мере, он так думал, пока не услышал крика, который издал сэр Эйлмер, уснувший было после беседы с пятым графом.

— Да, сэр? — спросил ревностный констебль, немного испуганный

его манерой.

— Это ВЫ трезвонили?

— Простите, сэр?

— КАКОГО ЧЕРТА?! Разбудить меня!.. Переполошить весь дом!..

— Я поймал грабителя, сэр.

— Где же он? Вы что, его отпустили?

— Выпустил, сэр.

— Кретин! Болван! Дурак! Идиот! — сказал сэр Эйлмер. Констебль огорчился.

— Я не виноват, сэр. Когда я его схватил, порвалась., хм… одежда.

Предъявляя вещественные доказательства, он поднес и сэру Эйлмеру. Сэр Эйлмер всмотрелся.

— Это платье, — сказал он.

— Женская одежда, — уточнил Поттер. — Неизвестная особа пряталась в саду. Когда я ее схватил, она разорвалась.

Слова, несомненно, способные вогнать в дрожь, вызвали крик, точнее — женское восклицание: «О-ох!» Зная, что невеста его воскликнет «Ой!», констебль заподозрил Джейн или кухарку, а сэр Эйлмер вообще заметил, сколько собралось народу.

— Эмили! — сказал он.

— Да, дорогой?

— Что они тут делают? — спросил он, переводя взгляд с кухарки на Джейн, с Джейн на Элзи. — Пусть идут спать!

— Хорошо, дорогой!

— Титан! — крикнул молодой голос. Элзи собиралась послушать новости, а там — по-дружески обсудить их, и ее независимый дух возмутился. Когда ей исполнилось семь лет, она перевозбудилась, ей стало худо, и ее увели с пантомимы. С тех пор она не знала таких разочарований.

— Кто это сказал? — спросил лорд Эйлмер.

— Я, — спокойно и строго отвечала Элзи Бин. — Титан и есть, можете меня уволить.

— И меня! — сказала кухарка, радуясь удачной мысли.

— Да и меня, — сказала компанейская Джейн.

Сэр Эйлмер вцепился в свой халат, словно хотел его разорвать, как пророк Ветхого завета.

— Эмили!

— Да, дорогой?

— Ты их разгонишь или нет?

— Да, дорогой, сейчас, дорогой.

Невыразимо страдая — кто-кто, а она знала, как трудно нанять прислугу, — леди Восток отослала женщин. Остался только Перси, закуривший сигарету, радуясь тому, что мужчины могут теперь обсудить все толком.

Сэр Эйлмер перевел дух, словно оратор на собрании, с которого изгнали смутьянов.

— Поттер!

— Сэр?

— Расскажите все снова.

Констебль рассказал, и даже лучше, ибо сумел подыскать слова, а сэр Эйлмер внимательно выслушал.

— Где она была?

— Неизвестная особа, — поправил полицейский, — находилась в саду.

— Где именно?

— Недалеко от окна, сэр. За ним ваши штуки.

— Что-о-о?

— Эспогаты, сэр.

— Экспонаты.

— Да, сэр.

— Что она делала?

— Таилась, сэр.

— Зачем?

— Не знаю, сэр. Перси стряхнул пепел.

— Сообщника ждала, — сказал он. — Ничего не попишешь, банда.

Лучше бы он не говорил. Констебль, вынужденный смиряться перед вышестоящими, ждал случая разрядить обиду с той поры, как сэр Эйлмер назвал его кретином, болваном, идиотом и дураком. Схватив нахала за левое ухо, он ловко вышвырнул его и вернулся, удовлетворенный хорошо выполненным делом.

Однако Перси приоткрыл дверь и сказал:

— И меня увольняйте.

Лорд Икенхем, молчавший до сей поры, тоже взял слово.

— Ловко ты их, Балбес. Единым махом… Жаль, в деревне очень трудно найти прислугу.

Сэр Эйлмер не ответил, он и сам так думал. В беседу вступил констебль.

— Вообще-то, мальчишка прав, — заметил он. Перси он не любил, подозревая, что тот кинул в него кирпич, но любил справедливость. —

Банда и есть. Сообщники — в доме, — прибавил он, бросив при этом многозначительный взгляд.

Тут заговорил Мартышка и так живо, словно его укололи в заднее место. Упоминая о многозначительном взгляде, мы забыли сказать, что смотрел констебль на последнего из Твистлтонов, а может — и преуменьшили его силу. Глупо называть многозначительным смертоносный луч.

— Что вы на меня смотрите?

Остроумный констебль заметил, что кошке дозволяется смотреть на короля, и еще радовался своей находчивости, когда сэр Эйлмер решил, что пришла пора говорить без околичностей. Весь вечер он играл радушного хозяина — во всяком случае, не слишком свирепого — перед этим ползучим гадом, и теперь даже мысль о Гермионе не могла его остановить.

— Я вам скажу, почему он смотрит. Он знает, что вы — мошенник.

— Кто, я?

— Вы. Думаете, обманули? Не-ет! ПОТТЕР!

— Да, сэр?

— Расскажите, где вы их видели.

— Хорошо, сэр, — отвечал констебль, устремляя взгляд в пустоту. — Забыл! Надо посмотреть, там записано. А в общем, год назад я дежурил на собачьих бегах. Обвиняемый привлек мое внимание, поскольку нарушал порядок и, отвечая на мой вопрос, назвался Смитом.

— Не Твистлтоном?

— Нет, сэр. Эдвин Смит, адрес — Ист-Далидж, Настурциум-роуд, 11.

— Ну, что скажете? — спросил сэр Эйлмер. Тут вмешался лорд Икенхем.

— Балбес, не дури. Ну, назвал чужую фамилию. Ты сам так делал.

— Я? Нет!

Лорд Икенхем пожал плечами.

— Не хочешь — не говори. Кто-кто, а я бы не хотел будить болезненных воспоминаний. Уверяю тебя, это Реджинальд. Вообще-то Билл сказал мне, что ты спятил.

— Вот как?

— Я спросил, в чем это выражается, а он ответил, что ты заподозрил его старого друга. Вы подтверждаете, Билл, что это ваш старый друг?

— Да.

— Пожалуйста!

Сэр Эйлмер подул в усы.

— Уильям его не видел двенадцать лет. Ха! Уильям!

— Да, дядя?

— Спроси его что-нибудь.

— Спросить?

— Про школьные дни.

— Мы не учились вместе. Я познакомился с ним на празднике, в Икенхеме.

— Чем не гарантия? — вставил граф. — Исключительно достойный дом. Кстати, как ты туда съездил?

— Неважно, — отвечал баронет. — Что он там делал?

— Гостил.

Сэр Эйлмер подумал и снискал вдохновение.

— Была там собака?

— Э?

— Собака.

— А, собака. Соба…

— Не говори. Спрашивай. Лорд Икенхем кивнул.

— Очень умно, Балбес. Если он там гостил, он вспомнит, была ли там собака. Мальчики помнят собак. Ну, обвиняемый, помнишь?

— Еще бы. Колли.

— Правильно, Билл Окшот?

— Правильно.

— Как ее звали?

— Рукавица.

— Верно, Билл Окшот?

— Верно. В самую точку. Спросить еще, дядя Эйлмер?

— Не надо.

— Надеюсь, — сказал лорд Икенхем. — Не позорься, Балбес.

— Вот как? — откликнулся уязвленный хозяин. — Сейчас перейдем к вам.

— Ко мне?

— Да. Откуда я знаю, кто вы? Брабазона я помню, вы на него не похожи…

— Я объяснил. «Грация». Банка поменьше — полкроны, побольше — три кроны шесть пенсов. Смешаешь с едой — и зада как не бывало.

— Я не верю, что вы — Планк. Может, Уильям подцепил чужого человека, чтобы судить этих детей.

— Смешно! Посмотри на него. Какой чистый взгляд, какой лоб!..

— Тут что-то не так, — твердо сказал сэр Эйлмер, — и я в этом разберусь. Совершенно чужой человек говорит, что он со мной учился.

Поттер ловит женщину, которая рыщет в моем саду.

— Не столько рыщет, сколько таится.

— МОЛЧАТЬ!

— Слушаюсь, сэр.

— Рыщет в моем саду, пытаясь связаться с сообщником.

Кто он? Не я же.

— Надеюсь, Балбес.

— Не Уильям. Не этот мальчишка, который тут был…

— Откуда ты знаешь? Я бы смотрел за ним и смотрел.

— Видимо, не Реджинальд, поскольку он — Реджинальд.

Остаетесь вы.

— Ну что ты, Балбес! Почему ты думаешь, что она пыталась с кем-то связаться? Скорее, бедное созданье искало приюта на ночь в каком-нибудь амбаре или стойле, что бы ни значили эти слова.

— Ха-ха, бедное созданье! И шла бы в стойло, а то рыщет…

— Таится, сэр.

— Ма-алчать! Рыщет под окнами музея. Ясно, из шайки. Я их выведу на чистую воду! Вот вы, например, докажите, что вы Планк.

Лорд Икенхем приятно улыбнулся.

— Что ж ты раньше не сказал? Пожалуйста. Тебе недостаточно, что я зову тебя Балбесом?

— Могли откуда-то узнать.

— Тогда вспомним то, чего не узнаешь без постоянного общения. Кто стащил пирожки с джемом в школьной лавке? Кто всунул перо в стул француза? Кто получил шесть раз по заду за измывательства над младшими? Кстати, помнишь хрупкое златовласое дитя, которое смотрело на тебя, словно на небожителя? Ты измывался над ним, Балбес, ты ему угрожал, словно ассириец, ты драл его за волосы, ты выкручивал его нежную ручку. Но тут он вырвал ее и дал тебе в глаз, приятно было посмотреть. Через десять минут, препроводив тебя в постель, мы узнали, что этот мальчик — чемпион в легчайшем весе, которого отец перевел к нам, чтобы он дышал деревенским воздухом. А вот еще…

Он остановился. Речь его прервали странные и страшные звуки, словно закудахтал индюк с больным горлом. Констебль смеялся редко, пытался себя сдержать, но не сумел.

— Ык, ык, ык, — промолвил он, и сэр Эйлмер кинулся на него с яростью златовласого чемпиона, которому выкручивают руку.

— ПОТТЕР!

— Сэр?..

— Вон отсюда! Что вы тут торчите? Искали бы ту женщину, если сдуру упустили.

Укор отрезвил Гарольда Поттера.

— Да, сэр, — сказал он.

— Что «да»?

— То есть нет, сэр. В общем, пойду искать. А чего там? Сразу увижу, она, простите, голая, — вывел он со свойственной ему ясностью мысли.

Учтиво поклонившись, он ушел, и сэр Эйлмер решил последовать его примеру.

— Пойду спать, — сказал он. — Уже часа два.

— Больше, — сообщил лорд Икенхем, взглянув на часы. — Как бежит время! Пойдем и мы, пора.

Он взял под руку племянника, дышавшего так, словно у него поднялась температура, и пошел с ним наверх.

2

Спальня, отведенная лорду Икенхему, выходила окнами в парк, и он усадил Мартышку в шезлонг у самого балкона.

— Отдохни, — сказал он, подкладывая подушку. — Ты напоминаешь мне моего нью-йоркского друга по имени Брим Рокметеллер, когда ему четвертого июля подложили шутихи под стул. Такой самый вид. Казалось бы, все в порядке, разобрались в этой истории с Эдвином Смитом, а ты горюешь.

Мартышка сел прямо, опять растопырив ноги во всех направлениях.

— Ну, ну! — заметил лорд Икенхем, приводя их в порядок. — Ты человек или осьминог! Просто хоть связывай.

— Дядя Фред, — тихо сказал Мартышка, не внемля упреку, — может быть, ты не знаешь, что от тебя нет никаких сил. Где ты — там разорение и гибель. Жизнь, свобода, счастье исчезают, как тени. Словно черная смерть, ты косишь народ тысячами.

Пыл его и слог немного удивили лорда Икенхема.

— Дорогой мой, что же я сделал?

— Объяснил про эти бега.

— Ну, знаешь! Я хотел помочь. Если бы я не вмешался…

— Если бы ты не вмешался, я бы стоял насмерть. Лорд Икенхем покачал головой.

— Ничего бы не вышло. Видит Бог, я всегда за то, чтобы не

сознаваться, тридцать лет так живу, сколько женат, но тут — не подходит. Балбес поверил бы Поттеру. Он бы решил, что ты — вор

— А кто я теперь? Что скажет Гермиона? Узнает — разорвет помолвку.

— Ты думаешь?

— Просто вижу, как она пишет письмо.

— Что ж, и прекрасно Я бы радовался

— Чему тут радоваться? Я ее боготворю. До сих пор…

— Знаю, знаю. Не умел любить. На мой взгляд, нельзя связывать судьбу с воспитательницей детского сада, которая будет всю жизнь бить мужа лопатой. Но сейчас не до бесед о браке. Есть дела поважнее.

— Какие это?

— Дорогой мой, тебе безразлично, что Салли мечется по округе в одной рубашке? Где твое рыцарство?

Мартышка опустил голову. Ему было очень стыдно.

— Ах ты, и верно! — сказал он. — Она простудится.

— Это в лучшем случае.

— Ее схватит Поттер.

— Вот именно.

— Чтоб он лопнул!

— Да, и я бы этого хотел. Не констебль, а могучая сила природы. Никогда не думал, что такое рвение умещается в полицейской форме. Что ж, до свидания.

— Куда ты идешь?

— Туда, во тьму, — отвечал пэр, перекидывая через руку цветастый халат. — Мы не знаем, где Салли, но уйти далеко она не могла. Сиди здесь, отдыхай, размышляй.

Он вышел, ступая как можно бесшумней, а Мартышка откинулся в шезлонге и закрыл глаза.

«Размышляй!..» — горько подумал он и безрадостно засмеялся.

Но разум наш способен на многое. Казалось бы, какие размышления, когда мозг похож, скорее, на вихрь, чем на скопище серых клеток? Однако Мартышка заметил, что он и впрямь размышляет.

В сознании его, словно огненный образ, вставал графин, оставшийся на круглом столике и полный наполовину. Разум услужливо подсказал, что виски приносит пользу именно в таком состоянии. Любой врач, продолжал разум, порекомендует, нет — просто пропишет стаканчик-другой.

Через полминуты Мартышка отправился в обетованную землю, еще через полторы — сидел, задрав ноги, в своем любимом кресле.

Спокойствие вернулось к нему.

В гостиной было очень тихо и очень хорошо; точнее — тихо и хорошо минут пятнадцать. К концу их вошел сэр Эйлмер и стало хуже. Поскольку сон его дважды прервали, он тоже вспомнил о графине и потянулся к нему душой. Опыт подсказывал, что самая жестокая бессонница — ничто перед стаканчиком-другим.

Мартышке он не обрадовался. Хотя ему и пришлось отказаться от прежних воззрений, он все же считал его гадом и ничуть не намеревался выпивать с ним в третьем часу. Жизнь, думал он, трудна и так, когда не натыкаешься повсюду на этого субъекта. Если бы после двух дней общения с будущим зятем сэра Эйлмера спросили, каким он хотел бы видеть мир, он бы сказал, что не привередлив, и просит только об одном: чтобы в мире не было Твистлтонов.

— Уфф! — сказал он. — Ф-фуф! Опять вы!

Очень трудно на это ответить. Мартышка не придумал ничего, только подпрыгнул сидя, что уже вошло в привычку, а приземлившись — нервно хихикнул.

И зря. Мы знаем, как относился к этому сэр Эйлмер. Да, он не рвал людей на части, но лишь потому, что не хотел связываться с судом. Он посмотрел на Мартышку — и увидел, что тот держит бокал.

— Эй! — вскричал он. — Я думал, вы не пьете.

— А?

— Не пьете!!!

— Именно, не пью.

— Тогда чего ж вы хлещете виски?

— Прописали.

— Что?!

— Врачи рекомендуют. Для здоровья.

Бывают минуты, когда, объяснив все, мы ждем, что из этого выйдет. Такая минута настала. Мартышка искал детского доверия в суровом лице будущего тестя; и тут вошла леди Восток.

Некоторым покажется, что таких совпадений не бывает. Шесть обитателей Эшенден-мэнор независимо друг от друга вспомнили о графине, который оставила Джейн! Однако другие увидят в этом ту неотвратимость, которая страшит и пленяет нас в греческой трагедии. Эсхил говаривал Еврипиду: «Неотвратимость — это вещь!», и тот с ним соглашался.

Как бы то ни было, леди Восток тоже привлек графин. Не в силах уснуть после недавней передряги, она подумала, не выпить ли виски,

разбавив его водой. Увидев единомышленников, она удивилась.

— Эйлмер! — сказала она. — Реджинальд! Я думала, вы не пьете.

Сэр Эйлмер издал исключительно противный звук, как бы выговаривая носом: «Еще чего!».

— Прописали для здоровья, — объяснил он.

— Да?

— Да. Врачи.

Тон его был так глумлив, что Мартышка, расплескавший почти все во время прыжка, не решился налить снова. Теперь ему хотелось не столько выпить на дорогу, сколько оказаться там, где нет ни сэра Эйлмера, ни его жены.

— Э… а… спокойной ночи, — сказал он.

— Уходите? — мрачно прогремел сэр Эйлмер.

— Э… да… спокойной… э…

Супруги тоже пожелали ему спать спокойно. Когда дверь закрылась, леди Восток напоминала лошадь, не очень довольную овсом.

— Ах, Господи! — сказала она. — Надеюсь, Реджинальд не пьяница. — Тут она вспомнила. — Слава Богу! Он ведь не Реджинальд. Он мошенник.

— Реджинальд, — сообщил сэр Эйлмер. — Мы тут разобрались, все выяснили. На этих собачьих бегах он дал чужое имя и чужой адрес.

— Это нехорошо.

— Что уж хорошего! Подло, я сказал бы. Мерзко. А пить он пьет. Ты посмотри, как у него бегают глаза. Я сразу понял. Хихикает! Пьяница, тут и думать нечего. Алкоголик. Ты уж поверь, он и здесь пил, как губка. Что будет делать Гермиона, ума не приложу. Алкоголики видят зеленых змей, — сэр Эйлмер отпустил воображение на волю, — желтых жаб, синих слонов. Лиловых пингвинов.

Материнское сердце не камень. Леди Восток жалобно заржала.

— Надо ее предупредить!

— Именно. Вот и напиши.

— Я к ней поеду!

— Езжай.

— Прямо с утра!

— Чем раньше, тем лучше. А сейчас ложись, не выспишься. Почему ты вообще пришла?

— Не могла уснуть. Решила немного выпить.

— А я — много. Тоже не спал. Какой сон, если в доме кишат лунатики и констебли! Легли эти бабы?

— Да, дорогой. Все уходят.
— Черт с ними.
— О, Господи! О, Господи! О, Господи!
— Что еще?
— Я думаю о Реджинальде. Знаешь, их лечат золотом. Может, попробовать?

Не ведая об этих суждениях, но их подозревая, Мартышка взобрался на второй этаж. Нельзя сказать, что он обрел покой; однако его приятно удивляло, что рядом никого нет, ибо недавние события породили в нем нелюбовь к роду человеческому. «Один, один, в конце концов, один!», — думал он, открывая дверь спальни.

На кровати сидел дядя Фредерик, куря некрепкую сигару, а в кресле — окутанная цветастым халатом девушка, при виде которой сердце его снова подпрыгнуло, перекрыв прежние рекорды.

— А, Мартышка, — сказал лорд Икенхем, — заходи, заходи. Тут Салли. Мы влезли по водосточной трубе.

3

Мартышка не сразу обрел дар речи. Голосовые связки завязываются узлом от сильных чувств, а у него этих чувств было два.

Конечно, он боялся дядиных действий, он не доверял им, но, кроме того, он смутился, как смутится всякий, неожиданно встретив невесту, с которой расстался после бурной ссоры.

К счастью, невесты в таких ситуациях смущаются меньше. Салли, если судить по виду, не смутилась вообще. Глаза ее, по-прежнему сияющие, сияли приветливо. Когда она заговорила, приветливым оказался и голос, а уж об улыбке не стоит и говорить.

— Здравствуй, — сказала она.
— Здравствуй.
— Рада тебя видеть.
— О-о-о-о…
— Хорошо выглядишь.
— Э…да.

Мартышка говорил рассеянно, ибо думал о другом. За всеми хлопотами — Нью-Йорк, наследство, помолвка — он забыл, как улыбается Салли, и теперь испытывал примерно то, что испытал 4 июля Брим

Рокметеллер.

Да, он забыл, как действует эта улыбка, когда засияет, словно огни кабачка после долгого пути, перенося в уютный, веселый, радостный мир. Великая любовь, и та не помогла; Мартышка испытал неприятные чувства вины и утраты.

Но они ушли. Собравшись с силами, он подумал о Гермионе — и пожалуйста! Твердый, стальной Реджинальд без единой щелочки в латах задал вопрос, который мог задать и пораньше.

— Что это значит? — спросил он холодно и ровно, как Поттер, обращающийся к подозрительному субъекту. — Что это значит, дядя Фред?

— Ты о чем?

— Что тут делает Салли?

— Скрывается.

— В моей комнате?

— Ничего, это временно.

Мартышка сжал голову руками, чувствуя, как обычно, что она сейчас треснет.

— Господи! — сказал он.

— В чем дело? У тебя неприятности?

— Да не может она тут быть!

— Не беспокойся, ты уйдешь ко мне. Кровать не предоставлю, но вспомни этот шезлонг!

— Я не о том. А вдруг кто-нибудь придет?

— Куда?

— Сюда.

— Когда?

— Утром.

— Никто не придет, кроме горничной, а днем я уведу Салли. Она поставила машину в здешний гараж. Съезжу в Икенхем, привезу ей платье, и пусть едет, куда ее душе угодно. Кстати, — задумчиво прибавил он, — почему именно «душе»? Очень возвышенно. В общем, утром придет служанка, надо ее уломать. Ты никогда не думал, что если бы гости умели уламывать служанок, те смело пускали бы постояльцев?

— Как ты ее уломаешь?

— Странное слово… Как будто забытый, старинный спорт. Наверное, Вильгельм Завоеватель был просто чемпионом. Дорогой мой, не беспокойся. Собственно, я ее уломал. Расскажу по порядку. Можно, Салли?

— Пожалуйста, дядя Фред.

— Прекрасно. Итак, когда мы расстались, я обыскал местность со всей доступной мне скрупулезностью. Трудно без пса, всегда бери его в гости, но я и сам обнаружил ее в оранжерее, где она поливала слезами цветы.

— Ничего подобного! — вскричала Салли, и лорд Икенхем, поднявшись с места, поцеловал ее в макушку.

— Это для красоты, — объяснил он. — Ты вела себя, как герой, я просто гордился. Когда Салли услышала мой голос, она засмеялась.

— Хотел бы я засмеяться!

— А ты не можешь? Несмотря на счастливый конец?

— Какой еще конец?

— Счастливый. Ведь Салли спаслась, словно корабль в бурю. На чем я остановился?

— На оранжерее.

— Правильно. Обнаружил, закутал в халат, и мы стали красться сквозь тьму. Ты слышал о Чингачгуке?

— Нет.

— Индеец, известный в мое время. Видимо, теперь не читают Фенимора Купера.

— При чем он тут?

— Я хотел объяснить, как мы крались. Тихо, бесшумно, словно индейцы в мокасинах. И тут мы услышали голоса.

— Я так и подпрыгнула!

— Как и я. Взвились в воздух. Дело в том, что один голос принадлежал констеблю, другой — Элзи Бин. Что приятно в этой усадьбе, всегда можно встретить ночью служанку.

Говорила, в основном, она. Видимо, попрекала констебля его службой. Она сообщила, что через месяц уходит и должна узнать, уходит ли он. Оказалось, что у них совершенно разные взгляды, мало того — идеалы. Поэтому я решил, что она сочувствует нам, и не ошибся. Вскоре констебль ушел, а наша подруга, негромко фыркнув, направилась к дому. Тут мы и вступили с ней в контакт.

— Игриво крикнув: «Эй!».

— Игриво, как ты заметила, крикнув: «Эй!». После этого все пошло, как по маслу. Позже она сказала, что дикие звуки из тьмы ее напугали, но она сумела с собой совладать и приветливо нам ответила. Именно она указала нам эту трубу, а когда я подсадил Салли, подсадила меня, иначе по трубе не влезешь. Удивительно приятная девушка! Теперь я понимаю, почему ты…

— Что — я? Ну, что — я?

— Ах, ничего! Итак, она помогла нам и обещала помогать в будущем. Скоро она зайдет. Видимо, она считает, что есть о чем потолковать.

— О еде! — воскликнула Салли.

— Можно и о еде.

— Я сейчас умру.

— Хорошо, через несколько минут отведу тебя в кладовую. Я бы и сам съел два-три вареных яйца. Ночью всегда хочется есть. А вот и мисс Бин! Заходите, заходите! Надеюсь, вы знакомы. Сигарету?

— Спасибо, сэр.

— Мартышка, дай нашей гостье сигарету. Присаживайтесь, мисс Бин. Скамеечку под ноги? Прекрасно. А теперь поведайте нам, что вас гнетет. Вероятно, вы хотите подсказать, как мы вознаградим вас за вашу доброту. Пять фунтов, на мой взгляд… вернее, десять.

Элзи Бин затрясла головой. Папильотки запрыгали, как усы у сэра Эйлмера.

— Не надо мне денег, — сказала она, не называя их презренным сором, но как бы и называя. — Лучше дайте в нос Гарольду.

Голос был звонок и строг, лицо — сурово, голубые глаза неумолимо сверкали. По-видимому, беседа в саду исчерпала ее терпение. Вот горничная, подумали бы вы, которая больше не уступит; и не ошиблись бы. Дочери Боттлтон-Ист славятся своим пылом, а манера констебля отвечать «Да нет…» на самые пылкие мольбы довела бы и более кротких служанок.

Лорд Икенхем учтиво склонил голову.

— Гарольду?

— Это Поттер.

— А, ваш полицейский друг! Что надо с ним сделать?

— Дать в нос.

— То есть ударить? Стукнуть? Заехать?

— Ага.

— Почему же? Я не навязчив, но это любопытно.

— Чтобы он ушел из полиции. Я говорила мистеру Твистлтону. Гарольд очень нервный. Чуть что — обижается.

— А, так, так!… Я вас прекрасно понимаю. Психологически это безупречно. Если бы я служил в полиции и меня ударили по носу, я бы тут же ушел. Что ж, мы согласны. Мартышка…

Мартышка дернулся.

— Дядя Фред, — сообщил он, — мы с Элзи уже все решили. Сделает это ее брат. Надо тебе сказать, бить полицейских — его хобби.

— Да он не выйдет до сентября! Лорд Икенхем очень огорчился.

— Неужели ты хочешь, — спросил он, — чтобы наша бедная подруга ждала до сентября? Мы должны помочь ей немедленно. К несчастью, я уже не тот, плохо даю в нос, хотя был бы счастлив осуществить такую прекрасную мечту. Следовательно, это сделаешь ты и как можно скорее.

— Ах ты, черт!..

— Не говори таких слов. Ты напоминаешь мне нашего предка, сэра Джервиса, который позорил свой род в давние дни. Зовут его под Яппу — он свернется в постели и скажет: «Как-нибудь позже». Ты выполнишь свой долг, обсудив все сперва с мисс Бин. А мы, пока ты обсуждаешь, сходим в кладовую. Лучше — по черной лестнице. Вы не подскажете нам, где она? В конце коридора? Спасибо, мисс Бин. Наверное, кладовую найти нетрудно. Есть в кухне газ, чтобы сварить яйца? Прекрасно. Все удобства. Идем, Салли. Обещаю тебе прекрасную трапезу. Есть тут умеют. Вероятно, кроме яиц, мы найдем ветчину, а может — и сосиски.

Со старинной учтивостью поклонившись Элзи Бин, лорд Икенхем вывел Салли из комнаты, рассказывая ей о том, как он жарил сосиски на кончике пера, а Мартышка увидел, что собеседница его уже не так сурова.

— Симпатичный старичок, — сказал она.

Такое неточное описание человека, похожего на анчар, который губит все, к чему прикоснется, поразило Мартышку, и он воскликнул: «Ха!».

— Что?

— Ха, — повторил страдалец и хотел это объяснить, когда услышал негромкий стук, а потом — слово «Мартышка».

Судя по голосу, стучался Билл Окшот.

4

В словесности, дошедшей до нас сквозь века, есть много выразительнейших описаний того, как откликаются люди на неожиданную неприятность. Вспомним короля Клавдия, когда он смотрит «Мышеловку», а у более поздних писателей — мужа, когда он находит в кармане письмо, которое жена просила послать за две недели до этого.

Однако для сравнения с Мартышкой мы выберем только Макбета, увидевшего дух Банко. Волосы у него зашевелились, словно под легким бризом, глаза совершенно вылезли, с побелевших губ сорвался бессмысленный крик — не «Ой!», излюбленный служанкой, и не «Х-р-р!», как сказал бы сэр Эйлмер, а нечто среднее. Наблюдательный и умный

шотландец, взглянув на Макбета, заметил: «Идемте, лорды, — государю худо.».[73] Нет сомнений, что, взглянув на Мартышку, он произнес бы эти же слова.

Мы понимаем, в чем тут дело. Если молодому человеку тонкого и нежного склада молодой человек покрупнее, да и склонный к буйству скажет, что задушит его за ночные беседы со служанкой в гостиной, первый из этих молодых людей полагает, что служанка в его спальне вызовет еще большие нарекания. Вот почему мы не будем к нему строги, когда он со словами «Ой!» или «Х-р-р!» смотрит на старого друга, как смотрел бы на гостя, который зашел к обеду, хотя он сам его убил. Глазами души он видел огромные руки Билла Окшота.

Однако он быстро обрел былую прыть. Чутье не молчит в час беды, а Мартышка принадлежал к роду, где непрестанный опыт выработал умение вести себя в таких ситуациях. В XVIII и XIX веках, да и в других, хотя пореже, Твистлтоны только и делали, что быстро прятались в шкаф. Ведомый наследственным чутьем, Мартышка направил Элзи к шкафу.

— Сидите тихо! — прошипел он. — Ни звука, ни хрипа, ни стона. А то меня убьют.

После чего закрыл шкаф, поправил галстук, набрал в легкие воздуха и произнес:

— Войдите!

Когда он, приглаживая волосы, препоручал душу Богу, вошел Билл Окшот.

— Привет, — сказал Мартышка.

— Привет, — откликнулся Билл. — Нам надо… э… поговорить.

Иногда эта фраза звучала зловеще; иногда — но не сейчас. Билл произнес ее мягко, мало того — робко, и Мартышка не без радости понял, что при своих размерах настроен он мирно. Кто-нибудь наблюдательный, вроде Росса, сказал бы, что Билл растерян; и не ошибся бы.

Дело в том, что, вспоминая беседу в гостиной, Билл задумался, не был ли он грубоват. Какие-то фразы, быть может, напоминали об анатомии. Словом, он пришел к Мартышке, чтобы попросить прощения, и как раз собирался к этому приступить.

Мартышке было бы приятней, если бы он каялся в письменной форме, но слушал он вежливо, хотя и рассеянно, ибо в шкафу что-то шуршало, и ему казалось, что у него по спине бегают пауки. Так уже было в годы Регентства с одним Твистлтоном.

Видимо, и Билл что-то слышал, поскольку спросил:

— Что это?

— Э?
— Шуршание какое-то. Мартышка вытер пот со лба и ответил:
— Мышь.
— А, мышь! Так и кишат…
— Да, в этом году их много, — согласился Мартышка. — Ну, спокойной ночи, старик.
Но Билл, как многие в молодости, страдал избытком чувств. Если уж он мирился с другом, так мирился. Он сел, и кровать заскрипела под его весом.
— Хорошо, что мы помирились, — заметил он. — Значит, ты не обиделся?
— Что ты, что ты, что…
— А то я думал, ты обиделся.
— Нет-нет-нет.
— Прости, что я орал.
— Я тебя не задерживаю?
— Куда мне спешить? Понимаешь, увидел я тебя с Элзи и подумал…
— Ясно, ясно.
— Сам знаешь.
— Еще бы!
— Я бы эту мышь прогнал.
— Прогоню с утра. Не пожалею.
— Понимаешь, ты к ней придвинулся… К Элзи, не к мыши.
— Она прикуривала.
— Конечно, конечно. Теперь я знаю. Теперь я тебе доверяю.
— Ну, ладно…
— Я верю, что Гермиона будет с тобой счастлива.
— А то!..
— Здорово! — подытожил Билл, вкладывая в это слово всю душу. — Понимаешь, Мартышка, я люблю Гермиону.
— Да, ты говорил.
— Гермиона…
— Может, утром обсудим?
— Почему?
— Поздновато, а?
— Хочешь лечь? Ну, я только скажу, что Гермиона… Ну, это…
— Что?
— Путеводная звезда. Гермиона — моя путеводная звезда. Как она прекрасна, Мартышка!

— Ужас.

— Таких больше нет.

— Куда там!

— А сердце?

— О-о!

— Аум?

— О-о-о!

— Как тебе нравятся ее книги?

Мартышка вздрогнул. «Убийству в тумане» он посвятил именно те часы, которые надо было потратить на них.

— Знаешь, — сказал он, — все руки не доходят. Она мне одну оставила, сразу видно — жуть. Новое слово.

— Какую?

— Забыл. Такое название.

— Когда вышла?

— Прямо сейчас.

— А, значит, я еще не видел! Здорово. Буду читать. Ты подумай, она пишет замечательные книги…

— О-о-о!

— … и остается простой, скромной, неприхотливой. Встает в шесть утра, идет на…

Мартышка подпрыгнул.

— В шесть утра? — произнес он тонким и сдавленным голосом. — Нет, не в шесть!

— Летом — в шесть.

— А зимой?

— В семь. Потом она играет в гольф или гуляет в полях. Таких, как она, нет на свете. Что ж, ложись. — С этими словами Билл Окшот поднялся и ушел.

Мартышка послушал, как он уходит, прежде чем выпустить из шкафа Элзи. Мы не скажем, что любовь его ослабела, он все так же почитал Гермиону, но мысль о том, что она, возможно, заставит вставать и его, показалась неприятной.

Вот почему, освобождая пленницу, он был рассеян и на ее восклицания отвечал: «О» или «Э».

— Чего я тут сидела? — спрашивала она. — Это же мистер Уильям!

— О! — сказал Мартышка и развил свою мысль. — Если б он вас нашел, он бы оторвал мне голову.

— Ну-у!

— И выпотрошил.

— Вот это да!

— Именно. Если его довести, он очень опасен. Ах ты, черт! Может, он ударит вашего Гарольда?

— Так вы же ударите.

— Я ему уступлю. Столько дел!.. Он будет очень рад. Элзи покачала головой.

— Не будет. Я его просила.

— Когда это?

— Когда я подсадила старика на трубу.

— И он отказался?

— Да. Сказал — это не поможет.

Мартышка тоже так думал, но все-таки рассердился. Горько, когда человек не использует своих дарований. Так и вспоминается притча о талантах.

— Чего вы все от меня ждете? — жалобно воскликнул он. — Как будто это легче легкого! Я просто не знаю, что надо делать. Хоть бы кто научил! Да и тогда…

Элзи поняла его сомнения.

— Да, — сказала она, — лучше толкните его в пруд.

— Какой еще пруд?

— Где утки. У самых ворот в парк.

— А если он туда не пойдет?

— Пойдет. Он всегда туда ходит. Встанет на берегу и плюет в воду.

Мартышка оживился. Мы не станем утверждать, что замысел ему понравился, но все же больше, чем прежний.

— Подползти сзади?

— Ага.

— И толкнуть?

— Ага.

— Понимаю… В этом что-то есть. Может быть, вы нашли выход. А пока, посмотрите, нет ли кого в коридоре. Если нет, бегите к себе.

Однако прежде, чем она вышла, вернулись граф и Салли, очень довольные, особенно граф, вдоволь наевшийся яиц.

— Давно так не ел, — сказал он. — Какой стол у Балбеса! Что ж, пора и лечь. Вечер кончается. А ты собирайся, мой дорогой.

Мартышка не ответил, ибо смотрел на Салли. Лорд Икенхем деликатно ткнул его в бок.

— Ой!

— Собирайся. Уложи чемодан.

— А? Да, да, да.

— Самое необходимое. Я одолжу тебе бритву и любимую губку. — Он обернулся к Элзи. — Вы все обсудили?

— Да, сэр. Мистер Твистлтон толкает Гарольда в пруд.

Мартышка, отрешенно укладывавший вещи, снова промолчал. Не глядя на Салли, он ее видел. Когда она вошла, он испытал такой верный удар, словно в него попала молния, ибо глаза ее после чая и яиц сияли еще ярче, а улыбка — что и говорить. Пытаясь думать о Гермионе, он вспоминал только эти шесть утра, зимой — семь. Закрыв чемодан, он постоял. Сердце опять прыгало.

— Что ж, Салли, — сказал лорд Икенхем. — Иди, ложись.

— Спокойной ночи, дядя Фред. Спокойной ночи, Мартышка.

— А? О, спокойной ночи.

— Спасибо, что приютил.

— А? Что ты, что ты…

— Спокойной ночи, мисс Бин.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спасибо вам большое. Нет, какая мысль! Толкнуть в пруд. Блестяще, поистине — блестяще. Пошли, Мартышка.

В коридоре Мартышка замешкался. Граф на него взглянул.

— Забыл что-нибудь?

— А? Нет, нет. Думаю о Салли.

— Что именно?

— Ей очень идет халат.

— Да, идет. Кстати, она просила помаду. Достань где-нибудь, а?

— Хорошо, — сказал Мартышка, — достану. И задумчиво двинулся дальше.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава десятая

1

Если вы после раннего завтрака поедете на станцию Уокли, вы попадете на экспресс, который в 12. 43 доставит вас к вокзалу Ватерлоо. Бег времени не убедил леди Босток отменить свою поездку; она хотела объяснить дочери, почему нельзя, надев фату, идти к алтарю под руку с Реджинальдом. До станции ее довез Билл, а лондонской квартиры она достигла в самом начале второго, когда Гермиона садилась в двухместную машину.

Увидев эту девушку во всем великолепии новой шляпы, лучшего платья и тщательно выбранных туфель, самый заунывный человек признал бы ее ослепительной. Отец походил на моржа, мать — на участницу скачек, но дочь — высокая, темноволосая, с большими глазами и античным профилем — воплощала самые дерзкие мечты восточного властелина.

Когда леди Босток негромко заржала, она обернулась и поглядела на нее с тем естественным огорчением, которое испытает всякий, если прожил вместе с матерью неделю, расстался с ней, а через двое суток видит, что она вернулась.

— Мама! — вскричала она глубоким, низким голосом, который столько лет будоражил душу Билла, как сбивалка для яиц. — Что…

— Ах, Господи! — сказала леди Босток. — Ты уходишь? Мне надо с тобой поговорить.

— Никак не могу остаться. Уже опоздала. А в чем дело?

— О, Господи! О-о-о-о! Реджинальд…

— Реджинальд?

— Да. Папа…

Глаза у Гермионы мрачно сверкнули. Упомянуть вместе этих мужчин, думала она, можно лишь в том случае, если сэр Эйлмер нарушил ее строгий приказ. Когда она сказала «лелеять», надо лелеять.

— Что он сделал с Реджинальдом? — спросила она. — Лаял?

— Нет, нет! Папа никогда не лает. Он повышает голос.

— Повышал?

— В сущности, нет. Дело не в этом. О, Господи! Если начать сначала…

— Тогда отложим. Я спешу. Издатель пригласил в ресторан.

— Мистер Попгуд?

Гермиона коротко, сухо засмеялась. За три года Огастес Попгуд не предложил ей и сырной палочки. Равно как и Сирил Грули, его партнер.

— Нет, — отвечала она, — новый. Я получила на днях письмо. Кажется, деловой человек, не то что Попгуд и Грули. Мистер Понтер, или Пеентер, глава издательства «Радость жизни». До свидания, мама. Постараюсь вернуться поскорей.

— Я тебя подожду.

— Важное дело?

— Очень важное, очень.

— Связано с Реджинальдом?

— Да, дорогая. Мы узнали…

— Прости, не могу, — сказала Гермиона.

Как всякая девушка, она была любопытна, как писательница — честолюбива, а потому предпочла делового человека, который, судя по всему, обладал свойствами, очень важными для писательницы.

Машина отъехала. Сидя за рулем, Гермиона с удовольствием думала о Понтере. Или Пентере. А может — Пейнтере.

2

Пейнтером он и был, братом Салли. Да, в вестибюле гостиницы Гермиону ждал Отис, и когда машина влилась в поток других машин, нетерпеливо вскочил, чтобы шагать взад-вперед, поглядывая на часы. Предстоящая трапеза очень его беспокоила.

Письмо он написал не случайно. Он все продумал. С самого начала понимая, что сэра Эйлмера надо урезонить, он попросил сестру поговорить с Мартышкой; и, терзаясь теми чувствами, какими терзался бы всякий, препоручив Мартышке свою усадьбу, случайно увидел в «Тайме» женскую фотографию.

Подпись гласила: «Мисс Гермиона Босток, дочь сэра Эйлмера и леди Босток из Эшенден-мэнор. Занимая высокое положение в свете, мисс Босток написала несколько книг под псевдонимом «Гвиннет Гульд».

Тут его и осенило. Такие мысли делают честь человеку, который занимался прежде антиквариатом, интерьером и марионетками. Изложим:

Вопрос: Кто уломает старого хрыча, который подает в суд на издателя?

Ответ: О чем тут говорить? Его дочь.

Вопрос: Значит, ее и ловим?

Ответ: Вот именно.

Вопрос: А как?

Ответ: Проще простого! Она пишет книги. Предложим ей договор. Тогда ее интересы совпадут с нашими и она, не жалея сил, будет за нас бороться. Для верности пригласим в ресторан.

Вопрос: Молодец. Куда?

Ответ: К «Баррибо».

Вопрос: Что? А ты там был, цены видел?

Ответ: Не мелочись. Такое дело не провернешь на пиве с сосисками.

Итак, Отис ходил по вестибюлю, гадая, почему Гермионы все нет и сколько с него слупят, если она не придет. Несколько продуманных слов отвратят ее от шампанского — желудочный сок, то-се; но здесь кусается и рейнвейн.

Заметив, что рот у Отиса открыт, ибо он страдает аденоидами, а колени стучат друг о друга, словно кимвалы, наблюдатель удивился бы, что он в близком родстве с такой девушкой, как Салли. Что ж, дочери бывают красивей родителей, сестры — красивее братьев. Мистер Пейнтер — толстый, красноносый, в роговых очках и с бакенбардами — напоминал об американских поселенцах на восточном берегу Сены.

Собственно, там он и жил после колледжа, а душу и бакенбарды стал взращивать еще на втором курсе. Rive Gauche[74] он покинул ради Лондона, где перепробовал многое (без успеха), и вот через пять лет ждал Гермиону как глава издательства «Радость жизни», в прошлом — «Задор».

Стрелки его часов показывали 1.27, когда он увидел сквозь стеклянную дверь, что швейцар подтянулся, судорожно подкрутил ус, приложил руку к фуражке, после чего двери завращались и с ними в вестибюль въехала молодая дама, при виде которой Отис пожалел, что прыщ на носу еще не поддался лечению.

Сделав шаг вперед, он учтиво спросил:

— Мисс Гульд?

— О, мистер Понтер!

— Пейнтер.

— Ах, Пейнтер! Я не опоздала?

— Нет, нет. Коктейль?

— Спасибо, не пью.

— Не пьете?

— Только лимонад.

Бумажник в заднем кармане весело подпрыгнул, и Отис повел даму в малый зал, случайно зная, что лимонад стоит всего полкроны.

Может быть, из-за этой верной ноты все и пошло так хорошо. Самый строгий критик не стал бы отрицать, что, начиная с семги, воцарился дух вавилонских пиршеств или тех конференций, которые проходят, в атмосфере полного доброжелательства.

Как часто встреча издателя с писателем бывает печальной! Издатель горько вздыхает, ссылаясь на времена, дороговизну бумаги и книжный рынок. Когда писатель, стремясь его ободрить, намекнет, что все эти беды побеждает разумная политика и своевременная реклама, он вздохнет еще раз и скажет, что расхваливать авторов в печати не только накладно, но и бесполезно, а вот… как бы это назвать… реклама слухов действительно приносит плоды.

Сейчас ничего этого не было. Отис ничуть не считал, что времена чем-то плохи. Напротив, он ими восхищался, равно как и книжным рынком. Что до бумаги, он, судя по тону, был за нее спокоен.

Лично он, сообщил он, верит в рекламу. Когда он находит настоящего автора — например, вас, мисс Гульд, — для него нет пределов. Статейка — здесь, заметка — там. Дорого? Ничего, окупится. Девиз его, сообщил он, приближаясь к единственной фразе, которую привез из Парижа, кроме «О 1а 1а!» — «L'audace, l'audace et toujours l'audace».[75]

После таких слов молодая писательница непременно ощутит, что попала на розовое облако; ощутила и Гермиона. Ощущение это усилилось, когда Отис сказал, что со следующих трех книг будет платить ей 20 %, если же разойдется более трех тысяч экземпляров — то и 25. Даже аденоиды не приглушат таких слов.

Возможно, доверившись Биллу Окшоту, читатель неверно представляет себе, какое место в литературе заняла Гермиона Восток. У Попгуда с Грули она издала три книги, и разошлись они так: первая — 1104 экз., вторая — 1608. Третья, по выражению Попгуда, шла туго, хотя оптимист Грули надеялся продать тысячи две.

Но даже если вы с ним согласны, вы не скажете, что такие цифры вознаграждают за тяжкий труд. Гермиона же полагала, что причина — не в качестве книг, а в недостатке рекламы. Однажды она завела об этом речь, и Попгуд заметил, что расхваливать авторов в печати — накладно и бесплодно. Плоды приносят… как бы это назвать?

— Реклама слухов? — подсказал Грули.

— Она самая, — согласился его собрат, благодарно глядя на мастера слова.

Поэтому мы не удивимся, что Гермиона опьянялась вином прельстительных слов, и даже глава издательства «Радость жизни» казался ей довольно красивым. Но вдруг после долгих похвал, он произнес:

— Однако…

И помолчал; а Гермиона, спускаясь с облака, посмотрела на него. Когда тебе предлагают 20 %, а дальше — 25, такие слова неуместны.

— Однако? — повторила она.

Отис снял, протер и надел роговые очки (нос его к этому времени стал темно-малиновым). Кроме того, он потрогал прыщ и погладил бакенбарды.

— Понимаете, — начал он, — не все у меня так гладко. Может быть, денег не будет. Я разорюсь.

— Что!

— Да. На меня подают в суд. Адвокат говорит, что убытки — огромны.

— Вы можете выиграть.

— Если дойдет до суда, не могу. Просто не знаю, что и делать. Этот Босток…

— БОСТОК?

— Сэр Эйлмер Босток. Он был губернатором одной африканской колонии, написал мемуары, отдал мне…

— Нет! В «Задор».

— Мы переменили название. Теперь оно как-то острее. Но вы-то откуда об этом знаете? Удивительно, как расходятся слухи… Ну, если знаете, объяснять не буду. Босток мстит мне, он — недобрый человек. Поверьте, судебная тяжба меня разорит.

— Ах, так! — сказала Гермиона.

Лорд Икенхем, глядя на ее фото, решил, что она может испепелить взглядом, — и не ошибся. Простое «Ах, так!» звучало зловеще, как «Хо!» у констебля Поттера.

Мы упоминали в нашей летописи о волке, который не нашел в санях русского крестьянина, и тигре, который не получил к завтраку неимущего индуса. Что их чувства перед чувствами молодой писательницы, которая узнала, что ее отец пытается разорить сказочно-прекрасного главу издательства «Радость жизни»!

Гермиона встала. Лицо ее было мрачным и решительным.

— Не беспокойтесь, мистер Поттер, — сказала она. — Дело до суда не

дойдет.

— Что?..

— Я не сказала вам, что Гвиннет Гульд — мой псевдоним. Я — Гермиона Восток, дочь сэра Эйлмера.

— Дочь? — проговорил ошеломленный Отис. — Это поразительно! Это удивительно! Это невероятно!

— С отцом я поговорю. Сейчас же поеду к ним.

— Может быть, и мне поехать, на всякий случай?

— Что ж, я вас подвезу. Пока мы беседуем, посидите в кабачке. Если вы готовы, идемте. Машина — у входа.

Подъезжая к Гилфорду, Гермиона ощутила, что мысль, которая тыкалась в ее сознание, словно пьяный жилец, когда он не может попасть ключом в скважину, туда вошла. Она глотнула воздуха.

— Простите? — сказал Отис, вздыхавший все время, ибо ее манера водить машину была для него внове.

— Ничего, — отвечала Гермиона. — Так, вспомнила. Вспомнила она, что кроткая леди Восток сидит уже три часа в лондонской квартире, намереваясь поговорить про Реджинальда. Легкий укол совести погасила мысль об удобных креслах и новых журналах. Гермиона нажала на акселератор, и Отис, закрыв глаза, препоручил свою душу Богу.

Глава одиннадцатая

1

Послеполуденное солнце, освещавшее сквозь сплошное окно бывшую спальню Мартышки, осветило тем самым и его бывшую невесту, прерывая ее недолгий сон. Она встала, зевнула и потянулась.

Окно выходило на балкон. В летний день приятно посидеть на балконе, но если ты хотя бы немного известен полиции, этого делать не следует. Пришлось стоять за гардиной, глядя оттуда на зелено-золотой мир.

Насмотревшись на кусок дорожки и часть цветущего куста, Салли собралась сесть в шезлонг, когда увидела высокого, изысканного человека с небольшим чемоданом. Он скрылся, а через секунду-другую на балкон что-то шмякнулось.

Сердце у нее подпрыгнуло. Со свойственным ей умом она поняла, что это — платье. У пятого графа бывали приступы легкомыслия, но он не стал бы бросать чемоданы просто так. Осторожно, на четвереньках, Салли подкралась к бесценному дару и схватила его.

Белое платье и алый жакет леди Икенхем она надела с той быстротой, какую проявит всякая девушка, располагавшая какое-то время только цветастым халатом. Лорд Икенхем вошел, когда она смотрелась в зеркало.

— Все в порядке? — осведомился он. — Неплохой бросок, а? Заметь, я с давних пор ничего не швырял вверх, но если продаешь газированную воду, рука не ослабеет. Хороший жакет. Элегантный.

Салли его поцеловала.

— Спасибо, дядя Фред, — сказала она. — Вы просто ангел. А вас никто не видел?

— Никто. Хозяйка уехала в Лондон, Балбес — в деревне, продает кому-то корову, если я не спутал.

— Почему же сейчас не поставить? — удивилась Салли.

— Неужели ты думаешь, что мне не пришло это в голову? Я сразу устремился в музей и обнаружил, что Балбес его запер, а ключ увез. Как я говорил Мартышке, есть в Балбесе какая-то грубость души. Но не волнуйся. Вскоре я все устрою самым лучшим образом.

— О, если бы!

— Салли! Неужели и ты мне не доверяешь?

— Доверяю, доверяю! Дядя, миленький, забудьте эти глупые слова!

— Я их уже забыл. Да, ты прелестна в этом платье. Видение, иначе не скажешь. Не удивляюсь, что Мартышка тебя любит.

— Любил.

— Любит, и сильнее, чем прежде. Вчера он так и вылупился. Видела ты креветку в брачный сезон? Вылитый Мартышка. А напоследок он мне сказал: «Как она хороша!». Это — любовь.

— Если я ему понравилась в таком халате…

— Любовь, ты уж мне поверь. Он тебя боготворит. Обожает. Умрет за розу из твоих волос. А ты как?

— Я-то не меняюсь.

— Любишь его?

— Обожаю.

— Похвально, хотя и странно. Я и сам его люблю. Собственно, кроме жены, тебя и собаки я никого так не люблю, как Мартышку. А вот обожать — не обожаю. С чего бы?

— Очень просто. Он — ягненок.

— Ты его так видишь?
— Конечно. Мягкий, беленький ягненок, которого хочется погладить.
— Может, ты и права. Я плохо разбираюсь в ягнятах. А вот что ты его любишь, это хорошо. Скоро понадобится. На мой взгляд, этому браку не бывать.
— Что-что, а сладость и свет вы распространять умеете!
— Стараюсь, как могу.
— Поговорите еще! Почему вы так думаете?
— Ну, скажи, зачем Гермионе выходить за Мартышку?
— Наверное, тоже любит ягнят.
— Ерунда. Я видел только фото, но знаю, что ей нужен большой, надежный муж охотничье-рыболовного типа. Они с Биллом Окшотом созданы друг для друга. Но он слишком робок, так нельзя. Надо мне с ним поговорить. Пойду-ка поищу.
— Не ходите! Поговорим о Мартышке. Он измучился, смотреть больно. Сидел и стонал.
— А не пел?
— Скорее, нет. Он закрыл лицо руками.
— Да, поет он иначе. Закинет голову, испускает ноты пол углом в 45 градусов. Очень неприятно, особенно если это — «О, Долорес, королева дальних морей!». Итак, он стонал. Почему?
— Не хочет толкать полисмена в пруд.
— Не хочет? Даже ради божественной Элзи?
— Да.
— Что же ему дорого, он сам? — опечалился лорд Икенхем. — Ах, Салли, мужчины уже не те. Где Галахады? Помню, дева в беде только знак подаст — и я бегу, хлопая ушами. Ничего не поделаешь, долг чести! Мы обязаны Элзи Бин. Не понимаю, чего он волнуется. Пруд — рядом, под рукой.
Салли посмотрела на графа так, как редко смотрела сама Жанна д'Арк.
— Где именно? — спросила она.
— Прямо у ворот. Элзи Бин сообщила мне, что Поттер часто стоит там, плюет и, будем надеяться, думает о ней. Что может быть приятней, чем толкнуть его в эти минуты? Ради прекрасной Элзи я бы толкнул двадцать констеблей.
— У Мартышки — тонкая, ранимая душа.
— А у меня? В Нью-Йорке все удивлялись. Что там разговаривать! По донесениям, Поттер приезжает именно в это время. Где Мартышка?
— Не знаю.

— Пойду, поищу.

— Минуточку, — сказала Салли, обретая сходство еще и с Иаилью, женой Хеверовой.[76]

— В чем дело? Беспокоишься за своего Мартышку?

— Да.

— Сказано тебе, это легко и приятно.

— Не для него. Он — ягненок.

— Почему ягненок не может толкнуть полисмена?

— Не может, и все. Тут нужна женщина.

— Господи, Салли! Ты не соби…

— Собираюсь. Все решено. Давно не творила добра. До свидания, дядя Фред.

Салли юркнула на балкон и, судя по звуку, перелезла на трубу. Выглянув из двери, граф увидел, как она исчезает. Он вздохнул — безрассудная юность исторгала из него такие вздохи — и вернулся в комнату, а оттуда направился в холл, где Билл Окшот балансировал палкой, держа ее на кончике носа.

2

Молодой хозяин Эшендена занимался эквилибристикой не из легкомыслия; как многие в этом доме, он пытался отвлечь разум от печальных предметов. Что все обстоит именно так, доказывала его глубокая серьезность. Мало кто глубоко серьезен, когда балансирует палкой, но ему это удавалось.

Увидев графа, он немного оживился. Ему хотелось посоветоваться с верным человеком, но случая не было.

— Вот здорово! — сказал он. — Это вы.

Лорд Икенхем на время отложил беспокойство о Салли.

— Слова «вот здорово», — заметил он, — выбраны очень удачно. Я тоже хотел вас видеть.

— А я — вас. Мне надо с вами посоветоваться.

— Что ж, выйдет дуэт. Я бы вас переговорил, но вы хозяин, уступаю вам трибуну. Просим.

Билл собрался с мыслями.

— Значит, так, — начал он. — Повез я тетю на станцию, ей нужно в Лондон. Сам я не выспался, молчу, смотрю на дорогу…

Лорд Икенхем его перебил:

— Прочитаю в вашей биографии, глава «На станцию с тетей». Переходите к главному.

— Молчу, а она говорит: «Алкоголик».

— За что ж она вас?

— Не меня. Мартышку.

— Вот как? Ну, знаете!

— Говорит: «Алкоголик». А я говорю: «Что?». А она говорит: «Алкоголик». А я говорю: «Кто?». А она говорит: «Реджинальд».

Лорд Икенхем его похвалил.

— Да, это мастерство. У вас редкий слог, Билл Окшот. Вы, часом, не Синклер Льюис? Нет? Значит, кто-то другой. Итак, ваша тетя говорила: «Алкоголик», пока не вышли на Мартышку. Она не сообщила, на чем основаны эти обвинения?

— Как же! Он пил виски в гостиной.

— Я бы не волновался. Лучшие люди пьют в гостиных, скажем — я.

— Вы пьете днем, а он — ночью. Я его застал в час, тетя с дядей — в полтретьего. Полтора часа! Прикинем еще полчасика до меня, получится два. Когда они ушли, он остался. После завтрака лыка не вязал.

— Нельзя напиться за завтраком.

— Именно! Напился он ночью и еще не прочухался, когда это случилось.

— Что вы имеете в виду?

— Тетя меня ждала. Дядя Эйлмер… нехорошо отозвался о ее шляпе, она пошла надеть другую, а в комнате кто-то шуршит. Открыла дверь — никого, открыла шкаф — там Мартышка.

— Не туфля и не розовый шарф?

— Нет. Он ей улыбнулся и сказал, что ему нужна помада. Ясное дело, напился. Разве трезвый подумает, что тетя Эмили мажется? Так вот, я не знаю, предупредить ли Гермиону. Нельзя, чтобы она вышла замуж за пьяницу.

— Может огорчиться? Но вы ошиблись, Билл Окшот, Мартышка пьет очень мало. Сейчас он страдает.

— Почему?

— Он всегда страдает, когда мы вместе. Это трудно объяснить.

— Значит, не говорить Гермионе?

— Я подумаю. А вот о другом, — лорд Икенхем строго посмотрел на Билла, — с ней поговорить надо.

— А?

— О том, что вы ее любите.

— О!

— Боритесь со своей склонностью к междометиям. Любите или нет?

Билл Окшот обрел приятный густо-малиновый оттенок.

— Люблю, чего там, — отвечал он, — но сказать не могу.

— Почему?

— Нельзя. Она выходит за Мартышку.

— Что вы, можно! Вспомните Лохинвара.[77] Вспомнили?

— Еще бы! Декламировал в детстве.

— Представляю восторг публики! Мне лучше удавалась «Шхуна «Геспер»». А насчет Мартышки не беспокойтесь, он любит другую. Помните, я говорил, что ему бы лучше жениться на одной моей знакомой? Когда-то к этому шло, но они поссорились. Так вот, ожидается рецидив, симптомы верные. Насколько я понял, мисс Восток в Лондоне. Поезжайте туда и вы.

— Ым…

— Что значит «Ым»?

Билл снова принялся копать ногой пол, производя тот самый звук, какой производят волны, биясь о каменистый берег.

— Трудно…

— Что, объясниться в любви? Ерунда!

— Я девять лет пытался. Не могу. Лорд Икенхем подумал.

— Кажется, — сказал он, — я понял, в чем дело. Вы сперва размышляете, а тут нужен порыв. Р-раз — и готово! Подошел. Поразил. Словом — быстрота и натиск.

— Да? — без особого пыла откликнулся Билл Окшот, и граф его снова понял.

— Вы нервничаете, — заметил он, кладя ему руку на плечо. — Когда я увидел фотографию, меня поразила та величавая неприступность, которая отпугивала пастухов от наиболее строгих богинь. Таких красавиц в мое время называли царственными. Что ж, тем более нужен натиск. Этих красавиц нужно подчинять.

— Мартышка не подчиняет!

— Конечно. Он — ягненок, у них другие методы.

— А я не ягненок?

— Ну, что вы! Вы велики для этого, сильны, багровы, можете съесть за обедом целый пирог. Мартышка берет хрупкостью и лепетом, а вы — только натиском. Вам придется вести себя, как вели герои романов, популярных в мое время. Ходят в бриджах, с хлыстом — на всякий

пожарный случай, мало ли что. Как же ее звали? А, вот! Этель М. Делл.[78] Ведите себя, как герои Этель М. Делл. Купите, изучите.

— Я не буду бить Гермиону никаким хлыстом, — твердо сказал Билл.

— А зря, помогло бы.

— Нет и нет

— Что же, дело ваше. Тогда схватите ее за обе руки.

— Ну, что вы!

— Как бы она ни отбивалась, прижмите к груди и покройте лицо поцелуями. Говорить не надо. Разве что «Ты — моя!» или что-нибудь в этом духе. В общем, обдумайте, Билл Окшот. Метод верный. Провалов не было. Однако, мне пора. Пойду, найду Мартышку. Вы не знаете, где он?

— Полчаса назад ходил по корту.

— Опустив голову?

— Да, кажется.

— Так я и думал. Бедный он, бедный!.. Ничего, у меня хорошая новость. Пока! Да, кстати, — лорд Икенхем опять появился, словно Чеширский кот, — за руки хватайте крепко. Можно немного встряхнуть.

Он снова исчез, и Билл услышал, как, направляясь к корту, он поет любовную песню времен своей молодости.

3

Застенчивый, робкий человек, который год за годом копает землю ногой и таращит глаза в присутствии своей дамы, ощутит после таких бесед точно то же, что ощутил бы, прыгнув в ледяную воду. Сперва он потрясен и ничего не видит, потом — приходит в экстаз.

Когда наставник его ушел, Билл довольно долго стоял в оцепенении. От самой мысли о таких действиях хребет у него извивался, как змея в серпентарии. Примерно это чувствовал он в школе, съев на пари шесть эскимо подряд.

Вдруг, к его большому удивлению, страх сменился восторгом. Он понял и оценил всю прелесть нового метода. Особенно понравилось ему, что объяснение сводится к чисто физическим действиям. Их он не боялся. Действовать руками он умел.

Пленила его и простота. Никаких изысков, никаких сложностей. Он решил проверить, все ли помнит.

Схватить за руки?

Легко.

Встряхнуть?

Чепуха!

Прижать и осыпать?

О чем разговор!

Сказать: «Ты — моя!»…

Тут он задумался. Ему казалось, что лорд Икенхем, блистательный режиссер, не слишком силен в диалоге. Все ж как-то глупо. Лучше попыхтеть. Да, именно. Хватаем, трясем, прижимаем, осыпаем, пыхтим. Замечательно!

Гонимый напряженной мыслью, он ходил по холлу, склонив голову, загибая палец за пальцем. Когда вдохновение подсказало ему, что хорошо бы попыхтеть, он услышал глухой удар, а потом жалобный рев.

Решив, что за окном разбилась машина, он присмотрелся, разглядел неподалеку что-то весомое и, приглядевшись еще, опознал своего дядю; но только начал перед ним извиняться, как сердце его подпрыгнуло, словно балерина, репетирующая новое па. За сэром Эйлмером, невыразимо прекрасная, стояла Гермиона.

Она ему улыбнулась; она вообще сияла. Сгрузив издателя у кабачка, она подъехала к дому, когда сэр Эйлмер из него выходил, и так сильна была ее личность, что убедить его удалось за две минуты с четвертью. Издательство могло спать спокойно.

Тем самым, она сияла. По-своему, как сестра, она любила старого друга и обрадовалась ему.

— Здравствуй, Билл, — сказала она, и он обрел дар речи, откликнувшись:

— Здравствуй.

Обрел этот дар и сэр Эйлмер.

— Какого черта ты тут торчишь? — спросил он, стоя на одной ноге, массируя другую. — Ходит, как носорог! Смотри под ноги.

Однако Билл смотрел на Гермиону. Он что-то такое слышал, но сосредоточиться не мог.

— Конечно, конечно, — сказал он.

— Что «конечно»?

— Да, правда? — откликнулся Билл.

Мастеру фырканья оставалось одно, и он фыркнул, после чего прошел в музей, решив разобраться во всем попозже. Стоит ли тратить силы на человека, который вообще идиот, а сейчас — в особенности?

Гермиона все сияла.

— Вот ты и вернулся, — сказала она. — Я очень рада. Как там, в

Бразилии?

— Здорово.

— Хорошо?

— О, а, э, спасибо.

— Ты загорел. Много было приключений?

— Э, да, а.

— Наверное, много змей?

— О, о!

— Непременно все расскажи, а то я спешу. Надо повидать одного знакомого.

Билл откашлялся.

— Э… постой… — сказал он.

Сейчас или никогда, думал он. Они одни. Шагнешь — и схватишь. Пыхтит он и так. Лучших условий ждать нечего.

Но двинуться он не мог. Его сковала та слабость, которая сковывает стольких в наше время, а исцеляется — только бодрящей микстурой доктора Смита. Будь у него бутылка, что там — ложка микстуры, он бы пришел в себя. Но ее не было; и он копал ногой, таращил глаза, как все эти девять лет.

— Да? — сказала Гермиона.

(«Хватаем, трясем, прижимаем, осыпаем, пыхтим», подсказало его суперэго, но тело не послушалось.)

— Да?

— Гермиона!

— Да?

— Гермиона…

— Да?

— Так, ничего, — сказал Билл.

И оказался один. За окнами, судя по звукам, отъехала машина. Гермиону он не винил. Вспомнив, как он мерзко блеял, словно диктор Би Би Си, он задрожал и удивился такой нечеловеческой трусости.

С горя он собрался было биться головой об стену, но передумал и решил пойти к себе, зарыться лицом в подушку.

4

Стремясь поскорее сообщить Отису благую весть, Гермиона решила не мешкать. Задержись она хоть на минуту, она увидела бы молодого

человека без шляпы, но с выпученными глазами, который мчался от корта к дому. Кажется, Реджинальда Твистлтона уже сравнивали с кошкой на раскаленных кирпичах. Именно это сравнение пришло бы сейчас в голову стороннему наблюдателю.

Пронесясь над террасой, он влетел в дом; пронесясь над холлом, взлетел по лестнице; пронесясь над коридором, ворвался в свою бывшую комнату, и Салли, отдыхавшая в шезлонге, как амазонка после битвы, поднялась ему навстречу. Точнее, она тоже взлетела, словно снизу, сквозь подушки, быстро вылез большой гвоздь. Она умела владеть собой, но когда столкнешь в пруд констебля, это как-то возбуждает, и она подумала было, что ворвался Поттер.

Распознав свою ошибку, она стала спокойней, но не намного.

— Мартышка! — сказала она.

— Салли! — сказал Мартышка.

Если мы сообщим, что его очень тронул разговор с лордом Икенхемом, направившимся позже в кабачок, потолковать о Бразилии, вы вправе обвинить нас в сдержанности. Чувства бушевали в его груди и среди них выделялись благодарность, стыд, любовь, какой он еще не испытывал, хотя влюблялся регулярно с самых юных лет.

Он совершенно забыл о Гермионе. Он помнил только о Салли. Примерно так же, как Билл, собирался он хватать, трясти, целовать и пыхтеть, с той лишь разницей, что Билл представлял себя в роли костоправа, а Мартышка — скорее, паломника, приближающегося к святыне. Да, мы неточны, слова «хватать» и «трясти» тут не подходят. Оставим «пыхтеть» и «целовать».

Пыхтел он и так; что же до поцелуев, Билл Окшот, окажись он рядом, получил бы наглядный урок.

— О, Салли! — говорил Мартышка.

— О! — говорила и Салли.

Время не двигалось. Во внешнем мире люди чем-то занимались. Констебль переодевался. Лорд Икенхем шел по деревне. Гермиона ехала в том же направлении, на полмили дальше. Сэр Эйлмер поправлял экспонаты. Билл Окшот лежал лицом в подушку. А в Лондоне леди Восток, пересмотрев журналы, впала в легкую дремоту.

Мартышка же и Салли в благоухании фиалок и роз слушали нежную музыку, которую исполнял на редкость умелый оркестр, состоявший, в основном, из арф и скрипок. Констеблем, лордом Икенхемом, сэром Эйлмером, леди Восток, Биллом и Гермионой они не интересовались. Обняв Салли поудобней (они сидели в шезлонге), Мартышка удивлялся,

что бывают такие идиоты, такие редкие кретины, как этот полный дурак, расставшийся с единственной девушкой на свете.

— Нет, какой болван!

— А я?

— Я хуже, никакого сравнения.

— Это я виновата.

— Нет!

— Я.

— Нет!

— Я!

Спор разгорался, и Мартышка уже произнес было: «Нет», но лицо его перекосилось, как за четырнадцать часов до того, когда в гостиную вошел Билл Окшот.

— Что такое? — забеспокоилась Салли. Мартышка нервно глотнул.

— Ничего, — отвечал он. — Просто вспомнил про Гермиону. Салли задрожала. Многое, в сущности — все, зависело от того, считают ли Твистлтоны, что слово — это слово.

— А я? — спросила она. — Может быть, честь не позволяет тебе расторгнуть помолвку?

Мартышка глотнул еще раз.

— Не то чтобы честь… — ответил он. — Ты ее не видела? То-то и оно. Если бы видела, сама поняла бы. Как к ней подступиться?

— Очень просто. Пойди и скажи, что ты ошибся.

— М-да…

— Или напиши.

Мартышка дернулся, как сильный пловец, который стал тонуть и вдруг увидел, что кто-то бросает ему спасательный круг.

— Написать?

— Все ж легче.

— Верно! — обрадовался Мартышка, в порыве благодарности прижимая Салли к груди и покрывая ее лицо поцелуями. Однако ему помешала Элзи Бин, которая, тихо постучавшись, внесла поднос, а на нем чайник, чашку, тосты и кусок пирога.

— Чай, — объяснила она. Мартышка рассердился.

— Почему вы не трубите в рог? — спросил он.

Элзи не испугалась ни этих слов, ни нежной сцены. В Боттлстон-Ист такого не пугаются.

— Чай, тосты, пирожок, — сказала она. — Толкнули вы Гарольда, мистер Твистлтон?

Салли взяла власть в свои руки.

— Конечно, толкнул. Он ведь обещал? Вот! Разве он обманет?

— Значит, плюхнулся?

— Еще как! Слышала вся округа.

— Красота! Спасибо вам, мистер Твистлтон. Мисс Гермиону видели?

Мартышка подскочил вершка на два.

— Разве она здесь?

— А то! На машине приехала.

Мартышка не ответил, зато сжал голову руками.

— Пойду, похожу по корту, — сказал он. — Тут надо подумать.

Глухо застонав, он вышел, обретя былое сходство со злополучной кошкой, а Элзи критическим взглядом проводила его.

— Хороший человек, — признала она. — Только не в своем уме.

— Есть немного, — согласилась Салли. — Это очень приятно.

5

Когда Гермиона подъехала к кабачку, кабачок на месте был, Отиса в нем не было. Ей сообщили, что он куда-то ушел; и, огорчившись, как огорчится всякий, если он принес добрую весть из Ахена в Гент, а Гент исчез, она поехала обратно. В конце концов, подумала она, если уж ты здесь, можно повидаться и с женихом. Вспомнила она о нем только теперь.

Однако и огорчение, и мысль о Мартышке исчезли подобно Генту. У первого же камня, отмечающего милю, что-то ударило ее меж глаз. То был замысел первого из трех романов (20 %, а после 3000 экз. — 25), которые Отис сможет теперь выпустить. С писателями всегда так. Едут, или идут, или просто спят в кресле, ни о чем особом не думают, и вдруг — бамц!

Твердо зная, что загонять идею в анналы памяти нельзя ни в коем случае, писатели эти немедленно делают заметки. Остановив машину, Гермиона отыскала старый конверт и принялась строчить, напряженно дыша носом.

Примерно в это же время лорд Икенхем достиг кабачка.

6

Шел он легко, как ходят те, кто уверен в хорошем приеме, ибо прошлый раз имел здесь оглушительный успех. Блондинка, ее дядя

(хозяин) и несколько посетителей слушали его, затаив дыхание. Жителям Хемшира нечасто доводится слушать человека, который знает Бразилию вдоль и поперек, укрощал взором аллигаторов и может рассказать об этом просто и доходчиво.

На сей раз аудитория была поменьше. Собственно, осталась только блондинка. В конце концов, при всем желании английские сельчане не могут пить непрерывно. Видимо, именно сейчас они разрешили себе отдохнуть.

Но истинный артист играет во всю силу перед любой аудиторией. Опершись на стойку и заказав пива, лорд Икенхем продолжил свой рассказ о низовьях Амазонки так, словно зал набит битком, и блондинка стала слушать.

— Ах ты, как жаль! — сказала она, когда он отвлекся, подняв кружку.

— Жаль? — немного обиделся граф, поскольку говорил о чудесном спасении от пумы. — А, понимаю! Вы огорчились, что пума осталась голодной. Да, огорчилась и она. Я заметил, что глаза ее полны невыплаканных слез.

— Нет, — возразила блондинка, — мне жаль, что вы разошлись с тем джентльменом. Зашел он выпить и говорит: «А я прямо из Бразилии». Наверное, он бы хотел вас повидать.

Лорд Икенхем заметил, что желание это чрезвычайно распространено, хотя на самом деле не обрадовался.

— И впрямь, какая жалость, — сказал он. — Я был бы очень…

— Да вот и он, — сказала блондинка.

Дверь открылась, и взорам явился немолодой человек с довольно хмурым и очень загорелым лицом. Местное пиво было так прекрасно, что многие, отведав его, вскоре возвращались.

— Простите, сэр, — сказала блондинка, когда новоприбывший подошел к стойке, нетерпеливо облизываясь. — Этот джентльмен тоже из Бразилии. Да вы про него слыхали, он очень знаменитый. Майор Брабазон-Планк.

В это мгновение раздался крик: «Ми-и-иртл!», и блондинка, которую родители нарекли именно этим именем, убежала, бросив «Простите». Видимо, суровый опыт научил ее, что дядя ждать не любит.

— Расскажите про эту пуму! — кинула она на бегу.

Пятый граф и сам рассказал бы, но пришелец как-то странно и пристально смотрел на него. В нашей хронике мы упоминали суровые, невидящие взгляды — вспомним Коггза, дворецкого из Икенхем-холла, — но этот их превзошел.

— Брабазон-Планк? — проверил новоприбывший. — Я не ослышался?
— Нет, — отвечал лорд Икенхем. — Я — майор Брабазон.
— Исследователь Южной Америки?
— Он самый.
— Вот и я тоже, — сказал пришелец, взволнованный таким совпадением.

Глава двенадцатая

1

Когда два сильных человека называют себя Брабазонами, возникает некоторое напряжение. Поначалу они молчат. Так случилось и теперь. Первым заговорил лорд Икенхем.
— Да? — сказал он. — Тогда отдавай два шиллинга.
— Два шиллинга?
— Если нет мелочи, дам сдачи. Краснодревое лицо майора немного потемнело.
— Что вы порете?
— Гони деньги.
— Вы в себе?
— Тут мнения расходятся. Одни говорят — да, другие — нет, — отвечал терпеливый граф. — Но сейчас не до этого. Зад, гони деньги. Помню, идем мы с тобой по крикетному полю дивным летним вечером, и ты говоришь: «Зараза, ты не хочешь дать мне два шиллинга?». А я отвечаю: «Нет, не хочу, но все равно придется». И дал.
Майор Брабазон-Планк схватился за стойку.
— Зад? — повторил он. — Зараза? Крикетное поле? Господи! Ты — Зараза Твистлтон!
— Как давно это было! — сказал ему друг детства. — Перед тобою, любезный Зад, — Фредерик Алтамонт Корнуоллис, пятый граф Икенхемский.
Майор Брабазон-Планк мечтательно глотнул из кружки.
— Зараза! — проговорил он, явственно и глубоко растроганный. — Да, а почему ты сказал, что ты — это я?
— Так, к слову, — отвечал граф.
— Зараза… А, чтоб меня черти драли! В жизни бы не узнал.

— Как и Балбес. Ты помнишь Балбеса? Знаешь, что он тут живет?

— Я приехал к его племяннику.

— В Эшенден-мэнор?

— Да.

— Уезжай, Зад, — посоветовал лорд Икенхем. — Тебе нельзя туда ехать.

— Почему?

— Потому что там — я, под твоим именем. Балбес забеспокоится, если нас будет двое. Казалось бы, чем больше Брабазонов, тем лучше, но ему этого не понять.

Майор еще раз отхлебнул пива.

— Под моим именем? — переспросил он.

— Совершенно верно.

— Он думает, что ты — это я?

— Естественно.

— Почему? — спросил Брабазон-Планк, хватая быка за рога. — Зачем тебе это нужно?

— Долго рассказывать, Зад, устанешь. Ты не волнуйся. Просто прикинь: «Станет добрый старый Зараза делать это без причины?» и «Если причина есть, благородна ли она?». Ответы будут: «Нет» и «Да», по ходу вопросов.

Майор оторопело помолчал. Мозги у него трещали от напряжения.

— Господи! — сказал он, наконец.

По-видимому, нырнув в прошлое, он вспомнил юного Твистлтона. Заразой зря не назовут. Он припал к кружке; глаза над ней внезапно налились кровью.

— Какого черта! — вскричал он. — Нет, под моим именем!

— Оно красивое, Зад, — сказал лорд Икенхем. — Через черточку. Очень красивое.

— Ты меня позоришь.

— Ну, что ты! Я тебя прославляю. Жители этих мест в восторге. Скажи спасибо, что такой человек, как я…

— Не скажу. Возвращайся к Балбесу, складывай веши. Допью это пиво — выдам тебя.

— Выдашь? Старого друга?

— К черту!..

— В которого ты бросал бумажные дротики?

— Они тут ни при чем.

— Кто тебе дал два шиллинга?

— Шут с ними.

— Ты суровый человек, Зад.

— Нет, я не суровый. Я берегу свою репутацию.

— Сказано тебе, она в надежных руках.

— Да уж, в надежных! Слушай, — майор посмотрел на часы, — выдам я тебя в 5. 00. Остается 23 минуты. Поторопись.

Но граф торопиться не стал. Он смотрел на друга детских лет с той же нежной жалостью, с какою смотрел недавно на констебля Поттера. Он был добр и не хотел обижать примитивных людей, собиравшихся его выдать. Поэтому он вздохнул, приступая к делу.

— Оставь надежды, юный Зад, — сказал он, — ничего у тебя не получится. Билл Окшот рассказал мне разные вещи.

— Какие именно?

— У тебя есть Ахиллесова пята, или, если хочешь, щель в доспехах. Назовем ее острой неприязнью к младенцам. Что же, если ты выдашь меня Балбесу, ты немедленно окажешься на их лежбище. Вскоре тут будет праздник, а среди развлечений — конкурс детской красоты. Я согласился быть там судьей. Видишь, где опасность? Нет меня — механически берут тебя.

— Почему?

— Потому что, дорогой мой Зад, какой-то Брабазон им нужен. Все его ждут, о нем объявили. Если я уеду, ты станешь единственным носителем этого имени. Быть может, ты думаешь, что Балбес, человек крутой, и его жена, еще круче, выпустят тебя с миром? Не думай, не обольщай себя. Надежды нет.

Загар несчастного Планка был слишком густ, чтобы мы могли определить, побледнел ли он; но он задрожал, а в глазах его появилось то, что появляется в них, когда человек посмотрит в пропасть.

— Почему бы им не позвать священника? — спросил он. — У нас в Лауэр Шегли этих чертовых младенцев судит настоятель. Для чего же еще его держать?

— Священник заболел корью.

— Идиот!

— Жестоко говорить так про страдальца, который лежит в постели, весь в алую крапинку. Но я понимаю твои чувства. Тяжело не выдавать кого-то, когда уже решил выдать. С удовольствием помог бы, но как — не знаю. Скажу хотя бы, что через сотню лет тебе будет все равно. Что ж, приятно было увидеться. Рад бы поболтать, да не могу, дела. Мы, Брабазон-Планки, — деловые люди. Загляни как-нибудь, я — тут, рядом.

Вспомним былое: школу, Бразилию… Достанешь два шиллинга — захвати с собой.

Снова похлопав друга по плечу, он удалился; а несчастный друг, тяжело дыша, допил свою кружку.

2

У Гермионы работа спорилась. Как и бывает обычно, главная мысль вызвала к жизни много второстепенных, одна другой лучше. Вскоре конверт уже не мог вместить их и она перешла к водительским правам, но, случайно подняв глаза, увидела, что к ней приближается немолодой человек исключительно изысканного вида.

— Добрый день, — сказал он, приподняв шляпу с учтивостью былых времен.

В наше время, когда распущенность давно заместила учтивость, пожилые незнакомцы нередко подходят к очень красивым девушкам. Кто как, а Гермиона в этих случаях бывала резка, и настолько, что незнакомцу казалось, что он рассердил дикую кошку. Однако пятый граф был так приличен с виду, что она немного растерялась. Брови у нее дрогнули, словно вот-вот поднимутся, — и все.

— Если не ошибаюсь, — продолжал незнакомец, — передо мною мисс Восток? Разрешите представиться, Брабазон-Планк. Гощу у вашего отца.

Гермиона успокоилась и даже выказала радушие.

— О! — сказала она. — Добрый день.

— Добрый, — согласился граф. — Не уделите ли мне минутку?

— Конечно, с удовольствием. Как странно, что вы меня узнали!

— Ничуть. Такие лица забыть нельзя. Мне посчастливилось увидеть ваш портрет…

— А, да, в «Тэтлере»!

— Нет, не в «Тэтлере». Мне показывал его ваш кузен, который с ним не расстается. Дело в том, — пояснил граф, — что я возглавлял экспедицию, в которой такую огромную роль играл Уильям Окшот. Всякий раз, как у него начиналась лихорадка, другими словами — температура, он вынимал вашу фотографию и еле слышно шептал: «О, ты! О, ты!». Я чуть не плакал, как, впрочем, и другие. Мы становились лучше, тоньше.

Гермиона глядела на него. Будь она менее красива, мы бы сказали, что она вылупилась. Чувства у нее были такие, словно она прожила много лет у подножия тихого холма и вдруг обнаружила, что это — действующий

вулкан.

— Не думайте, — продолжал граф, — что Уильям Окшот бредил. Нет; каждые полчаса он вынимал и целовал вашу фотографию. Как видите, он не забывал вас, он — верен, в отличие от многих молодых людей. Когда он шептал: «О, ты!», я думал о том, что слова эти однозначны: «О» — это «о», «ты» — это вы. Разрешите заметить, — прибавил он, отечески улыбнувшись, — что он не ошибся. Ваш союз исключительно удачен.

— Но я…

— Ему повезло. Но и вам повезло, мисс Восток! Мало на свете людей, которых я уважаю, как Уильяма Окшота. Только ему доверюсь я, если встречу аллигатора. Вы скажете, что в семейной жизни аллигаторы не так уж важны, и все же… Человек, который способен вставить ему в пасть палку и, увернувшись от могучего хвоста, разрубить его топором, в доме пригодится. Надеюсь, теперь, когда Уильям Окшот вернулся, свадьбу откладывать не станут?

Гермиона, неоднократно пытавшаяся вставить слово, растерянно проговорила:

— Я за Билла не выхожу.

— Ну, что вы! — возразил граф. — Выходите, как не выйти!

— Я выхожу за другого человека. Он тоже тут гостит. Лорд Икенхем перепугался.

— Помилуйте, не за Твистлтона же! — воскликнул он. — Истинный остолоп…

Манера у Гермионы стала, наконец, такой, какой могла стать изначально.

— Мне очень странно, — заметила она, грозно сверкнув глазами, — что вы считаете его остолопом.

— При чем тут «считаю»? — возразил граф. — Это — объективная истина. Спросите любого человека: «Вы знаете Твистлтона?», и он ответит вам: «А, остолопа?!». Боге вами, моя дорогая, за него нельзя выходить! Разве станет хорошим мужем тот, кого непрестанно арестовывают на собачьих бегах?

— Что!

— Поверьте мне. А он называет чужое имя.

— Какая чушь!

— Дорогая моя, это не чушь, а факт. Не верите — крикните ему сзади: «Эй, Эдвин Смит!». Подпрыгнет до неба. Не знаю, как вы, а я отношусь с подозрительностью к собачьим бегам. Там очень смешанное общество. Ну хорошо, допустим — ходи, но веди себя прилично! Что надо сделать,

чтобы тебя арестовали? Вы скажете, он выпил. Выпил, конечно, но что с того? Кстати, вы примирились с тем, что он — алкоголик?

— Кто?!

— Алкоголик.

— Реджинальд вообще не пьет.

— При вас — возможно. В прочее время он сосет, как пылесос. Ах, жаль вас не было прошлой ночью! Спустился в гостиную и тако-ое устроил!..

Гермиона все время порывалась уйти, но тут порываться перестала. Когда узнаешь, что твой снежно-белый жених скорее похож на рубашку портового грузчика, трудно проронить: «Вот как? Ну, мне пора.». Ты застываешь. Ты тяжко дышишь. Ты говоришь:

— Не скрывайте от меня ничего.

Пока граф рассказывал, прекрасное лицо Гермионы становилось все мрачнее. Девушке с идеалами неприятно узнать, что она вскормила змею; а змеиные свойства Твистлтона открывались ей с каждым словом.

— О! — сказала она.

— Господи! — сказала она.

— Боже мой! — сказала она.

Рассказ подходил к концу. Гермиона смотрела вдаль окаменевшим взглядом. Что-то делала она и зубами; вероятно, именно то, что называют в книгах «скрежетать».

— Может быть, — завершил свою повесть граф, никогда не терявший милосердия, — может быть, он просто болен. Душевнобольной. Говорят, он в родстве с лордом Икенхемом. Тут призадумаешься. Вы знаете графа?

— Только по слухам.

— Но по каким! Многие полагают, что место ему — в сумасшедшем доме. Мне известно, что он получал самые лестные предложения. Безумие — наследственно. Когда я увидел этого Твистлтона, мне было ясно, что он сбежал из лечебницы. Когда же я услышал то, что случилось сегодня…

— А что такое?

Гермиона дрожала. Она не думала, что будет и Акт II.

— Вскоре после завтрака леди Восток зашла в свою спальню, открыла гардероб и обнаружила там, на полу, Реджинальда Твистлтона. Он сообщил ей, что хочет взять помаду.

Гермиона вцепилась в водительские права. Акт I достаточно тронул ее, но II его превзошел.

Рассуждая о девушках, идеалах и змеях, мы забыли сказать, что особенно неприятно, если змеи эти употребляют помаду. Люди и сейчас

беседуют о кризисе 1929 года, спрашивая друг друга: «Помните, как упали такие-то акции?»; но рейтинг Реджинальда Твистлтона упал гораздо быстрее.

Гермиона щелкнула зубами.

— Я бы с ним поговорил, — продолжил граф. — Я бы потребовал объяснений. Иногда задаешься вопросом, различает ли он добро и зло.

— Ничего, различит, — пообещала Гермиона.

Граф смотрел ей вслед, когда она уезжала, довольный тем, как нетерпеливо нажимает она на педаль. Потом он перелез через ворота, сел на душистую траву и, глядя в чистое небо, подумал о том, как приятно распространять сладость и свет. Если сердце его и кольнула жалость к Мартышке, он ее подавил; после чего впал в легкую дремоту.

Гермиона тем временем затормозила у входа и собиралась войти в дом, когда услышала голос отца:

— ВОН!

Сразу вслед за этим выбежал Поттер, похожий на констебля, побывавшего в плавильной речи. Гермиона подошла к окну.

— Отец, — спросила она, — ты знаешь, где Реджинальд?

— Нет.

— Я бы хотела его повидать.

— Зачем? — с удивлением спросил сэр Эйлмер.

— Чтобы разорвать помолвку, — отвечала Гермиона, еще раз скрипнув зубами.

Завидев в этот самый миг изящный силуэт, движущийся по корту, она ринулась туда. Из ноздрей ее вылетали небольшие язычки пламени.

3

Юная Миртл, побеседовав с дядей, вернулась в зал и увидела, что новый посетитель еще стоит у стойки, глядя в пустую кружку, но с ним никого нет.

— У? — сказала она, ибо надеялась послушать про Бразилию, где сильный всегда прав, а мужчина — это мужчина. — Майор Планк сбежал?

Новый посетитель мрачно хмыкнул. Более наблюдательный человек заметил бы, что тема ему неприятна.

— Он вам про пуму говорил? — спросила Миртл. — Нет? Значит, так: идет он по джунглям, рвет орехи, а тут откуда ни возьмись здоровая пума. Что?

Новый посетитель, тихо проклявший пуму, повторяться не стал, но зато спросил еще пива.

— Я б испугалась, — продолжила Миртл. — Да уж, прямо насмерть. Пумы, они как? Прыгнут на шею и грызут. Хорошего мало. А майор Планк — человек смелый, так и скажу. Идет это он с ружьем и с верным туземцем…

Новый посетитель повторил свой заказ привлекающим внимание голосом. Миртл обиделась, но пиво дала. Он погрузился в кружку, говоря «Х-х!»; она промолчала.

Однако девицы у стойки не могут долго молчать. Подчеркнуто протерев бокал, Миртл возобновила беседу, правда — на менее опасные темы.

— Чего-то дядя разошелся.

— Чей дядя?

— Мой. Здешний хозяин. Слышите, как орет? Посетитель, смягчившийся от пива, сообщил, что слышит.

— То-то и оно, — поддержала разговор племянница. — Вот я вам скажу, у нас тут праздник. Называется «ежегодный». Значит, каждый год устраивают. Там будет конкурс младенцев. Что?

Посетитель дал понять, что ей показалось.

— Называется детской красоты. Значит, кто — красивый, а кто — нет. Вот у вас есть младенец, судья и скажет, он красивей всех. Премию дадут. Понятно, а?

Посетитель сказал, что это понятно.

— Ну, вот. Дядя Джон записал своего Уилфреда и еще бился об заклад, сто бутылок против восьми. А теперь что?

Посетитель этого не знал.

— Викарий наш корью заболел, микробы эти расплодились, так что конкурса не будет. Детям опасно.

Она помолчала, довольная произведенным эффектом. Видимо, посетитель интересовался не пумами, а простыми историями из сельской жизни. Странно только, что он смеялся, хотя история — очень печальная. Даже глаза у него засияли, будто он избавился от какой-то тяжести.

— Отменили, — сказала для ясности Миртл. — Значит, нечего было и записывать. Проиграл дядя Джон свои бутылки.

— Ай-я-я-яй! — ответил посетитель. — Не скажете ли вы, как пройти в Эшенден-мэнор?

— Прямо, а потом направо.

— Спасибо вам большое.

Глава тринадцатая

1

Мы ничуть не удивимся, что полицейский Поттер, сбегав домой и переодевшись, направился к сэру Эйлмеру, — у кого же просить защиты, как не у главы местного суда? Не успели воды сомкнуться над ним, как он об этом подумал.

Однако он не знал, что именно в это время искать аудиенции — еще безумней, чем дразнить желчного тигра. Голос не прошептал ему: «Берегись!» и не прибавил для ясности, что, отказавшись от иска, баронет кипит злобой, а потому — скорее укусит, чем выслушает.

Открыл он это сам, когда на второй минуте услышал нежданный вопрос:

— Вы что, надрались?

Тут полисмен увидел, что собеседник смотрит на него без особой приязни. Когда человек пришел в свой музей, чтобы побыть наедине с горем, ему не хватает только полисменов, бормочущих какую-то дичь. Где покорные дочери, которые в прежнее время только и знали слова: «Как вам угодно, папенька…»? Их нет; а полисмены — есть.

Тем не менее Поттер удивился. Он не знал, что рассказ его непонятен, и подумал было, что глаза у сэра Эйлмера наливаются кровью оттого возмущения, какое испытывает порядочный человек, когда обидят другого человека, тоже порядочного. Теперь он понял, что ошибся.

— Я насчет нападения, сэр. С отягчающими обстоятельствами.

— Какое нападение?

— Вот это, сэр. Меня толкнули в пруд.

— В пруд?

— Да, сэр. Где утки, сэр.

Баронет утвердился в своих подозрениях. Сам Реджинальд в разгаре оргии не порол такой чепухи.

— Какие тут могут быть утки?

Констебль догадался, что сэр Эйлмер принял утверждение за вопрос.

— Когда я сказал: «Где утки, сэр.», я имел в виду «Где утки, сэр.», а не «Где утки?», сэр. Констатировал факт. Неопознанное лицо толкнуло меня в пруд, в котором находятся утки.

— Толкнуло?

— Толкнуло, сэр.

— Кто же это?

— Женщина в красном,[79] сэр, — отвечал констебль, приближаясь к стилю ранних детективов. — Особа женского пола в красном жакете и с красной штукой на голове. Как бы шарф.

— Так шарф или что?

— Шарф, сэр.

— Тогда и говорите «шарф». Нет, что ж это такое? Давно пора сказать в суде, чтобы вы все, трам-та-ра-рам, поумнее выражались. Ладно. Вы ее видели?

— Не совсем, сэр.

Баронет закрыл глаза, вероятно, молясь о ниспослании силы.

— Что — это — значит?

— Я ее видел, сэр, и в то же время не видел. Такое как бы меркание… Мельцание…

— Если вы еще раз скажете «как бы», а за себя не отвечаю! Вы сможете ее узнать?

— Опознать, — ненавязчиво поправил Поттер. — Конечно, сэр. Только ее нету.

— Вот именно. Чего же вы ко мне лезете? Собственно говоря, полицейский лез к баронету, чтобы тот запер все выходы и обыскал округу; но, прежде чем он об этом сказал, баронет переменил тему.

— А что вы делали у пруда?

— Плевал, сэр. Я всегда там стою и плюю. Стою, значит, и слышу как бы шаги…

— ВОН!

Констебль повиновался. Дойдя до кустов, он закурил трубку и, в своей манере, стал задумчиво плевать. Мы не скроем, что думы его были нелегки.

Как известно, лучший друг сына — мама, а лучший друг полисмена — глава местных судей. Когда сгущаются тучи, самая мысль об этих судьях придает силу; что уж говорить о главе! Кто погладит, приголубит? Он и только он.

Всякий, кто бежал когда-то к маме, чтобы рассказать о своих обидах, и получал от нее поддых, поймет состояние Поттера. Если *так* принимают полисменов те, кто обязан утешать их, думал он, Элзи права. Чем раньше уйти, тем лучше.

Если бы в эти минуты вы подошли к кустам и спросили: «Ну как, констебль Поттер?», он бы ответил вам, что с него довольно. Мы не

сомневаемся, что горькие мысли стали бы еще горше; но тут их отодвинуло на задний план неожиданное зрелище.

Констебль увидел сквозь ветки, что на балкон вышла женщина в красном со штукой на голове (как бы шарф). Она посмотрела направо, посмотрела налево и вернулась в комнату.

Гарольд Поттер охнул и задрожал от шлема до ботинок. Он сказал бы: «Хо!», но слово это примерзло к его усам.

Что-что, а думать он умел. Женщина в красном толкнула его в пруд. Женщина в красном находится в доме. Можно предположить, что это — одно и то же лицо.

Хорошо, предположить. Но как же в этом убедиться?

Перед ним открывались два пути: 1) доложить сэру Эйлмеру; 2) прихватив стремянку из сарая, взобраться на балкон, заглянуть в комнату и опознать — или не опознать — особу в красном.

Колебался он недолго. Отбросив вариант 1, он выбил трубку и направился к сараю.

2

Салли давно выпила чай, съела тосты, и ей становилось одиноко. Мартышки все не было и не было. Полулежа в шезлонге, она думала, как хочется ей погладить его по голове и сказать о своей любви.

Странная штука эта любовь. Если А видит в В то, чего другие не видят, другие смиряются, хоть и страдают, подобно тому, как смирились они с болезнью викария.

Если бы эти другие увидели Салли, когда, стиснув руки и сияя взором, она изнывает от любви к Мартышке, они бы ошиблись, намекнув ей, что Реджинальд Твистлтон не может вызвать таких чувств. Ее не тронула бы картина, увиденная их глазами. Она любила, ничего не попишешь.

Одно мешало ей, одно пугало: такая умная девица, как Гермиона Восток, навряд ли уступит свою драгоценную добычу. Да, это пугало ее — и зря; в этот самый момент Гермиона добычу уступала. Когда через двадцать минут Мартышка вошел в комнату, могло показаться, что он только что расстался с тайфуном или иным бичом Божьим, если бы глаза его не сияли тем светом, каким сияют они у людей, изловивших Синюю птицу.

Салли не сразу заметила свет, и впрямь прикрытый платком, которым страдалец вытирал пот, а потому начала с упрека:

— Как ты долго!
— Прости.
— Я выходила на балкон, тебя все нет и нет. Да, я понимаю, тебе надо подумать, но не столько же!
Мартышка опустил платок.
— Я не думал, — сказал он. — Я разговаривал с Гермионой. Салли подскочила.
— Значит, ты ее нашел?
— Она меня нашла.
— И что?
Мартышка подошел к зеркалу и разглядел себя, видимо — в поисках седины.
— Трудно сказать. Как-то все смещается. Ты не попадала в автомобильную катастрофу? Атомный взрыв? Тоже нет? Тогда объяснить не могу. Одно хорошо, мы с ней не поженимся.
— Мартышка!
— Салли!
— Мартышка, дорогой! Значит, мы будем счастливы! Мартышка снова вытер лоб.
— Да, — согласился он, — будем, когда я приду в себя. Как-то ослабел…
— Бедненький! Так было страшно?
— Ужас.
— Что ты ей сказал?
— Ничего. Ну, в начале: «А, вот и ты». Беседу вела она.
— Неужели она и помолвку разорвала?
— Еще как! Знаешь, дяде Фреду место в лечебнице.
— Почему?
— Он с ней поговорил. Удивительно, как она все запомнила!
— Что именно?
— Про собачьи бега, и про вчерашнюю ночь, и про гардероб. Многое.
— Какой гардероб?
— Я пошел за помадой к леди Восток и залез…
— Мартышка! Ты просто герой! Ради меня?
— Ради тебя я что угодно сделаю. Ты же толкнула Поттера в пруд.
— Вот это у нас с тобой и хорошо. Помогаем друг другу. Идеальный брак. Какой молодец твой дядя Фред!
— Ты думаешь?
— Он спас тебя от девицы, с которой ты не был бы счастлив.

— Я ни с кем не был бы счастлив, кроме тебя. А вообще-то, правда, молодец.

— Себя не жалеет. Сладость и свет, сладость и свет.

— Да, многие жалуются. Конечно, место ему в лечебнице, но нам он помог.

— Вот именно.

— Теперь все в порядке.

— Все как есть.

— Салли!

— Мартышка!

Обнимались они достаточно долго, чтобы голливудский цензор покачал головой и велел вырезать метров двести, но все же окно Мартышка видел; и Салли с удивлением заметила, что он цепенеет.

— Что такое? — спросила она.

— Не смотри, — отвечал Мартышка. — Поттер влез на балкон.

3

Примерно тогда, когда Поттер прислонил лестницу к дому, а Мартышка начал рассказ о недавней беседе, майор Брабазон-Планк достиг ворот Эшенден-мэнор и поехал по аллее.

Ехал он быстро. Он вообще ездил быстро, но теперь его подгоняли слова старого друга. Он только сейчас понял как следует, что Твистлтон — тот самый Икенхем, о котором он немало слышал. Были в Лондоне круги, где любили потолковать про пятого графа, и майор вращался именно в них, когда оставлял аллигаторов. Тем самым он прекрасно знал нравы, привычки и чудачества своего соученика, а значит, представлял себе, что будет, если он выступил под твоим именем.

Кое-чего он, правда, не знал, а именно — давно ли гостит Зараза у Балбеса; но предполагал, что и часа хватит, чтобы древнее имя Брабазонов было надолго опозорено.

Никто не ездит быстрее, чем исследователь Бразилии, который хочет спасти свое имя. Гермиона — и та не развивала такой скорости. Большая плоская ступня, словно для того и созданная, не отрывалась от акселератора.

Майор слишком спешил, чтобы позвонить у входа и ждать. Услышав голоса за стеклянной дверью, он толкнул ее, вошел — и увидел своего подчиненного, который беседовал с мужчиной постарше, пыхтящим в

седые усы. Судя по выражению лиц, оба были чем-то расстроены. И впрямь, Билла Окшота и сэра Эйлмера мы вправе сравнить с двумя пороховыми погребами. Ни чай, ни пончики, ни бутерброды не успокоили их, ибо несчастный баронет, не в силах сдержаться, упомянул о том, что вечер его жизни не скрасит Реджинальд Твистлтон в роли зятя. Билл воскликнул: «Вот это да!», объяснив свое волнение тем, что Гермиона, обретя свободу, может снизойти к тому, кто любил ее всю жизнь. Сэру Эйлмеру это не понравилось.

— Ха! — сказал он, хотя ел пончик, и прибавил, что совершенно незачем улыбаться, как гиена, шансов нет и не будет.

— На что ты ей? — спросил баронет. — Она относится к тебе как…

— Знаю, — сказал загрустивший Билл. — К брату.

— Нет, — поправил его сэр Эйлмер. — К овце. Несмотря на свои размеры, Билл задрожал, как лист.

— К овце? — уточнил он.

— Да.

— К *овце?*

— Именно. К идиотской овце, которая гуся на место не поставит.

Более опытный полемист использовал бы этот образ, попросив оппонента назвать хотя бы трех овец, ставивших на место гуся, но Билл только пыхтел, сжимая кулаки, раздувая ноздри, краснея от гнева и стыда и сожалея о том, что родство и возраст не позволяют дать противнику в глаз, на что он просто напрашивается.

— К овце, — повторил сэр Эйлмер. — Она мне сама сказала. Именно в этот щекотливый миг и появился майор.

— Привет! — заметил он с той спокойной твердостью, которую обретаешь, годами входя без приглашения в туземные хижины. — Здрасьте, Билл.

Смятение духа довело Билла до того, что он не испугался, но тупо взглянул на майора, думая об овце. Может быть, думал он, Гермиона их любит? Ягнят она вроде терпела, но вот овца…

Здороваться пришлось сэру Эйлмеру.

— Эт-то кто такой? — спросил он, скорее радуясь, что можно сорвать злобу еще на одном несчастном.

Майор Планк привык к неприветливым хозяевам. Многие в былые дни встречали его с копьем.

— А *это* кто? — радушно парировал он. — Мне нужен Балбес Восток.

— Я сэр Эйлмер Восток, — сказал баронет. Майор на него посмотрел.

— Да? — недоверчиво протянул он. — Интересно! Балбес моложе

меня, а вы… что и говорить. Билл, где ваш дядя?

Именно в эту минуту вошла Джейн с вазой крупных ягод. В Эшенден-мэнор себя не обижали — бутерброды с огурцом, пончики, кекс и еще клубника.

— ДЖЕЙН! — вскричал сэр Эйлмер.

Другая выронила бы вазу, но Джейн только вздрогнула.

— Да, сэр.

— Скажите этому… джентльмену, кто я такой.

— Сэр Эйлмер Восток, сэр.

— Правильно, — подтвердил он, словно судья на конкурсе знаний, которые вошли в моду.

Майор Планк выразил желание, чтобы его (майора) побрал черт.

— Усы, — прибавил он. — Если человек прикрывается целым кустом седых усов, всякий примет его за старика. Что ж, Балбес, рад тебя видеть. Вообще-то я по делу. Не узнал? Я — Планк.

— Планк!

— Брабазон-Планк. Только что я обнаружил, что Зараза — теперь он лорд Икенхем — живет здесь под моим именем. Не знаю, зачем ему это нужно, но я не потерплю…

После слова «Планк» сэр Эйлмер удачно изобразил загарпуненного кита, однако сейчас смог ответить:

— А я знаю. У нас тут конкурс треклятых младенцев, он будет судьей. Вместо Билла. Тот его уломал.

— Очень умно, Билл, — одобрил майор. — Опасная штука. Они и сами хороши, а уж матери… Смотрите. — Он поднял штанину и показал шрам на икре. — Это — в Перу. Гналась за мной с кинжалом, потому что ее сынок попал в «отметим также…»

— Ввести Икенхема в мой дом, — продолжал сэр Эйлмер, — не так уж легко. Он знал, что я его не приму, есть причины. Поэтому он назвался Брабазоном-Планком, а мой племянник это подтвердил. Какого черта, — обратился он к Биллу, — ты вводишь в мой дом…

Он продолжил бы и эту речь, ему было что сказать, но тут Билл взорвался. С ранних лет относился он к дяде, как относится к вождю племени доисторический человек нервного типа. Он трепетал, он покорно слушал, он всячески его умасливал. Если бы сцена эта разыгралась пораньше, он, несомненно, сложился бы, как аккордеон.

Но сейчас душа его напоминала бензиновый бак, в который ударила молния. Встреча с Гермионой огорчила его. Сообщение об овце растравило раны. А теперь, и не один раз, старый Балбес с моржовыми усами сказал

«мой дом». Слова эти и сыграли роль последней капли.

Пока дядя бушевал, племянник машинально ел, и поначалу выражению чувств помешал пончик. Он его проглотил, а потом осведомился:

— «Мой»? Вы подумайте! Это почему же он ваш?

Сэр Эйлмер попытался ответить, что не в том дело, но не преуспел.

— «Мой»! — воскликнул его племянник, давясь этим местоимением, словно пончиком. — Нет, какая наглость! Какая подлость! Пора, наконец, разобраться, чей это дом!

— И впрямь, — одобрил майор, — разберитесь. Так чей же это дом?

(Заметим, что у него было семь теток, пять сестер и семейных ссор он не боялся.)

— Мой! — заорал Билл. — Мой, мой, мой, мой!

— А, ясно! — сказал Планк. — Ваш. При чем же тут Балбес?

— Втерся сюда. А что я мог? Мне было шестнадцать лет.

— Но потом вы стали старше?

— Навряд ли. Разве его выкуришь?

— А что, невозможно?

— Духу не хватало.

— Это не мягкость, Билл, это — слабость.

— Ничего, сейчас и выгоню. Сколько можно быть… как это?

— Дураком?

— Ничтожеством. Сил моих нет. Убирайтесь отсюда, дядя Эйлмер. Куда хотите. В Челтнем. Или в Бексхилл.

— Или в Богнор Риджис, — предложил майор.

— Можно и туда. В общем, я вас не держу. Ясно?

— Вполне, — одобрил Планк. — Какая сила слова!

— Вот так, — подытожил Билл, выходя прямо в сад. Майор Брабазон-Планк взял пончик.

— Хороший у тебя племянник, — сказал он. — И пончики прекрасные. Съем-ка еще один.

4

Билл Окшот быстро прошел и террасу, и аллею. Глаза у него сверкали. Он тяжело дышал. Так бывает с тихими людьми, когда они ощутят вкус крови.

Он с удовольствием встретил бы Джо Луиса[80] и затеял с ним ссору.

Почти это и случилось. В конце аллеи стоял не Джо Луис, а толстый, хотя и молодой человек в роговых очках; и в ту самую минуту, когда Билл его увидел, он пылко обнял Гермиону.

Билл поскакал к ним, дыша еще тяжелее и совершенно уподобившись коню, который при трубном звуке издает голос, издалека чуя битву.

Глава четырнадцатая

1

Человеку тонкой души, чья деловая судьба решается в усадьбе, нелегко сидеть за две мили, терпеливо ожидая вестей. Беспокойство его возрастает с каждой минутой. Руки и ноги дрожат; глаза — вращаются; чувство, что в брюках кишат муравьи, набирает силу. Наконец, не в силах терпеть, он решает перебраться к центру событий.

Все это произошло с Отисом Пейнтером. Словно Эдит Лебединая шея[81] после битвы при Гастингсе, он решил узнать, как там что.

Правда, пошел он не в ту сторону, перепутав направления, и только через 1, 3 мили обнаружил, что при всех медицинских и эстетических достоинствах прогулки от Эшенден-мэнор он удаляется. Тогда, вернувшись в кабачок, он одолжил велосипед у любезного чистильщика обуви и с нескольких попыток покатил к усадьбе. Опасаясь сэра Эйлмера, он поставил свой транспорт за деревом, а сам притаился в кустах, где и ждал появления Гермионы.

Когда она появилась и подошла поближе, сердце у него упало, ибо вид у нее был грозный, словно отца уломать не удалось. На самом деле именно такой вид бывает у девушек, разделавшихся с пригретой по неразумию змеей. Губы сжимаются, грудь вздымается, глаза сверкают. Но Отис этого не знал и, выходя из кустов, думал: «Конец мечтам».

— Ну, как? — спросил он слишком громко, что естественно в его состоянии.

Гермиона, с маху проскочившая мимо, услышала голос и резко вздрогнула.

— Откуда вы взялись? — сурово спросила она. — Нельзя же так!

— А что?..

— Язык прикусила.

— Нет, — сказал Отис, забывший с горя все тонкости этикета, — что

сэр Эйлмер? Вы его видели?

Гермиона совладала с собой. Язык болел, но именно этот издатель верил в хорошую рекламу.

— О, да! — отвечала она.

Ответ издателю не понравился. Он хотел большей ясности или, как выразилась бы реклама, чистоты слога.

— Что это значит? — спросил он. — Что он сказал? Гермиона приятно улыбнулась.

— Все в порядке, — отвечала она. — В суд он не подаст. Точнее, он попросил аннулировать его иск.

Отис покачнулся.

— Попросил?

— Да.

— О-о-о!

Тут он и обнял собеседницу, мало того, стал ее целовать.

Поскольку мы ни в коей мере не хотим клеветать на издателей, людей поистине дивных, скажем сразу, что такие поступки им не свойственны. Статистика говорит, что процент авторов, обнятых и расцелованных издателем, практически равен нулю. Завидев Отиса с Гермионой, Ходдер и Стафтен поджали бы губы, не говоря о Джонатане Кейпе, Хейнемане, Макмиллане, Голланце и Херберте Дженкинсе Ltd. Они бы просто захворали.

Что же касается Отиса, понять его можно. В конце концов, от радости надо кого-нибудь расцеловать. Кроме того, Гермиона была очень красива (хотя Фейбер и Фейбер чихать на это хотели) и, добавим, приветливо улыбнулась. Наконец, вправе ли мы судить человека, прожившего какое-то время *на левом берегу*, по нашим, лондонским меркам? Если бы Эйре и Спотсвид сняли квартирку на Rue Jacob, в двух шагах от Boul Mich, они сами бы удивились, как быстро убывают добрые правила юности.

Очень жаль, что ни один из этих доводов не пришел в голову Биллу, когда он огибал угол. В Отисе он увидел распутника и повесу, порхающего с цветка на цветок, а нам известно, как он относился к этому роду существ. Ему представлялось, что надежней всего — оторвать у них голову, к чему он и собирался приступить, когда схватил Отиса за шкирку, дернул — но услышал пронзительный вопль:

— Не убивай его! Это мой издатель! Билл растерялся, Гермиона прибавила:

— Издает три следующих романа. 20 процентов, свыше трех тысяч — 25.

Билл все понял. Даже в ярости он мог рассуждать и рассудил, что у таких издателей головы отрывать не надо. Успехи Гермионы были дороже ему, чем ей. Словом, Отиса он выпустил. Тот попятился, прислонился к дереву и, отдуваясь, стал протирать очки.

Отдувался и Билл. Тяжело дыша, он схватил Герм иону за руку. Новый Уильям Окшот, гроза тиранов, походил на Джеймса Кэгни и на Аттилу. Глядя на него сквозь протертые очки, Отис припомнил парижского ажана, арестовавшего его на публичном балу.

Нельзя сказать, что Гермиона осталась холодной. Ее трясло; и этот неприятный процесс вызывал дрожь восторга. Как все красавицы, она привыкла к поклонникам. Годами вращалась она среди людей, сворачивавшихся, как копирка, от одного неласкового слова, и это ей приелось. Даже от Мартышки она втайне ждала бурных страстей, на какие способен разве что второй помощник грузового судна. И вот она нашла, где не искала. К своему кузену она относилась хорошо, но свысока, скажем — как к овце. Но эта овца, сбросив шкуру, оказалась заправским волком.

Так удивимся ли мы, что в мужчине, осыпающем ее поцелуями, Гермиона Восток узнала героя своих мечтаний?!

— Гермиона! — сквозь стиснутые зубы выговорил Билл.

— Да, дорогой?

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, дорогой.

— И никаких Мартышек?

— Конечно, дорогой.

— Здорово! — сказал Билл Окшот и обернулся к издателю, который с тоской припоминал счастливые парижские дни. — Значит, издаете книги?

— Да, — с готовностью ответил Отис. — Все до единой.

— И дадите 20 %, а там — и 25?

— Да.

— А может, сразу двадцать пять?

Отис это одобрил; собственно, он и сам собирался это предложить.

— Здорово, — сказал Билл. — Пошли, выпьем чаю. Гермиона покачала головой.

— Я не могу, дорогой. Надо ехать в Лондон. Мама сидит там очень давно, наверное, удивляется. Подвезти вас, мистер Пейнтер?

Отис вздрогнул.

— Поеду поездом.

— Он очень медленно идет.

— Ничего, я не спешу.

— Что ж, дело ваше. До свидания, дорогой.

— До свидания, — сказал Билл. — Я завтра приеду.

— А сейчас проводи меня до машины. Хорошо, дорогой?

Отис остался у дерева, слабый, но счастливый. Вскоре мимо него пронеслась машина, он закрыл глаза, а когда снова открыл, увидел Билла.

— А может, тридцать? — спросил тот.

— Pardon?

— Процентов. За ее книги.

— А, да, конечно! Что ж, это лучше.

— Зачем мелочиться?

— Вот именно.

— И реклама, да?

— Конечно.

— Здорово! Она очень страдала, что те издатели не рекламируют ее книги.

— Жалкие люди.

— Предпочитают рекламу слухов.

— Ха-ха!

— Значит, будут статьи?

— Еще как! Во всех воскресных газетах.

— А в будничных?

— Да, и в них. Хорошо бы плакаты…

Билл не думал, что этот человек вызовет в нем такие чувства. Может, и повеса — но какой ум, какое сердце!

— Здорово, — сказал он. — Такие плакаты на стенах. Да, здорово.

— Конечно, — заметил Отис, — это стоит денег. Нет-нет, я не колеблюсь, но мне бы небольшую… дотацию. Вы бы не вложили тысячу фунтов?

— Это мысль. А, может, две?

— Или три? Или все пять? Такое круглое число.

— Оно круглое?

— В высшей степени.

— Здорово! Значит, пять.

Отис опять закрыл глаза, на сей раз — в экстазе. Он давно подозревал, что есть ангелы, но не надеялся их встретить, а уж тем более не надеялся, что ангел согласится на пять тысяч.

Открыв глаза, он увидел, что Билла нет — то ли вернулся на небо, то ли ушел на террасу. Выведя велосипед и птицей взлетев в седло, он покатил по аллее. Когда-то, в Париже, ему удалось взлелеять в себе

солидный пессимизм, но теперь он был оптимистом, от бакенбард до подошв.

Пройди тут случайно Пиппа[82] и скажи, что Бог на небе и все хорошо на свете, он бы пожал ей руку и вскричал: «Как я вас понимаю!»

2

Билл не вознесся на небо, он пошел на террасу, куда через некоторое время явился и пятый граф, заметно посвежевший. Увидев молодого друга, он кинулся к нему, крича:

— Поздравляю!

Билл удивился такой прозорливости, но граф объяснил, что сходство с серафимом или херувимом, поющим «Осанна!», могло бы и само по себе обо всем рассказать.

— Хотя вообще-то, — прибавил он, — рассказал мне один знакомый, который ехал на велосипеде. Точнее, он уже не ехал, а лежал, мягко хихикая, но рассказать — рассказал. Насколько я понял, он видел все, от начала до конца. О технике вашей он самого высокого мнения. Схватили за руку?

— Да.

— Трясли?

— Да.

— Прижали, осыпали?

— Да.

— Чего же вы хотите! Метод Икенхема. Самая гордая красавица сдается в тот же миг. Наверное, жалеете, что потратили впустую столько лет?

— Не без этого.

— Робкое поклонение ничего не дает. Сегодня я беседовал с прекрасной Элзи, и она мне сообщила, что раскачать констебля было нелегко. Он жевал усы и говорил о положении в Китае, пока однажды вечером она не сказала: «Ну, хватит!». С тех пор все у них в порядке.

— Здорово, — откликнулся Билл, думая о Гермионе. — Констебль? А, да! У вас нет свежей вырезки?

— Простите, нету. Зачем она вам?

— Элзи сейчас просила, как раз для Поттера. Кто-то дал ему в глаз.

— Вот как! Кто же?

— Не знаю. Я плохо понял. Что-то про Мартышку, но он никогда не

ударит полисмена.

— Да, вряд ли.

— Наверное, я не расслышал. В общем, кто-то дал в глаз. Он хочет уходить со службы. Сегодня его толкнули в пруд, теперь — это. Собирается купить кабачок.

Лорд Икенхем со вкусом вздохнул. Он был доволен собой, и мы его не осудим. Человек, считающий своей целью счастье любящих сердец, имеет право похвалить себя, когда счастливые развязки так и хлопают, словно шутихи.

— Это приятная новость, Билл Окшот, — признал он. — Как вы говорите? Да, «здорово». Вы счастливы, Мартышка счастлив, теперь — и прекрасная Элзи. Просто финал оперетты. — Он посмотрел на Билла. — Вы носите шерстяное белье?

— Я? Нет. А что такое?

— Как-то вы ежитесь, чешетесь, что ли… Билл стал темно-малиновым.

— Я места себе не нахожу, — объяснил он. — Ну, сами знаете.

— Знаю. И я жил в Аркадии. Тут хороша долгая прогулка. Идите, спустите пары.

— Ничего, что я вас брошу?

— Тяжело вас терять, но иначе вы лопнете. Au revoir, мой дорогой. Будьте счастливы.

Билл бросился в парк, словно пес, спущенный с поводка, и набрал такую скорость, что только на дороге вспомнил: надо было сказать про Планка. Он остановился, подумал, решил, что уже поздно, — и все графы и майоры сменились сладостным звоном свадебных колоколов.

3

Он оказался прав, было поздно, ибо не успел он уйти, как на террасе появился Планк, вытирая губы.

— Привет, Зараза, — сказал он графу. — Пончиков нету, я все съел. Красота, а не пончики. — Он сунул платок в карман. — Не ждал меня встретить? Думал, твоя взяла? Понимаешь, та откормленная дева сообщила, что конкурс отменен.

Лорд Икенхем удивился, но вида не подал.

— Вот как? — спросил он. — Отменен? Почему же?

— Эпидемия. Корь косит народ.

— Значит, ты меня выдал?
— Еще как!
— Балбес расстроился?
— О, да!
— Представляю… Все тебе неймется, Зад! Казалось бы, старый хрыч…
— Неймется! — вскричал майор. — Я охраняю свою честь. Почему «старый»? Я на год моложе тебя. Вот Балбес — старый хрыч, и никто иной. Прямо Мафусаил какой-то, осталось есть траву…
— Мафусаил траву не ел.
— Ел.
— Никогда в жизни. Это Навуходоносор.
— Да? Ну, неважно, суть одна. Тебе еще повезло, ты не был в этой комнате. Балбес открыл там трибунал.
— Что он открыл?
— Военный суд. Когда я доедал пончики, пришел констебль с подбитым глазом. В одной руке он держал молодого человека с бледно-желтыми волосами, в другой — исключительно хорошенькую девушку. Насколько я понял, она толкнула его в пруд, а молодой человек дал ему в глаз. Балбес разбирает дело. Кажется, он местный судья. Мне лично их жаль, особенно — девушку в красном.
Лорд Икенхем покрутил ус.
— Оставь меня, Зад, — сказал он. — Я должен подумать.
— Подумать? Ладно, думай, — согласился майор. — Надо мне доесть клубнику.
Он ушел обратно, а лорд Икенхем принялся шагать взад-вперед. Судя по выражению лица, проворный мозг работал, как машина.
Вскоре это дало результаты. Лицо прояснилось, граф улыбнулся довольной улыбкой, пересек террасу и вошел в музей.

4

Сэр Эйлмер сидел один в музее и тоже улыбался. Впервые за этот вечер он был доволен, так доволен, как лев в Колизее, которому дали отборных христиан. Нельзя сказать, что он посмотрел на гостя приветливо, но он его не укусил.
— Ха! — воскликнул он. — Это ты?
— А, Балбес!.. — кротко откликнулся пятый граф. — Значит, ты видел

нашего Зада. Ну, как он тебе? Он говорит, ты сильно постарел. Где Салли?

— Кто?

— Я слышал, она была здесь.

— Ты знаешь эту девушку?

— Как собственную племянницу.

Баронет ощутил то мягкое тепло, которое дарует нам тонизирующий эликсир доктора Смита. Все получалось еще лучше, чем он предполагал.

— Ах, вон что? — осведомился он. — Тогда тебе будет интересно, что я ей припаял тридцать суток без обжалования.

— Суровый приговор.

— Что поделаешь! Злодейство, каких мало. Толкают полицейских в пруд, а потом…

— Зачем же он вводит в искушение? Девушки — это девушки.

— Я им покажу!

— А как же милость? Она, понимаешь, нисходит с высоты на тех…

— К черту!

— Слышал бы тебя Шекспир! Значит, приговор не отменишь?

— Ни в коем случае. А теперь поговорим о тебе. Лорд Икенхем кивнул.

— Да, я надеялся, что ты уделишь мне минутку. Только постой, вызову свидетеля.

Подойдя к двери, он позвал: «Зад!», и появился майор, недоевший клубнику.

— Зайди-ка сюда, ты мне нужен. Наверное, мой рассказ тебя шокирует…

— Не про типа из Калькутты? Это я слышал.

— Нет, он в другом роде, но тоже потрясет твое нравственное чувство. Начать с начала?

— Вроде бы так лучше.

— Да, лучше. Жила-была американка по имени Элис. Приехала она в Лондон, купила кой-какие камушки, намереваясь отвезти их в Америку и там — носить…

— Что вы тут… — начал сэр Эйлмер, но граф на него посмотрел.

— Балбес, — сказал он, — если ты еще раз меня прервешь, всыплю шесть горячих. Зад с удовольствием тебя подержит.

— Как в старое время… — умилился Планк.

— Великолепно. Итак, продолжаю. На чем мы остановились?

— Американка купила драгоценности.

— Так. Но ей пришло в голову, что на нью-йоркской таможне

придется много платить. Она платить не хотела.

— Что ж, естественно.

— И вот, по своей девичьей простоте она решилась на контрабанду.

— Молодец. Я всегда говорю, нечего платить этим гадам. У них и без того слишком много денег.

— Именно это ощущала мисс Ванситтер. Но контрабанда нелегка.

— Что верно, то верно. Помню, хотел я провезти сигары…

— Она поразмыслила, — поспешил сказать лорд Икенхем, — и ей пришел в голову замечательный способ. У не была подруга, молодой скульптор. Она пошла к ней, и от положили камни в новый бюст. Наша американка решила, что эти гады скажут: «А, бюст!» и больше ничего.

— Очень тонко.

— Да. Но… держись за кресло, Зад, скульпторша лепила это время самого Балбеса.

— Зачем? — удивился майор.

— Для местного клуба.

— Вот это да!

— Во время сеансов она ему сказала, что оставляет первый бюст у меня, недалеко отсюда, чтобы забрать потом. А Балбес… Нет, не могу! Не надо тебе знать такие вещи.

— Ничего, ничего.

— Ты не поверишь, но вчера Балбес проник ко мне и украл бюст.

— В котором камни?

— Да.

Перспективы, описанные графом, не удержали сэра Эйлмера.

— Это ложь!

Лорд Икенхем поднял брови.

— Помилуй, к чему этот пыл? Неужели ты думаешь, что я выдвину такое обвинение без солидных доказательств? Да, Зад, он проник ко мне, охмурил дворецкого…

— Неправда! Он меня не пустил.

— Коггз говорит иначе. Он признался, что впустил тебя и оставил без присмотра. Мало того, он видел, что у тебя под пиджаком что-то есть. Не надо, Балбес, не стоит. Лучше, я бы так сказал — мужественней признаться во всем и положиться на нашу милость.

— Да, — согласился майор, — гораздо мужественней.

— Перейду к доказательствам. У тебя, Зад, хорошая, большая нога. Подойди, будь любезен, вон к тому шкафу и вышиби дверь.

— С удовольствием! — сказал майор.

Лорд Икенхем не переоценил его ногу. Хрупкая дверца только крякнула.

— Видишь бюст? — спросил граф.

— Вижу.

— Тащи сюда.

Баронет смотрел на бюст, как смотрят на змею. Он ничего не понимал. Жена бы ему объяснила, но ее не было.

— Как он сюда попал? Граф изящно улыбнулся.

— Ну, Балбес, нельзя же так! Правда, Зад?

— Конечно.

— Разбей ему голову.

— Бюсту? Сейчас! — отвечал майор и разбил ее. Лорд Икенхем поднял из обломков замшевый мешочек, развязал завязки и высыпал сверкающие камни прямо перед сэром Эйлмером. Майор с нескрываемым восторгом глядел на баронета.

Третий друг собрал драгоценности и положил мешочек в карман.

— Ну, вот, — сказал он. — Ты спрашивал, Балбес, почему я явился под чужим именем. Я хотел уладить все тихо. Скоро выборы, скандал тебе не нужен, а что до самого дела — человек слаб… Мы понимаем, соблазны. Понимаем, Зад?

— Как не понять!

— Замнем это все?

— О чем речь!

— Ты никому не проговоришься?

— Ну, в клубе кому-нибудь, а вообще — конечно.

— Итак, все забыто. Естественно, свой беспощадный приговор ты отменяешь. Отменяешь, Балбес? — проверил он, заметив, что хозяин как-то сник.

Сэр Эйлмер снова уподобился загарпуненному киту.

— Что? — проговорил он. — Да, отменяю.

— Молодец, — похвалил его граф. — Так я и думал. А то — тридцать суток за детскую шалость! Какая-то Звездная Палата. Вы, большие начальники, привыкаете помыкать своими ближними. Ну, что ж, пойдем к Поттеру, пусть освободит узников. Насколько я понял, они в кладовке.

И он повел друга под руку, мягко увещевая начать новую жизнь. В конце концов, прибавил лорд Икенхем, подняться может всяк,[83] поправ дурное «я», отмерший пласт.

Уже не слыша его голоса, майор Брабазон-Планк постоял, отрешенно глядя на экспонаты. Разум его отдыхал. Но тут, как бывало в лесах

Бразилии, он вспомнил, что не доделано какое-то важное дело.

Подумав немного, он повернулся и пошел доедать клубнику.

Время пить коктейли

1

Ход событий, приведших к появлению прославленного романа, был запущен часа в два, в пятницу, летом, а если говорить о пространстве — в клубе «Трутни». Два трутня переваривали пищу при помощи кофе, когда к ним подошел Мартышка Твистлтон с высоким, изящным, но бравым человеком лет шестидесяти, который держал сигару так, словно это знамя со странным призывом: «Excelsior».[84]

— Привет, — сказал Первый трутень.

— Привет, — сказал и Второй.

— Привет, — отвечал Мартышка. — Вы знакомы с моим дядей, лордом Икенхемом?

— Как же, как же! — воскликнул Первый.

— Добрый день, — прибавил Второй.

— Добрый, — согласился граф. — Мало того, очень добрый. — И трутни поняли, что перед ними человек, обитающий на седьмом небе. Вид у него был такой, что, не забудь он шляпу, она сидела бы под самым лихим углом.

Действительно, пятый граф Икенхемский радовался жизни. Он сел, увернувшись от куска сахара, который метнула в него дружеская рука, и расплылся, как Чеширский кот. Если бы Браунинг заметил, что жаворонок и улитка[85] — там, где им положено быть, а Бог — на небе, он бы вскричал: «Ну, в самую точку!» или «Золотые слова».

— Нет, до чего же хорошо! — сказал бравый граф. — Румянец, блеск очей и жар в крови. Одно слово, Лондон! Он всегда на меня так действует.

Мартышка дернулся, и не потому, что в него угодил кусок сахара — в клубе «Трутни» это естественно, — а потому, что дядины слова его испугали. Зная с детства, как опасен пятый граф, он все больше убеждался, что место ему — в хорошей частной лечебнице. Слова о Лондоне и о блеске очей ничего хорошего не предвещали; безумный пэр явно собирался выразить себя. А когда Фредерик Алтамонт Корнуоллис Твистлтон, граф Икенхемский, выражал себя, даже такие люди, как Мартышка, дрожали не хуже камертона.

[Мартышка и граф видят из окна, что из клуба «Демосфен»,

расположенного напротив, вышел сэр Раймонд Бастабл, прозванный Бифштексом, сводный брат его жены.]

Пятый граф любил сэра Раймонда, но не все одобрял в нем. Ему казалось, что прославленный юрист немного напыщен, важен, доволен собой. Он не ошибся. Может быть, кто-то в Лондоне думал о сэре Раймонде так же хорошо, как он сам, но людей этих еще надо найти. К племяннику по имени Космо, дворецкому по фамилии Пизмарч, лакеям клуба «Демосфен» и сестре, которая вела его дом, постепенно превращаясь в желе из чистых слез, он относился как племенной бог к племени. Вот почему граф полагал, что ему будет полезно, если сбить с него орехом цилиндр.

— Дядя Фред, не надо! — вскричал Мартышка. — Это же брат тети Джейн!

— Сводный брат, если выражаться точнее. Ну, что ж, по старому мудрому присловью, лучше сводный брат, чем сводный враг.

— Если тетя узнает…

— Не узнает. Этим я и живу. Но не будем терять время, мой друг. Вон такси. Добыча уходит.

И граф метнул свой снаряд, не зная при этом, что обогащает английскую словесность. Часто спорят и гадают, как возникла та или иная книга. Скажем, если бы Милтона спросили, что подсказало ему «Потерянный рай», он ответил бы: «Да так, знаете… Пришло в голову…». Но о сэре Раймонде Бастабле гадать не надо. Романом «Время пить коктейли» он обязан твердой руке лорда Икенхема. Если бы граф хуже стрелял, если бы он промазал — чего не бывает! — мы бы не знали этой книги.

2

[Встретившись чуть позже с сэром Раймондом, граф беседует с ним о своем крестнике Джоне, у которого юрист снял на время усадьбу]

— Ты ведь снял усадьбу?

— Да, скоро перееду. Это твой крестник?

— Естественно.

— То-то Джейн ко мне пристала!

— Мотивы ее, Бифштекс, неоднозначны. Конечно, ради меня она хлопотала о Джоне, но думала — о тебе, о твоем счастье. Вы с этой усадьбой созданы друг для друга. Рыбная ловля, гольф, летом — мушиная

охота… Словом, тебе понравится. Джон — приятен, молод…

— Молод?

— Вполне.

— Тогда пусть держится подальше. Если ко мне подойдет молодой человек, спущу собаку.

Лорд Икенхем удивился.

— Что с тобой, Бифштекс? Откуда эта горечь? Чем тебе плохи молодые люди, эти цветы жизни?

— Всем.

— Почему?

— Потому что один из них сбил с меня цилиндр.

— Какой ужас! Зонтиком?

— Орехом.

[Сэр Раймонд хочет подать на обидчика в суд, лорд Икенхем его отговаривает — во-первых, неизвестно, кто это сделал, во-вторых, это может помешать юристу на предстоящих выборах в Палату общин.]

— Все равно, — сказал он, поднимая любимую шляпу, — я этого так не оставлю. Надо что-то сделать.

— Что — вот в чем вопрос. Можно… нет, нельзя. Или… нет, ни в коем случае. Ничего не придумать, Бифштекс. Жаль, что ты не пишешь.

— Почему?

— Написал бы о новом поколении, облегчил бы душу. Знаешь, вроде Ивлина Во, скажем — «Мерзкая плоть».[86] Горько, остроумно… Молодые увидят себя, как в зеркале. Они еще пожалеют об этом орехе! Но что там, ты же не пишешь. Пока, мой дорогой, надо со многими поздороваться. Прости, что не помог. Придет что-нибудь в голову — немедленно сообщу.

Глядя ему вслед, сэр Раймонд кипел от ярости. Почему это он не пишет? Кому-кому, а не Икенхему об этом судить.

Бифштекс вообще не любил таких разговоров. Давно, в школьные годы, он съел семь порций мороженого, ибо приятели утверждали, что столько съесть нельзя. Заморозив нутро, он три дня провел в больнице, но свое доказал, а с тех пор — не изменился.

До самой ночи и ночью он думал о наглых словах Икенхема, а утром встал, преисполненный решимости.

Написать роман?

Да пожалуйста! Говорят, каждый носит в себе свою книгу; а мы прибавим, что ярость помогает ей родиться. Спросите Данте. Спросите Ювенала, в конце концов!

Однако и Данте, и Ювенал скажут, что писать не так просто. Сядешь

за письменный стол, скажут они, и прошу — лей пот, лей кровь, лей слезы. Правда, Суинберн возразил бы, что, как ни вьются реки, вольются в океан, [87] и был бы прав. Настал день, когда сэр Раймонд гордо оглядел кипу листов, испещренных буквами. Первый из них украшали слова:

РИЧАРД БЛАНТ
Время пить коктейли

Всю душу вложил юрист в едкое, гневное заглавие. Посудите сами, чем живут молодые люди? То-то и оно. Да, он вложил душу и горько горевал, что не может назвать себя.

Хорошо вашим Данте и Ювеналам, но человек, представляющий консерваторов от Боттлтон-Ист, вправе написать, и то в самом лучшем случае, какую-нибудь «Жизнь Талейрана» или трактат о машиностроении. «Мерзкая плоть» не поможет, а помешает на пути к парламенту.

Листая страницы, сэр Раймонд резонно ощущал, что роман хорош. Пресловутый секс занимал в нем немалое место — обличая молодых мужчин, автор не щадил и женщин. Все, что он почерпнул из бракоразводных дел (особенно — «Бингли против Бингли», «Боттс и Фробишер», «Фосдайк против Фосдайк, Уиллис, Милберн, О'Брайон, Ффренч — Ффренч, Хэзелтров и др.»), не внушало ему почтения к нынешним дамам, и он не понимал, почему их надо щадить.

Да, думал он, автор главы 13, а в сущности — и 10, 16, 20, 22, 24, ни в какой парламент не пройдет. Что там, благонравные консерваторы содрогнутся от одной мысли о нем и выставят другую кандидатуру.

3

Мы не будем говорить о первых невзгодах, постигших детище сэра Раймонда; они были такими, как обычно. Он послал свой роман Попу и Поттеру и получил отказ. Послал Симмсу и Соттеру — и роман вернулся. Послал Мелвилу и Манксу, Попгуду и Грули, Биссету и Бассету, Отису Пейнтеру — всюду то же самое, словно это не рукопись, а бумеранг или одна из тех кошек, которых увозят в Глазго и через три месяца видят в Лондоне, не без ран, конечно, и не без пыли, но в добром здравии. Почему он прижился у Томкинса, мы не знаем, но он прижился, и весной появился томик, где (естественно — на обложке) плясали рок-н-ролл некий тип с моноклем и девица в штанах.

Как обычно, ничего особенного не случилось. Кто-то неплохо сказал, что ждать милостей от первой книги не умнее, чем, бросив лепесток в пропасть, ждать эха. Откликов было немного. Один журнал заметил, что роман не лишен интереса, другой — что он не лишен динамики, а третий просто сообщил, сколько в нем страниц (243). Молодое поколение, если и знало о нем, этого не выражало.

Но слава всего лишь затаилась, ждала своего часа. Во вторник, под вечер, епископ Стортфордский вошел в комнату, где сидела его дочь Кэтлин, и увидел, что она поглощена какой-то книгой, которую он поначалу принял за душеполезную. Однако то было «Время пить». Через плечо несчастной девушки отец прочитал абзаца два именно из главы тринадцатой. В 5. 55 он вырвал у дочери новую повесть, в 5. 56 выбежал из комнаты, в 5. 57 — читал, проверяя, не ошибся ли.

Он не ошибся.

В 12. 15, уже воскресным днем, он стоял на кафедре церкви Св. Иуды[88] (Итон-сквер) и говорил проповедь на текст «Кто прикасается к смоле, тот чернится» (Сир. 13, I), от которой фешенебельные прихожане катались по полу. Обличая роман, он назвал его непотребным, непристойным, неприличным, нечистым, бесстыдным, безблагодатным и бесовским. Все как один записали название на манжетах, почти не в силах дождаться, пока он кончит, а они — побегут в книжные лавки.

В наши дни, когда что угодно — от нападения китайского мопса до падения с велосипеда — можно подать не хуже, чем начало мировой войны, такое событие скрыть нельзя. Пресса не подкачала, и у Томкинса воцарилась радость. Американские издатели верят, что, если вести праведную жизнь, книгу твою выбранят в Бостоне; английские предпочитают епископов. У нас нет статистических данных, но сведущие люди полагают, что хороший епископ с достаточно трубным голосом увеличивает тираж на десять — пятнадцать тысяч.

Мистер Прествик, старший партнер, прочитал три газеты в поезде, а по приходе в издательство кинулся к телефону, чтобы типография бросила все и готовила новый тираж. «Время пить», которое чуть не отбросили строители,[89] становилось во главу угла.

Не радовался лишь автор. С тех пор как он прочел газету за утренним чаем, глаза его были тусклы, ум — в смятении.

Теперь он шагал по газону. Тот, кто зашагает по газону усадьбы, оснащенной всем, что может предложить современный комфорт, увидит, взглянув налево, луга, а там и леса, взглянув же направо — парк, озеро и

дом, прелестнейший дом в елизаветинском стиле. Если прогулка его придется на понедельник, среду или пятницу, он заметит впереди огород, а в нем садовника, который отрешенно опирается на лопату.

Но сэр Раймонд всего этого не видел или видел сквозь тусклое стекло.[90] Он думал о будущем. Да, когда он писал, он предчувствовал славу, но все же — не такую. Спасет ли его случайный псевдоним?

Чем-чем, а деликатной нашу прессу не назовешь. Она всюду лезет, все вынюхивает. Ричард Блант выпрыгнул на первые полосы — как не спросить, кто он такой? Ей нужны его портреты с трубкой или с собакой, его суждения о современных девицах или полезной еде. Расспрашивая и разыскивая, она узнает, что никто никогда его не видел, а по адресу, который ей дали, находится табачная лавочка. И вот, моргнуть не успеешь, появятся шапки:

ТАЙНА

или

ПИСАТЕЛЬ-ПРИЗРАК

или, возможно,

ДИК, ОТЗОВИСЬ!

Отсюда до позора — один шаг. Вот ты гуляешь, а репортеры идут по следу. Представив себе, какая заварится каша, юрист содрогнулся, словно плясал танец живота.

Тут он услышал тихий, учтивый голос. Дворецкий всегда обращался к нему тихо и учтиво. Приятно ли, когда в ответ рявкнут: «Не орите, как разносчик!»?

— Прошу прощения, сэр Раймонд, — сказал Альберт Пизмарч.

Автор сенсационного романа стряхнул дурные сны загнанного оленя.

— Э?

— Не зайдете ли вы к madam?

— К кому?

— К вашей сестре, сэр Раймонд. Кажется, ей нехорошо. Проходя мимо ее спальни, я слышал, что она плачет. Точнее говоря, рыдает навзрыд.

Волна жалости к себе захлестнула истерзанную душу. Только Фиби, подумал сэр Раймонд, вздумает рыдать, когда ему нужны буквально все

силы. Намереваясь ответить, что ни к какой madam он не пойдет, юрист утешался тем, что уезжает в город и до вечера ее не увидит. И то сказать, если зайдешь, она немедленно спросит: «В чем дело, дорогой?», а когда он ответит: «Ни в чем», повторит: «В чем дело?».

Но любопытство одержало верх. Сэр Раймонд последовал за Пизмарчем в глубины дома, где и увидел, что сестра сидит на постели, прикладывая к глазам что-то жидкое, вероятно — бывший платок.

Если опустить те несомненные факты, что уши у нее не стояли и ходила она на двух ногах, Фиби Уиздом, как две капли воды, походила на кролика. Сходство увеличивали белая кофточка и покрасневший нос. Когда сэр Раймонд закрыл дверь, она взрыдала так, что он с испугу спросил не участливо, а резко:

— Что с тобой?

Порыдав немного, Фиби пробормотала что-то вроде «косы» или «кости».

— Не понял, — сказал брат, стискивая руки, словно герой1 старомодного романа, и повторяя про себя: «Спокойно, спокойно».

— Косей! — выговорила сестра.

— А, твой сынок! Что с ним такое?

— Он хочет застрелиться.

Это сэру Раймонду понравилось. Плод несчастного брака, заключенного двадцать семь лет назад, был еще хуже своих сверстников. Отец его, Алджернон, какое-то время продавал подержанные машины, потом — чудо-мышеловки и комбинированные карандаши, подвизался он и в кино, но большей частью, как говорится, «искал задачи по плечу». Сын пошел в него. Каждая семья содержит молодого человека, с которым надо что-то делать. Фиби постоянно вопрошала: «Что нам делать с Косей?», а брат ее тем самым тоном, который хранил для неприятных свидетелей, когда не хотел на них давить, осведомлялся, кого она имеет в виду под «нами».

Недавно он устроил племянника к Бусту и Бруэру (экспорт, импорт) и подозревал, что письмо, которое сестра обратила в мокрую массу, говорит о его увольнении.

— Что он натворил?

— А, дорогой?

Сэр Раймонд обошел комнату. Стало немного легче.

— Почему его выгнали?

— Он не пишет. Ему нужно двести фунтов.

— Вот как?

— А у меня их нет.
— Прекрасно. Не выбросишь коту под хвост.
— Что, дорогой?
— Не дашь своему кретину. Ему нельзя давать ни гроша.
— Какой там грош, двести фунтов!
— Перебьется.
— Нет, застрелится.
Сэр Раймонд печально усмехнулся.
— Промажет. Да не реви ты, Бога ради. Хочет выудить десятку.
— Двести фунтов!
— Они всегда так говорят. Условность.
— Что, дорогой?
— Фиби, я тебя умоляю! Ну, что это? Голову набок — и заладила: «Что, дорогой? Что, дорогой?». Ты не канарейка. Тут святой не выдержит. Ладно, спешу на поезд. Прими аспирин.
— Что, дорогой?
— Аспирин. Две таблетки. Нет, три!!! И сэр Раймонд вышел из комнаты.

4

Первым из лондонских дел сэра Раймонда была встреча с графом в клубе «Демосфен». Явившись туда, он с неудовольствием увидел, что там тихо и уютно, живые трупы развалились в креслах, когда их собрата преследуют эринии. Правда, он и сам бы признал, что эриния не репортер, черт их побери вместе с блокнотами, шляпами и плащами. Очами души он видел, как десятки этих тварей крадутся к нему в мягкой, тигриной манере, производя, однако, все больше шума.
Гость запаздывал. Сэр Раймонд подошел к столику, взял газету — и тут же выронил, а сам рухнул в ближайшее кресло. Редко пил он перед едой, но теперь пришлось заказать два сухих мартини. В состояние это его повергли шапки на первой полосе.
Когда он дочитывал то, что было под шапками, вошел лорд Икенхем.
— Бифштекс, дорогой мой, — сказал он, — ты просто Марианна на мызе! Извини, задержался. Вышел вовремя, но на Бонд-стрит встретил Барб.
— Кого?
— Барбару Кроу.

— !

— Поговорили. Справлялась о тебе.

— !

— Очень нежно.

— ?!

Лорд Икенхем посмотрел на него с упреком.

— Ты странно реагируешь, Бифштекс. Стоит ей сказать слово, и ты будешь кататься перед ней, тряся четырьмя лапами.

— Фредерик!

— Лезу не в свое дело?

— Можно сказать и так.

— Понимаешь, Бифштекс, ты мне дорог, хотя и стал таким важным. Я желаю тебе добра.

— Спасибо. Мартини заказать?

— Лучше два, нам обоим.

— Я уже пил.

— Выпей еще.

— Да, выпью. Фиби меня очень расстроила. Космо опять влип. Ты хорошо его знаешь?

— Достаточно, чтобы юркнуть в переулок, когда его увижу.

— Просит двести фунтов.

— Однако! И получит?

— Не от меня.

— Фиби расстроилась?

— Еще бы!

— А ты на нее кричал. Вот твое слабое место, Бифштекс, ты кричишь и лаешь. Не на меня, конечно; строгое достоинство, присущее мне, тебя удерживает, но на остальных — сплошь и рядом. На Барбару кричал?

— Ты не мог бы переменить…

— Кричал, сам знаю. Потому она тебя и бросила. Но сейчас твои акции — в цене, все могло бы наладиться. Собственно, что значит «бросила»? Джейн давала мне отставку шесть раз. Поведи ее в ресторан, покажи себя в лучшем виде. Попляши перед ней. Загадай шараду.

— Если ты не против, я бы хотел пере…

— Покажи фокус. Спой любовную песенку под гитару. Скажи, наконец, что ты написал роман. Ей понравится.

Курительные комнаты лондонских клубов редко кружатся, словно балерины, но сейчас это случилось. Комната вела себя так, словно с ней долго занимался балетмейстер. Сквозь густой туман сэр Раймонд смотрел

на графа, и вид у него был такой, какой бывает в парилке.

— Что… что ты хочешь сказать? — выговорил он. Терпеливый граф, и тот рассердился.

— Ну, Бифштекс, нельзя же так! Это очевидно. Всякий, кто тебя знает, поймет с налета. По меньшей мере три истории я сам от тебя слышал. Есть и эпизод с орехом. И потом, Джейн.

— Джейн?

— Она самая. Как-то, приехав в Лондон, она зашла к тебе, но не застала. Пизмарч провел ее в кабинет, она решила прибрать и увидела бандероль от издательства «Симмс и Соттер», почему-то — Ричарду Бланту. Нет, Бифштекс, отпираться бесполезно. Скандально прославленный писатель — это ты.

— Я, — простонал сэр Раймонд.

— Не понимаю, что тут стонать. Прибыль — будь здоров, а деньги ты любишь.

— Фредерик, я боюсь огласки! Ты никому не проговорился?

— Нет, что ты! Увидев псевдоним, я сразу понял, что ты это держишь в тайне.

— А Джейн?

— Разве она запомнит? Я — другое дело, я подал мысль. А почему ты, собственно, боишься? Ну, узнают.

— Как же ты не поймешь? Меня вышвырнут из политики!

— И прекрасно. Ты бывал в Палате общин? Рыла и выродки, каких мало. Я бы ни за какие деньги…

— Нет, Фредерик. Я хочу попасть в парламент. Но меня даже не выставят, если узнают про этот роман.

— Не узнают.

— Репортер все пронюхает.

— Вот как? Ну, ну…

Граф помолчал; судя по морщинам на лбу, он напряженно думал.

— Да, — резюмировал он, — узнать могут. Так было и с Бэконом.

— С беконом?

— С Шекспиром, Бэкон места себе не находил. «Вот что, Франсис, — говорил ему внутренний голос, — так нельзя. Узнают — погонят из канцлеров, чихнуть не успеешь. Найди бедного юношу, заплати, пусть подпишет.». Что ж, он пошел и нашел.

Сэр Раймонд резко выпрямился, расплескав при этом коктейль. Перед ним, словно окна кабачка в тумане, замерцала надежда.

— У тебя никого нет? — продолжал граф. — Да что я, честное слово!

Сын Фиби, твой племянник.

— Господи!

— Вот ты говоришь, ему нужны двести фунтов. Дай, уступи гонорары — и живи спокойно. Согласится, как и Шекспир.

Баронет глубоко дышал. Надежда просто сверкала. В другом конце комнаты сидел Говард Сэксби, старое чудище, который рассказывал о чем-то сэру Родерику Глоссопу, чудищу номер два, — и он восхищался их красотой.

— Фредерик, — выговорил он, — какая мысль! Да? Сбоку возник лакей, еще недавно танцевавший вместе со стеклами, стульями и столами.

— Вас спрашивают, сэр.

Баронет задрожал, насколько можно дрожать в дневное время. Неужто репортер?

— Кто?.. — спросил он.

— Мистер Космо Уиздом.

— Что?

— Бифштекс, — сказал граф, поднимая бокал, — это само Провидение. Время родило своего героя.

Через несколько минут веселый и бодрый сэр Раймонд вошел в небольшую комнату, куда отводили посетителей. Племянник сидел в кресле, сосал ручку зонтика, и, увидев его, дядя испытал привычную досаду. Столь бесполезный субъект, думал он, не должен так хорошо одеваться. Соломон в своей славе не сравнился бы с Космо Уисдомом. Не понравились дяде и усики, и маленькие черные глазки.

— Здравствуй, — сказал он.

— Э… а… привет, — отвечал Космо, становясь на одну ногу.

— Я тебе нужен?

— Э… да, — сказал все тот же Космо, становясь на другую.

— Ну, вот я.

— М-дам, — согласился посетитель, возвращаясь к первой ноге.

5

В клуб «Демосфен» он пошел после того, как поговорил по телефону с матерью. Сообщив ему со слезами, что она наскребла только пятнадцать шиллингов и три пенса, Фиби спросила: «Почему ты не займешь у дяди?», и Космо согласился, что другого пути нет, хотя охотней вошел бы в клетку к спящему тигру и ткнул его палочкой. Общаясь с дядей, он чувствовал

себя так, словно его потрошит неопытный хирург, но ради двухсот фунтов можно подавить предубеждения. В конце концов, любезность — еще не все.

Словом, пососав для верности зонтик, он, как выразился бы Генрих V, разжег кровь, укрепил мышцы и сказал:

— Э… дядя…

— Да?

— Э… дядя, не хочу тебя беспокоить, но не мог бы ты… это…

— Что именно?

— Ну… хм…

Сэр Раймонд выбрал вторую из манер, за которые его не любили коллеги, — тонкий сарказм.

— Разберемся, мой дорогой. Ты сказал, что не хочешь меня беспокоить — и совершенно зря, я всегда тебе рад, — после чего заметил: «Это». Когда я осведомился, что именно, ты отвечал «Ну» и «хм», а потом замолк, видимо — от избытка чувств. Естественно, я сгораю от любопытства. Быть может, твой визит как-то связан с письмом, которое поливала слезами твоя мамаша?

— Э…да.

— Она не очень связно излагала мысли, но мне показалось, что речь идет о двухстах фунтах.

Собственно, речь шла о двухстах пятидесяти, но Космо не смел назвать эту сумму. В конце концов, букмекер ждать не станет, а Гордон Карлайл (50 ф.) подождет.

— Э… да. Понимаешь…

Сэр Раймонд искренне наслаждался, поглядывая на невидимых присяжных и как бы говоря им: «А теперь — слушайте.».

— Нет, — сказал он, — не понимаю. Мало того, теряюсь. Бутс и Бруэр платят тебе прекрасное жалованье.

— Ну, не такое уж…

Сэр Раймонд метнул взгляд, который сразил бы присяжных.

— Прости, я темный человек, — сказал он, — не Флобер какой-нибудь. Да, выбрал неудачное слово. Скажем иначе, «приличное».

— Да нет, какое там! Если я не достану двести фунтов, я не знаю, что сделаю. Хоть стреляйся.

— Слышал, слышал. Великолепная мысль, стоит подумать, но матери твоей она не нравится. Поскольку я люблю сестру, хотя она склоняет головку набок и говорит: «Что, дорогой?», я намерен тебя спасти.

Космо всегда плохо понимал дядины речи, но в последних словах что-

то такое было.

— Э… ты…

— Двести фунтов — деньги немалые, но у меня они есть. Зачем они тебе?

— Должен букмекеру. Он… э… это…

— Представляю. Букмекеры грубы. Что ж, я тебе помогу.

— Дядя Раймонд!!!

— Но не даром. Следишь ли ты за новинками нашей словесности? Не попадался ли тебе, к примеру, роман «Время пить коктейли»?

— О котором столько пишут?

— Вот именно.

— Пока не читал, но собираюсь. Говорят, крутая штука. Никто не знает, кто это написал.

— Я.

Космо вежливо улыбнулся, но дядя попросил его не скалиться, как слабоумный орангутанг.

— Повторяю, эту книгу написал я.

Как всегда в такие минуты, Космо растерянно потрогал усики.

— Чернильное пятно, — определил их сэр Раймонд. — Оставь их в покое и слушай. Я написал роман «Время пить». Способен твой слабый разум это усвоить?

— Да… да!.. Но…

— В чем дело?

— Э… почему?

— Неважно.

— А, чтоб я треснул!

— Тресну я, если все обнаружится.

— Он такой плохой?

— Он очень хороший. Да, в нем есть смелость, но изъянов нет. Однако в моем положении романов не пишут. Если репортеры все узнают, моей карьере конец.

Космо солидно кивнул и сказал:

— Понимаю.

— Так я и думал. Конечно, ты хочешь немедленно продать эти сведения, но это недальновидно. Есть лучший выход. Сообщи, что ты его написал.

— Э?

— Сообщи, что ты написал роман «Время пить».

— Да я в жизни своей не писал!

— Нет, писал. Эту книгу. Даже с твоим умом можно догадаться, что интересы наши совпадают. Тебе — двести фунтов, мне — покой.

— Вы правда их дадите?

— Да. И гонорары.

— Кук! — сказал Космо, и дядя посоветовал ему вспомнить, что он — не кукушка.

— Шум такой, — продолжал он, — что гонорары будут большие. По контракту мне полагается десять процентов, а при таком тарараме разойдется… ну, скажем осторожно, десять тысяч. Я не математик, но получается сотен шесть или семь.

Космо заморгал, словно его ударили в переносицу.

— Семь сотен?

— Может, и больше.

— И все мне?

— Да.

— Кук! — сказал Космо, и дядя его не упрекнул, но продолжил свою речь.

— Вижу, ты готов к сотрудничеству. Очень рад. Процедура проста. Я бы советовал разослать письма во все газеты, которые писали о романе. Опровергни епископа, обвини его в нетерпимости и несправедливости, а потом — раскрой псевдоним. Пойдем, я набросаю.

Набросав письмо, сэр Раймонд вернулся к лорду Икенхему и сообщил, что все в порядке.

6

[Космо сообщает в газеты, что роман написал он. Со службы его немедленно выгоняют, зато общество и печать — в восторге. Именно здесь Вудхауз вводит в действие Гордона Карлайла, профессионального мошенника, который, против обыкновения, ему не удался. Узнав, что Космо издал бестселлер, Гордон и его жена Герти решают выжать из него долг, а для этого — поехать в усадьбу, где живут миссис Уиздом и ее брат, чтобы шантажировать сэра Раймонда: не заплатит за племянника — откроют его тайну. Для верности они заставляют Космо написать ему письмо.]

7

Проглядев справочник, Гордон Карлайл узнал, что в три часа двадцать шесть минут есть подходящий поезд, и они с Герти еще успеют зайти в ресторан. Герти обрадовалась. Слишком часто приходилось ей перекусывать на ходу, хотя, как и лорд Икенхем, она любила поесть в свое удовольствие.

Примерно тогда, когда они пили кофе, а Гордон Карлайл закуривал сигару, вышеупомянутый лорд, посетивший с племянником клуб «Трутни», поглядел в окно на клуб «Демосфен» и тяжко вздохнул.

— Бу! — сказал племянник.

— Прости, не понял?

— Хотел тебя напугать. Икота пройдет.

— Меня напугать нелегко, — заметил граф. — Железный Икенхем, вот мое прозвище. Но я не икнул, я вздохнул.

— Почему?

— От горя. Если быть скрупулезным, у меня их три. Во-первых, мне жаль покидать тебя и Лондон. Погуляли бы, посмотрели, тут виды красивые…

— Ничего, ничего.

— Во-вторых — назовем это «горе № 2», — взглянув на тот клуб, я подумал о Бифштексе. Наверное, ты забыл, что прошлым летом из этого самого окна я сшиб с него цилиндр?

— А, черт!

— Вижу, ты помнишь Тогда мне казалось, что он станет лучше, мягче, пощадит свою сестру. Какой же я оптимист!

— Он не щадит сестру?

— Куда там! Дворецкий Пизмарч сообщил, что он обращается с ней, как капитан «Баунти»[91] с последним матросом. Конечно, понять его я могу. Когда она склонит головку набок и спросит: «Что, дорогой?», ангел разорется, а уж тем более — человек, привыкший к повиновению. Судя по реляциям, бедный Бифштекс на шестой-седьмой раз взвивается над столом, изрытая пламя. Да, понять я могу, но для давления это плохо, да и для ближних не очень хорошо. Ты знаешь Берта Пизмарча?

— Нет.

— Прекрасный человек. Мозги уместятся в аптечном пузырьке, но что мозги перед сердцем? Мы познакомились на корабле, когда он служил стюардом. Потом он унаследовал дом в Далидже.[92] Еще позже, уже в

начале войны, все боялись, что высадятся немцы, я вступил в эту местную оборону — и что же ты думаешь? Он там! Бывало, дежурим ночью, дрожим, но держимся, мой друг, держимся. Не захочешь — сблизишься. Собственно, мы теперь — как братья. Я устроил его к Бифштексу.

— У него есть дом?

— Как не быть, есть.

— Зачем же ему служить?

— Скучает без дела, мой друг. Он ушел на покой в самом расцвете сил. А где он служил, ты припомни! После океана не усидишь на заду. Стюард, говоря строго, тот же дворецкий. Коггз его немного подтянул, и, когда он сказал, что лучше — некуда, Пизмарч отправился к Бифштексу.

— Поладили они?

— Сперва Берту было нелегко. Но теперь, в деревне… Тихая сельская жизнь творит чудеса. Вот я, к примеру. Да, порой я чувствую себя жаворонком в неволе, но разве стал бы я в городе таким спокойным, разумным, быть может — скучноватым… Прости, ты что-то сказал?

— Нет.

— А мне послышалось, сказал.

— Я горько рассмеялся.

— Почему?

— Так, захотелось. Хочу — и смеюсь.

— Пожалуйста.

— Спасибо. А Бастабл твой что-то не меняется.

— Да?

— Да. Ты сам говоришь, рвет и мечет. Не щадит сестру.

— Потому что ездит в город, теряет свидетелей. Но сельская жизнь сотворит свои чудеса, дай только время. Леопардам нелегко менять пятна.

— А хотят они?

— Не знаю. Я видел мало леопардов. Бифштекс — тот исправится. Если бы Барбара с ним не поссорилась, он бы уже исправился. С ней он был бы таким, как в молодости. Какая жалость, однако! Когда ты достигнешь моих лет, ты поймешь, что мир просто кишит разбитыми сердцами. Куда ни взгляни — разбитое сердце. Поссориться так легко… Вот почему я боюсь за Джонни.

— А что с ним?

— Ничего хорошего.

— Он, вроде бы, женится?

— О, нет! В том-то и дело. Помолвлен больше года с Белиндой Фаррингтон, но свадьбы не видно и не слышно. На вопросы невесты

отвечает: «Позже, позже». Я страшно мучаюсь.

— Это и есть третье горе?

— Именно. Ой! — Граф взглянул на часы. — Бегу! Надо успеть на 3. 26.

— Минутку! Неужели ей не надоело?

— Как не надоесть! Мы вчера с ней завтракали и мне показалось, что она несчастней мокрой курицы. Только и жду расторжения помолвки.

— В чем дело, как ты думаешь? В деньгах? Джонни не очень богат.

— Да, не очень. Хаммер-холл — большой, расходов много, но не такой старинный, чтобы пускать туристов с яйцами и бутербродами. Однако он сдал главный дом Бифштексу, продает мебель, пишет детективы — словом, жениться может. Нет, дело не в деньгах.

Мартышка вдумчиво затянулся сигаретой. Он очень любил свою Салли и не взглянул бы на других женщин, даже если бы они кидались к нему нагишом; но знал, что бывают люди, сходные с Дон Жуаном или Казановой. А что, если старый друг — из их числа?

— Я его давно не видел, — сказал Мартышка. — Как он вообще?

— Ничего, здоров.

— Нет, я имею в виду его душу. Может, у него кто-то есть?

— Ты бывал в тех местах?

— Не доводилось.

— Оно и видно. Там никого нет. Дочь викария вышла за его помощника, дочь врача — за корейского плантатора, они в Кении. Кто еще? Фиби, няня… Словом, влюбиться не в кого.

— Ты с ним поговори.

— Да, надо будет. И построже. Нельзя терзать девичье сердце. А теперь, дорогой Мартышка, прочь с моего пути! Следующий поезд — только в пять сорок.

8

Если вы не собираетесь зайти в кабачок «Синий боров» или, предположим, в «Клин и колотушку» (оба они разместились через дорогу от станции), то лучше всего взять такси, которым владеет Артур Попворт.

Лорд Икенхем так и сделал; он здесь бывал. День выдался жаркий, и ему не хотелось тащить чемодан целую милю. Договорившись с Попвортом, он собирался влезть в машину, когда от станции донесся крик: «Эй, такси!», сменившийся огорченным аханьем. А уж после этого Гордон

Карлайл стал расспрашивать бессловесного носильщика, как ему пройти к сэру Раймонду.

Любезный граф отошел от машины и улыбнулся незнакомцу. Тот ему не очень понравился, но доброта — это доброта.

— Если нам по дороге, — сказал он, — разрешите вас подвезти.

— Спасибо, — отвечал Гордон Карлайл с оксфордским акцентом, который он освоил для профессиональных надобностей. — Мне в Хаммер-холл.

— И мне. Вы собираетесь погостить там?

— Нет… я…

— Жаль. Они ведь пускают гостей за плату.

— Да? Не знал. Зайду по делу и вернусь в город. Собственно, мне к сэру Раймонду.

— Мне чуть дальше. Я вас высажу.

— Большое спасибо.

— Не за что, не за что. Ничего не попишешь, сладость и свет!..

Такси фыркнуло так, словно сейчас взорвется, и тронулось с места. Пассажиры немного помолчали. Граф гадал, что нужно такому типу от Бифштекса; Гордон Карлайл поглаживал спину.

— Жарковато, — сказал лорд Икенхем.

— Да уж, — согласился его спутник. — Представляете себе, жена заставила надеть фуфайку и кальсоны!

— Какой кошмар! А почему?

— Ветер холодный.

— Не заметил.

— Как его заметишь, когда его нет!

— У вас чувствительная кожа?

— Да. Чрезвычайно.

— То-то я смотрю, вы ерзаете. Хотите раздеться — прошу. Мистер Попворт женат, он поймет вас.

Душа Гордона Карлайла испытывала примерно то же, что спина или ноги. Ему не нравилась такая развязность. Хорошо бы, размышлял он, сбить спесь со старого хрыча. К счастью, сделать это он мог. В кармане лежало кольцо, на вид — золотое, с большим алым камнем.

Гордон Карлайл начал свой путь с простого мошенничества. Не всегда продавал он сильным мира сего акции несуществующих шахт. Был он и простодушным молодым человеком, который нашел кольцо и не знает, что с ним делать. Последнее кольцо осталось при нем, на ролях талисмана или маскотты.

Теперь он вынул его и сказал:

— Поглядите-ка.

Лорд Икенхем поглядел и ощутил животворящую радость. Когда-то, еще до титула, нищим и младшим сыном, он крутился в Нью-Йорке, в Аризоне и тому подобных местах, а крутясь, встречал мошенников этого рода, чрезвычайно поднимавших его дух. Встреча с оптимистом, который надеется всучить ему кольцо, перенесла его в прошлое и вернула бы молодость, если бы он ее утратил.

— Однако! — сказал он. — Ценная вещь. Сколько дали?

— Понимаете, — начал Гордон Карлайл, — все не так просто. Странная история… Кстати, вы не юрист?

— Нет, что вы!

— Иду сегодня по Пиккадилли, а оно лежит. Я думал, вы скажете, можно ли его взять.

— Думаю, можно.

— Правда?

— Еще бы! Я всегда говорю молодым людям, находящим кольца: «Хватай и беги!». Хотите продать?

— Нехорошо нарушать закон…

— Куда уж хуже! Сколько просите?

Гордон Карлайл тоже ощутил животворящую радость. Да, стыдновато, да, сам идет в руки — но приятно вспомнить свою простодушную молодость.

— Прямо не знаю, — ответил он. — Если оно настоящее — сотню, не меньше, но как это определить?

— Конечно, настоящее. Вы посмотрите на рубин! Красный, как не знаю что.

— Это верно…

— А золото! Золотистей некуда.

— И это верно.

— Смело просите сто фунтов.

— Вы так думаете?

— Да.

— Вы бы его купили?

— Без всяких разговоров.

— Значит…

— Однако, — продолжал граф, — жена моя склонна к твердой, централизованной власти, а потому дает мне деньги только на табак и самоуважение. Считаю гроши! Предел мой — шиллинг. Отдадите — беру

без разговоров. А может, уступите по дружбе? Восемнадцать пенсов, а?

Гордон Карлайл был джентльменом и выругаться не мог, но все, что нужно, выразил взглядом, противоречащим предположению о дружбе.

— Ой, не могу! — сказал он без оксфордского акцента. Высадив его у главного дома, граф вышел чуть позже, у дома поменьше, в самом прекрасном настроении. Он был искренне благодарен спутнику за минуты чистой радости и желал ему от всей души продать кольцо Бифштексу.

Обычный гость, прибывший в родовое гнездо Пирсов, звонит в звонок, потом звонит еще; обычный — но не этот. Лорд Икенхем открыл двери, оказался в просторном холле и отметил не в первый раз, как там чисто, хотя все порядком обветшало. Вероятно, подумал он, убирает здесь няня, а помогает ей какая-нибудь девица из деревни.

Снаружи Хаммер-холл не изменился за четыреста лет, а вот изнутри разделил судьбу многих усадеб, переживших военные годы. Там, где были гобелены, светлели обои, там, где были ковры, темнел паркет. Столик, особенно милый пятому графу, исчез, словно кочевник, в отличие от ореховой горки, оскорблявшей изысканный вкус. Граф вздохнул (он давно советовал продать ее) и, ощутив, что к горестям прибавляется еще одна, четвертая, направился в ту комнату, где Джонни Пирс творил, если ему не мешала няня, носившая фамилию Брюс.

Сейчас, по всей видимости, она мешала, ибо пятый граф услышал с порога ее суровый голос:

— Сил моих нету, мастер[93] Джонатан. Ой, здравствуйте, милорд!

Няня больше всего напоминала гренадера, который собрался играть тетку пресловутого Чарлея; такие няни присасываются к дому, как полипы — к лодке. В Хаммер-холл она пришла «совсем девчонкой», чтобы пестовать Джонни, но, когда он вырос, не сочла, что обязанности ее исчерпаны, и стала такой же неотъемлемой частью усадьбы, как львы у ворот или странный запах под крышей.

— Пойду, взгляну, что там в вашей спальне, — продолжала она. — Значит, мастер Джонатан, вы с ней поговорите.

— Она старается…

— Что-то не видно! Неряха она, и все. Вот уж поистине, кольцо у свиньи![94] Соломон сказал, не кто-нибудь. Как в воду глядел.

Дверь за ней закрылась, и Джонни, приятный собою человек с усталым взором, оторвался от повествования о любимом, хотя и вымышленном герое, инспекторе Джервисе. Граф печально смотрел на него. Если молодого Пирса не терзали хищные птицы, он и не знал, кого

они терзают.

— Что случилось? — спросил он.

— А, все то же! С кухаркой ссорится.

— Часто?

— Постоянно.

— Кухарка уходит?

— Пока еще нет, но скоро уйдет. Они тут не держатся. Няня поедом ест.

— Да, женщина сложная, хотя и полезная, если ты подзабыл Библию. Однако я собирался говорить не о нянях, кухарках и Библии. Есть более насущные темы. Внерая видел Белочку.

— Да?

— Да. Повел в ресторан. Семга, poulet en casserole,[95] фрукты. Она едва прикоснулась к ним, нет — вообще не прикоснулась.

— Господи! Она больна?

— Телом здорова, а душой… Душа у нее истерзана, и все из-за тебя. Почему ты не женишься, мой друг?

— Я не могу.

— Можешь, можешь. И не такие женились, скажем — я. Заметь, ни разу не пожалел. Да, процедура нелегкая. Стоишь на коленях, и кажется, что все глядят на твои подошвы. Ноги у меня — лучше некуда, штиблеты — от лучшего сапожника, а вот поди ж ты! Так и чувствуешь, что на тебе рыбачьи сапоги. Но ничего, это проходит. Мысль о том, что ты получил лучшую девушку в мире, животворит, как неделя на курорте. Решайся, не пожалеешь! Небольшое усилие воли… Постой, ты ломаешь ручку и, что еще хуже, разбиваешь сердце божественного создания. Видел бы ты ее вчера! Я — сильная личность, но едва не плакал, когда она отвергла этих цыплят, словно их стряпал Борджиа. Словом, мне за тебя стыдно. А тебе?

— Вы ничего не понимаете!

— Вот именно. Как и Белочка.

Джонни задрожал и провел по лбу недоломанной ручкой. Граф смягчился. Он видел, что крестник попал в переплет, а мы должны жалеть таких крестников.

— Расскажи мне все, — посоветовал он. — В чем дело? Ты болен?

— Да.

— Господи! Чем же?

— Няней.

— Прости, не понимаю.

— У вас никогда не было преданных нянь?

— Конечно, не было. Они уходили через месяц, благодаря Бога за спасение. Но при чем это здесь?

— Как вы не поймете! Няня живет при мне четверть века, точнее — двадцать семь лет, чтоб ее черти драли! Она забрала всю власть. Неужели она ее уступит?

— Чепуха какая-то!

— Нет, не чепуха. Вы видели ее в действии. Прекрасная кухарка исчезнет, как горный снег. А почему? Из-за няни. Белочку она съест. При ее импульсивности…

— Няниной?

— Белочкиной.

— А, Белочкиной! Да, это в ней есть.

— Ну вот. Значит, при ее импульсивности она не выдержит, чтобы с ней обращались как с недоумком. «Делай то», «не делай того…» И еще фыркнет…

— Кто, Белочка?

— Няня.

— А, няня! Да, фыркнуть она способна.

— Вот именно. И зашипеть, вроде утюга. Тут с ума сойдешь. Но и это не все, она помнит мое детство. Можно ли боготворить мужа, если доподлинно знаешь, как он объелся пирогом и его вырвало? Я в два счета стану жалким из жалких. Знаю, знаю. Сейчас вы спросите, почему ее не выгнать.

— Спрошу.

— Разве можно дать человеку…

— Джонни! При мужчинах!

— Ладно, по уху.

— Ах, по уху! Нет, нельзя. Предложи ей денег.

— Где я их возьму?

— Не так уж много, фунта два в неделю…

— Ничего подобного. Пятьсот фунтов сразу.

— Сразу?

— Да.

— Странно… Казалось бы, небольшая пенсия…

— Предлагал.

— Она отказалась?

— Согласилась. Тогда я объяснился с Белочкой. Кстати, она хочет выйти за констебля.

— Белочка?!

— Няня.

— А, няня! За какого?

— За нашего, здешнего.

— Он подслеповат?

— Нет, навряд ли. А что?

— Трудно влюбиться в эту няню. Что ж, полисмены — смелый народ. Что было дальше?

— На чем я остановился?

— На том, что она согласилась. Казалось бы, все в порядке.

— Нет. Ее констебль выиграл пятьсот фунтов. Футбольное лото.

— Что же тут плохого? Наверное, она обрадовалась.

— Куда там, обиделась! Какая-то тетя Эмили вышла замуж бесприданницей, и муж оказался главным в семье. Захочет она новую шляпку, а он говорит: «Я что, Ротшильд? Пяти лет не прошло, как покупали.». В общем, няня на это не пойдет.

— Одумайся, что ты говоришь! Тетя Эмили — бесприданница, у няни — твердый доход. Что хочет, то и купит. Ты ей об этом не напомнил?

— Напомнил, а что толку? Разве ее проймешь? Пятьсот фунтов, или браку не бывать. Так и живем.

Джонни воткнул перо в последнюю реплику Джервиса и подытожил:

— Мне уж показалось, что выход есть. Рискованный, это да, но до благоразумия ли сейчас? Вы читали мою последнюю книгу «Инспектор Джервис в тупике»?

— Как-то не успел. То Пруст, то Кафка…

— Ничего, ничего. В Англии многие ее не читали. Но кое-кто и читал, во всяком случае — я заработал на ней сто одиннадцать фунтов шесть шиллингов три пенса.

— Недурно.

— Взял сотню и поставил на Балламера.

— Ну, что же это! Фото показало, что Второй его обогнал.

— Да, будь у него морда подлиннее, мои беды бы кончились.

— А больше неоткуда достать деньги?

— Вроде бы, неоткуда.

— Как насчет мебели?

— Я продал все, что мог. Остальное, как говорится, неотъемлемо от дома. Кроме этой горки, ее подарил двоюродный дед.

— Да уж, мерзкий предметец!

— Вот за нее меня не посадят. Скоро отдам на аукцион, фунтов пять выручу.

— Если найдется кто-нибудь подслеповатый.

— Хорошо, но где остальные четыреста девяносто пять? А, черт! Вы грабили банки, дядя Фред?

— Как-то не доводилось.

— Прямо хоть грабь. Но с моим везением окажется, что и в Английском банке денег нет. Одно утешение…

— Интересно, какое?

— Через век-другой это все будет неважно. А теперь, простите, мне пора вернуться к Джервису.

— Я и сам собирался идти. Джейн сказала, чтобы я непременно передал привет Бифштексу, а мне бы хотелось еще побеседовать с Пизмарчем. В общем, дел — завались. Через час я в твоем распоряжении.

— Да чем вы поможете!

— Не говори таких слов об Икенхемах. Мы — неисчерпаемы. Признаю, случай трудный, но я его обмозгую и что-нибудь придумаю. Создам проект.

— Ой, какие там проекты!

— Такие. Подожди, ничего больше не прошу.

И, мягко взмахнув рукой, немного сдвинув шляпу, лорд Икенхем пошел через парк к обиталищу Бифштекса.

9

Подходя к озеру, за которым располагался главный дом, лорд Икенхем был хмур и задумчив. На отмели топталась корова; в обычное время он швырнул бы в нее веточку, но сейчас не задержался даже для такой пустяковой любезности.

Он беспокоился о Джонни. Даже менее острый ум догадался бы, что крестнику плохо. Лорд Икенхем мало общался с няней Брюс, но понимал, что убеждать ее — незачем. Такие не сдаются. Если ей нужны пять сотен наличными, значит — или сотни, или отставка злосчастному полисмену. Сотен у Джонни нет, значит — нет и выхода. И мы не побоимся сказать, что, при всей своей удали, граф был достаточно растерян, звоня в звонок. Открыл ему Альберт Пизмарч.

Придирчивый критик сказал бы, что карие глаза дворецкого не блещут умом; но человек поприятнее заметил бы, что они сияют добротой и честностью. Друзья не просили его объяснить им теорию Эйнштейна, а вот положиться на него могли всегда. Правда, он скорее все портил, чем

распутывал, но главное — намерения, главное — сердце.

Лицо его, привыкшее к профессиональной отрешенности, расплылось в улыбке, и он сказал:

— Добрый вечер, милорд.

— Привет. Хозяева дома?

— Сэр Раймонд у себя, но с ним какой-то джентльмен, мистер Карлайл.

— Я его знаю. Наверное, продает рубины. Что ж, если сам занят, мы с вами выпьем, очень уместно после такой прогулки. Пыль, жара… Портвейн не иссяк?

— О, нет, милорд. Вот сюда, вот сюда.

— Да, — сказал граф несколько позже, — животворящая жидкость. Видимо, именно ее имел в виду поэт, когда воспевал «небесный порт». Как же это? Вот! «Если нападут испанцы, я небесный порт покину, погоню их по Ламаншу, как в былые времена.». Сэр Генри Ньюболт, «Барабаны Дрейка».[96] Вы знаете эти стихи? Ах, что это я! Конечно, знаете. Помню, мы их пели у костра.

— Я их очень любил, милорд.

— А как пели! Поистине, сибирский пес в погоне за сибирским волком. Я еще удивлялся, откуда берется такой зычный, глубокий голос. Видимо, закон природы. Компенсирует вашу кротость.

— Вполне возможно, милорд.

Лорд Икенхем опустил бокал и покачал головою.

— Вот что, Берт, — сказал он, — какой я вам «милорд»? Конечно, я лорд, но стоит ли это подчеркивать? В конце концов, кто они такие, лорды? В самом лучшем случае — анахронизм, паразиты на теле государства. Тонкой душе нелегко, если ей напоминают, что владетель ее — из неприкасаемых. Не могли бы вы придумать что-нибудь, щадящее чувства?

— Мне трудно называть вас «Икенхем».

— Я имел в виду «Фредди».

— Ну, что вы, милорд!

— А если «старик» или «дружище»?

— Что вы, что вы! Может быть, «мой друг»?

— Превосходно! Ну, Берт, как тут дела? Судя по вашим письмам, неважно. Бифштекс обижает сестру?

— Не мне судить сэра Раймонда…

— Говорите свободно, Берт, не играйте дворецкого. Мы — одни.

— Тогда я скажу, что он очень плохо обращается с madam.

— Рычит?

— Буквально каждый день.

— Да уж, адвокаты не сахар. Как в суде, так и дома. Помню, я слышал, как он допрашивает истинного Ящерку Билла. Тот что-то пискнул, а Бифштекс прожег его взглядом и загромыхал: «Следите за собой, сэр! Я не потерплю таких выражений!». Значит, то же самое он и здесь.

— Особенно теперь. Madam страдает из-за этой книги. Ей претит… ее тон, в нравственном смысле слова. Она много плачет.

— А он сердится?

— Ужасно. По-видимому, его раздражают слезы. Иногда мне кажется, что я не выдержу.

— Почему же вы не уходите?

— Я не могу оставить *ее*.

Лорд Икенхем зорко на него взглянул. Лицо, обычно похожее на безжизненную маску, странно кривилось, напоминая о той поре, когда дворецкий не был дворецким.

— Эй, — сказал граф, — что это с вами? Альберт Пизмарч какое-то время боролся с собой. Наконец, обретя речь, он произнес совсем не тем тоном,

каким пел про Дрейка:

— Я люблю ее, мой друг.

Другой подпрыгнул бы при этих словах, перевернув бокал вина, но граф Икенхемский только посмотрел сочувственным, понимающим взглядом. Личное мнение, подсказывающее, что любить Фиби не смог бы самый отчаянный Ромео, он скрыл. Значит, кто-то может.

— Бедный вы, бедный, — сказал он. — Облегчите душу. Когда это началось?

Карие глаза подернулись той дымкой, какой подергиваются они, когда их владелец намеренно вспоминает о прошлом.

— Свел нас ревматизм, — начат он, и голос его немного дрогнул.

Лорд Икенхем поднял бровь.

— Простите? — сказал он. — Ревматизм?

— Madam страдает ревматизмом, но у нее — левое плечо, у меня — правая нога. Каждое утро она спрашивала: «Как ваша нога, Пизмарч?», и я отвечал, а потом спрашивал: «Как ваше плечо, madam?», и она отвечала мне. Так и шло.

— Ага, понятно… Обмен новостями в доме скорби. Да, понятно. Когда говоришь женщине об особом, жгучем ощущении в твоей ноге, а она отвечает рассказом о таком же ощущении в плече, это связывает,

связывает…

— И вот, прошлой зимой…

— Да?

Альберт Пизмарч почтительно понизил голос.

— … я подхватил грипп. Madam за мной ухаживала.

— Взбивала подушку? Подносила освежающий морс?

— И читала Агату Кристи. Тут со мной что-то случилось. Я понял, что люблю.

Лорд Икенхем помолчал, прихлебывая вино и все еще удивляясь, что Фиби может возжечь дивное пламя. Он знал, что она моложе его лет на десять, но воспринимал как старушку, так лет восьмидесяти. Судя по всему, Альберт Пизмарч видел ее иначе; да и вообще, когда ведешь дом Бифштекса, спасибо, если не выглядишь на девяносто девять.

— Предприняли что-нибудь? — спросил он.

— Что вы, милорд, то есть мой друг! Нельзя, неприлично.

— Какие приличия! — грубовато, хотя и добродушно вскричал граф. — Если думать о них, ничего не выйдет.

— Что же вы посоветуете?

— Так-то лучше! Слава Богу, вам попался специалист самого высокого класса. Если поставить плечом к плечу все пары, которые я соединил, они растянутся от Пиккадилли-сёркус далеко за Гайд-парк. Знаете Билла Окшота? Нет, конечно. Один из моих питомцев. Другой — племянник, Мартышка. Розовый тип из Митчинг-хилл, Полли Плум, Хорас Давенпорт, прекрасная Элзи, Джимми Скунмейкер — в общем, десятки. При моей поддержке можно победить самую гордую красавицу. Данный случай — необычен, действовать надо с вящей осторожностью Скажем, метод Икенхема немного резок.

— Метод Икенхема?

— Так я его называю. В общих чертах: подходишь, хватаешь, прижимаешь, осыпаешь поцелуями. Текста мало: «Моя судьба», варианты: «… жизнь» или «… радость». Хватать надо покрепче, это вам не чайная чашечка, и немного покачать. Успех гарантирован, но в вашем случае лучше действовать исподволь. Предположим, так: для начала — цветы, увлажненные утренней росой. Каждый день. Вручать не надо, это не пакет, кладем незаметно в комнату. Тайный дар от тайного поклонника. А? Она гадает и терзается, кто бы это мог быть. В свое время узнает, не раньше. Представляете эффект? Постойте! Вроде бы есть язык цветов? Что-то я такое читал… Скажем, настурции — «Ваш тайный и почтительный друг», лобелии какие-нибудь — «Вот и я!». Словом, в таком духе.

— Да, да, конечно. Есть специальные справочники.

— Ну вот, раздобудьте, пользуйтесь. — Лорд Икенхем подумал. — Что бы такое еще? Да, собака! Как она насчет собак?

— Madam обожает своего спаниеля.

— Пекитесь о нем, подлизывайтесь. Не пренебрегайте ничем. Чешите, гладьте, свиристите, давайте косточку. Путь к сердцу женщины лежит через собаку. И еще…

Граф замолчал, увидев за окном весьма авантажного мужчину.

— Ну, *сам* освободился, — сказал он, вставая. — Так не забудете? Дружба с собакой. Цветы.

— Не забуду.

— Каждое утро! Мало-помалу, тихой сапой… В свое время сработает, — закончил граф, выходя в коридор, чтобы направиться в кабинет, где сэр Раймонд Бастабл, по всей вероятности, разглядывал роковой рубин.

Хмурился он больше, чем тогда, когда глядел на корову. Проблем накопилось слишком много, чтобы с обычной легкостью распространять сладость и свет или, как сказали бы некоторые, лезть в чужие дела. Мало хлопот с Джонни, а тут еще Пизмарч и Бифштекс, терзающий несчастную Фиби. Словом, полная программа.

Однако он повторял: «Хвост трубой, Фредерик Алтамонт! И не то бывало.».

Сэр Раймонд действительно сидел в кабинете, но на рубины не смотрел. Вид у него был такой, словно на него наехала сзади машина. Когда-то в Оксфорде он играл в регби и его ударил в солнечное сплетение человек с головой из слоновой кости, если не из особенно твердого металла. Было это лет тридцать назад, но в памяти осталось, и до нынешнего вечера казалось ему самым тяжким ударом в жизни.

Но пять минут назад мистер Карлайл предъявил письмо племянника и вышел, чтобы он мог спокойно подумать.

10

Лорд Икенхем вошел в комнату, выражая заботу каждым волоском удивленно поднятых бровей. Многие сказали бы себе: «Ах ты, еще одна жаба попала под борону!»[97] и поспешили скрыться, чтобы не слушать мучительных историй, которые обычно рассказывают такие жабы; многие — но не добросердечный граф. Когда он видел жабу не столько под

бороной, сколько под машиной, изрыгающей губительные газы, он забывал о свидании, на которое и так опоздал, и делал все, чтобы облегчить ее муки.

— Бифштекс! — воскликнул он. — Что это с тобой? На тебе лица нет.

Сэру Раймонду понадобилось время, чтобы должным образом описать всю низость Карлайла, не забывая при этом и племянника. Зачарованный слушатель горестно щелкал языком, сокрушаясь, что человек может так пасть, и виня себя за непредусмотрительность.

— Надо было это предвидеть, — сказал он. — Надо было знать, что таким гадам доверяют только сумасшедшие. По сравнению с твоим Космо, пробочник прям, как шпага, а винтовая лестница — кратчайшее расстояние между точками. Взять хотя бы его усики. Нет, надо было искать другого. Мой покойный отец говаривал: «Ничего не пиши и не верь мужчинам с черными усиками.». А ты, дорогой Бифштекс, сделал и то, и другое.

— Это ты подсказал!

— Неужели? А ведь верно! Я сидел вон там, ты — вон там, сосали мартини, как пылесосы, я и говорю… Да, да, помню. Виноват.

— Что мне с того?

— Угрызения всегда полезны. Стимулируют мысль. Вот моя заработала, как механическая пила. Пожалуйста, план готов! Значит, этот типус гуляет? Ты не знаешь, часом, где?

— Откуда мне знать?!

— Видишь ли, я случайно выяснил, что его очень мучает шерстяная фуфайка. Жена заставила надеть. Возможно, он в саду, чешется. Тогда одежда висит на ветке или лежит на траве. Я могу подойти так, что сучок не скрипнет, и обшарить карманы. Но я сомневаюсь, что он расстанется с таким важным документом. Однако у меня есть и другой план. Ты уверен, что он вернется?

— Конечно, чтоб его черти драли!

— Значит, войдет в эту стеклянную дверь. Навряд ли он позвонит, чтобы о нем доложили. Что ж, Бифштекс, прими его приветливо, отвлеки беседой, пока я не приду.

— Куда ты?

— Неважно. Когда забелеют луга от ромашек, я непременно вернусь. — И пятый граф выскользнул из комнаты ровно за минуту до того, как Гордон Карлайл вошел в стеклянную дверь.

Мы не осмелимся сказать, что сэр Раймонд принял его приветливо, разве что назвать человека шантажистом — это знак привета. В остальном говорил гость, который был в прекрасном настроении, явственно ощущая,

что все к лучшему в лучшем из миров. Письмо хрустело во внутреннем кармане, когда он поглаживал себя по груди, и похрустывание это звучало истинной музыкой. Особенно он разрезвился, перейдя к обсуждению цен.

Он только что назвал свой тариф, заметив при этом, что самое время вынуть перо и чековую книжку, когда усомнился в том, лучший ли это мир. Дверь открылась, вошел Пизмарч, объявляя:

— Инспектор Джервис.

Опознав в новоприбывшем своего недавнего попутчика, Карлайл испытал то самое, что испытываешь, проглотив целую ложку дохлых бабочек. Заметив же, что его взор уже не приветлив, а суров, губы твердо сжаты, он задрожал. Ему припомнилось, как хиромантка на Кони Айленд предсказала за пятьдесят центов, что ему перейдет дорогу злой человек, но даже мысль о том, что деньги окупились, его не утешила.

— Сэр Раймонд Бастабл? — сказал граф. — Добрый вечер, я — по важному делу.

Играл он много и очень гордился, что может сыграть кого угодно, кроме карлика и Джины Лолобриджиды.[98] Однажды, в пригородном коттедже, он воплотил не только ветеринара, подстригающего попугаям когти, но и мистера Роддиса, владельца «Кедров», и мистера Булстрода, его соседа, горюя лишь о том, что ему не довелось сыграть попугая, которого он изобразил бы с неподражаемым блеском.

Карлайл огорчился. Он не любил полицейских, а уж особенно — когда они приходят в самый неудобный момент. Что же до инспектора, ему не понравились ни взгляд его, ни речи.

— Выверните карманы, — приказал лорд Икенхем.

— А? Что?

— Никаких «А»! Я заметил этого субъекта, — пояснил пятый граф сэру Раймонду, похожему в данный момент на удивленную улитку, — еще в Лондоне, на вокзале. Меня насторожила его повадка. «Карманник, — подумал я. — Мелкий вор, крадет бумажники направо и налево.».

Гордон Карлайл густо покраснел. Нив одном сообществе нет такой четкой иерархии, как у воров. Взломщик смотрит свысока на налетчика, налетчик — на похитителя молочных бидонов. Назовите мошенника карманником, и вы всколыхнете весь его снобизм.

— Когда же, выйдя из такси, я обнаружил, что нет портсигара, вечного пера и пастилок от кашля, опасения мои подтвердились. Что ж вы, любезный? Я сказал, вы-вер-ни-те карманы.

Карлайл тяжело дышал.

— Портсигар? — выговорил он. — Вечное перо? Вы сошли с ума. Я и

не сумел бы их украсть!

— Чушь! Ничего нет проще. Запускаешь пальцы — и пожалуйста! Надеюсь, этот субъект не оставался здесь один?

Сэр Раймонд, поморгав немного, покачал головой.

— Так, так. Следовательно, у вас все цело. Правда, у него и места нет для ваших вещей, ха-ха! Посмотрим, что у него в карманах…

— Посмотрим, — согласился сэр Раймонд, чья мысль была быстрой лишь в суде.

Гордон Карлайл совершенно не знал, что делать. По-видимому, на выбор его повлияло то, что между ним и дверью находился хозяин дома. Бифштекс, отметивший недавно пятьдесят второй день рождения, уже не был тем атлетом, каким его видели тридцать лет назад, зато стал достаточно солидным, чтобы отпугнуть человека, привыкшего действовать словом. Тяжело вздохнув, Карлайл пожалел о том, что с ним нет предприимчивой Герти, и вывернул карманы.

Лорд Икенхем удивился.

— По-видимому, все припрятал, — сказал он. — Но что это? Письмо вам, сэр Раймонд.

— Быть не может!

— Без сомнений, присвоено.

— Вот как?

— Предъявите иск? Нет? Дело ваше. По-видимому, как и Шекспир, вы высокого мнения о милости. Что ж, мистер Карлайл, можете идти.

Именно в этот момент появилась Фиби, настолько похожая на кролика, что добрый человек предложил бы ей салату.

— Раймонд, — сказала она, — дорогой мой, ты не видел свинку?

— Свинку?

— Такую маленькую, золотую, от браслета. Куда-то запропастилась. Как я рада тебе, Фредерик! Пизмарч говорил, что ты приехал.

— Да, приехал к Джонни, он мой крестник. Что с тобой, Фиби? Ты такая бледная.

— Все из-за этой книги, Фредерик. Понять не могу, как он ее написал! Епископ вот недоволен.

— Чего и ждать от епископа?

— Вчера я поехала в Лондон, но Косей не застала.

— Видимо, ушел, — предположил лорд Икенхем. Карлайл совсем растерялся. Только сейчас он понял, что инспектор — очень странный.

— Кто этот тип? — хрипло спросил он.

— Мой брат вас не познакомил? — всполошилась Фиби. — Муж моей

сестры, лорд Икенхем. А *вы* не видели свинку?

— Фиби, — сказал сэр Раймонд, — уйди отсюда!

— Что, дорогой?

— УЙДИ.

— Да я ищу свинку!

— Черт с ней. УЙ-ДИ! — взвыл он тем самым голосом, от которого сыпалась лепнина, а заседатели глотали жвачку.

Фиби исчезла, тихо рыдая, как обездоленный кролик, а Гордон Карлайл посмотрел на лорда Икенхема Лицо его было сурово, сердце — ликовало.

— М-да! — сказал он.

— В каком смысле?

— Нелегко вам придется.

— Почему?

— Выдавали себя за должностное лицо!

— Я? Ну что вы!

— Дворецкий объявил: «Инспектор Джервис».

— Я не отвечаю за дворецкого. Мало ли как он пошутит!

— Вы сказали, что вы — по важному делу.

— Естественно. Что важнее семейной встречи?

— Вы приказали мне вывернуть карманы.

— Приказал? Попросил!

— Верните письмо.

— Оно адресовано сэру Раймонду.

— Вот именно! — загромыхал хозяин. — Мне, а не вам! Это вас ждут большие неприятности, дрянь вы этакая! Письма крадет! Да где это видано! Дай письмо, Фредерик.

Лорд Икенхем, уже взявшийся за ручку двери, на минуту остановился.

— Нет, Бифштекс, — сказал он. — Не сейчас. Ты его не заслужил. Я могу говорить прямо при нашем госте, потому что его явно поразило, как ты обращаешься с сестрой. Меня давно огорчает, что, разговаривая с ней, ты похож на самых неприятных персонажей Откровения. Одумайся, Бифштекс! Окутай ее братской нежностью. Воркуй с ней, как голубь с горлицей. Свези ее в Лондон, своди в театр, в ресторан, а главное, помни, что ты не восточный деспот, она не черная рабыня. Альберт Пизмарч будет за тобой следить. Если я узнаю, что ты исправился, письмо — твое. А сейчас пусть висит и грозит как… чей же это меч? Совсем память прохудилась!..

Лорд Икенхем вышел, но через мгновение приоткрыл дверь и сказал:

— Дамоклов. Да, именно — Дамоклов.

(Гл. 11–12)

[Гордон Карлайл сообщает Космо Уиздому, что письмо — у лорда Икенхема, и требует, чтобы тот снова написал дяде. Космо идет в издательство, куда его пригласили, и встречается с Барбарой Кроу, которая там служит. Узнав, что он — племянник ее бывшего жениха, она осторожно расспрашивает о дяде, а потом, перейдя к делам, сообщает, что голливудская студия хочет купить право на экранизацию за сто пять тысяч долларов.]

(Гл. 13)

[Потрясенный такими перспективами, Космо решает забрать у лорда Икенхема единственное свидетельство о том, что автор романа не он, а сэр Раймонд. Кроме того, он сообщает Карлайлу, что нового письма писать не будет. Хитрый Карлайл догадывается, что Космо поедет в Хаммер-холл, чтобы раздобыть письмо; а жена предлагает снова поехать туда самим и украсть его раньше.]

Через два дня после того, как хищные птицы решили поживиться в усадьбе, из нее вышло шествие. Возглавляла его миссис Фиби Уиздом, за нею шел ветеринар, а уж за ним — Альберт Пизмарч. Ветеринар сел в машину, сказав на прощание несколько ободряющих слов. Приезжал он к спаниелю по имени Бенджи, который, как свойственно спаниелям, «что-то подхватил». Фиби и Альберт просидели всю ночь у его ложа, устали, но не отчаялись, мало того — глядели друг на друга с той нежностью, с какой глядят друг на друга былые соратники.

Честный Пизмарч нарадоваться не мог на советы старого друга. Судя по всему, в глазах у Фиби светился тот самый свет, какой светился у дев в беде, когда рыцарь Круглого стола отряхивал руки после битвы с драконом. Ночное бдение сблизило их еще больше, и верный Берт нет-нет да подумывал об икенхемовском методе.

Как там? Да, хватаешь, прижимаешь, осыпаешь. Казалось бы, просто — но страшно. Пизмарч колебался, а когда мужчина колеблется, он упускает момент, и ему остается слушать о молоке с капелькой бренди, которое прописал ветеринар.

— Подогрейте немножко, а? В кастрюльке.

Альберт вздохнул. Для икенхемовской системы нужен ключ, какой-то толчок. Сам Ромео растерялся бы, заговори Джульетта о кастрюльках.

— Сейчас, madam.

— А потом отдохните, вы устали.

— И вы устали, madam.

— Да, да. Но мне надо поговорить с лордом Икенхемом.

— Он удит рыбу, madam. Сходить к нему?

— Нет, что вы! Спасибо вам большое. Это — личная беседа.

— Понимаю, madam, — сказал Альберт Пизмарч и пошел греть молоко с таким чувством, словно он опоздал на автобус. Быть может, в его ушах звенели строки Джеймса Грэма,[99] первого маркиза Монтроз:

Страшится посягнуть,
Боится пожелать,
Кто не посмел дерзнуть,
Рискуя потерять.

А может, и не звенели.

14

[Лорд Икенхем удит рыбу, размышляя о том, почему Карлайл и Космо, явно охотящиеся за письмом, сторонятся друг друга.]

От этих раздумий его оторвал негромкий оклик, и, обернувшись, он увидел Фиби на берегу. Нехотя свернув удочки, он направился к ней; а вылезая из лодки, испугался ее вида. Так выглядели женщины в Монте-Карло после бессонной ночи.

— Моя дорогая! — воскликнул он. — Прости, но на тебе лица нет. Где твой цветущий вид? В чем дело?

— Я всю ночь сидела с Бенджи. Он заболел.

— Быть не может! Ужасно, ужасно. Лучше не стало?

— Стало. И все — Пизмарч! Как он мне помог! Но я пришла поговорить не об этом.

— О чем угодно, дорогая, о чем тебе угодно, — сказа! граф, надеясь, что речь пойдет не о Космо. Нелегко объяснить, что сын ее — там, где красть удобней.

— Понимаешь, Раймонд…

— А, Бифштекс!

— Я очень о нем беспокоюсь.

— Неужели и он заболел?

— Он сходит с ума.

— Ну, что ты!

— Не говори, у нас в роду есть сумасшедшие. Джордж Уинстенли умер в лечебнице.

— Собственно, кто это?

— Муж маминой троюродной сестры. Он был дипломат.

— И сбрендил?

— Да. Он решил, что Сталин — его незаконный дядя.

— А это не так?

— Конечно! Просто ужас, все время посылал в Россию секретные письма.

— Ясно, ясно… Я не думаю, что это перешло к Бифштексу, — утешил ее граф. — Не беспокойся. Что с ним, собственно, такое?

— Очень странно себя ведет.

— Расскажи мне все.

Фиби утерла слезы, она легко плакала.

— Ты знаешь, Фредерик, какой он со мной… нетерпеливый. Это с детства. Он очень умный, а я — нет, вот он и сердится. Скажет что-нибудь, я переспрошу — и все, кричит. Я каждое утро плакала, а он еще больше сердился. Вдруг, недели две назад, он стал другим. Нежный, добрый, вежливый, просто сил нет! Пизмарч тоже заметил, он часто видел наши сцены. Ты подумай, Раймонд спрашивает, как мой ревматизм, скамеечку предлагает, хвалит мое платье! Совсем, совсем другой.

— Что ж, это и лучше.

— Мне тоже так показалось, а теперь как-то жутко. Он столько работает. Может быть, переутомился, а то и захворал?.. Фредерик, — она уже шептала, — он мне цветы посылает! Каждое утро. Войду, они лежат.

— Очень любезно. Не вижу, что плохого в цветах, если их не слишком много.

— Это *странно*. Я написала сэру Родерику Глоссопу. Ты его знаешь?

— Психопата? Еще бы! Я тебе такое о нем расскажу…

— Мы с ним дружим. Но письмо я не отослала.

— Очень хорошо, — серьезно сказал лорд Икенхем. — Потом бы пожалела. Ничего странного нет, моя дорогая. Я все объясню одним-единственным словом: Пизмарч.

— Пизмарч?

— Бифштекс его умасливает. Твой брат умен, он заметил, как возмущен верный Альберт его поведением, и поспешил исправиться. Кто хочет потерять дворецкого в наше нелегкое время? Как это сказал Сын Сирахов? Надо бы спросить няню Брюс. Да, так вот: «Кто нашел дворецкого, нашел благо.».[100] Я бы ради Коггза и не на то решился.

Фиби глядела на него, как глядел бы белый кролик, если бы он не верил своим ушам.

— Пизмарч может уйти?..

— Вот именно. Уйдет и не оглянется.

— Почему?..

— Не в силах смотреть, как тебя унижают. А кто в силах? Все-таки, любимая женщина…

— *Какая?*

— Неужели ты не заметила, что он тебя боготворит?

— Это… это очень странно.

— Ничего странного не вижу. Когда ты не сидишь по ночам со спаниелями, ты очень хороша.

— Но он — дворецкий!

— А, вон что! Понимаю, понимаю… Ты хочешь сказать, что дворецкие в тебя не влюблялись. Что ж, лучше поздно, чем никогда. А вообще-то Пизмарч — не дворецкий. Он состоятельный человек, но не уходит, чтобы быть рядом с тобой. Помнишь, — тут граф дал волю воображению, — года два назад Бифштекс повел нас с тобой в ресторан, и я кому-то кивнул?

— Нет, не помню. Граф этому не удивился.

— То был Альберт Пизмарч, — продолжал он. — Мы — старые друзья. Потом он зашел ко мне и спросил, кто ты. Да, моя дорогая, он влюбился. Я предложил познакомить его с Бифштексом, но он почему-то не захотел. Видимо, решил, что тот не пригласит его погостить. Что ж, это понятно, Бифштекс резковат. Словом, нужно, чтобы Пизмарч был рядом с тобой — и я, человек умный, догадался, как это устроить. Кто, спросил я себя, ближе брата? Дворецкий. Значит, сказал я все себе же, Пизмарч поступит к Бифштексу. Коггз позанимался с ним — и вот, пожалуйста!

Фиби трепетала. Кончик носа двигался с особой быстротой, выдавая ее чувства.

— В жизни такого не слышала! — вскричала она.

— Да, это редко бывает. Но до чего же романтично! Ромео… Нет, куда ему! Ах, прости! — внезапно воскликнул он. — Должен тебя

покинуть.

Воскликнул он это потому, что к дому подъехала машина, а из нее вышел Джонни.

— Мой крестник вернулся, — объяснил граф. — Был в Лондоне, обедал со своей невестой. Надо узнать, что было. Последнее время они не ладили, лютня расстроилась, а ты знаешь, что такое расстроенная лютня. Все тише звук, и вот — она молчит. Надеюсь, починили.

(Гл. 15 — 22)

[Именно здесь роман явственно начинает буксовать. События — среди которых много повисающих в воздухе — разворачиваются так:

Джонни не удалось помириться с Белиндой. Беседуя об этом с графом, он удивляется, что Космо написал такую хорошую книгу, и замечает кстати, что голливудские студии из-за нее передрались. Лорд Икенхем догадывается, что Космо уже не хочет шантажировать дядю, а Карлайлы поссорились с ним именно поэтому.

Встретившись с Пизмарчем, он говорит ему, что надо спрятать документ, за которым охотятся русские шпионы. Тот берет письмо, но Космо Уиздому удается его выудить. Карлайл тем временем гоняется за Космо и даже бьет его кастетом по голове, а подоспевшему констеблю и вызванному им врачу сообщает, что он упал в обморок. Письмо взять он успел и сунул, услышав голоса, в ореховую горку.

В усадьбу приезжает редактор из издательства, Сэксби-старший. Это — тот редкий случай, когда Вудхаузу совершенно не удался рассеянный старик. Получилось что-то вроде сумасшедшего. Он наблюдает птиц, ищет какого-то человека, ничуть не связанного с сюжетом, словом — почти, если не совсем, путается под ногами.

Начинается аукцион. Карлайлы и Космо бешено торгуются, и горка достается Карлайлам за пятьсот фунтов, то есть ровно за ту сумму, которую Джонни, ее владелец, должен няне Брюс, чтобы она вышла замуж за констебля.

Граф счастлив; но крестник говорит ему, что заранее отдал выручку местному священнику на благотворительные цели. (Как мы помним, он не надеялся получить за нее больше пяти фунтов.)

Фиби плачет, беспокоясь за сына и за брата. Пизмарч это видит и, забыв свои опасения, берет ее за руку. По-видимому, они объясняются, и Фиби звонит лорду Икенхему.]

23

— О, Фредерик! — сказала Фиби, дыша тяжело и прерывисто, как загнанный кролик.

— А, здравствуй, моя дорогая! Что с тобой? Ты расстроена? Фиби ответила не сразу, словно прикидывала, уместно ли тут это слово, и отвергла его, как строгий лексикограф.

— Нет, — отвечала она, — я себя не помню.

— Поставь опыт. Вспомни, как тебя зовут.

— Ах, не говори глупостей! Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Только бы Космо не рассердился! Я же не девочка, мне под пятьдесят. Все-таки, странно…

— Ты что, поступаешь в мюзик-холл?

— Конечно, нет! Я выхожу замуж.

Трубка задрожала в правой руке графа, сигара — в левой. Да, это сенсация. Любая газета поместит на первой полосе.

— Неужели решился? — воскликнул он. — Неужели ты будешь леди Пизмарч?

— Миссис Пизмарч.

— На какое-то время. Такой человек не сегодня — завтра станет сэром или пэром. Дорогая моя, вот это новость! Лучше людей, чем он, просто нету. Знаешь, что сказал Сын Сирахов? Ах ты, забыл, но что-то хорошее.

[Фиби рассказывает, как Пизмарч сделал ей предложение. Потом лорд Икенхем беседует с ним самим, значительно запутывая интригу, и, наконец, видит, что к дому подъехала машина, а из нее вышла Барбара Кроу.]

24

Вероятно, лорд Икенхем глубоко бы обиделся, если бы кто-нибудь предположил, что при каких бы то ни было обстоятельствах мнение его совпадет с мнением Космо, но, как и тот, сразу подумал: «Нет, только дурак упустит такую женщину!». В спортивном костюме, в зеленой шляпке, она выглядела еще лучше, чем обычно, а улыбка, с которой она его окликнула, просто согревала сердце.

— Фредди! — удивилась она. — Ты-то что здесь делаешь?

— Гощу у крестника, пока жена в Шотландии, — объяснил граф. — А

ты?

— Приехала к Уиздому, насчет телевидения. Кроме того, заберу старшего Сэксби, младший боится, не упал ли он в озеро. Тут что-то вроде гостиницы?

— Мой крестник берет постояльцев.

— Тогда я сниму комнату.

— Прекрасно. Нам надо с тобой поговорить. Сядем пока вон под тем деревом. Я уж надеялся, увидев тебя, — прибавил он, усевшись в кресло, — что ты приехала к Бифштексу.

Барбара выпрямилась.

— К Раймонду? Разве он здесь?

— Да, в другом доме, за озером. Если хочешь, мы к нему зайдем. Сейчас он занят, но ты как раз причешешься, умоешься.

Барбара, до сих веселая, стала печальной.

— Это не совсем удобно.

— Почему?

— Он подумает, что я за ним гоняюсь.

— Конечно. И очень хорошо. Немного оживет, подбодрится. Скажет себе: «Смотри-ка! Я думал, все пропало, а она за мной гоняется.». Отсюда до прежних отношений — один шаг. Почему ты так горько хмыкаешь?

— Тебе не кажется, что это смешно?

— Нет, не кажется. А что именно?

— Мысль о том, что Раймонд мной интересуется.

— Дорогая моя, он тебя обожает!

— Чепуха какая! Он ни разу не пришел, не писал, не звонил… ну, с тех пор.

— Естественно! Видимо, ты не понимаешь, какой он тонкий. В суде он рвет на куски свидетелей — и ты говоришь себе: «М-да, крутоват!», не ведая о том, что на самом деле — что это такое нежное? А, фиалки! Так вот, на самом деле он — истинная фиалка, не то что, скажем, я. Всякий раз, когда Джейн со мной ссорилась, я вынуждал ее к миру зверскими угрозами, но одно дело — я, другое — Бифштекс. Деликатность, вот его суть. Когда ты его отвергла, он решил, что тебе не нужен. Страдал, как не знаю кто, но терпел. Должен бы знать, что любовным размолвкам — грош цена. Опять ты горько фыркаешь? Что тебя рассмешило?

— Ты сказал «любовным размолвкам».

— Так их обычно именуют. А что же это еще?

— Буря. Битва, если хочешь. Я назвала его надутым чучелом!

— Что ж тут такого? Он и сам знает, что он — надутое чучело.

Барбара вспыхнула.

— Ничего подобного! Он — ягненок.

— Кто?!

— Самый кроткий из людей.

— Ты подумала, что говоришь?

— Да, Фредерик Алтамонт Корнуоллис, подумала. Лорд Икенхем удовлетворенно кивнул.

— Так я и знал, любовь не угасла! Угасла?

— Нет.

— Стоит ему мигнуть, и ты пойдешь за ним на край света?

— Да.

— Ну, ничего, он сам туда не пойдет. Что ж, моя дорогая, превосходно! Если ты чувствуешь именно так, скоро все уладится. Я не был уверен в тебе, про него-то я знал. Просто надоело — закроет лицо руками и стонет: «Барби, Барби!»…

— Он называл меня «Бэби».

— Кто, *Бифштекс!*

— Да.

— Ты не спутала?

— Нет.

— Что ж, тебе виднее. Значит, он стонет «Бэби, Бэби…». Не в том дело, главное — стонет. Словом, все в порядке.

— Да?

— Да. Вас очень легко помирить.

— А по-моему — трудно.

— В чем же трудность?

— В том, мой дорогой, что он твердо решил жить вместе с Фиби.

— Он хочет, чтобы она жила с вами?

— Вот именно. Есть в нем какая-то мелочность, вечно он экономит… Наверное, в молодости привык, ему ведь приходилось нелегко, пока он не набрал силу. Я сказала, чтобы он давал Фиби по две тысячи в год, пусть снимает квартиру в Кенсингтоне или виллу в Борнмуте, а он — ни в какую. Слово за слово… Ты теряешь терпение?

— Практически — нет. Я человек покладистый.

— Завидую. Если меня довести, я царапаюсь и кусаюсь. Как затвердил: «Будем разумны», или там «Ты пойми, я не миллионер» — ну, не могу! Назвала его надутым чучелом… Да? Почему теперь ты горько фыркаешь?

— Ты выбрала неудачные слова. Где мрак, где горечь? Я мирно

веселюсь. Так это, знаешь, мелодично и заразительно хихикаю. Смешно, когда люди фантазируют, как сказал бы Альберт Пизмарч, — и зря.

— Зря?

— Конечно.

— Твоими бы устами… А кто такой Пизмарч?

— Мой близкий друг. Рассказать о нем все — приключения на суше и на море, любимое блюдо, перспективы — сейчас не могу, слишком долго. К данному случаю относится лишь то, что он женится на Фиби.

— Что!

— Да, да, женится. По-видимому, ты хочешь вскричать: «Чтоб меня ангелы драли!»? Именно это восклицает он под воздействием сильных чувств.

— Женится на *Фиби!*

— А что такого?

— Ну, не всякий решится. Кто этот скромный герой?

— Дворецкий Бифштекса. Конечно, теперь — бывший.

— Фиби выходит за *дворецкого!*

— Должен же кто-нибудь, а то они вымрут. Берт намного лучше покойного Алджернона. Да? Ты что-то сказала?

— Я попросила у тебя платок.

— Простудилась?

— Нет, я плачу. Плачу от радости. О, Фредди!

— Я знал, что ты обрадуешься.

— Обрадуюсь! Да это решает все.

— Если Икенхем приложит руку, решается любая проблема.

— Неужели приложил?

— Ну, я сказал Фиби, что он ее боготворит…

— Фредди, я тебя поцелую!

[Приходит Сэксби-старший, рассказывает про аукцион. Барбара не все поняла, и граф рассказывает ей историю с книгой.]

— Я знал, что тебя это потрясет, — закончил он. — Падаешь в обморок?

— Нет, не падаю, но охать — охаю.

— Или крякаешь.

— Только подумать, Пупс написал эту книгу! Я и не подозревала, что в нем…

— Прости, ты ослышалась. «Время пить» написал Раймонд Бастабл.

— Вот именно, Пупс. Я его так называла.

— Его?

— Да.

— Какая мерзость! А он тебя — Бэби?

— Да.

— Нет, какая гадость! Поистине, чужая душа… Что ж, скоро снова его назовешь этим отвратительным именем. Если, конечно, твоя любовь выдержала удар.

— О чем ты говоришь?

— Многие шарахаются от «Коктейлей». Епископ, Фиби, пятьдесят семь издательств… Тебя не ужасает, что он это написал?

— Ни в коей мере. Я еще больше люблю Бифштекса, как ты его называешь.

— Все лучше, чем Пупс.

— А следующая будет еще сильнее.

— Ты думаешь, он напишет и другую?

— Конечно. Я уж об этом позабочусь. Пусть уходит из суда — там вредно служить — и пишет, пишет. Жить будем здесь, а не в городе. Ты бывал в Олд Бейли?

— Бывал раза два.

— Не воздух, а грязный студень. Им можно травить мышей. А в деревне он будет играть в гольф, похудеет. Его ведь страшно разнесло.

— Да, стройным не назовешь.

— Ничего, исправим. Знаешь, когда я его увидела? В десять лет. Дядя повел меня на матч Оксфорд — Кембридж и познакомил нас. Он дал мне автограф, я — влюбилась. Одно слово, греческий бог!

— Ты вернешь его в это состояние?

— Ну, не совсем, но что-то сделаю. А сейчас пойду, искупаюсь. Как тут снимают комнату? Надо зайти к твоему крестнику?

— Он в Лондоне. Зайди к его няне. Я тоже пойду, она дама серьезная.

[Приезжает Джонни, помирившийся с Белочкой. Сэксби, между делом, говорит сэру Раймонду: «Я только что сказал Барбаре Кроу…»]

Трубка, рассыпая искры, выпала у баронета изо рта. Сэксби покачал головой.

— Вот так и начинаются пожары.

— Барбаре Кроу?

— Хотя бойскауты используют для этого две палочки. Никогда не мог понять, в чем тут дело. Ну, хорошо, трешь палочку о…

— Она *здесь!*

— Была здесь, когда я шел купаться. Очень хорошо выглядит.

Пока сэр Раймонд поднимал трубку, странные чувства ворочались в

его душе: одно — вроде восторга, другое — вроде нежности. Барбара могла приехать только к нему, больше никого она тут не знает. Значит, это — попытка примирения, так называемый первый шаг. Вспомнив, как она горда, сэр Раймонд растрогался вконец. Старая любовь, до поры до времени как бы запертая в погреб, вышла оттуда совсем как новенькая, и мир стал прекрасен, хотя в нем жили Гордон Карлайл и Космо Уиздом.

Умиляясь все больше, он думал о том, что был не прав. Действительно, кто захочет жить вместе с Фиби? Вообще лучше жить одним, а уж тем более — не с ней. Немного поколебавшись, он решил платить по две тысячи, только бы Барбара согласилась вить семейное гнездышко.

Когда он принял это похвальное решение, появился лорд Икенхем.

[Сэксби уходит. Икенхем, хотя и не сразу, сообщает, что приехала Барбара.]

— Знаю.

— Знаешь?

— Сэксби сказал.

— Что ж ты думаешь делать?

— Жениться на ней, если она меня примет.

— Примет, как не принять! Только упомянешь о тебе — закрывает лицо руками и стонет: «Пупс! Пупс!».

— Нет, правда?

— Еще бы!

— Понимаешь, она не хотела, чтобы Фиби жила с нами.

— Понимаю.

— Сейчас и я понял. Бог с ними, с двумя тысячами. Пусть снимет квартиру.

— Здраво и великодушно.

— А может, полторы?

Лорд Икенхем немного подумал.

— Видишь ли, — сказал он, — Фиби сама выходит замуж. Сэр Раймонд чуть не подпрыгнул.

— Кто, Фиби?

— Да.

— Моя сестра Фиби?

— И не то бывает.

[Прикинув, стоит ли сразу сказать, за кого она выходит, лорд Икенхем решает пока не говорить и меняет тему.]

— Только знай, Бифштекс, когда вы поженитесь, ты сядешь за новую

книгу.

— Что?!

— Да, да, сядешь и напишешь.

— Я не могу.

— Ничего, придется. Ты недооцениваешь волю и силу литературных агентов. Женился на них — все, пиши. Иначе не отстанут.

Сэр Раймонд был потрясен.

— Да не могу я! Я чуть не умер, пока писал «Коктейли». Ты не представляешь, какая это каторга. Писателям что, они привыкли, а я… нет, не могу.

Лорд Икенхем кивнул.

— Что ж, не можешь — так не можешь. Выход есть. Ты слышал о Дюма?

— О ком?

— Об Александре Дюма. «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо».

— А, Дюма! Конечно, конечно. Кто его не читал!

— Вот тут ты и ошибаешься. Читаем мы не его, а тех прилежных молодых людей, которых он нанял. Он — совершенно как ты: денег — хочет, писать — не любит Значит: грубую работу он препоручил другим.

— Ты думаешь, я кого-нибудь найду?

— Конечно. Например, моего крестника.

— Ой, правда! Он ведь писатель?

— Да, книжки пишет.

— А согласится он?

— С превеликой радостью. Как и Александру Дюма, ему нужны деньги. Будете делить пополам. Как, идет?

— Конечно. Да, да. Это разумно.

— Естественно, надо дать что-то вперед. Это называется «аванс». Пятьсот фунтов — очень удачная сумма. Садись за стол, Бифштекс, выписывай чек.

— Пятьсот фунтов?

— Аванс, под будущие доходы.

— Черта с два я их дам!

— Что ж, и я тебе не дам письмо юного Космо. Да, забыл сказать, я его извлек из горки. Оно тут, в кармане.

Лорд Икенхем предъявил письмо.

— Но если, — прибавил он, заметив, что сэр Раймонд как-то странно ерзает, словно готовится к прыжку, — если ты надеешься его вырвать, учти, что я худо-бедно знаком с джиу-джитсу и свяжу тебя в узел, век не

развяжешься. Пятьсот фунтов, Бифштекс, на имя Джонатана Твистлтона Пирса.

Молчали они ровно столько времени, сколько требуется, чтобы медленно сказать «Джонатан Твистлтон Пирс» десять раз кряду. Потом сэр Раймонд поднялся. Вид у него был тот, который в толковом словаре определили бы словами: «угнетен», «подавлен» или «ни к собакам (разг.)»; но заговорил он ясным, твердым голосом: — Пирс или Пирз?

Тени удлинялись, когда граф пошел через парк, к другому дому, неся Белинде, Джонни, няне и ее констеблю звон свадебных колоколов, — если, конечно, кто-нибудь из них не решит записаться в регистратуре. Стояла погода, которая бывает английским летом от трех до пяти раз. Озеро алело в лучах заходящего солнца, небо светилось зеленью, золотом и пурпуром, а птица, вероятно, знакомая старшему Сэксби, пела свою вечернюю песню, прежде чем отойти ко сну.

Словом, было так тихо, так мирно и красиво, что граф затосковал по Лондону.

Конечно, сельская жизнь хороша — но скучновата, что ли, ничего не случается… Чтобы поднять дух, нужно побывать с хорошим человеком в каком-нибудь злачном месте нашей столицы.

Мартышка? О, нет! Его теперь не вытащишь из дома, пропал, совсем пропал, солидный такой, приличный. Вспомнив о временах, когда можно было вызвать племянника, и тот являлся, как миленький, лорд Икенхем опечалился.

Но не надолго. Он вспомнил, что в записной книжке есть адрес Альберта Пизмарча.

Что может быть лучше, чем отправиться в Далидж, на Мейфкинг-роуд, издать клич белой совы, вызывая старого друга, а когда тот выйдет, надев свой котелок, погрузиться вместе с ним в ночную лондонскую жизнь, у которой много даров для скромных сельских жителей?

Галахад в Бландинге

Глава 1

1

Из двух молодых людей, разделявших камеру полицейского участка, Типтон Плимсол очнулся первым, хотя и рывками, не сразу. Другой, Уилфрид Олсоп, хрупкостью, да и лицом напоминающий небезызвестного Шелли, еще спал.

Когда жизнь вернулась к нему, Типтон сжал голову руками, чтобы не взорвалась. Чего бы он только не отдал за кусок льда, приложить ко лбу! Но утешала и мысль о том, что невеста, единственная дочь полковника и леди Гермионы Уэдж — на Ретланд-гейт (Лондон, Ю-З, 7), за три тысячи миль, и потому — не узнает о вчерашних похождениях. Он попытался вспомнить их и понять, что же именно привело к беде; и постепенно они сложились в довольно ясную картину.

Гринвич-вилледж, вечеринка в мастерской, скульпторы, драматурги (естественно — авангардисты) и прочая фауна, кутящая, как и положено богеме. В этот самый день на бирже случился крах, словом — что-то такое, что время от времени портит биржам жизнь, но местных жителей он не коснулся, ибо здесь царил интеллект, а не капитал. Безразличные к вести о том, что Объединенные Сыры упали на двадцать пунктов, а Гамбургеры — на 15, артистические души, не отличавшие сертификата от поздравительной открытки, веселились вовсю, равно как и Типтон. Недавнее наследство было вложено в прославленные магазины, которые падали на один пункт, ну — на два, при любых землетрясениях.

В углу мастерской, за пианино, сидел исключительно хрупкий субъект, игравший просто зверски. Типтон выразил восхищение. Пианист сказал: «Спасибо вам большое!», выдав тем самым свою английскую сущность. Как вас зовут? А вас? Пианист удивился: «Плимсол? Уж не Типтон ли?». — «Он самый». — «Это за вас выходит Ви?». — «За меня. Вы с ней знакомы?». — «Да, она моя кузина!». — «Кто?». — «Кузина». — «Значит, вы ее *двоюродный брат?»*. — «Вот именно». — «Ну, знаете! Тут нужно выпить».

Так это началось. Вскоре выяснилось, что Уилфрид Олсоп горюет, а если горюет друг, что там — родственник, чувствительные люди делают буквально все, чтобы его утешить. Виски лилось рекой, заветы детства —

забыли и оказались в полицейском участке.

Продержав голову с четверть часа и убедившись, что она не взорвется, Типтон услышал тихий стон, а обернувшись, увидел, что новый друг уже сидит, хотя лицо его бледно, взор — туманен, волосы — всклокочены. Словом, выглядел он, как Шелли после попойки с Байроном.

— Где я? — пролепетал он. — В тюрьме?

— Мы бы сказали «в каталажке», но суть одна. Как живется?

— Кому?

— Тебе.

— А, мне! Я умираю.

— Ну, что ты!

— Умираю, — повторил Уилфрид не без раздражения; в конце концов, кому же и знать, умирает он или нет! — Обещай мне одну вещь. Если ты женишься на Ви, ты бывал в Бландингском замке?

— Конечно. Там я с ней и познакомился.

— Ты не видел такую Монику Симмонс?

— Что-то не помню. А кто она?

— Ухаживает за Императрицей. Это дядина свинья.

— А, да! Он водил меня к свинарнику. Видел, видел. Похожа на боксера.

Уилфрид обиделся. Вчера он привязался к Типтону всей душой, но даже лучшему другу нельзя так кощунствовать.

— Да? — сухо удивился он. — По-моему, она похожа на северную богиню. Я полюбил ее с первого взгляда.

Припомнив мисс Симмонс в штанах и спецовке, Типтон очень удивился, но чувства свои скрыл.

— Девица высший сорт, — сказал он. — А ты ей признался?

— Ну, что ты! Я не решаюсь. Она такая царственная, а я — какой-то сморчок.

— Не то, чтоб совсем, но, конечно, бывают мужчины покрепче.

— Я на нее смотрю и беседую о погоде.

— Толку мало.

— Да, надежд у меня нет. Но вот что, когда я уйду, передай ей мой портсигар. Больше мне нечего ей оставить. Могу я на тебя положиться?

— Да не уйдешь ты никуда!

— Уйду, — упрямо повторил Уилфрид. — Запомни, портсигар. Монике Симмонс.

— Она что, курит?

— Конечно.

— Наверное, пускает кольца свинье в нос… Уилфрид окаменел.

— Не шути этим, Плимсол. Казалось бы, такая малая услуга! Могу я на тебя положиться?

— А то! Передам, передам.

— И скажи, что я умер с ее именем на устах.

— Ладно.

— Спасибо тебе большое, — выговорил Уилфрид, прежде чем заснуть.

2

Оставшись один, Типтон совсем опечалился. Он был общителен и любил беседу. Обмениваясь мнениями с Уилфридом, он видел, что за решеткой ходит взад-вперед полицейский. Полицейский не идеальный собеседник, поскольку он склонен к односложности, да и то сквозь зубы, но все-таки кое-что.

Подойдя к решетке, как редкий зверь в зоопарке, он хрипло произнес:

— Эй!

Полицейский был долговяз. Руки торчали из рукавов, отливая цветом герани, лицо украшали шишки, шея превышала длиной образцы, принятые для конкурсов. Однако за всем этим таилось золотое сердце. Мошенников, воров, хулиганов наш полицейский презирал, к злодеям же этого типа относился с терпимостью, а потому ответил не резким «Заткнись», а вполне приветливым «Да?», после чего подошел к решетке, где и повел беседу, словно современный Пирам с современной Тисбой.

— Ну, как? — осведомился он.

Типтон отвечал, что у него болит голова, на что полицейский заметил:

— А кто надрался?

— Да, вроде бы выпил.

— Ну! Ребята говорят, втроем тащили.

Голос его выдавал скорее восторг, чем укоризну, но Тип-тон все же стал оправдываться.

— Вообще я не часто пью, — сообщил он. — Раньше было, ничего не скажешь, а решил жениться — все. Но это случай особый. Утешал друга.

— Худо ему?

— Хуже некуда. Представляете, музыкант, замечательный пианист, и сам сочиняет. Приехал из Англии, думал — концерты или в оркестр возьмут, но тут кончились деньги. Послал домой телеграмму…

— А они не шлют?

— Нет, послали, на обратную дорогу. Послезавтра уезжает. Его тетя Гермиона сказала, хватит глупостей, поступай на работу. Мало того, работу она нашла. Знаете, какую? Учитель в женской школе! Но и этого мало. Директорша не пьет сама и не разрешает другим. Бедный Уилли сможет выпить только на каникулах.

— Вообще-то ему надолго хватит.

— Не смейтесь, мой друг, не шутите. Перед вами — трагедия. Помню, в Лондоне, в клубе «Трутни» один человек рассказывал, что ему пришлось говорить речь в женской школе. С тех пор он дрожит, как листик. Завидит соломенную шляпу или там косички — и трясется. А уж учить девиц — чистое наказание, особенно музыке. Они будут шептаться. Они будут хихикать, что там — подталкивать друг друга. Могут бросать шарики из жеваной бумаги, И никакого утешения, нечем себя подбодрить, кроме лимонада или пепси. Вижу, вы зеваете. Я вас не задерживаю?

Полицейский сказал, что нет, он все равно на дежурстве, а поболтать приятно, время бежит быстрей.

— Это хорошо, — успокоился Типтон. — Нелегко тут торчать всю ночь. Да и вообще, полицейская служба не подарок.

— Ну!

— Однако есть и выгоды.

— Какие это?

— Видишь интересных людей, бандитов там, наркоманов, сексуальных маньяков. Можно сказать, широкий спектр, от бродяги до миллионера.

— Миллионеров у нас нету.

— Вот как?

— Ни одного не видел.

— Что ж, сейчас — видите. Просим. Полицейский удивился.

— Это кто, вы?

— Я.

— Без шуток?

— Какие шутки! Магазины Типтона знаете?

— Ну! Жена туда ходит.

— Вот и скажите ей, что сегодня ночью сторожили их владельца. Их основал мой дядя Чет. Недавно он умер, я — наследник. Купаюсь в золоте!

— Чего ж вы штраф не заплатите?

— Штраф?!

— Десятку. Я б на вашем месте заплатил.

Типтон засмеялся тем горьким смехом, каким засмеется жаба, если прохожий спросит, почему бы ей не выбраться из-под бороны.

— Очень может быть, — сказал он. — Я бы и сам заплатил, да нечем. Нет, это не биржа. Может, я и дурак, но не такой дурак, чтоб играть. Просто нет денег, кто-то спер на этой вечеринке. У меня магазины. У меня ранчо. У меня дом на Парк Авеню. У меня музыкальное издательство. А десяти долларов нет. Ирония судьбы.

Полицейский не видел в этом причины для отчаяния.

— А друзья-то есть?

— Куча.

— Вот им и позвоните. Типтон удивился.

— Тут разрешают звонить?

— Один раз.

— Такой закон?

— Ну!

— Тогда… Проснулся, Уилли?

Уилфрид Олсоп встал, застонал, поморгал, подрожал немного и присоединился к обществу. Вроде бы он стал получше. На труп, полежавший в воде, он походил, но не на печальный, а на довольно резвый.

— Знаешь, Типпи, — сказал он, — мне полегче. Наверное, не умру.

— Молодец.

— Не то чтобы легко, но полегче. Так что портсигар не передавай. А с кем ты разговариваешь? С полицейским?

— Вот именно.

— Думаешь, поможет бежать?

— Он говорит, эти звери нас отпустят, если мы заплатим по десять долларов.

— Давай заплатим.

— Откуда мы их возьмем? У тебя есть деньги?

— Нет.

— И у меня нет, кто-то спер. Но мистер… э, кх…

— Гарроуэй.

— Мистер Гарроуэй советует позвонить другу.

— Давай звони.

Типтон покачал головой и глухо застонал. Иногда, покачав головой, мы ощущаем, что нами занялась Иаиль, жена Хеверова.

— Не так все просто. Можно звонить только один раз.

— Ну и что?

— Видимо, ты не прочухался. Вы меня поняли, мистер Гарроуэй?

— Ну! Не дозвонишься — и все, сиди.

— Вот именно. Сейчас август, люди отдыхают, кто где. Вернутся не очень скоро. Просто не знаю… да не лай ты!

— Прости. Я вспомнил о дяде Кларенсе. Типтон заметил, что это очень трогательно

— Нет, он здесь, в Нью-Йорке. В отеле «Плаца». Приехал на свадьбу тети Констанс. Она выходит за такого Скунмейкера.

— И верно! — обрадовался Типтон. — Я видел в газетах. Он точно в «Плаце»?

— Точно. Тетя Гермиона пишет, чтобы я к нему зашел.

— А можно его будить в такое время?

— Конечно, ведь дело срочное. Ты ему объясни, как это важно, он не сразу поймет. Сам знаешь, какой он осел.

Действительно, девятый граф Эмсвортский, мечтательный и кроткий пэр, не принадлежал к числу блестящих умов. Сам образ жизни предрасполагал его к медлительности разума. Когда он не был в Америке, на свадьбе у сестер, он бродил по своим угодьям, размышляя о премированной свинье. Зайдя в замок, он оседал в библиотеке, читая книги о свиньях, чаще всего — монументальный труд Огастеса Уиппла (издательство «Попгуд и Грули», 39 шиллингов)

Типтон немного поостыл. Словно Гамлет, он предался колебаниям, задумчиво кусая губу.

— А вдруг он ушел в гости?

— Будет такой старый хрыч ходить ночью по гостям!

— Кто его знает..

— Дядя Галахад — пожалуйста, а дядя Кларенс…

— Не скажи. У нас в Нью-Йорке самые чинные британцы срывались Видимо, воздух. Что б вы посоветовали, мистер Гарроуэй?

Полицейский сжал рукой подбородок, напоминающий хороший таран, потом — почесал, производя довольно громкий скрежет.

— Значит, так. Хотите проверить, есть он или нету?

— Вот именно.

— Давайте я позвоню. Ответит — есть, вешаю трубку, а вы опять набираете.

Типтон смотрел на него с почтением. Даниил, иначе не скажешь, думал он. Если таков умственный уровень полицейских, вполне понятно, почему их так ценят.

— Спасибо, — сказал он, — вы просто мудрец какой-то. Передайте жене, чтобы сослалась на меня, ей все предоставят, от самого лучшего

масла до бульона с вермишелью.

— Спасибо и вам, сэр. Она просто лопнет от радости. Значит, «Плаца», мистер Кларенс?

— Эмсворт.

— Простите, спутал.

И еще «лорд». Он граф. Ух, из этих?! Ладно, иду.

3

Полицейский поспешно вышел; Типтон зачарованно глядел ему вслед.

— Нет, какую чушь говорят! — возмутился он. — Жестокое обращение! Если уж это им жестоко… В жизни не видел такого хорошего человека.

— Именно, именно.

— Как там? Млеко незлобивости…

— Золотые слова.

— Очень может быть, что он — из скаутов.

— Вполне вероятно.

— Вот и суди по внешности. Что он, виноват?

— Ни в коей мере.

— В конце концов, что такое красота?

— Сердце, вот что главное.

— Именно, именно.

— А у него оно — во-от такое. Прямо стадион. А, Гарроуэй! Ну, как там?

— Он дома.

— Ура, ура, ура! Нет, мало — ура-а-а! Какой он?

— Вроде бы спал.

— Нет, в каком настроении? Не сердится? Можно к нему лезть?

— Ну!

— Тогда — к телефону!

Голова еще не унялась, но сердце пело от радости. Он не знал, что его поступки породят печаль и тревогу, особенно — у четы Уэджей; он не был прозорливым.

Глава 2

1

Замок, о котором мы упоминали в первой главе, расположен в графстве Шропшир, на южных откосах Бландингской долины. Возник он в середине XV века, когда английские лорды не знали, в какой день и час кто-нибудь начнет осаду, а потому укрепляли, как могли, свои семейные гнезда. Серый, тяжелый, величавый, со множеством бойниц и башен, замок ласкал глаз. Типтон Плимсол, не очень склонный к поэзии, и тот впал в лирику, завидев его, и воскликнул «Однако!». Журналы публикуют фотографии замка, парка, сада, тисовой аллеи и прочих достопримечательностей. Иногда в объектив попадает и Кларенс, девятый граф Эмсвортский, похожий на представителя слабоумной семьи, поскольку он небрежен в одежде, а перед камерой открывает рот.

Через несколько дней после того, как Типтон Плимсол и Уилфрид Олсоп угодили в лапы закона, красоту старого замка усугубила весомая прелесть Биджа. Дворецкий стоял у парадного входа, глядя на груженный багажом автомобиль и поджидая хозяев. Высокородный Галахад и его племянница Вероника ехали в Лондон, встречать графа.

Как многие его коллеги, Себастьян Бидж был корпулентен. Юлий Цезарь, любивший окружать себя толстыми людьми, его бы приметил. Никто бы не подумал, что лет сорок назад он выиграл велосипедные гонки, а на этой самой неделе обошел в метании дротиков таких мастеров, как Робинсон-младший, владевший местным такси, и аптекарь Булстрод.

2

Вскоре по ступенькам спустился юркий, проворный человек лет пятидесяти с лишним — Галахад Трипвуд, недооцененный сестрами, высоко ценимый всем сообществом слуг.

Из семейства, возглавляемого графом, прославился только он. Да, граф получил первую премию за тыкву, а его свинья Императрица побеждала три года подряд; но нельзя сказать, что сам он играл особую роль в общественной жизни. Другое дело — Галли. Сейчас он в той, в иной

ли мере был, скажем так, в отставке, но еще недавно блистал и сверкал на лондонском небосклоне. Мир сцены, бегов и ресторанов по праву гордился им. Букмекеры, мошенники, продавцы рыбного студня затруднились бы сказать вам, кто такой Эйнштейн, но Галахада знали прекрасно.

С Биджем он поздоровался в высшей степени сердечно. Они понимали и почитали друг друга с нежного возраста, лет с сорока.

— Привет, Бидж. Какое утро!

— Превосходное, сэр.

Галли остро взглянул на него. Нижний подбородок подрагивал, лицо налилось лиловой краской.

— В чем дело? — осведомился он. — Вы чуть не плачете. Дворецкий скрыл бы свою печаль от кого угодно, кроме

Галли. Горничные, самые мелкие букмекеры — все изливали ему душу, искали поддержки.

— Меня тяжко оскорбили, мистер Галахад.

— Да? Кто же посмел или, точнее, осмелился?

— Такой молодой, а говорит такие слова…

— Неужели Уилфрид?

— Нет, что вы, сэр! Мистер Хаксли.

— А, вон что! Пренеприятное созданье. Хотя мать с ним носится… Поистине, о вкусах не спорят. Что же он сказал?

— Ему неприятна моя внешность, сэр.

— Видимо, очень разборчив.

— Вероятно, сэр. Он сравнил меня с Императрицей. По его мнению, я толще.

Галли не улыбнулся.

— Мало ли что он скажет! Дразнится, и все. Надеюсь, вы окатили его презрением.

— Боюсь, я чуть не дал ему в ухо, мистер Галахад.

— Принесло бы большую пользу, но матери бы — не понравилось. А вообще, плюньте вы на него. Спору нет, вы солидны. Если бы вас выудили из Темзы, газеты бы написали: «… упитанный мужчина средних лет», но что с того? Я вам скорее завидую. Интересно, почему все стыдятся полноты?.. Вот, послушайте. Говорил я вам про Чета Типтона?

— Не припомню, сэр.

— Дядя нашего Типпи. Мы приняли его в «Пеликан». А надо сказать, он был неимоверно толст и решил купить такой пояс, резиновый набрюшник. Затянулся, еле дышит, собирается в клуб, но тут пришел приятель. Поболтали, то-се, и этот Джордж, Джек или Джимми говорит:

«Пухнешь и пухнешь! Знаешь что, Чет, купи-ка ты пояс». Теперь он умер, мало осталось пеликанов… Багаж в машине?

— Да, мистер Галахад.

— Что ж, едем. Я хочу покормить Кларенса там, в городе. Который час?

Бидж вынул серебряные часы, которыми его наградили за победу на давешнем турнире. Он очень любил их и не мог взглянуть на них без восторга.

— Ровно десять, мистер Галахад.

— Поторопите-ка эту Ви. А, вот и она! Нет, Сэнди.

Девушка, спускавшаяся по ступенькам, была исключительно приятна на вид. Стан ее был строен, носик — выше всякой критики, волосы отливали тем рыжим блеском, который так нравился Тициану. Но для ценителя красоты все это несколько портили очки в роговой оправе, прикрывавшие пол-лица; и Галли гадал, почему она их надела. Прошлый раз их не было, хотя она могла просто спрятать их в сумочку.

— Привет, Сэнди, — сказал он.

Они были старые друзья, еще с тех пор, когда Александра Каллендер служила у покойного Типтона. Именно он, Галахад, пригласил ее секретарем к отсутствующему брату, надеясь, что тот об этом не узнает. Кларенс, граф Эмсвортский, недолюбливал секретарей.

— Какая-то вы пыльная, — заметил он. — Катались в пыли?

— Убирала у лорда Эмсворта.

— Бедняга!

— Я?

— Он. Не любит, когда убирают.

— Там же страшный беспорядок.

— А вот его он любит. Так уютней. Вижу, вы потрудились. Поневоле вспомнишь шапку из какой-то газеты. Праведный Труд Разгребает Груды Грязи. Дело ваше, вы вроде не жалуетесь.

— Ну, конечно! Мне очень хорошо. Галли, можно, я вам дам посылочку? Вы ее только отправьте.

— С удовольствием.

— Спасибо, — отвечала Сэнди и вернулась в дом. Галли задумчиво смотрел ей вслед, думая о том, что, судя по манере, ей не так уж хорошо. Это ему не нравилось.

При Чете Типтоне она всегда была рада посмеяться, а Бландингский замок явно вогнал ее в уныние. Видимо, что-то ее мучает. Он посмотрел на посылку. Там стоял адрес: *«Лондон, 3–1 Хэлси-корт, Хэлси-чэмберс, кв. 4.*

С. Дж. Бэгшоту».

— Странно, — заметил он. — Фамилия редкая. Неужели она как-то связана с моим другом Хоботом? Вы помните Хобота, Бидж?

— К сожалению, нет, мистер Галахад. Он не гостил у нас в замке.

— И то верно. Мы с ним виделись в Лондоне и в его усадьбе, недалеко от Пентворта. Занимательная личность. Каждый год страховал свою жизнь на сто фунтов, а когда врачи его осмотрят, говорил, что передумал. Бесплатная медицинская помощь.

— Очень умно, мистер Галахад.

— А то как же? Один из лучших умов «Пеликана». Может быть, это его сын? У него был, помню, Сэмюэл Галахад. Интересно, почему это Сэнди посылает ему бандероли? Подозрительно! На ощупь…

Он рассуждал бы и дальше, но его прервали. На верхней ступеньке появилось волшебное видение — белокурая девушка такой красоты, что самый толстокожий матрос присвистнул бы. Природа одарила Веронику ровно тем количеством разума, какое уместится в пузырьке, но в остальном — не поскупилась, и мы не удивимся, что Типтон Плимсол говорил о ней с дрожью в голосе.

С нею была ее мать, леди Гермиона, из-за которой не свистнул бы и Дон Жуан. Только эта сестра лорда Эмсворта не поражала величавой красой. В хорошем настроении она походила на кухарку, довольную последним суфле, в плохом — на кухарку, заявляющую об уходе, и в том, и в другом — на кухарку с характером. Полковник Уэдж, ее муж, равно как и дочь, Вероника, беспрекословно ей подчинялись.

Заметив бандероль, она спросила:

— Что это у тебя, Галахад?

— Таинственная посылка, Сэнди просит отправить. Когда она только успевает что-то паковать? Разгребала завалы в кабинете. Бедный Кларенс!

— В каком смысле?

— Ты же знаешь, он не любит прилежных секретарей. Они его мучают. Не дают уклониться от ответственности.

— Мам-ма, — спросила Вероника, — что такое «уклониться»?

Обычно леди Гермиона с терпением отвечала на такие вопросы, но сейчас — не ответила. Зато сказала:

— И прекрасно. Должен кто-то напомнить! Сам по себе он даже на письма не ответит.

Перед Галли сверкнул ослепительный свет.

— Простите, я сейчас, — сказал он и побежал в дом. Сестра смотрела на него, поджав губы. Меньше всего он нравился ей, когда скакал, как

горошина на раскаленном совке.

3

Сэнди была в кабинете. Когда ворвался Галли, она удивленно подняла голову.

— Ну, что, — сказал он, — отсылаете письма?

Она так удивилась, что перестала выпутывать из волос какой-то счет.

— Не понимаю!

— Ладно, ладно, меня не проведешь. Я все знаю. Поправьте, если что не так. Вы собирались выйти замуж за С. Г. Бэгшота и, естественно, души в нем не чаяли. Потом вы о чем-то поспорили — и расстались. Вот твое кольцо, сказали вы, вот духи — а теперь и письма. Правильно?

— Более или менее.

— Значит, отослать?

— Да.

— Все кончено?

— Да.

— Что ж он такое сделал? Откуда вы знаете, что та девушка не его любимая тетя?

— Дело не в девушке.

— Так в чем же? Наступил на ногу? Потерял зонтик? Осудил прическу?

— Простите, Галли, я занята.

— То есть, не лезьте. Хорошо, не буду. Разберусь сам. «С» — это Сэмюэл?

— Да.

— Прекрасно. Зайду к нему, передам пакет из рук в руки. Узнаю факты, и чтоб мне треснуть, если не склею разбитые сердца. Видеть их не могу, — прибавил Галли. — С самого детства.

Глава 3

1

Хотя Хэлси-корт находится в центре и обозначен буквой З,[101] цифрой 1, его нельзя назвать фешенебельным. Собственно говоря, это грязный, темный тупичок, где на вкус высшего света слишком много бродячих кошек, банановых шкурок и рваных газет. Герцоги его избегают, маркизы — тем паче, графы и виконты не станут здесь жить, даже если им приплатят. Расположены тут какие-то конторы и дом с квартирами, Хэлси-чэмберс, где обитают небогатые, но молодые люди. Когда-то в их числе был Джеф Миллер, писавший страшные романы, потом — Джерри Шусмит, издававший газету «Светские сплетни», а с тех пор, как они женились, словесность представлял Сэмюэл Галахад Бэгшот.

Рассказывая о себе любопытствующим бюрократам, он назывался присяжным поверенным, но есть три раза в день и платить за квартиру ему помогала пишущая машинка. Писал он блестящие статьи о рыбной ловле, здоровой жизни, великой любви и современной девушке, а также рецензии, интервью, путеводители по местам, связанным с сестрами Бронте или героями Диккенса, рассказы для отсталых детей и взрослых с размягчением мозга. Когда Галли отбыл в Лондон, он трудился над детской повестью о котенке Пухи-Пух, которую надеялся продать в рождественский номер журнала «Мой малыш».

Поглядев на него, никто бы не подумал, что он пишет повести о Пухи-Пухах и даже о котятах, которых назвали как-нибудь поприличней. Чтобы поярче передать впечатление от его внешности, изысканный стилист, скажем — Постав Флобер, выбрал бы слова «Ну и здоров!», хотя, будучи французом, выразил их в виде «dur» или «согасе». Когда-то его прочили в команду регби, для международного матча, а любовь к боксу несколько сдвинула его нос и покорежила ухо. Если бы он лично, сам, водил вас по краям Диккенса или Бронте, вы бы остерегались попасть с ним на болотистую пустошь или в темную аллею — и зря, ибо за пределами ринга и футбольного поля он не уступал в милосердии и кротости самому Гарроуэю.

Когда он написал: «Пухи-Пух был большой проказник» и откинулся на спинку стула, гадая о том, что же делать после блестящего начала,

зазвонил звонок. Он открыл дверь. За нею стоял субтильный, но очень живой человек, пожелавший ему доброго утра.

— Здравствуйте, здравствуйте, — отвечал Сэм, не уступая ему в учтивости. Он подумал было, что принесли дело из суда, но тут же отмел эту мысль. Посыльные не носят моноклей и не улыбаются, да и вообще, вид у них похлипче, как-то позеленей. Прежде всего, его поразило, как хорошо выглядит немолодой гость. Это бывало со всеми, кто видел Галли. После той жизни, какую он прожил, он не имел ни малейшего права сверкать и блистать здоровьем — но сверкал и блистал. Былые собутыльники давно расползлись по больницам и курортам, тогда как он шел все выше и выше по ступеням попоек. Галахад Трипвуд открыл секрет вечной молодости: пей непрестанно; прерывай курение только тогда, когда щелкаешь зажигалкой; не ложись до трех часов ночи.

— Да? — сказал Сэм.

— Мистер Бэгшот?

— Да.

— А я Трипвуд.

— Да-а?

— Галахад Трипвуд.

Это имя сработало. Покойный Бэркли Бэгшот часто вспоминал друга. Рассказы о прошлом так или иначе касались блистательного Галли.

— Нет, правда? — обрадовался Сэм. — Отец о вас много говорил.

— Значит, вы сын Хобота! Собственно, я и не сомневался.

— Вы с ним очень дружили?

— Нет слов!

— Поэтому меня назвали Галахадом.

— Естественно! Прекрасная мысль… Сперва Хобот хотел, чтобы я был крестным, но потом поостерегся.

— Ну, спасибо, что заглянули. Как вы меня нашли?

— Сэнди Каллендер дала мне ваш адрес.

— Вы знаете Сэнди? — выговорил Сэм.

— Да, мы знакомы. Она служила в Нью-Йорке у моего приятеля, такой Чет Типтон. Он умер, она приехала в Лондон, искать работу. Моя сестра Гермиона как раз искала секретаря для моего брата Кларенса. В общем, ясно. Когда я утром покидал наш замок, Сэнди дала мне этот пакет. Имя и фамилия заинтересовали меня, я решил передать его сам, предполагая, что вы — сын моего друга Хобота. Не знаю, как оценил бы букмекер мои шансы, но я угадал, вы — его сын.

— А, вон что! Как… как там Сэнди?

— Физически — лучше некуда, духовно — не ай-я-яй. Грустит о чем-то, словно утратила любовь. Прав ли я, полагая, что в этом пакете — ваши письма?

Сэм угрюмо кивнул.

— Так я и думал. Точнее — знал.

Гость смотрел сквозь монокль с несомненным сочувствием. Сэм ему очень понравился, а долгие годы в «Пеликане», где вечно кто-нибудь мучался из-за кредитора, букмекера или женщины, научили его тому, как облегчает душу рассказ о своих бедах.

— Практически, — сказал он, — я мог держать вас на коленях или носить на руках. Надеюсь, вы не сочтете наглостью, если я спрошу, почему вы поссорились?

— Нет, что вы! Но это длинная история.

— Мне спешить некуда. Через какое-то время брат будет ждать меня у «Баррибо», но это — близко, за углом, да и подождет он охотно.

— Выпить не хотите?

— С удовольствием. Если есть, то виски.

— Только виски и есть.

— Превосходно. Я помешал вам работать?

— Вы мне помогли, я совсем запутался. Пишу, понимаете, про котенка, а что он делает — не знаю.

— Ловит свой хвост?

— Хорошо, а потом? Нужен сюжет, и покруче, чтобы пронять этих малюток.

— Конкретней. Умилить, рассмешить, напугать?

— Да что угодно. Я человек покладистый. «Мой малыш», видите ли!..

— Ничего в голову не приходит.

— Что ж, тогда — пейте, — гостеприимно сказал Сэм, ставя на столик стакан, сифон и бутылку.

2

Подкрепившись первым глотком, Галли закурил сигарету.

— «Мой малыш»… — сказал я. — Я знаю человека, который стоял во главе этого зверского журнала. Некий Монти Бодкин. Вы не встречались?

— Я его видел в клубе «Трутни».

— Как, вы — трутень?! Сэм горько усмехнулся.

— О, да! — отвечал он. — В том-то и дело, мистер Трипвуд.

— Просто Галли.
— Можно?
— Да. Все меня так называют. Значит, вы говорили…
— Про этот чертов клуб. Если бы не он, мы бы с Сэнди не поссорились.
— Она хочет, чтобы вы оттуда ушли?
— Нет. Давайте я начну сначала.
— Превосходная мысль.
Сэм подумал немного, смешал виски с содовой и начал.
— Прежде всего, я обругал ее очки.
— Простите?
— С этого началось. Она их носит?
— Да. Честное слово, жалко. Они ей не идут.
— Вот и я так сказал. Она в них похожа на чудище из космоса.
— Что же она ответила?
— Ну, то и се…
Галли поджал губы. Истинный рыцарь, букмекеров или кредиторов он мог назвать как угодно, но с женщинами был учтив. Когда одна финка (отчасти — итальянка) ткнула его шпилькой в ногу, манера его осталась мягкой, язык — сдержанным.
— Нельзя смеяться над физическим недостатком, — сказал он.
— Каким это?
— По-видимому, она близорука.
— Ничего подобного. В том-то и дело. Это простые стекла. Она их надела для лорда Эмсворта.
— То есть как?
— А так. Чтобы казаться старше.
— Ага, ага… Чет Типтон вообще-то не возражал, но она, вероятно, думала, что брат мой — строже. Это не так, но моя сестра Гермиона вряд ли одобрила бы секретаршу, которой на вид лет восемнадцать.
— Скорее, семнадцать.
— Да, вы правы. А вообще-то для меня теперь все девушки выглядят на семнадцать лет. Странно. То же самое будет с вами. Итак, она озверела?
— Ну, не обрадовалась.
— Рыжие вообще впечатлительны. Но такую размолвку очень легко исправить. Попросил прощения, поцеловал — и все, мир.
— Это еще не все.
— Что ж, расскажите остальное.
— Когда вы дружили с отцом, вы бывали у него в Сассексе?

— Сотни раз! Огромный дом, вроде казармы.

— Вот именно. А знаете, сколько стоит его содержать? В общем, я бы его продал.

— Вполне понятно.

— Тогда я стану совладельцем одного издательства. Судейских способностей у меня нет, а издательских — навалом.

— Дело прибыльное.

— Еще бы! Вот я и хочу в него войти.

Галли задумчиво попивал виски. Ему не хотелось огорчать молодого друга, но все же надо предупредить, что Англия кишит землевладельцами, которые тщетно пытаются продать усадьбу.

— Не так все легко, — сказал он. — Большие усадьбы не покупают.

— Ничего, Пуффи купит.

— Кто?

— Пуффи Проссер, из «Трутней». Он как раз женился, ему нужен дом под Лондоном.

— Что ж, это хорошо. Он богатый?

— Денежный мешок. Его папаша — пепсин[102] Проссера. Надеюсь разорить на двести тысяч, не меньше.

— Как сказал бы мой брат Кларенс, прекрасно, прекрасно, превосходно. Что вы так странно смотрите? Не превосходно? Почему?

— Он хочет, чтобы я сперва отремонтировал дом. Тот разваливается.

— Да, помню. Обшарпанный такой, как будто мыши погрызли. И крыша протекает, всюду ведра… Ремонт обойдется в копеечку.

— Примерно в семьсот фунтов. Я накопил двести.

— Занять не у кого?

— Нет. Но тут случилось это, в «Трутнях»…

— Не понимаю. Что там случилось?

— Поспорили, кто раньше женится. Видимо, на мысль навела женитьба Пуффи.

— Что ж, мысль — прекрасная. У нас в «Пеликане» это было, но мы спорили, кто первый умрет.

— Не очень приятная тема.

— Ах, чего там! В общем, мы все разгорелись. Фаворитом был Чарли Пембертон, под девяносто, со старым циррозом печени. Ваш отец его вытащил и был на седьмом небе. Но, как всегда, выиграла темная лошадка. Через два дня Желтобрюха Страглза переехал кэб. Но я отвлекся. Значит, устроили тотализатор?

— Я принял в нем участие.

— Конечно! Как же еще? А почем билеты?

— По десять фунтов.

— То есть шиллингов.

— Фунтов. Мы разошлись вовсю. А Сэнди рассердилась. Незадолго до того я проиграл на бегах десятку.

Галли кивнул.

— А, ясно! Вы проиграли опять, а она заметила: «Я же тебе говорила!».

— Нет, не проиграл. Фаворитов было всего два, Остин Фелпс, теннисист, ну, вы о нем читали, и такой американец, Плимсол. Он женится на Веронике Педж или там Кедж.

— Уэдж. Моя племянница. Вы знаете Типпи?

— Нет, мы не знакомы. Он вообще живет в Америке. Кажется, скоро приедет — и сразу свадьба.

— Правильно. В начале сентября, в замке. Все графство съедется.

— Да? Так вот, я вытащил Плимсола, а назавтра узнал, что Фелпс поссорился с невестой. Казалось бы, лучше некуда.

— Мне и кажется.

— Смотря в каком смысле. Деньги я получу, а Сэнди — потерял.

Галли покачал головой

— Не понимаю. Ей бы обнять вас, шепча: «Мой герой!»…

— Это еще не все

— Как, опять?

— Сейчас объясню.

— Что ж, объясняйте.

3

Сэм подлил себе виски. Вообще он почти не пил, но сейчас его тянуло выпить — то ли из-за любовных бед, то ли от того, что рядом был Галахад Трипвуд, располагавший к алкоголю. Отхлебнув как следует, он сказал:

— Она не могла простить, что я отказал синдикату. Галли заерзал в кресле. Сам он рассказывал блестяще и не терпел нечетких сообщений. Если новый, молодой друг, подумал он, не умеет лучше строить повесть, он никогда не угодит такому требовательному журналу, как «Мой малыш».

— Какой еще синдикат? — спросил он, меча огонь сквозь монокль. — Какие такие синдикаты?

— Понимаете, — ответил Сэм, внезапно обретя дар ясности, — мне

предложили продать билет за сто фунтов.

— Надеюсь, вы не сделали этой глупости?

— Конечно, нет.

— Молодец. А то я уж испугался.

Сэм испепелил неповинную муху, чистившую о сифон задние лапки.

— Надо было согласиться, — сухо возразил он. — Потому мы и поссорились. Сэнди считает, что лучше верная сотня, чем неизвестно что.

Галли умудренно кивнул.

— Да, у женщин нет спортивного духа. Помню, в детстве кто-то подарил мне десять шиллингов. Парикмахер, который меня стриг, убедил поставить их на достаточно слабую лошадь. Слышали бы вы, что поднялось! Женская часть семьи орала так, словно я банк ограбил. Кроме того, я не выиграл. Да, так что было дальше?

— Спорили мы, спорили, я устоял, а она — взорвалась.

— Цвет волос. Я часто думал, зачем мудрой природе создавать людей, которые просто вынуждены взрываться. Брюнетка или, скажем, светлая блондинка — совсем другое дело. Значит, отдала кольцо?

— Швырнула. Видите, ссадина на щеке?

— А теперь — письма. И все потому, что вы умнее, дальновиднее. Вот, вы спорили. Был в ее доводах хоть какой-нибудь смысл?

Сэм страдал, он обижался, но честности не утратил.

— Да, вообще-то был. Когда она служила у этого дяди, Типтон все время обручался. Видимо, его невесты какие-то взбалмошные.

— Но не Вероника.

— Почему?

— Потому что с тех пор дядя умер, оставив ему миллионы. Моя сестрица не допустит никаких фокусов. Что бы там раньше ни было, теперь все будет как надо.

— Это хорошо, но Сэнди я потерял.

— А вы уверены, что она — та самая, единственная?

— Уверен. Тут и спорить не о чем.

— Что ж, я вас понимаю. Прелестное созданье, а осторожность — это у них в крови. Да, вы друг другу подходите.

— Она с этим не согласна.

— Сейчас, временно. Поговорите с ней, убедите, и она образумится.

— Как я с ней поговорю? Я — здесь, она — в замке. Галли поднял брови, но монокль не выпал. Сила духа!

— Вы собираетесь тут сидеть?

— А что же мне остается?

— Где ваша храбрость, где дерзновение? Немедленно езжайте в Маркет Бландинг. Я не говорю «в замок», потому что не вправе туда приглашать. Там распоряжается моя сестра, а все мои сестры недолюбливают моих друзей. Итак, вы едете в Маркет Бландинг, останавливаетесь в «Гербе Эмсвортов» и ждете, затаившись. Сэнди часто ездит туда на велосипеде. Приедет — выскакиваете из засады, они это любят. Это им льстит. В вашем возрасте я только и делал, что кидался на девиц.

— А вдруг она не приедет?

— Тогда — День открытых дверей.

— Что это?

— В четверг на каждой неделе в замок пускают посетителей. Платите полкроны, и Бидж, дворецкий, все вам показывает — портретную галерею, янтарную комнату, башни всякие. Народу приезжает много, из ближних городков. Присоединитесь к толпе — и все, дело в шляпе.

Энтузиазм его заразил Сэма.

— И верно! — сказал тот. — Но как я встречу Сэнди?

— Я ее приведу.

— Куда?

— К стойлу Императрицы.

— К чему, к чему?

— К домику, где живет любимая свинья моего брата.

— А, ясно! Как я его найду?

— Всякий покажет. Одна из достопримечательностей. Значит, я вас жду.

— Приеду к вечеру.

— Вот это разговор! Позвоните мне сразу. А теперь — мне пора к «Баррибо», там сидит Кларенс.

4

Поскольку Сэнди Каллендер сообщила вечером по телефону, что Галли прибудет около часа, а было 12. 54, лорд Эмсворт удивился, завидев брата. Когда тот доехал до отеля, граф сидел в холле, напоминая мокрый носок, и совершенно ни о чем не думал. Кроткое лицо стало еще и растерянным, как всегда в Лондоне, который пугал и ошеломлял робкого пэра. В отличие от Галли, считавшего нашу столицу земным раем, он плохо ее переносил и буквально считал секунды, отделявшие его от

возвращения в замок. Словом, завидев брата, он удивился, а там — и встал, напоминая уже не носок, но разворачивающуюся змею. Пенсне заплясало на шнурке, как всегда в таких случаях.

— Ой, Господи! — вскричал он. — Галахад.

— Он самый. Разве ты меня не ждешь?

— А? Э? Жду, как не ждать! Ты прекрасно выглядишь.

— Ты тоже. Бойкий такой.

— Хочешь поесть?

— Конечно, тем более — за твой счет. Подкрепимся перед дорогой. Ты мне расскажешь свои американские похождения, а я — бландингские новости.

За столиком, над sale mornay,[103] они продолжили беседу.

— Ну, Кларенс, как Америка?

— Удивительная страна. Ты хорошо ее знаешь?

— Неплохо. Часто бывал там в давние дни. Значит, она тебя удивила?

— Очень, очень. Вот мешочки…

— Прости, не понял?

— Они дают чай в таких штучках.

— А, да. Помню.

— А спросишь яйцо, они его перемешивают.

— Тебе не нравится?

— Нет.

— Тогда не спрашивай яйцо.

— И верно!.. — обрадовался граф.

— Хотя при таком положении дел еще спасибо, если есть яйца.

— При каком?

— Там крах на бирже. Неужели не видел в газетах?

— Я их не читал. Правда, совали под дверь, но я — не читал. А что за крах?

— Просто жуткий! Люди скачут из окон. Вот она, Америка. Сегодня — миллионер, завтра — торгуешь яблоками.

— Яблоками?

— Да.

— Почему?

— А что такого?

— Правда. Значит этот, как его… ну, муж Конни, тоже торгует?

— Не думаю. Вроде бы он говорил, у него все в государственных бумагах. Как там свадьба? Как наша сестрица?

— Очень хорошо. Уехала с ним в Кейп Код. Это такой город.

— «На». Это мыс. Хотя, возможно, там скрыт и город. Однако мне кажется, что тебе не до этого. Конечно, самое главное — как *она* без тебя. Не беспокойся, она не похудела, здоровье — лучше некуда. Сверкает и блистает. Под опекой Моники Симмонс — просто дерево при потоках вод.[104] Увидишь — обрадуешься.

— Да, да, да, конечно. Ты подумай, я пойду к ней, а Конни не щелкнет языком! Как мы теперь заживем… Я очень люблю Конни, но…

— Не оправдывайся, Кларенс. Все ясно. Оба мы знаем, что Конни — враг № 1.

— Я бы так не сказал.

— А я бы сказал.

— Конечно, она очень властная…

— Именно. Подходит и «вредная».

— Нет, почему у нас такие сестры?

— Сестры вообще не нужны. Надо было сразу что-то сделать.

— Констанс… Дора… Гермиона… Как они меня мучили! Пристают и пристают. Чего-то от меня хотят, упрекают…

— Ничего не попишешь, глава семьи. Нам, младшим сыновьям, легче.

— Гермиона хуже всех, зато она редко бывает, а Конни там и жила. Ты никогда не ходил на выпускной бал?

— Что ты, Кларенс!

— А меня гоняли. В цилиндре.

— Представляю.

— И в таком воротничке. Я очень люблю Конни, но без нее легче. Хорошо без женщин, тихо! Кстати, кто со мной говорил по телефону? Незнакомый женский голос.

— Не записывать же всех дам, которые тебе звонят!

Лорд Эмсворт оставил эти слова без ответа, вероятно — ощущая, что репутация его не нуждается в защите. После смерти жены, двадцать пять лет, он старательно избегал женщин. Конечно, он не надеялся совсем устранить их из жизни, они вечно лезут, но научился исчезать, как ныряющая утка. Успех был полный, и в его кругу решили, что женщина, ожидающая от него учтивого слова, должна пенять на себя.

— Она из замка звонила, — продолжал он. — Что ты приедешь. Ее зовут — как же ее зовут?

— Сэнди Каллендер. Она твоя секретарша.

— У меня секретарши нет.

— Есть, есть.

— Ты спутал, Галахад.

— Нет, не спутал. Секретарша. Наняла Гермиона. Кроткий граф умел и гневаться.

— Какая наглость! — закричал он, воинственно сверкая глазами. — Какая дерзость! При чем тут Гермиона? Когда она успела?

— Вскоре после того, как приехала в Бландинг. Камбала замерла на тарелке, вино — в бокале. Пенсне

упало, и незащищенные глаза душераздирающе уставились на Галли.

— Разве она в Бландинге? — пролепетал граф. Галли погладил его по руке.

— Я все думал, как бы тебе сказать, Кларенс. Хотел помягче, но хирургия тут больше подходит. Да, Гермиона у нас, вписалась прочно. И Эгберт с ней. И Уилфрид.

— И эта слабоумная лапша?

— Если ты имеешь в виду нашу племянницу Веронику, она в Лондоне. Я ее сегодня привез и оставил у Доры. Покупает гардероб к приезду Плимсола. Вижу, Кларенс, ты очень огорчен.

Девятый граф слабо кивнул, прощаясь с мечтами. Замена Констанс на Гермиону опечалила его примерно так, как опечалила сынов Израиля замена бичей на скорпионов.[105] Никто не отказал бы Констанс в надзирательском даре, но каждый признал бы, что до сестры ей далеко. Гермиона начинала там, где она сдавалась.

— Ой, Господи, Господи! — шептал несчастный пэр над остатками камбалы.

Галли заколебался, продолжать ли, но, выбрав хирургию, он решил идти до конца, даже если у несчастного брата будет нервный приступ.

— Кларенс, — сказал он, — ты помнишь Дафну Литтлвуд? Нет, я тему не меняю, это все связано.

Лорд Эмсворт ничего не помнил, в том числе — и Дафну.

— Кого? А, нет.

— Высокая красивая брюнетка. Сильная личность. Вроде Конни. Ей бы другую окраску — играла бы Конни без грима. Она вышла за Уинкворта, ну, ты знаешь, историк. Он умер, у нее мерзкий сын и фешенебельная школа. В ученых кругах ее очень ценят. Недавно стала кавалерственной дамой, это тебе не кот начхал. Я часто думаю: почему они именно дамы? Кто это выдумал? Не иначе, как американец. Но я отвлекся. Так ты ее не помнишь?

— Совершенно.

— Да? А двадцать лет назад многие держали пари, что ты на ней женишься.

— Что ты говоришь!

— Держали, держали.

— Да я никогда в жизни…

— Откуда ты знаешь? С твоей памятью… Очень может быть, ты просто пылал, посылал ей цветы, пожимал ручку во время танца… А вообще-то, нет. Даже в те годы ты был строг. Неважно. Сейчас она в Бландинге.

— Что!!!

— С сыном. Герм иона пригласила.

— Господи милостивый!

— Прости, но и это не все.

Галли помолчал. Он очень любил брата и знал, что от следующей вести волосы его (их было штук двадцать) уподобятся, по меткому слову Шекспира, дикобраза вспугнутого иглам. Но хирургия — это хирургия. Будет хуже, если бедный Кларенс приедет без подготовки.

— Держись за стул, — сказал Галли. — Почему Гермиона ее пригласила? Ради старой дружбы? Нет. Ради юного Хаксли? Нет. Почему же, спросишь ты. Что ж, я отвечу. Дама Дафна ничего не забыла и надеется раздуть былое пламя. Может быть, я зря тебя пугаю, но из вчерашней беседы с Эгбертом получается так. Тебя хотят женить.

— О-о-о-о!

— Дафна полагает, что юному Хаксли нужен отец. Лорд Эмсворт откинулся в кресле, походя при этом на благородного отца из старой мелодрамы в тот самый миг, когда негодяй лишил его фамильных угодий. Плоти у него было немного, но какая была, та дрожала. Soup madrilene[106] на одном из столиков дрожал под ложкой, но граф дрожал сильнее.

Гермиону он знал. Сестра его, Констанс, всегда вынуждала его поступать против совести — скажем, надеть цилиндр на школьный бал, — а у Гермионы воля и сила раза в два больше. Если Галахад прав, опасность поистине ужасна, самое время нырять. Но достаточно ли теперь утиной техники?

— Может, ты ошибся, Галахад? — только и сказал он.

— Конечно, может, но Эгберт выражался однозначно. Очень тебя прошу, не смыкай глаз. Будь на страже, иначе погибнешь. Не ходи с ней в розовый сад, не сиди вечером на террасе. Заговорит о милых, ушедших днях — меняй тему. Ни в коем случае не гладь по голове этого Хаксли. А главное, не читай стихи. Молодому человеку я всегда скажу: только не стихи! Относится это и к тебе, хотя ты не очень молод. Помню, Булка Бенджер, большой мой друг, попался и погиб, потому что, утратив

осторожность, стал читать: «О, руки бледные, когда я вас любил…».[107] Что там, даже мне… А, кофе! Подлей себе бренди, Кларенс.

Глава 4

1

В третьем часу Галли засунул на сиденье машины опупевшего пэра, уложил его ноги, которые всегда стремились уподобиться щупальцам спрута, и пошел домой, привычно шныряя между автомобилями.

В пять Бидж с двумя лакеями подал чай в янтарную комнату Бландингского замка, и те, кто ждал путника, решили подкрепиться тостами, бутербродами и пирожками. Председательствовала леди Гермиона. Полковник Уэдж стоял, прислонившись спиной к каминной доске. Дама Дафна Уинкворт сидела очень прямо, словно стул ей неудобен, а Хаксли, ее сын, подобрался поближе к небольшому столику, где и стояла еда. Уилфрида не было, он слишком боялся даму Дафну. Галли вполне справедливо считал ее могучей личностью. Такой она была и в юности, а многолетняя власть над множеством девиц придала ей ту грозную величавость, какой не убоится только самый смелый человек. Одна мысль о том, что вскоре и он попадет под ее начало, неизменно вызывала у Олсопа полуобморочную тошноту.

Вошла Сэнди Каллендер с какой-то бумажкой.

— Звонили с почты, — сказала она. — Вам телеграмма.

— Спасибо, мисс Каллендер! — воскликнула Гермиона, а когда за сознательной секретаршей закрылась дверь, прибавила. — Это от Типтона, Эгберт. Жених Вероники, — пояснила она Дафне. — Очаровательный американец.

— Хороший парень, — прибавил полковник, всегда оживлявшийся при мысли о миллионах.

— Да, мы его очень любим. Вероника просто без ума.

— Любовь с первого взгляда, — пояснил Эгберт Уэдж. — Как в стихах.

— Получил огромное наследство от дяди.

— Честер Типтон. Галахад его знал.

— Я все думаю, встретились они с Кларенсом?

— Надо спросить. А, вот и Кларенс!

За дверью послышались гудки, потом — шаги. Однако вошел не лорд Эмсворт, а его дворецкий. Леди Гермиона удивилась.

— Это машина, Бидж?

— Да, миледи.

— Где же лорд Эмсворт?

— Милорд просил передать, что он немного задержится. Должен повидать свинью, миледи, — сказал Бидж и удалился.

Теперь удивилась дама Дафна.

— Что он сказал? Где Кларенс?

— У свиньи, — отвечала Гермиона с явственным отвращением.

— Премированная свинья, — опять пояснил полковник. — Зовут Императрица. Кларенс на ней спятил.

— Спорт, вот что ей нужно, — вмешался Хаксли, противный подросток с ехидным взором, унаследовавший от матери непробиваемое высокомерие, от отца — ту язвительность, из-за которой его так не любили в Кембридже. — Ожирела. Как-нибудь выпущу, пускай пробежится.

Не откладывая добрых дел, он вышел в сад, думая о том, что в этот час Моника пошла перекусить. Он очень боялся могучей девы; ее угрозы произвели на него большое впечатление. Только на полпути он вспомнил, что у свиньи — Эмсворт, и решил, что не стоит ходить попусту.

— Спятил, — продолжал тем временем полковник. — Вот я расскажу вам, что тут было. Приехал я вечером из города, иду по саду — хотел размяться после дороги — и вижу: на этих перильцах висит комбинезон. Вдруг он разгибается, смотрю — Кларенс. Я его спрашиваю, что он тут делает — было часов двенадцать, — а он говорит: «Слушаю свинью». Помню, я сказал Гермионе: «Как по-твоему, что она делала? Пела? Читала стихи? Дышала!». Она дышит, а он слушает. Я ему так и сказал: «Подцепишь простуду».

Пока он говорил, леди Гермиона хмурилась. Зачем рассказывать историю, которая может принизить лорда Эмсворта? Дафна вряд ли захочет связать судьбу с человеком, ночью выходящим в сад, чтобы послушать, как дышит свинья. И впрямь, кавалерственная дама поджала губы, словно узнала от подчиненной, что Филлис и Анджела курили за спортивным залом.

— Нет, вы подумайте, дышала, — повторил на всякий случай полковник. — Помнишь, что я сказал, старушка? Я сказал: «Старушка, ничего не попишешь, он спятил.».

— Это не так, — возразила леди Гермиона, намереваясь добавить, что брату ее нужна жена, которая бы покончила с этими глупостями, но тут появился лорд Эмсворт.

— А, Гермиона! — сказал он. — А, Эгберт! Да, да… Леди Гермиона

сурово взглянула на него. Поскольку он перенес Нью-Йорк и два судовых концерта, можно было встретить его приветливей.

— Приехал, наконец, — сказала она. — Мы совсем заждались. Ты помнишь Дафну Уинкворт? Ну, Дафну Литтлвуд?

— О, да, да, да, — ответил лорд Эмсворт с похвальной стойкостью. Ничто не выдавало, что самый вид этой женщины вызывал в нем такие же чувства, какие вызвал бы в герое детектива персонал хорошей шайки. Английский лорд умеет носить личину.

— Дафна погостит у нас до конца каникул.

— Да, да, да…

Предположив, вероятно, что он будет говорить «да» весь вечер, леди Гермиона спросила, не хочет ли он чаю, на что он ответил «да», но в последний раз, а потом, заметив: «Чаю? А, чаю! Славно, славно…», сел и взял чашку. Полковник гостеприимно предложил ему бутерброд.

— Рад тебя видеть, Кларенс, — сказал он. — Хорошо, что ты меня застал. Завтра уезжаю.

— С Гермионой? — робко спросил девятый граф.

— Ну, что ты! Я дня на два. У моей крестной в Вустере день рождения.

— О! — произнес несчастный лорд. Ему было очень плохо. Поглядывая украдкой на Дафну, он не верил, что двадцать лет назад мог помышлять о браке с ней. От мысли же о том, чтобы жениться на ней теперь, он ощутил, что ест не бутерброд, а сухих бабочек. Он желал даме Дафне блистательных успехов, был готов рекомендовать ее школу — но не больше.

Из оцепенения его вывел ее голос. Гостья сообщила, что хочет написать несколько писем, и он с необычной учтивостью встал, чтобы открыть ей дверь.

— Странно, — сказал он, возвратившись к столу. — Галахад говорит, мы с ней знакомы, а я ничего не помню. Как ее фамилия?

— Неважно, — сухо отвечала Гермиона. — Кларенс, я больше не могу.

— Э?

— Делся куда-то…

— Я пошел к *ней!*

— А манеры! Дафна обиделась. Я ее понимаю. Постарайся хоть с Типтоном.

— Э?

— Пришла телеграмма, он завтра будет здесь.

— Кто такой Типтон?

— О, Кларенс! Типтон Плимсол — это жених Вероники.

— Кто… — начал было граф, но спохватился. — Конечно, конечно. Это твоя дочь. Ну как же.

— Ты его не видел в Америке? — спросил полковник. Граф чуть не ответил: «А? Нет, нет, нет.», но вдруг вспомнил. Типтон Плимсол!

— Не видел, — отвечал он, — но слышал. Очень приятный человек. Хриплый, но приятный. Жаль, что он разорился.

2

Высказывания графа Эмсвортского нечасто привлекали внимание. Обычно их не слушали, а услышав — в них не вникали. Но даже Галахад, блестящий рассказчик, не приковывал сердца почитателей так, как его брат в эти минуты.

Воцарилось молчание, которое называют мертвым. Рты открылись, глаза вылезли. Полковник и его жена первыми вышли из комы.

— Что?! — вскричал полковник.

— Как?! — вскричала жена.

— А вы не знали? — кротко удивился граф. — Он не писал? Торгует яблоками.

Леди Гермиона схватилась за голову, муж ее — за усы.

— Чем? — глухо спросила она.

— То есть как? — спросил полковник. Граф понял, что нужно кое-что объяснить.

— Галахад говорит, теперь они все торгуют. Там у них случился крах. Я не понял, что это, но все разорились и торгуют яблоками. Странно! Никогда не любил яблок. Правда, я слышал, они полезные, значит — их покупают. Можно продавать на вес, а можно…

— Кларенс!

— А?Э?

— Кто — тебе — сказал?

— Что?

— Насчет Типтона.

— Он сам. Я хорошо помню. Звонит и говорит… У них в отелях телефоны, прямо в номере, можно заказать обед. Завтрак тоже можно. Горничная сказала, наберите номер, и все. Очень удобно! А про чай знаете? Его дают в мешочках.

Леди Гермиона не стукнула брата палицей, потому что палицы у нее не было.

— Кларенс!

— Э?А?

— Пре-кра-ти!

— Расскажи про Типтона, — напомнил полковник.

— Я и рассказываю, — огорчился граф. — Значит, звонит. Я уже лег, вдруг — звонят и говорят: «Лорд Эмсворт?». Нет, говорят: «Алло!», а потом — «Лорд Эмсворт?». Я говорю, да, а он говорит — простите, что разбудил. Он не разбудил, я не спал, кто-то уже звонил, тоже спросил: «Лорд Эмсворт?» и повесил трубку. Странно. Вообще, странная эта Америка…

— Кларенс!

— А?Э?

— Рас-ска-зы-вай!

— Э? Да, да, да, да, да. Что я говорил! А, вот? «Простите, что разбудил». — «Ничего, ничего» или «Пожалуйста»?.. Не помню. «Кто вы?» — «Я — Типтон Плимсол. У меня нет денег. Не дадите двадцать долларов?». Это очень мало, не помню — сколько, в общем, я дал. Дал, а он чуть не заплакал. Во всяком случае — запел.

Леди Гермиона какое-то время не сжимала голову руками, но теперь одумалась.

— Запел?!

— Да. Что-то про радугу. Вот, вот, вот! «В небе ра-а-а-ду-га, о, о… Так съедим же пирога, о!». Вполне понятно. Давно не ел. Пирог — хорошая вещь. Да, вы не знаете? Они там едят пирог с сыром. Просил прислать сразу. Спешат, спешат! Америка! Я сказал, пожалуйста, а он кого-то спросил: «Какой адрес тюрьмы?».

— Тюрьмы???

— Ему сказали, а он говорит: «Гарроуэй…». Помню, я знал одного Гарроуэя. Это не он, тот умер. Или «Это не тот, он умер.»? Тут запутаешься… Наша гувернантка била за такие вещи линейкой. Помнишь?

Леди Гермиона перестала тратить силы на голову. Выглядела она, как кухарка, которая перед званым обедом узнала, что нет омаров. Больше всего ей хотелось закричать, но она сказала замогильным голосом:

— Надеюсь, это шутка?

— Нет, нет, нет! Кто будет в шутку просить денег?

— Я имела в виду, что шутишь ты. Лорд Эмсворт обиделся.

— Конечно, нет! Почему я должен шутить? И вообще, мне такого не

выдумать. Я не Шекспир.

— Как он мог оказаться в тюрьме? Лорд Эмсворт удивился.

— А что такого? Галахад часто сидел. Помню, дали пятнадцать суток без замены штрафом. Он всех полицейских знал по имени. Один был Эгберт… прости, Эгберт, может, тебе неприятно. Тесен мир!

Слишком тесен, думала его сестра, приходится встречаться с братом. Она считала себя доброй женщиной, но в девятом графе находила только одно достоинство — он не носил монокля.

— А, черт! — подытожил беседу полковник.

Смеркалось, и лорда Эмсворта потянуло к любимой книге «Уход за свиньей». Он выскользнул в дверь. Заметили это позже. Годами ускользая от женщин, он выработал несравненную технику.

3

Первой очнулась леди Гермиона.

— Эгберт! — вскричала она.

— Да, старушка?

— Как ты думаешь, это правда?

— С чего ему врать!

— Он все путает.

— Вообще-то да. Я бы ему не поверил, если б он сказал: «Идет дождь» во время потопа. Но тут… понимаешь, сам Типтон звонил.

— Да.

— И попросил денег.

— Да.

— Вот видишь. Дело ясное, играл на бирже. Не он первый, не он последний.

Они мрачно помолчали, полковник откашлялся.

— Что будем делать, старушка?

— Скажем Веронике.

— Да, понимаю. Зачем выходить за нищего?

Леди Гермиона нахмурилась. Военным, подумала она, часто не хватает такта.

— Интересно, за что они его?

— Видимо, клянчил на улице. Не в этом дело. Вероника не может выйти за человека с преступным прошлым.

— Ты ей напишешь?

— Я к ней поеду.

— Да, это лучше.

— Позвони Биджу, пусть велит Ваулзу подать машину.

— Ты приедешь ночью.

— Зато с утра поговорю с ней. Она ему откажет.

— Откажет?

— Конечно. Она меня слушается.

— Что верно, то верно, — признал полковник, в этом отношении не отличавшийся от дочери; и нажал звонок.

Глава 5

1

Шропшир справедливо гордится городком по имени Маркет Бландинг. И так называемый проспект, и зеленая от мхов церковь, и красные крыши лавок, и старые кабачки, у которых верхний этаж уютно нависает над улицей, поистине ласкают глаз, особенно — если он обычно смотрит на Хэлси-корт.

Сэму городок понравился сразу, а назавтра, когда он писал в саду кабачка «Герб Эмсвортов», он понял, что именно этого ему недоставало. Великое дело — обстановка! Дома, в Лондоне, приключения котенка никак не давались, а сейчас он строчил без устали. Вскоре он вывел слово «Конец», радостно предвосхищая, как умилится редактор, если еще не заболел размягчением мозга.

Как всякий писатель, завершивший свой труд, он подумал о пиве. Вчера вечером оно ему очень понравилось, пил он и сегодня, а потому, отнеся к себе перо и рукопись, направился в бар. Именно в эту минуту оттуда вышел вспотевший, измученный Бидж.

Несмотря на жару, дворецкий прошел весь парк и еще две мили. Юный Хаксли Уинворт был бы рад узнать, что побудили к этому его слова. Сначала Бидж огорчился (что, собственно, и предполагалось), но, поразмыслив, решил, что какая-то правда в них есть. Вполне вероятно, думал он, что сидячая жизнь подпортила былую стройность.

Мы опустим невзгоды пути, пузырь на пятке, пот на лбу и перейдем к той минуте, когда, облизнувшись, он попросил девицу у стойки налить ему пива.

Девицу звали Марлен, а племянницей она приходилась Джорджу Сирилу, бывшему свинарю лорда Эмсворта. Бидж его не любил, видя в нем плебея, не почитавшего кого надо. По слухам, этот свинарь именовал его «Старым слоном» и «Чучелом в манишке», а однажды, подумать страшно, обратился к нему: «Эй, ты!». Но Марлен дворецкий любил в своей снисходительной манере и, когда она заахала над часами, охотно дал их посмотреть, предварительно сняв с цепочки. Марлен два раза квакнула, один — взвизгнула.

— Какая красота, мистер Бидж!

— Да, часы хорошие.
— Правда, вы их выиграли?
— Правда.
— Нет, просто красота!
Пока она хвалила его спортивную прыть, а он скромно отнекивался, вошел местный констебль по фамилии Ивенс. Велосипед он оставил у входа, зашел выпить, но, увидев Биджа, об этом забыл. Утром он слышал от сержанта хороший анекдот.
— Здрасьте, мистер Бидж.
— Добрый день, мистер Ивенс.
— Вот я вам расскажу…
— Да, я слушаю.
— Выйдем на минутку. При дамах…
Они вышли и встретили Сэма, точнее — с ним столкнулись.
— Простите, — сказал Бидж.
— Это я виноват, — сказал Сэм. — Pardon, pardon, pardon.
Говорил он весело, ибо очень радовался, и не только потому, что кончил сагу об осточертевшем котенке. Подбодрила его беседа с Галли, что вообще бывало нередко. Он поверил, что, стоит ему встретить Сэнди, недоразумение разрешится, она заберет кольцо, он — скажет, что она совсем не рыжая дура, и они помирятся, как заметил покойный лорд Теннисон, — потоком слез друг друга омывая.
Тем самым, мир ему нравился. Любил он всех поголовно. Корпулентный тип, с которым он столкнулся в дверях, был очень мил, равно как и констебль с Марлен, к которой он и приблизился.
— Жарко-то как! — сказала Марлен, известная блеском беседы. Ничего не попишешь, способствует торговле, поднимает дух.
— Да, погодка что надо! — согласился Сэм. — Смотрите-ка, часы! У вас день рождения?
Марлен захихикала, по мнению Сэма — музыкально, хотя он уловил бы музыку и в скрипе мела о доску.
— Нет, это нашего Слона. Выиграл в дротики.
— Слона? Это с ним я плясал румбу?
— С ним. Дядя Джордж зовет его Старый слон. Дядя очень остроумный.
— Сразу видно. А почему они тут лежат?
— Он их вытащил. Они ушли с констеблем, какую-то пакость рассказать.
— Какую именно, не знаете?

— Нет.

— Попрошу, пусть и мне расскажут. Да, часы знатные. Ради них сыграешь в дротики, хотя игра самая…

Слово «поганая» умерло на его устах. Дверь была открыта, ее всегда открывали в хорошую погоду, а за дверью по улице ехала на велосипеде рыжая девица, при виде которой Сэм забыл о пиве, часах и барменшах, словно их стерли губкой.

Громко выкликая ее имя, он выскочил из «Герба». Она обернулась — и прибавила скорость. Он кинулся за ней. Сзади донесся какой-то звук, словно свистит поезд, но до звуков ли в такой час?

2

Звук исходил из легких прекрасной Марлен, которая мгновенно вылетела за дверь и застыла на месте. До сих пор жизнь ее была тихой, в нее не врывались сенсационные кражи. «Герб Эмсвортов» не салун, посетители его респектабельны, как, скажем, Бидж, или Робинсон, владелец такси, или Перси Булстрод, аптекарь. Такое случилось впервые.

Соответственно, Марлен лишилась дара речи, а обретя его, взверешала: «И-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и!». Вероятно, ее с интересом слушала округа.

Вызвала она интерес и у Биджа с констеблем, кудахтавших над анекдотом ярдах в десяти. Голос ее подействовал на них, как звук трубы — на коня. Они видели Сэма, но не сочли его подвижность заслуживающей внимания. Когда же они услышали крик, разум подсказал им, что творится что-то недолжное. Приличные девицы зря не верещат; и потому Ивенс с Биджем кинулись к ней: Ивенс — впереди, Бидж — сзади.

— В чем дело? — спросил наблюдательный констебль, заметив, что Марлен ломает руки. — Что случилось?

— О, мистер Бидж! — отвечала она. — О, мистер Бидж!

— Что с вами, Марлен?

— Часы унес! — возопила прекрасная барменша, по-прежнему ломая руки. — Взял и побежал.

Слова эти восприняли по-разному. Бидж застыл от горя, как поэт прошлого века, потерявший любимую газель. Таких чувств он не испытывал с тех пор, как один гость спросил воды, чтобы подлить в вино. «Куда катится мир?» — думал он.

Констебль, в отличие от него, обрадовался и ободрился. То, что

дворецким в плач, полицейским — в радость. Крест английских констеблей, охраняющих порядок маленьких сельских сообществ, — бездействие местных преступников. Какой-нибудь Гарроуэй только крутится, разрываясь между торговцем наркотиками и злодеем, порешившим шесть человек, а здесь, в Маркет Бландинге, скажи спасибо, если поймаешь собаку без ошейника. Ивенс томился месяцами, а сейчас — ожил. Вскочив на верный велосипед, он понесся вдаль, словно участник велогонки, даже не воскликнув: «Хо-хо!».

Преступника он вскоре настиг. Сэм понял, что ему не угнаться за тем, первым велосипедистом, и теперь стоял посреди шоссе, произнося беззвучную речь, которая, если бы ее озвучить, не прошла бы цензуры.

Радость угасла. Пять минут назад он мог бы по праву участвовать в диккенсовском романе, сейчас — ненавидел род человеческий. Когда к нему подкатил констебль, он подумал, что в жизни не видал такой мерзкой рожи. Действительно, лицо у Ивенса стало как бы гранитным, глаза неприятно блестели. Путешественник по Востоку поразился бы, как похож он на тигра, подкрадывающегося к добыче.

— Хо! — сказал он.

Ответить на это надо бы тоже «Хо!», но Сэм был слишком занят. Глядя на Ивенса, он гадал, чего тот к нему лезет.

— Что такое?

— Где часы? — отвечал полицейский.

— Какие?

— Такие.

И полицейский вынул их за цепочку из его кармана. Сэм смотрел на него, как смотрит ребенок на фокусника, извлекшего из чужого цилиндра двух кроликов или аквариум.

— Господи! — сказал он. — Это часы того толстяка.

— Верно.

— Захватил случайно.

Констебль редко смеялся; даже сержантов анекдот вызвал у него лишь улыбку. Однако сейчас он фыркнул, потом — ухмыльнулся. Другой сказал бы: «Неужели?». Он сказал: «Хо!». Сэм понял, что нужно объясниться.

— Понимаете, — начал он, — девица их мне показывала, я увидел… одного человека и выбежал на шоссе.

— С часами вместе!

— Нечаянно сунул их в карман.

— Хо-хо!

Угрызения совести немного отрезвили Сэма. Он все еще полагал, что

без людей — как-то лучше, но ему было стыдно, что он обидел хорошего человека.

— Я их верну.

— Нет, я их верну.

— Вы? Спасибо большое. Посмеетесь вместе с ним.

— Хо!

Междометие это усугубило неприязнь к служителю закона.

— Вы все время говорите «Хо»? — осведомился Сэм.

— Хо! — отвечал констебль. — Нет, иногда я говорю «Идемте за мной».

С этими словами он положил Сэму на плечо тяжелую руку.

Она и сыграла роль последней соломинки. С прытью, которая поразила бы самого Павлова, Сэм дернулся и нанес констеблю могучий удар в глаз. Констебль зашатался, задел ногой за камень и рухнул. Сэм вскочил на велосипед и унесся вдаль со скоростью, которую не превзошел и Бидж в далекой юности. Если бы сорок лет назад Сэму довелось жить на свете, и он бы пел в том же хоре, и голос у него не сломался до Крещения, они бы вступили в спор, и он победил бы.

3

Если, похитив велосипед, вы едете по шоссе, проходящему через Маркет Бландинг, вы доедете вскоре до деревушки, ютящейся у ворот замка. Состоит она из пяти домиков, церкви, викариата, лавки, пруда, уток, бензоколонки и кабачка «Голубой боров». Около этого заведения и кончился путь велосипеда, на котором ехал Сэм.

Он спешился, догадавшись, что лучше освободиться от скакуна, прислонил его к какой-то изгороди и вошел в кабачок, где стал размышлять о своей судьбе.

Положение, как говорится, было отчаянным. Перечисляя свои проступки — две кражи, нанесение увечий, бегство и т. п., — он чувствовал, что еще хорошо, если обойдется пожизненным заключением.

Что делать, он придумать не мог. Тут требовалась истинная мудрость и как можно скорее. Он спросил почтовой бумаги.

— Может тут кто-нибудь отнести письмо в замок? — спросил он хозяина, и тот ответил:

— Да, мой Гарри отнесет.

— Дам шиллинг, — сказал Сэм.

Он не был богат, а шиллинг — это шиллинг, но мудрый совет стоит больше.

Глава 6

1

Сон и коктейль развеяли усталость, которую испытывал Галли вчера, после долгого пути. Укрепив телесные силы табаком и алкоголем, он быстро приходил в себя.

Сэм позвонил из Маркет Бландинга между первым завтраком и вторым, и он совсем ободрился, а потому отправился искать Сэнди; но, когда он проходил мимо кабинета, оттуда выскочил граф. Лицо его перекосилось, пенсне металось на ветру.

— Галахад! — вскричал он. — Я не могу! Я не хочу! Я не потерплю!

— Очень рад, мой дорогой, — откликнулся Галли. — А в чем дело?

— Твоя девица! Нет, что же это такое! Хуже Бакстера! Слова эти были горьки. До сих пор лорд Эмсворт считал, что Бакстер, трудившийся ныне у одного миллионера, — единственный в своем роде.

— Хуже Лаванды!

И это поражало силой. Лаванда Бриггс, хозяйка машинописного бюро, была получше Бакстера, но не намного.

— Подкладывает письма! Так и тащит, так и тащит! Откуда, честное слово?

— Ты думаешь, от поклонниц?

— А кабинет? Ничего не найти! Воняет какой-то гадостью!

— Да, Сэнди у тебя убирала.

— Сколько можно меня мучить? — продолжал граф, трепеща от жалости к себе. — Еду в Америку, сестра как-никак выходит замуж, приезжаю, хочу отдохнуть — и что же? Тут другая сестра. Мало того, очкастая девица, которая вечно убирает!

Галли сочувственно кивнул, но выступил в защиту Сэнди.

— Понимаешь, Кларенс, она молода. Хочет все довести до совершенства.

— Меня уже довела! — с неожиданным блеском отвечал граф.

Галли снова кивнул.

— Да, вынести это трудно, — признал он, — но встань на ее место. Ей приискали работу в Бландинге. «Неужели в том самом, где живет лорд Эмсворт?» — вскричала она. «Именно в том» — отвечало агентство; она

задрожала. «О, Господи! Я не пожалею сил! Я послужу ему верой и правдой, чтоб мне лопнуть!». Ты пойми, в тебе она видит полубога. Легенды и песни говорили ей о тебе. Ты для нее — не то всемогущий султан, не то многомилостивый дедушка.

— Дедушка?

— Хорошо, прадедушка. В общем, ты гордись, что она так старается.

— Пойду-ка я к Императрице.

— Возьми и меня. Что может быть лучше свидания со свиньей? Все врачи рекомендуют. Только смотри, Сэнди рассердится, что ты не отвечаешь на письма.

— Я не позволю каким-то секретаршам… — гордо начал граф, но Галли его перебил, чтобы рассказать про одну особу, которая твердила: «Не позволю». Лорд Эмсворт не слушал. Шли они по цветущей поляне, за которой жила свинья, и почти подошли к ее обиталищу, когда их кто-то окликнул. Обернувшись, они увидели высокого тощего человека. Галли узнал в нем Типтона Плимсола, граф — не узнал.

— Когда приехали? — радушно спросил Галли. Типтон нравился ему и настолько, что если бы клуб «Пеликан» был жив, он бы ввел его туда без колебаний.

— Здравствуйте, мистер Трипвуд, — ответил Типтон. — Только что. Здравствуйте, лорд Эмсворт. Вы не знаете, где Ви?

— А кто это… — начал граф.

— В Лондоне, — сказал Галли.

— Ах ты, черт! Когда вернется?

— Не знаю. Насколько я понял, покупает приданое, это долгое дело. Ничего, зато я — здесь. Как доехали?

— Прекрасно, спасибо.

— Вид у вас блестящий. Как дела?

— Спасибо, прекрасно.

Лорд Эмсворт подивился мужеству американца. Как-то на здешнем вечере викарий читал интересные стихи: «Ту-ру-ру-ру-ру-ру, мой сын, ты будешь человеком». Киплинг, что ли. Как раз про Типтона.

— Пирога поели? — спросил он.

— Одумайся, Кларенс, — сказал Галли. — Ты что-то спутал.

— Ничего я не спутал, — обиделся граф. — Мы говорили по телефону, и Типтон собирался есть пирог.

— А, помню! — воскликнул миллионер. — Я вам должен двадцать долларов.

— Ну что вы, не надо!

— Придем в замок, выпишу чек. Лорд Эмсворт совсем всполошился.

— Нет-нет-нет-нет! Я богатый! Понимаешь, — объяснил он Галли. — Типтон разорился.

Галли это огорчило. Он знал, как смотрит сестра на неимущих женихов.

— Как же это вы… — начал он, но миллионер засмеялся.

— Ах ты, Господи! Лорд Эмсворт не понял. Мне нужно было выкупить себя и приятеля. Кто-то спер бумажник, а нас посадили.

Галли снова ощутил, что именно такой человек подошел бы «Пеликану».

— Посадили?

— Вот именно.

— Беспорядки в общественных местах?

— Они самые.

Галли затопила тоска о прошлом.

— Сколько раз меня за них сажали! — почти пропел он. — Помню, однажды…

Историю, без сомнения — поучительную, кончить не удалось, ибо перед ними появилась Моника Симмонс.

— Добро пожаловать, лорд Эмсворт! — зычно крикнула она. — Хорошо вернуться? Дом — это дом! Как вам наша свинка-спинка?

— Прекрасно, — отвечал граф, — прекрасно, прекрасно, прекрасно.

Говорил он с истинным пылом. Когда-то и он, и Галли сомневались в божественной свинарке, когда-то — но не теперь. Да, им казалась фамильярной ее манера говорить о трехкратной медалистке, но те времена миновали. Моника Симмонс доказала, что достойна прославленной свиньи. Следующие же фразы свидетельствовали об этом.

— Только вот, — спросила Моника, — кто тут шныряет? Такой сопляк, лицо — вроде сливы, по которой проехал автобус.

Лорд Эмсворт растерялся, но Галли мгновенно сообразил, что описание как нельзя лучше подходит к юному Хаксли, сыну Дафны Уинкворт. Удивительная точность в выборе слов!

— Шныряет, — продолжала свинарка. — Вечно крутится у домика.

— Около нее?! — вскричал граф.

— Вчера вечером, сегодня утром. Сама видела.

— Увидите его — побейте!

— Вывожу мордой в грязи.

— А Сэнди побьет тебя, Кларенс, — вмешался Галли. — Пошли, прием окончен.

2

Оставшись вдвоем с Моникой, Типтон окинул ее придирчивым взглядом, но не нашел тех прелестей, которые пленили Уилфрида. Конечно, признал он, когда на тебя нападет бык или разбойник, она очень кстати; однако, если выбирать между браком с ней и плаванием по Ниагаре, он знал бы, что предпочесть.

Тем не менее он — одно, Уилфрид — другое. Надо за него похлопотать. Судя по рассказу, ухаживал он робко. Типтон предпочитал выложить карты на стол или, если хотите, резать правду-матку.

— Ну и свинья! — сказал он.

— Самая толстая в Англии, — гордо ответила Моника.

— Ест, наверное, будь здоров.

— Да уж, не постится. На фигуру ей начхать. Это вы женитесь на Веронике?

— Я. Меня зовут Типтон Плимсол.

— Моника Симмонс, к вашим услугам.

— Так я и думал. Уилли Олсоп про вас говорил.

— Да-а?

— Еще как! Просто пел-заливался.

Краснеть ей мешала грязь, неотъемлемая от профессии, но сквозь геологические слои Типтон разглядел что-то розовое, а массивная ступня выводила вензель на траве. Все это его подбодрило.

— Собственно, — сказал он, выкладывая карты и разрезая правду, — он вас любит, как не знаю что. Только о том и думает, чтобы вы подписывались «Моника Олсоп».

Девица такого сложения не может подпрыгнуть, как серна, но она затрепетала. Звук, похожий на звуки, издаваемые ее подопечной, слетел с уст, глаза уподобились мячам для гольфа.

— Н-не верю! — хрипло и тихо выговорила она.

— А что такого?

— Он гораздо выше меня.

— Но субтильнее.

— Духовно. Он очень тонкий.

— Ничего, он хороший парень. Пьет — приятно смотреть, но дело не в этом. Есть у него шансы? Что бы вы ему ответили — «Да» или «Пошел отсюда, гад!»?

Моника вспыхнула под грязью.

— Он не гад!

— Он себя так описал. «Она, — говорит, — богиня, а я — гад.». Значит, шансы есть?

— Еще бы! Да я просто кинусь…

— Не стоит. Можете что-нибудь сломать, он человек хрупкий. Словом, вы его любите. Так и скажу.

— Скажете?

— А то!

— О, мистер Плимсол!

— Типтон.

— О, Типтон.

— Лучше «Типпи».

— О, Типпи, спасибо! Вы просто ангел.

— Или сержант Гарроуэй, один мой знакомый. Ничего не попишешь, привычка. Оба начали с бойскаутов. Что ж, пойду поищу Уилли.

Оказалось, что это не так-то легко, ибо Уилфрида перехватила дама Дафна. Она любила вникать в душу своих подчиненных, а потому — часа полтора задавала нескромные вопросы. Когда после беседы он умылся холодной водой и, еще очень слабый, вышел из ванной, ему повстречался Тип-тон, уже оставивший поиски.

Они не виделись с тюремных времен и очень обрадовалось друг другу. Каждый подумал, насколько похорошел приятель — лицо уже не было желтым и не дергалось, как в немом фильме. Конечно, и сейчас они бы выиграли конкурс разве что у Гарроуэя, но выглядели лучше, что и говорить.

Обычно друзья после разлуки расспрашивают про Джо, Джека и Джимми, но Типтон и Уилфрид виделись один раз, и единственным их общим знакомым был нью-йоркский полисмен, так что расспросы и ограничились этим прекрасным человеком.

— Вот что, Уилли, — сказал после этого Типтон, — говорил я с твоей Моникой. Здорова, однако!

Уилфрид сурово взглянул на него, пораженный такой свободой речи.

— Ты не мог бы, — осведомился он, — иначе определять мисс Симмонс?

— Виноват. Вырвалось. Хотел сказать «Хороша». Просто персик со сливками. Судя по всему, она тебя любит.

— Что?!

— Так она сказала. Говорит, «брошусь» или «кинусь»… Чего тебе еще?

Уилфрид задрожал и что-то проглотил.

— Ты не шутишь?

— Нет, не шучу. И она не шутит. Иди к ней, утри ее немного, и — к делу!

Программа эту Уилфриду понравилась, но он еще колебался.

— К делу?

— Поцелуй, обними. Лучше бы сперва умыть… Уилфрид покачал головой.

— Поцеловать — не смогу.

— А что такого?

— Боюсь.

Типтон снисходительно улыбнулся.

— Именно это я сказал Пруденс, когда мы говорили про Ви.

— Моей кузине Пру?

— И она тоже? Куда ни кинь, твоя кузина.

— Дочь моей тети Доры. Вышла за Генри Листера. У них гостиница под Оксфордом.

— Помню, помню, она все искала деньги, еле увернулся. Так вот, она тут жила, когда я влюбился в Ви. Присела как-то рядом со мной и спрашивает: «Мистер Плимсол, вы любите Веронику?».

— А ты отвечаешь…

— Ничего я не отвечаю, я упал с перил, мы сидели на террасе. Ну, сел опять, говорю: «Да», а она говорит: «Почему вы ей не скажете?». Я говорю: «Боюсь», а она, знаешь, что сказала?

— Нет, не знаю.

— Чтобы я выпил.

— Выпил ты?

— Естественно. И совершенно изменился.

— Стал настоящим мужчиной?

— Вроде этого.

— И объяснился с Ви?

— Лучше скажем, велел ей стать моей женой.

— Как же это?

— А так. Сперва я думал крикнуть: «Мы созданы друг для друга!», но решил, что это слишком. Ты не волнуйся, само пойдет. У меня в машине лежит фляжка. Бери и пей. Сунь в карман, а минут за пять хлопни. Сам увидишь!

Лицо у страдальца вспыхнуло, как у Шелли, когда тому показалось, что «дух» рифмуется с «жаворонок», но тут же угасло.

— Я не могу пить.
— Да брось ты! Шотландское виски, самый высший сорт!
— Дама узнает.
— Какая еще дама?
— Начальница школы. Я буду у нее работать.
— А, да, ты говорил! Не узнает.
— Узнает. Она тут гостит. Вообще-то я не хочу учить каких-то дур, но ничего не попишешь, работа. Значит, выпить?
— А то! Когда ты пойдешь к Монике?
— Завтра с утра. Только я даму боюсь.
— Ничего, я посторожу.
— Спасибо, Типпи. Ты настоящий друг.
— Чем можем, чем можем. Сценарий повторить?
— Давай.
— Подходишь.
— Подхожу.
— Обнимаешь.
— Обнимаю.
— Целуешь.
— Целую.
— И говоришь: «Созданы друг для друга!». Проще пареной репы.

Глава 7

1

Неприятно узнать, что тебя преследуют, а если уж довелось, и вы при этом — девица, пусть преследует хотя бы не тот, кто назвал вас рыжей дурой. Входя в замок, Сэнди кипела гневом, обидой, досадой и прочими эмоциями. Кроме того, она удивлялась. Как не удивиться, если Сэм Бэгшот оказался там, где его нет и быть не может?

Когда она вошла в просторный холл, в дальнем углу замаячил лакей. Прикрепив к кольцу в стене красную веревку, он направился к противоположной стене и сделал то же самое. После этого он повесил на видных местах две грозные таблички. Одна гласила:

Просим НЕ ВЫХОДИТЬ ИЗ РЯДА!

другая:

Просим НЕ КУРИТЬ!

Потом, отряхнув ладони, он отступил немного, чтобы на них полюбоваться.

Сэнди так удивилась, что забыла про Сэма — конечно, на время.

— Что это? — спросила она.

Лакей ответил на ее вопрос с той снисходительной улыбкой, с какою знаток отвечает новичку.

— День открытых дверей.

— Сегодня?

— Завтра. По четвергам. Посетителей водит мистер Бидж.

— А много их?

— В жару — много. На той неделе — три шарабана и женская школа.

— Я приехала в пятницу.

— Везет людям, — печально заметил лакей. — Натяни ее еще, Томас, — прибавил он, ибо другой лакей принес новый плакат:

Просим НИЧЕГО НЕ ТРОГАТЬ!

— В тот четверг, — заметил он, — две девицы залезли на каминную решетку. Сидят, и хоть бы что!

Сэнди поразила неожиданная мысль. Только сейчас поняла она слова «… открытых дверей».

— И всякий может прийти?

— Всякий, — ответил лакей, подтягивая веревку, — если у него есть полкроны.

Погрузившись в думы, Сэнди пошла в библиотеку, в которой она собиралась навести порядок. Подумать ей было о чем. Ну, смотрите: без всяких сомнений, Галли сказал Сэму про этот день и уж наверное объяснил, какие он дает возможности. Если Сэм проникнет в замок, встреча неизбежна. Возможно, он не станет курить, не станет он и щупать предметы; но из ряда — выйдет непременно. Что для него дворецкий, что два лакея?! Выйдет и будет бродить, пока ее не найдет.

Она его видеть не хотела, даже издали. Да, разлука с ним образовала в ее сердце примерно такую дыру, как котлован для небоскреба, — но что поделаешь! Время как-нибудь поможет, а не сумеет — все равно; человеку, который сказал то, что сказал он, нет места в ее жизни.

Дойдя до библиотеки, она принялась за работу, но пыла в ней не было. Обметая книги, складывая бумаги, она думала не о них, а о том, как бы увернуться от встречи.

Помогло ей письмо, найденное в каминной золе, с которым она и побежала к лорду Эмсворту.

Ворвавшись в кабинет, она заметила, что он испуган. И впрямь, граф испугался, увидев в ее руке письмо, но первые же слова тревогу прогнали.

— Лорд Эмсворт, не отпустите ли вы меня денька на два? Отец заболел.

И Галахад, и Типтон очень бы удивились, припомнив, что Эрнст Каллендер скончался, когда ей не было восьми. Но граф этого не знал и вежливо поохал.

— Ай-яй-я-яй! — сказал он. — Нехорошо. Что там — плохо.

— Значит, можно уехать?

— Конечно, конечно, конечно, — отвечал он с излишним пылом. — Полковник тоже едет, он подвезет вас к станции. Да. Подвезет. На машине.

— Спасибо вам большое.

— Не за что, не за что, не за что.

— Пойду, вещи уложу. А, кстати, я нашла письмо! Надо будет ответить.

Лорд Эмсворт помрачнел. В сущности, он это предвидел. Если бы он

был поэтом, он бы сказал: «От Сэнди до письма — рукой подать.».

2

Вернувшись, Галли пошел в курительную и стал просматривать газеты. Однако фотографии невест, похожих на подругу гангстера, и мордоворотов в бальных платьях его не увлекли. Ему захотелось поболтать с братом. Когда он подошел к двери, оттуда, словно кукушка из часов, этот брат и выглянул.

— Галахад! — сказал он. — Ты мне нужен.

Как ни странно, он был не просто весел, а очень весел, исключительно.

— Галахад! — повторил он таким тоном, будто в замке нет ни сестры, ни секретарши, ни дамы Дафны с сыном. — Галахад, случилось чудо.

— Какое?

— Ты слышал об Уиппле?

— Твой любимый писатель. «Жизнь среди свиней».

— «Уход за свиньей».

— Верно. Так что с ним?

— Мисс Каллендер нашла письмо от него.

— В корзине?

— В камине. Как же оно туда попало?

— Шерлок Холмс держал табак в персидской туфле.

— Какая она? Я их не видел.

— И я не видел. Очень горюю. Да, так письмо от папаши Уиппла. Хочет взять интервью у Императрицы?

— Хочет на нее посмотреть. Пишет из клуба «Атенеум».

— Из этого склепа? Помню, мы там обедали.

— С ним?!

— А с кем же еще?

— Ты его знаешь?

— Встречались.

— Что же ты не сказал?

— Как-то не довелось. Помнишь, я писал мемуары? Думал порасспросить его о дяде, у того на старости лет выросли новые зубы. И какие! Орехи щелкал. Вообще-то неплохой человек. Не дядя — Уиппл. Тот умер на девятом десятке от излишка орехов. Ты хочешь его пригласить?

— Конечно. Это — большая честь.

— Заполняется наша лачужка…

— Я написал телеграмму, что письмо мне только что дали. Ваулз пошлет со станции. Он подвозит Эгберта.

— Почему ты не позвонишь?

— Они меня не понимают. Там очень странная девушка, она говорит: «Пардон? Пардон? Нельзя ли по буквам?». Нет, пускай уж Ваулз.

— Лучше я. Еду в Лондон, там и отправлю.

— Спасибо, Галахад. Прекрасно, прекрасно, прекрасно, превосходно.

Через несколько минут Галахад шел по дороге, лихо сдвинув шляпу, едва не приплясывая. Он не пел цыганскую песню, но никто не мог бы поручиться, что он ее не запоет, ибо эта история с Уипплом блестяще разрешала проблему. Все обернулось как нельзя лучше, роль ангела-хранителя удавалась на славу.

Жара немного спала, но не настолько, чтобы «Герб Эмсвортов» не вставал перед мысленным взором, и он перед ним встал. При этом «Гербе» был тенистый сад у реки, где можно сидеть под деревом, попивая пиво, вдохновляясь видом вспотевших лодочников с женой, тещей, тетей, тремя детьми, собакой и корзинкой. Галли живо представил себе пенящуюся кружку, когда услышал: «Эй!» и увидел юного Гарри, не посрамившего доверие отца, который владел в ближней деревне кабачком «Голубой боров».

— Вам письмо, мистер Трипвуд, — сказал он.

Собственно говоря, их не представили друг другу, но все на много миль вокруг знали, каков с виду младший брат их лорда.

Галли удивился, но письмо взял. Подтеки сепии, связанные с тем, что держала его, скажем так, детская рука, не испортили вконец текста, который и сам по себе был достаточно темен. Сэм писал кратко, не вдаваясь в детали, и получалось, что он не в «Гербе», и не в Маркет Бландинге, а в деревне, под самой оградой парка. С ним что-то случилось, ему срочно нужны совет и помощь.

Еще ни один человек не обращался всуе с такой просьбой к Галахаду Трипвуду. Он знал, что пиво в «Голубом борове» несравненно хуже, чем в «Гербе», но умел принимать вызов судьбы. Через пять минут, не больше, он переступил порог сельского кабачка.

3

Сэм обрадовался ему, напоминая при этом матроса, потерпевшего

кораблекрушение и завидевшего парус. Пока он ждал, он обдумал положение, и оно понравилось ему еще меньше. Жара-жарой, но у него мерзли ноги, а птичий щебет за окном казался ему свистом полицейского.

Галли внимательно выслушал его повесть, ничем не выказывая ни осуждения, ни ужаса, хотя бы потому, что он их не испытывал. Дал констеблю в глаз? Что ж, это прекрасно. А вот положение действительно трудное, выкрутиться — нелегко.

— Расскажите еще раз про Сэнди, — попросил он. — Вы ее увидели. А она вас?

— Тоже увидела.

— И немедленно исчезла?

— Да.

— Мне это не нравится.

— И мне.

— Можно заподозрить, что она избегает встречи.

— Можно.

— Это нехорошо. Вы за ней погнались?

— Да.

— С часами в кармане?

— Да.

— А констебль побежал за вами?

— Да.

— А вы ему дали в глаз?

— Да.

— Так, все ясно. Вы, насколько я понимаю, как загнанный олень, стремящийся к реке, к потокам вод.[108] Возвращаться в «Герб» нельзя.

— И я так думаю.

— Что там думать! Нельзя, и все. Только суньтесь, и вы — в узилище. Нужно где-то скрыться. Вы рады узнать, конечно, что такое место есть.

Сэм явственно вздохнул.

— Есть?

— Да. На те несколько дней, пока тарарам уляжется, вас приютит замок.

— Что?!

— Замок.

— Вы же говорили, что не можете приглашать гостей!

— Ну и что? Вас пригласит мой брат Кларенс. Сейчас он велит рабам и слугам взять с чердака алый ковер и хорошенько выбить. Да, вы ничего не знаете! Тогда слушайте. Надо вам сказать, что брат очень любит книгу о

свиньях. Самое высшее счастье для него — смаковать драгоценные слова, как листики артишока. Должно быть, он знает ее наизусть. Автор — некий Уиппл. Понятно?

— Не совсем. За рассказом я слежу, но…

— Не понимаете, при чем тут все это? Сейчас поймете. Дальше говорить?

— Конечно.

— Захожу к брату, он просто цветет. Оказалось, что ваша Сэнди нашла письмо от Уиппла, тот хочет посмотреть Императрицу. Можете себе представить, как это тронуло Кларенса. Буквально плясал канкан. Дал мне телеграмму, чтобы я ее отправил. Теперь понятно?

— Нет.

— Непонятно, что это решает все проблемы?

— Нет.

— Где живость ума? Ваш отец давно бы все понял. Назовитесь Уипплом — и путь открыт. Редкая удача. Я бы сказал, Провидение. Так и чувствуешь, что о тебе *заботятся.*

Когда Сэм, который как раз начал новую кружку, прокашлялся и отдышался, он проговорил с некоторым недоверием:

— Галли, вы с ума сошли! Приедет настоящий Уиппл…

— Нет.

— Что — нет?

— Не приедет.

— А как же? Получит телеграмму и…

— Не получит. Вернее, получит сообщение о том, что у лорда Эмсворта корь.

— Ну, хорошо. А вдруг кто-нибудь в замке меня знает?

— Не знает. О чем-о чем, но уж об этом я подумал. Сестра моя Гермиона? Ее муж? Дама Дафна? Типтон Плимсол? Вот видите! Волноваться незачем.

— А Сэнди?

Галли просто ужаснулся.

— Такая хорошая девушка вас не выдаст. Нет, рассердиться она рассердится, но выдавать — не станет. Словом, не вижу ни одной помехи.

— А я вижу. Да я от одной мысли сдохну! Не могу, боюсь. Переночую здесь, повидаю Сэнди и — в Лондон.

Галли вздохнул и покачал головой.

— Что за поколение! Куда ни взгляни — малодушие, трусость, слабость. Любой пеликан кинулся бы опрометью. Значит, не хотите?

— Нет.

— Оказаться под одной крышей с нем?

— Ровно на пять минут. Выйдет эта леди, схватит за шкирку… Я всегда готов на риск, но есть же пределы!

— А если констебль вас тут застукает?

— Будет очень неприятно.

— Ну, вот!

— Но все же лучше, чем пойти к лорду Эмсворту и сказать: «Приветик, я — Уиппл!».

Галли пожал плечами, как пожал бы Наполеон, если бы войска сказали ему, что идти вперед им не хочется.

— Дело ваше, — признался он. — Остаюсь при своем мнении. Что ж, положимся на День открытых дверей.

4

Машина стояла перед замком, поджидая полковника. Сама по себе она была недурна, но не шла ни в какое сравнение с роллс-ройсом, остановившимся чуть подальше. Выйдя, полковник Уэдж осмотрел его почтительным взором.

— Это чей? — спросил он Ваулза.

— Мистера Плимсола, сэр. Полковник очень удивился.

— Мистера *Плимсола!*

— Да, сэр. Он только что приехал.

Полковник растерянно моргал, пытаясь переварить это сообщение, когда появился сам Типтон с продолговатым предметом в руке, напоминавшим, и не зря, те коробки, в которых ювелиры держат свои изделия.

— А я вас ищу, полковник, — сказал он. — Хочу показать ожерелье, купил в Лондоне. Думал отдать прямо ей, а ее нет. Вот жаль, так уж жаль. — Он открыл коробочку. — По-моему, ей понравится, а? — прибавил он, прекрасно зная, что невеста чувствует себя просто голой без драгоценных украшений. Она стремилась как можно больше походить на люстру.

Полковник ответил не сразу, у него захватило дух. Он не был знатоком, но если уж это ожерелье, как говорится, не влетело в копеечку, просто понять нельзя, что же в нее влетит.

— А… — начал он и запнулся, — а вы это можете себе позволить?

Типтон был искренне удивлен.

— Ну, конечно, — сказал он. — Всего восемь тысяч фунтов. Вам нехорошо?

— Да так, малярия, — выговорил полковник.

— А часто она вас мучает?

— Довольно часто. Р-раз — и приступ.

— Ай-я-я-яй! Неприятная штука.

— Приятного мало.

Оставалась одна надежда: а вдруг письмо еще не послано? Именно об этом думал полковник, не особенно в это веря, когда на верхней ступеньке появился Уилфрид Олсоп.

— Вас к телефону, дядя Эгберт, — сказал он. — Тетя Гермиона, из Лондона. — И полковник быстрее пули кинулся в дом.

— Привет, старушка, — с трудом проговорил он, схватив трубку.

— Эгберт, я приеду послезавтра. Тебя уже не будет, да?

— Я сейчас уезжаю.

— Возвращайся поскорей.

— Хорошо, хорошо. Как там это письмо?

— Какое?

— Вероникино.

— А, это? Ты беспокоился? Совершенно зря. Она очень умная девочка.

— То есть написала?

— Конечно. Я только что отослала. Что ты говоришь?

Полковник не говорил, он стонал у смертного ложа надежды. Он знал, что она слишком хороша для нашего мира, знал — и не ошибся: от одной фразы она испустила дух.

— Ничего, — ответил он. — Ничего, горло прочистил. Прикинув, сообщить ли страшную весть, он решил подождать, пускай старушка проведет еще один счастливый день.

— Ну, я иду, — сказал он. — Ваулз заждался. Когда письмо придет, как ты думаешь?

— Послезавтра утром. А что?

— Ничего, просто спросил.

— Типтон приедет и получит.

— Он приехал.

— Да? Как он, очень плох?

— Нет, не очень.

— Молодец. Надеюсь, письмо его не слишком расстроит.

— И я надеюсь, — сказал полковник.

Если бы кто-нибудь увидел его, когда он отошел от телефона, ему бы показалось, что разговор был приятным или хотя бы пустячным. Полковник держался прямо, глядел смело, даже усы торчали вверх. Там, где Отелло по несопоставимо меньшей причине лил слезы, как целебную смолу роняют аравийские деревья, Эгберт Уэдж сохранял внешнее спокойствие. Британская армия хорошо тренирует своих сынов.

Что же до внутреннего состояния, самой связной его частью был горький упрек. Нет, как можно поверить Кларенсу! Как можно забыть то, что знал каждый, соприкасавшийся с графом Эмсвортским! Хочешь жить — не обращай внимания ни на одно его слово.

Остро ощущая эту горечь, полковник вышел из замка. Тип-тон исчез, место его занял Галли, по-видимому, сообщающий Ваулзу что-то занятное, ибо тот не улыбался — конечно, гильдия не разрешает, — но странно двигал верхней губой.

— А, Эгберт! — сказал Галли. — Уезжаешь?

Что-то хлопнуло в измученной душе полковника, словно там взорвалась шутиха. Это было вдохновение.

Отведя Галли в сторонку, чтобы шофер не слышал, он ярко и красноречиво рассказал свою повесть. Поначалу ему хотелось воздать должное лорду Эмсворту, но он подавил это желание, изложив факты с такой четкостью, что Галли понял всю глубину беды.

— Эгберт, — сказал он, — письмо не должно дойти до Типтона.

— Вот именно, — согласился полковник. — А перехватишь его ты. Понимаешь, я не могу, меня не будет. Еду к крестной.

— Отменить нельзя?

— Она не простит.

— Что ж, я к твоим услугам.

Все двадцать пять лет своего брака леди Гермиона обсуждала нравственное и духовное несовершенство Галахада Трипвуда, но муж ее, резонно храня свои мнения при себе, считал его истинной солью земли.

— Слава Тебе, Господи! — воскликнул он. — А ты справишься? Нет, я в том смысле, что ты так рано не встаешь.

Галли отмел его сомнения.

— Что я, хуже какого-то жаворонка? Может он — смогу и я. Езжай, подлизывайся к крестной. Не опоздай на поезд!

— Понимаешь, жду эту барышню.

— Какую?

— Ну, секретаршу. У нее отец заболел. А, вот и она! Действительно,

по ступенькам спустилась Сэнди. Лицо ее было серьезно, как у любого, кто едет к больному отцу.

— Я вас не задержала, полковник?

— Ничего, ничего. Время есть. Она обратилась к Галли.

— Меня не будет в День открытых дверей.

— Жаль, очень жаль. А еще печальней — вот это, с вашим отцом.

— Спасибо. Я знала, что вы огорчитесь.

— А что с ним такое?

— Врачи в полной растерянности. Нам пора, полковник?

— Да, да. Едем, Ваулз.

Машина отъехала. Галли задумчиво протирал монокль.

Глава 8

1

Ничто не поднимает дух лучше доброй беседы — и наутро будущий маркиз проснулся бодрым, оживленным. Бреясь, он прикидывал, вскричать ли «Мы созданы друг для друга!», репетировал это за кофе, и слова еще трепетали на его устах, когда, с фляжкой в кармане, он шел к жилью Императрицы. Только там, на месте, догадался он, что замысел несовершенен: вот — жилье, вот — свинья, а Моники — нету. Он не знал, в чем заключаются обязанности фрейлины, но в чем бы они ни заключались, они увели ее куда-то. Чтобы не томить читателя, скажем, что прекрасная свинарка пошла в огород, умыться. Ожидая свидания, всякий позаботится о внешности.

Однако, если ты пришел объясниться, а объясняться некому, дух поневоле падает. Непредвиденное ожидание плохо повлияло на Уилфрида. Мужество просто утекало, капля за каплей. Слова «Мы созданы и т. д.» показались уж очень глупыми.

Вообще-то из фляжки он отхлебнул, но тут понял, что одним глотком не обойдешься. В сознании замелькали пословицы, вроде «Кашу маслом не испортишь» или «Если делать, то основательно». Поднеся фляжку к губам, он прислонился спиной к перильцам, запрокинул голову, но увидел движущийся объект, а точнее — юного Хаксли, который решил посмотреть, пришла ли пора действовать. Упорный отрок просто заклинился на том, чтобы выпустить свинью и проследить, что будет.

Если мы скажем, что Уилфрид пошатнулся, мы не преувеличим. Чутье подсказало ему, что Хаксли — прирожденный доносчик. Увидел он — значит, увидела дама Дафна. Нужно было что-то придумать — и он придумал бросить фляжку за спину. Она упала в корыто, немедленно утонув в месиве. Немного приободрившись, Уилфрид решил стоять насмерть. Он верил в этот метод, и тот его обычно не подводил.

Хаксли же, как и Типтон, верил в быстроту и натиск.

— А я видел, как вы пили! — сообщил он.

— Я не пил.

— Пили.

— Не пил.

— Пили. А ну, дыхните!
— Еще чего?
— Подозрительно. Очень подозрительно.
Они помолчали, Уилфрид при этом потел. Возобновил беседу Хаксли.
— Знаете, как действует алкоголь на простого червя?
— Не знаю. А как?
— Да уж так, — туманно ответил отрок и снова помолчал, видимо, сокрушаясь о черве. — Мать говорит, — продолжал он, — вы будете учить музыке.
— Буду.
— Она пить не разрешает.
— А я и не пью.
— Мымрам пить нельзя.
— Кому?
— Училкам. Я их зову «мымры».
— Лучше называть «учительницы». Хаксли неприятно фыркнул.
— Чему вы смеетесь?
— Тому. Значит, вы — училка! Они вас будут звать «мэм»?
— Отстаньте.
— Или «мисс»?
— Кажется, я вас не задерживал.
Хаксли с этим согласился, но вернулся к прежней теме.
— Узнает, что вы пьете, — выгонит.
— Я не пью.
— Одна мымра выпила шерри — и привет!
— Что ж, это справедливо.
— А я скажу, что вы надрались.
— Я не надрался.
— Дыхните, — предложил Хаксли, завершая полный круг. Уилфрид беззвучно застонал. Ему казалось, что он попал в лапы закона. Он не знал, какую карьеру выбрала для сына дама Дафна, но посоветовал бы ей готовить его к судейской. Даровитый отрок явственно усвоил тон и сноровку, необходимые при перекрестном допросе, когда, выудив из свидетеля рискованные фразы, надо прогреметь: «Должен ли я вывести отсюда?..». Но, гадая о том, сколько продлится борьба воль, Уилфрид с удивлением увидел, что кто-то хватает Хаксли за ухо, а тот истошно орет.

Из огорода, из-под шланга Моника бежала не ради свиньи. Увидев любимого человека, она решила избавиться от зрителей долгожданной сцены. Если на такую сцену смотрят, ее как бы и нет.

Вывернув Хаксли ухо, она повлекла его через лужайку и вытолкнула за ворота, прибавив для верности, что следующий раз задушит голыми руками; после чего вернулась к Уилфриду.

Уилфрид терзался и пылал. Сзади топотала свинья, и в другую минуту он бы подумал, что сделает с ней алкоголь, если он так вредит простому червю. Однако есть время думать о свиньях, и время о них не думать.

Тем временем два-три глотка из фляжки делали свое дело. Когда прекрасная свинарка вернулась, он шагнул к ней. Он ее обнял. Он ее поцеловал.

— Моника! — заорал он, как разносчик, рекламирующий брюссельскую капусту. Типтон был прав. Все оказалось легче, чем свалиться с бревна.

2

Лорд Эмсворт не любил посетителей. День открытых дверей огорчал его не меньше, чем школьный вечер, разве что не надо носить цилиндр. Людей он не обижал, но предпочитал, чтобы они были подальше. Он терялся, когда вторгались в его домен, особенно — семьями, ибо дети, если за ними не доглядишь, доберутся до святилища и, упаси Господь, расстроят нежную свинью. Граф не забыл того дня, когда малолетний злодей по имени Бэзил дразнил ее картошкой на резиночке.

Чтобы это не повторилось, бедный пэр загодя направился к стойлу, вооружившись охотничьим ружьем. Кровь крестоносных предков кипела. Если бы злодей вернулся, не пройдя через покаяние, его бы ждала неприятная встреча.

Избегая парадного входа, путь к которому лежал через холл, где были посетители, граф вышел через боковую дверцу и вскоре повстречал Сэма. Тот уже спросил троих, как пройти к свинье, но они не знали.

Он тоже томился. Мысль о констебле терзала его. Так и казалось, что в любую минуту тот выйдет из-за угла, позвякивая наручниками.

Пугал его и замок. Трудно вынести такое величие, если ты привык к уюту и убожеству Хэлси-корта. Может быть, юный Бэзил и чихал на него, но Сэма оно угнетало, словно руки-ноги странно разрослись или костюм стал узок.

Встреча с лордом Эмсвортом его ободрила. Если здесь, подумал он, терпят старичков в залатанных брюках и потрепанной шляпе, жить еще можно, все-таки он поприличней.

— Здравствуйте, — сказал он. — Вы не знаете, как пройти к свинье Императрице?

Лорд Эмсворт просто засиял. Его всегда огорчало, что посетители смотрят ковры, картины, янтарные комнаты, совершенно не интересуясь единственным сокровищем замка. И он улыбнулся, учуяв родство душ.

— Я сам туда направляюсь, — сердечно сказал он. — Вы тоже любите свиней?

Сэм растерялся. К свиньям он был равнодушен, но раз уж старичок их любил, надо было ответить утвердительно, что он и сделал, судя по реакции — правильно.

— Мы идем огородом, так быстрее, — объяснил лорд Эмсворт. — Вы тут еще не бывали?

— Не бывал.

— Вы, часом, не из Америки?

— Нет.

— Знаете, многие — оттуда. Я сам только что туда ездил.

— Вот как?

— Да. К сестре на свадьбу. Вы любите вареные яйца?

— Люблю.

— И я их люблю. А они подают их в стаканчике. Мало того — взбалтывают. Я возражал, но они не слушали. Спросишь яйцо — взболтают.

— Значит, не надо спрашивать яиц.

— А если очень хочется? Вообще-то вы правы, Галахад тоже так сказал. Это мой брат.

Сэм чуть не подпрыгнул. Он был уверен, что владелец замка — грозный граф с густыми бровями, вроде Доринкорта[109] из книжки, которую он любил двадцать лет назад. Узнав, что обтрепанный старичок владеет этой махиной, он испытал то же самое, что испытал полковник, приняв деверя за спецовку. От потрясения он молчал, пока не дошли до цели.

Когда они дошли, граф вскрикнул:

— Ой, Господи! Там Бурбон!

— Простите?

— Мой бывший свинарь. Теперь он не служит. Кажется, какой-то родственник оставил ему кабачок. Наверное, приехал в шарабане. А, Бурбон! Хотите повидаться с *ней!*

Джордж Сирил обернулся, являя косой глаз и сломанный нос. Косил он от рождения, нос ему сломали в «Гусе и гусыне», из-за политических

споров.

— Здрась, — сказал он.

Между наемным работником и свободным кабатчиком есть тонкая, но четкая разница. Сейчас она была скорее четкой, ибо Джордж Сирил не забыл, что его выгоняли дважды. Ну, один раз — еще туда-сюда, бывает, но уж два — это черт знает что!

— Фиг ее увидишь, — отвечал он. — Залезла под навес и сидит.

Сэм посмотрел и обнаружил, что к домику пристроен навес, под которым прекрасная медалистка спит или медитирует.

Лорд Эмсворт удивился.

— Странно!

— Мало сказать! Не иначе, как захворала.

— Ну, что вы! Позовите ее.

— Я уже звал, не идет. Как этот, аспид.[110] Наверное, не знаете? Из Писания. Глухой, хоть тресни. Ему поют, играют, а он хоть бы хны. Позовите, это надо же!

— Наверное, вы неправильно звали. Попробуйте еще, а?

— Прям счас! Сами зовите.

Звать свиней лорд Эмсворт умел. Случилось так, что нынешний муж одной из его племянниц какое-то время работал на американской ферме. Кроткий пэр никак не мог запомнить его имя, но учение помнил: как бы ни отрешилась свинья от всего земного, она непременно выйдет, если крикнешь «Сви-и-и-оу-эй!». Начинаем низко, в миноре, поднимаемся вверх, достигая верхнего «до», рассыпаемся трелью. Девятый граф овладел этим не сразу, но все же овладел, и теперь, сложив руки трубочкой, вывел:

— Сви-и-и-оу-оу-э-э-эй!

Сэм подпрыгнул, как ягненок по весне. Ему показалось, что у него снесло макушку.

Страдал он не зря. Еще не отзвенело в ушах, как послышались звуки, словно бегемот поднимался с тростникового ложа, потом — хрюканье. Появилось кроткое лицо Императрицы, а через секунду-другую — и тело.

Однако хозяин ее не успокоился. Что-то с ней было не так: она покачивалась, спотыкалась, ковыляла к корыту, пока, наконец, не легла на землю.

— А, что? — ликовал Джордж Сирил и со вкусом прибавил. — Свиная чумка.

Граф окаменел. Если бы так не писали раньше, я бы сказал, что сердце у него остановилось. Но духом он не пал.

— Какая ерунда! Вы… вы с ума сошли.[111] Джордж Сирил укоризненно взглянул на него.

— А вы знаете, — осведомился он, — что за это бывает? Попадете в ад, по Писанию. «Кто скажет брату…»

— Слава Богу, вы мне не брат, — парировал лорд Эмсворт. Джордж Сирил не сдался.

— Все мы братья, — напомнил он. — Тоже по Писанию.

— Идите прочь! — разъярился граф. — Уходите — из моих — владений!

— И пожалуйста, и пойду, — согласился бывший свинарь. — Это надо же, гостей выгоняют! Ну, ладно, звонили бы лучше доктору. Хотя чего там, не поможет.

Лорд Эмсворт уже бежал к телефону, мелькая длинными ногами, а Сэм, оставшись в одиночестве, смотрел на больную. Из-за облака вышло солнце. В корыте что-то сверкнуло. Перемахнув через перила, он увидел, что это — фляжка, и понял, почему облик медалистки показался ему знакомым. Именно так выглядели трутни наутро после лодочных гонок, а Пуффи — практически всегда. Словом, когда граф вернулся, он поспешил его утешить.

— Все в порядке…

Лорд Эмсворт не поверил заалевшим от бега ушам.

— *В порядке!* Если это свиная…

— Нет, нет. Вы поглядите.

— А что?

— Пустая фляжка! У нее в корыте.

— Ой, Господи! Как она туда попала?

— Сам не пойму. Ясно одно. Императрица напилась. Есть такое выражение: «Напился, как свинья».

— Да? Не слышал.

— В общем, она — под градусом. Проспится, и все. Жаль, что далеко до Лондона, там один аптекарь делает замечательную смесь, Она бы сразу вскочила. А так — пусть проспится, завтра будет как новенькая.

Граф облегченно вздохнул, с обожанием глядя на Сэма.

— Вы надолго в наши края? — робко спросил он. Вспомнив констебля, Сэм ответил, что это от многого зависит.

— Вы по делу приехали?

— Нет.

— Тогда не разрешите ли вас пригласить? Поживете тут недельку-другую. То есть, сколько хотите.

Если бы Сэм мог говорить, он бы сказал: «Верю в Деда Мороза!» или «Верю в фей!», но говорить он не мог, и едва прокрякал:

— Спасибо…

— Прекрасно, прекрасно, превосходно! — обрадовался граф.

— А, вот вы где! — послышалось сзади. — Значит, ты познакомился с Уипплом, мой дорогой?

3

Пенсне слетело вниз, а его владелец затрепетал от шляпы до подошв.

— Уиппл? Уиппл? Уиппл? — проговорил он. — Ты сказал «Уиппл»?

— Да, это Гас. Так мы зовем его в «Атенеуме». Ты думал, он приедет позже? Ничего не поделаешь, легок на подъем! «Теперь или никогда» — вот его девиз. Эй, а что это с Императрицей?

— Она выпила, Галахад. Ей нехорошо. Кто-то уронил туда фляжку.

— Какой урок! Надо ей вступить в Анонимных Алкоголиков. А вообще-то беспокоиться незачем. Сырое яйцо в вустерском соусе[112] — и все, как рукой! Конечно, врача позвать стоит.

— Я уже звонил, он едет сюда.

— Тогда я пойду с Уипплом к тебе в кабинет.

— Да, да, да, хорошо, — сказал девятый граф. — Я рад, мистер Уиппл. Я горд.

Сэм вымучил слабую улыбку. Говорить он еще не мог и молчал, пока Галли вел его к замку. Однако Галли всегда умел говорить за двоих.

— Быстрота мысли, мой друг, — с удовольствием похвастался он, — быстрота мысли. Я всегда мыслил быстро. В «Пеликане» часто повторяли: «Вроде бы и смотреть не на что, а соображает — мигом!». Помню, выглянул я из окна, а у входа стоит букмекер. Отдать ему долг я не мог, значит — надо что-то делать. Не прошло и минуты, как я сообразил. Он стучится, я отвечаю: «Осторожно, мистер Симмс! (его звали Тимом Симмсом). Осторожно, у меня скарлатина.». Он усомнился. Я открыл двери — и он в два прыжка одолел всю лестницу. Почему, спросите вы? Потому что одна знакомая забыла помаду, а я ею воспользовался. Потом я взглянул в зеркало, сам испугался.

— Знаете… — сказал Сэм.

— Знаю, знаю, — отвечал Галли, поднимая руку, как полисмен, останавливающий движение. — Вы удивляетесь, почему я нарушил наш уговор. Дорогой мой, иначе нельзя. Ваша Сэнди обдурила нас на славу.

Под каким-то дурацким предлогом она отправилась в город дня на два. Тем самым, пришлось позаботиться о том, чтобы вы остались в замке. Как видите, я это сделал.

— Знаете… — снова попытался Сэм.

— Знаю, знаю. Вам почему-то не хочется быть Уипплом, Но, поверьте, плюсов больше, чем минусов. Вы — здесь, Ивенсу до вас не добраться, а коварная Сэнди скоро увидит, что обмануть нас ей не удалось. Да, я неплохо разрешил эту сложную ситуацию. Когда-то меня хотели пустить по дипломатической части, может быть — не зря. Ну, вот мы и в кабинете. Обычно пыли тут больше. Это Сэнди виновата, все время убирает. Садитесь, располагайтесь.

Сэм расположился и посмотрел на него с укором.

— Не дадите ли вставить слово? — осведомился он.

— Дам, дам. Только не надо благодарностей.

— За полминуты до того, как вы сунулись в это дело, лорд Эмсворт пригласил меня погостить в замке.

Монокль у Галли редко падал, но тут он упал.

— Вы серьезно?

— Еще как!

— Почему же? Не понимаю!

— Из благодарности. Я ему сказал, что Императрица здорова.

— И он вас пригласил?

— Вот именно.

Галли вставил монокль и задумчиво вымолвил:

— М-да… Очень может быть, что я поторопился. Что ж вы раньше не сказали?

— Интересно, когда?

— И то верно. Ну, теперь — все, говорить не о чем.

— Я бы отыскал темы две-три. Галли огорчился.

— Ай-я-я-яй! — сказал он. — Откуда такая горечь? Да, вы расстроены, вы растеряны, но особой беды нет. За вами гонится полиция, вам нужно скрыться. Как это там? Моряк вернулся с моря, охотник — с гор…[113] Вы, как вылитый.

— А фамилия чья?

— Псевдоним не унижает. Посмотрите на лорда Бэкона.

— Лорд Эмсворт думает, что я — свиновод.

— Вы не любите свиноводов?

— Я ничего не знаю о свиньях. Что мне делать, если он о них заговорит?

— Не волнуйтесь, он сам все скажет. Урчите время от времени. Т-с-с!

— Что значит «Т-с-с»?

— Это значит «Тише». Он идет сюда. И впрямь, появился радостный граф.

— А, вы здесь, мистер Уиппл! — воскликнул он. — Прекрасно, прекрасно, превосходно. Сейчас я скажу, чтобы принесли чаю.

— Чаю? — удивился Галли. — Нет, его пить нельзя. Пусть принесут шампанского. Я вижу, Уипплу надо выпить.

— Наверное, ты прав, — признал лорд Эмсворт.

— Наверное? Несомненно. Жизнь поддерживают алкоголем. Вспомни, как Фредди Поттс с братом съели ежа.

— Кого?

— Ежа. Они отдыхали на Ривьере, у них был французский повар, он все и покупал. Ну, пошел он в лавку, видит — валяется еж. По своей практичности он решил, скажем так, сэкономить. Вернулся домой, стушил ежа вместо курицы, братья с аппетитом пообедали — и здесь начинается самое главное. Юстес, который почти не пил, чуть не окочурился. Фредди, который просто жил на виски, даже не заболел. Какой урок для всех нас! Позвони, Кларенс.

Лорд Эмсворт позвонил, приведя в движение Биджа, отдыхавшего в своей комнате. Он вылез из кресла (юный Хаксли сравнил бы его с Императрицей, вылезающей из-под навеса), обулся, с трудом взошел по лестнице. Взгляд у него был печальный, вид — озабоченный.

Все девятнадцать лет своей службы он относился к этому дню неоднозначно. С одной стороны, ему льстило, что именно он водит по замку ахающих людей; с другой стороны, уставали ноги. И то сказать — вверх-вниз, вверх-вниз! Мало кто знал, что он страдает мозолями.

Духовные плюсы преобладали над плотскими минусами; преобладали — но не сегодня. Дворецкий, у которого украли серебряные часы, совсем не то, что дворецкий, у которого часов не крали. Водя посетителей по замку, он горько корил себя — да, он проглядел этого субъекта. Надо было помнить, как опасны люди с изувеченным ухом.

Покидая Бландинг, чтобы служить Доналдсону-Собачья Радость, младший сын лорда Эмсворта оставил Биджу свои детективы — по общему мнению, лучшую коллекцию графства. В каждом третьем романе у злодея было такое ухо. Казалось бы, насторожись — а он прошел мимо и теперь пребывал в глубоком унынии.

Однако, только он вошел, уныние сменилось ужасом: с хозяином и его братом по-дружески беседовал субъект. Рассматривая фотографии, тот

наклонил голову, но уха не скрыл. Другой закричал бы, но дворецкие не кричат.

— Вы звонили, милорд? — осведомился он.

— Э? А! Да, да, да, звонил. Вот что, Бидж, принесите нам бутылку шампанского.

— Сию минуту, милорд.

— А пока, мистер Уиппл, — сказал граф, — пойдемте в библиотеку, там тоже есть ее фотографии.

Они вышли, а Галли с удивлением увидел, что Бидж, чем идти за шампанским, крадется к нему.

— Можно с вами поговорить, сэр?

— Конечно, Бидж.

— Я хотел бы узнать, кто этот… кх… джентльмен.

— Мой брат, Кларенс. Я думал, вы знакомы. Биджу было не до шуток.

— Другой, — сурово сказал он.

— А, другой! Это Огастес Уиппл, такой писатель.

Что написал Уиппл, дворецкий знал. Когда у лорда Эмсворта болели глаза, он читал ему «Уход за свиньей».

— Уиппл, сэр?

— Он самый. Погостит у нас.

— Мистер Галахад!

— Да, что? Почему у вас отвисла челюсть? Вы не рады?

— Какая тут радость, сэр! Он — преступник.

— Откуда вы это взяли?

— Вчера он украл у меня часы.

— Бидж, вы напились!

— Нет, сэр. Сейчас я вам все расскажу.

Рассказал он дважды, Галли внимательно выслушал, а затем покачал головой.

— Меня вы не убедили. Начнем с того, что виделись вы налету…

— Но ухо я заметил.

— Ухо?

— Да. Изувеченное.

Галли снисходительно засмеялся.

— И на этом вы строите обвинение? Да, Господи, Шропшир кишит изувеченными ушами! Объединяются в клубы и общества. Больше ничего нет?

— Есть, сэр. Возраст.

— Не понял?

— Такой молодой человек не мог написать ту книгу.

— По-вашему, он моложав?

— Да, сэр.

— Многим так кажется. Поклонники диву даются. Но причина проста: годами, каждое утро, он делает гимнастику. Избегает жареного, зато дважды в день ест витамины. Честное слово, Бидж, нельзя же так! Мало ли у кого ухо и возраст! Скажем, один пеликан был как две капли похож на одного министра. Этого пеликана, обычно — в женской шляпке, швейцары просто устали выбрасывать на улицу. Каково министру, а? Может быть, мой племянник оставил вам свои детективы?

— Да, сэр, оставил.

— И вы их читаете?

— Да, сэр.

— Ну вот. Всюду мерещатся злодеи. Тем же самым страдает Агата Кристи. Успокойтесь, Бидж, смиритесь, идите за шампанским. Одна нога здесь, другая — там.

Выражение это не очень подходило к Биджу, осанкой напоминавшему слона, а уж теперь он двигался совсем медленно, смятение мыслей и чувств оказывает такое действие. Он был уверен, что новый гость украл у него часы, но тогда как же он подружился с его светлостью и самим мистером Галахадом?

Не в силах решить загадку, он отнес шампанское и, все еще в трансе, вернулся к себе. Там он разулся. Шекспир сказал бы, что он до крайности растерян.[114] Эрл Стенли Гарднер,[115] вдохновленный им, сел бы писать «Дело потрясенного дворецкого». Сам он, если спросить, ответил бы, что совсем запутался.

Когда запутаешься, лучше всего — портвейн. У дворецких он есть. У Биджа он стоял в шкафу. Бидж взял его, собрался откупорить, но услышал телефонный звонок.

— Замок лорда Эмсворта, — произнес он размеренно и важно. — Дворецкий у телефона.

Ответил ему высокий, слабый голос. Галли заметил бы, что именно так говорят в «Атенеуме».

— Добрый вечер, — сказал голос. — Говорит Уиппл, Огастес Уиппл.

Глава 9

1

День открытых дверей ушел, как пришел. Плакаты убрали, шарабаны уехали. Джордж Сирил Бурбон вернулся в Вулверхемтон. Бидж немного пришел в себя. Императрица обижалась с похмелья просто на каждый чих — но в остальном бландингская жизнь стала нормальной.

Часа в четыре прибыла леди Гермиона и пересела из поезда в автомобиль, который ее встречал. Прибыла и Сэнди, классом пониже, и пересела в такси. Полицейский же Ивенс просто сел на велосипед, который ему вернули, и поехал в замок, чтобы отдать Биджу часы.

Собиралась гроза, леди Гермиона устала, но все равно радовалась. Что грозы, что неудобства, если ты спасла своего ребенка?! Когда шофер двинулся в путь, она думала о том, какая послушная у нее дочь. Диктофон, и тот бы больше противился. Заговорила Вероника один раз, спросив, сколько «с» в «расстроена», и леди Гермиона ответила: «Два, душенька».

Если машину ведет Ваулз, дорога от станции коротка, и леди Гермиона успела к самому чаю. Решив, что лучше выпить его у себя, она позвонила, Бидж надел ботинки, явился, выслушал, ушел — и вскоре вернулся с лакеем по фамилии Стоукер (что ничуть не важно), который нес уставленный поднос. Сделав свое дело, лакей удалился, Бидж остался, а леди Гермиона удивилась — это было не в его правилах — и раздраженно откусила от бутерброда с огурцом, ибо стремилась к одиночеству.

— Да, Бидж? — намекнула она.

— Разрешите сказать вам несколько слов, миледи.

В отличие от Галли, который отвечал бы: «Хоть сотню!», леди Гермиона сдержанно кивнула, давая понять, что слушать она готова, но далеко не все.

Дворецкий заметил, что она не склонна к болтовне, и сказал:

— Если вы предпочитаете, миледи, я приду позже.

— Нет-нет. Что-нибудь важное?

— Исключительно важное, миледи. Касается гостя, который прибыл к нам вчера.

Леди Гермиона угрожающе напряглась. Истинный самодержец, она не любила, чтобы гости прибывали без ее ведома. Поскольку Кларенс вряд ли

посмел бы кого-то пригласить, она пришла, точнее — прыгнула к выводу, что таинственный пришелец — друг Галахада. Это ей еще больше не понравилось, она знала его друзей. Отбросы общества. В самом лучшем случае — букмекер.

— О ком вы говорите, Бидж? — сурово спросила она.

— Он назвался Огастесом Уипплом, миледи.

Леди Гермионе стало полегче; никто не мог, тесно общаясь с лордом Эмсвортом, не слышать этого имени. Она знала, что автор «Ухода за свиньей» принят в лучших кругах, состоит в клубе «Атенеум» и время от времени консультирует Министерство сельского хозяйства. Конечно, приглашать гостей самому — faux pas[116] иначе не скажешь, но все-таки это еще ничего, беспокоиться незачем.

— А, мистер Уиппл! — сказала она, заметно повеселев, ибо образ субъекта в клетчатом пиджаке, который назвал бы ее «лапушка», исчез из воображения. — Я очень рада. Он известнейший ученый.

— Если это он, миледи.

— Что такое, Бидж?

— Я подозреваю, что это не он.

Казалось бы, леди Гермиона не должна удивиться — обманщики только и знали, что ездить в Бландингский замок. Вдумчивый летописец заметил однажды, что они там просто заводятся, как мыши. Однако она издала звук, который менее изысканная женщина назвала бы взвизгом, и бутерброд выпал из ее руки.

— Опять! — вскричала она. — Самозванец!

— Да, миледи.

— Почему вы так думаете, Бидж?

— Мне показалось странным, что вскоре после его приезда позвонил джентльмен из Лондона и представился как Уиппл.

— Господи!

— Да, миледи. Справлялся о здоровье милорда. Получил телеграмму, что у него корь. Это подозрительно.

— Еще бы!

— И загадочно, миледи.

Для леди Гермионы загадки тут не было. «Черта с два», заметила бы она, если бы ее иначе воспитали. Огненными буквами на стене сверкало в ее смятенном сознании имя младшего брата.

— Так, — сказала она, с исключительной точностью воспроизведя интонацию констебля. Глаза ее воинственно блестели, придавая сходство с кухаркой, увидевшей в кухне таракана. — Разыщите мистера Галахада и

пошлите ко мне. Нет, не надо. Пойду к нему сама.

2

Брата она нашла в бильярдной, где он тренировался. Увидев ее, он учтиво отложил кий, но не обрадовался, ибо знал, что, как и прочие сестры, ничего хорошего она не скажет. Тем не менее он постарался вложить в свои слова братскую нежность.

— А, это ты! Вернулась. Устала в поезде, да? Какой-то день поганый.

Леди Гермиона ничем не выдала своих чувств, намереваясь убаюкать его подозрительность.

— Душно, — согласилась она. — Как ты думаешь, гроза будет?

— Вполне вероятно. Как там Вероника?

— Очень хорошо.

— Страдаю без ее красоты.

— Я ей передам, она будет польщена. А ты тут как, Галахад?

— Да так, понемногу.

— А Кларенс?

— В полном порядке.

Леди Гермиона мило рассмеялась.

— Что это я, словно на месяц уезжала! Ничего особенного не случилось?

— Особенного — ничего. Гость приехал.

— Вот как? Кто же это?

— Некий Уиппл.

— Неужели тот самый, которого читает Кларенс?

— Именно он. Кларенс получил от него письмо и, естественно, пригласил.

— Ну, конечно, конечно. Представляю себе, как Кларенс счастлив.

— На седьмом небе.

— Таких людей — поискать.

— Да, лучший специалист.

— Не в том дело. Мало кто умеет быть в двух местах сразу. Редкий дар.

— Э?

— Нет, посуди сам: живет у нас в замке, звонит — из Лондона. Интересно, как это делается? Зеркала, что ли?

Брат ее смущался редко. О некотором замешательстве

свидетельствовало лишь то, что он вынул монокль и стал его протирать. Потом он заметил:

— И впрямь странно.

— Именно это подумала и я, когда Бидж мне сообщил. Это он взял трубку.

— Он уверен, что звонил Уиппл?

— Да. Из Лондона.

— Наверное, перепутал. Знаешь, телефон… А что он сказал?

— Что он — Огастес Уиппл, а у Кларенса — корь. Странно, а?

Галли немного подумал, потом — улыбнулся.

— Да нет, не очень. Если вникнуть — просто. День открытых дверей, Бидж замотался, водил эту ораву. Возраст уже не тот, словом — устал. Пошел к себе, достал заветную бутылку, выпил лишнего, что там — насосался, как селедка, и уже не владел собой. Ему говорят: «Уиллс» или там «Уиггс», «Уильямс», а он слышит: «Уиппл», привык к этой фамилии. Насчет кори — еще яснее, это у него корь, у Уиггса.

Давно, еще в детской, леди Гермиона, уже отличавшаяся силой духа, удачно шмякнула брата любимой куклой Белиндой. Сейчас она жалела, что под рукой нет кукол, хотя неплох и топор.

— Возможно и другое, — сказала она. — По не известной мне причине ты притащил сюда одного из твоих кошмарных друзей. Точнее, еще одного, это не первый. Кто он?

— Честно?

— Если можешь.

— Сэм Бэгшот.

— Конечно, его ищет полиция?

— Как ни удивительно, да, — отвечал Галли, восхищаясь ее чутьем. — Прискорбное недоразумение. Он исключительно почтенен. Сын моего приятеля. Здесь он — по неотложному и очень важному делу, ему надо помириться с Сэнди. Он ее любит, она его отвергла. Сейчас ее нету. Сама понимаешь, он ждет.

— Вот как? Нет, не понимаю. Если ты думаешь, что я согласна, ты заблуждаешься. Сейчас же велю Биджу присмотреть за тем, чтобы через полчаса его не было в замке.

Галли не испугался.

— Я бы, — сказал он, — с этим не спешил.

— Вероятно, ты что-то имеешь в виду, но представить себе не могу, что именно.

— Сейчас представишь. Начну с того, что мы с Эгбертом

перекинулись словом-другим.

— И что же?

— Он сообщил, что ты приказала Веронике разорвать помолвку с Типтоном.

— Допустим.

— Я удивился. Мне почему-то казалось, что молодой мультимиллионер — именно то, что вам нужно. Ты не любишь мультимиллионеров?

— Типтон разорился.

— Да? Кто тебе сказал?

— Кларенс.

— Ну, знаешь! Ты думаешь, что это — надежный источник?

— В данном случае — да. Ему сказал сам Типтон.

— А ты и уши развесила. Давай, я все объясню. Как многие и лучшие люди, Типтон попал в полицию. У него утащили бумажник, и он позвонил Кларенсу, чтобы занять денег на штраф. Вот и все. Сомневаешься — так узнай, что позавчера твой будущий зять прибыл на роллс-ройсе, размахивая ожерельем за восемь тысяч фунтов. Не видел, как он переодевался, но думаю, что вместо нижнего белья он обложен стодолларовыми бумажками. Такой у них обычай, у мультимиллионеров.

Получив удар, одни — бледнеют, другие — краснеют. Леди Гермиона сделала и то, и это — сперва побледнела, потом, говоря строго, стала лиловой. Рядом с ней стоял пуфик. Она опустилась на него так, словно из нее извлекли скелет, и уставилась на брата таким взглядом, словно перед ней что-то еще более страшное, чем он. Рыцарственный Галли поспешил ей на помощь. По своей доброте, он не любил инсультов, особенно — у родственников.

— Все в порядке, — сказал он, — спусти пары. Эгберт меня попросил перехватить письмо. Я встал на заре — и пожалуйста!

От великого облегчения леди Гермиона потеряла дар речи. Все, включая брата, засияло красотой. Побулькав немного, она выговорила:

— Га-ла-хад!..

— Я знал, что ты будешь довольна.

— Дай мне его!

— Как же я дам, если оно не у меня? Леди Гермиона резко выпрямилась.

— Потерял?! — вскричала она, несколько лиловея.

— Ну, что ты! Отдал Сэму. Теперь все зависит от тебя. Прими его как почетного гостя, улыбайся своей солнечной улыбкой, и все шито-крыто.

Но если ты хоть немного нарушишь и так далее, Типтон получит письмо от бывшей невесты. Практикуйся, у нас с Сэмом высокие требования, — завершил Галли и, ощутив, что под занавес лучше не скажешь, вышел из комнаты.

Застав в курительной Сэма, отупевшего после беседы о свиньях, он спросил:

— Сэм, где письмо?

— В моей комнате.

— Так я и думал. Именно так. Идите и заберите.

— Почему?

— Неважно. Будем надеяться, что оно еще там. Когда Сэм вернулся, он с облегчением вздохнул.

— Слава Богу. Главное — быстрота. Теперь давайте-ка его мне.

— Что ж вы с ним сделаете?

— Вложу в плотный конверт и суну в стол Кларенсу. Даже Гермиона, — сказал он с простительным самодовольством, — не догадается там поискать.

3

Предположив, что леди Гермиона вскоре начнет обыск у Сэма, Галахад не ошибся. Решение она приняла, еще беседуя с ним. Однако прежде всего она ринулась к телефону, чтобы сообщить дочери о финансовом положении Типтона; когда же та взвизгнула в том же регистре, что прекрасная Марлен, и пролепетала: «Мам-ми, а мое письмо?», заверила ее, что держит все под контролем. Потом она отправилась искать племянника, чтобы он помог ей в розысках, нашла его в холле, где он мечтательно постукивал по барометру, и велела, прекратив глупости, идти за ней.

Поднимаясь по лестнице, Уилфрид молчал, поскольку мог сказать лишь одно: по честным свидетельствам барометра, надвигалась буря. Тетю Гермиону он боялся с детства, неукоснительно гадая при ней, какие его грехи она намерена обличить. Вроде бы ничего за ним не числилось, но, входя в будуар и даже садясь на вежливо предложенное кресло, он трепетал. Ему не нравился ее вид. Она явственно сердилась. Если бывают кипящие тети, она принадлежала к их числу.

К счастью, выяснилось, что не он повысил се давление. Говорила она вежливо (для тети) — не ворковала, конечно, но и не слишком напоминала

пирата я старом стиле, которому не угодил пират помельче.

— Унлфрид, — сказала она, — мне нужна твоя помощь.

— Что? — проверил он, поскольку не мог представить ситуацию, в которой *он* может помочь *ей*, разве что она решает кроссворд. Тогда, конечно, его ум — к се услугам.

— Ни один человек, — продолжала она, — не должен знать о нашей беседе.

— Конечно, конечно! Ни одна душа. А в чем дело?

— Сейчас, подожди. У нас большие неприятности. Ты видел этого Уиппла?

— Да, за столом. А что?

— Он — не Уиппл.

— Дядя Кларенс его так называет.

— И ошибается. Он — обманщик.

— Господи! Ты уверена?

— Абсолютно.

— Что же ты его не выгонишь?

— Вот в этом и дело. Я не могу. У него письмо Вероники.

— Они знакомы?

— Конечно, нет!

— Зачем же она ему пишет?

— Уилфрид!

— А что такое? Чего ты сердишься? Я ничего не понимаю. Если Вероника с ним не знакома, зачем она ему пишет?

— Не ему. Типтону.

— Типпи?

— Да.

— То есть *Типпи!*

— Да, да, да!

Уилфрид, в полном отчаянии, треснул кулаком по столику, на котором стояли букет роз и фотография полковника в форме.

— *Ничего* не понимаю! При чем тут Типпи?

— Уилфрид!

— Что еще?

— Не *болтай!* Как я объясню, если ты все время говоришь?

— Прости. Молчу. Только ничего не понимаю.

— Все очень просто.

— Ты так думаешь?

— Уилфрид!

— Молчу, молчу.
— А не говоришь?
— Нет. Икнул.
— Да? Словом, все очень просто. Вероника почему-то нервничает, знаешь, депрессия… В общем, ей показалось, что она ошиблась, за Типтона выходить не надо. Написала письмо, разорвала помолвку, а теперь места себе не находит.
— Кто же пишет такую чушь?
— Я тебе сказала, у нее депрессия.
— Еще не то будет, когда она с Типпи встретится. Врача, врача и врача.
Леди Гермионе претила новая манера, раньше он был подобострастней, но выговор приличный сделать — и то она не могла. Пришлось открыть карты.
— Когда она послала письмо?
— Позавчера.
— Значит, он его получил.
— Сказано тебе, нет! Его перехватил этот субъект.
— Чего же он хочет? Денег?
— Нет, не денег. Он хочет, чтобы я его не выгнала.
— А ты, наоборот, хочешь выгнать?
— Естественно.
— Что ж, потерпи. Типтон не должен видеть письмо. Прочитает — и все! Нет, мою кузину надо показать психиатру!
Леди Гермиона обиделась.
— Почему? — воинственно спросила она.
— Потому.
— Вероника тут ни при чем, — объяснила заботливая мать. — Твой дядя Кларенс откуда-то взял, что Типтон разорился. Конечно, я не позволила ей выходить замуж за нищего.
— А, вон что! И она послушалась?
— Естественно. Поплакала, это да…
— Не удивляюсь. Она его очень любит.
— Но поняла, что о браке не может быть и речи.
— Да уж, не может, если Типпи прочтет письмо.
— Не прочтет. Я его найду и сожгу.
— Где ты его найдешь?
— У этого субъекта. Обыщу комнату.
Особый звук, похожий на тот, какой издает игрушка «умирающий

лебедь», показал, что Уилфрид глубоко потрясен.

— Обыщешь?

— Да. С тобой вместе.

— Со мной?!

— Стой в коридоре и говори, если кто идет. Нет, пой.

— Петь?

— Да.

— То есть, *петь?*

— Да.

— Что именно?

Леди Гермиона часто слышала о тайных обществах, где заговорщики плетут свои сети, но подумала, что ни один заговорщик не встречал такого трудного сообщника. Удержавшись от слов, которые облегчили бы душу, но ослабили связь с тем единственным, кто мог ей помочь, она ограничилась жестом отчаяния, к которому уже прибегал ее племянник.

— Какое — значение — это — имеет? — выговорила она. — Ты не на концерте. И не в опере. Пой, что хочешь.

Перебрав свой репертуар, Уилфрид остановился на песне о кофе и пироге, поскольку ему нравились и слова, и музыка, видимо, прославленного маэстро Берлина.

— Хорошо, — согласился он без особого пыла. — Что ты тогда сделаешь?

— Убегу.

— Спустишься по трубе?

— Выйду на лужайку. Ему отвели *ту* комнату, — горько пояснила она, ибо полагала, что для такого субъекта слишком хорош и чердак. Комнату, выходящую в сад, отводили обычно капризному герцогу Данстаблу.

— Прежде всего, — продолжала леди Гермиона, хотя племянник, втянутый в комедию плаща и шпаги, выглядел так, словно на него упал потолок, — прежде всего надо его устранить.

— Что!

— Да, да. Пойди и скажи, что твой дядя Кларенс ждет у свиньи.

Уилфрид облегченно вздохнул. Ему казалось, что дойти она может до чего угодно, и чувствовал он себя как Макбет, беседующий с женой. В общем, он вздохнул и пошел искать Сэма.

Нашел он его все в той же курительной и скорее огорчил, чем обрадовал. Сэм искренне привязался к графу, так привязался, что охотно разговаривал бы с ним о сестрах Бронте, о героях Диккенса, о чем угодно,

только бы не о свиньях; сейчас же — подозревал, что речь пойдет именно об этих приятных созданиях. Ничего не поделаешь, он пошел — наискось, огородом; и констебль, стоявший в комнате Биджа у окна со стаканом портвейна, хорошо его разглядел. Ни один леопард не кинулся бы за жертвой с такой прытью. Это был первый шанс за несколько месяцев поймать мало-мальски приличного злодея.

Подойдя к обиталищу Императрицы, Сэм не увидел лорда Эмсворта, но решил подождать. Он закурил, радуясь отсрочке. Именно в этот миг разверзлось небо, разразилась буря, которой, скорее всего, удивился даже барометр. Сэму, чьи нервы были не в лучшем виде, припомнились сразу и потоп, и Судный день.

Пришлось искать убежища. К счастью, оно было, и рядом. Там, где огород смыкался с лужайкой, на которой стояла обитель свиньи, он увидел что-то вроде сарая, точнее — именно сарай. Конечно, там душно, может — и смрадно, зато сухо, а именно это свойство, как сказал бы он сам в статье для журнала, имеет первостепенное значение. Однако, метнувшись туда и радуясь собственной скорости, он услышал, что кто-то задвигает засов.

— Эй, кто там! — крикнул Сэм, и холодный, металлический голос ответил:

— Вы арестованы.

Промолвив эти слова, констебль Ивенс побежал к Биджу, чтобы позвонить в полицию и вызвать подкрепление, то есть машину и помощника, предпочтительно — мускулистого.

Сэма немного утешало, что он промокнет насквозь.

Глава 10

1

Робинсон-младший гордился тем, что такси, хоть и страдало артритом, а если ехало в гору — и одышкой, рано или поздно доставляло пассажиров по адресу; он гордился — и не зря, ибо Сэнди оно доставило. По прибытии, ведомая долгом, она кинулась к лорду Эмсворту, который огорчился, ибо питал надежду, что она задержится. Потом она пошла в комнатку за библиотекой, где обычно работала.

Работать ей не удалось. Галли, размышлявший о жизни в своем любимом шезлонге, заметил машину и решил сообщить о последних событиях. Решил он и посетовать на то, что Сэнди недостойно сбежала. Нет, это мягко сказано — он решил ее побранить, и очень сурово.

Сэнди тоже решила быть суровой. Увидев, как Сэм выходит из таверны, она сразу догадалась, что виноват не столько он, сколько его наставник. Словом, встреча получилась не очень сердечной. Она процедила сквозь зубы: «Добрый вечер», он отозвался: «Выньте лимон изо рта. Тоже мне, Мона Лиза! Поговорить надо.».

Сэнди выпрямилась во весь свой небольшой рост.

— Если вы собираетесь говорить о Сэме… — начала она.

— Естественно, — ответил Галли. — О ком же еще?

— … я слушать не буду.

— Будете. Сэм рассказал мне про этот синдикат. Нет, бывает же такая глупость! Продать свою долю за сто фунтов!

— Ничего глупого не вижу.

— У нас разные стандарты.

— Просто я знаю Типтона.

— Я его тоже знаю. Похож на бобовый стебель.

— При чем тут внешность? Я знаю, какой он человек.

— А какой?

— Впечатлительный. Когда я служила у его дяди, он каждую минуту с кем-нибудь обручался. Ненадолго.

— Вот тут вы и ошиблись. Вероника — совсем другое дело. Три дня назад он прискакал сюда с ожерельем за восемь тысяч. Свадьба назначена, епископ ждет сигнала.

— А если она разорвет помолвку?

— Ну, что вы! Сэм прав, дело верное. Нет, я вам честно советую! Признайте, что не правы. Когда вы его увидите…

— Не увижу.

— Увидите. Он здесь.

— Да, в «Гербе».

— Ничего подобного. В замке.

— Что?!

— Под псевдонимом Огастес Уиппл.

— Что-о-о?!

— Сколько можно повторять это несложное слово? По моему совету он назвался Уипплом. Я решил, что это понравится Кларенсу, — и как в воду глядел. Кстати, подумайте о том, что ради любви к вам он будет слушать с утра до ночи песни о свинье. В общем, не тяните. Кидайтесь к нему с криком: «Прости и забудь!». Можно и с другим, если найдете получше, — разрешил снисходительный Галли.

Рассказ этот произвел свое действие. В клубе «Пеликан» говорили, что Галахад Трипвуд — мастер слова; и не ошибались. Многие полагали, что он уговорил бы мертвого осла, и способность эта не уменьшалась с бегом лет. Еще недавно мысль о примирении казалась несчастной Сэнди непозволительно странной; теперь она только этого и ждала. Подойдя к окну, она увидела, что Ниагара превратилась в дождик, грома же и молний нет вообще, словно природа сменила гнев на милость. Это ей понравилось. С того самого утра, когда Сэм сообщил свое мнение о рыжих кретинках, досада терзала ее, но любовь не угасла. Сколько она ни твердила себе, что он — упрямый дурак, какой-то голос напоминал ей, что он еще и ангел, а в наше суровое время ими не бросаются. Словом, она ощущала точно то же самое, что ощущали недавно супруги Уэдж.

Неясным оставалось одно — надежен ли Плимсол? Слишком уж много помолвок лопались на ее глазах. Припомнив всю череду невест, сменявшихся с немыслимой скоростью, она не смогла представить себе, что последняя станет женой, и решила на всякий случай проверить, не изменил ли Сэм своих взглядов на злосчастное пари.

Достигнув этой стадии, она услышала «Эй!» и впервые увидела Плимсола на английской земле. Случайно выглянув в окно, он увидел такси, а там — и весьма недурную, чем-то знакомую девицу. Когда, рассчитываясь с шофером, она подняла голову, он ее узнал и обрадовался. Не так давно она была для него снисходительной сестрой. Если надо — жалела, если надо — подбадривала и, в отличие от невест, никогда не

продавала.

— Да это Сэнди, чтобы мне треснуть! — вскричал он. — Я и не знал, что ты в Англии. Что ты здесь делаешь?

— Служу у лорда Эмсворта, — ответила Сэнди. — Встретила Галли Трипвуда, а его сестра как раз искала секретаршу. Ты опять женишься?

Типтон явственно показал, что она совершила faux pas.

— Почему «опять»? Что я, все время женюсь?

— Ну, конечно!

— Были девицы две…

— Три, четыре, пять.

— … но это же чепуха! Ты их помнишь?

— Дорис Джимсон, Анджела Терлоу, Ванесса Уэйнрайт, Барбара Бессемер…

— Ладно, ладно. Я хотел сказать, ты помнишь, какие они?

— Противные.

— Вот именно. Одни — грызут, будто ты корка сыра, другие — духовно возвышают. Я бы их не вынес. Ви — совсем не такая. Мы с ней оба глупые. Помнишь Клариссу Бербанк?

— Из русского балета?

— Нет, то Марчия Феррис. Кларисса читала мне Кафку. Ви о нем и не слышала.

— Наверное, думает, это такой кофе.

— Очень может быть. Нежная английская девушка, характер — прекрасный, мозгов — нет.

— Замечательно!

— А то!

— Когда свадьба? Типтон огляделся.

— Секреты хранить умеешь?

— Нет.

— Попробуй, а то такое поднимется! Еще когда я был тут, мы решили, что шикарная свадьба — не для нас. В общем, мы сбежим. Завтра еду в Лондон, послезавтра запишемся.

— Ой!

— Вот так.

— Значит, послезавтра…

— Будем вычесывать рис, если в этих регистратурах осыпают рисом.

Салли пыхтела, благодаря Провидение за то, что еще не поздно помириться с Сэмом.

— По-моему, Типпи, ты прав, — звонко сказала она, ибо он мог не

расслышать сквозь райское пение, внезапно наполнившее комнату.

— А то!

— Кому нужен этот тарарам? Епископы, служки…

— Вот именно.

— Я думаю, ты будешь счастлив.

— А то!

— Как и я.

— Ты что, влюбилась?

— Да. Ты не встречал тут такого Уиппла?

— Вроде бы встречал. Ухо покорежено, да? Голос хриплый…

— Он, он..

— Хороший парень.

— Лучше некуда. Кстати, ты не знаешь, где он?

— Знаю. Уилли ему сказал, что Эмсворт ждет его у свиньи. Значит, он там.

— Спасибо, Типпи. Иду.

2

Молодым людям нелегко сохранять покой и беспечность, когда полиция запрет их в сарай; и, сидя на сломанной тачке, вдыхая запах навоза, Сэм таких настроений не сохранил. Он был бы рад взглянуть на все с лучшей стороны, если бы ее нашел, а потому — не ждал ничего.

Тщетно пытаясь припомнить, что именно полагается ему по закону, он смутно думал о кипящем масле, естественно, огорчаясь. Кроме того, он удивлялся. Не умея читать в сердцах, он не знал, почему служитель закона так стремительно исчез. Резонно сообразив, что гадать об этом не стоит, он обратил мысли к Сэнди, но стало только хуже. Галли полагал, что им надо встретиться — и все, но Сэм не разделял таких оптимистических взглядов. Начать с того, что тогда, во гневе, он назвал ее не только рыжей дурой. Навряд ли она все это простит.

Кроме того, над ним нависла тень тюрьмы. Рано или поздно, представ перед судом, он получит то, что причитается за кражу часов и нападение на силы порядка; а кто согласится соединить судьбу с узником? Все ж неудобно объяснять гостям, почему мужа нет дома.

Он тяжело вздохнул. Точнее, он думал, что вздыхает, но получилось что-то вроде тех протяжных криков, которые издают бэнши, и удивленный голос откликнулся: «О-ой!», внушая надежду истерзанной душе,

практически забывшей, что такое слово.

Голос был женский, а женщины, как известно, охотно помогают тем, кто в беде. Строки об ангеле, служащем нам, всплыли в его сознании. Написал их Вальтер Скотт, не кто-нибудь, человек разумный.

В одной стене было окошко, восполнившее недостающее стекло хорошей, густой паутиной.

Подойдя к нему, Сэм спросил:

— Есть там кто-нибудь?

И услышал в ту же минуту:

— А там кто-нибудь есть?

Ощущение было такое, словно он присел на электрический стул. Мир за окошком, и без того смутный, куда-то поплыл. Голос показался ему знакомым, еще когда говорил: «О-ой!», а теперь — тем более.

— Сэнди, это ты? — сказал узник и осторожно спросил. — Ты меня не выпустишь?

— Выходи сам!

— Не могу. Меня заперли.

— Кто?

— Полицейский. Я — под арестом.

— Под чем?

— Арестом. Анемон, роза…

— Сэм, миленький!

Кресло сработало снова. Проглотив что-то вроде теннисного мячика, узник выговорил:

— Какой?

— Миленький!

— Ты так считаешь?

— Конечно!

— Значит, все в порядке?

— Еще бы!

— Слава Богу! Я чуть не умер.

— И я.

— Сколько раз я думал сунуть голову в плиту!

— И я.

— Прости, что я назвал тебя рыжей дурой.

— А кто я, как не рыжая дура! Просто с ума сошла!

— Значит, ты передумала насчет синдиката?

— Конечно. Типтон вот-вот сбежит с Вероникой. Можно сказать, они женаты. Да что мы тут стоим! Сейчас я тебя выпущу, и ты мне

расскажешь, за что тебя заперли.

Сэм уложился в несколько фраз. Сэнди ужаснулась и обняла его, что и советовал Галли, который как раз появился.

— Превосходно, — с отеческой гордостью одобрил он, — но несвоевременно. Если ты бежишь, то беги. Констебль прибудет с минуты на минуту, насколько я понимаю — со стороны огорода, так что кидайтесь прямо в замок, в любое святилище. Лучше всего — курительная и бильярдная. Мы с Сэнди останемся здесь, примем удар на себя.

Когда Сэм. последовал его совету, Галахад продолжил:

— Вы гадаете, моя дорогая, как я все узнал. Очень просто. Зашел к Биджу, а этот Ивенс говорит там по телефону. Ход его мысли несложен. Сэм дал ему з глаз. Правильно это было или нет, Ивенс боится повторения. По-видимому, он хочет, чтобы первым в сарай сунулся помощник, пусть уж ему дают в глаз. Кстати, о глазах: порадуйте Сэма, снимите эту пакость.

— Вам не нравятся мои очки?

— Конечно.

— Вот и ему тоже. Он сказал, что я — инопланетное чудище.

— Льстит. Гораздо страшнее. Бросьте и попрыгайте на них.

— Хорошо, — отвечала Сэнди, бросила и попрыгала.

— А теперь, — сказал Галли, обозрев останки, — взгляните налево. Ивенс и его ассистент рыщут, как мидяне в гимне. Разговаривать буду я. «Пеликан» считал аксиомой, что лучший парламентарий — Галахад Трипвуд. Беседа с полицейским требует особой деликатности. Добро пожаловать, господа. Добро пожаловать в наш замок.

Портрет констебля Ивенса уже был, и нам оставалось бы живописать констебля Моргана, если бы они не походили друг на друга, и так, что всякому казалось, что у него в глазах двоится. Правда, у Ивенса был большой темный синяк.

— Приятно погулять после грозы, — заметил Гапли. — Отдыхаете? Выбрались на природу? Лютики, ромашки…

Констебль Ивенс ответил, что они не гуляют и не отдыхают. У них ордер на арест. Галли поднял брови.

— Неужели свинья моего брата?

— Нет, сэр, — отвечал Ивенс. — Субъект, похитивший часы и оскорбивший при исполнении.

— Вам известно, где он?

— Здесь, в сарае.

Галли поправил монокль.

— Вот здесь?

— Да, сэр.
— В этом сарае?
— Да, сэр.
— Нет, в этом самом?
— Да, сэр.
Галли покачал головой.
— Вы ошибаетесь, мой друг. Мы заглядывали в щель, там пусто. Конечно, не совсем — есть тачка, два-три горшка, насколько я помню — умерший грызун, но злодеев — нету. Почему вы решили, что он там?
— Я его сам запер.
— В сарай?
— Да, сэр.
— Может быть, не в этот?
— В этот, сэр.
— Очень странно. Он не карлик?
— Нет, сэр.
— А то мог залезть в горшок. Да, странно, странно… Дверь заперта, другой — нет. Такие вещи делал Гудини. Он, часом, не факир? Дематериализовался, знаете, а еще где-нибудь — собрался. Но вряд ли, вряд ли. По-видимому, нам этого не разгадать.
Гранитное лицо констебля Ивенса стало темно-багровым. С быстротой, которой не превзошла бы сама леди Гермиона, он догадался, что виноват мистер Трипвуд, но не смел выразить своих убеждений. Почтение к Бландингскому замку жило в нем со школьных лет. Оставалось сказать «Хо!», что он и сделал. Констебль Морган, человек глубокий и сдержанный, промолчал, а Галли, сопоставив загадочное событие с тайной Железной маски или «Марии-Целесты», направился к замку вместе с Сэнди. Констебли тоскливо глядели, как он удаляется.
— Мне тяжело, — сказал он Сэнди. — Мне жалко Ивенса и его молчаливого безымянного друга. Я знавал многих констеблей, и все мне говорили, что нет ничего противней открытия, что преступник исчез. Чувство такое, словно ты схватил рождественский чулок, а там пусто. Однако испытания посылаются нам, чтобы мы стали духовней. Но хватит. Насколько я понял, вы с Сэмом помирились. Да?
— Да.
— Прекрасно. Что это сказал поэт про примирение влюбленных?
— Не знаю.
— Равно как и я. Уж что-нибудь сказал. Вы счастливы?
— Витаю в облаках.

— Хорошая вещь любовь.

— Куда уж лучше! Вы влюблялись?

— Непрестанно.

— Нет, по-настоящему. Хотели вы жениться? Любили кого-то больше всего на свете?

— Да, — резковато ответил Галли. — Ничего не вышло.

— А что случилось?

— Отец был против. Она была, как говорится, певичка. Долли Хендерсон. В общем, он топнул ногой. Орали, кричали, может — он меня и проклял, но уж точно отправил в Африку, а она вышла замуж. За такого Коттерли, из ирландской гвардии.

— Бедный Галли!

— Да, мне было худо. Но Сэма никто ни в какую Африку не отправит. Кстати, вы сказали, что согласны на этот синдикат?

— Еще бы!

— Молодец. Не пожалеете.

— Знаю. Он послезавтра женится. В регистратуре.

— Быть не может!

— Сам сказал. Конечно, по секрету.

— Как иначе! Хотя Кларенсу я бы сообщил, что тарарама не будет.

— А что?

— Очень боится. Речь, знаете, а главное — цилиндр. Терпеть их не может. Поистине, на вкус, на цвет… Лично я очень их люблю, особенно серые. Бывало, трясусь, как листик, должен букмекеру, а надень мне серый цилиндр — готов к любой беседе. Вероятно, — прибавил он, ибо они входили в дом, — вы отправитесь на поиски Сэма?

— Да, да.

— Приласкайте его. Он какой-то нервный, печальный. А я пойду к брату. Люблю с ним поговорить.

3

Направляясь к кабинету лорда Эмсворта, Галл и мурлыкал припев одной из песенок, которые пела Долли Хендерсон, и удивлялся тому, что через тридцать лет задыхается, когда о ней думает. Вообще-то, конечно, все обошлось как нельзя лучше — такой хорошей девушке было бы с ним очень трудно. Галли не заблуждался на свой счет. Сестры его, Констанс, Джулия, Дора и Гермиона, часто бранили его, и были правы. Да, он

приветлив, он легко завяжет дружбу и вроде бы никого не обидел, но такой муж не подарок. Те, кто знал Долли и Джека, говорили, что они счастливы; чего же горевать?

Однако непрестанные обручения и свадьбы поневоле вгоняли в тоску. Типтон женится на Веронике, Сэм — на Сэнди, Уилфрид, судя по слухам, — на могучей девице. Он вздрогнул. А что, если Кларенс зазевался? Эта Дафна его съест. Такие вещи заразны, лиха беда начало.

Тревожная мысль трепетала в его мозгу, когда дверь отворилась, из нее вышла дама Дафна. Она уплыла по коридору, он — встревоженно вбежал в комнату.

— А, Галахад! — сказал лорд Эмсворт поверх книги о свиньях. — Я надеялся, что ты зайдешь. Случилась очень странная вещь.

— Ты с ума сошел! — сказал Галли. — Разве ты забыл мои советы?

— Да, — признался забывчивый граф. — А что ты советовал?

— Никогда и ни в коем случае не оставаться вдвоем с этой мымрой. Двадцать лет назад тебя спасла фамильная удача. Как ты можешь, как ты только?..

— Дорогой мой, что же мне делать? Она сюда пришла. Нельзя же ее выгнать?

— О чем вы говорили?

— О том, о сем.

— Вспоминали добрые старые дни?

— Вроде бы нет.

— Тогда о чем же?

Лорд Эмсворт порылся в своей утлой памяти, но ничего не нашел.

— Стихи читал? — не унимался Галли.

— Нет, не думаю. Она говорила о каком-то… э-э… а-а… Олсопе. Ты его знаешь?

— Как и ты. Это наш племянник.

— Правда?

— Не веришь, посмотри у Дебрета. Уилфрид, сын и наследник маркиза Олсопа. Что же она говорила?

— Если я правильно понял, она не возьмет его в свою школу. Ей не понравилось, что он напился.

— Напился? — Галли был удивлен. Даже в «Пеликане» очень редко пили в такое время дня. — То есть надрался? Насосался?

— Она говорит, напился. Кажется, ее сын… как его?..

— Хаксли.

— Да, да, Хаксли. Он шел в свою комнату, а твой Уилфрид распевал

пьяные песни. Вчера он тоже пил, у ее домика. Мать, то есть эта дама, не хочет брать его в школу. Знаешь, я ее не осуждаю. Она боялась, что осуждаю, а я вот — нет и нет. Если бы я был директоршей, я бы не брал пьяных музыкантов. Очень плохой пример.

— И это все? Больше ни о чем не говорили?

— Ну, немного о свиньях. Она их очень любит. Я даже удивился.

Галли громко воззвал к своему Создателю.

— Кларенс, — сказал он, — гони ее и поскорей, а то непременно влипнешь. Буквально как у Булки Бенджера! Эта его девица начала с гольфа, она очень хороший игрок — и пожалуйста, «О руки бледные…». Хватай ее за шкирку, вышвыривай, она к тебе подкатывается.

— Какой ужас!

— Я и стараюсь тебя напугать. Что ж, очень хорошо. Ты предупрежден. — И Галли вышел, явно показывая, что умывает руки.

Закрыв за собой дверь, он вспомнил, что в начале беседы Кларенс сказал что-то интересное. Где-то что-то случилось. Он приоткрыл дверь и заглянул в комнату.

— Что ты хотел сказать? — спросил он.

— Э?

— Какая странная вещь?

— А?

— Возьми себя в руки, Кларенс. Припомни, ты сам говорил.

— А! — оживился лорд Эмсворт. — Искал, понимаешь, отчет свиноводческих обществ, твоя мисс Каллендер вечно все убирает, куда-то его сунула… да, так я искал, вижу — конверт. Я его открыл, а там другой, надписано: «Типтону Плимсолу». Ничего не понимаю! Я не Плимсол. Позвал твою мисс, попросил ему передать.

Глава 11

1

Конечно, Сэнди хотелось встретиться с Сэмом в бильярдной или в ином святилище, но сперва она зашла в свою рабочую комнатку. Она не любила даром получать жалованье. Именно этот недостаток и раздражал лорда Эмсворта. Идеальный секретарь, думал он, завтракает в постели, дремлет в кресле, играет в гольф и так далее.

Сэнди присела к столу, где и находились Авгиевы конюшни корреспонденции, но сосредоточиться не могла. Когда открылись двери, она пребывала в трансе, глубоком, как у ее хозяина. Поморгав, она увидела Галли и решила, что он взволнован. Многие, от учителей до букмекеров, пытались вывести его из себя, но терпели поражение. Сделать это мог только его брат Кларенс.

— Где письмо? — спросил Галли.

— У меня их сотни.

— Которое дал Кларенс, к Типтону.

— А, это? Я отдала его Биджу, он передаст.

Галли выскочил из комнаты. Ничего не понимая, Сэнди вернулась к своим делам. Она читала послание Гранта, Первиса и Уолверхемтона, поставлявших садовую утварь и удивлявшихся тому, что нет ответа на их письмо от 12 тек. мес, когда Галли вернулся.

— Передал, — выговорил он. — Четверть часа назад. Нет, бывают же такие нетерпеливые люди! Чтоб у него портвейн прокис!

Никакой секретарь не может в такой обстановке заниматься делами.

— Господи, — сказала она, — что случилось? Почему нельзя передать это письмо?

Галли любил рассказывать со вкусом, несколько терзая терпение слушателей, но сейчас был лаконичен и сух. Однако Сэнди все больше бледнела, с ужасом глядя на него.

— О, Господи! — повторила она. Он мрачно кивнул.

— Можете сказать «А, черт», я вас не осужу. Что ж, я это заслужил, слишком много умничал. Но могли я подумать, что Кларенс полезет в бумаги! Ничего, еще не все пропало.

Сэнди удивилась.

— Что же тут можно сделать?

— Убедить Типтона, что в этом письме нет особой беды.

— Если убедите, вы — гений.

— Мы и так это знаем. Что ж, пойду поищу его. Однако искать не пришлось. Не успел он дойти до двери, как она распахнулась, и вбежал Типтон.

— А, это вы! — сказал Галли. — Просим, просим. Мы как раз о вас говорили.

С тех пор как Сэнди видела его, Типтон очень изменился. Недавно самый тусклый взор признал бы, что он — на вершине блаженства. Теперь было ясно, что он с нее упал. Глаза у него блуждали, рот приоткрылся — словом, он выглядел точно так, как в те минуты, когда Дорис Джимсон, Анджела Терлоу, Ванесса Уэйнрайт, Барбара Бессемер, Кларисса Бербенк и Марчия Феррис предложили ему добрую дружбу.

— Здравствуйте, мистер Трипвуд, — сказал он без особой радости. — Не знал, что вы здесь.

— Здесь, здесь, — подтвердил Галли, — и знаю все о письме. О нем мы и говорили.

— Кто вам сказал?..

— О, разные люди! Они у меня — повсюду. Разрешите взглянуть? — спросил Галли, вырывая у него письмо.

Нахмурив брови, он стал читать, а закончив — презрительно фыркнул.

— Так я и думал, — сказал он. — Явный обман.

Рот у Типтона, от полноты чувств открытый наподобие почтового ящика, открылся еще шире. Реплики Галахада часто имели такой эффект.

— Подделка? — спросил он с надеждой.

Галли покачал головой.

— Не совсем. Почерк — да, Вероники, голос — моей мерзкой сестры.

— Выдумаете, она заставила?..

— Тут и думать нечего. Стояла с хлыстом. Диктовала каждое слово. Ну, вот, смотрите: «Несоответствие темпераментов». Может эта дурочка… pardon…

— Ничего, ничего, — вмешалась Сэнди, — Типтон тоже так думает, ему это нравится.

— И мне. И всем. Неотъемлемая часть ее прелести. Такой красавице, да еще мозги? Это ужас какой-то! На чем мы остановились?

— На «дурочке».

— Ага, ага. Итак, моя племянница этих слов не знает, что там — она их не сможет произнести. Вообще ее предел — два слога. Или вот,

«расстроена». Сразу видно, что она написала одно «с», а мать — поправила. Но и это не все. Посмотрите на почерк. Курица лапой. Ей было трудно держать ручку. А тут? Как будто на бумагу села мокрая муха. Это — слеза. Послушание не беспредельно. Писать она пишет, но плакать — ее право. Словом, перед нами творение девицы, которая умирает от горя, но с самого раннего детства слушается мать. Поверьте, я это видел. Ни одной секунды Гермиона не давала ей что-то решить самой. В общем, плюньте, мой друг, плюньте и разотрите.

Может быть, он сказал бы что-то еще, ему всегда было что сказать, но Типтон вставил слово.

— Это же бессмысленно!

— Что именно?

— Зачем это все мамаше? Она была так рада, когда мы обручились.

— Тогда вы еще не говорили направо и налево, что у вас нет денег. Кларенс настучал Гермионе, она задумалась. Видите ли, Вероника любит вас, а моя сестра — ваши… э…

Типтон расцветал, как цветок под солнцем, или, точнее сказать, как бобовый стебель.

— Вы думаете?

— … что Вероника любит вас по-прежнему. Что там думаю — уверен! Вы для нее — как сливки для кофе, как соль для рагу. Знаете такую песенку? Да. да. Спорим на сколько угодно. Бегите к телефону, наворкуйте ей чего-нибудь, она совершенно рассиропится. Спросят, хотите ли еще пять минут, отвечайте: «Да, да, да!», невзирая на расходы. Ближний телефон — в библиотеке, — прибавил он, но этого Типтон уже не слышал.

Закрыв двери, Сэнди благоговейно посмотрела на него.

— Теперь я знаю, — сказала она, — что такое «златоуст».

— Ах, ерунда, — скромно отмахнулся Галли. — Вы бы меня послушали в расцвете сил. Слабеешь, стареешь… Но своего я добился, а?

— С Типпи — конечно. Но если она скажет: «Я тебя больше не люблю»?..

— Не скажет. Любит.

— Неужели из-за этих денег?

— Что вы, они — родственные души! И у него, и у нее ровно столько мозгов, сколько у бильярдного шара. Идеальный союз. Я счастлив, что внес свою лепту. До чего же приятно, когда молодые люди находят друг друга! Кстати, надо поговорить с Типтоном об Уилфриде.

— А что с ним?

— Потерял работу. Может быть, Типтон ему что-нибудь подыщет.

— Вы-то его убедите!
— Да?
— Да. Перед вами никто не устоит. Вам бы стать мошенником.
— Многие советовали, — гордо признал Галли. — Есть во мне что-то такое, умею тронуть сердце. Помню, в «лучшие дни букмекеры — и те плакали.

2

В библиотеке никого не было, и Галахад подумал, что, воодушевившись, Типтон решил ехать в Лондон, а значит — пошел в гараж, за машиной. Приближался час коктейля. Человек, менее преданный обслуживанию ближних, махнул бы рукой на новые хлопоты, но если речь шла об услуге, Галли не боялся лишений, хотя сейчас и надеялся обернуться поскорей, очень уж томила жажда. Словно поймав его мысли налету, появился Типтон в своем роллс-ройсе.
Первый же взгляд показал, что беседа прошла, как сказали бы репортеры, в атмосфере полной сердечности.
— Привет! — воскликнул он. — Еду в Лондон.
— К ней?
— А то!
— Молодец. Отсюда я вывожу, что два пенса, или сколько там, не пропали даром. Вероника к вам благосклонна?
— А то!
— Скоро женитесь?
— Послезавтра. Там надо за сутки сообщить.
— Чтобы они пришли в себя после встречи с женихом?
— Да, у них всякие бывают.
— Нелегкая жизнь… А свидетеля нашли?
— Возьму Уилли Олсопа. Он сейчас придет, складывает вещи.
— Да? Тогда поспешу. Вы знаете, что он без работы?
— Нет, не знаю. Эта тетка его не берет?
— Именно. По-видимому, ей сообщили, что он распевает в коридоре пьяные песни.
Типтон печально и серьезно покачал головой.
— Она такого не любит.
— То-то и оно.
— Что ж ему делать?

— Об этом я и хотел поговорить. Может, вы его как-нибудь спасете?

— Кто, я?

— У вас всякие магазины.

— Да, вроде есть.

— Ну, например…

— Что ему там делать? Ходить в белой спецовке? Показывать, где стиральный порошок?

— Может, еще что-нибудь…

— Дядя Чет оставил ранчо в Аризоне. Подходит Уилли для ковбоя?

— Скорее, нет. А вот не оставлял ли вам дядя музыкальное издательство? Что-то такое говорили…

— Батюшки, а ведь правда! Тетя Бетси писала песенки, их не издавали, пришлось купить издательство. Миллиона два просадил, но не жалел, главное — мир в доме. Хорошая фирма, большой доход. Есть отделение в Лондоне.

— Вот туда Уилфрида и суньте. Конечно, если нет возражений.

— Ну, что вы! Вы бы послушали, как он играет. В чем-в чем, а в музыке он разбирается. Приеду, сразу зайду.

— Прекрасно. И не скупитесь на жалованье. Он тоже обзаводится семьей. Да, кстати, вы везете его, почему не прихватить Монику?

Типтон признал, что это — мысль, но осведомился:

— А что скажет лорд Эмсворт?

— Вероятно, «Ой, Господи!». За Кларенса не беспокойтесь. Он хорошо переносит удары, они его держат в форме. Стимулируют надпочечники. Не беспокойтесь и за свинью, Бидж ее не оставит. Он ее кормил и прекрасно справится, пока мой брат не найдет специалиста. Кликните прекрасную Симмонс, спросите ее мнение. Наверное, она у моего племянника.

Типтон выполнил все это с немыслимой быстротой.

— Пакует вещи, — сообщил он.

— Превосходно. А я пойду, в этот час меня томит жажда, Поздравляю, желаю и так далее. Мало того, благословляю, если вы не против.

3

Направляясь в гостиную, где ждали коктейли, Галахад ощущал ту приятную теплоту, которую ощущает человек доброй воли, когда он устроит счастье ближних. Он любил сеять радость на своем пути, а за

последние полчаса посеял немало. Некоторым не нравилось, что он вечно играет ангела-хранителя или, по их словам, во все суется, но лично он был собой доволен.

Пить коктейль он предпочитал медленно и в компании, однако гостиная была пуста и, выпив что-то наспех, как лекарство, он пошел поболтать с Сэнди.

— Ну, что ж, — сказал он, входя, — я не посрамил вашей веры. Как вы и предполагали, Типтон ел из рук. Взял Уилфрида на работу, да еще и повез в Лондон вместе с Моникой, все четверо сразу поженятся. В общем, поработал на слдву. А вы что делали? Трудились в поте лица, зарабатывая жалованье?

— Нет, сделала перерыв.

— Значит, мечтали о Сэме.

— Слушала радио.

— Есть что-нибудь интересное?

— Да так, скорее, нет. Остин Фелпс женился.

— Желаю ему счастья. А кто это?

— Знаменитый теннисист. Неужели не слышали? Кубок Дэвиса…

— А, этот! Как же, слышал. — Галли нахмурился. — Что-то с ним такое связано… Кто-то о нем говорил… Может, он недавно развелся? Кинулся в Темзу, спас ребенка? Прошел на дополнительных выборах? Попал в полицию? Ну, что же это такое! Фелпс, Фелпс… Вы не поможете, Сэм?

Сэм действительно вошел в комнату, явственно намереваясь побыть с Сэнди, и, увидев Галли, загрустил. Да, он им восхищался, но, как это ни прискорбно, иногда мешает даже самый лучший друг.

— В чем? — спросил он.

— Не скажете, кто такой Остин Фелпс?

— Теннисист.

— Это я знаю. Но чем-то он еще известен. Может, хобби?

— Не думаю. Играет в теннис, и все. А, знаю! Вы имеете в виду это пари. Помните, синдикат? Они с Типтоном шли ноздря в ноздрю. Слава Богу, он поссорился со своей девицей.

Галли вскрикнул, роняя монокль. Сэнди взвизгнула, словно кошка, если на нее наступят. Взволнованный всем этим, Сэм подскочил дюймов на шесть, коснулся головой потолка и ощупал ее, приземлившись.

Сэнди посмотрела на Галли, Галли — на Сэнди.

— Сказать ему или нет? — спросил Галли.

— Сказать. Сэм, миленький, я тебя немного огорчу.

Сэм не очень долго жил в Бландинге, но вполне достаточно, чтобы ждать чего угодно. Пожар? Императрица напилась? Приехал Огастес Уиппл? Приехал Ивенс? Многого он ждал, многого — но не этого.

— Остин Фелпс женился, — сказала Сэнди, и он ощутил именно то, что ощутил бы, если бы на отборочном матче ему заехали в особенно нежное место.

Он зашатался и упал бы, если бы не вцепился в Сэнди, которая воскликнула «Ой!».

— Ничего не попишешь, — продолжала она, — такова жизнь. Не расстраивайся, Сэм, миленький.

Вот это жена, думал он, вот это друг. Ни единого упрека! Есть еще такие женщины? Нет. Сдержалась бы, скажем, Елена? Куда ей! Клеопатра? Ну, что вы! Королева Виктория? Сомнительно. Он обнял Сэнди и благоговейно поцеловал, не замечая, что Галли что-то говорит.

— Простите! — воскликнул он, это заметив. — Отвлекся. Так вы сказали?..

Галли тем временем пришел в себя и был тем самым Галли, которого годами воспитывал клуб «Пеликан».

— Я сокрушался, — ответил он, — что уступил минутной слабости. Все очень просто. Наш путь ясен. Сколько у вас есть, двести фунтов? А нужно семьсот? Хорошо. Разницу внесет Кларенс.

Если бы Сэму сказали, что он похож на удивленную овцу, он бы обиделся. Однако похож на нее он был, ибо не верил своим ушам. Он еще не знал того, что леди Констанс, леди Гермиона, леди Джулия, Джорджиана, Дора открыли в детстве: брат их способен на все.

— Вы попытаетесь обратиться к лорду Эмсворту? — проверил он.

Галли нахмурился.

— Мне не нравится слово «попытаетесь». В нем нет доверия.

— Нельзя же просить пятьсот фунтов для чужого человека!

— Вы правы. Нельзя. Попрошу тысячу. Завести семью — это вам не кот начхал. А кроме того, вы не чужой. Вы написали его любимую книгу.

— Я не хотел бы у него брать.

— Беру я. Вы тут ни при чем.

— Все равно, мне это не нравится. А тебе, Сэнди?

— Нравится.

— Конечно, — прокомментировал Галли, — она человек умный. И вообще, почему «брать»? Продадите дом — отдадите. Но я понимаю, что вас тревожит. Вам кажется, что книги «Среди свиней» — как-то маловато. Да, подстраховаться стоит. Все. Ждите.

По его уходе Сэм заговорил не сразу, да и то — неверным, низким голосом, показывающим, что жизнь в Бландинге вконец укатала его.

— Сэнди!

— Да, ваше величество.

— Ты давно знаешь Галли?

— Довольно давно.

— Он всегда такой… шустрый?

— Более или менее.

— Куда он пошел?

— Кто его знает! Наверное, внезапное вдохновение. Когда он вдохновлен, он куда-нибудь бежит.

— Очень жаль. Я язык прикусил.

— А может, он просто хотел оставить нас вдвоем.

— Вот тут он прав, — признал Сэм, мгновенно забывая все свои заботы.

Вернулся Галли через четверть часа. Он всегда напоминал жесткошерстного терьера, но сейчас то был терьер, наконец, отыскавший кость. Спокойное торжество, вот что их роднило.

— Простите, что задержался, — сказал он.

— Ничего, ничего, — успокоила его Сэнди. — У нас было много дел.

— Ворковали?

— Не без того. Знаете, Галли, Сэм — истинный агнец.

— Очень может быть, но сейчас главное не это. Сейчас важно, что он привык сидеть в сарае.

Сэм заморгал.

— Я просил бы, — сказал он, — не упоминать при мне этого слова.

— При чем тут сарай? — все же упомянула его Сэнди. — О чем вы толкуете?

— Минуточку! Наверное, вы думали, почему я так быстро убежал.

— Думали.

— Я хотел поскорей найти этого мелкого гада, Хаксли.

— Зачем он вам?

— Сидел он в малой гостиной, за каталогом чешуекрылых, и мы побеседовали. Я подсказал ему, что настал его час. Путь свободен, сказал я, ангел с огненным мечом — в Лондоне. Такая удача не повторится. Он клюнул с ходу. Сэнди подтвердит, что убеждать я умею. План ему понравился, кончит с коллекцией — и к делу. Минут через двадцать. Voila!

Он подождал, но аплодисментов не дождался.

— Наверное, я глуп, — сказал Сэм, — но в каком смысле «Voila»?

Галли удивленно на него посмотрел.

— Быть не может! Неужели не поняли? Вот Сэнди поняла, я уверен.

— Конечно, — сказала Сэнди. — Сэм сидит в сарае. Хаксли крадется, чтобы сделать свое черное дело. Сэм его ловит и ведет к лорду Эмсворту. Лорд Эмсворт так благодарен, что ни в чем не может отказать. Тут вы предлагаете дать благодетелю тысячу фунтов. Лорд Эмсворт отвечает: «Конечно, конечно, конечно, всенепременно». Правильно, профессор?

— Точка в точку. Спешите, Сэм, занимайте позицию. Сэм выразил еще меньше радости.

— Куда? В этот чертов сарай?

— Именно.

— Там дохлая крыса.

— Все ж не так одиноко.

— И вообще, кто-то скребется. Не пойду.

— Пойдешь, — сказала Сэнди. — Ты подумай, как это важно.

— Я знаю, но…

— Сэм! Сэмми! Сэмюэл!

— Ну, хорошо, «Сэм, Сэмми», но…

— Ради меня! Ради твоей Сэнди!

— Ладно, Бог с вами.

— Вот это молодец,

— Что делать, заставили, — с достоинством промолвил Сэм.

— Странно, — сказал Галли, когда дверь за ним закрылась, — никогда бы не подумал, что он — невротик. А вообще, это бывает. Удивительная тонкость чувств при такой внешности. Возьмем Пробку Бошема, когда мы с Булкой Бенджером привели к нему свинью.

— Зачем?

— Чтобы его подбодрить. Он несколько дней грустил, мы заволновались и решили что-нибудь сделать. Натерли свинью фосфором, привели к нему часа в два пополуночи. Потом ударили в гонг. Результат превзошел все ожидания. Но сейчас нам важно то, что он много лет не мог видеть свиней. Как Сэм с сараями. А какой был кряжистый, покрепче Сэма! Да, странно, странно… О, Бидж!

Дворецкий стоял в дверях, и так важно, что каждый бы понял: он не просто заглянул на огонек.

— Вы ко мне?

— Нет, сэр. Мне нужен мистер Уиппл.

— Почему?

— Констебль Ивенс и констебль Морган хотят с ним побеседовать.

Они — у меня.

Сэнди, скудельный сосуд, издала звук, напомнивший Галли сифон на последнем издыхании, тогда как сам он, в лучших традициях «Пеликана», и не шелохнулся.

— Неужели они снова здесь?

— Здесь, сэр.

— Вы меня удивляете. Я думал, мы расстались с этим комическим дуэтом. Что ж, им придется покраснеть, когда они поймут, как вляпались, но если им нужен мистер Уиппл, пожалуйста, он — у озера. Решил искупаться до обеда.

— Спасибо, мистер Галахад. Я их извещу.

Дверь закрылась снова. Галли нетерпеливо фыркнул.

— Что ж, — сказал он, — операцию «Хаксли» отменяем.

— Я тоже так подумала.

— Ничего. Я уломаю Кларенса и сам. Бегите к сараю, берите своего агнца, пусть он садится в лучшую машину и едет в Лондон. Побыстрее, побыстрее!

— Значит, теперь он крадет и машины?

— Специализируется, растет… Но не в том суть. Чего вы ждете?

— Я не жду, я иду.

— Молодец. Я тоже иду, к Кларенсу.

Глава 12

1

Когда здравомыслящему человеку предстоит серьезный разговор, он действует осмотрительно. Неопытный юнец побежал бы к лорду Эмсворту, но Галли знал, что нужно подкрепиться, и пошел в гостиную. Да, коктейли уже не те, перестоялись, но некогда заглянуть к Биджу, чтобы спокойно выпить портвейна.

Однако мартини приятно его удивил. Он не кусал, как аспид, и не жалил, как змея, но была в нем какая-то мягкая сила, так что Галли даже не дрогнул, когда вошла его сестра Гермиона.

Всякий, кто увидел бы ее десять минут назад, удивился бы, ибо тогда она была в полном ничтожестве. Провал поисковой экспедиции совершенно ее потряс и у себя в будуаре она снова слышала, как заголосил Уилфрид, дрожа при одном воспоминании. Мы не скажем о такой сильной женщине, что ее колотило, но эмоциональной встряской это назовем. Психотерапевт, взглянув на нее, кровожадно потер бы руки.

Однако сейчас она была спокойна или, как подумал брат, нагловата. С давних пор умел он различать ее настроения, и это ему не понравилось. Так выглядит сестра, у которой туз в рукаве. Тем не менее он приветливо крикнул: «А, и ты тут!», приготовляя себе на всякий случай новый коктейль.

Заметив это, леди Гермиона осуждающе фыркнула.

— Так и я думала, Галахад, — сказала она. — Где ты, там и миксер.

— Я тебе нужен?

— Да, надо кое о чем потолковать.

— Прошу, прошу! Беседа с сестрой — большая радость.

— Вряд ли эта тебя обрадует.

— Наверное, ты хочешь сообщить, что дама Дафна турнула Уилфрида?

— Прости, не поняла.

— Не берет его на работу.

— Да? Я не слышала. Нет, говорить мы будем не об этом.

— О чем же? Я человек занятой, сотни дел, важная встреча. Уделю тебе пять минут.

— Этого вполне хватит.

Леди Гермиона села, еще больше надувшись, и Галли гадал, кого же она ему напоминает, пока не понял: жирного парня из «Пиквика».[117] Еще бы ей сказать: «Сейчас вы у меня затрясетесь», а так — сходство полное.

— Только что мне звонила Вероника.

— Да?

— Да. Очень счастливая. Она беседовала с Типтоном.

— Да?

— Короче говоря…

— Это всегда хорошо.

— … он прочитал письмо…

— Которое ты продиктовала?

— … и понял, что она ничего такого не думала. Конечно, она сказала, что он прав. Послезавтра они женятся, в регистратуре. Обычно я против такой поспешности, но сейчас она кстати. Правда, я боюсь, что тебя она огорчит.

— Из-за Сэма Бэгшота?

— Его так зовут? Да, из-за него.

— Что ты собираешься делать?

— А как ты думаешь? Выгоню его и объясню все Кларенсу.

— Ага, ага…

— Где он?

— Вероятно, в кабинете.

— Не Кларенс. Твой Бэгшот.

— А, Сэм? Только что был в той комнатке, за библиотекой. У Сэнди.

— Спасибо. Нет, ты не ходи.

— Тебе не нужен телохранитель?

— Не поняла.

— Если Сэма рассердить, он даст в глаз.

— Ничего, справлюсь.

— Как знаешь. Главное — смотри на коленки. По ним видно, готовится ли он к боковому удару. Смотри, а если что — бей в нос.

— Благодарю, — высокомерно произнесла леди Гермиона. — До свидания.

Поскольку к этому времени они дошли до библиотеки, Галли, закрыв за сестрой дверь, немедленно ее и запер. Что поделаешь, жаль, но нельзя же ей соваться, пока он говорит с Кларенсом! В конце концов неудобств не так уж много. Можно отдохнуть в кресле, почитать хорошую книгу, их тысячи, время и пробежит. Словом, Галахад шел к лорду Эмсворту с

совершенно чистой совестью.

Путь его пролегал через холл, где еще висели плакаты: «Не курите», «Не выходите из ряда», и, спускаясь туда, он услышал размеренный голос, просивший кого-то приехать как можно скорее. Действительно, Бидж разговаривал по телефону. Закончив беседу фразой «Спасибо, сэр. Я сообщу даме Дафне.», он повесил трубку.

— В чем дело, Бидж? — спросил Галли.

— Я звонил доктору, мистер Галахад. По поводу мистера Уинкворта.

— Заболел? Надеюсь, тяжело?

— Императрица укусила его за палец.

— Что?!

— Укусила, сэр. Обстоятельства мне неизвестны.

— Могу просветить. Он спал и видел, как бы выпустить ее на волю, но не знал, несчастный, что с похмелья она агрессивна и драчлива. Вчера напилась.

— Неужели, сэр? Я об этом не слышал.

— Насосалась, как зюзя, теперь — расплачивается. Легко себе представить ход событий. Хаксли крадется к ней, по-видимому — нежно свистя. Она моргает спросонья. Он свистит. Она идет к дверце, тихо ругаясь. Он хочет отодвинуть задвижку, она — хапц! Что ж, я ее не виню.

— И я не виню, сэр.

— Терпимость — наш девиз? «Сам нарвался», хотите вы сказать, «получил свое»? Так я и думал. На мой взгляд, это очень хорошо. Прекрасный урок, быть может — поворотный момент его жизни, а уж если кому нужно повернуть жизнь, то именно юному Хаксли. Словом, мы с вами вправе незлобиво порадоваться. Но, увы, — дела зовут! Вы, часом, не знаете, отыскали констебли мистера Уиппла?

— Не знаю, сэр. Они еще не вернулись.

— Вернутся, передайте привет. Очаровательные существа. С этими словами Галли продолжал свой путь, а дойдя до цели, остановился на пороге, подавляя восклицание «Ой!».

2

Зрелище, представившееся его моноклю, было просто рассчитано на то, чтобы вызвать страх и трепет. Что-то явно нарушило мирное течение жизни, которую вел девятый граф. Листая свой «Тезаурус» в поисках слов, Роджет[118] выбрал бы для его описания «потрясенный», «пораженный», а

может, и «смятенный». Галли с его чувствительностью очень огорчился, но по оптимизму решил, что это полезно для надпочечников.

— Ну, знаешь, Кларенс! — воскликнул он. — Какая тебя муха укусила?

Потрясенный, пораженный, но сердобольный граф решил рассеять недоразумение.

— Нет, Галахад, не меня. Сына этой Дафны, как там его зовут. И не муха. Императрица.

— Да, Бидж мне говорил. Почему ты так расстроился? Скорей ты должен радоваться, кара за грех.

— Я радуюсь. Да, да, да.

— Почему же у тебя такой вид?

Братская забота немного успокоила несчастного пэра; она вообще творит чудеса.

— Галахад, — сказал он, — я ужасно испугался.

— Может быть, не ты, а Хаксли?

— Нет, я. Ты бывал в маленькой комнате с бешеной женщиной?

— Сотни раз. Одна ткнула меня в ногу шпилькой. Тебя не ткнули?

— Э? А? Нет, нет.

— Ну, тогда еще ничего. А кто сбесился? Гермиона — занята, я точно знаю. Видимо, божественная Дафна. Правильно?

— Да, да, да. Ты не поверишь, она *такое* сказала! «Императрицу надо уничтожить.». Уничтожить! Императрицу! Говорит, опасное животное.

— Безобразие! Ты не напомнил, что у бедняжки похмелье?

— Не мог, растерялся. Сперва я смотрел. Потом был очень груб.

— Прекрасно. Что же ты сказал?

— Кажется, «Не говорите глупостей.».

— Блестяще. А еще?

— Она разоралась, и я стал еще грубее. Она сказала: «Ноги моей здесь не будет.».

— Чего? Ноги? Превосходно!

— Мне кажется, она очень обиделась, что я позвонил врачу и спросил, не заразится ли Императрица.

— Разумно. Предусмотрительно.

— Просто взорвалась. Мы оба очень сердились. Надо мне было сдержаться. Я ее все-таки обидел.

— Надо? Совсем не надо! Это — сбывшаяся мечта. Господи, Кларенс, ты же висел на волоске. Когда она стала тебе вкручивать, что любит свиней, путь к алтарю был открыт. Ты просто молодец. Если бы бедный

Пробка выказал такую храбрость и мудрость, сейчас он не растил бы сына с аденоидами и двух дочерей с заклепкой на зубах. Дамы нет. Тень скользнула — и ушла. Ты в безопасности.

— Ой, Господи! Я и не подумал.

— Хочешь пройтись по замку в танце семи покрывал — прошу, очень уместно. Но ты еще чем-то озабочен. Чем же?

— Я думал о Гермионе.

— А что с ней?

— Она рассердится.

— Что ж, прояви ту же твердость, что с мамашей Уинкворт. В конце концов, кто такая Гермиона? То самое создание, которое бонна неоднократно била щеткой на твоих глазах. Перейдет границу — напомни. Да фиг с ней, если ты разрешишь мне это выражение. Плевал я на нее.

Кроткий взор лорда Эмсворта мягко засветился.

— Что бы я без тебя делал, Галахад!

— Стараюсь, стараюсь…

Лорд Эмсворт замолчал и задумался, но брат его был не прав, полагая, что он репетирует встречу с сестрой — прикидывает, скажем, как цедить уголком рта. Наконец, граф очнулся и произнес:

— Не понимаю, Галахад, как он подобрался к дверце. Моника Симмонс заверяла меня, что этого не допустит. Если я правильно припоминаю, она собиралась вывозить его мордой в грязи.

Галли понял, что пора открыться.

— Боюсь, Кларенс, — начал он, — что у меня плохие новости. Мисс Симмонс уже не с нами. Она уехала в Лондон, чтобы выйти замуж за твоего племянника.

— Что?!

— Да, ты теряешь свинарку, но обретаешь племянницу. Сегодня мисс Симмонс — завтра маркиза Олсоп.

Глаза лорда Эмсворта, обычно кроткие, метнули огонь сквозь пенсне.

— Она не имела права!

— Видишь ли, любовь побеждает все, во всяком случае — так пишут.

— Кто будет ухаживать за Императрицей?!

— Как это кто? Огастес Уиппл. Он с удовольствием ей послужит, пока ты кого-нибудь не найдешь.

Лорд Эмсворт воскликнул: «Ой, Господи!».

— Ты думаешь, Галахад, он согласится?

— Конечно. Нет пределов тому, на что он готов для друга, а я замечаю, что вы с ним подружились. Правда, он съездит в Лондон, но

потом — положись на него.

— Прекрасно, прекрасно, да. Почему ему надо в Лондон?

— Это большой секрет.

— Что?

— Это. Я знаю, ты не станешь болтать. У него огромный долг, хуже того — долг чести. Зашел в «Атенеум», сел за карты, покер, ставки высокие. В общем, сам понимаешь. Не один епископ уходил оттуда без сутаны. Уиппл проигрался до нижнего белья. Дал расписки. Если не даст денег — выгонят с позором.

— Почему же он мне не сказал? — удивился лорд Эмсворт.

— Тебе? — Галл и помолчал, недоверчиво глядя на брата. — Ты одолжил бы ему такие деньги?

— Конечно! Он написал «Уход за свиньей». Где моя книжка?

Галли встал, похлопал брата по плечу и сел снова.

— Ну, Кларенс, — вымолвил он, — лучше не придумаешь! Только вот что, чек пусть будет на меня. Он — человек гордый, может отказаться. Я знаю доподлинно, что он тебя любит, но все же вы едва знакомы. Другое дело — старый друг, сам понимаешь.

— Конечно, конечно. Очень хорошо, что ты об этом подумал. Так где эта книжка? Где-нибудь она есть, только твоя мисс Каллендер убирает, убирает…

Он прервал свою речь, ибо в дверях стояла леди Гермиона.

3

Как и брат ее, Кларенс, она была поражена, потрясена, смятена, и в такой степени, что Роджет, будь он здесь, заметил бы: «Это у них семейное.». Лицо ее стало синеватым, крепкое тело подрагивало. Галли, склонный к нелестным сравнениям, резонно уподобил ее безумной и мокрой курице — только очень чувствительные куры, промокшие насквозь, доходят до такой ярости.

Собственно, нужен ей был старший брат, но кстати оказался и младший.

— Как — ты — посмел?.. — обратилась она к нему. — Нет, запереть на ключ!.. Это… это…

Галли удивился.

— Что ты говоришь? На ключ?

— Я бы там и сидела, если бы Бидж не услышал, как я кричу.

— А ты не думаешь, что он тебя и запер? У него очень тонкое чувство юмора.

— Не думаю. Я дернула дверь сразу, как ты ушел.

— Вероятно, заклинило.

— Нет.

— С дверями это бывает.

— Не в данном случае.

— Значит, — сказал покладистый Галли, — это был я. Так, забылся. Виноват.

— Забылся! — вскричала леди Гермиона.

Лорд Эмсворт слушал эту беседу с возрастающим удивлением. Само собой разумелось, что кабинет — его святилище, куда сестры не заходят. Если им надо с ним повидаться, пожалуйста, есть библиотека, янтарная комната, наконец — парк. Тут забитый пэр держался твердо, и все это знали. Вот и сейчас он вмешался в диалог не то чтобы свирепо, но близко к этому.

— Гермиона!

— Что еще?

— У нас с Галахадом важный разговор.

— А у меня — с тобой. Дафна в ярости. Она говорит, ты был непозволительно груб.

При звуке этого имени лорд Эмсворт дошел до полной свирепости. Давление его подскочило на много делений, глубины души — всколыхнулись,

— Вот как? — осведомился он. — А чего она ждала? Входит, видите ли…

— Врывается, — подсказал Галли.

— Именно, врывается, и говорит, что я должен у-ни-чтожить Императрицу! За что? За то, что она укусила гнусного мальчишку…

— Который начал первый.

— Именно. Он хотел ее *выпустить! Ты* понимаешь, что с ней могло случиться? Лужайка вся в каких-то ямах. Она сломала бы ногу…

— Две ноги.

— Именно, две. А нервное потрясение? Она исключительно тонка, чуть что — не ест. После такого удара она голодала бы много дней, а если она не получит четырех фунтов пяти унций белка, двадцати пяти фунтов…

Какое-то мгновение казалось, что буря разразилась снова, но это леди Гермиона колотила по столу. Забывшись, как сказал бы Галли, она схватила массивную линейку и вложила в удары немалое мастерство.

— Сколько можно, — вскричала она, — говорить об этой свинье! Извинись перед Дафной.

Пенсне извергало пламя, как тогда, когда девятый граф повторно изгонял Джорджа Сирила Бурбона.

— Еще чего!

— Хорошо сказано, Кларенс. Такие, как ты, и создали Англию.

Произнес это Галли, а леди Гермиона метнула в него взгляд, который выдержит только член клуба «Пеликан».

— Меня не интересует твое мнение! — заметила она.

— Могу я выразить восторг?

— Нет, не можешь.

— А я все-таки выражу. Как и тогда, когда наша няня била тебя щеткой.

Леди Гермиона дрогнула, старые раны не зажили, но не в ее характере было долго молчать. Метнув еще один взгляд, который сестра не должна бы метать в брата, она возобновила беседу.

— Если ты не попросишь прощения, она уедет.

— Ее дело.

— Если уедет она, уеду и я. Последний раз спрашиваю: извинишься ты или нет?

— Конечно, нет.

— Тогда я еду первым же поездом.

— Поезжай на машине, Ваулз тебя отвезет.

— Незачем. Поеду так. А перед отъездом сообщу тебе интересную новость. Может быть, Галахад рассказывал? Такой остроумный розыгрыш!

— Э? А? Ты о чем?

— Ах, Галахад, как же ты это? Надо было рассказать, нельзя затягивать шутку. Огастес Уиппл — не Огастес Уиппл.

— Что?

— Это какой-то дружок Галахада.

— Не верю.

— Поверишь, когда узнаешь, что Бидж говорил с настоящим Уипплом. Тот звонил из «Атенеума». До свидания, Кларенс. Наверное, я не успею повидаться с тобой утром.

Когда дверь за нею закрылась, лорд Эмсворт, моргнув шесть раз кряду, проговорил:

— Галахад…

— Кларенс, — прервал его Галли, — ты был великолепен. Поневоле преклонишься перед тем, кто сразил даму Дафну, но если он после этого

сокрушает Гермиону, да так, что она летит отсюда стрелой, можно только снять шляпу, признав его одним из величайших героев. Награда не замедлит. Ты обеспечил себе спокойную, счастливую жизнь наедине с Императрицей, зато без каких бы то ни было сестер. И ты ее заслужил. Но я перебил тебя. Ты хотел что-то сказать? Насчет этого нелепого обвинения?

— Э…да.

— Так я и думал. Неужели ты ей поверил?

— А… э… но Бидж говорил по телефону с Уипплом.

— Не думаю. Вот, вникнем. Я уже говорил Гермионе, хотя и тщетно, что День открытых дверей очень утомителен. Подойдя к телефону, Бидж почти спал — и неправильно расслышал. Бывает сплошь и рядом. Одной моей приятельнице позвонили и говорят: «Это — Табби. Выйдешь за меня замуж?». Она отвечает: «Да! Да!», сговариваются о встрече, глянь — а это Таппи, с которым она едва знакома. Подбегает, обнимает, она его бьет по голове крокодиловой сумочкой, по-видимому — с образцами медной руды, а он ей горько говорит: «Час назад ты обещала мне свою руку.». Еле выпуталась. А, Эгберт! Вернулся?

Действительно, полковник Уэдж стоял в дверях, значительно менее усталый, чем обычно бывают после поездки в Вустершир и обратно.

— Да, только что, — ответил он. — Хлопнул рюмочку в «Гербе». Галли, как это письмо? Забрал ты его?

— Забрал.

— Молодец, — одобрил его полковник, думая о том, что Галли не подведет. — А что такое с Гермионой? Бидж говорил, она здесь была.

— Ушла пять минут назад.

— Тогда пойду к ней. Наверное, одевается. Да, Кларенс. — Полковник остановился в дверях. — В «Гербе» я встретил знакомого, такого Уиппла. Он написал эту твою книгу.

— Что?!

— Да, тот самый. Я его спросил, что он здесь делает, а он говорит, ты его приглашал, но у тебя корь, и он все равно приехал взглянуть на Императрицу. Живет в «Гербе». Не понимаю, откуда он взял про эту корь! Позвони ему, объясни. Ну, я пошел. Приму-ка ванну. Совсем пропылился.

— Постой, — низким, неверным голосом сказал лорд Эмсворт. — Ты знаком с Уипплом?

— Встречались в «Атенеуме». Мы туда заходим поесть с генералом Уиллоуби.

— Спасибо, Эгберт, — выговорил граф. Потом он долго молчал, а еще

позже произнес:

— Галахад, ну что же это!

Члены клуба «Пеликан» нередко говорили, что в любой ситуации Галахад Трипвуд будет сдержан и спокоен, как палтус на прилавке. Сейчас он доказал, что это не пустая лесть. Человек помельче под таким взглядом краснел бы и хрустел пальцами, тогда как он готовился начать красноречивейший из рассказов.

— Я понимаю твои чувства, Кларенс, — сказал он, — понимаю и не виню. Лучше бы мне обойтись без этой невинной уловки, но ничего не поделаешь, исключительный случай. Этот молодой человек, Сэм Бэгшот, — сын моего покойного друга по имени Хобот. Наверное, ты его не помнишь, а мы очень дружили. Сэм влюблен в Сэнди, произошла размолвка, он хотел помириться, она — здесь, он — в Лондоне. Слава Богу, все обошлось благодаря твоему гостеприимству. А насчет тысячи фунтов, без них он не может жениться. Конечно, не очень приятно отдать тысячу незнакомому человеку, но он вернул бы, и с лихвой. Что ж, не вышло — значит, не вышло. Деньги останутся при тебе, хотя вообще-то жаль. Избавился от Дафны, потом — от Гермионы, а так бы — и от Сэнди. Прости, ты что-то сказал?

Лорд Эмсворт ничего не сказал, он хрипло вскрикнул. Пенсне его засветилось странным светом.

— Галахад! — выговорил он.

— Да?

— Если я дам твоему Хоботу…

— Сэму, Сэму. Хобот — отец.

— Если я дам этому Сэму тысячу фунтов, он заберет мисс Каллендер?

— Естественно. А не дашь — не заберет. Будет она сидеть тут. Вероятно, тебе кажется, что ты можешь ее уволить? Сомневаюсь. Твое нежное сердце не выдержит ее слез. Молодой девушке нельзя жить без присмотра у неженатого человека. Значит, придется просить Гермиону, чтобы она вернулась, а уж она не вернется без дамы Дафны. В общем, весь состав.

Лорд Эмсворт словно бы всхлипнул.

— Я дам этот чек, Галахад. Сейчас и дам.

— Дашь?

— Вот именно.

— Прекрасно, прекрасно, прекрасно, — сказал Галли, — превосходно. Спасибо тебе, Кларенс.

Он встал. Он взглянул на часы и с радостью увидел, что до обеденного

гонга успеет забежать к Биджу. Там будет не только портвейн, но и констебль Ивенс, с которым всегда полезно и приятно потолковать.

Лорд Эмсворт в раю

{Завершим этот том самым коротким рассказом о лорде Эмсворте, написанным для суперобложки. Прибавлю все-таки, что незлобивость графа и его автора поразительна и прекрасна, многим нашим христианам хорошо бы у них поучиться. Ну, ладно, леди Констанс — леди, а Вудхауз и Эмсворт — совершеннейшие джентльмены. Но уж признать с такой легкостью, что Бакстер — тоже в раю, может далеко не каждый.}

Когда Кларенс, девятый граф Эмсвортский, окончит приятную и долгую жизнь, он, разместившись на облаке, услышит голос верного Биджа:

— Нектара, милорд? Амброзии?

— Э? А, Бидж! Здравствуйте, здравствуйте. А вот скажите, Бидж, что это у меня?

— Арфа, милорд. На ней играют.

— А? Что? Играют?

— Непременно, милорд.

— Вот как!.. Неужели все?

— Все, милорд.

— И Констанс? И Бакстер? Галахад? Сэр Грегори?

— Да, милорд.

— Удивительно! Ну, что ж, научите меня.

— Сию минуту, милорд.

Н. Трауберг
Небольшое послесловие

Романы в этом томе — все о тех же героях, два с половиной — о графе Икенхемском. Вудхауз долго хотел создать какую-то пару кроткому Эмсворту. Давно, в моем детства, одна очень хорошая женщина делила людей на важных, бойких и тихих. Важные у Вудхауза — хуже всех, а бойких и тихих он нежно любит. Когда Эмсворт стал обретать свою особую трогательность, он оставил попытки сделать бойким его (если хотите узнать, как это получалось, прочитайте рассказ в 11-м номере «Иностранной литературы» за 1995 год). Наконец, в середине 30-х годов, почти сам собой, возник рассказ «Дядя Фред посещает свои угодья». Вудхауз восхитился своим новым героем и написал другу, что ему удалось создать что-то вроде постаревшего Псмита. Но, возлагая на этот характер большие надежды, он все-таки медлил, не приходили в голову сюжеты. В 1939 году он написал «Дядю Фреда в весеннее время» — и остановился, далеко не только из-за своих несчастий, которые начались через полтора года. Наоборот: новый, еще лучший замысел явился в плену, где он и начал один из самых блестящих своих романов, «Дядя Динамит» (издан в 1948 году).

Расставаться с лордом Икенхемом ему не хотелось. Уже в Америке, один за другим, он пишет два романа о нем: «Время пить коктейли» (1958) и «Рад служить» (1961). Первый ему не удался. Даже не верится иногда, что это писал Вудхауз, — такие длинноты и скороговорки, такие неуклюжие ходы. Вернее, начал он хорошо, а потом — запутался. Поэтому мы взяли на себя смелость предложить вам только первую половину (и то с купюрами) и самый конец, а остальное — коротко пересказать.

«Галахад в Бландинге» — книга о лорде Эмсворте, одна из поздних, после нее идут только известный вам «Пеликан» и незаконченный «Закат». Романы этой поры, после 1955-го — очень неровные. Если вы заметили, «Пеликан» — гораздо слабее, скажем, «Перелетных свиней», сюжет барахлит до невозможности, однако его обрамляют дивные сцены, когда девятый граф наслаждается покоем и волей. Нравится мне и линия Ванессы; но сейчас — речь не об этом. «Галахад», может быть, не хуже «Пеликана», есть в нем куски прекрасные, есть — слабые, но он, собственно, не вписывается в сагу. Дело не в свинье, свинья — тут, но

возникает странное ощущение, что, создавая этот роман, Вудхауз другие подзабыл. Автор трактата «Уход за свиньей», который неукоснительно назывался Уиффлом, стал Уипплом. Вернулась Моника, а в «Полной луне», месяца на два раньше, был другой свинарь, без нёба. Наконец, в рассказе «Как стать хорошим дельцом» написано, что кроткий пэр приехал в Америку на свадьбу своей племянницы, и мог жить у тетки жениха, мисс Плимсол. Здесь оказывается, что Типтон Плимсол и Вероника поженились в Англии, а в Америку граф ездил на свадьбу своей сестры. Кстати, если это так, где была леди Констанс, пока шло действие «Полной луны»? В общем, многое не сходится.

Чтобы попробовать как-то во всем этом разобраться, расположим романы Вудхауза о лорде Эмсворте, исходя из последовательности событий, в них описанных:

«Что-нибудь этакое»
«Положитесь на Псмита»
«Хранитель тыквы»
«Хлопоты лорда Эмсворта»
«Лорд Эмсворт и его подружка»
«Летняя гроза» и «Задохнуться можно» — 2-я выставка Императрицы
«Дядя Фред посещает свои угодья»
«Дядя Фред в весеннее время» — перед 3-й выставкой (весна)
«Сви-и-оу-оу-эй!» — перед 3-й выставкой (лето)
«Перелетные свиньи» — 3-я выставка
«Рад служить»
«Беззаконие в Бландинге»
«Общество для Гертруды»
«Мастер своего дела»
«Полная луна»
«Как стать хорошим дельцом»
«Галахад в Бландинге»
«Пеликан в Бландинге»
«Закат в Бландинге»
«Лорд Эмсворт в раю»

Лорд Икенхем после «Рад служить»:
«Дядя Динамит»
«Время пить коктейли».

Если же расположить романы и рассказы в порядке их публикаций, то

получится следующая последовательность:

1915 — «Что-нибудь этакое»
1923 — «Положитесь на Псмита»
1924 — «Хранитель тыквы»
1926 — «Хлопоты лорда Эмсворта»
1927 — «Сви-и-оу-оу-эй!»
1928 — «Общество для Гертруды»
1928 — «Лорд Эмсворт и его подружка»
1929 — «Летняя гроза»
1931 — «Мастер своего дела»
1933 — «Задохнуться можно»
1936 — «Дядя Фред посещает свои угодья»
1939 — «Дядя Фред в весеннее время»
1947 — «Полная луна»
1948 — «Дядя Динамит»
1950 — «Как стать хорошим дельцом»
1952 — «Перелетные свиньи»
1958 — «Время пить коктейли»
1961 — «Рад служить»
1965 — «Галахад в Бландинге»
1966 — «Беззаконие в Бландинге»
1969 — «Пеликан в Бландинге»
1977 — «Закат в Бландинге» (неоконченo).

Распределить во времени все это очень трудно, а поместить в какие-то определенные годы, и даже десятилетия — невозможно (см. примечания к «Рад служить»). Заметим, что в романах 1915, 1947, 1948 годов все обстоит так, словно ни I-ой, ни II-ой мировой войны не было. А вот — мое частное чувство: когда я читаю рассказ Ванессы в «Пеликане», мне хочется думать, что ее родители, — герои романа «Что-нибудь этакое». Между изданиями прошло столько лет (1915–1969), что она могла быть их внучкой; но все остальное, а главное — лорд Эмсворт, почти не изменилось, и между событиями этих романов прошло никак не больше 15 лет (скорее — меньше).

---

notes

Примечания

1

Роли-поли пудинг — шарообразный рулет с фруктами или вареньем.

2

Сестры лорда Эмсворта — Вудхауз перечисляет то одних сестер, то других. Леди Шарлотта появляется только в таких перечислениях, леди Джорджиану он вечно забывает или заменяет Джулианой, хотя такой сестры нет, мать Ронни Фиша — леди Джулия (см. «Летнюю грозу» и «Задохнуться можно»). Мало того: в первом романе «Что-нибудь этакое» (1915) есть леди Энн, но нет леди Констанс, а в последнем, незаконченном (1975), неожиданно появляются леди Флоренс и леди Диана.

3

Барбизонцы — французские художники середины XIX века, писали ландшафты и жанровые сцены. Никакого Робишо среди них нет.

4

олень… — см. Пс. 41: 2 (в церковно-славянском переводе «елень»; в русском — «лань»: «Как лань желает к потокам воды»).

5

Боадицея (I в. до Р. Х.) — царица одного из британских племен, возглавившая неудачное восстание против римлян.

6

Кони-Айленд — место дешевых развлечений в Нью-Йоркском районе Бруклин, на океанском берегу.

7

Джеф Миллер — герой романа «Деньги в банке» (1949). Именно его ударили табакеркой; об этом упоминает виновник, лорд Аффенхем, в романе «Что-то не так». Джерри Шусмит — герой романа «Замороженные деньги» (1964). Матушка Бальзам участвует только в первой книге. Зато во второй есть знакомые нам лорд Тилбери и Перси Пилбем (см. том «Лорд Тилбери и другие»).

8

Нижинский Вацлав (1889–1950) — русский танцовщик, с 1911 г. жил за границей.

9

Сольное па *(франц.)*.

10

… *твои заплетшиеся кудри…* — «Гамлет», I, 4; пер. М. Лозинского.

11

…спи, милый, принц… — «Гамлет», V, 2.

12

Хемфри Богард (1899–1957) — американский киноактер, амплуа — «хемингуэевский герой».

13

Эдвард Робинсон (1893–1973) — тоже американский актер, похожий на небольшого носорога.

14

… пыль под твоей колесницей… — слова из стихотворения Лоуренса Хоупа (псевдоним Аделы Флоренс Николсон, 1864–1905).

15

Адвокат дьявола — участник процесса канонизации (причисления к лику святых), который излагает дурные свидетельства.

16

Гадаринская свинья — см. Мтф. 8: 28–33; Мк. 5: 1 —15; Лк. 8: 26–34.

17

… *трудящийся достоин пропитания* — Мтф. 10: 10.

18

Люций Юний Брут — речь идет не об убийце Цезаря (того звали Марком), а о консуле (509 г. до Р. Х.), которого Тит Ливии назвал «родителем римской свободы».

19

Перри Мейсон — адвокат-сыщик из детективных романов Эрла Стэнли Гарднера (1889–1970).

20

Кортес, Эрнандо (Эрнан; 1485–1547) — завоеватель Мексики. Здесь имеются в виду слова из стихов Джона Китса «По случаю чтения Гомера в переводе Чапмэна» (1816).

21

… *не всхлипом* — Вудхауз имеет в виду заключительные строки из поэмы Томаса Элиота (1888–1965) «Полые люди».

22

Апостольская преемственность — непрерывная череда священства, идущая от апостолов. Она сохранилась в православии и католичестве, а может быть — в англиканстве (об этом идут споры). Насчет Абиссинии (там — православие) споров нет.

23

Crepe suzette — сладкий блинчик *(франц.)*.

24

Хаусмен, Альфред (1859–1936) — английский поэт. Речь идет о его стихотворении из сборника «Шропширский парень». Бридон — невысокая гора в Шропшире.

25

«… *в весеннее время*» — любимая Вудхаузом отсылка к шекспировской комедии «Как вам это понравится» (V, 3). В переводе Т. Щепкиной-Куперник: «Весной, весной, милой брачной порой».

26

…*нежнейшим воздуха теплом* — слова из поэмы «Времена года» Джеймса Томсона (1700–1748).

27

На берегах Лох-Ломонда — хотя лорд Икенхем позже скажет, что эту песню сочинил Бернс, он ошибется, песня анонимная, ее приписывают леди Алисии Скотт, которая жила в XVI веке.

28

Бреммель (Браммел, трэд. — Брюммель, 1778–1840) — прославленный денди начала XIX века.

29

…костюм Фаунтлероя — черный бархатный костюмчик с кружевным воротником. Судя по иллюстрациям, его носил лорд Фаунтлерой (вернее — Фонтлерой) из одноименной повести Франсис Ходжсон Вернет (1840–1924), вышедшей в 1886 г.

30

Огонь поедающий — см. Евр. 12: 29 и соответствующие места Ветхого Завета.

31

…слова, которыми Полоний… — см. «Гамлет» 1, 3.

32

Сладость и свет — см. Примечания к т. 1.

33

Сэр Томас Липтон (1850–1931) — основатель знаменитой чайной компании, так называемой Липтонской империи.

34

Король Генрих V— см. «Генрих V», III, I.

35

Шерли Темпл (род. в 1928) — американская киноактриса, снимавшаяся с трех лет.

36

Праведник печется… — Притчи Соломоновы, 12: 10.

37

Соломон в своей славе — Мтф. 6: 29.

38

Криспиан—в день св. Криспиана, 25 октября 1415 г. произошла битва при Азенкуре, одна из решающих битв Столетней войны.

39

Положили руку на плуг — Лк. 9: 62.

40

Король Позоль — герой «Приключений короля Позоля» французского романиста Пьера Луиса (1870–1925).

41

Не вреди ближнему *(франц.)*.

42

Дитя могло бы играть с ним — перефразированная цитата из Ис. 11:6, 8.

43

Братья Чирибл — исключительно добрые персонажи романа Чарльза Диккенса «Николас Никклби».

44

Дают неведомому дом и имя — см. «Сон в летнюю ночь». V, I. Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

45

Авессалом — мятежный сын царя Давида. Погиб, запутавшись волосами в ветвях дерева (см. 2 Цар. 18: 9).

46

Homme serieu — серьезный, солидный человек *(франц.)*.

47

Филип Сидни (1554–1586) — поэт и воин. Смертельно раненный, уступил воду другому, сказав: «Ему нужнее».

48

Немного поспишь… — см. примечания к «Летней грозе».

49

«Дева из Шалотта» — поэма Альберта Теннисона (1809–1892).

50

Да-да, нет-нет. — Мтф. 5: 37.

51

О милости мы просим… — см. «Венецианский купец», IV, I.

52

Брак — битва, а не ложе из цветов — сказал это Р. Л. Стивенсон (1850–1894).

53

Гость на свадьбе (трад. — «Брачный гость») — персонаж поэмы Сэмюэла Тэйлора Кольриджа (1772–1834) «Старый мореход».

54

Жрецы Ваала — см. 3 Пар. 13.

55

Ничему не удивляйся *(лат.)*.

56

Джесси (Джеймс Кливленд) Оуэнс (1913–1980) — олимпийский чемпион по бегу в 1936, 1948 и 1952 гг.

57

Моав — умывальная чаша… — Пс, 59: 10.

58

Леопард… эфиоп — см. Иер. 13: 23 (в синодальном переводе — «барс», «ефиоплянип»).

59

Кэрри Нэйшн (Амелия Мур, 1846–1911) — американская общественная деятельница.

60

Горацио Олджер (1832–1899) — популярный американский писатель, автор романов, в которых нищий и добродетельный мальчик (т. н. «олджеровский герой») становится богачом.

61

Форель, сваренная в вине *(франц.)*.

62

В полночный час… — см. «Сон в летнюю ночь», (Там — «гордую Титаник»), II, 1.

63

Ситуэлл — дама Эдит (1887–1964), сэр Осберт (1892–1969), сэр Сэчеверел (1899–1976) — семья исключительно изысканных эссеистов и поэтов.

64

Свечу под сосудом — Мтф. 5: 15 и соответствующие места других Евангелий.

65

Псевдоним *{франц.)*.

66

«Корабль Ее Величества "Пинафор"» — оперетта сэра Уильяма Гилберта (1836–1917) и сэра Артура С. Салливспа (1842–1900).

67

На колокольне — отрывок из «Песни» А. Тсннксона, включенной в цикл «Принцесса».

68

Как иглы… — см. «Гамлет» 1, 4.

69

Кларк Гейбл (1901–1960), *Грегори Пек* (род. 1916) — американские киноактеры, тип «мужественная красота».

70

Агаг— см. 1, Цар. 15.

71

Эскалибур — меч короля Артура.

72

Клемансо, Жорж Эжен Бенжамен (1841–1929) — французский государственный деятель.

73

Идемте, лорды… — «Макбет», **III,** 4, пер. Ю. Корнеева. Слова эти произносит один из этих лордов, Росс.

74

Левый берег (Сены) *(франц.)*.

75

Дерзай, дерзай, всегда — дерзай *(франц.)*.

76

Иаиль, жена Хеверова — см. Суд 5: 24.

77

Лохинвар — романтический герой поэмы Вальтера Скотта «Мармион».

78

Этель Мэй Делл (1881–1929) — английская писательница, создавшая что-то вроде современных рыцарских романов.

79

Женщина в красном — см. Откр. 17: 4.

80

Джо Луис (Джозеф Луис Барроу, род. в 1914) — чемпион мира по боксу п тяжелом весе с 1937 по 1949 гг.

81

Эдит Лебединая шея — жена Гарольда Саксонского, искавшая его тело после битвы при Гастингсе (1066).

82

Пиппа — героиня поэмы Иоберта Браунинга «Проходит Пиппа».

83

Подняться может всяк — из поэмы А. Теннисона «Jn Memoriam A. H. H.»

84

Выше *(лат.)*.

85

Жаворонок и улитка — слова из поэмы «Проходит Пиппа».

86

«Мерзкая плоть» — роман католического писателя Ивлина Во (1903–1966). Название это он взял из Фил. 3: 21 (в синодальном переводе — «уничиженное тело»).

87

Что как ни вьются реки… — строка из стихотворения Чарльза Алджсрнона Суинбсрна (1837–1909) «Сад Прозерпины», пер. М. Донского.

88

Иуда — здесь тот апостол, которого Лука называет в Евангелии «Иудой Иаковлевым» (6: 16), а в «Деяниях» — «Иудой, (братом) Иакопа» (1: 13). У Мтф. ему соответствует «Леввей по прозванию Фаддей». Считается, что этот апостол — покровитель неудачников.

89

Строители… — Пс. 117: 22, Мтф. 21: 42.

90

Сквозь тусклое стекло — I Кор. 13: 12.

91

«Баунти» — в 1789 г. на корабле «Баунти» в Тихом океане вспыхнул мятеж. Жестокого капитана и его помощников посадили в шлюпку, и они проплыли 4000 миль. Капитаном был Уильям Блай (1754–1817).

92

Далидж — южный пригород Лондона. Вудхауз учился там в старинном колледже. (Как помните, именно там поселился мистер Пиквик.) Обычно в романах ему соответствует Вэли-Филдз.

93

Мастер— почтительное обращение к мальчику.

94

Кольцо в носу у свиньи — Сол. 17: 22.

95

Тушеная курица *(франц.)*.

96

Сэр Генри Ньюболт (1862–1938) — английский поэт-маринист. «Барабаны Дрейка» входят в его первый сборник (1897). Сэр Франсис Дрейк (1540–1596) — английский мореплаватель, сражавшийся с испанцами в 1572 и 1588 гг.

97

жаба попала под борону — отсылка к строке из Р. Киплинга: «жабе, попавшей под борону, трудно это терпеть…»

98

Джина Лоллобриджида (род. 1927) — итальянская актриса, для 50-х гг. — образец женственной красоты (мы видели ее в фильме «Фанфан-Тюльпан»).

99

Джеймс Грэм (Грэхем), маркиз Монтроз (1612–1650) — шотландский поэт и государственный деятель, сторонник Карла I.

100

«Кто нашел дворецкого…» — ср. Сол. 18: 22 (там — «жену»).

101

Буква З — Западные кварталы, лучшие в Лондоне (как ни странно, то же самое — в Москве и еще некоторых городах).

102

Пепсин — наверное, сейчас уже не помнят, что пепсин принимали для пищеварения.

103

Камбала в особом соусе, который изобрел граф Дюплесси-Морнэ (XVI в.).

104

дерево при потоках вод — Пс. 1.

105

Замена бичей на скорпионов — см. 3 Цар. 12: 11.

106

Суп по-мадридски, холодный и очень густой, вроде студня.

107

О, руки бледные… — строка из «Кашмирской песни» Лоренса Хоупа (псевдоним Аделы Флоренс Николсон (1864–1905).

108

Олень… — из «Переложений псалтыри» Николаса Брэди (1655–1726) и Ноэма Тэйта (1662–1715). Здесь — Пс. 41 (в синодальном переводе — «лань»).

109

Доринкорт — мрачный дед лорда Фаунтлероя.

110

Аспид… — скажем еще раз, что это — из Пс. 57: 5.

111

…*сошли с ума* — см. Мтф. 5: 22 (в синодальном переводе «безумец»).

112

Вустерский соус — острый соус из сои с перцем.

113

… — *моряк вернулся…* — слова из «Реквиема» Р. Л.Стивенсона (1850–1894).

114

До крайности растерян — см. «Отелло», V, 2.

115

Гарднер, Эрл Стэнли (1889–1970) — американский автор детективов.

116

Промах, дурной тон *(франц.)*.

117

Жирный парень — см. «Посмертные записки Пиквикского клуба», гл. LIV.

118

Роджет, Питер Марк (1774–1869) — английский лексикограф.